

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

V. Kh. Kondaraki

ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ
КРЫМА.

ЭТНОГРАФІЯ ТАВРИДЫ.

В. Х. КОНДАРАКИ,

ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ: РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО, МОСКОВСКАГО
ДРЕВНЕ-РУССКАГО ИСКУССТВА, ОДЕССКАГО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ И ДР.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА.

Типографія В. В. Чичерина, Моховая, домъ Карзинкина, № 26.

1883

DK511

C7K5756

t. 2

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Іудеи.

До настоящаго времени никто изъ описывавшихъ Таврической полуостровъ съ его обитателями не упомянулъ объ іудеяхъ, которые проникли въ эту страну гораздо раньше Р. Хр. Молчаніе это навѣрное убѣдило бы послѣдующія за нами поколѣнія, что народъ этотъ не доходилъ до Тавриды, еслибъ мы не наслѣдовали кое-какихъ свѣдѣній изъ жизнеописанія первыхъ іерарховъ, епископствовавшихъ въ Херсонесѣ, и надписей на каменныхъ плитахъ, найденныхъ въ Керчи. По первымъ мы узнаемъ, что іудеи самарянскаго племени издавна обитали въ Херсонесѣ и пользовались такими правами въ религіозномъ отношеніи, что самопроизвольно предавали мученической смерти такихъ святителей, какъ Василій, Евгеній, Елпидій и Агаѳеодоръ. По четь-минеи они среди бѣлаго дня влачили епископовъ этихъ по городскимъ улицамъ, *поражая ихъ каменями и дресоліемъ*, и никто изъ властей не считалъ себя вправѣ заступиться за невинныхъ, изъ боязни оскорбить ихъ права. Это доказывало, что іудеи пользовались въ Херсонесѣ громаднымъ значеніемъ и дѣйствовали по своей прихоти въ случаяхъ, относящихся до вновь вводимой религіи, лицами, проповѣдующими ее на еврейскомъ языкѣ. Надо полагать, что епископы эти всегѣ болѣе старались дѣйствовать на нихъ въ предположеніи оказать предварительно услугу своимъ единоплеменникамъ и такимъ образомъ заставляли мѣстное правительство отстраняться отъ вѣншаательства въ ихъ религіозныя дѣла.

Кромѣ сказаннаго, мы имѣемъ подъ рукою списокъ изъ московской синодальной бібліотеки о св. мучени-

кахъ херсонскихъ *), гдѣ сказано слѣдующее: когда число вѣрующихъ стало умножаться, то завистникъ добра диаволь вооружилъ противъ нихъ (епископовъ) іудеевъ и язычниковъ, которые, связавъ *красныя ноги* благовѣстниковъ, повлекли ихъ по землѣ и побивая ихъ въ это время камнями и палками, умертвили. И, о жестокость! выбросили тѣла ихъ за городъ на съѣдѣніе псамъ и птицамъ...

Но самыя дѣйствительныя свѣдѣнія о жительствѣ въ Тавридѣ іудеевъ до Р. Хр. намъ представляютъ двѣ надписи на мраморныхъ обломкахъ, найденныя въ Керчи, изъ которыхъ первая слѣдующаго содержанія:

„Я Христа отпускаю на волю въ синагогѣ воспитанника моего Геракла навсегда (затѣмъ добавлено), но онъ обязанъ присутствовать въ синагогѣ для поклоненія Богу. Периклидъ и Геликоніадъ, мои наслѣдники, согласились, а еврейская синагога дозволила это.

На второй, хранящейся по настоящее время въ Θεοδосίϊскомъ музеумѣ, ясно можно прочитать:

ΚΑΙ ΤΗΣ ΣΥΝΑΓΩΓΗΣ ΤΟΝ ΙΟΥΔΑΙΟΝ.

Кромѣ этого мы имѣемъ надгробный камень, выкопанный нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ дер. Парѣнитѣ, изображеніе котораго нами приложено при городѣ Θεοδоро. На памятникѣ этомъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ евреевъ, къ которымъ я обращался съ снимкомъ надписи, начертанъ 5376 годъ и имя какого-то Авраама.

Обратимся теперь къ разясненію этихъ надписей: первая свидѣтельствуетъ, что какая-то Христа, безъ сомнѣнія, исповѣдывавшая іудейскую религію, отпускаетъ на волю Геракла, своего воспитанника, и что наслѣдники ея, Периклидъ и Геликоніадъ, изъявили на это согласіе. Изъ всѣхъ приведенныхъ здѣсь именъ можно вывести предположеніе, что или іудеи эти именовались греческими именами, или нѣкоторые греки исповѣдывали іудейскую религію. Замѣчательно также, что надписи эти сдѣланы греческими буквами и на греческомъ языкѣ. Можно допустить, что евреи забыли свой національный

*) См. VII т. Зап. Одеск. общ. Ист. и древностей, стр. 126.

языкъ, подобно единовѣрцамъ своимъ въ Египтѣ при Птоломеяхъ *).

По общему убѣжденію всѣхъ археологовъ, надписи эти принадлежатъ цѣлому столѣтію раньше христіанской эры; что же касается надгробной плиты, хранящейся въ дер. Партенитѣ, то она по надписи своей доказываетъ, что поставлена приблизительно за 132 года до Р. Хр.

Все это вмѣстѣ взятое несомнѣнно доказываетъ, что четырьмя нашими въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказываютъ важную услугу для этнографа и что іудеи обитали въ Тавридѣ, по крайней мѣрѣ за два столѣтія до Р. Хр.; съ противнымъ случаѣмъ они не могли бы усвоить греческую грамоту или заставить грека принять ихъ религію. Читатель нашъ всего вѣрнѣе опредѣлитъ явленіе евреевъ въ Тавриду по документамъ, приведеннымъ нами въ разсказѣ о караимахъ; намъ же предстоитъ добавить къ сказанному, что племя это издавна вступило въ описываемый нами полуостровъ черезъ Кавказъ; что оно и тогда предано было торговлѣ и разошлось по всѣмъ промышленнымъ городамъ этой страны, заслужило общее вниманіе и, вѣроятно, успѣло бы обратить всѣхъ идолопоклонниковъ въ свою вѣру, еслибъ не подоспѣли проповѣдники Евангелія и еслибъ религія ихъ не представляла несообразныхъ потребностей или такихъ обязанностей, къ которымъ вовсе не былъ подготовленъ свободный и разумный грекъ, привыкшій, чтобы религія доставляла ему пріятное развлеченіе или поэтично-философскія основанія для логики.

Присутствіе евреевъ въ Тавридѣ до Р. Хр. во-первыхъ свидѣтельствуетъ, что народъ этотъ издревле способенъ былъ къ переселенію изъ отечества и умѣлъ уживаться съ различными народами и, наконецъ, что не всѣ они причастны въ осужденіи Иисуса Христа къ распятію.

Опредѣливъ, что они имѣли свои синагоги въ Керчи, мы въ настоящее время вправѣ вѣрить, что таковыя

---

*) Обстоятельство это заставило ихъ даже сдѣлать переводъ Ветхаго Завета на греческій языкъ.

были не только въ Херсонесѣ, но и въ другихъ коммерческихъ городахъ полуострова. Предположеніе наше отчасти оправдывается существованіемъ въ Θεодосіи синагоги, которой насчитываютъ много столѣтій и утверждаютъ, что она первоначально построена была іудеями. Открытіе еврейскаго надгробнаго памятника въ Партепитѣ для насъ важно въ томъ отношеніи, что отчасти свидѣтельствуетъ, что мѣстечко это вѣкогда заманивало людей, заинтересованныхъ торговлею, и что они свободны были сооружать себѣ всякаго рода памятники или проще, пользовались одинаковыми правами съ господствующимъ народомъ.

Всего труднѣе намъ опредѣлить, куда дѣвалось впоследствии іудейское племя изъ Тавриды. Выселилось-ли оно въ другія страны или, соединившись съ частицею хазарь, принявшихъ ихъ религію, вошло внутрь полуострова? Намъ извѣстно только, что евреймъ удалось въ Крыму въ VIII столѣтіи обратить въ іудейство частицу господствовавшихъ въ это время хазарь, которые явились впоследствии подъ названіемъ караимовъ и по настоящее время тщетно хлопчатъ доказать происхожденіе свое отъ іудеевъ, въ сущности навязавшихъ имъ только свою религію.

К а р а и м ы *).

Небольшое число караимовъ, образовавшихся подъ этимъ именемъ въ Тавридѣ и извѣстныхъ крымскимъ татарамъ подъ названіемъ *зиллибсисъ-чубутовъ* (т. е. безпейсиковыхъ жидовъ), какъ-то невольно останавливаютъ вниманіе любителей этнографіи. И въ самомъ дѣлѣ, что это за племя, откуда и когда оно явилось въ эту страну? По блеску и очеркамъ глазъ, оно пожалуй принадлежитъ къ племенамъ Израиля, но по физическимъ силамъ, тѣлосложенію, характеристическимъ свойствамъ и всѣмъ вообще проявленіямъ, которыя могутъ служить отличі-

---

*) Послѣ Крым. войны караимовъ считалось въ Крыму: въ Евпаторіи 1329 муж. п. и 1352 жен. п., въ Симферополѣ 222 — 214, Бахчисараѣ 229 — 283, Севастополѣ 79 — 83, Θεодосіи, Керчи, Перекопѣ и Армянскѣ 200 муж. и 229 жен.

емъ одного народа отъ другаго — оно совершенно противоположно. Караимы народъ бодрый, серьезный, честный, справедливый, веселый, миролюбивый, чистоплотный, разумный, строгій въ мелочахъ даже и чрезвычайно преданный своему семейству. Всѣхъ этихъ качествъ нельзя найти въ евреяхъ и, слѣдовательно, было бы странно, основываясь на однорелигіозности, допускать, что караимы суть потомки Симона, Дана и другихъ колѣнъ Израильскихъ, вышедшихъ изъ перваго Іерусалима для освобожденія Рувима и Гада, осажденныхъ въ Самаріи и поселенныхъ отчасти въ городахъ Мидіи за 545 лѣтъ до Р. Хр., гдѣ, проживъ около 224 лѣтъ, они были переселены персидскимъ царемъ Камбизомъ въ Крымъ и поселились въ городахъ: Херсонесѣ, Солхатѣ и Онхатѣ *), Чуфутъ-кале, Сеферадѣ **) и т. д. Предположенія эти, еслибъ они были-бы и совершенно справедливы, то во всякомъ случаѣ не имѣютъ отношенія къ караимамъ, а относятся къ іудейскому племени. Однако для удовлетворенія любознательности читателя, приведемъ содержаніе того пергамента, найденнаго раввиномъ Беймомъ въ Маджелисѣ, близъ Дербента, который послужилъ поводомъ всѣмъ почти караимамъ думать о происхожденіи своемъ отъ евреевъ. Въ документѣ написано: „Камбизъ обратилъ на нихъ милость за то, что они вооружились на брань вмѣстѣ съ народомъ Мидійскимъ, чтобы сражаться съ царицею Тальмирею ради отмщенія за кровь его отца, и когда они одолѣли ея воиновъ, схватили царицу живую и представили Камбизу, царю своему, который, умертвивъ ее, овладѣлъ ея землею; они же выпросили эту землю у него, и далъ онъ имъ ее во владѣніе, опредѣливъ начальниковъ. Потомъ израильтяне и мидійцы, возвратившись съ войны, забрали своихъ женъ и дѣтей, имущество и поселились въ Херсонесѣ, гдѣ отецъ Камбиза оставилъ по себѣ славу и память, а также въ Солхатѣ, Онхатѣ. И такъ какъ устроили сии земли послѣ разоренія, то и наименовали Крымомъ. Равно поселились въ Іудейской крѣпости,

*) Солхатомъ назывался старій Крымъ, въ переводѣ съ хазарскаго означало лѣвый скатъ. Онхатъ означаетъ: правый скатъ.

**) Такъ названа Керчь.

которую укрѣнили, и въ г. Сеферадѣ, надъ моремъ Шиттимъ (т. е. Азовскимъ). Они наши собратья іудейскія, племя Іерусалимское, уведенное въ плѣнь Титомъ...“

Если, дѣйствительно, подобный документъ найденъ, то въ немъ не подвергается сомнѣнію то, что въ Херсонесѣ перешло на жительство большее число Самарянъ, которые, какъ видно изъ житія первыхъ семи іерарховъ, епископствовавшихъ въ этомъ городѣ, были могущественны, все же остальное навѣрно выдуманно человѣкомъ, до свѣдѣнія котораго дошли слухи о пребываніи въ Солхатѣ, Чуфутъ-кале и Сеферадѣ людей, исповѣдующихъ іудейскую религію.

Изъ другой рукописи, найденной Беймомъ въ Чуфутъ-кальской синагогѣ въ 1840 г. и опубликованной имъ, можно замѣтить только то, что она передана въ Солхатѣ обществу хазаровъ, безъ сомнѣнія, принявшихъ еврейскій законъ. Изъ этого документа, очень важнаго и неподлежащаго сомнѣію, мы въ правѣ сдѣлать слѣдующаго рода заключеніе:

а) Что караимы не принадлежали никогда къ племенамъ іудейскихъ колѣнъ и б) что они образовались въ Тавридѣ подъ этимъ названіемъ только потому, что рѣшились принять еврейскую религію, извѣстную у хазаровъ подъ именемъ *Кара-иманъ*, вслѣдствіе чего и получили названіе Кара-имовъ или людей, исповѣдующихъ черную вѣру. Естественно, что сказанное нами требуетъ подтвержденія. По многимъ историческимъ документамъ намъ извѣстно, что въ 8-мъ столѣтіи часть хазаровъ, обитавшихъ въ Крыму, приняли іудейскую вѣру, а остальные, благодаря усердію папъ: Иннокентія IV, Николая II и Іоанна XXII, христіанскую религію. Затѣмъ слѣдуетъ вопросъ: куда дѣвались эти первые, если только они сохранили вновь принятый законъ?

По безпристрастному убѣжденію нашему, секта караимовъ произошла въ Тавридѣ слѣдующимъ образомъ: обитавшіе въ Херсонесѣ самаряне, пользуясь своимъ вліяніемъ на торговый классъ хазарскаго народа, сумѣли заинтересовать ихъ своими вѣрованіями и подъ конецъ обратили ихъ въ религію отцовъ своихъ, но такъ какъ эти прозелиты стали съ этого времени ненавистны

для соплеменниковъ, то по-неволѣ должны были занять подъ поселенія свои отдѣльныя отъ нихъ мѣстности и основываться на такихъ малодоступныхъ высотахъ, какъ напр. Мангупъ, Чуфутъ-кале, которыя представляли много искусственныхъ пещеръ для жилища и обнесены были башнями и крѣпостными стѣнами. Силлогизмъ этотъ подтверждается тѣмъ, что только въ Мангупѣ и Чуфутъ-кале существуютъ самыя древнѣйшіе надгробные памятники этой націи, изъ которыхъ, впрочемъ, нѣтъ ни одного раньше XII столѣтія. Что-же касается вопросовъ: почему мы думаемъ, что караимы хазарскаго происхожденія и отчего они сохранили въ очеркѣ глазъ замѣчательную сходственность съ израильтянами — это объясняется слѣдующимъ образомъ:

Всѣмъ извѣстно, что караимы, со времени образованія ихъ, до настоящаго времени жили вкупѣ и не испытывали никакого рода гоненій, вслѣдствіе чего могли бы забыть свой національный языкъ, еслибъ имѣли его. Это доказали въ особенности іудейскія племена въ Европѣ, гдѣ ихъ жгли и тиранили на всевозможныя манеры, но не смотря на все это, они продолжали хранить свято не только языкъ отцовъ, но даже и наряды, обличающіе ихъ національность. Послѣ этого спрашивается: что могло заставить караимовъ израильскаго происхожденія, живущихъ отдѣльнымъ обществомъ, забыть свой языкъ, необходимый для пониманія религіи — и изучить татарскій? Не ясно ли, что караимы были хазары, говорящіе этимъ языкомъ. оказавшіеся неспособными или неимѣвшими возможности изучить еврейскій языкъ? Относительно свойства глазъ, мы допускаемъ, что первые изъ этихъ прозелитовъ, лишеныя возможности вступать въ брачный союзъ съ соотечественницами, отвергнувшими ихъ, по необходимости женились на тѣхъ самарянкахъ, которыя владѣли ихъ языкомъ и рѣшились послѣдовать за ними въ близъ-лежащіе отъ Херсонеса Мангупъ и Чуфутъ-кале. Такимъ образомъ могла быть унаслѣдована въ поколѣніяхъ этой націи та сходственность глазъ, о которой мы говорили. Если ко всему этому мы добавимъ, что народъ этотъ вышелъ только изъ Тавриды, что онъ не имѣлъ своей грамоты, а употребляетъ еврей-

скую азбуку для выраженія татарскихъ словъ и что не сохранилъ никакихъ преданій, пѣсень или чего-нибудь напоминающаго о совмѣстномъ даже жительствѣ съ израильтянами, то очень натурально, что онъ происходить отъ такой невѣжественной націи, какими являлись хазары, обитавшіе въ Крыму въ VII вѣкѣ по Р. Х.

Для болѣе яснаго убѣжденія читателя въ происхожденіи караимовъ отъ татарскаго племени, которые, какъ доказано, не легко перенимаютъ привычки европейцевъ, обратимъ вниманіе на ихъ современный бытъ и вообще образъ жизни въ массахъ цивилизованныхъ народовъ.

Караимъ.

Караимы съ тѣхъ поръ, какъ присоединенъ къ Россіи Крымскій полуостровъ, пользуются чрезвычайно важными льготами, дарованными нашимъ правительствомъ съ единственною цѣлью приблизить ихъ и заставить чувствовать благодарность и охоту слиянія; но что вышло на дѣлѣ? Народъ этотъ вездѣ, гдѣ онъ обитаетъ, составляетъ плотную общину, подчиненную строгому контролю собранія всѣхъ членовъ общины и считаетъ неприличнымъ вводить въ свою жизнь даже самыя лучшія

привычки передовыхъ націй, они съ какимъ-то неудовольствіемъ принимаютъ у себя русскаго гостя, не обѣщавшаго принести имъ очевидной выгоды, ни за что не примутъ въ товарищество или услуги христіанина и всего замѣчательнѣе, что на Россію смотрятъ, какъ страну, гдѣ должно наживаться, но не имѣть ничего общаго съ ея народами. Читатель, можетъ быть, не повѣритъ, если я скажу, что этотъ блаженствующій у насъ народъ постоянно обращаетъ свои помыслы къ странѣ, которая будто-бы была исконнымъ ихъ отечествомъ, молить Бога объ избавленіи его изъ плѣненія (галуть) и возвращеніи въ страну отцовъ; а между тѣмъ чрезвычайно любятъ татаръ, сходятся съ ними въ убѣжденіяхъ, торговыхъ сдѣлкахъ, поютъ ихъ пѣсни и повторяютъ ихъ преданія и сказки съ такимъ воодушевленіемъ, какъ бы они вымыслены были ихъ дѣдами.

Теперь всмотритесь въ ихъ домашній бытъ: караимы, сколько бы ихъ ни было въ одномъ городѣ, стараются помѣститься въ сосѣдствѣ, чтобы прислуживаться другъ другу, не прибѣгая къ стороннимъ націямъ. Женамъ и дочерямъ своимъ они воспрещаютъ бесѣдовать съ чужими мужчинами и вообще вести общественную жизнь, неохотно дозволяютъ имъ грамотность—словомъ, буквально подражаютъ во всемъ татарскимъ привычкамъ и положительно требуютъ отъ семьи рабскаго повиновенія и исполненіе всѣхъ домашнихъ работъ. Караимъ, подобно татарину, смотритъ на жену, какъ на предметъ, доставляющій наслажденіе его прихотямъ, на дочь—какъ на чужое достояніе, а на сына, какъ работника, которому можно довѣрять свои дѣла, а самому кейфировать. Всѣ они преданы легкаго рода ремесламъ, торговлѣ и садоводству, т. е. всѣмъ тѣмъ занятіямъ, которыя были сподручны имъ во время отдѣленія отъ хазаровъ и поселенія на такихъ возвышенностяхъ, какъ Мангупъ и Чуфуть-кале. По разсказамъ туземныхъ стариковъ и кое-чего памятнаго намъ съ дѣтства, караимы обитая на этихъ высотахъ, преимущественно занимались отдѣлкою кожъ и окрашиваніемъ сафьяновъ; дѣлали шнурки, скушали фрукты, приготовляли вино, а остальные торговали мелочами подъ названіемъ *лймаджисъвъ*

(корабейниковъ), которыя развозили по деревнямъ, вымѣнивая на предметы, необходимые для ихъ жизни. Всѣмъ этимъ промышляютъ многіе и изъ татаръ до настоящаго времени въ Бахчисараѣ и Карасубазарѣ. Обратимъ теперь вниманіе на ихъ пищу и образъ приготовленія. Народъ этотъ до крайности ведетъ жизнь воздержанную и до того во всѣхъ мелочахъ хозяйства своего напоминаетъ татаръ съ ихъ неизмѣнными привычками, посудой, мебелировкой комнатъ, одеждою и образомъ приготовленія пищи, что даже вѣрящій въ ихъ происхожденіе отъ евреевъ, при изученіи всего этого, невольно начнетъ сомнѣваться въ ихъ національности или пожалуй приметъ ихъ за народъ, обитавшій въ однихъ поселеніяхъ съ татарами, тогда какъ въ сущности они ограждались отъ нихъ не легко доступными скалами, стѣнами и желѣзными воротами. Нищихъ между ними не встрѣчается почти *).

*) Единодушіе, честность и взаимное участие въ этомъ народѣ отлично выражается отчетомъ Евпаторійскаго кагала попеченія о бѣдныхъ, приложеннаго къ 45 номеру „Таврида“ за 1881 годъ вотъ содержаніе его:

	РУБ.	КОП.	РУБ.	КОП.
Въ теченіи 1880 года уплачено за ученіе дѣтей бѣдныхъ родителей	350	—	—	—
На содержаніе дѣвичьяго ремесленнаго училища (въ которомъ 60 дѣвочекъ)	952	20	—	—
Доктору за леченіе бѣдныхъ, за 315 визитовъ	157	50	—	—
Уплачено за уголь и дрова для бѣдныхъ.	400	11	—	—
За медикаменты въ городскую больницу за 1174 рецепта	205	45	—	—
Уплачено въ аптеку за лекарства	27	80	—	—
Выдано на погребеніе бѣдныхъ.	7	71	—	—
Употреблено на отпавку больныхъ въ Симферополь	10	—	—	—
За леченіе больныхъ въ городской больницу	60	—	—	—
Выдано пособія бѣднымъ 100 семействамъ	1108	26	—	—
Уплачено за муку, разланную бѣднымъ	227	50	—	—
Расхода по содержанію правленія.	122	33	3628	87

Затѣмъ осталось къ 1881 году:

Наличными деньгами	496	55	—	—
Подъ залогъ земли	10000	—	—	—
Документами съ тремя подинсами	5050	—	—	—
Въ мелкихъ долгахъ	403	22	—	—
Два билета 5% съ выигрышами займа	309	40	16259	17
Въ томъ числѣ основнаго капитала 16222 р. 32 коп.				

Всего . . . . . — „ — „ 19888 „ 4 „

Обратимъ теперь вниманіе на различные толки караимовъ относительно своего происхожденія:

Караимъ раби Мордохай, основываясь на сказаніи Елифанія противъ невѣрующихъ (отд. 14) „что между евреями существуетъ секта, происхожденіе которой не относится къ Садукею, но которая образовалась особо и прозвала себя „цадыкимъ“, въ знакъ своей праведности,—выводить, что секта эта въ послѣдствіи приняла названіе Караимовъ. Абрамъ Фирковичъ въ своемъ сочиненіи „Хосомъ Тохнисъ и Гамивхоръ“, напечатанномъ въ 1834 году, говоритъ, что Исусъ былъ благочестивъ и праведенъ (хосыдъ и цадыхъ) направлялъ евреевъ на путь истины и принадлежалъ къ сектѣ караимовъ, за что и пострадалъ отъ фарисеевъ... Наши братья христіане не проливали караимской крови и не изгоняли ихъ изъ своего отечества, а покровительствовали имъ по тому уваженію, что они не причастны въ пролитіи фарисеями крови того, кто отвращалъ ихъ отъ худыхъ дѣяній и не признавалъ изустныхъ ихъ преданій. Изъ караимской книги „Додъ Мордохай“ вы уже находите, что образованіе секты караимовъ относится ко временамъ Анона, существовавшего не въ глубокой древности. По другимъ источникамъ, какъ наприм.: Игересъ-Кирье-Немовъ и Ешколь-Гакоферъ, слѣдуетъ иначе думать. Изъ всего этого можно заключить, что ни евреи, ни сами караимы положительно ничего не знаютъ о происхожденіи послѣднихъ и напрасно роются въ своихъ письменахъ, предполагая, что слово караимъ происходитъ или отъ одной изъ древнѣйшихъ сектъ *креіе*, или отъ слова *кромлз*, не имѣющаго яснаго значенія *), но присвоеннаго талмудомъ тремъ извѣстнымъ ученымъ: Ра-ву, Шмуелю и раби Йохонну за то, что будто они глубоко проникли въ смыслъ св. писанія. Слѣдовательно, если это слово и принято въ смыслѣ *слѣдующіе св. писанію*, то во всякомъ случаѣ оно не можетъ относиться къ караймамъ, секта которыхъ образовалась много вѣковъ спустя и о которой, вѣроятно, не очень давно узнали евреи; что же касается того, почему караимы не

*) Оно означаетъ въ переводѣ нѣсколько стиховъ, кусковъ или доскутовъ.

признали учения Талмуда, это ясно объясняется тѣмъ, что они приняли еврейскій законъ отъ израильтянъ, вышедшихъ изъ Палестины гораздо раньше составленія Талмуда, а впоследствии уже, когда талмудисты проникли къ нимъ, они отказались слѣдовать ихъ толкованіямъ, которыхъ, по незнанію еврейскаго языка, не могли понять и, вѣроятно, причислили къ произвольнымъ нововведеніямъ, хотя въ сущности для устарѣвшей іудейской вѣры необходимы были талмудическія правила, чтобы дать возможность человѣку жить съ другими націями и не казнить его за ничтожныя преступленія *).

Караимка.

Все приведенное нами удостовѣряетъ, что караимы долгое время послѣ принятія іудейской вѣры оставались въ томъ же невѣжественномъ состояніи, въ какомъ находятся и теперешніе ихъ старики: проще, они, какъ татары, не могли сообразить о значеніи лѣтописи и никто изъ нихъ не записывалъ преданій, наслѣдованныхъ

*) Впрочемъ нѣкоторые изъ караимовъ, обитавшихъ въ Карасубазарѣ, приняли Талмудъ, вслѣдствіе чего для отличія названы *залимъ чифутами* т. е. *сейсовыми жидами*.

отъ отцовъ; что же касается іерусалимскихъ евреевъ, то они не могли знать больше ничего, кромѣ дошедшаго до ихъ слуха, что обратитель хозаръ въ іудейство былъ Гассангадъ, а имя его было Исаакъ (Ицхохъ) или Іегуда; имъ навѣрно не могло быть извѣстно и то названіе, которое присвоено было новообращеннымъ соотечественниками ихъ Самарянами Херсонеса.

Еще одною отличительною чертою караимовъ отъ евреевъ служитъ то, что женщины ихъ по древне-татарскому обычаю носятъ на вискахъ два небольшихъ локна, именуемыхъ мусульманами *зеллибами* и до настоящаго времени предпочитаютъ всѣмъ другимъ нарядамъ татарскій фесъ и червонцы на шеѣ — и всѣ они безъ исключенія твердо провозносятъ букву Р, чѣмъ не могутъ похвалиться израильтяне.

Въ заключеніе мы обязаны познакомить читателя нашего съ религіозными убѣжденіями караимовъ, которые въ исторіи іудейской вѣры составляютъ такое же явленіе, какъ въ христіанской церкви, пріемъ православія нѣмцами, англичанами и другими націями, но съ тѣмъ исключеніемъ, что эти послѣдніе, какъ просвѣщенные народы, имѣя свою грамоту, перевели принятое ученіе на свой національный языкъ и сознательно отправляютъ богослуженіе, а караимы до настоящаго времени призываютъ имя Бога на языкѣ, совершенно непонятномъ и малосвойственномъ ихъ натурѣ; между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ и именно считавшійся ученымъ Абрамъ Фирковичъ рѣшился печатно высказать твердую увѣренность, что со временемъ всѣ народы сознаютъ превосходство ученія караимовъ, которое требуетъ какъ извѣстно, „глазъ за глазъ, запрещаетъ въ изгнаніи ѣду мяснаго, осуждаетъ къ смерти за соитіе въ субботу, запрещаетъ ѣсть мясо тѣмъ, которые не признаютъ въ убитыхъ животныхъ души и отвергають ихъ будущую жизнь“.

Подобная выходка могла бы быть извинительна такой еще націи, которая зарекомендовала бы себя самостоятельностью на духовномъ поприщѣ, но не такой, которая упорно отвергаетъ талмудъ, а буквально исповѣ-

дуетъ талмудическія постановленія, разбросанныя по разнымъ ихъ книгамъ, какъ напр. Сабель Гайруше, Сыфрей Гамшцовъ и т. п. Для лучшаго же подтвержденія, что они всегда буквально слѣдуютъ св. писанію, каримъ, авторъ книги Тирасъ Кесефъ, самъ говоритъ: „все, что нашими учеными сокращено, разъяснено въ „Мышне“, тѣ и другія есть слова Божія. Фирковичъ на книгу „Сыфры“ опирается, какъ на предметъ непоколебимый, а эта книга относится къ „Мышне“ и талмуду. При этомъ онъ добавляетъ (коммент. на Гамивхоръ) „что

Караймская дѣвочка.

во всѣхъ случаяхъ, гдѣ мнѣнія караймовъ тождественны съ мнѣніемъ талмудистовъ, тамъ караймскіе ученые въ своихъ сочиненіяхъ не распространяются, потому что талмудисты предупредили разъясненіемъ въ талмудѣ“. Сверхъ этого книга Маймонида „Ядъ Гахзоко“, по словамъ г. Левензона *), которымъ мы руководились отчасти, служить для караймовъ сводомъ религіозныхъ постановленій, собранныхъ изъ „Мышне“, вавилонскаго и іерусалимскаго талмудовъ Сыфро, Сыфры и проч.

*) Автора „Тааръ Гасофетъ“.

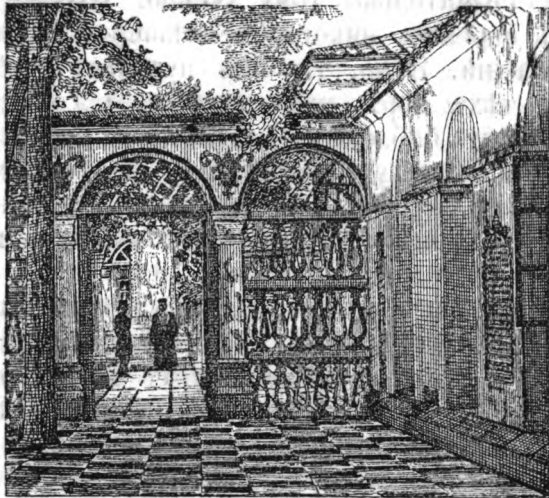
Тринадцать правилъ, по которымъ ученіе (Торе) разъясняется, караимскими учеными также приняты. Самъ Фирковичъ сознается, что караимское ученіе основано на трехъ предметахъ: на св. писаніи, примѣненіи тринадцати правилъ и изустномъ преданіи; авторъ же „Доль Мордохая“ *) положительно говоритъ, что ихъ караимскіе ученые позаимствовали много законоположеній изъ „Мышне“.

Послѣ всего этого возможно ли допустить, что караимы основали свою религію на твердыхъ началахъ и держатся сознательно тому ученію, которое навязано было имъ евреями, никогда неимѣвшими съ нами близкихъ сношеній. Ясно, что они путались и будутъ путаться до тѣхъ поръ, пока не освятятся просвѣщеніемъ и не примѣнять библейскихъ правилъ къ правиламъ болѣе приличнымъ къ духу времени, или съ полнымъ безпристрастіемъ не изучать Евангельскихъ истинъ, противъ которыхъ такъ невѣжественно возстаютъ, съ цѣлью восхвалить свою религію, которая есть плодъ младенчества народа, не примѣнима къ цивилизаціи и современнымъ наклонностямъ человѣка и которая несообразностию требованій препятствуетъ этой горсти прозелитовъ примыкнуть къ какой-либо исторической націи и слѣдовать европейскому движенію впередъ.

Перейдемъ теперь къ памятникамъ этой крошечной секты и посмотримъ, что они могли сдѣлать для сохраненія своего имени въ странѣ, гдѣ образовались. Раньше мы сказали, что караимы вынуждены были поселиться на такихъ мѣстахъ, которыя естественнымъ и искусственнымъ образомъ защищены были противъ обитателей степей, нападавшихъ на тѣхъ, кто не принадлежалъ къ ихъ семьѣ. Притомъ мѣста эти не представляли готовыхъ жилищъ и находились въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Мангупомъ; равно ничего нельзя найти такого, которое свидѣтельствовало бы, что обитавшіе въ ней евреи происходили отъ исторически-развитой іудейской націи; въ противномъ случаѣ здѣсь явились бы надробные памятники гораздо раньше XIII столѣтія, безсомнѣнно, эпохи,

*) См. лист. 9 стр. 2.

когда караимы ближе познакомились съ обычаями іерусалимскихъ собратій по религіи и начали подражать имъ. Такимъ образомъ Мангушь сохранилъ только нѣсколько сотенъ двурогихъ камней простой отдѣлки съ надписями, свидѣтельствующими о мѣстѣ погребенія здѣсь караимовъ; но и эти надписи не долговѣчны, потому что сдѣланы на мягкомъ известнякѣ, легко уступающемъ влажнѣю воздуха.

Евпаторійская Караимская синагога.

На Чуфутъ-кале караимы сдѣлали гораздо больше. Во-первыхъ они здѣсь построили синагоги и прочныя дома, поддержали на много столѣтій остатки древнихъ башенъ и крѣпостныхъ стѣнъ и открыли кладбище въ такомъ порядкѣ, что оно свидѣлствуетъ о ихъ самообразованіи при безпрестанномъ столкновеніи съ генуэзцами и другими торговыми народами, которые со всѣхъ почти странъ тогдашняго міра стекались въ Кафу, Старый Крымъ и Керчь.

По мнѣнію нашему, Чуфутъ-кальская возвышенность

переполнилась караимами съ того времени, когда въ сосѣдственный Бахчисарай перенесена была столица Крымскихъ хановъ и отсюда уже они начали переходить въ Карасубазаръ и Евпаторію, неперестающіе во все время татарскаго господства быть лучшими городами въ торговомъ отношеніи. Караимы въ Карасубазарѣ не сдѣлали ничего въ память своего пребыванія въ минувшихъ вѣкахъ, но въ Феодосіи существуетъ синагога, которая, повидимому, построена была ихъ просвѣтителями—израильтянами, въ послѣдствіи перешедшая къ нимъ. Въ Евпаторіи караимы воздвигли образцовый молитвенный домъ въ азиатскомъ вкусѣ и кромѣ этого воздвигли на свои средства два памятника: одинъ на посѣщеніе Александра I ихъ синагоги, а другой надъ прахомъ павшихъ воиновъ подъ Евпаторією въ послѣднюю турецкую компанію.

Что караимы были татарскаго происхожденія и говорили ихъ языкомъ, это доказывается чрезвычайно дружными отношеніями ихъ между собою со времени вступленія татаръ въ Тавриду, между тѣмъ намъ положительно извѣстно, что мусульмане болѣе всѣхъ націй презираютъ іудейскія племена и до настоящаго времени не вступаютъ съ ними ни въ какія дѣла. Презрѣніе это завѣщено имъ Магометомъ и, вѣроятно, тогда только ослабнетъ, когда преданъ будетъ забвенію Коранъ. А такъ какъ татары собственно презираютъ не вѣру іудейскую, а только евреевъ за то, что будто они истребили всѣхъ пророковъ и посланниковъ Божіихъ, то естественно въ сознаніи, что караимы не были причастны къ этимъ злодѣяніямъ, и притомъ встрѣтивъ въ нихъ людей съ одинаковыми понятіями и убѣжденіями, не только сблизились, но даже представили имъ сборы податей, управленіе монетными дворами, освобожденіе отъ налоговъ и т. д. *).

Въ татарское господство въ Крыму, караимы, познакомившись съ турками и наслышавшись о богатствѣ ихъ

---

*) Селяметъ гирей выдалъ Караимамъ ярлыкъ въ 1017 (1608) году, освобождая ихъ отъ разнаго рода податей и повинностей, а Кале-бею и его чиновникамъ воспретилъ всякія притѣсненія. Султанъ Османъ II выдалъ фирманъ потомкамъ Еврейки Гирь въ такомъ же родѣ. (См. зап. общ. ист. и древн. т. I стр. 639).

отечества, начали переселяться въ Константинополь; затѣмъ когда Таврида была присоединена къ Россіи и когда открытъ былъ въ Одессѣ порто-франко, Чуфутъ-кале, не смотря, на то, что караимы эту мѣстность считали священнѣйшею послѣ іерусалима, окончательно покинули.

Въ наше время всѣхъ караимовъ насчитываютъ въ Крыму около 8 т., но при взятіи этой страны, въ ней находилось не болѣе 2500 душъ. Изъ этого легко заключить, что народъ этотъ первоначально былъ малочисленъ, а теперь составляетъ въ мірѣ секту приблизительно въ 25 т. человекъ. Самое большое число ихъ въ Тавридѣ проживаетъ въ Евпаторіи и къ прискорбію нашему, исключительно заправляетъ торговлею этого города; затѣмъ въ Симферополѣ и во всѣхъ остальныхъ городахъ полуострова. Они закупаютъ хлѣбное зерно, шерсть, соль, табакъ и выписываютъ изъ Константинополя мануфактурныя издѣлія, потребныя для татаръ и своихъ братьевъ, а равно и различнаго рода сухіе плоды, которые расходятся по рынкамъ полуострова. Всего же охотнѣе они торгуютъ въ лавкахъ красными товарами и табакомъ, а нѣкоторые страстно любятъ заниматься виноградными и фруктовыми садами для того только, чтобы въ жаркое время года провести нѣсколько дней въ тѣни деревь и вдоволь накормить себя и семейство свое сочными фруктами.

Вотъ все, что мы можемъ сказать о караимахъ, не только чуждыхъ намъ, но совершенно бесполезно проживающихъ въ нашемъ отечествѣ въ качествѣ паразитовъ, но авось близко то время, когда образованіе заставитъ ихъ понять необходимость дружественнаго слитія съ просвѣщенными людьми и убѣдить, что христіанскій міръ мало обращаетъ вниманія на религіозность иновѣрца, потому что ему нужны люди, которыхъ онъ могъ бы полюбить и которые сѣумѣли бы чисто-сердечно отвѣчать ему тѣмъ же чувствомъ. Надежды наши, вѣроятно, скоро сбудутся, судя потому, что въ началѣ 1881 г. разрѣшено караимѣ Ксеніи Эгизъ открыть въ Симферополѣ первое элементарное училище для караимскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Такимъ образомъ

караимское общество, жившее большинствомъ жизнью татарь, приобрѣло въ 1-жѣ Эгизь первую женщину-педагога, которая начнетъ руководить ихъ инымъ путемъ на поприщѣ жизни.

Покончивъ съ караимами, намъ слѣдовало бы начать повѣствованіе наше съ монголо-татарь и затѣмъ уже перейти къ остальнымъ племенамъ, господствовавшимъ и проживающимъ подъ властью другихъ въ Таврическомъ полуостровѣ, но такъ какъ это можетъ создать путаницу, то мы рѣшаемся предварительно описать генуэзское господство, начавшееся немногимъ позже времени покоренія монголами Крыма. Естественно, что, начавъ генуэзцами, мы поставлены будемъ въ необходимость сказать и о побѣдителяхъ ихъ, туркахъ, господствовавшихъ ровно триста лѣтъ на окраинахъ Тавриды. Кромѣ этого сообщимъ всѣ извѣстныя намъ свѣдѣнія объ армянахъ, появленіе которыхъ находится въ прямой зависимости отъ генуэзцевъ, а тѣмъ временемъ и о цыганахъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, до настоящаго времени обитаютъ въ этой странѣ въ значительномъ числѣ, но о нихъ, къ сожалѣнію, никто еще не сообщалъ намъ никакихъ свѣдѣній. Затѣмъ только мы будемъ совершенно свободны перейти къ періоду монголо-татарскаго владычества, сокрушеннаго нами окончательно въ Европѣ послѣ долгаго и тягостнаго ига.

Господство генуэзцевъ въ Крыму.

Появленіе генуэзцевъ въ Крыму и ихъ торговая дѣятельность въ окрестностяхъ Чернаго моря составляютъ одну изъ лучшихъ страницъ въ исторіи этой классической страны. Вопросъ, какимъ образомъ оно началось, до настоящаго времени не разъясненъ вполне, но судя по мнѣнію большинства, появленіе генуэзцевъ въ Тавридѣ совпадаетъ съ 4-мъ крестовымъ походомъ или вообще съ эпохою смѣлыхъ рыцарскихъ предпріятій, которыя заканчивались созданіемъ новыхъ государствъ. Въ числѣ „памятниковъ отечественной исторіи генуэзской республики“ находится привилегія, дарованная въ 1234 г. владѣтелемъ Кааы, генуэзцемъ R., по которой всякій

гражданинъ республики получалъ право вести торговлю безъ налоговъ и пошлинъ во всей землѣ, принадлежащей Р. и его сподвижникамъ. Въ древнѣйшемъ уставѣ для генуэзскихъ колоній 1290 года есть статья, чтобы никто посторонній не могъ взимать таможенныхъ пошлинъ во вредъ сыновьямъ Бонифація Дель-Орто“. Тоже подтверждается и въ уставѣ 1316 года. Только въ концѣ XIII вѣка Кафа перешла изъ частныхъ рукъ въ распоряженіе Генуи и съ этого времени начала укрѣпляться и быстрыми шагами расширять кругъ торговой дѣятельности.

Не менѣе основательно и то, что вскорѣ послѣ вступленія въ Тавриду монголо-татаръ туземные греки, лишившись прежней свободы дѣйствій, должны были уступить въ предпріятіяхъ своихъ болѣе смѣлымъ и предпримчивымъ людямъ. Таковыми издавна уже являлись на Черномъ и Азовскомъ моряхъ венеціане, пизанцы и генуэзцы, оспаривающіе другъ у друга монополію и сильно хлопотавшіе объ этомъ у византійскихъ автократовъ, господствовавшихъ надъ единственнымъ водянымъ путемъ, соединяющимъ средиземный бассейнъ съ этими морями. Людямъ этимъ невыгодно было ограничиваться торговыми операціями въ многолюдномъ Константинополѣ, гдѣ правительство не дозволяло частнымъ лицамъ заниматься выдѣлкою шелковыхъ тканей и распродажею самыхъ необходимыхъ предметовъ народнаго продовольствія и они задумали искать счастья въ болѣе отдаленныхъ странахъ. Для нихъ берега Чернаго и Азовскаго морей представлялись важными пунктами для склада всѣхъ почти произведеній сѣверо-восточной половины Европы, Сибири и лучшей части Азіи. Убѣжденные въ блистательныхъ успѣхахъ своихъ колоній на этихъ мѣстахъ, венеціане, пользующіеся огромными преимуществами и льготами въ Константинополѣ еще со временъ крестовыхъ походовъ, первые рѣшились основать на сѣверномъ побережьѣ Азовскаго моря городокъ Тану, вскорѣ сдѣлавшійся важнымъ рынкомъ монгольскихъ народовъ и вообще единственнымъ складомъ азіатскихъ произведеній. Не ограничиваясь этимъ, они завели конторы и въ Солдаіѣ (Судаѣ), куда съѣзжались армянскіе, турецкіе и славянскіе купцы.

Блистательный результат торговой дѣятельности венеціанъ былъ замѣченъ пизанцами и генуэзцами, которые въ свою очередь начали ходатайствовать въ Византіи о правахъ свободнаго проѣзда чрезъ Константинопольскій проливъ. Первымъ удалось построить въ сосѣдствѣ нынѣшняго Таганрога поселеніе подъ именемъ *Portus risanus*, но послѣднимъ, вслѣдствіе противодѣйствія венеціанъ, было оказано. Тогда раздраженные генуэзцы рѣшились, во чтобы ни стало, сокрушить могущественное значеніе ихъ въ греческой имперіи; между тѣмъ греки, потерявъ свою столицу, вынуждены были перенести ее въ малую Азію (Никею) и оттуда безпощадно дѣйствовать противъ неблагодарной венеціанской республики. Пользуясь этимъ случаемъ, генуэзцы предложили грекамъ свои услуги и императоръ Михаилъ Палеологъ вступилъ съ ними въ переговоры (13-го марта 1261 г.), обѣщая на случай изгнанія изъ Константинополя франковъ и венеціанъ, считать послѣднихъ врагами, а ихъ друзьями съ предоставленіемъ подданнымъ генуэзской республики безошлливную торговлю на всемъ пространствѣ имперіи и вывозъ изъ нея всѣхъ произведеній. Кромѣ этого дано было предмѣстье Галата съ правомъ входа во всѣ гавани вооруженной флотиліи, обѣщаніе не впускать венеціанъ въ Черное море и завѣреніе, что никто кромѣ ихъ и пизанцевъ не осмѣлится торговать на берегахъ его. Въ свою очередь генуэзцы обязывались защищать императора отъ всѣхъ враговъ, давать въ его распоряженіе при надобности 50 вооруженныхъ галеръ и не заключать съ Венеціею мира безъ его согласія.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Константинополь былъ возвращенъ Михаилу Палеологу и генуэзцамъ, въ свою очередь сдѣлавшись обладателями Чернаго моря, начали притѣснять ненавистныхъ Венеціанъ, которые однако успѣли снискать кое-какое снисхожденіе у греческаго императора. Прежде всего они рѣшились сокрушить ихъ сѣверо-восточную торговлю и основали въ сосѣдствѣ Таны свое складочное мѣсто; затѣмъ сознавъ выгодное положеніе обширной Феодосійской бухты, сосѣдней малой Азіи, Кавказу и крымскимъ народамъ, они положились приобрѣсти и здѣсь небольшой участокъ земли для

постройки домовъ и магазиновъ. Естественно, что татаре, которымъ некому было сбывать своихъ произведеній и которые очень любили фабричныя издѣлія и въ особенности итальянскія и германскія сукна, — очень охотно приняли ихъ. Ханъ не только утвердилъ договоръ ихъ на купленную землю, но даже обязался трактатомъ не допускать другихъ народовъ торговать въ Тавридѣ. Генуэзскіе представители не пренебрегали ничѣмъ, чтобы достигнуть задуманной цѣли и чтобы заинтересовать сильнѣе алчныхъ хановъ, безпрекословно согласились вносить имъ пошлины, какъ съ привозныхъ, такъ и съ вывозныхъ товаровъ. Снискавъ такимъ образомъ дружбу полудикихъ обладателей Крыма, проживающіе въ Галатѣ генуэзскіе купцы не замедлили начать на развалинахъ вѣкогда извѣстной Теодосіи необходимыя постройки. Начатый такимъ образомъ городокъ, получивъ имя Кафы, вскорѣ достигъ блистательнаго величія и сдѣлался неожиданно законодательнымъ для тѣхъ, кто считалъ его ничтожнымъ и выгоднымъ въ личныхъ интересахъ.

Между тѣмъ враждебные венеціане, слѣдившіе за дѣйствіями генуэзцевъ въ Крыму, въ убѣжденіи, что они вытѣснятъ ихъ рано или поздно, положились завладѣть Кафою силою оружія и въ 1296 году внезапно подошли къ ней на 25 галерахъ и быстро завладѣли городомъ, пожгли лучшія зданія его и всѣ суда, находившіяся въ бухтѣ. Генуэзцы должны были бѣжать къ татарамъ, которые приняли ихъ не только дружелюбно, но даже отказались отъ всякаго рода сношеній съ врагами ихъ. Обязательство это имѣло важное значеніе для будущности генуэзцевъ, успѣвшихъ этимъ временемъ сблизиться съ татарами, вселить къ себѣ довѣріе и въ тоже время изучить ихъ силы, потребности и производительность страны. Кромѣ того, этимъ несчастнымъ случаемъ имъ легко было убѣдить хана въ необходимости укрѣпить свою колонію рвами и крѣпостными стѣнами, чего желали давно, но не рѣшались сдѣлать изъ боязни возбудить подозрѣніе со стороны представителей ханства. Къ счастью, венеціане пробыли въ Кафѣ не долго и съ уходомъ ихъ генуэзцы возвратились въ факторію свою, которую обнесли ровомъ, прикрыли бастіонами и башнями.

Съ этого времени генуэзцы начали дѣйствовать вопреки дружественныхъ отношеній къ татарамъ, а въ 1307 году вызвали мечь монгольскаго хана Тухтагу, который въ пухъ и прахъ разорилъ только что возрожденную Кафу. Новаири, жившій въ Египтѣ въ 1308 году, записалъ это событіе слѣдующимъ образомъ: „Получили извѣстіе въ Египтѣ, что Тукта ханъ, разгнѣвавшись на франковъ-генуэзцевъ, жившихъ въ Крыму и на сѣверныхъ язычниковъ за то, что они, какъ дошли до него слухи, похищали дѣтей татаръ и продавали ихъ въ неволю въ страны мусульманскія, послалъ войско противъ города Кафы, въ которомъ они жили. Франки устрашенные сѣли на свои корабли и ушли въ море, такъ что войска не могли взять ни одного, но Тукта завладѣлъ ихъ имуществомъ въ городѣ Сараевѣ и въ окрестностяхъ“.

Казалось бы, что послѣ этого Кафа останется въ развалинахъ на нѣсколько вѣковъ; но нѣтъ, годъ спустя одинъ изъ генуэзскихъ дворянъ Бальдо Доріа является сюда съ дружиною, вызываетъ сотни соотечественниковъ, строить дома амфитеатромъ на подобіе Генуи и такимъ образомъ вновь кладетъ основаніе славной и могущественной въ среднихъ вѣкахъ Генуэзской факторіи на берегахъ Чернаго моря. Быстрое возрожденіе Кафы обратило вниманіе Генуи и она въ видахъ стратегическихъ и коммерческихъ начала заботиться о немедленномъ укрѣпленіи этого города. Вскорѣ послѣ этого начали переселяться въ Θεодосію изъ Арменіи тысячами ремесленники и различнаго рода купцы христіанскаго вѣроисповѣдыванія, вѣроятно, раньше имѣвшіе сношеніе съ Генуэзцами и угнетенные нашествіемъ на ихъ страну турковъ. При содѣйствіи переселенцевъ въ Кафѣ устроились великолѣпные церкви, водопроводы, общественныя зданія и много укрѣпленій, вооруженныхъ всѣми способами, извѣстными въ то время. Татары, пораженные внезапнымъ величіемъ Кафы, ея крѣпостями, честностью и правосудіемъ градоправителей, какъ-то невольнo начали подчиняться этимъ полезнымъ, по ихъ мнѣнію, сосѣдямъ и совершенно довольствовались получаемою отъ нихъ данью. Всего болѣе татары располагала къ нимъ щедрость, равноправность всѣхъ племенъ, отсутствіе ре-

лигіознаго фанатизма, умѣніе обращаться съ чужестранцемъ и оказывать ему помощь и покровительство. Кромя этого, кафяне устроили у себя огромное училище съ цѣлью просвѣщенія всѣхъ народовъ Крыма. Естественно, что при такихъ условіяхъ они не только были любимы татарами, но даже какъ въ высшей степени честный народъ, заставили владыкъ Тавриды искать у нихъ правосудія въ семейныхъ распряхъ и неиначе возводить на престоль и другія важныя государственныя должности кандидатовъ, какъ по совмѣстномъ обсужденіи. Эта рѣдкая и чрезвычайно полезная для обѣихъ сторонъ дружба доходила уже до того, что Крымскіе ханы изъявили согласіе на чеканку монеты съ изображеніемъ на одной сторонѣ княжескихъ правъ Кафы, а на обратной своихъ. Принимая въ основаніе такія отношенія, намъ не покажется страннымъ, почему именно татарамъ безъ всякихъ сопротивленій уступили генуэзцамъ Керчь, Еникале, Балаклаву и дозволили имъ селиться на противоположномъ берегу Керченскаго пролива.

Къ несчастію, кафскіе генуэзцы вскорѣ зазнались тѣмъ, что обуздали своевольство турокъ, которые, владѣя Синопомъ, разбойничали на Черномъ морѣ. Эта первая удача при имѣніи около 700 кораблей, развила въ нихъ страсть къ завоеваніямъ, но Тамерланъ предупредилъ ихъ обложеніемъ Кафы. Надо полагать, что варваръ этотъ поступилъ бы ужаснѣйшимъ образомъ съ кафскими итальянцами, еслибъ не явился на помощь Готфридъ Зоаглю, которому блестящими побѣдами удалось освободить свой городъ. Съ этого времени татарамъ перестали вѣрить въ дружбу генуэзцевъ, которые неоднократно представляли себя не только полновластными распорядителями Чернаго и Азовскаго морей, но даже отгоняли всякаго рода суда, прибывшія къ татарскимъ городамъ и кровопролитными высадками истребляли множество татаръ. Помянуто, что подобное обращеніе съ народами, считавшимъ себя господствующимъ въ странѣ, должно было окончиться самымъ печальнымъ образомъ или для него, или для противоположной стороны *) и, дѣйстви-

*) Изъ трактата 28 ноября 1330 г., заключеннаго кафскимъ консуломъ Дель-

тельно, начинается рядъ безпрестанныхъ войнъ, которыя заканчиваются тѣмъ, что генуэзцы приобрѣтаютъ по трактату 1383 года право на всю юго-восточную приморскую полосу Тавриды, начиная отъ Керчи до херсонесскаго полуострова, и кромѣ этого, свободу пасты свои стада на лугахъ, принадлежащихъ татарамъ и безпрепятственно разбѣзжать по кипчакскимъ владѣнιάмъ, съ тѣмъ еще, что должны пользоваться совершенною безопасноію и торговать безъ всякихъ пошлинъ и налоговъ. Генуэзцы съ своей стороны обѣщались быть вѣрными хану данниками, выбивать на гербахъ щитъ съ тамгою и полумѣсяцемъ, быть друзьями его друзей и врагами его враговъ. Не смотря на унизительный трактатъ этотъ, татаре попрежнему дружелюбно торговали съ кафянами и можетъ быть рано или поздно сдружились бы съ ними, еслибъ въ это время не вступило въ управленіе генуэзскими колоніями правительство Генуэзской республики и не началось бы, какъ говорится, внутреннее разложеніе, развратъ, взяточничество, казнокрадство, грабежи и убійства. Исторія намъ повѣствуетъ, что въ Кафѣ былъ убитъ знаменитый Мамай, скрывшійся здѣсь съ своими сокровищами, и что въ 1474 г. царь Иванъ Васильевичъ III, посылая боярина Беклешева къ Менгли-гереву въ Кафу, наказалъ послу объявить консулу кафинскому и кафинцамъ, чтобы они возвратили отнятые у русскихъ кушцовъ на 2 т. руб. товаровъ и впредь подобными насиліями не пересѣкали пути въ своей землѣ для взаимной торговли; между тѣмъ годъ спустя русскій посоль Прокофій и купцы снова были ограблены въ Кафѣ на нѣсколько тысячъ рублей.

Говоря о воцарившемся злѣ въ генуэзской Кафѣ, намъ необходимо выяснитъ причины явленія его въ такомъ городѣ, который, въ сознаніи своей непрочности, изолированности и относительнаго ничтожества въ средѣ мусульманскихъ государствъ, обязанъ былъ неизмѣнно хранить тѣ благоразумные принципы самоуправленія, которые доставили ему дружелюбныя отношенія татаръ, самыхъ ближайшихъ и опасныхъ сосѣдей—и вѣроятно,

---

Боскомъ съ Тохтамышемъ, видно, что генуэзцы считали себя данниками хановъ, но послѣ междоусобій въ Золотой Ордѣ дань эта не платилась долго.

кафяне соблюли бы ихъ въ точности, еслибъ правительство Генуи не задумало присвоить и здѣсь власть распоряженія народомъ, собравшимся для свободнаго и строго-коммерческаго расчета. Въ качествѣ безпристныхъ судей обратимъ вниманіе на то, что сдѣлала Генуя для сбереженія своихъ факторій въ Тавридѣ. Въмѣсто того, чтобы предоставить кафскимъ купцамъ выборъ градоправителей изъ числа лицъ, заинтересованныхъ мѣстнымъ интересомъ, Генуя, въ видахъ личнаго интереса назначаетъ туда собственныхъ чиновниковъ, которые, какъ извѣстно, употребляютъ все усилія обогатиться въ теченіи обязательной годовой службы и нисколько не имѣли надобности обращать вниманія на благосостояніе факторіи, однако вскорѣ убѣдившись, что эти мѣры ни къ чему доброму не ведутъ, рѣшилась передать Кафу въ распоряженіе банка св. Георгія, — ту могущественную торговую общину, которая своими кораблями, крѣпостями, войскомъ и богатствомъ затмѣвала даже самую республику. Но что могла сдѣлать эта контора нравственно погибшему городу, надъ которымъ тяготѣла правительственная ферула? Ровно ничего. Тѣмъ временемъ ожесточенный ханъ Гаджи-гирей, въ 1434 году, разбивъ генуэзцевъ, снова обложилъ ихъ данью.

По уставу для черноморскихъ колоній 1449 г. въ Θεодосіи находились слѣдующія правительственныя власти:

1) Консуль Кафы или начальникъ города и всего Чернаго моря въ царствѣ Казарскомъ. Личность эта ежегодно замѣнялась новою изъ Генуи. Онъ получалъ жалованья отъ республики 500 соимовъ въ годъ съ слѣдующими обязательствами, за малѣйшее нарушеніе которыхъ подвергался штрафу отъ 100 до 500 соимовъ: во-первыхъ, онъ долженъ былъ содержать на свой счетъ 1 всадника, 1 щитоносца, 6 слугъ, 1 повара и 6 лошадей; не вмѣшиваться въ судебныя дѣла и налоги; не брать подарковъ ни отъ кого, даже отъ царей, въ крайности же принимать только съѣстное или питье, которое въ состояніи употребить умѣренно въ продолженіи сутокъ; не смѣть: отмѣнять приговоры своихъ предшественниковъ, чеканить монету на свой счетъ, дѣлать притѣсненія торговлѣ, отдавать самопроизвольно обще-

ственныя имущества въ оброчное содержаніе, дѣлаться вассаломъ крымскаго хана, не брать налоговъ на откупъ и не торговать самому; чтобы сборщики таможенныхъ пошлинъ не смѣли вести съ консуломъ никакихъ сдѣлокъ, ни вводить ихъ въ искушеніе, ни даже говорить имъ о нихъ подь опасеніемъ штрафа. Кромѣ всего этого консуль обязанъ былъ постоянно имѣть въ зимнее время горячій каминъ въ большой залѣ консульскаго дворца и тамъ же держать машину для пытки людей.

По окончаніи годовой службы, консуль, подь угрозою штрафа, обязанъ былъ возвратиться въ Геную съ полнымъ отчетомъ о дѣйствіяхъ, непременно на томъ же суднѣ, которое привозило новаго консула. На случай же, если онъ умиралъ во время консульства или если прерывалось сообщеніе съ метрополіею, то кафинскому сенату предоставлялось право избирать временнаго консула не больше, какъ на три мѣсяца. Избранный же правительствомъ Генуи консуль предоставлялъ въ обезпеченіе въ казну тысячу ливровъ и затѣмъ, принимая командованіе эскадрою, отправляющеюся въ Черное море, являлся въ Кафу, гдѣ сзывалъ сенатъ, представлялъ свои полномочія и затѣмъ уже, принявши присягу, приступалъ къ новому составу членовъ совѣта, безъ личнаго права подавать голосъ.

Изъ всего прописаннаго нами, мы имѣемъ возможность заключить, что правительство Генуи положительно не довѣряло даже лучшимъ гражданамъ своимъ, назначаемымъ въ Кафу консулами и что эти лица, несмотря на предусмотрительность закона, все-таки являлись въ качествѣ грабителей вновь зародившейся факторіи.

2) При кафскомъ консулѣ находился совѣтъ изъ двухъ ассессоровъ, опредѣляемыхъ также правительствомъ метрополіи, служба которыхъ продолжалась только три мѣсяца; канцлера или нотаріуса, четырехъ деревенскихъ судей, двухъ ключарей и капитана милиціи.

3) Сенатъ составлялся изъ 24 лицъ, ежегодно избираемыхъ выбывавшими членами. Изъ нихъ четыре сенатора выбирались изъ гражданъ Кафы, прочія 20-ть мѣстъ раздѣлялись между знатными и плебеями, чиновниками или купцами факторіи.

Кромѣ того былъ еще другой малый совѣтъ изъ шести лицъ, избираемый сенатомъ, только не изъ своихъ членовъ, но изъ кафеетскихъ гражданъ.

4) Канцлеръ избирался изъ генуэзскихъ нотариусовъ, по назначенію республики. Также какъ и консулъ онъ представлялъ правительству обезпеченіе. На обязанности его лежало совершеніе всѣхъ актовъ, къ которымъ онъ своеручно прилагалъ печать консульства, хранимую у консула. Деревенскіе судьи обязаны были разбирать ссоры татаръ, добровольно обращающихся къ нимъ. На обязанности ключарей—сенаторовъ, избираемыхъ сенатомъ же, лежалъ долгъ храненія казны и документовъ колоніи. Проще, это были управляющіе имуществомъ факторіи, обязанные отдавать преемникамъ полный отчетъ въ своихъ дѣлахъ съ засвидѣтельствомъ канцлера.

5) Четыре генеральныхъ синдика, на обязанности которыхъ лежатъ долгъ прокурорскаго надзора. Это были городскіе жители.

6) Совѣтъ казначейства изъ четырехъ членовъ.

7) Попечительный комитетъ собственно города изъ четырехъ членовъ.

8) Высшій контроль составлялся изъ четырехъ синдиковъ, приставленныхъ матерью республикою.

9) Комитетъ продовольствія и

10) Хазарскій трибуналъ. Учрежденіе это находилось въ Генуѣ и считалось самымъ высшимъ управленіемъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, касающихся генуэзскихъ колоній въ Крыму. Его составляли 8-мь членовъ, избраніе которыхъ происходило слѣдующимъ образомъ: въ декабрѣ мѣсяцѣ, дождь, въ присутствіи совѣта старѣйшинъ, назначалъ 32 самыхъ честныхъ и способныхъ гражданъ Генуи въ баллотировку на членовъ хазарскаго судилища. Имена ихъ складывали въ урну, которую онъ самъ запечатывалъ. Затѣмъ изъ числа ихъ вынимались восемь билетовъ. Чьи имена выходили, тѣ и утверждались членами трибунала на первое полугодіе. Въ концѣ же этого времени снова происходило избраніе новыхъ восьми членовъ изъ 24-хъ именъ, оставшихся въ урнѣ, а остальные 16-ть билетовъ сожигались при новомъ назначеніи на предстоящій годъ.

Члены хазарскаго трибунала собирались два раза въ недѣлю во дворцѣ св. Георгія для рѣшенія дѣлъ, которыя, по утверженіи дожемъ и совѣтомъ старѣйшинъ, имѣли силу общихъ законовъ; но и они подвергались штрафу въ сто ливровъ, если употребляли болѣе мѣсяца на рѣшеніе какого бы ни было дѣла. Кромѣ того, на обязанности трибунала лежалъ долгъ посѣщенія всѣхъ судовъ, отправлявшихся изъ Генуи въ Крымъ. При этомъ онъ избиралъ двухъ купцовъ, изъ числа ѣхавшихъ со своими товарами для наблюденія за противозаконными поступками и всякаго рода упущеніями во время путешествія. Каждый генуэзецъ, желавшій послать въ Черное море вооруженный корабль, долженъ былъ предварительно испросить на то дозволеніе трибунала и представить залогъ для обезпеченія обидъ, которыя онъ могъ причинить дружественнымъ народамъ. Суда, отправлявшіяся въ Черное море, плавали обыкновенно вмѣстѣ. Трибуналъ назначалъ для командованія ими старшаго капитана, который утверждался дожемъ и совѣтомъ старѣйшинъ, получая за это въ вознагражденіе отъ городскаго общества 300 ливровъ. Капитанъ этотъ, до принятія эскадры, обязанъ былъ произнести клятву въ томъ, что будетъ соблюдать со всею святостью уставы трибунала и поступать во всемъ остальномъ честно и справедливо. Затѣмъ ему передавались для услуживанія и для оказанія почестей два пажа, два трубача и литаврищикъ. При эскадрѣ состоялъ и нотаріусъ.

Въ правилахъ слѣдованія эскадры въ особенности замѣчательно слѣдующее: каждый корабль, который во время путешествія произвольно отклонялся съ предпринятой путевой линіи, долженъ былъ платить тысячу ливровъ штрафу. Эскадрѣ запрещено было продавать какіе бы то ни было товары въ Судакѣ и отнюдь не оставаться тамъ болѣе трехъ дней; но непременно останавливаться въ Кафѣ, еслибы даже грузы слѣдовали въ Азовское море.

Кромѣ этихъ властей, въ Кафѣ находился: 11) военный начальникъ Готѣи, 12) военный начальникъ крѣпостей, 13) военный начальникъ оргузіевъ, 14) военный начальникъ кайдагорскихъ воротъ, 15) военный началь-

никъ башни св. Константина, 16) военный надзиратель предмѣстья, 17) полицейскій приставъ, 18) базарный приставъ, 19) смотритель за улицами и 20) смотритель за водопроводами. Затѣмъ слѣдовали нотаріусы, секретари, переводчики, присяжные и различнаго рода стражники.

Въ главѣ духовенства стоялъ епископъ, которому воспрещалось уставомъ посягать на жатву другаго народа (иновѣрцевъ) и чтобы греки, армяне, евреи и другіе иновѣрцы были безопасны отъ всякаго грабительства и посягательства на имѣнія ихъ на случай смерти безъ завѣщанія.

По другимъ городамъ, состоящимъ въ зависимости отъ кафскаго управленія, были слѣдующія власти: консулъ, который, получая 100 соймовъ въ годъ, обязанъ былъ содержать служителя и 1 лошадь и соединять въ своемъ лицѣ должности коменданта крѣпости, управляющаго финансами и военнаго начальника. Онъ не имѣлъ права владѣть землею, брать поборы и вмѣшиваться въ дѣла торговли. При немъ, если были крѣпости въ городѣ, состояли помощники, нотаріусъ и переводчикъ. Всѣ остальные представители управленія выбирались изъ числа гражданъ, обязанныхъ слѣдить за нуждами города и народонаселенія. Въ такихъ городахъ военная стража состояла изъ одного или двухъ музыкантовъ, которые по очереди обязаны были въ теченіи всей ночи играть на своей дудкѣ, обходя крѣпостныя стѣны; сторожъ съ турецкимъ барабаномъ, два караульныхъ у базарныхъ воротъ, два трубача, восемь верховыхъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы и 20 наемныхъ солдатъ съ двумя баллистами у каждаго и другимъ необходимымъ оружіемъ. Въ случаѣ надобности увеличить гарнизонъ, попечительный совѣтъ города обязанъ былъ выставить способныхъ гражданъ. Совѣтъ этотъ выбирался изъ всѣхъ обитателей и долженъ былъ заботиться о сохраненіи съѣстныхъ припасовъ, оружія, о починкѣ крѣпостей и т. под.

Въ дополненіе сказаннаго объ управленіи генуэзскихъ факторій въ Крыму, мы обязаны сказать еще нѣсколько словъ о правилахъ представительной власти Кафы

и ея мелкихъ чиновниковъ—этихъ паразитовъ лучшихъ стремлений правительства и народныхъ интересовъ.

По уставу предоставлялось генеральнымъ синдикамъ Кафы призывать къ своему суду всѣхъ чиновниковъ факторій, за исключеніемъ кафскаго консула и даже наказывать ихъ тѣлесно. Естественно, что въ виду такой власти всѣ подчиненные обязаны были располагать ихъ къ себѣ различнаго рода подкупами, чтобы самими дѣйствовать самопроизвольно. Синдики эти въ свою очередь, подчиняясь другимъ, контролировавшимъ ихъ и имѣвшимъ право безапелляціонно подвергать пыткамъ, по неволѣ дѣлились съ ними доходами въ такой мѣрѣ, чтобы пользоваться постоянною расположенностію.

Обратимъ теперь вниманіе на доходность мелкихъ и вообще административныхъ чиновниковъ. Такъ напр., военный начальникъ собиралъ въ Кафѣ доходъ съ лавокъ, питейныхъ домовъ, съ ссорившихся, съ публичныхъ женщинъ и т. п.

Полицейстеру предоставлялось требовать по 25 аспровъ (наши 75 коп.) за cadaго высѣченнаго имъ, 50 аспровъ за повѣшеннаго и вообще казненнаго; 30—за заклеяеніе или отрѣзаніе какого-либо члена и 35 за пытку. Натурально, что все это составляло для него заманку и вмѣстѣ съ тѣмъ громадный доходъ, судя по степени алчности.

Базарный приставъ пользовался гораздо лучшимъ положеніемъ потому что ему предоставлялось взимать со всѣхъ провозимыхъ въ городъ продуктовъ и отъ него зависило, когда кому позволить продажу и не допустить таковой подъ различными предлогами.

Уличный надзиратель бралъ штрафъ съ cadaго ктобы осмѣлился вылить за дверь воду или нечистоту.

Такъ какъ приставскія должности считались болѣе другихъ доходными, то за опредѣленіе на нихъ бралась подать.

Къ этому слѣдуетъ еще пояснить, что всѣ промыслы и доходы отдавались на откупъ: такъ напр. одному съѣстные припасы, другому лѣсъ, третьему торговля съномъ, углемъ, зеленью и т. п. Съ соли и другихъ произведеній, доставляемыхъ или вывозимыхъ иностранцами

моремъ взималась пошлина. Все это вмѣстѣ доставляло громадныя суммы, которыя поглощались чиновничьимъ миромъ, возбуждая ненависть и отчаяніе народонаселенія. Чтобы увѣрить въ этомъ читателя, мы скажемъ, что въ 1457 году кафская казна, раньше считавшаяся богатою, представляла годичный дефицитъ въ 500 тыс. аспровъ, да сверхъ того 4020 скудовъ надобно было высылать ежегодно въ дань турецкому султану. Изучавшій генуэзскій уставъ невольно подмѣчаетъ поводы ко множеству другихъ злоупотребленій кафскихъ чиновниковъ. Такъ напр. одна статья устава требуетъ „чтобы дома не были разрушаемы сборщиками поземельной подати“. По другой — воспрещалось начальникамъ воровать, „не обижать въѣзжающихъ съ товарами“, по третьей — „продавать, вмѣсто невольниковъ, жителей Кафы,“ и т. д. Конечно, еслибъ всего этого не дѣлалось, то не было бы надобности и запрещать. Что городскія суммы беспощадно расхищались высшими распорядителями ихъ, это также видно изъ устава, гдѣ до мелочи поименованъ каждый предметъ и количество его, необходимое для отпуска на счетъ казначейства во время церковныхъ и народныхъ празднествъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: казначейство не имѣло права отпустить болѣе 4 свѣчей на каждую церковь во время годовыхъ праздниковъ. Въ день же св. Георгія, патрона республики, дозволялся слѣдующій расходъ на скачку: на цвѣтную матерію и именно штучку кармазина 1200 аспровъ и на камку 80. На живопись герба, на ленту, на пару шпоръ, на хлѣбъ и сыръ глашатаямъ, на лисицу 6 аспровъ, на пѣтуха 6 аспровъ, на веревки и нитки 10, на шесть для скачки, на изюмъ, салатъ, уксусъ, вино и т. п. Такъ равно въ уставѣ прописывается расходъ, дозволенный матерью-республикою въ большіе праздники и именно сколько на вино, пряники, яблоки, виноградъ, солдатамъ и полицейскимъ, на изюмъ, миндаль и конфекты, за *аллимуя* грекамъ, которые приходятъ пѣтъ *калимеросъ*, мальчикамъ, которые бросаются въ воду на крещеніе, за звонъ въ колоколь и т. п.

Въ виду желанія предупредить по возможности вѣточности, лихоимство и всевозможныя злоупотребленія

кафскихъ властей, Генуя, интересующаяся не столько благами своихъ факторій, сколько личными доходами и народными силами, въ уставѣ своемъ постановила, чтобы всѣ власти были обязаны присягою зорко наблюдать другъ за другомъ и доносить обо всемъ синдикамъ, представленнымъ ею. Этотъ параграфъ, грозившій каждому чиновнику тѣлеснымъ наказаніемъ и пыткой, безъ сомнѣнія, заставилъ всѣхъ соединиться дружбою и работать въ пользу собственнаго благосостоянія, на переکورъ грозящему закону.

Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ подобнаго устава, составленнаго въ 1449 году для Черноморскихъ колоній, начинается первый моментъ разрушенія того порядка и солидарности, которымъ прославилась Кафа между татарами и вообще посѣщавшими ее съ коммерческою цѣлью. Надо полагать, что въ предпоследнее время въ Генуѣ сознавали шаткое положеніе Крымскихъ факторій, потому что безпрестанно созывали комиссіи для улучшенія дѣлъ, нисали новыя правила, учреждали особые попечительные комитеты изъ знатныхъ вельможъ и увеличивали число надсмотрщиковъ надъ надсмотрщиками; но всѣ эти мѣры только усиливали нравственное растлѣніе, подготавливая трофеи побѣды первому, кто бы рѣшился напасть на Кафу и остальные Крымскія колоніи съ моря и материка.

Тѣмъ временемъ Константинопольскій проливъ перешелъ во власть турокъ, все болѣе расширяющихъ свои владѣнія и мечтавшихъ завладѣть Чернымъ моремъ. Генуэзская республика прежде другихъ почувствовала всю важность потери его, потому что за симъ слѣдовала гибель ея самостоятельныхъ факторій, но увѣренная въ томъ, что турки не обладаютъ никакими свѣдѣніями въ искусствѣ мореплаванія и что Кафа окружена недоступными стѣнами и крѣпостями, она готовилась къ союзу съ папою Каллистомъ III, собиравшимъ тогда въ крестовый походъ противъ турокъ всѣхъ христіанскихъ государей. Соединенный флотъ вошелъ въ архипелагъ и вскорѣ объявилъ войну султану, но къ дѣйствию не приступалъ, потому что Генуэзская республика занята была раздорами двухъ фамилій Адорни и Фрегози,

оспаривающихъ другъ у друга власть. Воспользовавшись этимъ, султанъ Магомедъ въ самое непродолжительное время составилъ себѣ флотъ изъ 150 судовъ съ обширною арміею, бросился на мало-азіатскія факторіи генуэзцевъ и беспощадно разграбилъ и сокрушилъ ихъ. Послѣ этого онъ укрѣпилъ берега константинопольскаго пролива настолько, чтобы ни одинъ корабль не могъ пройти въ Черное море безъ его позволенія. Въ это время георгіевскій банкъ, въ распоряженіи котораго были крымскія колоніи, хотя и вѣрилъ въ непобѣдимость Кафы, однако употреблялъ всевозможныя усилія оказать имъ вспомошествованіе и ему удалось выслать небольшой отрядъ войска сухимъ путемъ черезъ Венгрію и Польшу. Испуганные кафскіе жители обратились къ Польшѣ. Царствующій въ это время Казимиръ IV дозволилъ Галеаццо собрать охотниковъ. Но этому отряду не пришлось проникнуть до Кафы, потому что онъ былъ истребленъ Михаиломъ Чарторійскимъ за буйство и поджоги въ Брацлавѣ. Такимъ образомъ, оставленная на собственныя свои силы, Кафа заинтересованная болѣе коммерческими выгодами, чѣмъ самоохраною и притомъ переполненная иновѣрцами, совершенно несочувствующими генуэзскимъ постановленіямъ и нахальству властей, сознала, что ей надо прекратить всякаго рода раздоры съ ожесточенными противъ нея татарами, но этого трудно было достигнуть, потому что первые не рѣшались унизиться, а послѣдніе не могли вѣрить; но во всякомъ случаѣ генуэзцы ничѣмъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не нарушали дружественныхъ отношеній съ крымскими ханами, хотя и не переставали гордиться и по прежнему стѣснять и обирать посѣтителей Кафы. Въ такомъ положеніи находились дѣла до 1473 г. т. е. до смерти начальника татарскаго округа, въ которомъ состояла Кафа. Менгли-гирей ханъ назначилъ на это мѣсто одного изъ первыхъ сановниковъ царства Эминекъ-бея. Колоніальная власть безпрекословно признала новаго правителя; между тѣмъ вдова умершаго префекта задумала во чтобы ни стало отдалить отъ должности этой Эминека и предоставить ее сыну своему Ширинъ-Сейтаку. Въ надеждѣ достигнуть при посредничествѣ каф-

скаго консула она предложила ему три тысячи секиновъ, чтобы достигнуть цѣли, но такъ какъ Сейтакъ прославился жестокостями и былъ не любимъ татарами, то, естественно, консулъ отстранилъ себя отъ этого дѣла. Вдова рѣшилась ожидать болѣе удобнаго случая для возобновленія ходатайства подкупами. Вскорѣ назначенъ былъ консуломъ Кафы Антонио делла-Габелла, человѣкъ, нерѣдко зависѣвшій отъ совѣтниковъ своихъ Франчески Фисски и Уберто Скуарчіафико, которыхъ мать Сейдака настолько заинтересовала, что они заставили консула потребовать отъ хана смѣненія Эминекъ-бея. Ханъ, не имѣя къ тому ни малѣйшаго повода, не соглашался, но такъ какъ онъ боялся генуэзцевъ державшихъ въ плѣну его братьевъ, ради спокойнаго царствованія его, подъ конецъ объявилъ, что не прочь смѣнить Эминекъ и назначить другое лицо по своему усмотрѣнiю. Консулъ, для вида, торжественно обѣщаль не ходатайствовать болѣе о Ширинъ-Сейдакѣ и пригласилъ хана для назначенія новаго правителя. Между тѣмъ какъ только довѣрчивый Менгли ханъ вѣхалъ въ Кафу, къ нему вошелъ Скуарчіафико и сказалъ:

„Не забывай, Менгли, что ты находишься въ нашихъ рукахъ. Мы хотимъ, чтобы Сейдакъ былъ назначенъ префектомъ. Сейчасъ же объяви объ избраніи его на эту должность, иначе консулъ пошлетъ приказаніе къ начальнику Судакскаго замка освободить твоихъ братьевъ“.

Ханъ пришелъ въ ярость, но долженъ былъ на все согласиться. Это пустое обстоятельство очень сильно подѣйствовало на Эминекъ-бея и его друзей, которые не замедлили взбунтовать татаръ и послали нарочныхъ въ Константинополь къ Могамету II съ предложеніемъ подданства, если онъ посодѣйствуетъ имъ выгнать изъ Крыма гяуровъ-френковъ. Послы прибыли въ Византію въ то время, когда султанъ приготовилъ громадный флотъ для атаки Кандіи. Выслушавъ ихъ, Магомедъ, давно желавшій сдѣлаться полновластнымъ господиномъ всего Чернаго моря, немедленно приказалъ великому визирю Ахметъ пашѣ взять 20,000 армію и разорить Кафу. Визирь подошелъ къ Θεодосіи 1-го іюня 1475 года, которую держалъ въ осадѣ Эминекъ-бей около 6-ти не-

дѣль и безотлогательно открылъ бомбандировку. Въ теченіи трехъ дней кафинцы защищались мужественно, но потомъ, потерявъ присутствіе духа и надежду на крѣпости и городскія стѣны, въ которыхъ оказались проломы, положительно приѣли въ смятеніе и поручили войска свои въ распоряженіе армянина, сочувствовавшего болѣе татарскому, чѣмъ генуэзскому правительству. Этотъ послѣдній нашель болѣе благоразумнымъ сдаться на каптуляцію съ правомъ откупиться отъ смерти и невольничества съ тѣмъ, что городъ не будетъ преданъ разрушенію и собственность жителей всѣхъ націй останется неприкосновенною. Паша изъявилъ согласіе на все, но какъ только вступилъ въ городъ, предаль казни триста самыхъ богатѣйшихъ генуэзцевъ и съ ними вмѣстѣ 162 валахскихъ купца. Послѣднихъ въ возмездіе за убійство турецкихъ плѣнныхъ молдавскимъ паладиномъ Стефаномъ на берегахъ Дуная. Затѣмъ городъ преданъ былъ грабежу: лучшіе дома и церкви были разрушены и до 40 т. колонистовъ были отправлены плѣнниками для заселенія опустѣвшихъ кварталовъ Константинополя; кромѣ этого 1500 молодыхъ людей взяты въ янычарскія орды и столько же мальчиковъ и дѣвицъ для султанскаго сераля и гарема. Остальнымъ жителямъ оставлена была только одна половина имѣнія съ наложеніемъ тяжелой дани. Вскорѣ послѣ завоеванія Кафы и всѣ другія генуэзскія колоніи въ Крыму перешли въ распоряженіе турецкаго правительства. Послѣднимъ сдѣлся Судакскій непреступный замокъ, охранявшійся нѣсколькими сотнями жителей до тѣхъ поръ, пока всѣ они не были убиты и переранены.

По народнымъ преданіямъ, изъ числа 60 т. генуэзцевъ, обитавшихъ въ Тавридѣ, едвали десятая доля избѣгла смерти, бѣгствомъ моремъ, а немногіе, скрылись между жителями горной части полуострова. Спаслись только тѣ, которые въ первыя минуты извѣстія о паденіи Кафы успѣли уплыть къ соотечественникамъ на Кавказскіе берега.

Такимъ образомъ погибли роскошныя колоніи генуэзцевъ въ Крыму послѣ 250-лѣтняго существованія.

Для пополненія этого очерка, намъ необходимо ука-

затѣ на то, чѣмъ прославили себя предприимчивые генуэзцы въ Тавридѣ и какіе они оставили памятники и слѣды своего господства въ странѣ, въ то время населенной номадами.

Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ колонистамъ Крымъ обязанъ былъ многимъ: во-первыхъ, они сокрушили враждебное настроеніе духа монголо-татаръ противъ христіанскаго міра, во-вторыхъ, старались развивать въ нихъ и въ представителяхъ ихъ власти правосудіе, вѣротерпимость и осѣдлость; познакомили съ разными промыслами и вызвали къ торговой дѣятельности, которую они довели до поразительныхъ размѣровъ. И въ самомъ дѣлѣ не покажется ли поразительнымъ, если мы скажемъ, что кафскіе генуэзцы торговали въ Булгаріи, откуда вывозили медь, кожи, шерсть и зерновой хлѣбъ, въ Россіи, снабжавшей ихъ строевымъ лѣсомъ, пенькой и льномъ; въ Сибири, доставлявшей желѣзо, мѣдь, смолу, варъ и сало. Важнѣйшими же произведеніями сѣверной Россіи были мѣха, доставляемые въ Кафу новгородскими и архангельскими купцами, изъ которыхъ собольи, горностаевые и чернобурыхъ лисицъ цѣнились необыкновенно дорого. Русскіе въ обмѣнъ получали сукна, деревянное масло, пряные коренья, итальянскія и крымскія вина. На Азовскомъ морѣ, Керченскомъ проливѣ, Феодосійской и Балаклавской бухтахъ, генуэзцы занимались рыбными ловлями и въ такомъ громадномъ количествѣ отправляли рыбу въ греческую имперію, что взимаемая съ нея пошлина составляла одинъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода. Кромѣ этого, они добывали изъ лучшихъ крымскихъ соляныхъ озеръ въ большихъ размѣрахъ соль, которую большинствомъ сбывали въ Россіи, Константинополѣ и Анатолиі.

Торговля хлѣбнымъ зерномъ всецѣло принадлежала имъ; такъ равно кожи, конскій волосъ и шерсть исключительно пріобрѣталась ими изъ Тавриды и окружныхъ мѣстностей. Торговля невольниками также не была ими упущена, какъ представляющая значительныя выгоды. Намъ даже извѣстно, что въ 1432 году, генуэзскій дворянинъ Имперіали былъ въ Кафѣ поставщикомъ невольниковъ для Судана, а многіе другіе добывали ихъ съ

Кавказа и Кипчака для египетскаго халифа, назначавшаго ихъ въ мамелюки.

Предпріимчивые генуэзцы не ограничились и этимъ райономъ и задумали добратъся до столицы Китайской имперіи, чтобы вывозить лучшія произведенія этой богатой страны. Судя по маршруту, составленному Франческомъ Пеголотти, генуэзцы Крымскихъ колоній слѣдовали въ Пекинъ слѣдующимъ путемъ: изъ Тавы въ Астрахань, Сарай (знаменитый рынокъ невольниковъ), Сарачикъ, Ургенць (славый рынокъ шелковыхъ матерій). Изъ Ургенца въ Карабъ, куда собирались купцы Средней Азии, потомъ чрезъ Альмалекъ на Хамиль, Кинсай (Кань-чу) и затѣмъ на Ханъ-Балишь (Пекинъ). На проѣздъ употреблялось около 240 дней. Изъ всѣхъ этихъ мѣстностей и городовъ генуэзцы приобрѣтали: жемчугъ, кораллы, мускусъ, ладанъ, гвоздику, ревенъ, разнаго рода лекарственныхъ травы, превосходныя ткани, золотой песокъ, драгоценныя камни, мѣха, мускатный цвѣтъ, пряныя корни, хлопчатую бумагу, индиго, ультрамаринъ, лакъ и т. п. Сбывали же разныхъ сортовъ сукна, бархатъ, полотно и стеклянныя издѣлія,

Не ограничившись и этимъ, они вскорѣ проложили себѣ торговый путь къ произведеніямъ Индіи, Аравіи, Персіи, Египта и добрались до Ормуса *), слышавшаго въ то время за самый великолѣпный и самый пріятный городъ на всемъ востокѣ. Въ этотъ городъ свозились ковры, оружія, квасцы, бирюза, шелковыя матеріи роскошныя плоды Персіи; благовонныя вина и прекрасныя женщины Ширази; Камбай и Калькутта доставляли туда пряныя корни, драгоценныя камни, коленкоры, ситцы, бархатъ, индиго, опиумъ, ладанъ, лекарственныхъ травы, сандалное и фирнамбуковое дерева. Съ Малакки, Аравіи, Эіопіи и Восточнаго полуострова Индіи, всѣ лучшія произведенія жителей и страны. Недалеко отъ Ормуса находился островъ Аваль или Багреинъ, знаменитый своими жемчужными ловлями, замаживающій купцовъ изъ всѣхъ частей свѣта. Слѣдуя къ Ормусу, генуэзцы посѣщали Бассору, Таврисъ, Гансу, Бухару, и другіе

*) Островокъ на Персидскомъ заливѣ.

замѣчательные рынки, откуда приобрѣтали великолѣпныя ткани Моссула (муссины), нарчи, камку, багатскія шелковыя матеріи, протканныя золотомъ, хлопчатую бумагу, шерсть ангорскихъ козь, рисъ, сухіе плоды, шафранъ, пряные корни, гвоздику, мускатныя орѣхи и т. п.

Кромѣ этого Генуэзцы проникли на Кавказъ, гдѣ бывали драгоцѣнные металлы и другія произведенія этой страны; въ Арменію, въ Прикаспійскія мѣстности, въ Синонь, Амасеру и Требизондъ. Послѣдній городъ въ то время считался важнымъ въ торговомъ отношеніи, какъ складочное мѣсто народовъ, населявшихъ Грузію, Арменію и Каппадокію.

Изъ этого немногаго, сказаннаго нами о дѣятельности Крымскихъ генуэзцевъ, каждому легко сообразить, насколько эти люди были полезны въ Тавридѣ и до какой степени благосостоянія они могли бы довести эту страну, еслибъ не состояли въ зависимости отъ метрополи, а управлялись самостоятельно гражданами, заинтересованными общимъ благомъ. По нашему убѣжденію, Кафа, обладающая несчѣтными сокровищами и громаднымъ флотомъ, при другихъ условіяхъ могла бы поработить Тавриду и еще на нѣсколько столѣтій избавиться отъ того печальнаго исхода, которому подготовила себя изъ за ничтожнаго интереса одной или двухъ личностей, стоявшихъ въ главѣ управленія.

Теперь обратимъ вниманіе на сохранившіеся памятники отъ этого народа. Таковыя встрѣчаются только въ трехъ поселеніяхъ Юго-восточной окраины Крыма и именно: въ Феодосіи, Судахѣ, Балаклавѣ и исключительно представляютъ или каменные стѣны съ башнями, построенныя на средства ихъ и горожанъ или только надписи на завоеванныхъ крѣпостяхъ. Разсмотримъ эти крѣпости въ отдѣльности, чтобы сообразить, въ какой степени они важны были въ стратегическомъ отношеніи. Первые поселившіеся въ Кафѣ генуэзцы, повидимому, приобрѣли отъ Крымскихъ татаръ тотъ ничтожный клочекъ земли, который нынѣ находится подъ постройками феодосійскаго карантинна. Возвышенное мѣсто это, примыкая къ центру бухты, представляло возможность обозрѣвать море и степь, занятую татарами. Вотъ это мѣсто,

еще не богатое въ то время, итальянцы сначала окопали ровомъ, а впоследствии обнесли высокою стѣною, сѣверо-западная часть которой чуть ли не вся вооружена была башнями, амбразурами и т. п. Со стороны же бухты стѣны и главныя приморскія ворота двумя крѣпостями. Всѣ эти укрѣпленія большинствомъ сохраняются до нашего времени и отчасти служатъ оградой карантина. Затѣмъ, когда число народонаселенія Кафы увеличилось, городскія постройки начали воздвигаться за чертою укрѣпленій на мѣстѣ нынѣшней Θεодосіи и явилась необходимость соорудить другую стѣну, которая предохранялась башнями и заканчивалась на берегу залива въ сосѣдствѣ нынѣшняго городского моста. Всѣ эти стѣны и башни, судя по ихъ ничтожной толщинѣ, повидимому, воздвигнуты были противу татаръ, съ которыми приходилось нерѣдко бороться. Не менѣе очевидно и то, что увлеченные своимъ флотомъ генуэзцы не могли предвидѣть опасности со стороны моря, на которомъ господствовали они; въ противномъ случаѣ имъ не представлялось особеннаго труда воздвигнуть акрополь (для предохраненія жителей) на болѣе возвышенной мѣстности, а прибрежную линію укрѣпить на столько по крайней мѣрѣ, чтобы она могла выдержать удары ядеръ, пока обитатели успѣютъ перейти въ болѣе недоступный замокъ, какъ напр. Судакскій. Отъ второй стѣны въ наше время сохранились и то только въ немногихъ мѣстахъ едва замѣтные слѣды, но береговая башня, извѣстная подъ именемъ Янычарской, большинствомъ уцѣлѣвшая, еще долго можетъ служить указателемъ того пространства, которое занято было генуэзцами подъ блистательную Кафу.

Болѣе важнымъ сооруженіемъ генуэзцевъ въ Крыму, по убѣжденіямъ нѣкоторыхъ писателей, безспорно слѣдуетъ признать Судакскій замокъ, воздвигнутый на громадной возвышенности, подходящей къ морскому берегу и господствующей надъ рейдомъ и равниною. Замокъ этотъ строился, судя по надписямъ 1385 и 1414 г., сохранившимся на его стѣнахъ, около 30 лѣтъ и представлялъ слѣдующій неприступный видъ: со стороны моря отвѣсная скала; къ матеріку скала принимала от-

клонный скатъ, пересѣченный крѣпостною стѣною и девятью огромными башнями въ образѣ неправильной дуги. Входъ въ крѣпость находился подъ высокою четверугольною башнею и защищался наружными крѣпленіями. Кромѣ этого въ укрѣпленіи этомъ находился еще другой трехъ-этажный замокъ, гдѣ помѣщались церкви, жилища воиновъ, кладовыя и водохранилище.

Видъ Судакскаго замка.

Осмотрѣвши это гигантское укрѣпленіе и зная, что Судакъ во время пребыванія генуэзцевъ въ Крыму не пользовался правомъ коммерческихъ сѣделокъ, вслѣдствіе чего долженъ имѣть небольшое число народонаселенія—невольно задасешься вопросомъ: съ какою цѣлью генуэзцы затратили на него столько времени, труда и убогихъ средствъ общины? Не благоразумнѣе ли было все это употребить на защиту Кафы, гдѣ обитали представители власти и гдѣ сосредоточивалась, такъ сказать, вся жизненная сила республиканскихъ факторій Генуи? Въ оправданіе можно привести нѣсколько правдоподобныхъ предположеній и именно что Судацкая крѣпость досталась генуэзцамъ отъ грековъ, прежнихъ властителей этой мѣстности, которую они въ продолженіи 30 лѣтъ ремонтировали понемногу на счетъ небогатыхъ обитателей Судака, во-первыхъ, генуэзцы смотрѣли на нее какъ на удобное мѣсто заточенія преступниковъ и вообще людей опасныхъ для благосостоянія верховной власти Кафы, но ни въ какомъ случаѣ какъ на важный стратеги-

ческий пунктъ, потому что при укрѣпленіи этомъ, судя по уставу, содержалась ничтожная стража, и что жители Судака сами обязаны были оберегать эту крѣпость. А что судакская крѣпость служила мѣстомъ ссылки или ареста людей опасныхъ, намъ достаточно вспомнить, что даже въ предпоследнее время владычества генуэзцевъ въ ней содержались братья царствующаго въ Крыму Менгли-гирей хана, а для подобныхъ ничтожныхъ надобностей едва ли мать-республика дозволила бы громадный расходъ съ цѣлью защищать садовладѣльцевъ и земледѣльцевъ, исключительно составлявшихъ судакскихъ жителей. Остается допустить и еще одно предположеніе, что генуэзцы укрѣпили Судакъ въ предположеніи предохранить свой громадный флотъ на случай внезапнаго нападенія на него въ бухтѣ или же, въ крайности, предоставить жителямъ Кафы безопасное укрывательство въ его оградахъ, но и это не заслуживаетъ вѣроятія: во-первыхъ, потому что Судакская бухта не представляетъ удобной стоянки для судовъ и чрезвычайно ничтожна въ сравненіи съ Феодосійскою и наконецъ Судакскій замокъ не настолько былъ великъ и близокъ отъ Кафы, чтобы вмѣстить въ себя все народонаселеніе этого обширнаго города, еслибъ ему даже посчастливилось добраться до него. Слѣдовательно, при строгомъ обсужденіи, мы положительно убѣдимся въ томъ, что Судакское укрѣпленіе не могло быть воздвигнуто генуэзцами, что оно основано греками еще во времена резиденціи ихъ князей и что всѣ существующія у туземцевъ преданія и легенды въ этомъ смыслѣ нисколько не противорѣчатъ дѣйствительности, хотя и не подвергается сомнѣнію то, что укрѣпленіе это досталось итальянцамъ въ такомъ видѣ, что они должны были исправлять ихъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, можетъ быть, и за ново отстраивать. По нашему мнѣнію, такое укрѣпленіе, какъ Судакское, могло быть воздвигнуто для защиты только гражданъ такого города, который составлялъ резиденцію деспота, не щадившаго всѣхъ средствъ для самоохраненія личности и наследственной власти; между тѣмъ у генуэзцевъ не было даже надобности защищать бухту, къ которой запрещалось подходить коммерче-

скимъ судамъ своей наци, но при греческомъ владычествѣ, на-оборотъ, сюда стекались всѣ суда тогдашняго торговаго міра и укрѣпленіе это гарантировало ихъ отъ случайностей, такъ точно, какъ составляло крайнюю необходимость для столицы, расположенной на изменности, легко доступной къ осадѣ и поражению. Всего же вѣрнѣе то, что замокъ этотъ построенъ гораздо раньше изобрѣтенія пороха и огнестрѣльнаго оружія.

Отъ Судакаго укрѣпленія сохранилось гораздо больше руинъ, чѣмъ отъ Θεодосійскихъ крѣпостей; по крайней мѣрѣ здѣсь путешественникъ безъ особенныхъ затрудненій и догадокъ можетъ видѣть линію крѣпостной стѣны, замокъ и башни, дающіе понятіе о недоступности этого акрополя въ тѣ, разумѣется, времена, когда на Тавриду нападали съ суши толпы номадовъ, вооруженныхъ луками, а съ моря ничтожныя шайки пиратовъ.

Послѣднимъ укрѣпленіемъ генуэзцевъ въ Крыму считаютъ Балаклаву. Намъ очень хорошо извѣстно, что Симболісь достался итальянцамъ въ 1434 году отъ грековъ, которые, судя потому, что при каждомъ поселеніи своемъ на южномъ берегу непременно строили укрѣпленіе, безъ сомнѣнія, и здѣсь имѣли таковое не съ цѣлью, конечно, защищать городъ, но для того, чтобы самимъ укрываться отъ внезапнаго нашествія. И въ самомъ дѣлѣ, если присмотрѣться къ характеру архитектурнаго стиля, то обширный Балаклавскій замокъ выстроенъ по образцу Судакаго, Мангупскаго и т. п. греческихъ, не предназначенныхъ для охраны окрестностей. Слѣдовательно и эта крѣпостная стѣна съ башнями основана греками, по всему вѣроятію, во времена тавро-скиѳовъ, производящихъ разбой въ ея узкой бухтѣ. Балаклавскій замокъ, повидимому, воздвигнутъ съ цѣлью господства надъ одною только бухтою, которою, какъ извѣстно, крымскіе татары нисколько не интересовались, но которая имѣла важное значеніе для грековъ въ томъ отношеніи, что сюда свободно проникали пираты и грабили скрывающіяся отъ бури суда. Впрочемъ, мы не имѣемъ повода отвергать, что генуэзцы поддерживали эти укрѣпленія и вставляли на нихъ надписи на своемъ языкѣ. Это они дѣлали и на древнѣйшихъ крѣпостяхъ

Херсонеса и Инкермана, чтобы оставить память своего пребывания на этих временно-принадлежавших им мѣстахъ.

Отъ Балаклавскаго укрѣпленія въ наше время осталось нѣсколько полуразрушенныхъ башенъ и мѣстами развалины крѣпостной стѣны.

Видъ Балаклавы.

Вотъ все, что напоминаетъ намъ о блистательномъ періодѣ господства въ Тавридѣ генуэзцевъ, которые, судя по богатству и постоянному сношенію съ лучшими и богатѣйшими странами міра, могли бы оставить гораздо больше памятниковъ, еслибъ серьезно позаботились объ упроченіи за собою Крыма, важнаго по положенію своему для всемірной торговли.

По свѣдѣніямъ, сохранившимся въ генуэзскомъ архивѣ, извѣстномъ подъ именемъ Банка св. Георгія въ Кафѣ съ 1289 по 6 іюня 1475 года, было 70 консуловъ, изъ которыхъ первымъ былъ Паолино Дарія, а послѣднимъ Галеацо де-Леванто *).

Турецкое господство въ Крыму.

Турецкое господство въ Тавридѣ, по свидѣтельству всѣхъ почти писателей, началось неожиданно для крымскихъ татаръ и возбуждено описаннымъ нами ничтож-

*) См. третій томъ Записокъ Одесс. Общ. ист. и древн. стр. 553.

нымъ случаемъ, послужившимъ въ тоже время гибелью для обширныхъ и роскошныхъ факторій генуэзцевъ. Событіе это, какъ замѣчено было раньше совершилось въ 4-й день іюня 1475 года. Съ этого ужаснаго дня начинается владычество турокъ въ Тавридѣ, потому что и Менгли-гирей ханъ, въ числѣ прочихъ взятъ былъ въ плѣнъ. Между тѣмъ у генуэзцевъ оставалось еще нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ въ Судаки, которые они положились защищать до послѣдней капли крови и къ которымъ не замедлили подстунить оставленныя Кедукъ-Ахметомъ войска. Несчастные итальянцы, лишеныя всякой помощи со стороны метрополи и со всѣхъ сторонъ окруженныя безпощадными врагами, отчаянно сопротивлялись до тѣхъ поръ, пока до послѣдняго не умерли съ мечемъ въ рукахъ. Тогда только турки спокойно возвратились въ Кафу и основали здѣсь резиденцію военачальниковъ; но такъ какъ этого недостаточно было для полнаго господства на Черномъ морѣ и предупрежденія нашествія со стороны Россіи, то и постановлено было занять войсками всѣ приморскіе города и входы въ страну. Такимъ образомъ въ полномъ распоряженіи ихъ остались: Арабатъ, Ениколь, Керчь, Теодосія, Судаки, Балаклава, Инкерманъ, Мангупъ, Евпаторія и Перекопъ. Но впослѣдствіи и этимъ они не хотѣли ограничиться, а присоединили къ своему владѣнію около ста деревень, расположенныхъ по морскому берегу, начиная отъ Теодосіи до Инкермана, а оттуда по направленію къ Мангупу. Отъ Мангупа же ровною линіею промежъ Тепе-Кермена и Мачи-Сала по сѣверному отклову Яйлы, до Судака *).

Предварительно поясненія дѣйствій турокъ въ Крыму, скажемъ нѣсколько словъ о состояніи въ это время крымскихъ татаръ и ихъ верховной администраціи.

Надо полагать, что какъ только судакскіе генуэзцы узнали о паденіи Кафы и враждебномъ настроеніи татаръ, а также и о плѣненіи дружественнаго имъ Менгли-гирея, они не замедлили выпустить на свободу братьевъ

---

*) См. Пейсополя его Traite sur le commerce de la mer Noire.

хана, содержимыхъ ими въ замкѣ въ угоду воспитаннаго ими плѣннаго повелителя татарь, въ убѣжденіи, что царскіе братья, ставъ во главѣ правленія, окажутъ имъ по крайней мѣрѣ въ крайности спасеніе; но они ошиблись и въ этомъ потому, что одинъ изъ нихъ вошелъ въ союзъ съ главнымъ бунтовщикомъ, возставившимъ противъ нихъ огромную массу татарь. Этотъ-то царевичъ въ послѣдствіи, когда не осталось въ Крыму ни одного вооруженнаго итальянца и когда успокоилось народонаселеніе, повидимому, началъ доискиваться престола. Тогда оставалось единственное средство во чтобы то ни стало возвратить изъ Стамбула настоящаго хана, умнаго и любимаго всѣми. Повелитель турокъ со-благоволить отпустить Менгли-герейя на престоль отцевъ, но предварительно заключилъ съ нимъ слѣдующаго рода договоръ:

Менгли поклялся за себя и наслѣдниковъ своихъ въ вѣчной покорности Портѣ и согласился, чтобы ханы возводились на престоль и низвергались съ него, по волѣ султановъ.

Противъ этого Магометъ II обязался не возводить на Крымскій престоль никого другаго, кромѣ князей изъ рода Чингизъ-хана и ни одного изъ членовъ этого рода не подвергать смертной казни, дозволилъ всенародно, послѣ себя, молиться въ мечетяхъ о ханѣ; ни въ какой письменной просьбѣ, касающейся блага страны, не отказывать ханамъ, оставлять за ними два знамени, а по одному Калгъ-султану, Нуредину, и Ширинъ-бею. Кромѣ этого обязывался, на случай требованія войска въ помощь отъ крымскихъ татарь, платить въ пользу мурзъ около 14 тыс. червонныхъ, а 20 тыс. на войско.

Когда подписанъ былъ этотъ договоръ, Менгли-герей, въ сопровожденіи важнѣйшихъ сановниковъ царства и депутатовъ изъ Крыма, введенъ былъ въ диванъ, куда прибылъ и султанъ. Какаджи-паша облекъ хана въ богатый кафтанъ, шитый золотомъ, надѣлъ на него каучукъ съ брилліантовымъ перомъ, а султанскій меченосецъ опоясалъ его саблею съ золотою рукояткою, осыпанною алмазами, и возложилъ на плечи его колчанъ

съ стрѣлами. При этой церемоніи прочитана была султанская грамота, а Шейхъ-исламомъ сказана рѣчь. Послѣ обычныхъ поздравленій, его вывели на улицу и отсюда, посадивъ на коня, убраннаго великолѣпнымъ образомъ, сопроводили до назначеннаго дворца. Нѣсколько дней спустя ново-утвержденный ханъ отправленъ былъ въ Гезлевъ (Евпаторію) съ депутатами и турецкими сановниками, на обязанности которыхъ лежало обнародованіе султанскаго фирмана о возведеніи и утвержденіи Менгли-гирея крымскимъ ханомъ. Лишь только онъ прибылъ на родимый берегъ, событіе это возвѣщено было барабаннымъ босмъ и знаменемъ, поставленнымъ на городской площади. Здѣсь Менгли-гирея встрѣтили его друзья и ходатаи предъ султаномъ и торжественно ввели въ Бахчисарай, гдѣ народонаселеніе роптало и высказывало неудовольствіе противъ хана, признавашаго надъ ними турецкое господство.

Негодованіе крымскихъ татаръ противъ Менгли-гирея ровно не имѣло никакого значенія, потому что онъ не обязывался передъ султаномъ за народъ ни въ чемъ. Когда поняли это татары, они сознали его заботливость о нихъ и благодарили хана, съумѣвшаго заставить султана держать въ Крыму войска, которые охранили бы ихъ спокойствіе отъ враждебныхъ сосѣдей. Это было для нихъ выгодно въ томъ отношеніи, что нападая на російскія владѣнія, они, въ случаѣ преслѣдованія, имѣли защитниками турокъ—охранителей перекопскихъ воротъ, единственнаго, по ихъ мнѣнію, пути въ Крымъ. При этомъ порабитители ихъ не взидали съ нихъ никакихъ податей, были единовѣрны, говорили однимъ языкомъ и не вмѣшивались въ ихъ образъ правленія. Власть султана выражалась только тѣмъ, что, по требованію его, смѣнялись ханы или выводили къ нему изъ Крыма въ помощь до 80 тыс. войска; если же посылался калга или нурединъ-султанъ, то не больше 40 т. Что турки не считали крымскихъ хановъ за обыкновенныхъ вассаловъ своихъ и малю интересовались окончательнымъ присоединеніемъ Тавриды къ своимъ владѣніямъ, это видно изъ фирмановъ султанскихъ, которые начинались слѣдующимъ образомъ:

„Настоящаго нынѣшняго времени государь и въ царехъ избранный сынъ меккскій и свѣтосіяющій мединскій и святаго Іерусалима, Бѣломорскій и Черноморскій, восточный и западный и тамошнихъ градовъ и земель и всѣхъ семи странъ государь и надъ цари царь, свѣтлѣйшій, хвальнѣйшій и страшнѣйшій государь, султанъ султановъ сынъ, царь царевъ сынъ *такой-то*, его же да сохранить Богъ въ величествѣ и въ дерзновеніи на многія и безконечныя лѣта! къ его преславному порогу величайшій и высочайшій, мудроразумнѣйшій братъ нашъ *такой-то* гирей, ханово величество *)).

Изъ послѣднихъ строкъ этого фирмана можно замѣтить, что султаны турецкой имперіи, обращались къ крымскимъ ханамъ не какъ къ побѣжденнымъ, а какъ къ младшимъ братьямъ своимъ, за поведеніемъ которыхъ слѣдили только съ цѣлью расположить къ себѣ народонаселеніе Крыма; а чтобы вполне удовлетворить послѣднихъ, султаны платили жалованье важнѣйшимъ мурзамъ ханства съ тѣмъ, чтобы они сообщали Портѣ о всѣхъ предпріятіяхъ гиресевъ и степени расположенности къ нимъ народа. Проще, крымскіе мурзы дѣйствовали въ качествѣ шпионовъ, что было извѣстно ханамъ и вслѣдствіе чего, эти послѣдніе обязаны были по-неволѣ подчиняться нерѣдко оскорбительнымъ требованіямъ ихъ изъ-за того только, чтобы не заслужить ненависть, клевету и потерю трона. И еслибы эти мурзы не находились въ постоянной враждѣ съ гиреями, то, естественно, турецкіе султаны не имѣли бы повода безпрестанно смѣнять крымскихъ хановъ, изъ которыхъ многіе нисколько не провинились предъ ними лично. Такихъ примѣровъ намъ представляетъ исторія множество, и именно: Сеадеть-гирей ханъ былъ сверженъ съ престола ради удовлетворенія происковъ дяди своего Сеадета, но и этотъ послѣдній, возбудившій противъ себя негодованіе мурзъ, долженъ былъ въ 1533 году отказаться отъ господства. Въ 1534 году его заступилъ Сагибъ-герей, но и его постигла таже участь. Съ Ма-

---

*) См. статейный списокъ посланниковъ русскихъ, Тяпкина и Зотова къ крымскому хану въ 1681 году.

гометь-гиреемъ поступлено было варварскимъ образомъ: онъ былъ убитъ съ главнѣйшими союзниками царства, а возведенный на мѣсто его Исламъ-гирей сосланъ былъ въ ссылку на островъ Родосъ. Участи послѣдняго подвергнулся и Джанибекъ, дважды свергнутый и возводимый на престолъ. Съ 1633 по 1644 годъ, въ Крыму царствовало три хана: Инаетъ, Багадуръ и Магометъ; изъ нихъ первый, по волѣ султана, былъ убитъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ калюю, а послѣдній, Магометъ, изгнанъ съ престола на третьемъ году. Возарившійся въ 1666 году Адильчебанъ-гирей принужденъ былъ уступить ханство Селимъ-гирею, проживавшему въ Турціи въ качествѣ заложника. Этотъ ханъ нѣсколько разъ лишался престола и снова возводился на него по прихотямъ султановъ и крымскихъ татаръ; но впослѣдствіи, за немовѣрные успѣхи въ оказаніи помощи Турціи, получилъ титулъ отца султана и могъ бы смѣстить стамбульскаго владыку, еслибъ согласился на предложеніе янычаръ. Послѣдующіе затѣмъ ханы: Гази-гирей, Девлетъ-гирей, Ахметъ, Капланъ, Девлетъ, Менгли, Селимъ, Арсланъ, Алимъ, Керимъ и Девлетъ гирей, безпрестанно были сводимы и снова по нѣсколько разъ возводимы на крымскій престолъ, то за ослушанія султанской власти, то за необдуманнныя совѣты начать войну противъ Россіи, то просто въ удовлетвореніе происковъ визирей или муръзъ. Естественно, что народу не было до этого надобности, потому что подкупленное духовенство, желая вселить въ него высокое почтеніе о султанахъ, не иначе относилось о послѣднихъ, какъ именуя ихъ преемниками калифовъ, хранителями ключей священной Мекки и главою магометанской вѣры. При этомъ татары, отлично понимая свое ничтожество передъ блистательною Портою, старались всевозможными мѣрами не сопротивляться ея распоряженіямъ, нисколько не касающимся до ихъ быта. Для нихъ нужна была самостоятельность, личная и сильный покровитель, на случай осажденія страны враждебнымъ народомъ; ханомъ же они готовы были признать того, кого назвали бы этимъ именемъ муръзы и улемы. Вообще народъ не ощущалъ особенной надобности въ правительствѣ: для него

важнѣе было духовенство, къ которому онъ и обращался во всякъ случаѣхъ жизни и землевладѣльцы, на землѣ которыхъ обиталь и въ крайности надѣялся пользоваться матеріальнымъ вспоможеніемъ.

Между тѣмъ ханы и вообще покорнѣе Чингисово, сознавъ, что положительно утрачена ихъ свобода со дня признанія надъ собою зависимости турецкихъ султановъ, употребляли всевозможныя усилія высвободиться изъ подъ опасной для нихъ опеки; но увы, всякія ихъ начинанія по этому поводу кончались ссылкой или смертью. Иго это продолжалось до 1771-го года или до времени вошествія въ Крымъ съ русскими войсками кн. Долгорукова, взяшаго всѣ турецкія укрѣпленія, за исключеніемъ Евпаторіи. Царствовавшій въ это время въ Крыму Селимъ-гирей бѣжалъ съ султанскими войсками въ Турцію, а татары избравъ на мѣсто его Шагинъ-гирея, объявили ханство независимымъ отъ всякаго рода султанскихъ требованій и уступили Россіи Керчь, Еникале и Кинбурзь. Пункты эти были очень важны для насъ и со дня занятія ихъ, легко было понять, что приближалась минута присоединенія Тавриды къ Россіи. Царствовавшій въ это время въ Стамбулѣ султанъ Мустафа III употреблялъ всевозможныя усилія замѣнить Шагинъ-гирей-хана лицомъ болѣе преданнымъ своимъ интересамъ, но такъ какъ это не удалось, то онъ началъ волвать ногайцевъ и въ то же время заискивать дружбу Шагинъ-хана. Узнавъ о послѣднемъ удачномъ плавлѣ Мустафы, императрица Екатерина возвела на Крымскій престолъ Девлетъ-гирея; но вскорѣ затѣмъ ею снова подтвержденъ ханомъ Шагинъ-гирей. Турецкій султанъ, чтобы польстить ему, и въ свою очередь прислалъ всѣ знаки царскаго достоинства какъ напр. кафтанъ, чалму и саблю съ тѣмъ, чтобы онъ приказалъ по всемъ мечетямъ всенародно молиться о немъ, принималъ судей, назначаемыхъ Константинопольскимъ кадьяскеромъ и чеканилъ монету съ турецкимъ штемпелемъ. Между тѣмъ оставшійся въ Крыму Девлетъ-гирей, полный ненависти къ русскому правительству, началъ служить проискамы турецкихъ министровъ съ цѣлью возвращенія Крыма подъ скинетръ султана. Дѣйствія его пресратились, по

требованію Россіи, изгнаніемъ изъ Крыма со всеми приверженцами. Однако послѣ этого турецкіе эмисары успѣли возбудить татаръ къ сверженію Шагинъ-гирея и назначенію на мѣсто его снова Девлетъ-хана, котораго признавая, султанъ объявилъ, что независимость татаръ не можетъ согласоваться съ магометанскою вѣрою и что уступка трехъ городовъ Россіи противна пользамъ исповѣдующихъ мусульманство. Послѣдняя выходка послужила поводомъ къ объявленію Россіею войны, прекратившейся Кучукъ-кайнарджинскимъ миромъ, возведеніемъ на Крымскій престолъ снова Шагинъ-гирея и полною независимостью татаръ отъ Турецкаго господства. Въ продолженіи этой войны, Турція, не смотря на свое безсиліе противостоять побѣдоносному движенію русскаго войска къ Стамбулу, не забывала за Крымъ и какъ только узнала, что въ него вступилъ Кутузовъ съ войсками, незамедлила отправить эскадру съ десантомъ, съ цѣлью поднять на ноги всѣхъ татаръ, но десантъ не осмѣлился высадиться въ тылъ нашей арміи, а предпочелъ забратъ на южный берегъ Крыма въ мѣстечко Алушту, чтобы здѣсь соединиться съ народонаселеніемъ и занять хребетъ Яйлы какъ недоступную по ихъ мнѣнію позицію. Благоразумный планъ этотъ былъ однако разстроень желаніемъ ограбить христіанское народонаселеніе южнаго берега и пока они выполняли его, русскіе, войска успѣли перейти чрезъ Яйлыскую возвышенность и занять превосходную позицію въ виду непріятельской эскадры. Турецкіе войска поспѣшили возвратиться въ Алушту съ страстнымъ желаніемъ сразиться съ гяурами и немедленно двинулись въ походъ, который кончился ихъ бѣгствомъ и чуть-чуть не общимъ плѣненіемъ всей турецкой арміи. Это былъ послѣдній актъ дѣйствія Турецкихъ султановъ на утраченной ими на всегда почвѣ Тавриды. Однако и послѣ Кучукъ-кайнарджинскаго мира турецкое правительство не переставало возбуждать татаръ къ поголовному возстанію противъ Шагинъ-гирей-хана. Подстрекательство это дѣйствительно подѣйствовало и большинство народонаселенія взялось за оружіе, но это бессознательная вспышка, уже разложившаяся и неспособнаго къ самостоятельному существованію дар-

ства, кончилось тѣмъ, что Крымъ присоединенъ былъ къ Россіи, и большая часть Крымскихъ татаръ, считавшихъ грѣхомъ вступить въ подданство мауровъ, переселилась въ турецкія владѣнія.

Высказавъ какимъ образомъ началось и окончилось господство Турецкихъ султановъ въ Крыму, мы обязаны теперь познакомить нашихъ читателей съ тѣмъ, что сдѣлали эти повелители для Тавриды и вообще для народонаселенія ея, грубаго и отчасти продолжавшаго кочующую жизнь. Присоединивъ къ своимъ владѣніямъ Черное море для полнаго обезпеченія Константинополя за собою, Турецкое правительство, подчинивъ себя хановъ, имѣло въ виду создать изъ Крымскихъ татаръ стражу, оберегающую восточную границу своей имперіи отъ всякаго рода неожиданныхъ вторженій. Вотъ вѣдствіе этого Турціи было несравненно благоразум-

Турецкій Мулла.

нѣе сохранить за ними самостоятельность отдѣльнаго государства, въ убѣжденіи, что народъ сознавшій свою независимость, всегда охотѣе се защищаетъ, но такъ какъ татарскіе ханы могли бы и измѣнить, то султаны распорядились занять своими войсками все входы въ Крымъ съ сухаго пути и моря. Затѣмъ повидимому они

задались мыслью переобразовать татаръ на свой манеръ, чтобы заставить ихъ считать себя единымъ народомъ, обязаннымъ вѣчно признавать надъ собою верховное господство Мекьскаго калифа. Для достиженія послѣдней цѣли, Турція воспитывала молодыхъ татаръ, предназначенныхъ для занятія высшихъ государственныхъ должностей, наставниковъ медресе (семинарій), хатиповъ и муллъ; но болѣе всего она настаивала на томъ, чтобы всѣ кадїи или народные судьи непременно назначались изъ Константинополя для того, чтобы народъ судился по турецкимъ законамъ и признавалъ ихъ за священныя основанія, установленныя пророкомъ для всѣхъ магометанъ. Требованіе это было охотно уважено ханами, мало заботящимися о правосудїи по правиламъ; между тѣмъ это, не особенно важное съ виду обстоятельство, до того освятилось временемъ и усвоилось татарами, что и въ наше время всѣ ихъ уѣздные кадїи и прочее духовенство буквально руководствуются турецкими законами при разборѣ всякаго рода тяжбъ и недоразумѣній, хотя и убѣждены, что турки плохіе исполнители заповѣдей пророка. Не менѣе важно было то, что во всѣхъ мечетяхъ духовенство сотворяло молитву о султанахъ и такимъ образомъ подготовляло народъ къ благоговѣнїю предъ личностью, будто бы принявшею на себя покровительство надъ малосильными единовѣрцами. Съ другой стороны на бѣдныхъ татаръ сильно дѣйствовала роскошная жизнь и сбстановка турецкихъ войскъ, естественно возбуждающихъ въ нихъ зависть и охоту служить такому щедрому и могущественному падишаху, какъ Стамбульскій. Это отразилось тѣмъ, что большинство болѣе развитыхъ и смѣлыхъ татаръ стремились въ Константинополь для обогащенія, а при малѣйшемъ неудовольствїи переселялись туда съ семействами. Тоже самое, только въ громадномъ размѣрѣ совершалось при взятїи русскими Крыма и еще недавно послѣ Крымской кампанїи; тоже самое продолжается и теперь со стороны недовольныхъ нашимъ правительствомъ или провинившихся. Вообще же спокойное и дружественное обхожденіе турокъ съ мѣстными жителями, которые хотя и не могли къ нимъ чувствовать особенной симпатїи по

несходству натуръ, сохранили желаніе у Крымскихъ татаръ жить въ обществѣ ихъ въ качествѣ земледѣльцевъ и домашней прислуги. Таковы были послѣдствія Турецкаго господства въ Крыму, продолжавшагося ровно 300 лѣтъ.

Теперь обратимъ наше вниманіе на мѣстности, занимаемыя ихъ войсками. Послѣ изгнанія генуэзцевъ изъ Крыма султанъ Магометъ II приказалъ арміи своей занять всѣ пункты полуострова, посредствомъ которыхъ производилось внутреннее сообщеніе съ Крымомъ, но такъ какъ не было особенной надобности и необходимости въ содержаніи большихъ гарнизоновъ, а для небольшихъ нужны были прикрытія, то послѣдующіе за ними падишахи распорядились создать различнаго рода укрѣпленія съ участіемъ хановъ и народонаселенія. Важнѣйшими считались: Перекопское, Арабатское и Еникальское, какъ охранители границъ со стороны Ахъ-бейскаго народа *), въ сильной степени враждебнаго мусульманамъ. Всѣ эти укрѣпленія были каменные, обширныхъ размѣровъ и снабжены пушками. Въ первомъ изъ нихъ, какъ важнѣйшемъ для ханства, кромѣ коменданта, жилъ одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ хана подъ именемъ Оръ-бея. Укрѣпленіе это, полагаютъ, воздвигнуто въ царствованіе Сагибъ-гирей-хана, по требованію котораго, перекопскій ровъ открытъ на 20 аршинъ въ ширину и на 7 въ глубину. Вторая крѣпость т. е. Арабатская, воздвигнутая для защиты прохода чрезъ Арабатскую стрѣлку, судя по развалинамъ, была велика и заботливо подготовлена для выдержки осады со стороны Теръ-оглу (т. е. казаковъ **). Еникальская крѣпость, предохранявшая входъ изъ Азовскаго моря, воздвигнута *** вѣ царствованіе султана Ахмета и состояла въ управленіи турецкаго паши, имѣвшаго здѣсь свой обширный сераль. Кромѣ этихъ укрѣпленій, турки починивъ Евпаторію, поселили въ ней пашу съ гарнизономъ. Тоже самое было сдѣлано въ Тесдосіи,

*) Такъ назывался татарами русскій царь. Ахъ-бей въ переводѣ значить бѣлый князь.

***) Теръ-оглу въ переводѣ дѣти пота.

***) Безъ сомнѣнія на развалинахъ древней крѣпости.

гдѣ оставались генуэзскія крѣпости. Въ Судахъ, Балаклавѣ. Инкерманѣ и Мангупѣ также поселены были небольшіе отряды турокъ, какъ надобно полагать съ цѣлью предосторожности противъ хановъ и туземцевъ-татаръ, чтобы лишить ихъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Впрочемъ послѣднія крѣпости, когда турки убѣдились, что татары не мечтаютъ сбросить съ себя выгодное для нихъ покровительство султановъ, были очищены отъ гарнизоновъ и замѣнены полицейскими стражами, наблюдавшими за плѣнниками и сосланными сюда нарушителями государственнаго покоя. Къ числу послѣднихъ обыкновенно причислялись всѣ тѣ ханы, которые свергались по прихотямъ султановъ съ престола. Сколько намъ извѣстно, эти эксъ-властители должны были переселяться въ Балаклаву и состоять подъ наблюденіемъ властей этого города. Болѣе же беспокойные перевозились въ окрестности Адрианополя и на островъ Родосъ, гдѣ содержались въ видѣ плѣнниковъ на счетъ турецкой казны.

По предположеніямъ нѣкоторыхъ писателей, турецкіе султаны будто бы пользовались податями отъ тѣхъ жителей, которые обитали въ занимаемыхъ ихъ войсками городахъ; предположеніе это не оправдывается никакими дошедшими до насъ документами и опровергается тѣмъ, что султаны отъ себя выдавали денежные вознагражденія ханамъ, его войску и первостатейнымъ мурамъ. Изъ народныхъ же преданій извѣстно, что изъ Крыма ежегодно принято было отправлять владыкѣ Стамбула и его министрамъ въ значительныхъ массахъ медь и воскъ въ подарокъ отъ имени народонаселенія и его официальныхъ представителей. Другіе утверждаютъ, что не платили туркамъ ничего только одни мусульмане; но всѣ хрістіане и караимы вносили гарачъ, преимущественно пшеничнымъ зерномъ.

Во всякомъ случаѣ, безпристрастный историкъ, обзрѣвая трехсотлѣтній періодъ турецкаго покровительства крымскимъ татарамъ, найдетъ, что господство это принесло чрезвычайно много пользы какъ въ нравственномъ, такъ равно и въ матеріальномъ отношеніи народу грубому, бѣдному и совершенно неспособному развиваться

подъ вліяніемъ христіанъ-европейцевъ, въ сосѣдствѣ которыхъ онъ очутился. Мы не ошибемся, если даже утвердительно скажемъ, что долговременной самостоятельности крымскаго ханства главнѣйшимъ образомъ послужила Турція, не падившая никакихъ средствъ для предупрежденія нападений со стороны Россіи и всегда почти дѣйствовавшая противъ нея, какъ только дѣло касалось до завоевательныхъ цѣлей. Увѣренные въ этомъ татары чувствовали себя непобѣдимыми и безъ всякаго страха нападали на сосѣднихъ христіанъ съ цѣлью обогащенія, что и удавалось имъ почти всегда безнаказано. Эти заманчивыя похищенія сдѣлали ихъ ловкими и хитрыми наѣзdnиками и отважными воинами. Гораздо болѣе для татаръ турки сдѣлали тѣмъ, что приучили ихъ къ осѣдлой жизни и примѣрами увлекли къ выгоднымъ для нихъ коммерческимъ дѣламъ. Обильная въ это время скотоводствомъ Таврида, не имѣла возможности сбывать свои произведенія константинопольскимъ купцамъ, прекратившимъ торговлю послѣ сокрушенія генуэзскихъ факторій въ Крыму, кромѣ же константинопольскаго рынка и нѣкоторыхъ приморскихъ городовъ юго-западной Европы другія сосѣдственныя крымскому полуострову страны не только не имѣли въ этомъ надобности, но даже сами, какъ напр. Кавказъ, пригоняли свои стада для продажи на базарахъ Тавриды. Какъ только турки сблизились съ татарами, а послѣдніе узнали ихъ домашнія потребности, отчасти подходящія къ ихъ собственнымъ, всѣ они съ большею энергіею принялись за скотоводство и такого рода промыслы, которыми мало занимались гордые и лѣнныя отъ природы турки. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ, Крымъ превратился въ рынокъ Стамбула, на которомъ ежегодно продавались десятки тысячъ плѣнниковъ и плѣнницъ изъ Польши, Литвы, Малороссіи и Кавказа; отсюда вывозились въ большихъ массахъ солонина, бараній жиръ, кожи, сафьяны, войлоки, бурки, сѣдла, лошади, овцы, медъ и соль и т. п. Сталкиваясь поминутно съ своими богатыми и сравнительно просвѣщенными господами, татары съ каждымъ днемъ все болѣе усвоивали себѣ нравственныя достоинства и недостатки блистательныхъ

съ виду порабитителей ихъ хановъ. Затѣмъ они начали судиться турецкими законами, заговорили турецкимъ нарѣчіемъ, утраченнымъ въ неволѣ у монгольцевъ, а когда турки начали жениться на ихъ дочеряхъ, всѣ они увлеклись образомъ жизни повелителей друзей и буквально переняли отъ нихъ важнѣйшія правила общежитія и ненависть къ народамъ, неисповѣдающимъ исламизмъ. Въ то время къ нимъ уже съѣзжались изъ Стамбула архитекторы, познакомившіе ихъ съ искусствомъ строить обширныя и роскошныя мечети, бани, фонтаны и другаго рода увеселительныя и полезныя постройки; за этими слѣдовали поэты или шуристы, поражающіе толпы своими рижованными импровизаціями, сказочники и т. п. искатели славы, денегъ и приключеній. Всѣ они возбуждали въ невѣжественныхъ, до этого времени, монголахъ охоту подражать имъ и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть тѣ мѣста, гдѣ рождались и воспитывались эти мудрые пришельцы. Мы увѣрены также и въ томъ, что крымскіе татары только по прямѣру, указанному имъ турками, начали посѣщать Мекку и Медину въ качествѣ исполнителей одной изъ главнѣйшихъ религіозныхъ заповѣдей Корана.

Въ заключеніе мы обязаны сказать нѣсколько словъ о тѣхъ городахъ, въ которыхъ проявлялась въ большей степени дѣятельность турукъ. Такихъ городовъ было два на противоположныхъ берегахъ Тавриды и именно: Гезлевъ (Евпаторія) и Кафа (Феодосія). Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ имѣли резиденцію турецкіе паши. Въ Евпаторію, сколько извѣстно намъ по преданіямъ, прибывали всѣ тѣ, ко имѣлъ товары, направленные въ Крымъ или думалъ набрать соли изъ Сакскихъ озеръ и тогда славящейся своею доброкачественностью предъ прочими крымскими; что касается Феодосіи, смежной съ Азовскимъ моремъ, Керченскимъ проливомъ (изобиловавшими рыбою), Кавказомъ и самою хлѣбородною частью Таврическаго полуострова, то городъ этотъ быстро началъ населяться купцами и въ теченіи непродолжительнаго времени до того сдѣлался извѣстнымъ, что константинопольцы назвали его вторымъ Стамбуломъ. По народнымъ преданіямъ, въ

это время всё почти богатѣйшее бей и мураны Крыма имѣли здѣсь свои увеселительные серали. Сотни фонтановъ шумѣли на площадкахъ и по улицамъ, представляющимъ на всякомъ шагѣ роскошныя кофейни, въ которыхъ съ утра до поздней ночи толпились купцы Азіи, забавляющіеся состязаніемъ поэтовъ-импровизаторовъ, и другаго рода талантливыхъ авантюристовъ, которыхъ ласкали и возносили турки съ цѣлью показаться знатоками лучшихъ мірскихъ удовольствій. Кромѣ этихъ наслажденій каждый правовѣрный имѣлъ возможность выбирать себѣ по вкусу лучшую изъ продающихся плѣницъ за ничтожную сумму и наслаждаться ею до тѣхъ поръ, пока это доставляло ему наслажденіе. Словомъ, Θεодосія въ турецкое господство представляла рай, обѣщанный правовѣрнымъ пророкомъ и этимъ заманивала къ себѣ любителей чувственныхъ упоеній, которые и основывали здѣсь мѣстопробываніе. Однако въ то время, когда городъ этотъ превратился въ Садомъ и Гоморру, когда развратъ перешагнулъ чрезъ послѣднюю стѣнень возможности, ему суждено было погибнуть предъ русскимъ оружіемъ и Θεодосія снова превратилась въ скромный и гостепріимный городокъ туземцевъ. Таковымъ онъ былъ въ 1775 году, т. е. нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ Кучукъ-кайнарджинскаго мира, лишившаго навсегда турокъ господства въ Крыму, которые, къ сожалѣнію нашему, оставили намъ очень немного памятниковъ своего долговременнаго пребыванія въ отрадной для нихъ Тавридѣ. Изъ этихъ памятниковъ сохранились развалины Арабатской и Еникольской крѣпостей, нѣсколько надгробныхъ камней, переставленныхъ на чужія могилы и мечеть въ Евпаторіи, признаваемая нѣкоторыми ихъ работою, созданною по образцу Софійской церкви въ Константинополѣ *). Эти только монументы напоминаютъ намъ о давно-прошедшемъ гарцованіи турокъ въ Тавридѣ; но большинство Татаръ, приносявая эти памятники своимъ пращдамъ, положительно не вѣрятъ, чтобы когда-либо властвовали надъ ними турки, къ которымъ они въ настоящее время не чувствуютъ никакой рели-

*) Но мы не вѣримъ, что храмъ этотъ выстроенъ ими.

гюзной и дружественной симпатіи и которые въ свою очередь питають къ крымскимъ татарамъ полное равнодушіе за то, что они отложились отъ нихъ и предались покровительству Россіи, съумѣвшей окончательно поработить ихъ своей власти.

Послѣднимъ неудачнымъ подвигомъ со стороны турокъ, жаждавшихъ возстановить свои права въ Крыму, было желаніе взволновать татаръ противъ русскихъ и хана въ 1778 году. Съ этою цѣлью они выслали къ крымскимъ берегамъ флотъ изъ 15 кораблей и множества мелкихъ судовъ, подъ предводительствомъ капитана-паши Гассанъ-Али-бея, который рѣшился послать на берегъ къ Суворову чиновниковъ допрашивать; по какому праву русскія войска находятся въ Крыму, а суда ихъ плаваютъ по Черному морю? Суворовъ отвѣтилъ, что войска стоятъ въ Крыму, по просьбѣ татарскаго правительства, а флотъ нашъ плаваетъ для охраненія полуострова отъ враговъ. Послѣ этого отвѣта Гассанъ-бей послалъ восемь небольшихъ судовъ въ Севастопольскую бухту для возмущенія татаръ противъ хана и русскихъ, а самъ возвратился въ Константинополь. Суда эти стояли въ Ахтарѣ до тѣхъ поръ, пока Суворовъ совмѣстно съ Крымскимъ ханомъ не приказали начать постройку баттарей на сѣверномъ берегу бухты.

Съ этого времени турецкое правительство перестало питаться надеждою на возстановленіе правъ своихъ на Таврическомъ полуостровѣ.

Крымскіе Армяне.

Въ Тавридѣ издавна обитають Армяне григоріанской и католической секты, потомки тѣхъ властителей Великой Арменіи, которые въ началѣ IV вѣка приняли христіанскую вѣру отъ сосѣдственныхъ имъ малоазіатскихъ грековъ и усердно предались Аѳинской и Римской цивилизаціи, — потомки тѣхъ, которые изъ любви къ прекраснымъ произведеніямъ великихъ ораторовъ древности, съумѣли большинствомъ сохранить труды св. отцовъ греческой церкви: Аѳанасія, Василія Кесарійскаго, Григорія Назіанзина, двухъ Кирилловъ: Іерусалимскаго и

Александрійскаго, Іоанна Златоуста, Евсевія, Филона, Ефрема и другихъ и которые гордятся именемъ Прозерезія, заслужившаго въ Римѣ великолѣпную статую съ надписью: *Regina regum Roma regi eloquentiæ* *) т. е. Римъ царь всемірный, царю краснорѣчія.

Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ описанію отличительныхъ свойствъ и дѣятельности этого народа въ Крыму, постараемся познакомить читателя нашего съ главнѣйшими событіями исторіи армянъ, утратившихъ самостоятельность и какъ известно разсѣявшихся по всему міру.

Арменія, въ началѣ независимаго существованія, дѣлилась на множество незначительныхъ княжествъ, которыя, враждуя между собою, дѣлали эту страну побѣдимую для такихъ царствъ и народовъ какъ наприм. ассирійское, персидское, византійское, скивовъ, аравитянъ и кавказскихъ горцевъ, между которыми страна эта находилась. Послѣ нашествія Александра Македонскаго, Арменія недолго держалась противъ селевкидовъ. Затѣмъ, освободившись, отъ нихъ перешла во власть парянъ, а потомъ досталась въ распоряженіе сассанидовъ, которые употребляли различнаго рода насилія, чтобы заставить армянъ отказаться отъ христіанства и изученія греческаго языка. Насилія эти прекратились всеобщимъ возстаніемъ ихъ, подъ начальствомъ храбраго Вартана и заставили поработителей отказаться отъ вмѣшательства въ ихъ религіозныя дѣла. Впослѣдствіи, когда аравитянамъ досталась Персія, Сирія и Египеть, арменія управлялась назначенными отъ калифовъ оздиганами или пашами, которые жестоко расправлялись съ побѣжденными. Въ концѣ IX вѣка армянскій престолъ возстановленъ, въ лицѣ одного изъ членовъ дома Багратидовъ, скорѣе для того, чтобы облегчить вѣрность поступленія въ калифскую казну податей и налоговъ подъ личною отвѣтственностію народнаго представителя. Съ убіеніемъ же Какига II, династія багратидовъ прекратилась и арменія въ анархіи, представилась легкою добычею туркамъ, которые въ 1060 году ворвались въ

*) Eunape vie des Philosophes.

Араратскую область и предали разрушенію столичный городъ ихъ Ани, который съ этого времени принадлежалъ попеременно, то курдскимъ эмирамъ, то царямъ грузинскимъ, то султанамъ персидскимъ. Это продолжалось до той поры, пока явились новые побѣдители монголы, заставившіе лучшіе армянскіе роды искать убѣжища въ чужихъ странахъ. Тогда одинъ изъ родственниковъ послѣдняго багратида съ толпою приверженныхъ къ нему воиновъ, напалъ на Киликію и основалъ въ ней мало-армянское царство съ династіею рупеновъ, но и это царство въ 1374 году было сокрушено египетскими султанами.

Въ половинѣ 14-го вѣка, когда царство монгольское распалось, Армения раздроблена была на части и досталась персамъ, курдамъ, османамъ и туркменцамъ. При Тамерланѣ она вновь вошла въ число его владѣній и лишилась лучшихъ сыновъ своихъ. Послѣ смерти этого варвара Армения снова сдѣлалась ареною войскъ между персидскими и турецкими султанами, изъ которыхъ самая пагубная была Шахъ-Аббаса 1-го съ султаномъ Ахметомъ 1-мъ изъ-за границы Арменіи. Шахъ, утомленный этими раздорами, для предупрежденія ихъ, рѣшился совершенно раззорить Армению и распорядился силою выселить народонаселеніе въ свое обѣдѣвшее царство, а города и села ихъ предать огню. Вотъ, въ промежуткѣ этой печальной эпохи, множество армянъ, въ сознаніи своего безвыходнаго положенія, рѣшились переселиться въ Тавриду въ генуэзскую Кафу, въ то время почти независимую и славную въ коммерческомъ мѣрѣ.

По преданіямъ, сохранившимся у этого народа, большинство изъ армянъ переселилось въ Кафу изъ города Ани, куда навѣрно являлись за невольниками генуэзцы, сманивавшіе ихъ къ себѣ для увеличенія числа городского народонаселенія. Въ подтвержденіе этого, армяне до настоящаго времени указываютъ на какіе-то документы, хранящіеся въ Θεодосійской церкви и рѣзныя двери, будто бы принесенныя ими изъ Ани. Я видѣлъ послѣднія въ 1857 году и могу свидѣтельствовать, что онѣ дѣйствительно очень вѣтхи и представляютъ замѣча-

тельный памятникъ народа разумнаго и трудолюбиваго. Но въ какомъ числѣ и какимъ путемъ они прибыли въ Феодосію, это покрыто мракомъ неизвѣстности. По предположеніямъ однихъ, ихъ, явилось до 50 тыс. человѣкъ, а по другимъ преданіямъ вдвое больше; что же касается пути слѣдованія, надо полагать, что они слѣдовали моремъ на генуэзскихъ судахъ, которыя прибыли къ одному изъ побережій юго-восточной части Чернаго моря, откуда забравъ ихъ, привезли прямо въ Феодосійскую бухту. Повѣряя первое преданіе, по количеству оставленныхъ этимъ народомъ памятниковъ въ Феодосіи и сопоставляя число ушедшихъ изъ Крыма армянъ въ 1778—79 году въ Нахичеванскую область, мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія допускать, что народъ этотъ явился въ Тавриду въ такой значительной массѣ, впоследствии же можетъ быть цифра эта увеличилась переселеніемъ одиночныхъ семействъ, не только изъ одной Арменіи, но и изъ Константинополя. По историческимъ даннымъ намъ извѣстно, что въ 1316 году они занимали въ Кафѣ обширный кварталъ, имѣли церкви, монастыри и даже епископа, который построилъ на свой счетъ одинъ изъ главныхъ водопроводовъ города, а полвѣка спустя, они до того разбогатѣли, что въ состояніи были наравнѣ съ другими зажиточными представителями Кафы воздвигать крѣпостныя стѣны и другаго рода укрѣпленія вокругъ города. Ясно, что народъ этотъ не оставался въ пассивномъ состояніи, а дѣйствовалъ съ бѣльшими даже успѣхами въ дѣлахъ торговли противъ генуэзцевъ, которые не могли знать подобно имъ ни языка, ни нравовъ монголо-татарско-турскихъ племенъ. Умѣніе армянъ обращаться съ этими полудикими племенами съ приличною почестью, надо полагать, весьма много содѣйствовало тому, что крымскіе и другіе азіатскіе народы начали посѣщать Кафу и миролюбиво относиться къ ея не только разумному образу управленія, но даже расширенію владѣній внутри областей чингизханскаго рода. Всего вѣрнѣе, что и представители генуэзской факторіи, обдѣлывали всѣ дѣла свои въ ханствѣ чрезъ посредство армянъ и по этому считали ихъ людьми чрезвычайно нужными и полезными

на такомъ пунктѣ, какъ Таврида. Безъ сомнѣнія, въ этихъ видахъ, католическое духовенство, въ надеждѣ сильнѣе привязать ихъ къ своей національности, начало употреблять всевозможныя шѣры для присоединенія къ католицизму и успѣло достигнуть цѣли. Тѣ, кто знакомъ съ историческою судьбою этого несчастнаго народа, всегда готоваго пожертвовать всею за религію отцовъ, тотъ естественно удивится ловкости іезуитовъ заставить ихъ молиться по латыни или проще на карѣтчи, совершенно непонятномъ для нихъ и усвоить такого рода религіозныя детали, противъ которыхъ враотцы ихъ готовы были скорѣе вооружиться, чѣмъ признать за догматическія истины. Останавливаясь на этомъ событіи, исторіографъ невольно задается вопросомъ: что могло заставить этотъ народъ предпочесть убѣжденія латинской церкви и непонятное для себя богослуженіе? Единственнымъ отвѣтомъ можетъ быть, во-первыхъ, что они увлеклись дружественными отношеніями властей Θεодосіи, во-вторыхъ, желаніемъ пользоваться равномѣрными правами гражданъ республики и наконецъ, отдѣлиться отъ того класса соотечественниковъ, которые или ниже ихъ стояли, или заставляли ихъ подчиняться своимъ первобытнымъ обычаямъ въ отличіе отъ прочихъ національностей. Всего вѣрнѣе, что принявшими католицизмъ были самыя богатѣйшіе и честолюбивѣйшіе изъ армянъ. По смутнымъ преданіямъ, дошедшимъ до насъ, іезуиты, знакомые съ силою воли армянъ, не вдругъ переломали ихъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, а дѣйствовали чрезвычайно хитро и именно увѣреніями, что разница григоріанства отъ католицизма состоитъ единственно въ томъ, что первые не признаютъ вселенскимъ патріархомъ папу Римскаго, избраннаго апостоломъ Петромъ и что все остальные религіозныя основанія до мелкихъ подробностей тождественны между ними. Армяне аристократы, жаждавшіе преимуществъ и равноправія въ факторіи съ господствующими, въ сознаніи, что для нихъ приличнѣе состоять въ зависимости отъ могущественнѣйшаго въ мірѣ царя-первосвященника, нежели безсильнаго и ничтожнаго армянскаго патріарха, охотно изъявили согласіе признать его своимъ духовнымъ гла-

вою. Достигнувши этого, проникательные иезуиты старались не только не нарушать правила ихъ богослуженія, но даже поддѣлываться къ нимъ въ полномъ убѣжденіи, что рано или поздно они, для болѣе рѣзкаго отличія отъ непослѣдовавшихъ имъ соотечественниковъ, сами потребуютъ какихъ-либо отличій и безприкословно примутъ даже серіозныя измѣненія, лишь-бы не возвратиться къ первобытнымъ правиламъ, исповѣдываемымъ младшею ихъ братіею, понашему въ разрядъ неразумныхъ фанатиковъ. Предположенія эти исполнились гораздо раньше, чѣмъ ихъ ожидали, и армяне Кафы, подраздѣлились на двѣ ненавистныя другъ другу религіозности. Тѣ, которые предалися папѣ, сдѣлались рождетствующими, а тѣ, которые остались при постановленіяхъ св. Георгія, должны были или преклониться предъ прозелитами, или уйдти отъ нихъ по дальше. Такъ какъ послѣднее средство было лучше, то они рѣшились выселиться въ окрестности Кафы и тамъ основать свои поселенія, чтобы безъ соблазна исповѣдывать въ наслѣдованномъ видѣ религію отцевъ. Послѣднее подтверждается развалинами храмовъ ихъ и основаніемъ въ Старомъ Крымѣ обширнаго монастыря, въ который перенесены были драгоценныя святости армянъ, привезенныя ими изъ отечества. Постройка этого монастыря на землѣ монголо-татаръ снова свидѣтельствуетъ, что армяне находились въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ ними, что подтверждается и преданіями татаръ.

Такимъ образомъ армяне въ Тавридѣ подраздѣлились на двѣ секты: католическую и григоріанскую. Первая, какъ сказано было выше, начала сдвигаться съ гетуэцами, а послѣдняя отдѣлилась отъ нихъ и выступила въ окрестности Кафы. Но были ли въ этой первой дѣйствительныя симпатіи къ итальянцамъ — трудно сказать; вѣроятнѣе думать, что они болѣе расположены были къ честнымъ въ сдѣлкахъ мусульманамъ. Предположеніе наше дѣлается правдоподобнымъ, если принять въ основаніе нѣкоторыхъ изъ писателей, доказывающихъ, что Кафа взята была турками въ теченіе трехъ дней, только при содѣйствіи восьми главныхъ армянскихъ купцовъ.

Съ паденіемъ генуэзскихъ факторій въ Крыму, армяне были приняты турками и татарами очень дружелюбно и безъ малѣйшаго сопротивленія дозволили имъ селиться въ странѣ по ихъ желанію. Тогда большинство ихъ, католическаго исповѣданія, перенеслись въ Карасубазарь, а григоріане сплотились въ Эски-Крымѣ. Съ этихъ двухъ городовъ они разѣзжались по ханскимъ владѣніямъ и положительно завладѣли торговлею всей страны. Давно знакомые съ образомъ жизни и обычаями турокъ и татаръ, они такъ хорошо вели свои дѣла и поддѣльвались подъ господствующія племена, что никогда почти не имѣли серіозныхъ столкновеній. Тотъ, кто хорошо знакомъ съ духомъ мусульманъ 15-го вѣка, если сообразитъ характеристическія свойства армянъ, навѣрно придетъ къ убѣжденію, что они были не только любимы, но даже и уважаемы первыми. И въ самомъ дѣлѣ, какъ должны были на нихъ смотрѣть татары, неспособные къ торговлѣ? Естественно, что, не замѣчая въ нихъ страсти вмѣшиваться въ политическія дѣла и сближаться съ враждебными народностями, они цѣнили ихъ какъ чисто-сердечныхъ друзей, всегда радушно принимавшихъ ихъ по усвоеннымъ правиламъ азіатскихъ обычаевъ. Армянинъ былъ у нихъ чѣмъ-то вродѣ современныхъ намъ евреевъ: онъ былъ ростовщикомъ, ремесленникомъ, хлѣбопеккомъ, банщикомъ, медикомъ, сказочникомъ, красно-рѣчивымъ собесѣдникомъ, веселымъ балагуромъ, борцомъ и смѣлымъ купцомъ, предпринимавшимъ путешествія въ отдаленныя части свѣта, откуда доставлялъ тѣ предметы, которые удовлетворяли татарскому вкусу, нѣгѣ и кейфу. Если къ этому мы прибавимъ, что люди эти никогда не доискивались привилегій, не старались создавать въ пользу своей религіи прозелитовъ, а напримѣръ, вѣрили въ честность татаръ, уважали ихъ убѣжденія и законы,— то натурально должны были пользоваться ихъ расположеніемъ и жить въ средѣ ихъ счастливо и гораздо спокойнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ тогдашнемъ торговомъ мірѣ. Расположеніе татаръ къ армянамъ даже и въ наше время какъ-то особенно рѣзко выражается въ обхожденіи и торговыхъ сдѣлкахъ. Вотъ по-этому то въ Тавридѣ нельзя встрѣтить ни единого армянина, который не го-

ворилъ бы по татарски также хорошо, какъ на отечественномъ языкѣ и который бы, не смотря на свое привилегированное положеніе, не подалъ бы дружественно руки самому бѣднѣйшему татарину, до настоящаго времени убѣжденному, что не можетъ быть наци умнѣе и честнѣе въ торговлѣ, чѣмъ крымскіе армяне. Вѣрованія татаръ отчасти справедливы и безпрестанно подтверждаются довольно крупными фактами, свидѣтельствующими объ отличныхъ умственныхъ способностяхъ этого народа, дорожащаго честнымъ именемъ и всегда готоваго содѣйствовать благамъ ближняго. Проживая съ этимъ народомъ почти съ дѣтства, я положительно не припомню между ними ни одного нищаго, который бы, обладая зрѣніемъ, руками и ногами, позволилъ бы себѣ выпрашивать подаеніе именемъ Бога. Всѣ они живутъ между собою единодушно, не тратятъ средствъ

Армянинъ.

на излишества, безмысленныя пирушки и пьянство, чужды понятія о развратѣ и преданы семейству, съ которыми обходятся ласково и снисходительно. Рѣзче всего въ этомъ народѣ то, что они еще сильно преданы татарскому образу жизни и мало знакомы съ европейскою обстановкою. Ихъ жены и дочери и теперь еще не

знають по русски и не охотно показываються на общественных прогулкахъ. Послѣднія, не смотря на свою неугомонную дѣятельность дома, всегда одѣваются чисто, всегда веселы и нетребовательны въ нарядахъ.

Народъ этотъ былъ бы самымъ красивымъ въ Крыму, еслибъ не тучнѣлъ при небольшомъ ростѣ своемъ и не имѣлъ бы крупныхъ чертъ лица. Всѣ они брюнеты въ высшей степени, съ грубоватымъ голосомъ, неповоротливы въ тѣлодвиженіяхъ, но обладаютъ быстрымъ соображеніемъ и находчивостію. Изъ нихъ рѣдкій не краснорѣчивъ при надобности и терпѣливъ при несчастіи. Работая всю недѣлю, армяне, послѣ выслушанія церковной литургіи, любятъ навѣщать ближайшихъ родственниковъ и затѣмъ поиграть въ карты въ кофейныхъ заведеніяхъ. Если ему придется выпить нѣсколько лишнихъ рюмокъ вина, онъ сейчасъ же требуетъ музыкантовъ и заставляетъ ихъ пѣть и играть любимыя татарскія пѣсни. Затѣмъ не прочь прійти домой, сопровождаемый звуками скрипки и бубенъ, чтобы показать свое джигитство семьѣ, которая принимаетъ его безупречно. Впрочемъ случаи эти въ наше время представляются скорѣе на свадебныхъ вечерахъ, гдѣ армяне охотно дозволяютъ себѣ попойку и гдѣ женихъ или распорядители стараются угощать на славу, чтобы возбудить въ нихъ благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ щедрость на подарки невѣстѣ. Въ армянахъ нѣтъ лукавства и зависти. Если одному изъ нихъ придется улучшить свое состояніе, то онъ охотно посодѣйствуетъ къ тому же и родственникамъ своимъ. Это удовлетворяетъ его честолюбію. Онъ совершенно чуждъ гордости, на какой бы ступени ни стоялъ, не злопамятенъ и уступчивъ къ просьбамъ. Въ семейномъ быту армянъ какъ-то рѣзко бросается въ глаза почтительность къ старикамъ и отцу семейства, которые никогда не стараются достигнуть этого насильственными мѣрами, а строгостью въ отношеніи самаго себя и манерами обхожденія съ этими. У армянъ, какъ у всѣхъ почти азіатскихъ народовъ, до настоящаго времени не измѣнился обычай женить своихъ сыновей рано, чтобы блюсти за ними при жизни своей. Тоже самое они дѣлають и съ дочерьми, не отказывая первому же-

нижу, какъ суженому отъ Бога. Въ привычкахъ этихъ скорѣе можно подмѣтить болѣе серьезное желаніе предохранить дѣтей своихъ отъ пагубныхъ послѣдствій чрезвычайно пылкой натуры.

Армяне не особенно взыскательны къ ѣдѣ: даже самыя зажиточныя изъ нихъ довольствуются мискою супа или чѣмъ нибудь мяснымъ. На всѣ религіи смотрятъ хладновровно и не охотники до схоластическихъ вреній. Съ одними только греками порою перебраниваются за какой-то споръ праѣдовъ своихъ въ Іерусалимѣ. Споръ этотъ по рассказамъ грековъ, произошелъ будто изъ за того, что они повсюду хвалились, что святой огонь сходитъ на гробъ Господній не ради молитвъ другихъ христіанскихъ сектъ, а ради ихъ.

Очертивъ мивущее крымскихъ армянъ, намъ приходится сказать еще нѣсколько словъ для поясненія ихъ современнаго состоянія въ Крыму. Всѣмъ извѣстно, что теперешніе армяне Крыма большинствомъ перешли сюда послѣ присоединенія этой страны къ Россіи, а предки ихъ остались съ 1778—79 года въ Нахичеванѣ, куда выведены были заботливостію императрицы Екатерины II. Въ наше время наибольшее число ихъ, католическаго вѣроисповѣданія, проживаютъ по прежнему въ г. Карасубазарѣ, а остальные, по всѣмъ почти городамъ Таврическаго полуострова. По статистическимъ даннымъ, ихъ не болѣе 6 тысячъ обоюго пола. По примѣру предковъ, всѣ они преданы коммерческой дѣятельности и очень немногіе занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и вообще сельскимъ хозяйствомъ. Болѣе любимыя ихъ занятія составляютъ: сбытъ и приобрѣтеніе мануфактурныхъ товаровъ, содержанія турецкихъ банъ, постоянныхъ дворовъ, цирюлень, разнаго рода мелочныхъ лавокъ, и т. п. Нѣкоторые же берутъ на аренду земли, закупаютъ табакъ и фрукты въ большихъ массахъ и перепродаютъ въ Россіи. Съ того времени, какъ вышли татары въ Турцію, положеніе армянъ не завидно и они перестали ѣздить въ Константинополь за турецкими произведеніями, имѣющими большой сбытъ въ Крыму. Внезапная эмиграція эта многихъ изъ нихъ не только разорила, но и заставила подумать о выходѣ изъ Тавриды.

Послѣ нея этому народу пришлось впервые подумать объ изысканіи болѣе надежныхъ средствъ къ жизни своимъ дѣтямъ и они остановились на необходимости образования, въ особенности синоевой; въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Благоразумная мысль эта въ настоящее время проникла въ самыя бѣднѣйшія ихъ семейства и всѣ они охотно приучаютъ дѣтей своихъ къ нашей грамотѣ. Если теперь уже мы встрѣчаемъ изъ этого народа прекрасно образованныхъ учителей, судебныхъ и другихъ вѣдомствъ чиновниковъ, адвокатовъ и т. п. дѣловыхъ людей, то чрезъ 50 лѣтъ всѣ они настолько преобразуются, что не сохраняютъ и тѣни современнаго образа жизни. Затѣмъ наступитъ время, когда они забудутъ привычки брачныхъ союзовъ съ единоплеменниками и сольются въ одно съ русскими. Такая участь постигла уже большинство грековъ, дѣти которыхъ не знаютъ ни одного слова по гречески и дивятся даже, что носятъ фамилии, не соответствующія ни ихъ повятіямъ, ни ихъ чувствамъ. Впрочемъ у послѣднихъ есть еще ключъ независимаго отечества предковъ, богатаго историческими событіями, но у армякъ крымскихъ нѣтъ ничего такого, которое привязало бы ихъ къ первобытной отчизнѣ. У нихъ не сохранилось народныхъ преданій и пѣсенъ, вывезенныхъ прадѣдами изъ несчастной Арменіи, и даже забыты національныя танцы: всѣмъ этимъ они зацѣпились для своихъ развлеченій у татаръ, и естественно, по мѣрѣ образованія, охотно сбросятъ съ себя отцовскія наслѣдія, перенятые ими отъ сокрушителей ихъ свободы и самостоятельности.

Цыгане.

Въ Тавридѣ искони обитаетъ немногочисленное племя въ татарской одеждѣ, исповѣдывающее исламъ и говорящее по татарски какъ на отечественномъ языкѣ, известное подъ именемъ *Чалши*. Такъ какъ оно не особенно рѣзко отличалось отъ бѣднѣйшихъ классовъ туземнаго населенія, то немногіе изъ любителей этнографіи посвящали серьезное вниманіе для опредѣленія его самостоятельнаго отличія. Между тѣмъ оно

всецѣло относится къ отраслямъ того таинственнаго племени, которое разсыяно по всей почти Европѣ и называется: *Bohemians, Gypsies, Tziganis, Zingumer,* гитаны, цыгары, у турокъ: чингине, у грековъ: гиттами, а у насъ цыганами.

Откуда произошли всѣ эти названія, неясно; но мы очень хорошо знаемъ, что слово чингине на монгольскомъ языкѣ присвоивалось къ людямъ чорноколеннымъ, хотя въ буквальнойнои отношеии означало черномазаго или вообще рожденнаго для черныхъ работъ, то-есть чернорабочаго. Слѣдовательно и это названіе не могло составлять собственнаго имени. Разсмотримъ теперь какъ ихъ называютъ татары, съ которыми они повидимому вошли въ Европу и жили въ дружественныхъ отношеіяхъ. Эти, какъ сказано было выше, называютъ ихъ чингине, а при браняхъ фраунами. Первое безспорно происходитъ отъ первобытної ихъ страны, известной быть можетъ въ древности подъ именемъ Чингистана, а послѣднее доказываетъ, что кочующее племя это много лѣтъ обитало въ Египтѣ подъ игомъ фараоновъ, а затѣмъ, перекочевало въ Персію, гдѣ, соединившись съ Батыевскими полчищами, перешло въ Европу и, разсѣвшись по оной, до настоящаго времени сохранило наслѣдственный образъ жизни и нарѣчіе. Племя это, судя по тому, что подражается на нѣсколько классовъ и отличительностей въ занятіяхъ и языкѣ, надо полагать, было очень многочисленно и занимало обширную страну, которая, доставляла всѣмъ имъ разнородные промыслы. Всего вѣрнѣе, что оно обитало въ странѣ лѣсной, богатой мѣдью и желѣзомъ, животными и птицею, въ странѣ вѣчно-теплой, не требующей особенной заботливости о тѣлѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ не трудно подмѣтить, что оно никогда не управлялось старшинами, не знало политическаго строя, законовъ, религіозныхъ догматовъ и другаго рода постановленій, признанныхъ необходимыми человѣческими обществами. По ихъ врожденнымъ понятіямъ, подходящимъ къ убѣжденіямъ первобытнаго челоуѣка, они считаютъ себя въ совершенной независимости и готовы на всѣ услуги ради насущнаго пропитанія, которое по ихъ мнѣнію, составляетъ самое

необходимое для человека, временнаго обитателя земли. Этихъ правилъ всё они держатся до настоящаго времени.

Въ 1784 году, т. е. годъ спустя послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, въ странѣ этой оказалось 723 семьи цыганъ. По народнымъ преданіямъ они перешли сюда съ Кавказскихъ горъ, не разомъ, а постепенно и сгруппировались въ окрестностяхъ Вахчисарая, гдѣ находили даровыя помѣщенія въ пещерахъ. Отсюда они выѣзжали въ различные города и поселенія для сбора добровольныхъ подаяній и сбыта своеручныхъ произведеній или присканія легкихъ работъ. Ханское правительство, несмотря на то, что они объявили себя исповѣдывающими исламъ, а между тѣмъ никогда не ходили въ мечети, обложило ихъ подобно христіанамъ, караимамъ харачемъ по 60 коп. сер. съ головы. Въ 1790 году число цыганъ простиралось до 3200 душъ обоего пола, а въ 1867 году ихъ насчитывали до 5 тысячъ. Въ наше время, племя это, по настоянію правительства, имѣетъ свои постоянныя зимнія жилища въ тѣхъ городахъ, гдѣ числятся семьи его по ревизской записи, но большинство ихъ по прежнему продолжаютъ обитать въ Вахчисараѣ и Симферополѣ.

Для сравненія крымскихъ цыганъ съ прочими разсѣянными по Европѣ, постараемся представить читателямъ нашимъ очеркъ ихъ лицъ и занятій и краткій перечень употребительнѣйшихъ словъ въ ихъ нарѣчій.

Цыгане Тавриды подраздѣляются между собою на четыре разряда, по образу промышленности и занятій. Первые носятъ названіе *Аюджи* т. е. медвѣжники, хотя и не занимались здѣсь этимъ промысломъ. Они очень безобразны съ виду, малолицы и грубы. Наибольшею отличительностію можно признать сильное роценіе волосъ по всему почти тѣлу. Семья эта занимается закупомъ и перепродажею лошадей, которыхъ мастерски научаютъ различнаго рода ходамъ; бѣднѣйшіе же торгуютъ курами и яйцами, которыхъ закупаютъ въ деревняхъ по дешевымъ цѣнамъ или же вымѣниваютъ на старую одежду, добытую женами ихъ ворожею, колдовствомъ или подаяніемъ. Кромѣ этого они собираютъ по

дворамъ золу для свѣчныхъ и мыльныхъ заводовъ, кости, тряпки и т. н. предметы; самые же невжущіе занимаются переносомъ тяжестей съ рынковъ, очисткою дворовъ и другаго рода легкими подневными работами.

Цыганъ.

Второй разрядъ именуется *злочки*. Это болѣе благообразная по наружности семья южно-азиатской типичности, со всѣми привычками скитальцевъ теплыхъ странъ. Занимаются исключительно приготовленіемъ рѣшотъ изъ телячей кожи; корзины и различнаго рода плетушекъ. Секта эта имѣетъ поэтическій настрой духа и чрезвычайно музыкальное ухо. Вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ создаютъ на геройскія событія въ жизни татаръ пѣсни и разыгрываютъ на скрипкахъ, окомпанируемыхъ бубнами. Это единственные татарскіе пѣвцы и музыканты. Мѣсто жительства послѣднихъ въ зимнее время въ Симферополѣ, Бахчисараѣ и Карасубазарѣ.

Третій разрядъ носитъ названіе *гурбетовъ*, исключительно преданныхъ лошадямъ, которыхъ мѣняютъ, перепродаютъ и охотно употребляютъ въ пищу. У этихъ людей обыкновенно находяхъ туземцы и лошадиное сало, считавшееся предохранительнымъ средствомъ противъ

етужи и катарра легкихъ. Гурбеты малорослы, длиннотлица, коротколобы съ продолговатымъ черепомъ, кривливы и вообще безсовѣстные плуты.

Послѣднюю секту составляютъ демерджи съ халайджіями т. е. кузвези съ лудильщиками. Первые изъ нихъ содержатъ въ городахъ кузницы для подковки воловъ и лошадей или разѣзжаютъ по деревнямъ съ передвижными наковальнями, гдѣ приготавливаютъ для промѣна на хлѣбное зерно желѣзныя вещи въ видѣ треножниковъ, цѣдилокъ, веретень, пищовъ, сорницъ и т. п. бездѣлушекъ, необходимыхъ въ сельскомъ быту татарина; что же касается до халайджіевъ, то они вѣчно странствуютъ, лудя и исправляя самовары и всякаго рода мѣдную посуду, до которой татары большіе охотники.

Цыганка.

Въ подраздѣленіяхъ этихъ, я указалъ и на главнѣйшій родъ промысловъ и занятій каждой секты, но въ наше время всѣ эти промыслы перенимаются у нихъ другъ другомъ, смотря по выгодѣ. Такъ наприм. не въ рѣдкость встрѣтить гурбета, плетущаго корзины, а аюджи продающаго на базарной площади сжаренные женою его чиръ-чиръ бореки (пирожки на салѣ) или желѣзныя вещи. Не перенимаются только промыслы

электриковъ, музыкантовъ и лудильщиковъ, которые недоступны ни уху, ни рукамъ остальныхъ цыганъ и до настоящаго времени составляютъ наследственную принадлежность поколѣнія.

Все эти цыгане строго придерживаются правила не вступать въ брачные союзы съ сектами или промышленниками, несвойственными ихъ специальности, въ особенности же чуждаются другъ друга элекчи и аюджи такъ точно, какъ демерджи гурбетовъ. По мнѣнію предоклѣднихъ, аюджи и гурбеты самый жалкій народъ. И дѣйствительно онъ жалокъ, потому что и теперь рѣдкій изъ нихъ надѣваетъ рубаху и имѣетъ самую необходимую домашнюю утварь, тогда какъ элекчи и демерджи и въ особенности тѣ изъ нихъ, которые промышленяютъ музыкальными способностями, стараются по возможности одѣваться прилично.

Въ числѣ названныхъ нами цыганскихъ сектъ изрѣдка попадаются и такіе субъекты, которые называютъ себя караманами т. е. наѣздниками-богатырями; но они по изслѣдованію нашему не составляютъ отдѣльности отъ гурбетовъ, считавшихся самыми зажиточнѣйшими, но въ то же время и самыми отирательными въ способахъ жизни.

Цыгане Крыма, несмотря на то, что малорослы и неуклюжи на видъ, обладаютъ замѣчательною ловкостью и силою, которую высказываютъ, впрочемъ, очень рѣдко, въ своемъ кружкѣ, но общее ихъ достояніе нрава—преклоняться предъ властью и всеми другими народами, между которыми обитаютъ. Вторая отличительность, что они никогда не ведутъ ни съ кѣмъ пріятельскихъ отношеній, ни отъ кого не перенимаютъ обычаевъ и улучшеній, не отдають дѣтей для посвященія въ таинства религіи, невыполняютъ никакихъ догматовъ ислама, за исключеніемъ свадебнаго и похороннаго, холодны и равнодушны ко всему многоцѣнному, не ищатъ многого для удовлетворенія голода, довольствуются кускомъ черстваго хлѣба, не ревнивы къ женамъ и не взыскательны къ дочерямъ, если они съ ранняго возраста увлекаются неприличными по нашимъ понятіямъ поступками. Естественно, что при такомъ равнодушіи и спокойствіи души,

люди эти въ сознаниі своего благополучія не могутъ извѣдывать тѣхъ скорбей, которыя преждевременно парализируютъ наши жизненные силы. Для долговѣчности цыганъ является еще одинъ шансъ: вѣруемые со дня рожденія ко всѣмъ климатическимъ переѣмамъ, тѣ изъ нихъ, которые пережили дѣтскій періодъ, остаются нечувствительными къ простудамъ до глубокой старости.

Взключеніе нашего очерка о цыганахъ Тавриды, намъ приходится сказать еще нѣсколько словъ объ ихъ жизни, которая дѣлится на зимнюю и лѣтнюю. Съ наступленіемъ холоднаго времени года, всѣ почти цыгане возвращаются въ свои обиталища съ запасами муки, пшена и солено-окемленнаго молока (катыкъ). Около мѣсяца они питаются этимъ достояніемъ, не утруждая себя никакими работами, но затѣмъ, тѣснимые голодомъ, тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ ремесла, отправляютъ женъ и дѣтей своихъ для спроса подаяній, ворожбы, колдовства и т. п. Къ этимъ мѣрамъ обыкновенно прибѣгаютъ аюджи. Всѣ остальные же напротивъ зимнее время считаютъ очень выгоднымъ. Такъ наприм. музыкантамъ представляются безпрестанные случаи играть на свадьбахъ и пирушкахъ у татаръ, затѣваемыхъ обыкновенно зимою; элекчиамъ — сбывать огромные запасы рѣшетъ и корзинъ, заготовленныхъ въ теченіе лѣта; гурбетамъ — прекрасное время скупать лошадей у бѣдныхъ поселенцевъ, не имѣющихъ запасовъ сѣна. По истеченіи же зимы, всѣ они изготовляютъ свои двухколесныя кибитки къ походу. На эти экипажи складывается все домашнее имущество, состоящее изъ постелей, одѣялъ, подушекъ и одного казана. Туда же садятся жена и дѣти и одна лошадка влечетъ ихъ до первой деревеньки, гдѣ, переночевавъ, они на утро или приступаютъ къ работамъ кузнечнымъ, лудильнымъ или обходятъ всѣ дома въ качествѣ вѣщехъ. Другіе являются въ это же селеніе въ качествѣ закупщиковъ всякаго рода домашней птицы, а третьи лошадей; что же касается элекчевъ, — они обыкновенно устраиваютъ свои лѣтніе палатки на берегу рѣкъ, прилегающихъ къ лѣснымъ дачамъ, изобилующимъ необходимыми для ихъ ремесла растеніями.

Никогда цыганъ не бываетъ такъ доволенъ своею судьбою, какъ въ это время. Питался на счетъ подалнѣй своей семьи, обходящей деревни, окрестныя его пастру, онъ берегаетъ всякую заработанную копѣйку до того времени, пока подходятъ къ нему друзья и родственники. Въ это время цыганъ начинаетъ чувствовать потребность кутнуть, и, со всеѣмъ семействомъ и друзьями, отправляется въ шинокъ или бузню, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней не перестаетъ предаваться заманчивому для него вліянію спиртуозныхъ напитковъ и предоставляетъ себѣ право издѣваться надъ всеѣми. Это оскорбляетъ гостей и между ними начинается отчаянная драка, прекращаемая нерѣдко серьезными ранами. Послѣ этого, гости очень любезно прощаются и отправляются дальше, не питая ни малѣйшей вражды. Такія точно пирушки исправляются цыганами и послѣ возвращенія въ городскія жилища позднею осенью. Замѣчательнѣе всего въ ихъ быту то, что они ни въ какихъ случаяхъ жизни не приносятъ не только другъ на друга, но и ни на кого другаго жалобъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ старожиловъ Крыма, нація эта скромничаетъ только днемъ, но ночью, если увѣрена въ безопасности, всегда не прочь поживиться чужимъ имуществомъ. Насколько это справедливо, пусть скажутъ другіе, но я, проживая около 20 лѣтъ въ городахъ, переполненныхъ этимъ народомъ, никогда не слыхалъ жалобъ на цыганъ, обыкновенно съ вечера предающихся покою, и напротивъ всегда сознавалъ, что племя это на столько же необходимо для татаръ, какъ евреи для европейцевъ. Говорю это на томъ основаніи, что, во-первыхъ, они владѣютъ ремеслами, несвойственными натурѣ татаръ, не обидчивы и не прочь выполнить за нѣсколько копѣекъ такого рода порученія, за которое гордый татаринъ и прочія націи Крыма не возьмутся за десятки рублей и, во-вторыхъ, ни въ одномъ изъ крымскихъ жителей я не встрѣчалъ столько раболѣпной преданности и благодарности, сколько находилъ въ цыганѣ, пользующемся чокровительствомъ хозяина. Всѣ они, за исключеніемъ партіи аюджиевъ, пользуются репутациею людей, способныхъ къ серьезнымъ преступленіямъ и вообще къ

раздорамъ даже между собою. Жена и дѣти для цыгана составляютъ самое лучшее общество, съ которымъ онъ никогда не желаетъ разстаться, даже и въ тѣ минуты, когда занятъ своимъ ремесломъ въ чалашѣ или на базарной площади.

Въ большой толпѣ, этотъ народъ никогда не можетъ оставаться спокойнымъ или говорить тихо, а непремѣнно кричить и голосить, какъ бы съ цѣлью обратить на себя вниманіе проходящихъ. Громче другихъ обыкновенно кричатъ гурбеты и аюджи, восхваляя достоинства своихъ лошадей, на которыя безпрестанно вспрыгиваютъ и джигитуютъ въ виду присутствующихъ; въ крикахъ этихъ всегда принимаетъ жаркое участіе и женская половина. Есть люди, полагающие, что приближается время, когда партіи элекчьевъ и демеджиевъ сольются съ татарами и предадутся земледѣлю и скотоводству, но гурбеты и аюджи никогда не измѣнятъ наследственному образу жизни и прадѣдовскимъ привычкамъ.

Раньше мы обѣщали читателямъ нашимъ сообщить употребительнѣйшія слова изъ языка крымскихъ цыганъ. Вотъ они съ переводомъ:

Дель	— Богъ	Керъ	— домъ
Пани	— вода	Ягъ	— огонь
Манро	— хлѣбъ	Терекъ	— дерево
Прахось	— земля	Састыръ	— желѣзо
Дисе	— день	Пирдо	— мѣдъ
Рати	— ночь	Рубъ	— серебро
Кямъ	— солнце	Холь	— золото
Чонъ	— луна	Гпвъ	— пшеница
Чергенъ	— звѣзда	Джукель	— собака
Бенъ	— злой духъ	Грасъ	— лошадь
Мидай	— мать	Грасни	— кобылица
Модеръ	— отецъ	Гуру	— волъ
Чау	— сынъ	Гурумни	— корова
Чай	— дочь	Хайни	— курица
Сути	— молоко	Дисъ	— городъ
Туть	— окисленное молоко	Гавъ	— деревня
Калло	— черный	Манушъ	— человѣкъ
Парну	— бѣлый	Ромни	— женщина
Лолло	— красный	Балваль	— вѣтеръ
Жилто	— желтый	Бришинъ	— дождь
		Ивъ	— снѣгъ

Тумба	— гора	Чикъ	— грязь
Тузиси	— равнина	Татинесъ	— жарко
Вешъ	— лѣсъ	Шилъ	— холодно
Бахчасъ	— садъ	Лаго	— хорошо
Резъ	— виноградникъ	Джунгало	— дурно
Дракъ	— виноградъ	Лачи	} — хорощій, добрый
Хабай	— яблоко	Шуваръ	
Армути	— груша	Лачоги	
Акоръ	— орѣхъ грецкій	Нана	— нѣтъ
Пендекъ	— мелкій орѣхъ	Годавелъ	— умный
Вударъ	— ворота	Делпно	— глупый
Хабе	— кушанье	Ненайлачо	} — злой
Чаро	— чашка	Джунгало	
Рой	— ложка	Баруси	— большой
Шеро	— голова	Тикноси	— маленький
Яка	— глазъ	Дулгоси	— длинный
Накъ	— носъ	Тумси	— толстый
Муль	— ротъ	Бухли	— облако
Баль	— волосы	Гробосъ	— могила
Данъ	— зубы	Гило	— сердце
Васъ	— рука	Гаръ	— трава
Перъ	— животь	Бачо	— рыба
Пинро	— нога	Лулуди	— цвѣтокъ
Най	— палецъ	Миуро	— мой
Зматосъ	— одежда	Тинро	— твой
Нинай	— дорога	Лескоро	— его
Дерьавъ	— море	Месняъ	— я
Тусанъ	— ты	Прандесали-	жениться
Одолайси	— онъ	люмъ	—
Амесамъ	— мы	Насвало	— болѣзнь
Тумесаныхъ	— вы	Тесастель	} — выздоравливать
Одоласынъ	— они	Лагосомъ	
Пхиправъ	— ходить	Граста	— бѣжать
Солавъ	— спать	Цело	— падать
Гилидавъ	— пѣть	Ужтопре	— вставать
Келавъ	— плясать	Халхавъ	— ѣсть
Деманде	— просить	Декавъ	— любить
Алетукъ	— давать	Мангавъ	— ходить
Девлески	— выпрашивать	Меравъ	— умирать
Бути, керавъ	— работать	Ме хавъ	— я кушаю
Девлески	— молиться	Ме халюмъ	— я кушалъ, ѣлъ
Ровавъ	— плакать	Ме ханкавъ	— я буду кушать
Асавъ	— смѣяться	Ха	— кушай!
Джавманге	— ѣхать	Ме хавасъ	— я покушалъ бы
Пиявъ	— пить		

Монголо-татары.

Мы привыкли называть народъ этотъ однимъ общимъ именемъ, не смотря на то, что между монгольцами и татарами никогда не было ничего общаго, за исключеніемъ гомоэтническаго происхожденія, религии и государей. По рассказамъ нѣкоторыхъ древнихъ путешественниковъ какъ напримѣръ: Рубриквиса, татары первые поработили власти своей Монголовъ, а потомъ подчинившись имъ; смѣшались между собою и съ того времени не разлучались между собою въ Европѣ. По мнѣнію Китайцевъ, Татары составляли сѣверное племя Понгнуй, а Монголы принадлежали къ южному и что послѣдніе стали называться Кипчакскими отъ имени Кипчака, внука Монгола, царствовавшего приблизительно за 2730 лѣтъ до Р. X. Что же касается мѣста жительства монгольскихъ поколѣній, то по общему мнѣнію они искони обитали на берегахъ Волги и Урала, а татары скитались между Алтайскими горами въ неизвѣстности до половины VI вѣка. *) Между тѣмъ, по разсказу Абдулгази Байядуръ хана, написавшаго родословную татаръ, они и Монголы происходят отъ Турка 7-го потомка Афетова. Такъ или иначе, но намъ кажется, что оба эти племени на столько переродились, что ничего не представляли и до настоящаго времени не представляютъ сходственнаго. Мы не сомнѣваемся только въ томъ, что татары были Туркскаго племени и вступили впервые въ Крымъ въ 582 году, т. е. во время первой осады ими Херсонеса Ираклійскаго,

---

*) Между тѣмъ вотъ что говорить Геродотъ (4 к. XXIII стр. 144), писавшій за 17 вѣковъ до насъ, относительно племени безъ сомнѣнія монгольскаго происхожденія: Lorsque vous en avez traversé une grande partie, vous trouvez des peuples qui habitent au pied de hautes montagnes. On dit qu'ils ont tous cheveux de naissance: hommes et femmes; qu'ils ont le nez aplati et la menton alongé; ils ont une langue particulière, mais ils ont vécu a la Scythe. Enfin ils vivent de fruit d'une espece d'arbre appelé Pontique. Cet arbre a peu-près de la grandeur d'une figuier port un fruit a noyau de la grosseur d'une feve. Quand ce fruit est mûr ils le pressent dans un morceau d'étoffe et en expriment une liqueur noire et epaisse (бекмезъ) qu'ils appellent aschy. Ils sucent cette liqueur et la boivent mêlée avec du lait... ils demeurent tout l'anée chacun sous un arbre. L'hiver ils courent ces arbres d'une étoffe blanche... On les appelle Argipiens.

и съ того времени, если не всё они остались въ этой странѣ, то навѣрное какая-либо частица. Намъ хотѣлось бы допустить, что эти люди послѣ остались въ соседствѣ Тавриды и впоследствии получили названіе Казарь, какъ извѣстно господствовавшихъ по 894 годѣ по Р. Х. Но такъ какъ здѣсь не мѣсто силлогизмамъ, то обратимся къ болѣе дѣйствительнымъ даннымъ.

Монголо-татаре, вторгнувшіеся въ Европу въ первой четверти XIII столѣтія, съ цѣлью господства, предвѣрительно жили въ Монголіи и составляли четыре племени одного и того-же народа, управляемые различными ханами. Они носили названія: *Ека-монголъ* (т. е. великіе), *Су-монголъ* (приводные), *Меркатъ* и *Метритъ*. Въ 1203 году въ племени Ека явился Чингисъ, который возстановилъ одноплеменниковъ своихъ противъ повелителя и, ставъ въ главѣ бунтовщиковъ, не только убилъ хана, но женившись на дочери его, самъ провозгласилъ себя повелителемъ племени. Жадный къ завоеваніямъ, онъ тогда-же покорилъ Су-монголъ и Кара-Китаевъ, воздвигнувъ въ землѣ послѣднихъ городъ Ханьль. Ободренный этими успѣхами, онъ пошелъ на Югаровъ, обитавшихъ въ Кипчакскихъ степяхъ, а затѣмъ напалъ на Киптайцевъ, которые отбивались отъ войскъ его до тѣхъ поръ, пока испустили не только всё подготовленные для войны снаряды, но и золото и серебро въ растопленномъ видѣ. Послѣ этой побѣды онъ послалъ одного изъ сыновей своихъ на Комановъ, живущихъ по р. Кумѣ въ Дешть-Кипчакъ, а другаго въ Малую Индію; затѣмъ покорилъ Тибетъ и все пространство земли до Кавказскихъ горъ. Завоеванія эти происходили при помощи побѣжденныхъ народовъ, которые шли впереди его войскъ подъ слѣдующими условіями: если кто осмѣлится укрыться отъ битвы или не выручить плѣченнаго товарища, то какъ первый такъ и второй предавались смертной казни. Послѣ многихъ завоеваній Чингисъ-ханъ приступилъ къ составленію наказа, названнаго имъ Яса или Цагадзынъ-бичикъ, въ которомъ заповѣдалъ Монголамъ покорить всё народы, не заключать мира ни съ кѣмъ до окончательной побѣды и дѣйствовать такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ день ихъ гибели. Въ наказѣ

этомъ между прочимъ сказано, что всякое животное, женщина и мужчина, принадлежаще ихъ нации, должны составлять ихъ собственность. „Затѣмъ Чингисъ-хань, мечтавшій о походахъ въ Европу, умеръ, по словамъ однихъ отъ удара грома, а по словамъ персидскихъ писателей въ 1227 году отъ старости. Чтобы выразить лучше духъ этого безпощаднаго завоевателя, намъ достаточно привести одну изъ грамматъ его, списанную Аспелиномъ:

„Повелѣнїемъ Бога живаго, Чингисъ-хань, сынъ Божій кроткій и почтенный говоритъ: какъ Богъ превознесенъ надъ всѣмъ, есть безсмертенъ, такъ на землѣ владычествуетъ одинъ Чингисъ-хань. Желаетъ, да слова сіи достигнуть услышанія всѣхъ и всюду въ областяхъ намъ повинующихся и въ областяхъ сопротивляющихся. Поэтому ты, Батый, да внушишь и возвѣстишь имъ, что таково есть велѣнїе Бога живаго и безсмертнаго. Да объявишь немедленно то, о чемъ ты просишь, и сіе велѣнїе мое во всѣхъ мѣстахъ, куда только можетъ дойти посоль. И если кто будетъ прекословить тебѣ, тотъ да продается и земля его да опустошится; а кто услышитъ и не станетъ выполнять — да истребится, погибнетъ и умретъ“.

Руководствуясь подобнымъ приказомъ, Чучій одинъ изъ полководцевъ Чингисъ-хана, двинулся на Россію и прежде всего напалъ на Половцевъ, которымъ задумали помочь Славяне и дѣйствительно разбили передовые полки Монголовъ на Днѣпрѣ, но первая удача окончилась тѣмъ, что, достигнувъ береговъ рѣки Калки въ 1224 году, Русскіе разбиты были въ пухъ и прахъ. Къ счастью, побѣдители, не имѣя вѣроятно возможности, до конца преслѣдовать побѣжденныхъ, направились на востокъ въ Великую Бухарію и ровно 13 лѣтъ о нихъ не слышно было ничего. По истеченіи-же этого времени, Октай, пріемникъ Чингисъ-хана, предать племяннику своему Батю 300 т. войска съ приказаніемъ вторично вступить въ Россію и послѣдующія за нею страны. Батый не замедлилъ выполнить это приказаніе и вскорѣ произвелъ въ Европѣ такой паническій страхъ, что императоръ Фридрихъ приглашалъ христіанскихъ государей

соединить силы для защиты отъ этихъ полудикихъ ордъ *), а папа Иннокентій IV отправилъ къ нимъ въ 1246 году посольство въ главѣ монаха Іоанна де-Плано Карпини съ предложеніемъ мира и вѣры Христіанской. Свѣдѣнія эти мы приводили только для того, чтобы указать читателю, съ котораго времени Монголы сдѣлались обладателями Тавриды. Кромѣ этого намъ кажется не безъинтереснымъ представить здѣсь въ кратцѣ записки этого монаха, впервые изслѣдовавшаго обычаи Монголовъ, о дальнѣйшей судьбѣ которыхъ мы обязаны говорить, „Въ степяхъ за Днѣпромъ мы встрѣтили—говоритъ Карпини—орды Монгольскія въ управленіи военачальниковъ ихъ; на Дону-же кочевали другія подъ предводительствомъ Тирбона, а по Волгѣ—самаго Батгя; дальше къ Уралу и за Ураломъ кочевали другіе отряды ихъ. Это было лѣтнее пребываніе, но зимою они спускались къ морю, (Черному) изъ котораго выходитъ рукавъ Св. Георгія, текущій въ Константинополь.

Прибывши въ золотую орду, посоль не иначе говорилъ съ воеводою Монголовъ, какъ на колѣнахъ; но предварительно вступленія въ жилище его, онъ обязанъ былъ перешагнуть чрезъ огонь, имѣющій свойство, по ихъ убѣжденіямъ, уничтожать дѣйствіе всякаго рода чаръ и злыхъ наѣзреній. Батый жилъ великолѣпно, по царски, и возсѣдалъ на высококомъ мѣстѣ, какъ на тронѣ, съ одною изъ женъ своихъ. Всѣ-же остальные члены его семейства сидѣли ниже, а прочіе мушны съ правой, а женщины съ лѣвой стороны. Шатры его были большіе и прекрасные. Никто изъ чужихъ, безъ особенной воли, не смѣлъ входить въ его обиталище. Иностранные послы, принятые въ шатрѣ, занимали мѣсто ихъ женщинъ, т. е. съ лѣвой стороны. Когда Батый выходилъ, за нимъ носили щитъ отъ солнца: онъ никогда не пилъ и не употреблялъ пици безъ пѣсенъ и музыки. Питье подавалось ему въ золотыхъ и серебрянныхъ чашахъ. Въ приѣмахъ онъ былъ ласковъ, но лукавъ, а на дѣлѣ жестокъ и неумолимъ.

Относительно выбора хана, Плано Карпини передаетъ

*) См. Матѣ стр. 557—562.

слѣдующее: избираемаго сажали на золотое сѣдалище, и, положи предъ нимъ мечъ, говорили: мы хотимъ, просимъ и приказываемъ, чтобы ты владѣлъ нами. Послѣ этихъ словъ избираемый отвѣчалъ: если хотите, чтобы я владѣлъ вами, то готовы-ли каждый изъ васъ исполнять то, что я прикажу, приходитъ когда нозову, идти туда, куда пошлю, убивать, кого велю? Получивъ въ отвѣтъ готовность повиноваться во всемъ безпрекословно—онъ продолжалъ—если такъ, то впредъ да будетъ слово устъ моихъ—мечемъ моимъ. Затѣмъ сажали его на войлокъ, приговаривая: возведи глаза твои къ небу и познай Бога и потомъ обрати ихъ на войлокъ, на которомъ сидишь. Если ты будешь хорошо править своимъ государствомъ, если будешь щедръ, правосуденъ и станешь чтить вельможъ своихъ по достоинству, слава тебѣ и весь мѣръ покорится твоей власти, но если станешь дѣлать противное, будешь несчастенъ и отверженъ всѣми и останешься въ такой бѣдности, что не будешь имѣть и войлока, на которомъ теперь сидишь.

Затѣмъ ханъ какъ властелинъ вступалъ въ шатеръ изъ бѣлаго пурпура, который такъ былъ великъ, что въ него помѣщалось до 2 т. человекъ. Шатеръ этотъ обыкновенно ограждался заборомъ и имѣлъ двое воротъ, изъ которыхъ одни считались доступными для всѣхъ, но западные были собственно ханскіе, въ которые никто, кромѣ властителя, не имѣлъ права входить и которые постоянно охранялись конною стражею. Несравненно значительнѣйшимъ шатромъ считался краснаго пурпура, гдѣ стоялъ престолъ изъ слоновой кости, украшенный золотомъ и драгоценными камнями. За этими находились шатры женъ властителя, которые покрывались бѣлыми войлоками; за этими-же располагались султаны, цари и разныхъ мѣстъ послы. Карпини, насчитывая послѣднихъ до 4-хъ тысячъ, пришедшихъ съ дорогими подарками для хана, въ тоже время сообщаетъ, что ханское золото, серебро и шелковыя ткани размѣщались на 600 повозкахъ.

Почести, оказываемыя хану (въроятно стражею), состояли въ томъ, что, при выходѣ изъ шатра, предъ нимъ преклоняли красивые хлысты, у оконечности которыхъ при-

рѣплена была шерсть багрянаго цвѣта; а при входѣ всѣ преклоняли четыре раза лѣвое колено. Къ чужестранцагъ онъ не иначе обращался, какъ чрезъ другое лице. Грамматы начинались слѣдующимъ образомъ:

„Силою Божіею повелитель всѣхъ людей“.

На печати или тамгѣ писалось: Богъ на небесахъ, а ханъ (такой-то) на землѣ, силою Божіею печать повелителя всѣхъ людей.

Послѣ хана, важнѣйшимъ официальнымъ лицомъ или правителемъ дѣлъ считался Кадакъ.

Монголы вѣрили въ загробную жизнь. Это доказывалось обрядомъ ихъ похоронъ или, проще, погребеніемъ съ умершимъ пищи, кобылы съ жеребенкомъ для развода табуна на томъ свѣтѣ, шкуры лошади для шатра, золота и серебра.

Народъ этотъ, судя по грамматамъ ихъ хана, признавалъ верховную силу, опредѣляя жительство ея на небесахъ. Между тѣмъ Плано Карпини увѣряетъ, что они не поклонялись Богу, а признавали какую-то иную силу, имѣющую власть на ихъ табуны и стада овецъ, въ видѣ чего сооружали какія-то войлочные чучела и, устанавливая у дверей ставокъ своихъ, приносили имъ въ жертву лошадей и другихъ животныхъ, сами же поклонялись южной сторонѣ т. е. мѣсту праха Чингисъ-хана. Въ подтвержденіе послѣдняго, Карпини приводитъ, что російскій князь Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій съ бояриномъ Феодоромъ жестоко были казнены за неисполненіе этого поклона.

Монголы, судя по разсказамъ этого-же посла и другаго, посѣтившаго въ 1247 г. дворъ Батгя, (Асцелина), наряжались въ дорогія матеріи и ткани. Изъ нихъ первый добавляетъ, что по разнообразію встрѣченныхъ имъ въ ордѣ Гаюка рабовъ, надо полагать, что монголы въ это время были побѣдителями до 50 племенъ.

О наружности монголовъ намъ оставилъ Викентій Бовезскій слѣдующія свѣдѣнія: „народъ этотъ безобразнѣе всѣхъ людей: глаза у нихъ толстые (?) малые, окаймленные густыми рѣсницами, лице широкое, лобъ узкій, длинный, а носъ сплюснутый; голову брѣютъ, оставляя на макушкѣ немного волосъ въ видѣ конскаго копыта. Пи-

ща ихъ была грубая; наслаждаясь *самъ-аусомъ* (кумысомъ), они ѣли всякаго рода животныхъ: лошадей, собакъ, волковъ, лисицъ, а въ крайности и человѣческое тѣло. Послѣ кумыса, любимымъ напиткомъ ихъ было вареное въ водѣ просо *). Карпини говорить, что когда они начинали попойку, то пѣли пѣсни, которыя заканчивались словами *алай, алай*. Въ наше время онѣ большинствомъ заканчиваются:

Авалай болсунъ да вай!

Первостепенными занятіями ихъ было скотоводство, звѣроловство и дѣланіе стрѣль. Приготавливаясь къ битвѣ, они вооружались лукомъ съ стрѣлами, оконечности которыхъ закалывались въ соленой водѣ, топоромъ и саблею. На лошадей надѣвали шлемы и латы.

Женъ нѣгли сколько хотѣли. Всѣ онѣ вели себя честно, но въ выраженіяхъ были безстыдны. За прелюбодѣяніе-же, грабежъ и воровство подвергали виновныхъ смертной казни. Въ семейномъ быту существовало почтеніе къ старшимъ, но грубо и варварски обращались съ чужестранцами не только простыми, но даже съ ихъ царями и султанами“.

Вотъ первыя свѣдѣнія о монголахъ, сообщенныя намъ иностранными монахами. Мы ихъ привели для того, чтобы дать возможность читателю обсудить, насколько потомки ихъ изгнѣнились въ то время, когда Таврида, названная ими Крымомъ, присоединена была къ Россіи.

Теперь намъ слѣдуетъ познакомить читателя, какимъ образомъ достался этому народу Таврической полуостровъ. Послѣ смерти Чингисъ-хана воцарился старшій сынъ его, Огтай, которому наследовалъ Гаюкъ, царствовавшій 2 года. Этотъ то ханъ, давъ племяннику своему Батю 300 т. воиновъ, направилъ его на Сарациновъ, говорящихъ команскимъ языкомъ, а потомъ приказалъ пройти западныя страны. Батый, разгромивъ Персію, перешелъ въ Россію, проникъ почти до Новгорода и, завоевавъ многія области Польскія, Венгрію, Кроацію, Сербію, Дунайскую Болгарію, Молдавію, Валахію, Тавриду и Кавказъ, возвратился къ берегамъ Волги и здѣсь осно-

*) Безъ сомнѣнія теперешняя буза, которая готовится изъ проса.

валь золотую Орду, подъ названіемъ *Алтынъ орда*. По мѣнью татаръ, название это произошло отъ позолоченнаго престола, а слово *орда* или урду отъ глагола *хорду*: основаль. Съ этого времени Таврида вошла въ составъ монгольскихъ владѣній въ Европѣ, а впослѣдствіи, при раздѣленіи ихъ, досталась на долю Кипчакскаго хана Менгу-Темира, который, превративъ ее въ отдѣльное ханство, отдалъ племяннику своему Орану.

Впрочемъ это не означало еще, что Крымъ отдѣленъ былъ навсегда отъ Кипчакской орды и что на него не имѣли права золото-ордынскіе ханы. Судя по грамматамъ Тахтамыша (1382 г.), страна эта не составляла въ это даже время независимаго отъ Кипчака царства, потому что ханъ этотъ продолжалъ именовать себя властителемъ Крыма. Все это доказываетъ, что Оранъ никогда не царствовалъ въ Тавридѣ, подаренной ему на словахъ; но что здѣсь, первоначально, также какъ и въ другихъ завоеванныхъ монголами земляхъ, были баскаки или намѣстники, управлявшіе отъ имени властителей Кипчака. Дѣйствительность нашего предположенія подтверждается договоромъ, заключеннымъ въ 1380 году, начальникомъ Солхата (Стараго Крыма) Черкесъ-беємъ съ соизволенія Тохтамышъ-хана съ консуломъ Кафы Янономъ де Боско. Кромѣ этого договора, въ 1387 году генуэзцы снова заключали таковой же съ начальникомъ Солхата, Кутлугбекомъ, о томъ, что, съ согласія Тохтамыша, онъ передаетъ въ ихъ распоряженіе Готюю или часть теперешняго Южнаго берега Тавриды. Два договора эти намъ вполне доказываютъ, что Таврида, во все это время, состояла въ распоряженіи намѣстниковъ и что первый ханъ, поселившійся въ Крыму, былъ Тохтамышъ, тотъ самый, дочь котораго погребена на Чуфутъ-кале въ отлично сохранившейся ротондѣ, въ мавританскомъ вкусѣ, съ надписью 1437 г. Это отчасти доказываетъ, что первый Крымскій ханъ поселился на этой естественно недоступной скалѣ не по собственной охотѣ, а по необходимости, чтобы защищаться противъ непріятелей, которыхъ онъ ожидалъ. И дѣйствительно, мы узнаемъ, что впослѣдствіи Тимуръ-Кутлукъ, внукъ Тамерлана, пылая мезтью къ Тохтамы-

ду, возникъ въ Крымѣ, гдѣ и избранъ былъ ханомъ. Что резиденція перваго хана была въ Чуфутъ-кале, именуемомъ въ то время Хыръ-хыромъ *) (скала на скалѣ), мы знаемъ во первыхъ отъ Шлепера, назвавшаго Крымскаго хана Киркельскимъ, во вторыхъ отъ польскихъ писателей, въ третьихъ на историческомъ атласѣ Крузе и наконецъ Тунманъ утверждаетъ, что Кыркоръ былъ главнымъ мѣстопробываніемъ Крымскихъ хановъ. Кромѣ этого, венеціанскій путешественникъ Барбаро, говоря о Керкиардѣ, прибавляетъ, что Менгли-гирей взялъ этотъ городъ и умертвилъ, засѣвшаго въ немъ Эминекъ-бей, который до возвращенія его въ Крымъ былъ тамъ властелиномъ. Въ 1474 году Амбросій Контарини посолъ Венеціанской республики представлялся къ Крымскому хану, находившемуся въ это время въ крѣпости Керкерѣ. Въ 1480 г. мы опять находимъ Крымскаго хана Менгли-гирея въ Керкерѣ, названномъ въ присяжномъ листѣ, который 15 октября писанъ для короля Польскаго и великаго князя Литовскаго Казимира IV. Затѣмъ въ 1486 году мы снова встрѣчаемъ того-же Менгли-гирея въ Кыркорѣ, гдѣ онъ заперся, когда сыновья хана Золотой Орды Ахмета едва не плѣнили его въ самой Тавридѣ. Кромѣ этого мы встрѣчаемъ не разъ названіе Кыркора въ исторіи Карамзина, взятое имъ изъ дѣлъ Крымскихъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ, и въ пространной исторіи Крымскихъ хановъ, сочиненной Шерифомъ Мухамедомъ Риза и изданной Мирзою Каземъ-бекомъ.

Списокъ Крымскихъ хановъ.

По рукописи, найденной мною въ библиотекѣ наследниковъ Александра Иван. Крымъ-гирей Султана, известнаго до принятія крещенія подъ именемъ Кати-гирея,

---

*) Некоторые принимаютъ Хыръ-хыръ и Хыръ-еръ за одно, но это несправедливо.

Первымъ ханомъ Крыма былъ:	Годъ царствов. отъ Эджирн.	Сколько лѣтъ царствовалъ.
1. Эль Гаджи-гирей ханъ	861 *)	22
2. Бенгли-гирей	883	38
3. Меметь-гирей	921	8
4. Саать-гирей	929	13
5. Саадеть-гирей	942	17
6. Девлетъ-гирей	958	26
7. Мегметъ-гирей	984	8
8. Ислямъ-гирей	992	4
9. Газій-гирей	996	21
10. Селяметь-гирей	1017	2
11. Джанъ-гирей	1019	13
12. Мегтеть-гирей	1032	5
13. Джанбекъ-гирей	1037	5
14. Инаеть-гирей	1043	3
15. Батыръ-гирей	1046	4
16. Мегметъ-гирей	1050	3
17. Ислямъ-гирей	1053	11
18. Мегметъ-гирей	1064	12
19. Адиль-гирей	1076	5
20. Селимъ-гирей	1081	7
21. Муратъ-гирей	1088	5
22. Эль Гаджи-гирей	1093	1
23. Селимъ-гирей	1094	8
24. Саадеть-гирей	1102	1
25. Сафа-гирей	1103	1 мѣс.
26. Селимъ-гирей	1103	7
27. Девлетъ-гирей	1110	5
28. Аджи Селимъ-гирей	1115	7
29. Газій-гирей	1122	2
30. Хапланъ-гирей	1124	2
31. Девлетъ-гирей	1126	4
32. Садеть-гирей	1130	8
33. Бенгли-гирей	1138	7
34. Хапланъ-гирей	1145	6
35. Фетій-гирей	1151	1
36. Менгли-гирей	1152	2

*) Годъ этотъ равняется нашему 1457 или 1458 по Р. X. Естественно, что мы, буквально метафразируя этотъ списокъ, не ругаемся за анахронизмъ.

37.	Селяметъ-гирей ханъ	1154	4
38.	Селимъ-гирей	1158	4
39.	Арсланъ-гирей	1162	7
40.	Алимъ-гирей	1169	3
41.	Хырымъ-гирей	1172	7
42.	Селимъ-гирей	1179	3
43.	Арсланъ-гирей	1182	2 мѣс.
44.	Максутъ-гирей	1182	11 "
45.	Хырымъ-гирей	1183	7 "
46.	Девлетъ-гирей	1183	1 год.
47.	Хапланъ-гирей	1184	1 мѣс.

Первый ханъ, назначенный Московомъ, т. е. Русскими, былъ:

48.	Сагийъ-гирей	1185	4
49.	Девлетъ-гирей	1189	2
50.	Шагинъ-гирей ханъ.		

При этомъ ханѣ Крымъ объявленъ собственностію русскихъ и въ странѣ не осталось ни одного изъ членовъ мужскаго рода, происходящихъ отъ знаменитаго рода гиреевъ.

Исторія крымскихъ хановъ

по турецкой рукописи *).

По рукописи этой отъ Чингисъ-хана родился Джуджи-ханъ умершій раньше отца. Отъ этого послѣдняго остались три сына: Токтимуръ, Герде и Бату. Чингисъ пожаловалъ Токтимуру господство надъ голубымъ шатромъ, а Гердею надъ бѣлымъ; младшему же Бату ханство надъ улусомъ съ наименованіемъ его Сайномъ.

Сайнъ не имѣлъ счастья познавать Ислама, но онъ чтить мусульманъ. Онъ основалъ столицу государства городъ Сарай и умеръ въ 654 году (гиджры). Приемникомъ Сайна былъ Берке-ханъ, принявшій уже мусульманство. Послѣ Берке были ханами: Туганъ, Туда-Менгу,

*) Принадлежащей крымскому мурзѣ Аргинскому. См. 1 т. записокъ одес. общ. ист. и древностей, стр. 379.

Менктимуръ и Тохтага, но всѣ татары вообще обратились въ Исламъ только при Узбекъ-ханѣ. Приемникомъ Узбека былъ сынъ его Джанибекъ-ханъ; послѣ же этого воцарился по наслѣдству Бердибекъ. Со смертію Бердибека родъ Сайновъ пресѣлся и на престолъ Бату восходили на короткое время одинъ за другимъ ханы изъ рода брата его: Хизръ, Базаръ и Барунъ. Наконецъ самовласнымъ государемъ сдѣлался Русь-ханъ изъ потомковъ Герде. Далѣе ханствовали Тохтамышъ, отъ котораго происходятъ теперешніе ханы крымскіе. Во время ханствованія потомковъ Тохтамышевыхъ Сеидъ, Ахметъ-Кучука и Магмутъ-хана престолъ утвердился за Хаджи-гиреемъ *).

Хаджи-гирей умѣлъ привлекать сердца и, потому къ нему пришли съ Волги многіе татары. Это дало ему возможность имѣть сильное войско и дѣлать набѣги на Польшу и Россію. Уважаемый всѣми, Хаджи-гирей ханъ умеръ въ 871 г. отъ аджиры и погребенъ въ Бахчисараѣ, въ Салачикскомъ кварталѣ, въ нарочно-устроенной часовнѣ. Послѣ смерти его, принялъ ханство разумный и угодный небу Менгли-гирей, но три мѣсяца спустя двоюродный братъ его Сеитъ-Ахметъ ханъ Нуръ-Девлетъ, соединясь съ другими братьями и племянниками, возсталъ и свергъ его съ престола. Менгли скрылся на Мангупѣ. Овладевъ ханствомъ, Нуръ-Девлетъ царствовалъ два года, но былъ убитъ соперниками неожиданно и на престолъ взошелъ Бай-гельди. Однако и этотъ послѣдній, встрѣтивъ вражду и неповиновеніе, долженъ былъ бѣжать; тогда Менгли-гирей, обнаруживъ существованіе свое, снова принялъ бразды управленія и назначилъ калгою, т. е. наслѣдникомъ по себѣ, сына своего Мугамедъ-гирей султана.

Въ то время, сказано въ рукописи, Кафою, Судакомъ и другими крѣпостями по крымскому берегу, владѣли невѣрные, платя ханамъ дань, но, пользуясь междоусобіями татаръ, всѣ они вышли изъ повиновенія и по произволу то воевали, то жили въ мирѣ. Это обстоя-

---

*) Надо полагать, что по этому только въ спискѣ крымскихъ хановъ онъ показанъ первымъ государемъ.

тельство заставило Менгли-гирея обратиться къ султану Махмуту (?) завоевателю, съ просьбою выслать къ нему стѣннотитныя пушки; но султанъ прислалъ Ахметъ-пашу съ многочисленнымъ флотомъ и овладѣлъ упомянутыми крѣпостями. Послѣ чего Менгли-гирей отправился съ Ахметъ-пашею въ Константинополь, поздравить султана съ побѣдою, а султанъ съ торжественною церемоніею призналъ его въ достоинствѣ хана.

Возвратившись домой, осыпанный почестями Менгли, желая обезпечить безопасность подданныхъ, построилъ въ Орскомъ приходѣ укрѣпленіе Ферхкерманъ. Менгли-гирей первый приводилъ Баезидъ султану 50,000 войска для покоренія Молдавіи, за что султанъ пожаловалъ ему доходы съ портовъ Кафинскаго, Гезлевскаго и Балаклавскаго и многія селенія на Днѣстрѣ. Менгли-гирей возстановилъ права свои на полученіе дани съ Россіи и Польши и заставилъ повиноваться буйныхъ черкесовъ.

Знаменитымъ послѣ Менгли-гирея является сынъ его Сагибъ-гирей. Онъ ввелъ въ ханствѣ своемъ осыдлую жизнь, приказавъ строить подданныхъ дома отъ Ферхкермана до Балаклавы и отъ Кафы до Козлова. По его повелѣнію выданы были грамоты на право владѣнія розданною народу землею. Онъ распространилъ Орскую крѣпость и началъ рытье Орскаго рва. Будучи воинственъ, онъ втопталъ въ грязь русское и польское государство и разгромилъ астраханскаго хана, заставивъ подданныхъ его переселиться въ Крымъ. Этому хану, наслѣдовалъ Девлетъ-гирей, который сначала безпощадно обращался съ подданными своими, потомъ осаждалъ въ продолженіи 40 дней столицу русскаго государства, окончивъ тѣмъ, что обязалъ русскихъ платить дань и ежегодно присылать хану деньги и дары. За всѣ эти подвиги онъ до настоящаго времени извѣстенъ подъ прозваніемъ завоевателя царствъ.

Ему наслѣдовалъ Фетхъ-гирей султанъ по настоянію великаго визиря въ то время, когда ханствомъ управлялъ уже Гази-гирей-ханъ. Обстоятельство это возбудило народное волненіе, но, по разсмотрѣнію фирмановъ, право признано было за Гази-гиреемъ. Тогда Фетхъ-гирей рѣшился возвратиться въ Константинополь, но,

при прощаніи съ ханомъ, былъ убитъ съ своими 9-ю малолѣтними дѣтьми. Онъ царствовалъ всего 3 мѣсяца.

Однимъ изъ наиболѣ любимыхъ и уважаемыхъ крымскими татарами хановъ былъ Хаджи Селимъ-гирей ханъ, восшедшій на престолъ въ 1081 году (эджирь) онъ назначилъ калгою брата своего Селяметъ-гирея, а нурединомъ племянника Сафа-гирея. Достигнувъ почестей и уваженія, онъ по проiscaмъ не только лишенъ былъ престола въ 1088 г., но и сосланъ въ Родось. Его замѣнилъ Мурадъ-гирей. Въ 1095 г. онъ снова возведенъ на крымскій престолъ и прославилъ себя славною побѣдою надъ русскими, задумавшими вторгнуться въ Крымъ.

Рукопись заканчивается царствованіемъ Арсланъ-гирей хана, которому приписывается усердіе въ религіи и любовь къ улемамъ, лучшія постройки въ Бахчисараѣ и у крѣпостей Перекопской и Арабатской, сооруженіе фонтановъ, исправленіе мечетей и т. п. добрыхъ дѣлъ. Намъ же онъ извѣстенъ по отрывку лѣтописи, приведенной въ VI т. собр. русск. лѣтописей на 283 стр., что въ лѣто 7036 въ 9 день сентября онъ подступилъ въ сообществѣ съ сыномъ Заволожскаго царя съ многими царевичи и вой къ Москвѣ и отидоша прочь безъ успѣха, а сообщикъ его князь Алай пойманъ бысть, а царь Асланъ полону не взя ничего. А московичи сѣдоша въ осадѣ 5 дней; а градъ Москва сохраненъ бысть цѣль и вся земля русская. А царь Асланъ гонимъ бѣ гнѣвомъ Божіимъ и нападе на него страхъ и трепеть и смятесе угроба его въ немъ.

Изъ повѣствованія о послѣднемъ этомъ ханѣ, мы открываемъ, что фамилія гиреевъ была очень обширна и скиталась въ различныхъ подвластныхъ татарамъ земляхъ, ожидая выбора своего въ калги и нуредины и только тогда являлись въ Бахчисарай, когда за ними посылали.

Приведенныя нами рукописи не представляютъ вѣрныхъ основаній къ составленію по нимъ исторіи крымскихъ хановъ. Мы и не думаемъ довѣряться имъ всецѣло, по-

тому что гораздо подробѣе поговоримъ о ханахъ въ послѣдующемъ отдѣлѣ настоящаго труда. Намъ хотѣлось только выяснитъ, что первымъ монгольскимъ государемъ, пожелавшимъ воцариться въ Тавридѣ, былъ Тохтамышъ, поселившійся на Чуфуткальской скалѣ, а утвердившимся окончательно на этомъ престолѣ былъ Хаджи-гирей-ханъ.

Затѣмъ намъ предстоитъ объяснить, съ котораго времени и какимъ образомъ началось господство монголотатаръ въ Тавридѣ. Раньше мы сказали, что Батый, прошедши огнемъ и мечемъ до Дуная, возвратился къ берегамъ Волги. Надо полагать, что въ это время, по приказанію ли, или по собственному желанію, отдѣлились отъ полчищъ его татары и направились въ Крымъ, съ цѣлью господства въ немъ. Что они были татары, а не монгольцы, привыкшіе къ кочующей жизни, можно заключить изъ поселенія ихъ въ городѣ Солхатѣ. Кромѣ этого мы очень хорошо знаемъ, что татары, выведенные Батыемъ изъ Персіи въ качествѣ плѣнныхъ, не могли сносить своего положенія между грубыми поработителями и рады были случаю отдѣлиться отъ нихъ. Дѣйствительность нашего предположенія отчасти подтверждается тѣмъ, что мы даже во время царствованія Тохтамыша находимъ въ Солхатѣ намѣстниками людей, носящихъ татарскія имена, а впоследствии открываемъ, что между ими и монгольцами никогда не было ничего дружественнаго и что послѣдніе на столько были не расположены къ нимъ, что не только не жили въ одной мѣстности, но даже съ 1735 года нѣкоторая часть ногайцевъ изъявляла желаніе передаться Россіи, что и выполнила въ 1769 и 1770 годахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что къ татарамъ этимъ впоследствии присоединялись и другіе соотечественники ихъ, а вслѣдъ за тѣмъ, когда начало приближаться время разложенія золотой орды, то многіе представители племенъ или проще военачальники, чѣмъ-либо недовольные или предвидѣвшіе плохую будущность, направлялись въ отдаленную Тавриду и здѣсь, завоевавъ себѣ клочки земель, оставались въ качествѣ князей. Съ этой поры кажется являются въ Крымъ тѣ 5 славныхъ беевъ, которые,

впоследствии, чуть не повѣлевали ханами, имѣли своихъ жалговъ, нурединовъ, посылали пословъ за данью въ Россію, словомъ представляли въ миниатюрѣ самостоятельныхъ правителей до послѣднихъ дней существованія крымскаго ханства.

Первыя монгольскія орды введены въ Таврическій полуостровъ и поселены въ степяхъ его Сагипъ-гирей ханомъ въ промежуткѣ 1532 по 1551 годъ, а послѣдняя въ 1868 г. изъ племени Едисайскаго юрта, зашла сюда частью во время слѣдованія изъ Бессарабіи на Кавказъ подъ предводительствомъ Джанманъ-бетлія.

Орды эти, судя по названіямъ, даннымъ ими мѣстностямъ и деревнямъ, состояли изъ ченгарцевъ, выходцевъ изъ Зюнгаріи, поселившихся у Сиваша, въ округѣ до настоящаго времени слывущемъ подъ этимъ именемъ. Народъ этотъ гораздо крупнѣе ногойцевъ и татаръ и гораздо пріятнѣе на видъ въ сравненіи съ первыми. Языкъ ихъ и теперь представляетъ замѣтную разницу между тѣми и другими. Кромѣ зюнгарцевъ вошли сюда найманы и выходцы изъ малой Бухаріи, назвавшіе свои поселенія Тюпъ-Найманъ *), Хытай и т. п. Всѣ они впоследствии разошлись по теперешнимъ Перекопскому, Феодосійскому и Евпаторійскому уѣздамъ и извѣстны туземцамъ Крыма подъ общимъ названіемъ *чоль-татаръ* или степныхъ татаръ.

Монгольцы, кочующіе въ крымскаго полуострова, въ предѣлахъ ханства слыли подъ именемъ кара-ногаевъ, т. е. черныхъ или настоящихъ ногаевъ. Это были племена изъ малой Бухаріи, названной впоследствии именемъ покорителя ея Джагатаемъ, расположенной между рѣками Сыръ и Аму-Дарьей. Въ томъ, что это было то самое племя, намъ доказываютъ повѣрья ихъ, сохраненныя въ пѣсняхъ и сказкахъ о Чбра-батырѣ (Тамерланѣ), признаваемаго за будущаго освободителя рода ихъ. На этомъ основаніи они представляютъ предсказаніе Чингисъ-хана, что монгольцамъ подъ конецъ придется возвратиться туда, откуда вышли. Предсказаніе это выра-

---

*) Тюпъ на языкѣ ихъ означаетъ корень. Надо догадаться, что въ этомъ селеніи поселились хорезмше найманцы.

жено слѣдующимъ образомъ: „Эвель да Шамъ, ахыръ да Шамъ“ *), т. е. изъ Шама мы вышли и въ Шамъ возвратимся.

Мы назвали ногайцевъ, обитавшихъ внѣ Крыма, кара-ногаями. Слово *кара* (черный) приобщалось въ древности къ народамъ, побѣжденнымъ или порабощеннымъ. Это принято было не только въ монгольскихъ племенахъ, но даже и въ Россіи, гдѣ именовали повинующихся черными, а властвующихъ бѣлыми.

Кара-ногаи составляли орды слѣдующихъ названій:

Буджацкая, кочевавшая между Днѣстромъ, Кучурганомъ и Чернымъ моремъ; Едисайская, между Кучурганомъ, Бугомъ и Чернымъ моремъ, Едичкульская, Джамбулукская и Кабъ-едичкульская въ нынѣшнихъ: Мелитопольскомъ, Днѣпровскомъ и Бердянскомъ уѣздахъ.

Всѣ эти орды имѣли своихъ правителей, во главѣ которыхъ стояли сераскиры или *хойма-ханы* (т. е. приставленные ханы), которые сначала зависѣли и назначались изъ Золотой орды, а потомъ отъ крымскихъ хановъ. Въ послѣднемъ случаѣ ханы назначали сераскирами ближайшихъ родственниковъ своихъ или оставляли власть эту за собою не потому, что особенно преданы были къ нимъ, а ради того, чтобы удержать ихъ въ повиновеніи; но сколько намъ извѣстно и эти мѣры не всегда оказывались благодѣтельными, такъ какъ достаточно было самаго ничтожнаго обстоятельства для возмущенія ихъ противъ хана, котораго они считали не на сколько своимъ, сколько татарскимъ, по мѣсту жительства его въ Бахчисараѣ. Намъ извѣстно, что волненія эти продолжались даже во времена послѣдняго крымскаго хана Шагинъ-гирея, который лично отправился усмирять ихъ, а во время его отсутствія взбунтовались бахчисарайцы и разграбили не только его дворецъ, но и завладѣли его гаремомъ **). Вотъ въ какомъ отношеніи находились монгольцы въ крымскомъ царствѣ къ своимъ повелителямъ. Дальнѣйшій рассказъ нашъ объ этихъ племенахъ, съ которыми мы безпрестанно

*) Шамъ или Велджанъ находится на пространствѣ отъ Нерчинскаго уѣзда на Ю.-З. до Тибета и Индіи.

**) Это рассказано мнѣ было двумя татарами, очевидцами этого событія.

сталивались съ дѣтства, познакомить читателя нашего съ духомъ этого народа, до послѣдней эмиграціи его изъ Крыма.

Степные татары.

Ознакомивъ читателя съ минувшимъ, варварски господствующимъ надъ нами народомъ, слышшимъ подъ названіемъ монголо-татаръ, мы теперь перейдемъ къ изображенію его въ наше время, но предварительно объяснимъ, что будемъ говорить только о тѣхъ остаткахъ его, которые обитали собственно на крымскомъ полуостровѣ и получили общее названіе степныхъ татаръ.

Всѣмъ извѣстно, что крымскія степи густо были населены этимъ народомъ до 1785 года или вѣрнѣе до Кучукъ-кайнарджинскаго мира (1774 г.), сдѣланнаго насъ обладателями Керчи. Какъ только наши войска заняли этотъ городъ, татары, обитавшіе въ окрестностяхъ его, начали переселяться въ Турцію. Переселеніе это съ каждымъ послѣдующимъ годомъ возрастало такъ, что къ концу 1788 года насчитывали вышедшихъ до 300 т. Однако, при всемъ томъ, если вѣрить Сумарокову, жившему въ Крыму до 1803 года, ихъ оставалось еще 188 т. человекъ. Въ наше же время, то-есть до послѣдней эмиграціи, насчитывали татаръ и ногайцевъ 295 т., изъ коихъ по 1863-й годъ вышло въ Турцію около 193 т.

Крымскіе ногайцы, проживъ болѣе 200 лѣтъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ татарами и турками, съ которыми имѣли постоянныя сношенія, судились турецкими законами и руководились просвѣщенными въ Стамбулѣ кадіями и муллами, но при всемъ этомъ въ немногомъ опередили своихъ единоплеменниковъ, обитавшихъ внѣ полуострова. Это происходило, во-первыхъ оттого, что они никогда не жили съ другими народами, крѣпко держались своей семьи и наследственныхъ правилъ жизни, грамоту не уважали, такъ какъ она преподавалась на турецкомъ діалектѣ, а коранъ совершенно не понимали. На просвѣтителей своихъ муллъ они мало обращали

вниманія, на томъ основаніи, что эти послѣдніе вели свое происхожденіе отъ рабовъ, плѣнныхъ ихъ пра-дѣдами, остальныхъ же татаръ не могли терпѣть, по-тому что они, не только насмѣхались надъ ними, но даже считали за низость пировать въ домѣ ногайца. Всего болѣе степнаго татарина возмущало то, что національное названіе его въ устахъ дѣйствительныхъ татаръ служило опредѣленіемъ самой невѣжественной и безтолковой личности, которую слѣдуетъ презирать. Отвращеніе это происходило, во-первыхъ, изъ наслѣдственной вражды за порабощеніе предковъ и выводъ изъ отечества, во-вторыхъ, за употребленіе конины, лошадинаго сала и кумыса, недозволенныхъ Магометомъ и наконецъ за чрезвычайно неприличныя выраженія во всякаго рода бесѣдахъ и обществахъ, чего не допускали татары въ особенности въ присутствіи пожилыхъ людей.

Все это не только мало измѣнило ихъ въ нравствен-номъ отношеніи противъ первообраза своего, но не повліяло даже на улучшеніе языка, который оставался по-прежнему грубымъ и малословнымъ. Кромѣ чрезвы-чайной бѣдности въ немъ словъ, имъ чужды были срав-ненія и непонятны загадки и всякаго другаго рода мѣткія изрѣченія. Изъ весьма немногихъ, грубыхъ пре-даній, облеченныхъ въ сказочную форму, отличаются только рассказы о происхожденіи ихъ отъ узбековъ, нѣкогда обитавшихъ въ Джагатаѣ, что настоящее на-званіе свое они получили вслѣдствіе проклятія отцовъ, выраженнаго словомъ *неонгай* *), т. е. да преслѣдуютъ тебя недостатки; что Чингизъ-ханъ родился отъ невин-ной дѣвы, ослѣненной лучемъ солнца; помнятъ о Джани-бекѣ и Батыѣ. О послѣднемъ они пѣли даже пѣсню, начинавшеюся:

Сарай алдъ бусарашъ Батукъ ханъ юрты...

Изъ обыкновенныхъ рассказовъ ихъ и пѣсень, самыми популярными считались: сказка о походеніяхъ Чернаго кады и пѣснь о Чора-Батырѣ, молодомъ богатырѣ, ко-

*) *Омай* значить „обогатись“, будъ счастливъ во всемъ; частіца же не опредѣляетъ противоположность.

торый разбивалъ одинъ цѣлыя арміи, а въ заключеніе поглотенъ былъ землею, гдѣ останется до тѣхъ поръ, пока родъ ихъ дойдетъ до крайности, тогда онъ, Чорабатырь, выйдетъ на свѣтъ и, снова воцарившись надъ ними, завоюетъ цѣлый міръ. Нѣтъ сомнѣнія, что сказочная личность эта никто иной, какъ Чингисъ-хань или Тамерланъ, прославившіеся небывалыми въ исторіи варваровъ подвигами и именно тѣмъ, что первый изъ нихъ предаль смерти до 4 милліоновъ жителей въ одной изъ Азіатскихъ провинцій и постоянно возилъ за собою 70 громадныхъ котловъ только для того, чтобы кипятить въ нихъ плѣнныхъ, а послѣдній, Тамерланъ,—воздвигеніемъ пирамидъ и крѣпостей изъ человѣческихъ головъ, изъ которыхъ наименьшія заключали отъ 60 до 100 тысячъ череповъ и который любилъ истреблять тысячами людей, привязывая ихъ головы промежъ ногъ и погребая живыми въ ямахъ.

Ногайцы, наслѣдовавшіе отъ предковъ варварскія наклонности и въ наше время, несмотря на то, что съ ними обходились наши власти ласково, сохраняли эти качества какъ бы въ крови, безъ примѣненія, разумѣется, къ дѣлу при обращеніи съ господствующимъ народомъ; но тотъ, который подслушивалъ, съ какимъ негодованіемъ они рассказываютъ между собою о господствѣ надъ ними русскихъ, нѣкогда бывшихъ у нихъ рабами, тотъ только пойметъ ихъ неумѣстное хвастовство и злобу, прикрытую безсиліемъ. Меня до настоящаго времени возмущаетъ, что это жалкое племя, негодное ни къ чему болѣе, какъ къ скотоводству, считаетъ насъ настолько ничтожнымъ въ сравненіи съ собою, что намъ суждено служить имъ; если же случилось обратное, то это могло произойти только по волѣ провидѣнія, желавшаго подвергнуть ихъ временно испытанію. Всего лучше крымскаго ногайца изучить въ его семейномъ быту и въ обращеніи съ домашними животными. Упорные въ задуманномъ, они, несмотря на всевозможные благоразумные совѣты, всегда стремились къ достиженію цѣли и горе женѣ или сыновьямъ, вздумавшимъ прекословить имъ. Ногаецъ въ семьѣ своей обыкновенно молчаливъ, угрюмъ и никогда почти не расточаетъ ласки

дѣтямъ. Наѣвшись, съ разсвѣтомъ онъ выходитъ на полевая работы и возится надъ ними до той поры, пока почувствуетъ голодь или утомленіе. Возвратившись домой, онъ разстилаетъ войлокъ предъ порогомъ хаты своей и пристунаетъ къ сытному обѣду, всегда почти состоящему изъ пшенной шорбы, подбѣленной катыкомъ, съ просыанымъ хлѣбомъ, извѣснымъ у нихъ подъ именемъ *мамля*. Если у него есть работники, пастухи или земледѣльцы, то и они помѣщаются около него. Послѣ шорбы, подается иногда конина, баранина или верблюжье мясо въ отваренномъ видѣ; затѣмъ кумысъ или буза, смотря по времени года. Послѣ этого обѣда всѣ они ложатся на спину, а одинъ изъ пастуховъ беретъ тулубъ-зурну (волынку) или дудку и начинаетъ играть любимый ихъ танецъ *чебанг-авасы*, подъ который очень охотно танцуютъ не только молодые, но и старики. Жены ихъ исключительно ведутъ домашнюю жизнь, состоящую въ постоянномъ заготовленіи полотна и грубаго сукна изъ верблюжьей и овечьей шерсти, печеніи *мамля* подъ казаномъ, прикрытымъ тлѣющимъ кизякомъ и другими домашними потребностями и именно: выдѣлкою свѣчей, мыла, шитьемъ платья, вареніемъ кофе и различнаго рода кушаній. Женщины эти очень крѣпкаго сложенія, но гораздо красивѣе одноплеменницъ своихъ, обитающихъ за Перекопомъ. Последнее произошло оттого кажется, что дѣды и прадѣды ихъ очень охотно покупали кавказскихъ невольницъ, доставляемыхъ въ Крымъ и такимъ образомъ улучшили породу свою. Всѣ они въ обыкновенные дни грязны, нечистоплотны, но въ праздники любятъ наряжаться въ цѣнные матеріи и вещи. Колець на носу никто изъ нихъ не носилъ, но куреніе табаку такъ было распространено, что легче было отыскать некурящаго мужчину, чѣмъ женщину.

Въ зимнее время крымскіе ногайцы исключительно проводили жизнь свою подъ очагомъ, при тлѣющемъ кизякѣ. Здѣсь они разсуждали о деревенскихъ дѣлахъ и событіяхъ округи своей. Здѣсь пересказывали другъ другу слышанное отъ отцевъ и замышляли различнаго рода предпріятія, касающіяся своего быта. На дѣтей не обращается ни малѣйшаго вниманія: то совершенно

голыя, то чрезмѣрно одѣтыя и обвѣшанныя молитвами и множествомъ талисмановъ, онѣ нерѣдко по цѣлымъ днямъ валялись на сорныхъ кучахъ съ различнаго рода стружьями, коростою и т. п. накожными болѣзнями. Всего ужаснѣе поражала эти маленькія существа оспа, такъ какъ они отвергали привитіе ея.

Самымъ веселымъ временемъ для семейства крымскаго ногайца считался періодъ своза и молотбы хлѣба, если слѣдоваль урожайный годъ на пшеницу и просо, потому что кромѣ этихъ продуктовъ на этой почвѣ, лишенной проточныхъ водъ, они не умѣли ничего другаго извлекать. Разсчитывая на свои нивы, какъ на даровой кусокъ хлѣба, естественно имъ ничего не приходилось болѣе желать, какъ только благосостоянія отаръ овецъ, верблюдовъ и лошадей.

Величайшимъ стѣсненіемъ для крымскихъ собственно ногайцевъ было то, что они большинствомъ обитали на помѣщичьихъ земляхъ съ обязательствомъ работать извѣстное число дней, давать десятину съ посявовъ и платить деньгами и натурою за пастбище скота. Обстоятельство это сильно вліяло на ихъ благосостояніе и кажется было одною изъ главнѣйшихъ причинъ второй эмиграціи изъ полуострова. И дѣйствительно, сколько мы помнимъ, народъ этотъ, въ особенности въ Перекопскомъ уѣздѣ, несмотря на трезвую жизнь и постоянную заботливость объ обезпеченіи семьи, находится въ бѣдномъ состояніи. Намъ нерѣдко приходилось видѣть въ деревняхъ ихъ на половину такихъ, у которыхъ, кромѣ деревянной чашки, казанчика, двухъ ложекъ, войлока, подушки и одѣяла, ничего больше не было.

Ногайцы ни когда не обитали въ Крымскомъ полуостровѣ ниже той полосы, которая шла отъ Евпаторіи по направленію къ Феодосіи, потому ли, что ихъ недопускали татары, или вслѣдствіе привычки жить на равнинахъ—довольно трудно опредѣлить. Впрочемъ можно допустить, какъ со стороны однихъ такъ равно и другихъ не желаніе быть въ ближайшемъ сосѣдствѣ, во избѣжаніе столкновеній. Грубые въ обхожденіи и ненаходчивые въ словахъ, ногайцы вообще уклонялись отъ всѣхъ

тѣхъ, кто умѣлъ хорошо владѣть языкомъ и наслаждаться лучшею въ сравненіи съ ними обстановкою. Это доказываетъ, что, въ бытность ихъ съ Батыемъ въ Персіи, они не подумали поселиться въ лучшихъ мѣстахъ этой страны и предпочли приволжскіе степи.

Проживая иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ въ Ченгарахъ, я почти въ каждой деревнѣ встрѣчалъ молитвенный домъ, муллу и приготовительное училище, но почти никого грамотнаго, за исключеніемъ духовника. Вступая въ религіозныя разсужденія, я всегда выносилъ убѣжденіе, что народъ этотъ знаетъ только имена: Бога и Магомета и нѣсколько исковерканныхъ разъясненій, относительно догматовъ исповѣдываемой религіи. При полномъ отсутствіи поэтическихъ увлеченій, они на столько были бѣдны даромъ воображенія, что не въ состояніи были изобрѣсти даже толкованіе сновидѣній, что свойственно почти всѣмъ младенчеству ющимъ народамъ. Замѣчательно, что они, вѣря въ существованіе злыхъ джиновъ (духовъ) и святыхъ, нисколько не выражали къ первымъ страха, а къ послѣднимъ уваженія. Колдовство, ворожба и всякаго рода суевѣріе имъ не были понятны, не смотря на то, что подобнаго рода искатели приключеній безпрестанно объѣзжали ихъ.

Лучшею чертою ногайцевъ въ Крыму было то, что они жили мирно между собою, довольствовались насущнымъ пропитаніемъ и никогда не обременяли правительства жалобами на недостатки или стѣсненія со стороны безсчетнаго множества бывшихъ въ то время властей, которыя смотрѣли на поселянина и его средства, какъ на собственность свою.

Говоря о Ногайцахъ Крымскаго полуострова, мы обязаны замѣтить, что болѣе развитые изъ нихъ были тѣ, которые обитали въ окрестностяхъ Евпаторіи. Это безъ сомнѣнія происходило во-первыхъ отъ того, что Евпаторія издавна населена была турецкими войсками и вела значительную торговлю съ Стамбуломъ и наконецъ потому, что между ними постоянно вращались шейхи, какъ сказано будетъ ниже, прибывшіе въ Крымъ съ цѣлю утвердить вѣру въ Исламъ; различнаго рода купцы, сказочники, шуристы и т. п. искатели средствъ. Эта

частица ихъ вообще отличалась проворствомъ, гостеприимствомъ и охотою говорить.

Теперь намъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о наружности и физическихъ свойствахъ этихъ Ногайцевъ, какъ замѣчено было отчасти, переродившихся отъ смѣшенія съ Черкесскими женщинами и которые большинствомъ выселились въ Турцію, гдѣ окончательно измѣнятся подобно дѣдамъ своимъ. Тоже самое предстоитъ и остатку ихъ въ Крыму отъ необходимости смѣшенія съ татарами.

Крымскіе Ногайцы, въ то время когда мы ихъ знали, большинствомъ были росту выше средняго, съ продолговатымъ, отчасти плоскимъ, лицомъ, съ рѣдкою бородою и усами рыжаго и чернаго цвѣта. Глаза сѣрые и каріе, продолговатой формы; носъ приплюснутый, ротъ большой съ толстыми губами и рѣдкими зубами, уши длинныя, затылокъ и шея ровныя, широкіе; головной черепъ нѣсколько вытянутый у макушки; плечи широкія, руки длинныя, дугообразныя; ноги какъ-бы согнутыя, вслѣдствіе чего и походка неправильная; большинствомъ гладкопядые *). Цвѣтъ лица и вообще тѣла сильно смуглый съ частыми бородавками и родинками. У многихъ вовсе не росли на лицѣ волосы и такіе именовались *косе*. Всѣ они обладали толстыми костями, крѣпкими мускулами и чрезвычайно эластичнымъ желудкомъ, который всегда переваривалъ пищу въ какомъ-бы количествѣ она не была принята. Мнѣ нерѣдко приходилось видѣть Ченгарца, который въ одиночку съѣдалъ пол-барана и запивалъ его довольно большимъ кувшиномъ *бузы*, которая, какъ извѣстно, кромѣ питательности, доводила ихъ до опьяненія. Зрѣніе у этого народа было удивительное до глубокой старости; тоже самое я подмѣчала и въ слуховыхъ органахъ. Сколько мнѣ извѣстно, они въ холостомъ состояніи не выражали ничѣмъ особенной страсти къ женскому полу; но женившись, Ченгарецъ до безумія предавался наслажденіямъ и никогда не ложился въ постель въ сорочкѣ, чего не позволялъ и же-

---

*) Гладкопядыхъ—татаре называютъ *тозь-табанами* и считаютъ ихъ очень несчастными.

нѣ. Народъ этотъ отличался плодovitостію и могъ бы сильно размножиться, еслибъ вѣрить въ познанія медиковъ и обращалъ болѣе вниманіе на дѣтей своихъ. Не предаваясь пьянству и другаго рода порокамъ, люди эти не способные увлекаться высшими духовными наслажденіями, естественно всею силою предавались женѣ и въ союзѣ съ нею находили удовлетвореніе единственнымъ потребностямъ души.

Послѣ семейства Ногаецъ сосредоточивалъ все вниманіе свое на скотѣ, изъ числа которыхъ верблюды имѣлъ преимущество во многихъ отношеніяхъ, во первыхъ какъ переносящее жажду, во вторыхъ какъ болѣе сильное и наконецъ какъ быстрое въ ходбѣ, сравнительно съ воломъ, не приносящимъ ему шерсти для одежды. Послѣ верблюда Ногаецъ цѣнилъ лошадь. Это животное доставляло ему наслажденіе въ джигитовкѣ, онъ пилъ съ наслажденіемъ его кумысъ и съ жадностію пожиралъ мясо. Вслѣдъ затѣмъ цѣнилось значеніе овцы, которая давала хорошую шерсть для одежды, войлоки, веревки и снабжало семью молокомъ, изъ котораго приготавлился необходимый для жизни ихъ катыкъ и творогъ. Кромѣ этихъ стремленій въ природѣ ихъ нельзя было замѣтить ничего рѣзко выдающагося; но опытный глазъ могъ бы убѣдиться, что люди эти созданы были для набѣговъ и скучаютъ однообразіемъ жизни, постигнувшей ихъ со времени присоединенія Крыма къ Россіи.

Вотъ какими мы видѣли и знали Крымскихъ Ногайцевъ, проживавшихъ въ степяхъ Тавриды нѣсколько столѣтій, но большинствомъ эмигрировавшихъ въ Турцію; по причинамъ, которыя мы постараемся своевременно рассказать.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Крымскіе ханы.

Мы уже посвятили нашего читателя въ исторію появленія монгольскихъ племенъ въ Европѣ, руководствуясь общими свѣдѣніями, существующими на этотъ предметъ. Теперь обратимъ вниманіе на повѣствованіе, по этому-же вопросу—Абулгазихана.

По мнѣнію его, Чингисъ-ханъ родился отъ мелкаго хана Исукая-Багадура. По достиженіи совершеннолѣтія и восшествія на отцовскій престоль, свирѣпый юноша этотъ составилъ себѣ идею, что верховное божество избрало его властелиномъ міра. Подъ гнетомъ этой славолюбивой мечты, онъ потребовалъ безпрекословнаго повиновенія себѣ сначала слабѣйшихъ хановъ, а затѣмъ приступилъ къ болѣе сильнымъ, посылая имъ сказать, „что если они не подчинятся добровольно, то я вступлю съ многочисленнымъ войскомъ и рассчитаюсь по своему и тогда мы увидимъ на чью голову вѣчный Богъ возложилъ вѣнецъ величія и кого покроетъ ковромъ ничтожества“. Дерзкая смѣлость эта кончилась тѣмъ, что сынъ ничтожнаго хана сдѣлался обладателемъ многочисленнаго народа, изъ среды котораго, избравъ наиболѣе отважныхъ, рѣшился двинуться къ странамъ, гдѣ благоденствовали люди, и, прошедь ихъ огнемъ и мечемъ, возвратился къ знаменитому въ то время Самаркану, гдѣ и основалъ свою резиденцію. Здѣсь, предавшись нѣгѣ съ женщинами, которыхъ набралъ въ гаремъ свой до 500, онъ пожелалъ ознаменовать себя въ потомствѣ нѣкотораго рода организаціею монархіи. Составленные имъ для этого законы, подъ названіемъ *Яса*

отлично характеризуютъ его жестокий нравъ. Мы представили уже нѣсколько статей изъ Яса, относящихся къ военному времени, теперь приведемъ еще нѣсколько, по которымъ требовалась смертная казнь:

1) за прелюбодѣяніе, 2) ложь, 3) колдовство, 4) за заступничество одного въ спорѣ или дракѣ двухъ, 5) за помоченіе на пепель или воду, 6) за тоекратное банкротство, 7) кто накормитъ плѣнника безъ дозволенія господина его, 8) кто зарежетъ животное, подобно мусульманамъ, 9) кто не возвратитъ раба хозяину его, 10) кто найденное скроетъ, въ особенности при войнѣ, 11) кто оставитъ самовольно служебный постъ и т. п.

По словамъ того-же Абдулгази-хана, Чингисъ раздѣлилъ монархію свою 4 сыновьямъ. Послѣ же смерти его, она распалась на нѣсколько частей; но мысль о покореніи міра осталась врожденною въ его поколѣніи. Ее наслѣдоваль и Угедеханъ Кипчакской золотой орды, уже послѣ перенесенія столицы своей на берега Волги.

И вотъ сынъ его Бату (Батый), прошедъ мечемъ Персію и другія сосѣдственныя ей страны, ворвался въ Россію и въ числѣ прочихъ земель, присоединилъ къ владѣніямъ отца и степи Тавриды. Намъ очень хорошо извѣстно, что при этомъ походѣ съ нимъ были неразлучны четыре татарскихъ племени, взятыхъ изъ окрестностей Персіи подъ общимъ названіемъ *дартъ-оджалъ* (т. е. четырехъ очаговъ) и именно: Ташлы, Кулечъ, Кайначи и Чолунгу. Эти племена, повидимому утомленныя походами и раболѣнствомъ, поселены были Батыемъ въ Тавриду, съ цѣлью сохранить за собою право господства въ этой странѣ. Въ 1266 году золото-ордынскій престолъ достался Менгу-хану, который подарилъ Тавриду племяннику своему, Орамъ-Тимуру. Казалось-бы, съ этого времени престолонаслѣдіе и независимость страны этой установилось, но на дѣлѣ оказалось, что Золотая орда продолжала властвовать надъ нею, нерѣдко назначала хановъ по своему произволу, которые пользовались этимъ титуломъ номинально до времени Хаджи-гирей хана, успѣвшаго упрочить Крымъ за собою, послѣ долголѣтняго царствованія въ немъ. Этимъ ханомъ начинается самостоятельность Крымскаго царства и внутреннее его

устройство. Къ счастью народонаселенія, государь этотъ былъ кроткаго нрава и въ высшей степени религіозенъ, справедливъ и вѣротерпимъ. Въ самое непродолжительное время ему удалось отчасти пошатнуть въ подданныхъ девизъ золотоордынскихъ хановъ, выраженный Тимуромъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Видѣть скорбь враговъ своихъ, цѣловать ихъ женъ и дочерей и гнать предъ собою ихъ стада.“

При такомъ началѣ управленія, ожидала славная будущность Крымское ханство, еслибъ съ 1475 года не постигла его снова опека турецкихъ султановъ, которые, сокрушивъ возрастающее могущество генуэзцевъ въ Тавридѣ, ввели во всѣ приморскіе и пограничныя пункты ея свои войска, и этимъ способомъ превратили хановъ въ своихъ намѣстниковъ, давъ имъ гвардію въ двѣ тысячи человекъ въ сущности для воздержанія въ повиновеніи и кромѣ этого предоставили жалованье вліятельнѣйшимъ изъ мурзъ, чтобы держать ихъ на своей сторонѣ *). Естественно, что съ этого времени ханскій престолъ находился въ зависимости отъ турецкихъ министровъ, которые распоряжались имъ по собственному произволу. Это обстоятельство заставило хановъ заботиться не о благѣ народонаселенія, а о собственныхъ удовольствіяхъ. Вотъ почему большинство Крымскихъ гиреевъ почти всю жизнь свою проводили въ набѣгахъ и сами занимались торговлею невольниковъ. Отъ зависимости этой и неувѣренности, оставаться на престолѣ до конца жизни, нѣкоторые изъ Крымскихъ хановъ, какъ тоько замѣчали, что кто-либо изъ родственниковъ ихъ пріобрѣталъ любовь или расположенность турецкихъ визирей и мѣстныхъ беевъ, рѣшались истреблять таковыхъ со всѣмъ семействомъ и только послѣ этого успокаивались.

Крымскіе татары, еще до порабощенія ихъ Батыемъ, управлялись монархической неограниченною властію и до послѣдней минуты самостоятельности своей не измѣняли этому лучшему образу правленія. Владыка ихъ назывался ханомъ. Титулъ этотъ безъ сомнѣнія произве-

*) Намъ кажется справедливѣе предполагать, что турецкій гарнизонъ остался въ крѣпостяхъ Крыма съ 1584 г., т. е. съ того времени, какъ возсталъ Магометъ-гирей ханъ противъ усмирившаго его султана Мурата.

день отъ прилагательнаго *ханлы* (кровный) въ смыслѣ наследственный. Ханомъ на монгольскомъ языкѣ называется также и заѣзжій дворъ, отъ существеннаго *хане* домъ, хижина, дворъ. И такъ происхожденіе слова ханъ относится или къ выраженію правъ наследственныхъ или ханствами первоначально именовались отдѣльныя племена, владѣющія особыми дворами или кибитками, куда при необходимости собирались для совѣщаній главы семействъ, вѣроятно подъ предѣлательствомъ старѣйшаго между ними, который пользовался именемъ ханъ-баши или распорядителя собранія представителей.

Легко предполагать, что эти первобытные семейные порядки послужили поводомъ наименованію верховнаго правителя ханомъ. Впрочемъ можно предполагать, что слово это произведено отъ китайскаго каана или хазарскаго каганъ. Впослѣдствіи Крымскіе ханы присвоили себѣ имя гиреевъ. Нѣкоторые изъ исторіографовъ полагаютъ, что имя это приложено впервые къ Девлетъ-хану, будто-бы спасенному отъ смерти простымъ татаринномъ Гиреемъ.

Мы не сомнѣваемся, что съ того времени, какъ Крымъ сдѣлался собственностію Орама (Орана *). Перекопскіе ворота, начало Крыма, начали называться именемъ этого хана *Оръ-хану* т. е. воротами владѣній Ора или Орана). Отъ Орана до Менгли-гирей хана, крымскій престоль былъ наследственный, переходя не отъ отца къ сыну, какъ это принято было въ христіанскомъ мірѣ, а къ старшему въ родѣ по лѣтамъ. Послѣ Менглиа, права на этотъ престоль предоставлялись Константинопольскими султанами и тѣ изъ нихъ, которые получали фирманъ на ханство, обязаны были являться въ Стамбуль и тамъ опоясаться саблею. Это продолжалось до 1774 года т. е. до Кучукъ-Кайнарджинскаго мира или до тѣхъ, пока Россія приобрѣла Керчь, Еникале и Кинбургъ. Съ этой минуты Турція утратила прежнія права свои на Крымскій полуостровъ и ханы назначались съ согласія Россіи.

Ознакомивъ читателя нашего съ судьбою Крымско-татарскаго престола, мы обязаны теперь представить

*) Оръ или оранъ на монгольскомъ означаетъ: скорый, вслѣдствіи.

исторію хановъ его, и затѣмъ подробно разсмотрѣть жизнь и отношенія этихъ властелиновъ къ подвластнымъ и сосѣдственнымъ народамъ.

Первымъ дѣйствительнымъ ханомъ Крыма, какъ замѣчено было выше, является Девлетъ, онъ-же Хаджигирей ханъ, которому удалось упрочить независимость этой страны. *) Послѣ смерти его, Крымъ находился въ безотрадномъ положеніи до той поры, пока не вступилъ на престолъ Менгли-гирей воспитанный генуэзцами въ Кафѣ, которые, для обезпеченія спокойствія, заключили братьевъ его въ Судакскій замокъ. Менгли-гирей, воцарившись, возобновилъ дружбу съ Польшею и въ то же время соединился съ Кипчакскимъ ханомъ Магометомъ противъ Россіи, но вскорѣ затѣмъ, вынужденный ѣхать къ Турецкому, султану какъ побѣдителю генуэзцевъ, онъ оставался въ Стамбулѣ около 3 лѣтъ и затѣмъ только былъ вторично провозглашенъ ханомъ. Гирей этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые вели безпрестанныя войны противъ Россіи, Подоли и Капчакскаго хана и обоготались грабежами. Къ заслугамъ его относятся первыя постройки въ странѣ *медресе* или высшихъ духовныхъ училищъ и присоединеніе къ владѣніямъ своимъ части Кавказа, населенной черкесами.

Послѣ смерти Менглиа на ханскій престолъ возведенъ былъ сынъ его Мегметъ-гирей, прославившійся коварствомъ. Онъ заключилъ противъ Россіи съ королемъ Сигизмундомъ I договоръ за деньги, которыя забравъ впередъ, перешелъ на сторону русскихъ, и, предавъ огню и мечу Подоль, вывелъ изъ нея множество плѣнныхъ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя напалъ на русскія владѣнія. Впослѣдствіи онъ бросился на Казань и возвелъ на престолъ этого царства брата своего Сагип-гирея, а потомъ повернулъ на Москву, которую ограбивъ до невозможности и набравъ огромное число плѣнныхъ для продажи въ Кафѣ, возвратился въ Крымъ. Жестокій и алчный ханъ этотъ лишился жизни при нападеніи на Астрахань. Вотъ что говорится о немъ во вто-

---

*) Прилагательное *хаджи* присоединное къ имени этого хана, не бывшаго въ Меккѣ по предположеніямъ татаръ приобрѣтено имъ посылкою вмѣсто себя срама.

рой софійской лѣтописи (г. 7027 по 34.) „Въ лѣто 7029 июля въ 28, безбожный, гордый Крымскій царь Магметъ-гирей забылъ своея клятвы и правды на ны воинствуетъ и ниже дружбы первыя, ниже клятвы своихъ воспоминалъ: собрася съ братьею и съ своими дѣтми и съ Крымскими людьми и съ Большіе орды Заволожскія и съ Ногаи, вскорѣ безвѣстно приде на великаго князя вотчину... и ту убьени быша воеводы великаго князя Ивана Шереметева, князь Курбскій Карамышевъ, Яковъ да Юрьи Замятнины, а князь Федора Лопату въ полонъ взяли... Коломенскія мѣста повоевалъ и плѣнъ не малъ собралъ и святыя церкви осквернилъ.

Въ лѣто-же 7031 подвижеся изъ Перекопи съ своею братьею и съ своими дѣтми, пришедъ Астрахань одолѣвъ взгордѣся зѣло; и согласившеся во Астраханѣ сущій съ Ногаи и убиша царя проклятого и сына его и прочихъ Крымскихъ враговъ избиша.“

Мегмету наслѣдовалъ Сеадъ-гирей ханъ, который вскорости сверженъ былъ турецкимъ султаномъ и возведенъ дядя его Саадеть-гирей, который оставилъ тронъ изъ страха, возбужденнаго въ немъ дѣйствіями двоюроднаго брата Исляма. За нимъ слѣдовалъ Сагибъ-гирей, лишенный казанскаго престола, который, какъ сказано въ турецкой рукописи, прослылъ завоевателемъ царствъ, но впоследствии и онъ былъ сверженъ съ престола султаномъ Селимомъ. Изъ VI т. собр. русск. лѣт. на 266 стр. мы узнаемъ, что этотъ царь подъ именемъ Сапъ кирея въ лѣто 7041 въ сопровожденіи царевича Ислама сына Мегметъ-гирей направился къ Рязани и ставъ съ войсками въ помѣстьѣ Ларивонова въ Беззубовѣ верстъ на десять: и ту на нихъ приде воевода князя Дмитрія Щереда Федоровичъ Палецкій и потопта ихъ и многихъ избиша, а иныхъ живыхъ поймаша и къ великому князю отослалъ и тогда бысть на небеси въ солнцы знаменіе... яко быти во царствѣ премѣненію... Татарове же побѣгаша и намчаша нашихъ людей на многіе люди пошли изъ земли вскорѣ, начаяху за собою многихъ людей.

Замѣнившій его Мегметъ-гирей, за сопротивленіе, оказанное турецкому султану, былъ убитъ съ главнѣй-

шими сановниками своими. Его замѣнилъ Исламъ-гирей, сосланный на островъ Родось.

Пріемникомъ его былъ Гази-гирей, справедливый и великодушный. Онъ былъ отличный полководецъ и ученый. Пробывъ долгое время въ плѣну въ Персіи, славившейся въ то время поэтическими творениями, онъ прославилъ себя прекраснымъ стихотвореніемъ, извѣстнымъ подъ заглавіемъ *Гюль ве бюльбюль* (роза и соловей). Этотъ ханъ, по примѣру предковъ, также напалъ на русскія земли и воевалъ вмѣстѣ съ султанскими войсками.

Послѣ него ханствовалъ Селяметъ-гирей, который въ продолженіи 2-хъ лѣтняго господства своего не переставалъ воевать съ братьями своими. Ему наслѣдовалъ Джанибекъ, внукъ Менгли-гирея. Этотъ кроткій ханъ былъ смѣненъ безъ причины и замѣненъ Мегметъ-гиреемъ, разбитымъ и также лишеннымъ трона Оттоманскою Портою за ужасные налоги и излишнюю плату казакамъ, чтобы они не беспокоили его владѣній.

Послѣ него вторично возведенъ былъ Джанибекъ, который въ свою очередь началъ нарушать покорность султану, за что былъ сверженъ и сосланъ на островъ Родось. Его заменилъ Инаетъ-ханъ, возмечтавшій избавиться отъ ига Турціи, но поплатившійся за это жизнью. Послѣдующій за нимъ Батырь-гирей умеръ бездѣтнымъ и на мѣсто его возведенъ былъ Мегметъ-гирей, но и этотъ былъ сверженъ на третьемъ году царствованія.

Съ 1644 года Крымскій престоль достался Исламъ-гирею, который не переставалъ воевать съ поляками. Ему наслѣдовалъ братъ его Мегметъ-гирей, оказавшій содѣйствіе полякамъ противъ казаковъ и затѣмъ гетману Хмѣльницкому противъ первыхъ. Онъ воевалъ и противъ Россіи.

Послѣ смерти Мегметъ-гирей-хана, на крымскій престоль возведенъ былъ Адиль-чебанъ, который ходилъ войною на Польшу, Валахію и Россію. Въ 1671 году онъ сверженъ былъ съ престола и замѣненъ Селимъ-тирей-ханомъ, жившимъ въ Турціи въ качествѣ аманата. Воевалъ съ султанскими войсками противъ Польши, сна-

чала удачно, но потомъ былъ разбитъ Яномъ Собіескимъ, а въ заключеніе, по проiscaмъ, былъ не только лишенъ престола, но и сосланъ на островъ Родосъ. За-мѣненный Муратъ-гиреемъ, онъ въ 1682 году снова возвращенъ былъ на престоль, а годъ спустя опять смѣ-немъ какимъ-то Керъ-чебанъ-гиреемъ съ Кубани, кото-раго татары не захотѣли имѣть въ главѣ управленія, приписывая происхождение его отъ пастуховъ, и Порты, по настоянію ихъ, въ третій разъ возвела Селима на престоль. На этотъ разъ Селимъ прославилъ себя по-бѣдою надъ русскими, предпринявшими походъ въ Крымъ, чтобы сокрушить татаръ въ гнѣздѣ ихъ. *) Послѣ этого онъ снова лишился ханской власти, но сумѣлъ въ чет-вертый разъ вступить на престоль и на этотъ разъ ока-зать услуги Турецкой имперіи, что могущественные яны-чары хотѣли сдѣлать его султаномъ, но и онъ отказался отъ этого, за что названъ былъ султаномъ отцомъ сво-имъ, а родъ его, имѣющимъ преимущественное право на престолонаслѣдіе. Достигнувъ такой почести, Селимъ-гирей, испросивъ себѣ дозволеніе съѣздить въ Мекку, вскорѣ послѣ того самъ отказался отъ верховныхъ правъ. Съ этого времени турецкіе султаны совершенно другими глазами смотрѣли на крымскихъ татаръ и ихъ хановъ.

Послѣ Селимъ-гирей-хана возведенъ былъ на престоль старшій сынъ его Девлетъ, но не долго ханствовалъ. Въ 1704 г. его замѣнилъ второй сынъ Селима, Газій-гирей, который, по мнѣнію татаръ, рожденъ былъ отъ христіанки, вслѣдствіе чего оказывалъ особенное снис-хождение христіанамъ-невольникамъ и невольницамъ. Ханъ этотъ, за неудачный совѣтъ султану начать войну про-тивъ Россіи, былъ сверженъ и замѣненъ предмѣстникомъ своимъ Девлетомъ, которому султанъ вторично прислалъ грамоту съ ханскими знаками.

Отъ времени царствованія Газій-гирей-хана, у насъ сохранилось нѣсколько интересныхъ писемъ іезуита о. Дюбана къ маркизу де-Тарси. Одно изъ нихъ, напеча-танное въ газетѣ „Таврида“ за 1881 годъ мы приве-

---

*) Подъ начальствомъ кн. Голицына.

демъ здѣсь съ цѣлью ознакомить читателя съ положеніемъ Крыма въ 1713 году.

„Отъ имени вашего сіятельства предписано мнѣ представить вамъ подробный отчетъ о первоначальныхъ дѣйствіяхъ и успѣхахъ миссіи, основанной нами недавно въ Крыму, подъ могущественнымъ покровительствомъ короля, покровительствомъ, которымъ мы обязаны вашему ходатайству. Съ радостью мы платимъ эту дань, должную какъ славы нашего министерства, такъ и вашему великодушію и ревностному служенію отечеству.

Вы, на котораго его величество возложилъ управление иностранными дѣлами, по своему благочестію, сочли нужнымъ причислить къ нимъ и дѣло спасенія безчисленнаго множества иностранцевъ всѣхъ европейскихъ народностей, которые вздыхаютъ здѣсь въ рабствѣ. Позвольте мнѣ, ваше сіятельство, отдавая вамъ въ этомъ письмѣ точный отчетъ обо всемъ томъ благѣ, которое мы, благодаря вамъ, имѣли возможность сотворить для нихъ, начать свое изложеніе съ самаго возникновенія нашей миссіи, и извините меня прошу васъ, за слишкомъ обширныя подробности, въ которыя, можетъ быть, мнѣ придется входить. Мнѣ кажется, что въ этомъ первомъ письмѣ мнѣ нужно будетъ говорить очень, очень много о людяхъ и о нравахъ этой новой для насъ страны. Въ слѣдующихъ письмахъ постараюсь быть короче.

Въ іюль 1706 г. одинъ французъ, а именно г. Ферранъ, главный врачъ хана Малой Татаріи, пріѣхавъ въ Константинополь по нѣкоторымъ дѣламъ, рассказалъ намъ очень много трогательныхъ фактовъ относительно жалостнаго состоянія, въ которомъ находилось въ Крыму безчисленное множество христіанъ всякаго возраста и пола, обращенныхъ въ рабовъ во время различныхъ набѣговъ татаръ и совершенно лишенныхъ всякой духовной помощи. Онъ присовокупилъ, что два года тому назадъ одинъ польскій іезуитъ, для котораго онъ ходатайствовалъ разрѣшеніе на пріѣздъ въ Крымъ, успѣлъ сдѣлать много добра рабамъ одной съ нимъ національности, но что онъ жилъ тамъ всего шесть мѣсяцевъ, такъ какъ сильная чума, появившаяся здѣсь въ концѣ 1704 года, унесла его вмѣстѣ съ двадцатью тысячами этихъ бѣдныхъ людей. Отчасти мы знали объ этомъ и прежде; мы знали еще и то, что и другіе христіане въ этой странѣ не менѣе достойны состраданія, чѣмъ эти христіане—рабы, и всегда крайне жалѣли, что насъ только четыре іезуита на всю обширную и многотрудную константинопольскую миссію. Мы даже очень часто совѣщались съ нашимъ посланникомъ, маркизомъ Феріолемъ, въ которомъ ревность къ дѣламъ вѣры и горячая любовь къ несчастнымъ возбудили глубокое чувство состраданія къ безпомощному состоянію крымскихъ христіанъ. Опечаленные этими послѣдними извѣстіями болѣе, чѣмъ когда либо, мы предложили г. Феріолю отдѣлать кого нибудь изъ нашего меньшаго числа и отправить его на помощь этимъ заброшеннымъ христіанамъ. Предложеніе

это онъ принялъ съ удовольвіемъ. Къ моему счастью, его выборъ палъ на меня, и я никогда не забуду его великодушія, по истинѣ достойнаго королевскаго посланника. Не только онъ почтилъ своимъ покровительствомъ новую миссію, которую я долженъ былъ начинать, но даже изъявилъ желаніе поддерживать ее своими собственными средствами и обратиться на нее благосклонное вниманіе короля. Вы знаете, ваше сіятельство, письма, полныя жара и христіанскаго чувства, которыя онъ писалъ тогда о ней. Онъ писалъ также настоятельныя письма къ татарскому хану, своему старому другу, и къ письмамъ присоединилъ богатые подарки. Снабдивъ меня щедро всѣмъ, что онъ считалъ необходимымъ для моего путешествія, онъ далъ мнѣ возможность отправиться немедленно.

Я сѣлъ на корабль 19-го августа того же года вмѣстѣ съ г. Ферраномъ. Это было прекрасное время года, когда плаваніе по Черному морю столько же пріятно и безопасно, сколько оно бываетъ трудно и опасно въ другое время. Большая опасность плаванія по этому морю происходитъ отъ множества мелей (?) и отъ незначительности его пространства, а это дѣлаетъ волны столь высокими и въ тоже время столь короткими, что даже лучшіе корабли едва выдерживаютъ ихъ учащенные удары, и нѣтъ года, когда бы не погибло здѣсь большое количество судовъ. Восемь или десять лѣтъ тому назадъ девять галеръ султана погибли здѣсь разомъ.

Благодаря прекрасной погодѣ, мы довольно быстро проѣхали двѣсти миль, которыя считаются отъ Константинополя до Крыма. Переѣздъ былъ бы еще короче, если бы мы пустились въ открытое море въ прямомъ направленіи. Но теряется много времени, пока достигнешь устьевъ Дуная. Какъ только мы пристали къ берегу, немедленно отправились въ Бахчисарай, столицу страны и обыкновенное мѣстопребываніе хана. Письма и прекрасные подарки г. Феріоля доставили намъ скорый и ласковый у него пріемъ. Хану, по имени султанъ-Гази-Гирею, какъ мнѣ показалось, около сорока лѣтъ; онъ очень хорошо сложенъ, имѣетъ благородный видъ, проницательный взглядъ, очень правильныя черты лица и вовсе не похожъ на другихъ татаръ, которые почти всѣ имѣютъ лица весьма безобразныя. Его наружность и все, что его окружало, имѣло скорѣе воинственный, чѣмъ великолѣпный видъ. Меня болѣе всего обворожила доброта, съ которою онъ принялъ меня. Онъ предложилъ мнѣ множество вопросовъ относительно короля и войны Франціи, которыми онъ, казалось, сильно интересовался. Онъ говорилъ мнѣ также о нашемъ посланникѣ съ выраженіемъ глубокаго уваженія и дружбы. Я воспользовался этимъ моментомъ, чтобы просить позволенія помогать рабамъ и другимъ христіанамъ въ его владѣніяхъ. Онъ далъ мнѣ его точчасъ съ такой благосклонностью, съ какою я могъ только желать.

Ханъ Малой Татаріи владѣетъ очень обширною странюю. Онъ

носитъ титулъ падишаха и считается наслѣдникомъ турецкой имперіи въ случаѣ отсутствія въ османской династіи дѣтей мужескаго пола. Не смотря на всѣ эти большія права, онъ тѣмъ не менѣе вассаль султана, который возводитъ и низводитъ его по своей волѣ, съ тѣмъ однако что онъ ни въ какомъ случаѣ не передаетъ смерти низложеннаго хана и замѣняетъ его однимъ изъ принцевъ его же крови. Эти татарскіе принцы крови, которыхъ называютъ султанами, не живутъ ни въ отдаленіи отъ дѣль, ни въ заключеніи, какъ турецкіе принцы. Имъ даются важныя порученія; каждый изъ нихъ имѣетъ свой дворецъ и свой удѣль. По праву своего происхожденія они окружены толпою удалцевъ, которые преданы ихъ интересамъ и связаны съ ихъ судьбою. Это производитъ часто волненія въ странѣ, и ихъ было бы гораздо больше, если бы эти султаны были богаты. Но обыкновенно этого не бываетъ. Самъ ханъ недостаточно богатъ, какъ слѣдовало бы быть государю. Когда онъ не получаетъ пеней отъ Польши и отъ царя — а онъ ихъ не получаетъ со времени карловицкаго мира, — доходы съ его земель, часть таможенныхъ пошлинъ и нѣкоторыя легкіе налоги составляютъ весь его приходъ. И то правда, что у него нѣтъ и большихъ расходовъ. Его стража, состоящая почти изъ двухъ тысячъ человѣкъ, содержится на счетъ султана. Ему ничего не стоитъ ни набирать, ни содержать и болѣе многочисленное войско. Всѣ татары воины. Стоитъ только назначить сходбище, и они приходятъ туда въ назначенный день съ своимъ оружіемъ, съ своими лошадьми и съ своей провизіей. Надежда на военную добычу и свобода грабить замѣняютъ имъ жалованье.

За султаномъ слѣдуютъ ширинъ-беи, которые составляютъ какъ бы высшую аристократію и блюстителей законовъ страны. Ихъ назначеніе — охранять свободу народа какъ отъ притѣсненій со стороны хановъ, такъ и отъ нашествій Порты, старающейся какъ можно болѣе ослабить татаръ, строптивый и воинственный характеръ которыхъ держитъ ее въ постоянномъ безпокойствѣ. Это аристократическое сословіе, замѣчательное, между прочимъ, своими большими имѣніями и связями съ царствующимъ домомъ, имѣетъ своего главу, котораго называютъ беемъ по преимуществу. Этотъ бей, подобно хану, имѣетъ своего калгу и своего нурадина. Ширинъ-беи, по праву, принимаютъ участіе въ обсужденіи всѣхъ важныхъ вопросовъ, и ханъ не рѣшаетъ безъ нихъ ни одного государственнаго дѣла. Послѣ ширинъ-беевъ идутъ мурзы, нѣчто въ родѣ нашихъ дворянъ. Они также принимаютъ участіе въ совѣтахъ. Кромѣ этого ханъ имѣетъ свой диванъ, состоящій почти изъ такихъ же сановниковъ, какъ и диванъ султана, имѣетъ своего визиря, своего муфтія, своего кади-аскера, съ той только разницей, что эти должности остаются за занимающими ихъ лицами во все продолженіе царствованія хана, отъ котораго они получили ихъ, а въ Турціи онъ болѣе переменчивы. Пока эти высшіе сановники на мѣстѣ, они непосредственные

судьи во всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. Въ дѣлахъ гражданскихъ, въ Татаріи, какъ и вездѣ, правосудіе творится силою денегъ и друзей. Въ уголовныхъ же процессахъ, напримѣръ, въ дѣлахъ объ убійствѣ или насиліи, нельзя надѣяться ни на какую милость. Разъ виновность подсудимаго достаточно доказана, онъ, по обычаю, отдается противной сторонѣ, которая подвергаетъ его какому угодно ей роду мести. Это ведетъ иногда къ излишней жестокости, но ее считаютъ здѣсь необходимой, чтобы запечатлѣть уваженіе къ законамъ въ свирѣпныхъ душахъ татаръ, которыхъ едва можно удержать всѣми этими зрѣлищами ужаса.

Татары, подвластные хану, носятъ названія *перекопскихъ*, *ногайцевъ* и *черкесовъ*. Перекопскими татарами называются тѣ, которые обитаютъ на Крымскомъ полуостровѣ, извѣстномъ древнимъ подъ именемъ Херсонеса Таврическаго. Этотъ полуостровъ занимаетъ семьдесятъ или восемьдесятъ миль въ длину и около пятидесяти миль въ ширину. По своимъ очертаніямъ онъ имѣетъ видъ треугольника, основаніе котораго съ южной стороны представляетъ цѣль высокихъ горъ, которыя, почти ровной линіей идутъ въ глубь страны на восемь или десять миль. Обѣ стороны треугольника составляютъ обширныя равнины, открытыя для вѣтровъ которые дуютъ здѣсь съ яростью. Въ Крыму—только шесть или семь городовъ, заслуживающихъ это имя: Каффа, Бахчисарай, Карасу, Гезлевъ, Оркану и новая крѣпость Еникале.

Каффа, прежняя Феодосія, превосходить всѣ другіе города своей красотою, своей величиной и своей торговлей. Она находится въ рукахъ турокъ съ 1475 года, когда Магометъ II взялъ ее у генуэзцевъ, которые, въ свою очередь, завоевали ее у грековъ во время усобицъ ихъ послѣднихъ императоровъ.

Бахчисарай, столица страны и обыкновенная резиденція хана, расположенъ на низменности. Этотъ городъ приблизительно въ 1000 домовъ; онъ дурно отстроенъ и дурно содержится.

Карасу, который также расположенъ на низменности, въ 25 миляхъ отъ этой столицы, имѣетъ такую же величину и такой же невзрачный видъ.

Гезлевъ, приморскій городъ, на западъ отъ перешейка, имѣетъ очень хорошій рейдъ. Это пристанище судовъ, идущихъ изъ Константинополя и съ Дуная.

Оркану или Орскія ворота, очень не большой городъ, при входѣ въ перешеекъ, съ небольшою крѣпостцею и съ плохимъ окопомъ, тянущимся отъ одного моря до другаго. Перешеекъ шириною не далѣе четверти мили. Городъ принадлежитъ туркамъ.

Въ четырехъ миляхъ отъ Каффы видны остатки древняго города Крыма, давшаго свое имя всей странѣ. Теперь это только груды развалинъ, между которыми еще находится нѣсколько обитаемыхъ домовъ.

Крѣпость Еникале, на Босфорѣ Киммерійскомъ, построена недавно турками. Ея укрѣпленія окончены только въ 1706 году.

Она, воздвигнута съ цѣлю остановить нашествія русскихъ, которые, обладая Азовомъ, могли бы этимъ путемъ тревожить берега Чернаго моря до сосѣднихъ съ Константинополемъ мѣстностей. Эта новая крѣпость составляетъ неправильную площадь и мало защищена со стороны суши. Самое лучшее въ ней, это—большая платформа, которая господствуетъ надъ всѣмъ проливомъ. На ней находится длинный рядъ чугунныхъ пушекъ очень большого калибра, и нѣкоторыя—для двухсотъ-фунтовыхъ ядеръ. Эти огромныя ядра, употребляемыя турками въ ихъ приморскихъ крѣпостяхъ, сдѣланы изъ сѣраго, очень твердаго и очень тяжелаго камня.

Именами городовъ величаются еще Манкупъ, Балаклава и Керчь, въ сущности же это только очень посредственныя села. Во всемъ Крыму всѣхъ сель и деревень не болѣе тысячи двухъ сотъ, хотя наши географы черезчуръ щедро насчитываютъ ихъ до восьмидесяти тысячъ. Доказать это вовсе не трудно. Во всей странѣ считается только восемьдесятъ кадниковъ, или округовъ, а самыя населенныя округа заключаютъ въ себѣ не болѣе пятидесяти сель или деревень.

Земли удобны и тучны, однако ихъ не воздѣлываютъ. При культурѣ же онѣ производятъ отличную пшеницу. Сады и насажденія занимаютъ много пространства. Въ равнинахъ большой недостатокъ въ текучей водѣ. Она здѣсь замѣняется водою многихъ очень глубокихъ колодцевъ, которые продовольствуютъ цѣлыя деревни. Климатъ здѣсь былъ бы довольно умѣреннымъ, если бы вѣтры свирѣпствовали менѣе; но зимой пронизательный холодъ сѣвернаго вѣтра невыносимъ.

Сношенія съ чужестранцами, занятіе земледѣліемъ и жителство въ Крыму нѣсколько смягчили нравы *переконскихъ* татаръ. Вообще только въ городахъ они становятся болѣе общительными. Они даже не такъ безобразны на видъ. Они средняго роста и довольно стройны, ихъ сложеніе изъ самыхъ крѣпкихъ. Привыкшіе съ раннихъ поръ переносить голодъ и жажду, холодъ и зной, они довольствуются малымъ, когда имѣютъ мало; а когда имъ взбрѣдетъ на умъ, они, не стѣсняясь, предаются самымъ крайнимъ излишествамъ. Ихъ языкъ—испорченное турецкое нарѣчіе, нескладное и грубо произносимое, какъ нашъ французскій языкъ на устахъ швейцарца; нужно нѣсколько къ нему привыкнуть—и его понимать не трудно. Они исповѣдуютъ магометанскую религію, которую исповѣдуютъ и турки. Они, какъ и турки, имѣютъ свои мечети и свое духовенство (*gens de loi*), которое пользуется у нихъ большимъ почетомъ. Хотя ихъ законъ допускаетъ многоженство, между ними мало людей, имѣющихъ болѣе одной жены. Они предпочитаютъ содержать хорошихъ лошадей для войны. Тотъ же законъ запрещаетъ имъ употреблять вино, однако они пьютъ его не задумываясь, когда представляется случай. Они говорятъ, что оно совершенно справедливо запрещено людямъ мирныхъ занятій, каковы, на примѣръ, духовныя лица и кушцы; но

что оно придаетъ мужества воинамъ, а таковы они всё. При отсутствіи вина, они замѣняютъ его другимъ напиткомъ, очень крѣпкимъ и хмѣльнымъ, которое они готовятъ изъ кислаго молока и проса, приведеннаго въ броженіе, и которое они называютъ *боза*. Обыкновенная ихъ пища—мясо, молоко и каша, которую они готовятъ изъ просяной муки, смоченной въ водѣ. Они не ѣдятъ ни овощей, ни зелени, и говорятъ, что все это годится въ пищу только животнымъ. Конина для нихъ самое лакомое блюдо. Ее они предпочитаютъ говядинѣ и баранинѣ, по ихъ мнѣнію, слишкомъ безвкуснымъ. Способъ приготовленія ея заключается въ томъ, что они слегка жарятъ ее на угольяхъ, или, когда они въ дорогѣ, вялятъ ее подъ сѣдломъ. Если они при этомъ пьютъ и кобылье молоко, то ихъ обѣдъ кажется имъ восхитительнымъ.

Перекопскіе татары имѣютъ два крупныхъ недостатка: они большіе лгуны и очень корыстолюбивы. У нихъ воровать другъ у друга не позволено, но и наказанія за это не полагаются; воръ отдѣляется однимъ позоромъ и возвращеніемъ украденнаго, если только его проступокъ не затрагиваетъ общественныхъ интересовъ или интересовъ какого либо вліятельнаго лица. Въ такомъ случаѣ для него не жалѣютъ палочныхъ ударовъ. Впрочемъ, его никогда не забываютъ до смерти. Перекопскіе татары во время войны могутъ выставить контингентъ въ двадцать или тридцать тысячъ человѣкъ.

Ногайскіе татары кочуютъ по степямъ подобно древнимъ скивамъ, которые оставили имъ свой дикій нравъ и всю свою грубость. Ихъ страна начинается тамъ, гдѣ оканчивается Крымскій перешеекъ, и тянется на огромное пространство въ Европѣ и Азій, отъ Буджака до устьевъ Кубани, которая отдѣляетъ ихъ отъ черкесскихъ татаръ. Ногайцы отъ природы дикі, жестоки, мстительны, плохіе сосѣди, а еще болѣе плохіе хозяева. Все это можно прочесть на ихъ ужасныхъ и безобразныхъ лицахъ. Они рождаются съ закрытыми глазами и нѣсколько дней остаются незрячими (?). Ихъ языкъ не представляетъ такого смѣшенія съ турецкимъ, какъ языкъ перекопскихъ татаръ. Они не имѣютъ ни городовъ, ни сель, ни постоянныхъ жилищъ. Ихъ дома—крытыя кибитки, въ которыхъ они безпрестанно перевозятъ съ мѣста на мѣсто свои семейства и свои пожитки. Когда они желаютъ сдѣлать стоянку гдѣ нибудь, или вслѣдствіе удобства, представляемаго какимъ либо ручейкомъ, или, вслѣдствіе обилія пастбищъ, то они разбиваютъ свои шатры, нѣчто въ родѣ большихъ хижинъ, покрытыхъ войлоками, и вокругъ нихъ они дѣлаютъ загородки изъ кольевъ для безопасности своихъ семействъ и своихъ стадъ. Они имѣютъ начальника, котораго зовутъ беємъ и которому подчиняются многіе мурзы. Буджайскіе ногайцы управляются довѣреннымъ лицомъ, посылаемымъ имъ ханомъ, и такимъ лицомъ иногда бываетъ какой либо султанъ. Они всё магометане. Ихъ пищу составляютъ молоко, мясо и боза, которой они крайне зло-

употребляютъ. Когда у нихъ издыхаетъ или искалѣчивается лошадь, то у нихъ большой пирь, на который они приглашаютъ своихъ друзей и на которомъ они напиваются до упаду. У ногайцевъ-то ханъ и беретъ самое многочисленное войско. Въ случаѣ нужды они могутъ доставить до ста тысячъ человѣкъ. Каждый человѣкъ обыкновенно имѣетъ четырехъ лошадей, одну для собственной ѣзды, другую для смѣны и перевозки его провизіи, другихъ двухъ—чтобы везти плѣнниковъ и военную добычу. Тогда горе тѣмъ провинціямъ, на которыя они нападутъ. Ихъ шестіе походить на пожаръ или ураганъ; вездѣ, гдѣ они проходятъ, они оставляютъ только голую землю.

Черкескіе татары, сосѣдніе съ ногайцами, — скорѣе данники, чѣмъ подданные хана. Дань они платятъ медомъ, мѣхами, и извѣстнымъ числомъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Эти племена очень красивы собою. Они говорятъ на особенномъ, очень благозвучномъ языкѣ. Ихъ нравы, хотя все еще дикі, но далеко не такъ, какъ нравы ногайцевъ. Между ними замѣтны слѣды христіанства, и они очень привѣтливы къ приходящимъ къ нимъ христіанамъ. Ихъ страна, которую перекопскіе татары называютъ *ада*, хороша и плодотворна. Въ ней воздухъ чистъ и вода здорова. Она граничитъ къ сѣверу рѣкой Кубанью и землю ногайцевъ, къ югу—Чернымъ моремъ, къ востоку—Мингреліей, къ западу—Босфоромъ Киммерійскимъ и частью Лимена или Спваша. Ада состоитъ на половину изъ равнинъ и на половину изъ горъ. Горные черкесы строятъ свои жилища въ лѣсахъ и не такъ общительны, какъ другіе; черкесы же, живущіе на равнинѣ, имѣютъ деревни и нѣсколько небольшихъ городовъ, гдѣ они занимаются торговлей. Управляющіе ими бей или господа торгуютъ своими подчиненными, отцы и матери—своими дѣтьми. Черкесы считаются болѣе ловкими на охотѣ, чѣмъ храбрыми въ сраженіи. Тѣмъ не менѣе въ 1708 г. горные черкесы имѣли храбрость отказать хану въ ежегодной, обыкновенно платимой ими, дани. Ханъ пошелъ на нихъ съ ногайскимъ войскомъ, которое потерпѣло поражение, углубившись неблагоразумно въ горныя ущелья, перерѣзанныя оврагами и лѣсами, гдѣ кавалерія не могла дѣйствовать. Съ этого времени они вошли въ сношенія съ русскими, безъ желанія, впрочемъ, подчиниться имъ.

Кромѣ перекопскихъ татаръ, ногайцевъ и черкесовъ есть еще нѣсколько татаръ-калмыковъ, считающихся покорными хану. Вся ихъ покорность состоитъ въ платежѣ дани дорогими мѣхами, которые они доставляютъ въ Оркану въ извѣстное время года.

Въ приложеніи къ настоящему письму, въ реляціи о путешествіи на Кавказъ, куда, въ 1702 г., г. Ферранъ сопровождалъ султана-калгу Гирея, брата царствующаго хана, вы найдете болѣе обстоятельныя свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ странахъ.

Какъ только я получилъ отъ хана разрѣшеніе, о которомъ я говорилъ выше, я началъ принимать мѣры, чтобы воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ. Нельзя представить себѣ болѣе плачевнаго

состоянія, какъ то, въ которомъ я нашелъ здѣсь несчастное христіанство. Заразительныя болѣзни предшествовавшихъ годовъ погубили здѣсь болѣе сорока тысячъ рабовъ-христіанъ. Тѣ, которые остались въ живыхъ,—а ихъ число доходило до пятнадцати или двадцати тысячъ—съ каждымъ днемъ ожидали той же участи, совершенно равнодушныя къ блаженству или мукамъ въ будущей жизни. Суровость и продолжительность ихъ рабства, ужасные пороки, варварская страна невѣрныхъ, въ которой многіе изъ нихъ состаридись безъ священниковъ, безъ слова Божія, безъ св. таинствъ,—все это привело ихъ въ какое-то животное состояніе. Нѣкоторые изъ нихъ приняли магометанство, и многіе были склонны къ тому же. Многіе впали въ расколъ. Тѣ, которые сохранили свою вѣру, уже забыли ее и не исполняли ея обрядовъ.

Другіе мѣстные христіане, греки и армяне, хотя и свободные, и имѣли своихъ священниковъ, не пользовались лучшимъ положеніемъ ни въ матеріальномъ, ни въ нравственномъ отношеніи. Священники и народъ, и тѣ и другіе испорченные и безнравственные, пребывали въ глубокомъ и грубомъ невѣжествѣ. Духъ корыстолюбія, суевѣрія и распущенности нравовъ господствовали всюду.

Среди этого страшнаго смѣшенія, въ продолженіе болѣе чѣмъ шести мѣсяцевъ не было дня, который бы принесъ мнѣ какую либо отраду. Я трудился много, а успѣвалъ очень мало. Куда бы я ни обращался, вездѣ я находилъ только равнодушіе и холодность къ дѣламъ спасенія. Я всегда смотрѣлъ какъ на особенное покровительство свыше, на легкость, съ которою я нашелъ у армянъ помѣщеніе для себя и съ которою они уступали мнѣ, для исполненія моихъ обязанностей, небольшую часть своей полуразрушенной церкви. Туда то, послѣ многихъ трудовъ, я сталъ собирать нѣсколько блуждающихъ рабовъ, и наставлялъ ихъ въ душеспасительныхъ истинахъ. Для нихъ было новостью слушать публичныя бесѣды о Богѣ, проповѣдь о покаяніи, и благодаря этому за первыми послѣдовали нѣкоторые другіе, а за ними и еще большее число. Многіе изъ тѣхъ, которые всегда такъ торопились къ своимъ господамъ на службу и которыхъ я прежде могъ удерживать только на нѣсколько минутъ, вдругъ стали находить свободное время. Незамѣтнымъ образомъ проснулось въ нихъ угрызненіе совѣсти. Старались успокоить ее посредствомъ исповѣдей; самыя короткія исповѣди начинались со времени осады Вѣны“.

Послѣ Газій-гирей хана воцарился Девлетъ-гирей, который не смотря на что пользовался народною любовью, въ томъ же году былъ отрѣшенъ отъ престола и и посланъ въ Родосъ за то же, что и Газій-ханъ. На мѣсто его назначенъ былъ Капланъ-гирей, но и этотъ за не-

удачный совѣтъ начать войну противъ Россіи подвергнулся участи предшественниковъ своихъ. Мѣсто его занялъ въ третій разъ Девлетъ-гирей, который снова былъ сверженъ за неудачно кончившуюся войну съ Петромъ Великимъ. Послѣ этого снова ханствовалъ Капланъ-гирей, смѣненный Сеадетомъ.

Сеадетъ-ханъ взволновалъ противъ себя мурзъ, вслѣдствіе чего Ширинъ-бей, собралъ 20 т. человекъ и заставилъ его немедленно выѣхать изъ Крыма. Послѣдующаго за нимъ Мегметъ-гирея постигла та же участь и Девлетъ-гирей воцарился въ 4-й разъ. Надо полагать, что послѣднее назначеніе Девлетъ-гирея ханомъ произошло по настоянію крымскихъ татаръ и что султанъ не властенъ былъ сопротивляться. Это доказывается слѣдующимъ поступкомъ его: въ то время, когда Девлетъ-гирею подвели въ Константинополь коня, онъ, вложивъ ногу въ стремя, внезапно остановился, что подало поводъ султану сдѣлать вопросъ: „что останавливаетъ его отъѣзда?“ Ханъ отвѣчалъ, что онъ не выѣдетъ до тѣхъ поръ; пока ему не принесутъ головы великаго визиря Мегметъ-паши. Требованіе это ужаснуло всѣхъ, но немедленно было исполнено.

Однако, Девлетъ-гирей, не смотря на свое значеніе, снова былъ сверженъ съ ханскаго престола и сосланъ въ ссылку за то, что осмѣлился выгнать султанскаго посланника и возмутить татаръ.

Въ 1725 году на крымскій престолъ возведенъ былъ Менгли-гирей. При немъ повторился бунтъ татаръ, но ему удалось жестоко отмстить за него мурзамъ зачинщикамъ. Однако мечь эта послужила скорѣ поводомъ къ сверженію его съ престола.

Въ 1730 году вступилъ на ханскій престолъ въ третій разъ братъ его Капланъ-гирей. Въ царствованіе его, русскіе подъ предводительствомъ графа Миниха (въ 1736 г.), въ первый разъ ворвались во внутренность Крыма и безпощадно наказали татаръ, такъ долго безнаказанно опустошавшихъ наши владѣнія. За такую неудачу Турція изгнала Каплана и вторично провозгласила ханомъ Менгли-гирея. При немъ, въ 1737 году, графъ Минихъ снова вступилъ въ Крымъ и предавъ огню

Карасубазарь съ множествомъ деревень, разбилъ въ пухъ и прахъ ханское войско. Въ послѣдующемъ 1738 году Менгли-гирей, собравъ 40 т. конницу, задумалъ отметить Россіи, но возвратился безъ успѣха.

Въ 1741 году на крымскомъ престолѣ явился Селимъ-гирей-ханъ, который вслѣдствіе бунта татаръ бѣжалъ изъ Крыма. На мѣсто его снова вступилъ Капланъ-гирей; а послѣ него опять Селимъ-гирей. Этого послѣдняго смѣнили Арсланъ-гирей, царствовавшій только два года.

Въ 1755 году вступилъ на ханство Алимъ-гирей, гордый, несправедливый и ненавидимый народомъ. Онъ довелъ себя до того, что Бессарабскіе, Кубанскіе и Черкаскіе ногайцы взволновались и при содѣйствіи мурзъ лишили его власти. Его замѣнилъ Керимъ-гирей, но и этотъ былъ сверженъ Портою въ 1764 г., а на мѣсто его назначенъ Селимъ-гирей. Вотъ что доносилъ намъ по этому поводу російскій резидентъ при крымскомъ ханѣ Никифоровъ, отъ 7 октября 1764 г.: „предъ семью днями отъ Порты Оттоманской мимо хана къ здѣшнему новому каймакану и агамъ присланы два фермана: первый для вѣдома, что Селимъ-гирей пожалованъ въ Крымъ ханомъ, а Керимъ-гирей лишенъ, за учиненныя имъ Портѣ многія противности и оскорбленія, за многія же всѣмъ поданнымъ крымскимъ жителямъ, такъ Едичкульскимъ, какъ Буджацкимъ и Кубанскимъ татарамъ обиды и безчисленные грабежи и насильно чрезъ разные примѣтки отъ грековъ, армянъ и жидовъ вымогательства денегъ не малыхъ суммъ и чтожь онъ, Крымъ-гирей здѣсь (въ Бахчисараѣ) въ урочищѣ, именуемомъ Ашламъ (Ашлама) сдѣлалъ себѣ съ украшеніемъ домъ, а строеніе, какъ всякій лѣсъ, такъ дикое камень, черепицу, известъ и всякіе матеріалы поданные хрстіане и татаре съ наибольшою трудностію и тягостію возили безденежно, да къ тому-жь строенію, поколь оное продолжалось по всякъ день въ работу отъ грековъ, армянъ и жидовъ употребилъ по 270 и по 300 человекъ, а за рабочихъ денегъ ни единой аспры не давалъ; отсюда-жь чрезъ Черное море въ судахъ бѣлое камень множественное число въ свое жилище въ Романію безденежно-жь отправлялъ; у многихъ турокъ и мурзъ и татаръ ясырь (рабовъ)

мужеска и женска пола бралъ за сторгованную цѣну, а денегъ не платилъ. Отъ польской республики безъ всякой причины угроженіями и другими вымогательствами многія тысячи бралъ. Молдавію нападеніемъ раззорилъ и многія тысячи людей въ неволю побралъ и неописанные чинилъ беспорядки“. Въ дѣйствительности же онъ заслужилъ ненависть турецкаго султана за дружественныя сношенія съ Фридрихомъ II, во время семилѣтней войны и обѣщаніе помощи войскомъ. Кромѣ этого онъ безпрестанно высказывалъ неповиновеніе къ суверену своему, что очень раздражало послѣдняго.

Вторымъ фирманомъ велѣно: „рѣченнымъ Крымъ-гиреемъ сдѣланную за его бытность монету изъ російской серебрянной и въ народъ пущенной по примѣру турецкихъ серебрянныхъ паръ, подъ жестокимъ наказаніемъ парами называть запрещено, а именовать тремя денежками“ *).

Послѣ Селимъ-гирея, сверженнаго въ 1768 году, вступилъ на Крымскій престолъ снова Керимъ-гирей, но приглашенный Турціею къ войнѣ съ Россіею онъ былъ отравленъ въ Бендеры. По разсказу французскаго посланника, барона Тотта, онъ былъ одинъ изъ лучшихъ крымскихъ хановъ, потому что обладалъ всѣми наружными и душевными достоинствами. Онъ зналъ много наукъ, занимался алхиміею и розыскивалъ драгоцѣнные металлы въ горахъ Крыма, любилъ великолѣпіе и щедрость и не смотря на что то, обдиралъ иновѣрцевъ, оставилъ громадныя долги.

Ему наслѣдовалъ племянникъ его Девлетъ-гирей, который за пораженіе при Ларгѣ былъ сверженъ и на мѣсто его снова назначенъ Селимъ-гирей. Ханъ этотъ вовлеченъ былъ Турціею въ войну съ Россіею, прекратившуюся тѣмъ, что князь Долгоруковъ вступилъ въ Крымъ и взявъ Арабатскую крѣпость, Кафу, Керчь, Еникале, Тамань, Балаклаву и Бельбекъ, заставилъ его бѣжать въ Турцію. Обстоятельство это вынудило татаръ избрать на его мѣсто Шагинъ-гирей хана, объявившаго независимость отъ турецкой имперіи и уступившаго

*) См. „Записки Одесскаго Общ. исторіи и древностей“, I томъ, стр. 377.

Россіи Керчь, Еникале и Кинбургъ. Въ 1774 году ханъ этотъ за происки въ Турціи былъ замѣненъ Россією братомъ своимъ Девлетъ-гиреемъ, но послѣ Кайнарджинскаго мира, послѣдовавшаго 10 іюля 1774 года, онъ снова возведенъ имперрицею Екатериною II въ ханское достоинство, съ присоединеніемъ духовной власти великаго Калифа. Султанъ съ своей стороны также прислалъ ему всѣ знаки царскаго достоинства, какъ напр. кафтанъ, чалму и саблю, но съ тѣмъ, чтобы онъ приказалъ всенародно молиться за него во всѣхъ мечетяхъ ханства, чтобы онъ принималъ судей, назначаемыхъ по-прежнему Константинопольскимъ кадэскеромъ и чеканилъ монету съ турецкимъ штемпелемъ.

Между тѣмъ, остававшійся въ Крыму Девлетъ-гирей, желая возстановить права Турціи на крымскій полуостровъ, началъ готовить къ этому татаръ, но по требованію Россіи былъ изгнанъ изъ него со всѣми приверженцами. Однако, не смотря и на это, ему удалось достигнуть сверженія Шагина и вторичнаго вступленія въ ханское достоинство. Признанный турецкимъ султаномъ, онъ по видимому согласился съ мнѣніемъ его, что зависимость татаръ не можетъ согласоваться съ магометанскою вѣрою и что уступка Россіи трехъ городовъ противна пользамъ ханства. Возбужденные по этому поводу толки и переговоры кончились тѣмъ, что Россія двинула свои войска внутрь страны и, разбивъ татарскія скопища, заставила выѣхать Девлетъ-гирея. Султанъ поспѣшилъ замѣнить его новымъ ханомъ, котораго народъ готовъ былъ принять съ удовольствіемъ, но Россія на этотъ разъ настояла на своемъ и сохранила престоль за царствовавшимъ по назначенію ея Шагинъ-гиреемъ. Однако Турція не переставала и послѣ этого возмущать татаръ противъ насъ, тогда Россія, чтобы однажды навсегда упрочить спокойствіе свое съ этой стороны, рѣшилась, если не добровольно, то силою оружія присоединить къ владѣніямъ своимъ этотъ враждебный уголокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она приступила къ переговорамъ въ то время, когда противъ Шагинъ-хана вооружены были чуть-ли не всѣ татары полуострова и когда онъ находился въ безвыходномъ положеніи: виро-

чемъ, предварительно сообщенія событій, послужившихъ тому причиною, мы скажемъ какимъ образомъ этотъ послѣдній ханъ былъ лишенъ своего достоинства и плѣненъ Россією. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ въ запискахъ своихъ очевидецъ, генераль Л. Н. Энгельгардъ: „Князю Потемкину хотѣлось выманить Шагинъ-гирей-хана изъ горъ, гдѣ онъ съ приверженными ему татарами укрывался, какъ только замѣтилъ, что былъ обманутъ обѣщаніями, данными ему за добровольное его подчиненіе Россійской державѣ, неисполненными впоследствии. Безъ того, спокойствіе въ Крыму было непрочное, потому что въ ней въ это время противодѣйствовали русской политикѣ братья его, Сагибъ-гирей. Прибѣгнуть же къ насилію—Потемкину не хотѣлось. Въ это время умеръ фаворитъ императрицы (Екатерины II) А. Д. Ланскій и ему необходимо было навѣститъ монархиню. Передавая начальство надъ войсками генераль-поручику Игельstromу, онъ сообщилъ ему о желаніи захватить хана и немедленно отправить въ Воронежъ. Вслѣдствіе этого наказа, Игельstromъ поступилъ слѣдующимъ образомъ: чтобы снискать дружбу хана, онъ какъ бы въ угожденіе ему, началъ наказывать своихъ солдатъ за малѣйшую обиду, нанесенную татарамъ, и всячески угождать ему. Обрадованный этимъ Шагинъ-гирей вступилъ съ нимъ въ переписку и скоро они сдѣлались такими друзьями, что ханъ началъ просить его пріѣхать къ нему въ гости. Нѣсколько времени спустя, Игельstromъ, послѣ полученія какихъ-то ничтожныхъ бумагъ, прикинулся печальнымъ и распустилъ слухъ о переводѣ его изъ крымской арміи. Услышавъ объ этомъ, Шагинъ-гирей незамедлил написать къ нему, выражая скорбь и желаніе лично видѣть его. Этого только и ожидалъ генераль. Отвѣтивъ хану, что онъ выполнитъ желаніе его съ большимъ удовольствіемъ, онъ между тѣмъ распорядился нарядить одинъ батальонъ съ четырьмя пушками, подъ предлогомъ сопровожденія его, а командиру приказалъ забраться въ ханскій станъ подъ видомъ, что онъ заблудился и выпросить, ради спасенія за невольную ошибку, оставить батальонъ свой въ караулъ во-другъ ханской ставки. Когда все это удалось, Игельст-

ромъ, окруживъ себя большимъ конвоемъ кавалеріи, генераловъ и офицеровъ, отправился къ хану. По прибытіи на мѣсто, какъ скоро увидѣлъ своего штабъ-офицера, онъ, представившись разсерженнымъ, напустился на него и общалъ непремѣнно разжаловать. Не подозрѣвая въ этомъ печальной для себя комедіи, ханъ употреблялъ всевозможныя мѣры, чтобы умиловить генерала, который вскорѣ послѣ этого сбросилъ съ себя маску и началъ уговаривать Шагинъ-гирея отдаться милостямъ Монархини. Хану, окруженному войсками и пушками, ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ только согласиться и, попрощавшись съ приверженными ему воинами, отправиться въ Керчь, откуда онъ былъ посланъ на житье въ Воронежъ^{*)}.

Вскорѣ послѣ этого, Крымъ объявленъ присоединеннымъ къ Россійской державѣ, но окончательно признанъ Турціею за нами только $\frac{25 \text{ декабря}}{6 \text{ января}}$ 1792 года, по трактату, заключенному въ Яссахъ.

Послѣдній крымскій ханъ.

Въ Одесскомъ музеѣ общества Исторіи и древностей сохраняется портретъ послѣдняго крымскаго хана Шагинъ-гирея. Тотъ, кто долго жилъ между крымскими татарами, съ перваго взгляда на него опредѣлитъ, что-этотъ послѣдній царствовавшій въ Европѣ потомокъ страшнаго Чингисъ-хана, не измѣнилъ монгольскаго типа и чрезвычайно похожъ на многіе экземпляры татаро-монгольскаго происхожденія, обитающіе по настоящее время въ Крыму. Ханъ этотъ изображенъ въ костюмѣ муфтїи или главы церкви т. е. въ зеленомъ высокомъ каукѣ и такого же цвѣта суконной мантіи съ рукавами. Его небольшіе, но хитрые глаза и изнуренный по видимому видъ, какъ-бы свидѣтельствуютъ, что человекъ этотъ не мало трудился головою и хорошо понималъ приближающійся часъ распадѣнія своего царства.

Вотъ свѣденія, сохранившіяся объ этомъ несчастномъ ханѣ по русскимъ источникамъ:

^{*)} Свѣта хана отправлена въ Кіевъ а жени въ Стамбуль.

Шагинь-гирей, желая поставить ханство свое на болѣе прочную почву, началъ быстро переобразовывать его на манеръ европейскій. Это взволновало духовенство, а чрезъ него и народъ. Волненію посодѣйствовало и то, что онъ отдалъ на откупъ государственные доходы, чѣмъ предоставилъ откупщикамъ вредную монополію, стѣснившую народонаселеніе до крайности. Неудовольствіе до того усилилось, что гирею оставалось единственное средство сложить съ себя добровольно свое достоинство.

По другимъ источникамъ, присоединеніе Крыма, издавна ловко подготовленное, должно было совершиться безъ особенныхъ жертвъ, потому что народъ, разошедшійся или покинутый дворянствомъ, предался духовенству, настроившему ихъ противъ хана, задумавшаго будто управлять ими по законамъ тѣхъ гауровъ, (русскихъ) которые возвели его на престолъ. Бунтъ дошелъ до того, что ханъ съ небольшимъ отрядомъ преданныхъ ему войскъ началъ скрываться между Керчью и Феодосією, въ предположеніи бѣжать въ Турцію, но обманутый нашимъ генераломъ очутился въ плѣну и самымъ почетнымъ образомъ отправленъ былъ въ Воронежъ, а впослѣдствіи уѣхалъ въ Турцію, гдѣ и умеръ безъ наслѣдниковъ.

Послушаемъ теперь, что говорятъ татары о гибели своего царства:

„Съ тѣхъ поръ, какъ Турецкій султанъ вывелъ свои войска изъ Крыма и передана была Керчь *Московимъ* (русскимъ), наши прадѣды очень хорошо понимали, что отнынѣ, окруженные массами гауровъ, они не посмѣютъ болѣе заниматься джигитовкою и приобрѣтать легкимъ способомъ плѣнныхъ, которые продавались ими по высокимъ цѣнамъ и отчасти снабжали монетные дворы металлами въ тѣ минуты, когда въ нихъ не оказывалось никакого матеріала для чекана монеты. Обстоятельство это повергнуло и народъ и дворянство, большинствомъ обогащающихся на счетъ грабежей, въ непріятное расположеніе духа; между тѣмъ не постигая, вслѣдствіе какихъ причинъ и кто былъ виною подобныхъ лишеній, татары начали подозрѣвать, что ханы ихъ, изъ благодарности къ русскому правительству,

поддерживающему ихъ въ опасныхъ случаяхъ, сами по-
содѣйствовали послѣднему получить въ даръ Керчь, гдѣ
сосредоточили гяуры наблюдательный корпусъ, не упу-
скавшій изъ виду ни малѣйшаго ихъ движенія. Впо-
слѣдствіи же, когда до свѣдѣнія ихъ дошло, что ханъ
и первостатейные беи и мурзы получали отъ Екатерины
жалованье, ропотъ ихъ усилился, однако они не рѣша-
лись предпринять ничего рѣшительнаго, за исключеніемъ
того, что подговорили за громадное вознагражденіе
извѣстнаго въ то время разбойника Алтыпармака обез-
главить хана.

Вслѣдъ затѣмъ Шагинъ-гирей, ознакомившись съ
удобствами жизни европейцевъ, началъ ѣздить въ каретѣ,
обѣдать за столомъ на мягкихъ креслахъ изъ прекрас-
ной посуды, одѣвалъ войско по европейски, пряталъ
обязательную бороду *) и вообще старался вводить по-
рядки, непринятые въ мусульманскомъ мірѣ. Узнавъ объ
этомъ Турція объявила его противникомъ Алкорана и
требовала отъ татаръ провозгласить другаго хана. Истиные
мусульмане, поощренные этимъ законнымъ требованіемъ,
примкнули къ брату его Сагипу и успѣли взбунтовать
ногайцевъ. Шагинъ-гирей рѣшился самъ ѣхать, къ по-
слѣднимъ, чтобы возстановить спокойствіе; но въ это
время бахчисарайское духовенство, поднявъ на ноги са-
мыхъ отважныхъ головорѣзовъ, напало на дворецъ его
и разграбило не только лучшія сокровища, но даже не
постыдилось насиловать женщинъ въ гаремѣ своего
отсутствующаго повелителя. Народъ, убѣжденный ими,
что ханъ выѣхалъ къ императрицѣ Екатеринѣ съ тѣмъ,
чтобы предать страну ихъ гяурамъ, все болѣе и болѣе
волновался и примыкалъ къ Сагипу. Освѣдомившись объ
этомъ, несчастный ханъ поспѣшилъ возвратиться въ
Кафу, но и здѣсь встрѣтивъ неповиновеніе, онъ отпра-
вился въ старый Крымъ во дворецъ, извѣстный подъ
названіе Хатырша-сарай и сообщилъ о крайнемъ поло-
женіи своемъ русскимъ, которые не замедлили подсту-
пить къ Феодосіи, Бихчисараю и, разбивъ скопища

---

*) На портретѣ онъ изображенъ подвязаннымъ платкомъ какъ страдающій
зубною болью, но это дѣлалось имъ съ цѣлью прикрыванія бороды.

Сагипа въ виду Балаклавы и на другихъ пунктахъ, жестоко наказали мятежниковъ. Послѣ чего Сагипъ убѣжалъ въ Синопь, а татары смирились или проще перестали, изъ боязни, обнаруживать свое негодованіе открытыми дѣйствіями. Шагинъ-гирей, очень хорошо понимая, что вражда эта вселена въ нихъ турецкими эмисарами и духовенствомъ и что они собственно не имѣютъ повода роптать противъ него, началъ употреблять всевозможныя мѣры примириться съ народомъ, но все было напрасно: большинство не переставало кричать ему, что они готовы скорѣе умереть подъ русскимъ кнутомъ, нежели повиноваться ему. Тогда ханъ рѣшился войти въ переговоры съ представителями русскихъ войскъ, относительно сдачи этой страны императрицѣ Екатеринѣ, но на какихъ основаніяхъ—неизвѣстно. Преданіе сохранило только то, что когда объ этомъ освѣдомились татары, то, забывъ прежнюю вражду, начали толпами стекаться къ нему и, сознаваясь въ своемъ заблужденіи, клясться въ преданности и готовности умереть за него. Такой внезапный оборотъ дѣла нѣсколько примирилъ хана и въ немъ вновь пробудилось желаніе царствовать. Вотъ тогда-то съ преданными себѣ татарами онъ выступилъ въ горы, чтобы избѣгнуть настояній со стороны русскихъ о передачѣ полуострова и чтобы сгруппировать тѣмъ временемъ вокругъ себя число воиновъ или вообще людей преданныхъ; но прежде чѣмъ ему удалось образовать достаточное число слугъ и убѣдиться, что народонаселеніе окончательно примирилось съ нимъ, онъ былъ схваченъ русскими и высланъ изъ Крыма.

Лишь только освѣдомились объ этомъ татары, которыхъ будто вооружали ширинскіе мурзы, разъяренная чернь бросилась на нѣкоторыхъ изъ нихъ, и, закопавъ по грудь въ землю, побила ихъ камнями.

Насколько приведенный нами рассказъ справедливъ, читатель можетъ заключить изъ только что сообщенной записки генерала Энгельгардта. Дѣйствительность примиренія татаръ съ Шагинъ-гиреемъ, послѣ выѣзда его изъ Крыма, отлично доказывается сложеною въ то время пѣсней, которую до настоящаго времени ни одинъ

изъ нихъ не можегъ слышать безъ вздоха. Вотъ приблизительный переводъ ея:

„Ушло отъ насъ наше блистательное солнце, наше средоточное знамя. Эй народъ, эй народъ! что будетъ съ нами? Безъ Шаинъ-гирея нѣтъ у насъ воли и силы въ оружіи нашемъ. Ты скажи намъ Али-османъ *), что будетъ съ нами? Но знай, что на томъ свѣтѣ мы всё возьмемъ за тебя! Силенъ и могучъ былъ нашъ народъ при ханахъ, но мурзы коварные отняли отъ него властительное знамя. Кто узнаетъ объ этомъ, тотъ зальется слезами кровавыми. Ты скажи намъ Али-Османъ, что будетъ съ нами? Недоступна крѣпость Рашина **), а сердца мурзъ полны ядомъ и страхомъ. Ой, нѣтъ заступника, нѣтъ солнца надъ нами, а безъ него бездушень корпусъ джигитовъ. Ахъ, что за участь наша Али-Османъ, но помни, что на томъ свѣтѣ мы всё возьмемъ за тебя!“

По мнѣнію татаръ, Крымъ и послѣ утраты своего хана могъ бы сохранить свою независимость, еслибъ 12 важнѣйшихъ вельможъ ханства не изъявили согласія уступить его Россіи за 40 кантарей золота. Откуда почерпнуто ими это свѣдѣніе, мы не знаемъ, но вотъ списокъ по ихъ разсказу тѣхъ лицъ, которыя участвовали при дѣлѣ присоединенія полуострова: 1) Батыръ-бей, 2) Хая-бей, 3) Смаиль-бей, 4) Батыръ-ага, 5) Кончу-Османъ-ага, 6) Хыять-Велиша-ага, 7) Мамай-ага, 8) Абдуреимъ-ага, 9) Хазнедаръ-ага, 10) Сулейманъ-ага, 11) Тащиоглу-Сеитъ-ага и 12) Хутлуша-ага.

О дальнѣйшей участи Крыма нами будетъ сказано въ отдѣлѣ Русскаго господства. Теперь же мы считаемъ себя обязанными познакомить читателя съ образомъ жизни крымскихъ хановъ, отношеніемъ ихъ къ подданнымъ, управленіемъ и существовавшимъ сословіями. Для окончательнаго же очерка жизни послѣдняго гирея, намъ стоитъ добавить, что отправленный въ Россію, онъ началъ тосковать и вскорѣ затѣмъ выѣхалъ въ Турцію,

*) Не вѣра ли это одного изъ виновниковъ бунта.

***) Укрѣпленіе, воздвигнутое Русскими.

гдѣ былъ схваченъ и, послѣ ссылки на островъ Родосъ, умерщвленъ варварскимъ образомъ *).

Что подѣлалось съ остальными членами ханской крови **), мы не знаемъ. Извѣстно только, что племянникъ Шагинъ-гирей, открытый англійскими миссіонерами на Кавказѣ, былъ переданъ Англій, гдѣ, принявъ христіанство, онъ женился на дочери извѣстнаго Нельсона и затѣмъ возвратился въ Крымъ подъ именемъ Александра Крымъ-гирей-султана, гдѣ и скончался въ Симферополѣ въ 50-хъ годахъ нашего вѣка.

Кромѣ того лѣтъ 30-ть тому назадъ въ Бахчисарай явился изъ Египта какой-то Искендеръ-бей съ различными планами и документами, утверждавшій, что онъ родной сынъ послѣдняго крымскаго хана и желаетъ на основаніи документовъ воспользоваться Мангушскою округою, которая будто бы принадлежала отцу его. Бывшій въ то время генераль-губернаторъ князь Воронцовъ, чтобы убѣдиться въ какой степени справедлива его претензія о происхожденіи отъ Шагинъ-гирей, списался съ нашимъ консуломъ въ Египтѣ и, узнавъ, что онъ незаконно прижитъ былъ отъ Арабки, оказалъ ему содѣйствіе возвратиться на родину.

Сношенія наши съ ханами.

Сосѣдство Крыма съ нашими владѣніями и безпрестанныя столкновенія съ татарами, привыкшими считать русскихъ своими данниками и обогащаться на ихъ счетъ, заставили насъ попробовать укрощать этихъ людей мирными переговорами и посылать къ нимъ пословъ для предупрежденія враждебныхъ отношеній.

О сношеніи крымскихъ хановъ съ російскими царями, мы можемъ для образца привести нижеслѣдующіе выдержки изъ грамотъ.

Въ 1474 г. Менгли-гирей-ханъ заключилъ съ великимъ

---

*) По преданіямъ же татаръ онъ застрѣленъ былъ въ Брусѣ.

**) Намъ извѣстно только, что оставшихся въ Крыму Богатырь и Арсланъ Гирей, до выѣзда ихъ въ Турцію, по ордеру кн. Потемкина къ полковнику Гасу (см. II т. Зап. Одес. Общ. Истор. и древ. стр. 340) еще съ 1782 года выдавалось содержаніе по 30 руб. въ день и приказано было одѣть ихъ лично.

княземъ Іоанномъ Васильевичемъ любовь, братство и вѣчный миръ отъ дѣтей и на внучатъ. Вслѣдствіе чего говорится въ ярлыкѣ: „язь Менги-гирей съ своими уланы и со князми тобѣ брату своему великому князю Ивану, молвя крѣпкое слово шертъ есми даль: жити намъ съ тобою по сему ярлыку“.

Въ 1480 г. въ апрѣлѣ великій князь Іоаннъ Васильевичъ прислалъ Менгли-гирею грамоту о предоставленіи ему убѣжища въ Россіи на случай какого-либо съ нимъ несчастія.

Въ 1490 году въ октябрѣ Іоаннъ Васильевичъ далъ грамоту сыну Ази-гирея, приглашая его къ себѣ опочивати; въ 1492 г. 31 августа этотъ же князь давалъ Менгли-гирею грамоту для оправданія его передъ турецкимъ султаномъ Баязетомъ въ пресѣченіи торговли російскихъ купцовъ съ турками.

Шертная грамота Менгли-гирея князю Василию Іоанновичу въ любви и братствѣ отъ сего дни впредъ до внучата. 1508 года.

Его-же грамота о присылкѣ дани, изстари положенной на владѣніе князей Одоевскихъ.

Изъ Софійской же первой и второй лѣтописи видно слѣдующее:

1. Что въ лѣто 6999 мѣсяца мая приде вѣсть къ великому князю Ивану Васильевичу, что идутъ ордынскіе цари Сеитъ Ахметъ и Шигъ Ахметъ съ силою на царя Менгирея крымскаго. Князь же великій на помощь крымскому царю отпустилъ воеводъ своихъ въ поле подъ орду князя Петра Никитича Оболенскаго, да князя Ивана Михайловича Репню-Оболенскаго же да съ ними многихъ дѣтей боярскихъ, двора своего. И снідошася вмѣстѣ великаго князя воеводы съ царевичемъ Сатылганомъ и съ казанскаго царя воеводами съ Абашъ-уланомъ и съ Бурашъ-сеитемъ въ поли и князь Борисовъ воевода тутъ же ихъ наѣхалъ и пойдоша вмѣстѣ подъ орду. Ислышавше цари ордынскіе силу многу великаго князя въ поли и убоившеся, возвратишася отъ Перекони.

2. Въ лѣто 7004 іюня на пути подъ Теробовлемъ, сынъ крымскаго царя Японча султанъ съ своими каза-

ки напасть пограби посла нашего Ивана Ощерина да Луку Волошенина; царь же крымскій повелѣ своимъ князьямъ и казакамъ пообыскати и ограбленное отдати, онѣ же сыскавъ мало отсылаша, а большее изгibe. На слѣдующій годъ посланы были снова въ Крымъ Иванъ Звенигородскій, а въ Царь-градъ Михайлъ Плещеевъ.

3. Въ 7008 лѣто приде изъ Крыма князь Семень Ромодановскій съ турецкимъ посломъ, отъ кафинскаго салтана Махмеда Шихзодѣ именемъ Салыхда Алыкозъ, почтивъ вельми послѣдняго, послалъ съ нимъ своего посла Андрея Лапенка на судѣхъ рѣчкою Мечею въ Донъ, а Дономъ въ Азовъ. Того же мѣсяца апрѣля 17 отпустилъ князь великій крымскаго посла Азихалѣли, да съ нимъ вмѣстѣ послалъ къ крымскому царю Менгли-гирею князя Ивана Кубеньскаго.

4. Въ 7010 лѣто въ сентябрѣ приде отъ кафинскаго салтана Шихзоди Баязитъ султанова сына именемъ Алакозъ о любви, той же осени октября послалъ великій князь въ Крымъ къ Менгли-гирею Федора Киселева, а въ мартѣ другаго посла Алексѣя Заболоцкаго, затѣмъ мая 8 послалъ къ кафинскому султану Шихзодѣ Олешу Голохвастова. Того же лѣта крымскій царь Мингли-гирей побилъ Шихъ Ахмата царя большія орды и взялъ орду.

Въ лѣто 7014 прибыли изъ Крыма отъ Менгли-гирея князья Казиміръ Кятъ и Магмедша съ грамотами шертными о дружбѣ и братствѣ.

Въ лѣто 7017 таковыя же грамоты доставлены были отъ Менгли-гирея великому князю Магмедшою Мамышевымъ, Тетъ Абдуль Авелишазодомъ, Абдыль Гаиромъ да Косымъ Бактеемъ. Той-же зимы марта 1-го въ четвергъ, послалъ великій князь въ Крымъ посла Василя Поплевина.

Въ лѣто 7018 іюля 21 приде на Москву царица Нуръ, султана крымскаго царя Менгли-гирея Темирева дочь, да съ нею Менгли-гиреевъ сынъ Саипъ-кирѣи салтанъ, чтобы видѣться съ царемъ Мегметъ Алиномъ казанскимъ, да съ царемъ Абдыль Летифомъ, чтобы великому князю служить. Принявъ ихъ честно съ бояры князь великій отпустилъ царицу въ Казань 20 августа.

Подъ 7020 годомъ великій князь вновь встрѣчаетъ

эту царицу слѣдующую обратно въ Крымъ и приказываетъ князю Щенятеву проводить гостей до Путивля, а боярину Михайлу Тучкову ѣхать посломъ въ Крымъ.

Въ лѣто 7023 получена была вѣсть о смерти Менгли-гирея, а вслѣдъ затѣмъ прибылъ посоль отъ воцарившагося Магметъ-гирея Янчиорадуванъ о дружбѣ: великій князь въ свою очередь послалъ Ивана Мамонова, который, судя по смыслу лѣтописи: „и Божія воля сталася: Ивана Мамонова въ Крыму не стало“— надо полагать, что умеръ.

По грамотѣ Магмутъ-гирея къ князю Василию Иоанновичу просится въ даръ: соболья шуба, пансырь, шоломъ, ролдуга и горланта шуба.

Грамота Али-гирея къ тому же великому князю интересна слѣдующими словами: „слава Богу отца моего царевымъ счастиемъ до мужа есми досрелъ, а у коня есми на хребтѣ сълъ слава Богу...*) Съ 1646 года мы вынуждены были усилить наши сношенія съ Крымомъ, вслѣдствіе непрерывныхъ набѣговъ татаръ на пограничныя окраины наши и вліянія польской политики на хановъ. Въ 1650 году Исламъ-гирей вновь вторгнулся въ Россію, но гетманъ Хмѣльницкій удержалъ его: въ 1652 году Россія заключила съ Меметъ-гиреемъ миръ, продолжавшійся два года. Въ 1655 году польское золото вновь заставило крымцевъ сдѣлать нападеніе на Астрахань, но князь Н. Одоевскій разбѣялъ ихъ, затѣмъ татары поражены были подъ Чудновымъ. Въ 1662 г. татары съ поляками разбили русскихъ и увели въ плѣнъ 14 тыс., освобожденныхъ потомъ кн. Гагаринымъ. Въ 1665 году заключенъ былъ миръ съ Шахъ-Темиромъ Атагальскимъ отъ имени Аджи-гирея, калги и нуредина, но онъ былъ нарушенъ возмущеніемъ Брюховецкаго и Дорошенко. Въ 1674 году опять послѣдовалъ мирный договоръ. Въ 1675 г. объявлена была крымцамъ война и кн. Ромодановскій съ гетманомъ Самойловичемъ усмирили татаръ.

Грамоты наши въ это время писались уже на средне-александрійской бумагѣ татарскимъ письмомъ: лѣтвой

*) См. Ул. Зап. Одес. Общ. Истор. и древностей.

богословіе, имена государя и хана писались золотомъ и запечатывались большою государственною печатью, подъ кустодіею съ фигурами и начинались такъ: „Бога въ трехъ присносіятельныхъ ипостасяхъ, единосушнаго, пребезначальнаго, благъ всѣхъ виновнаго, свѣтодавца, имъ же вся быша, человѣческому роду миръ дарующаго милостію и сіе благодѣяніе повсюду извѣствую, отъ вѣликаго государя царя и вѣликаго князя (NN) и проч. великія орды крымскаго государства брату нашему (NN) цареву величеству любительное поздравленіе...“

Въ послѣдствіе же когда мы озаботились устройствомъ противъ татаръ такъ называемой Украинской линіи, которая укрѣплялась до 1738 года, наше положеніе на-много измѣнилось. Правая сторона этихъ линій опира-лась на Днѣпръ, а лѣвая на Донецъ на протяженіи 400 верстъ, гдѣ воздвигнуты были 15 крѣпостей съ земля-ными брустверами, штурмфалами, рвами, наполненными водою, гласисами, контрескарпами съ полисадами и т. п. Въ промежуткахъ крѣпостей по всей линіи устроены были редуты и реданы. Вся эта линія охранялась по-стоянно 20 т. милиціею драгунъ изъ однодворцевъ.

Грамоты отъ царевнъ не выражали ничего, кромѣ по-сылки поклона и намека на поминки. Грамоты отъ Мурзъ были такого же содержанія. Кромѣ этого дава-лись грамоты русскимъ посламъ о непричиненіи имъ никакого зла въ бытность въ Крыму и о сохраненіи отъ всякихъ обидъ.

Изъ этихъ и послѣдующихъ сношеній вашихъ замѣт-но, что крымскіе ханы хитрили съ російскими великими князьями, на которыхъ смотрѣли какъ на своихъ вассаловъ и не пропускали случая обирать ихъ и кромѣ того нападать на ихъ владѣнія, извиняясь, то ошибкою, то недоумѣніемъ или своевольствомъ царевичей, мурзъ и беевъ: но въ сущности они болѣе сочувствовали поль-скимъ королямъ, не потому что эти были щедры на вознагражденія, а потому что надѣялись въ добавокъ вознаградить себя при нападеніи на русскія владѣнія. Дѣйствительность этого подтверждается замѣтками вто-рой Софійской лѣтописи (г. 7025 — 7026). Что король польскій *Жихдимонтъ* посылалъ въ Крымъ Мартынова

съ великою казною и велѣхъ наводити на крестьянство на великаго князя Василия Украйну. И того же лѣта августа приходиша крымскіе татарове Токузанъ, мурза Ширинъ, да Кудашь мурза, да Уидемъ мурза, да Алповъ царевичъ шуринъ, а съ ними 20 т. рати и пришедь на великаго князя Украйну около города Тулы, безъ пути начаша воевати. Тоже самое доносилъ и князь Василій Шемячичъ, что приходили крымскіе татарове на ихъ Путимскія мѣста и, что онъ Божіею милостію и государскимъ счастіемъ великаго князя многихъ татаръ побилъ, а иныхъ живыхъ поимаша и языкъ великому князю прислалъ (т. е. своего человѣка Михайла Янова). Изъ дипломатическихъ же сношеній нашихъ мы убѣждаемся, что царствующая въ Крыму семья гиреевъ требовала отъ російскихъ князей, чтобы предъ каждымъ царевичемъ и приближенными къ хану чиновниками исправляемы были по очереди посольскія рѣчи и каждому особо отдаваемы были присланныя подарки. Кромѣ этого мы подмѣчаемъ, что тѣ изъ семьи этой при раздорахъ между собою, кто не въ состояніи былъ сопротивляться, искали службы и приюта въ Россіи, на что всегда почти получали дозволеніе особеннаго рода гра могою, которая именовалась *опасною*.

Что ханы на Россію смотрѣли какъ на страну, которая обязана была заботиться о ихъ благѣ, это видно изъ грамотъ Мегметъ-гирея и калги его Богатырь-гирея. Первый требовалъ о присылкѣ по новому росписанію приближеннымъ его людямъ жалованья и о дачѣ ему на оплату долговъ 30 т. алтынъ московскими деньгами, а послѣдній, чтобы Русскій князь завоевалъ Астрахань и отдалъ отцу его.

Приведенныя нами вкратцѣ грамоты могутъ вполне ознакомить читателя съ духомъ татарскихъ представителей, если они сознаютъ, что ханы и вообще татары никогда не приписывали никакаго значенія подписямъ своимъ и въ особенности въ то время, когда увлекались надобностію, средствами или простымъ желаніемъ выказать свое удалство. Вотъ почему исторія представляетъ намъ безпрестанные набѣги татаръ не только на пограничныя земли, но даже на столицу Россійскаго го-

сударства. Что татары не питали къ намъ никакого чувства симпатіи, это доказывается ихъ грабежами и массами уводимыхъ изъ Россіи плѣнныхъ, число которыхъ иногда доходило до десятка тысячъ, изъ числа которыхъ молодые продавались въ качествѣ невольниковъ, а старые и негодные отдавались на потѣху молодежи, выставлющей ихъ для цѣли оружія своего. Читатель безъ сомнѣнія придетъ въ изумленіе, какимъ образомъ такая обширная и могущественная страна, какъ Россія, могла переносить подобныя своевольства и раблѣпно подчиняться прихоти ничтожнаго въ сущности народонаселенія Крыма; но это происходило отъ того, что татары нападали на нее внезапно и въ особенности тогда, когда она была увѣрена въ удовлетвореніи ихъ алчности и надѣялась на продолжительный миръ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что Крымскіе ханы не всегда имѣли достаточно силы воспрепятствовать набѣгу татаръ на окрестныя владѣнія, въ особенности подъ предводительствомъ мурзъ, считавшихъ себя въ этомъ отношеніи совершенно независимыми. Безсильность хана отчасти находилась въ зависимости и отъ Турецкаго султана, который имѣлъ право требовать татаръ на войну даже противъ ихъ друзей, за что онъ уплачивалъ хану 150 конпельковъ золота, а мурзамъ 80-ть.

При сборѣ войска, количество его опредѣлялось диваномъ, причемъ устанавливалось правило, что 5-ть семействъ обязаны были выставить одного воина, снабженнаго всѣмъ необходимымъ для дѣйствія и продовольствія.

Въ каждомъ кадылыкѣ военачальникомъ обязанъ былъ быть старшій изъ дворянъ и его бейракъ имѣлъ отдѣльное знамя. Воины, собранные съ земель челебиемъ, также имѣли свои значки. Всего-же охотнѣе стремились на войну, по призыву хана, Ногайцы, которые по турецкимъ свѣдѣніямъ въ походахъ своихъ пекли мясо подъ лошадинымъ чашракомъ, кашу ѣли съ кровью и все это запивали кумысомъ.

По свидѣтельству барона Тотта, ханы, выступая въ походъ, помѣщались при ночлегахъ въ дорогихъ палаткахъ такой величины, что въ нихъ входило до 60 че-

ловѣкъ. Внутренность ея убиралась коврами и подушками, на которыхъ возлегалъ владыка. Палатка эта обыкновенно окружалась 12-тью другими, въ которыхъ размѣщались главные начальники и придворные чины съ прислугою. Особенною отличительною чертою войны Крымскихъ хановъ составляло то, что они, такъ сказать, подкрадывались подъ тѣ города и селенія, гдѣ не могли встрѣтить сопротивленія и затѣмъ уже послѣ нѣсколькихъ удачъ, когда убѣждались, что навели на жителей страхъ, дѣйствовали самымъ варварскимъ образомъ, конечно не изъ мести, а простаго желанія прославить себя жестокостію и подъ вліяніемъ этого господствовать и впредь пользоваться огромною данью и частными дарами.

Впрочемъ, чтобы ближе познакомить читателя нашего съ образомъ военныхъ дѣйствій Крымскихъ татаръ, мы должны посвятить этому предмету отдѣльную главу.

Обзоръ войны.

Крымскіе татары, еще въ началѣ XVII столѣтія, считались непобѣдимыми. Дѣйствительно-ли они заслуживали такого мнѣнія по искусству или оно приписывалось имъ безсознательно, неподготовленными къ отраженію ихъ народами—трудно объяснить. Намъ извѣстно только, что татары, вѣря въ предназначеніе и развиваясь съ дѣтства въ играхъ, борьбѣ и различнаго рода джигитовкахъ, всегда были ловки, смѣлы и безпощадны. Отвагѣ ихъ содѣйствовали главнѣйшимъ образомъ: надежда на добычу и сильное убѣжденіе, что Аллахъ, предпочитая исповѣдывающихъ коранъ всеѣмъ остальнымъ народамъ, сохранить ихъ невредимыми во всеѣхъ случаяхъ, когда это не противорѣчило предопредѣленію, котораго не избѣгнешь и дома. Слѣдовательно, выступая противъ врага, татаринъ утѣшался тѣмъ, что дѣйствуетъ по волѣ Бога. При такихъ вѣрованіяхъ, естественно, что татары въ то время, когда война не считалась искусствомъ, а дѣломъ быстроты, ловкости и твердой рѣшительности, должны были являться повсюду богатырями и считаться непобѣдимыми.

Теперь обратимъ наше вниманіе на ихъ оружіе, степень подготовки къ войнѣ, сборъ и распредѣленіе.

Крымскіе татары не имѣли регулярныхъ войскъ, а всѣ при надобности вооружались. Надобности эти представлялись, послѣ турецкаго господства надъ ними, въ троякихъ случаяхъ: по требованію султановъ, соизволенію хановъ и желанію мурзъ и беевъ. Первые, смотря по ихъ приказу, имѣли право требовать отъ 40 до 80 тысячъ человекъ на собственномъ провіантѣ и оружіи, за что выплачивали мурзамъ 14 т. червонцевъ, а войску 20 тысячъ. Если же ханы задумывали войну, то обязаны были выдать все необходимое продовольствіе и всѣхъ допустить къ участию въ добычахъ. Бей и мурзы, въ свою очередь, сохраняли право выступать въ походы и дѣлать нападенія на неподвластныхъ ханству и Турціи народовъ.

Никто изъ татаръ не призывался къ вооруженію противъ воли его бей или мурзы, только при требованіи турецкаго султана обязаны были идти не только всѣ тѣ, на кого выпадалъ жребій, но даже и ханы. Послѣдніе выступали когда требовалось не менѣе 80 т. человекъ; съ арміею-же въ 40 т. должны были идти Нурединъ или калга султаны, т. е. слѣдующіе за ханомъ представители царства.

По существовавшимъ правиламъ, кто бы изъ ханскихъ членовъ не находился при войскѣ, первое мѣсто по рангу принадлежало Ширинскому бейу, который при этомъ случаѣ пользовался титуломъ главнокомандующаго или огланъ баши. Корпусъ дѣлился на отряды въ 10 тыс., командиры которыхъ именовались туманъ-баши. Отряды или дивизіи эти подраздѣлялись на тысячи сотни и десятки. Командующіе первыми назывались бинликъ-баши, вторыми: юзъ-баши, а послѣдними онъ-баши. Каждый изъ отрядовъ имѣлъ свой бунчукъ и байракъ, импровизированный начальниками. Одинъ только Ширинскій бей имѣлъ знамя, дарованное роду его Константинопольскимъ султаномъ, которое считалось на столько-же священнымъ какъ ханское, калгинское и нурединское. Распредѣленія эти составлялись бейми и мурзами, которые или сами становились въ главѣ сво-

ихъ отрядовъ или назначали вмѣсто себя другихъ. При обязательномъ же возстаніи, по требованію султановъ, всѣ оставшіеся дома обязаны были снабжать идущихъ на войну оружіемъ, одеждою, пищею и проч. принадлежностями. Если же походъ совершался по волѣ хана и ему не сопротивлялись высшіе роды ханства, то всѣ расходы обязанъ былъ нести гирей. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда Крымскіе ханы высылали свои войска кому-либо въ помощь за деньги, то это допускалось не иначе, какъ съ согласія ѓ оджаковъ или главнѣйшихъ дворянскихъ фамилій царства. Какъ въ послѣднихъ, такъ и въ предъидущихъ случаяхъ, простой классъ народонаселенія не имѣлъ права сопротивляться и нерѣдко случалось, что мурзы, увлекаемые добычею, подымали всѣхъ мужчинъ, обитающихъ на ихъ земляхъ. Для предупрежденія подобныхъ выходовъ, дурно вліявшихъ на экономическій бытъ страны, въ 1768 году Крымъ-гирейханъ постановилъ, чтобы при сборѣ войска, каждая во семь семействъ выставляли по 3 всадника.

Приказъ о сборѣ войска на указанное число сообщался беямъ и мурзамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ посылался изъ Бахчисарая къ начальникамъ округовъ, кадіямъ и мулламъ для всенароднаго оповѣщенія и обыкновенно на призывы эти всегда являлось вдвое больше противъ надобности. Сборнымъ пунктомъ войскъ назначалась не одна Бахчисарайская окрестность, а каждый кадылыкъ имѣлъ для этого однажды навсегда опредѣленную мѣстность, откуда уже отправлялись милиціонеры къ Переконскимъ воротамъ — всеобщему центру соединенія войскъ, масса которыхъ иногда доходила до 150 т. Здѣсь совершалось молебствіе духовенствомъ, торжественно обѣщавшимъ не переставать молиться о благополучномъ ихъ возвращеніи. По народнымъ преданіямъ, крымскіе татары предпочитали выступать въ походы въ зимнее время, когда не представлялось надобности въ ковкѣ лошадей и когда прекращались сельско-хозяйственныя полевая работы. Каждый изъ нихъ, при выходѣ изъ дома, одѣвалъ на выворотъ короткій, по поясъ, полушубокъ, опоясывался оружіемъ и сверхъ этого нивидывалъ легкую шерстяную бурку. За сѣдломъ въ саквахъ

сохранялась провизія. Этого мало: за нимъ бѣжало свободными часто три, четыре лошади про запасъ. Провизіи обыкновенно припасалось на мѣсяць, которая состояла изъ просянаго хлѣба или *малай* *), *какача*, пшена, сухаго сыра, чеснока, лука и соли.

Очень важнымъ правиломъ при походахъ татаръ считалось строгое соблюденіе пяти-кратной молитвы, вслѣдствіе чего передвиженія ихъ были медленны. Не менѣе важнымъ считалось: миролюбіе, единодушіе и честность между собою и тотъ, кто украсть у товарища что-нибудь или оскорбилъ его ругательствомъ, считался жертвою первой стычки съ непріятелемъ. Если походъ открывался въ мѣсяць *уразы* (поста), духовенство разрѣшало бѣду съ тѣмъ, чтобы по окончаніи похода она выполнена была дома. При этомъ на обязанности сопровождавшихъ войска муллъ, лежалъ долгъ по возможности часто вселять въ нихъ убѣжденіе, что сокрушать гяуровъ не только лежитъ на обязанности правовѣрнаго, но служить ему заслугою предъ пророкомъ.

Въ рядахъ татарскихъ войскъ, которые никогда не были регулярными и не обучались никакимъ правиламъ войны, не существовало дисциплины. Всѣмъ имъ было извѣстно одно правило: бить враговъ и отнюдь не даваться имъ въ плѣнъ и каждому предоставлялось дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Съ оглушительными криками: *Аллахъ ярдымджи!* (Богъ да поможетъ) и *ург!* (бей) **) они, пригнувшись къ лошадиной шеѣ, чтобы предостеречь себя отъ пуль, отчаянно летѣли на только что показавшагося врага. Ихъ дружный, безстрашный бѣгъ, легкость лошадей и увѣренность въ побѣгъ съ первой же минуты могли навести панический страхъ на тѣхъ, кто обязанъ былъ воевать съ ними не подъ влияніемъ тѣхъ надеждъ и убѣжденій, которыми были пропитаны эти полудикіе люди.

При требованіи турецкими султанами татарскихъ войскъ, послѣднія обязаны были являться къ извѣстному дню въ Кавшаны (близъ Бендеръ) и оттуда уже ожидать даль-

*) Малай или просяной хлѣбъ до такой степени ситень, что фунтомъ можетъ прожить самый здоровый мужчина въ теченіи дня.

**) Читатель теперь, вѣроятно, пойметъ значеніе слова „ург!“

нѣйшихъ приказаній. Любимымъ оружіемъ татаръ въ дѣйствіи были слѣдующія: сабли, которыя приготовлялись въ Бахчисараѣ; лучшими изъ нихъ считались тѣ, которыя выдѣлывались изъ истоптанныхъ лошадиныхъ подковъ; ятаганы и кинжалы брались только про запасъ, еслибъ сабли положились. Изъ ружей предпочитались винтовки и широкоствольныя. Послѣднія заряжались *билармою* или двумя небольшими пулями, прикрѣпленными одна къ другой спирально собранною мѣдною проволокою, которая при выстрѣлѣ растягивалась на пространство около четверти и такимъ образомъ, попадая въ цѣль, наносила кромѣ двухъ ранъ и прорѣзъ въ длину проволоки. Что татары мѣтко стрѣляли, это, кромѣ разсказа миледи Кравенъ, въ присутствіи которой нѣкоторые изъ нихъ безъ промаха попадали на сто шаговъ въ гуся и на 50 въ яйцо, доказываются преданіями что лучшими стрѣлками считались только тѣ, которые пропускали пулю сквозь перстень на разстояніи по крайней мѣрѣ 40 шаговъ. Многіе вооружались арканами и луками, которыми владѣли не менѣе хорошо. Судя, потому, какъ мастерски закидываютъ арканы въ наше время татары табунщики на шею необузданныхъ еще лошадей, намъ невольно приходится вѣрить, что при помощи его татары, въ былое время, добывали много плѣнныхъ. Кромѣ этихъ, обыкновенныхъ оружій, у татаръ были ики, кришало и пистолеты. Послѣдніе, воткнутые въ поясъ, держались на ремешкахъ, переброшенныхъ чрезъ плечи. Прикрѣпленіе это дѣлалось съ цѣлью, чтобы послѣ выстрѣла отбрасывать ихъ назадъ и прибѣгать къ другому рода оружію. Что касается до мурзъ и беевъ, всегда вооруженныхъ самыми лучшими саблями, ружьями и пистолетами, они прикрывались шлемами и т. п. изобрѣтеніями среднихъ вѣковъ.

Для подтвержденія, что у татаръ не было другого рода оружія, кромѣ указаннаго нами, достаточно будетъ сказать, что при отобраніи его у нихъ, по ордеру князя Потемкина отъ 10 апрѣля 1788 года, въ карасубазарскій временной арсеналъ было принято ружей 799, сабель 2,576, пистолетовъ 135, пикъ 475, луковъ 95 и

110 стрѣль. Отъ мурзь же и беевъ ружей, сабель и пистолетовъ 1,202 штуки *).

Необыкновенная ловкость и смышленность татаръ въ брани подтверждалась тѣмъ еще, что нерѣдко одинъ изъ нихъ велъ за собою цѣлое семейство плѣнныхъ и до 60 барановъ. Взрослыхъ плѣнныхъ онъ сажалъ на лошадь, къ бокамъ привязывалъ дѣтей ихъ, и, держа въ рукахъ уздечку, гналъ передъ собою стадо барановъ; чтобы справиться со всѣмъ этимъ, необходимо было изумительное терпѣніе и большая принаровка.

Все переданное нами, позаимствовано изъ рассказовъ туземцевъ-стариковъ, отцы которыхъ неоднократно участвовали въ походахъ на Россію. Теперь обратимъ вниманіе на рассказъ польскаго посланника Мартина Броневскаго отъ короля Стефана Баторія къ крымскому хану Мухамедъ-гирею въ 1578 г. Вотъ что онъ доносилъ государю своему по этому предмету:

„Собираясь на войну, ханъ издаетъ повелѣніе, чтобы татары, подвластные ему, въ теченіи трехъ или четырехъ недѣль приготовились къ войнѣ и запаслись провіантомъ на три или четыре мѣсяца. Этотъ провіантъ хранится въ кожаныхъ мѣшкахъ, которые у знатнѣйшихъ привѣшиваются къ лошадямъ. Припасы эти состоятъ обыкновенно изъ пшена, высушеннаго на огнѣ или толченаго и поджаренаго или смолотаго, которое разводится водою и служитъ питъемъ. Кромѣ того употребляютъ сыръ и говядину разнаго рода въ томъ числѣ и лошадину копченую или валеную или сушеную, изрѣзанную на мелкіе кусочки и очищенную отъ костей. Пищею ихъ служитъ также кобылій сыръ, молоко и родъ кислаго молока *), которое они особеннымъ образомъ готовятъ и считаютъ лакомствомъ. У хана есть одна только телѣга, которая служитъ на случай болѣзни, и нѣсколько верблюдовъ, на которыхъ для особы его везутъ кумысъ и закуски, для продовольствія во время похода. Впрочемъ татары, каждый порознь, приносятъ ему и его свитѣ изъ своихъ запасовъ; немногіе же

*) Мы положительно убѣждены, что татарамъ выдали намъ только негодное оружіе, а лучшее скрыли.

*) Катикъ.

знатнѣйшіе татары возятъ за собою въ легкихъ повозкахъ или на верблюдахъ сухари и небольшое количество кумыса.

Опредѣливъ походъ, ханъ избираетъ опытныхъ людей въ соглядатаи и проводники войскъ, которые, перешагнувъ границу, немедленно, отправляются по всѣмъ направлениямъ, обо всемъ развѣдываютъ и въ особенности заботятся о захватѣ плѣнныхъ, отъ которыхъ ханъ пыtkою разбуждаетъ необходимое для него. Послѣ этого гирей назначаетъ день къ походу и въ тоже время посылаетъ нарочныхъ въ орду для созванія всѣхъ татаръ и христіанъ ему подвластныхъ, взрослыхъ и юношей, за исключеніемъ немощныхъ, стариковъ и бѣдныхъ; тѣ же бѣдняки, которые не имѣютъ ни коня, ни оружія, получаютъ отъ болѣе зажиточныхъ все нужное къ войнѣ и, въ надеждѣ на добычу, отправляются въ походъ... Двинувшись съ мѣста, свита хана, калги и солтановъ, идетъ впереди; за ними по древнему обычаю, ханъ ведетъ подъ знаменами въ извѣстномъ порядкѣ войско, а также дружину изъ вождей, мурзь и другихъ знатнѣйшихъ татаръ. Ставъ на непріятельской землѣ, ханъ снова отправляетъ впереди соглядатаевъ, которые захватываютъ всѣхъ попадавшихся на встрѣчу и представляютъ хану. Когда ханъ получить вѣрное извѣстіе, что непріятель не намѣренъ высылать противъ него войска, то вторично собираетъ совѣтъ вельможъ для опредѣленія какъ далеко и широко слѣдуетъ опустошить непріятельскую землю. Затѣмъ все идетъ впереди и всѣхъ поселянъ, встрѣчающихся на пути, подъ страхомъ смерти приказываютъ убивать для того, чтобы они не могли сообщать своимъ о числѣ ихъ войска.

Когда ханъ достигаетъ крѣпости, города, деревни, села или вообще обитаемыхъ мѣстъ, то, оставивъ при себѣ князей, мурзь и придворныхъ, а также лучшую часть войскъ изъ храбрѣйшихъ и надежнѣйшихъ, числомъ отъ 10—15 тысячъ для осады крѣпости и для защиты лагеря, остальную часть арміи, состоящую изъ нѣсколькихъ тысячъ вмѣстѣ съ калгою, прочими мурзами и султанами отправляетъ впереди, которые предавъ все мечю и огню, грабя и захватывая добычу, возвращаются къ

ханскому лагерю; если же къ назначенному къ возвращенію дню какой-либо изъ отрядовъ не возвратится, то, не ожидая его, вся армія съ необыкновенною быстротою двигается впередъ. Если и послѣ этого непріятельское войско не показывается, тогда ханъ раздѣливъ свое на отряды неутомленныхъ еще, отправляетъ въ мѣста неопустошенныя, принимая при этомъ надлежащія предосторожности противъ крѣпостей и городовъ, лежащихъ по дорогахъ. Узнавъ отъ лазутчиковъ о мѣстѣ нахождения значительнаго непріятельскаго войска, онъ никогда не вступаетъ въ открытое сраженіе, но осторожно и медленно подвигается съ войскомъ; если убѣдится, что у непріятеля сильный и многочисленный отрядъ, то поворачиваетъ немного въ сторону въ мѣста болѣе населенныя, но безопасныя и съ необыкновенною быстротою, опустошивъ ихъ захватываетъ добычу и уходитъ къ своимъ границамъ, на рубежѣ которыхъ ханъ получаетъ десятую часть изъ всѣхъ плѣнниковъ. Начальники же отъ своего отряда, а тѣ, которые привели, наибольшее число плѣнныхъ изъ прочаго числа ихъ. Остальные татары дѣлятся между собою плѣнниками по своимъ отрядамъ. Но прежде совершенія раздѣла выдается вознагражденіе тѣмъ, кто понесетъ какого-либо рода потерю. Какъ болѣе знатныхъ, такъ и простыхъ плѣнныхъ, если въ цѣнѣ выкупа не сошлись родные, продаютъ купцамъ, такъ какъ ханъ требуетъ обыкновенно слишкомъ большаго вознагражденія.

Плѣнныхъ татары мучатъ голодомъ, наготою, а простаго званія людей до того бьютъ плетями, что несчастные желаютъ себѣ смерти. Многіе изъ нихъ по необходимости рассказываютъ, что они благороднаго званія и общають огромный выкупъ. Плѣнныхъ татары продаютъ иностранцамъ только тогда, когда откажутся выкупить ихъ соотечественники.

Татарское войско состоитъ изъ конницы, за исключеніемъ нѣсколькихъ сотенъ пѣшихъ, вооруженныхъ ружьями, янычарь, которыхъ ханъ получаетъ въ видѣ вспомогательнаго отряда отъ турокъ или содержитъ на свой счетъ; кромѣ того беретъ съ собою въ походъ нѣсколько небольшихъ пушекъ. Всѣ черекопскіе, крымскіе, азов-

скіе, ногайскіе, черкасскіе данники и союзники, князья пятигорскихъ, черкесовъ, служащіе на жалованьи, равно какъ и вольные должны немедленно являться къ хану по его требованію и принимать участіе въ войнѣ. Очковіе и аккерманскіе татары, равно какъ и тѣ, которые имѣютъ заключенныя съ турецкимъ султаномъ неизмѣнныя условія, а также татары добруджскіе, живущіе при Дунаѣ, слѣдуютъ за ханомъ на войну по приказанію султана. Все это войско простирается до 120 и иногда до 130 тысячъ, а иногда превосходитъ и это число.

Лошади, употребляемыя татарами для войны, красивыя, сильныя и быстрыя на бѣгу. Ханъ, солданы и знатныя татары употребляютъ лошадей турецкихъ, арабскихъ, карабахскихъ и другихъ азіатской породы.

Татары употребляютъ на войнѣ оружіе, извѣстное съ древнѣйшихъ временъ, а именно: копье, кривую и длинную саблю, турецкій кинжалъ или персидскій, короткій и широкій изъ отличнаго желѣза, длинныя стрѣлы, колчанъ, а иногда короткое копье. Они надѣваютъ также панцири, шлемы и вообще вооруженіе персидское или московское, доставшееся имъ въ добычу. Сѣдла и уздечки у нихъ древней формы, но весьма удобны, у знатнѣйшихъ нѣсколько разукрашены. Очень многіе въ татарскомъ войскѣ не имѣютъ оружія и не употребляются для боевой службы, но они ведутъ съ собою много запасныхъ лошадей. По этому татарское войско кажется многочисленнѣе противъ дѣйствительности.

Войско это идетъ единою толпою по слѣдамъ авангарда, который, замѣтивъ непріятеля, послѣдно ретируется съ цѣлью заманки.

Татары чрезвычайно быстро умѣютъ строить свои ряды и двигать ихъ; эти эскадроны до такой степени приучены слушаться не только словеснаго приказанія своихъ начальниковъ, но достаточно одного указанія плетью или даже движенія руки, чтобы разбѣянныхъ привести въ порядокъ. Ханъ всегда имѣетъ при себѣ, для своей защиты, отрядъ изъ нѣсколькихъ тысячъ храбрѣйшихъ и лучшихъ воиновъ, нѣсколько сотъ янычаръ и нѣсколько небольшихъ пушекъ. При ханскомъ отрядѣ есть знамя, состоящее изъ бѣлаго лошадиного хвоста, прикрѣплен-

наго къ длинной палкѣ и шелковое турецкое зеленое съ краснымъ. Прочія знамена и бунчуки, которыхъ очень много, бываютъ различнаго цвѣта.

Тѣ изъ воиновъ, которые во время войны отличались или совершили какой-нибудь замѣчательный подвигъ, пользуются у хана, султановъ, князевъ и мурзь особеннымъ почетомъ. Почетъ этотъ такъ великъ, что ханъ не только осыпаетъ какими либо значительными наградами и дарами на сколько это для него возможно, но и предоставляетъ навсегда почетное мѣсто имъ и ихъ потомкамъ между мурзами, за своимъ столомъ по древнему народному обычаю. Этотъ почетъ у татаръ наследственъ и считается вышею наградою заслуги, потому что удостоенные такого отличія получаютъ во время войны начальство надъ отрядами, какъ способные и опытные люди. Нѣкоторыхъ плѣнныхъ ханъ освобождаетъ посредствомъ обмѣна, для выкупа же прочихъ подданныхъ онъ не жалѣетъ собственной казны и, чѣмъ только можетъ, облегчаетъ ихъ участь“

Все сказанное г. Броневскимъ совершенно согласуется съ добытыми нами преданіями. Намъ остается только прибавить, что татаре, вступая въ бой, всегда почти набѣгали на враждебный отрядъ, образуя обширный полукругъ съ цѣлью окружить его со всѣхъ сторонъ; въ тѣхъ-же случаяхъ, когда этого не удавалось, они старались сбить съ толку враговъ небольшими разбросанными по различнымъ направленіямъ отрядами для того, чтобы достигнуть того, чего желали, и что доставляло надежду на огромное число плѣнныхъ.

На сколько татаре были воинственны и непобѣдимы за границею своего царства, на-столько они казались ничтожными внутри Крыма. Это очень хорошо понимали Поляки, между которыми нѣкоторые заявляли на сеймахъ, что съ арміею въ 6-ть тысячъ человекъ легко сокрушить страшныхъ татаръ внутри ихъ страны. Заявленіе это не могло подвергаться сомнѣнію, потому что у этого народа не было регулярныхъ войскъ, а чтобы приготовиться къ оборонѣ необходимо было для нихъ время по крайней мѣрѣ около мѣсяца; но къ сожалѣнію напуганное правительство Польши не рѣшалось испробовать

этого изъ боязни горько поплатиться за неудачу. Рѣшлось-же русское правительство и не разу не имѣло повода разсказываться, потому что при всякомъ нашествіи почти безпрепятственно предавало всѣ ихъ города и села огню и набирало тысячи плѣнныхъ съ обширными табунами домашняго скота, а въ заключеніе окончательно сокрушило ихъ политическую самостоятельность.

Жизнь, обстановка и отношенія Крымскихъ хановъ къ подданнымъ.

Крымскіе ханы перешли въ Тавриду, познакомившись уже съ восточною роскошью. Вотъ почему мы встрѣчаемъ въ Бахчисараѣ, первой резиденціи ихъ, великолѣпный дворець, представлявшій все, что доставляетъ нѣгу выходцу изъ Азіи. Очутившись въ благодатной странѣ и увидѣвши людей уже развитыхъ сообщеніемъ съ отдаленными странами*) и предупреждавшихъ, ради личнаго спокойствія всякую прихоть властелина, ханы сознали свое могущество и установили обычаи официальнаго выраженія почтенія въ чрезвычайно раболѣпной формѣ: такъ напр. каждый, обязанный или желавшій представиться хану, долженъ былъ остановиться у порога его на колѣняхъ съ опущенными внизъ глазами и послѣ каждаго слова владыки прикладывать руку къ сердцу, губамъ и лбу, выражая этими знаками сердечную преданность, обожаніе и преклоненіе головы. Никто не смѣлъ садиться ближе 3-хъ шаговъ къ повелителю даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ онъ самъ потребовалъ измѣненія этого порядка. Никто, по этикету, не смѣлъ улыбаться или произнести слова, не согласующагося съ понятіемъ хана; всякій долженъ былъ считать за счастье, еслибъ государь пожелалъ-бы завладѣть его женою или дочерью. Словомъ, первобытные ханы довели могущество свое до такой степени, что всѣ подданные его жили его благосостояніемъ и восторгались, если отдавали по-

*) До прибытія хановъ въ Крымъ, татары вели караванную торговлю до Индіи.

слѣднія средства свои для доставленія ему удовольствія. Проще, онъ былъ владыка полновластный, безграничный и творящій все по прихотямъ своимъ. Значеніе это всего лучше выразилось въ нижеслѣдующемъ титулѣ даже къ болѣе могущественнымъ манархамъ. Вотъ онъ:

„Богъ правый, слово наше (такого-то хана). Божіею милостію великія орды, великаго юрта Крымскаго престола, кипчацкія степи многихъ татаръ и безчестныхъ ногаевъ правой и лѣвой страны, несчастныхъ темъ Татовъ и Тевкесовъ и между-горскихъ черкесовъ государь, высокоимянитый ханъ, благодатный, славнѣйшій, сильнѣйшій и дерзновеннѣйшій, мы великій ханъ (такой-то) сущій въ благодати въ настоящихъ временахъ отъ нашего величества (такому-то государю).“

Присваивая себѣ подобное величіе, ханъ вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ быть и главою религіи или чѣмъ-то въ родѣ калифа въ ислаизмѣ, вслѣдствіе чего отпуская бороду, одѣвался въ костюмъ эмира и высокій каукъ, опушенный бараньимъ мѣхомъ и длинный атласный или шелковый кафтанъ съ накидкою, воротникъ которой зашивался золотыми нитками. Подобный нарядъ присвоенъ былъ и муфтію, считавшему себя главою религіи. Хань, до времени признанія надъ собою турецкаго господства, не имѣли понятія о многочисленной свитѣ, оркестрахъ музыки и ѣздѣ въ экипажахъ. Есть преданіе, что они очень часто предпринимали прогулки верхомъ въ довольно отдаленныя деревни безъ всякаго конвоя и возвращались домой послѣ полуночи. Въ доказательство этого приводятъ нижеслѣдующій случай: однажды ханъ пріѣхалъ въ деревню Арамъ-кой, находящуюся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бахчисарая и, привязавъ коня своего, зашелъ въ мечеть, но каково было его изумленіе, когда вышедши изъ нея, онъ увидѣлъ, что отъ сѣдла его отрѣзаны серебряныя стремяна. Дерзость эта до того возмутила его, что онъ назвалъ селеніе это *арамъ-кой*, т. е. противорелигіозною. *)

Утвердившись на престолѣ, хань, при неограниченной власти своей, раздѣлили земли въ Крыму сначала

*) Названіе это сохранилось по днесь за этою деревнею.

между знатными родами, а впоследствии и между второстепеннымъ дворянствомъ и челебіями, но эти послѣдніе обязаны были платить въ пользу хана поземельныя подати. Это былъ первый налогъ, который предоставилъ ханамъ возможность улучшить матерьяльную обстановку свою. Ногайцы, обитавшіе внѣ полуострова, не надѣлялись землею, а пользовались ею самопроизвольно, съ тѣмъ, что одно племя платило установленное содержаніе предводителю своему сераскиру, другое хану, а третье калгъ-султану и т. д.

При войнѣ-же, каждый кадылыкъ обязанъ былъ вносить тысячу шастровъ и столько сухарей, сколько могутъ свести двѣ лошади на одной подводѣ.

Съ восшествіемъ на Крымскій престолъ Менгли-гирея, воспитаннаго генуэзцами, придворная обстановка государей Крыма измѣнилась. Этотъ ханъ, въ бытность свою въ Константинополь созналъ высоту значенія главы правительства и пораженный блескомъ жизни султановъ, впоследствии возвратившись на престолъ отцевъ, сумѣлъ сдѣлать то, что наслѣдники его считались монархами съ властью неограниченною никакими народными собраніями. Предъ ихъ волею ничего не значила воля всего народа, если къ нимъ не имѣла ничего враждебнаго Оттоманская порта. Всесильный и дерзновеннѣйшій каждый изъ нихъ считалъ себя владыкою живота всѣхъ живущихъ и посѣщавшихъ ихъ царство и они взгордились на столько, что называли себя императорами, а дѣтей своихъ султанами. Значеніе ихъ возросло впоследствии до того, что Молдавія, Россія, Польша, Австрія, Франція и даже отдаленная Англія присылали имъ дорогіе дары и употребляли всевозможныя мѣры пользоваться дружелюбными отношеніями; а въ Стамбулѣ ихъ принимали какъ могущественныхъ царей всѣ представители власти и народа. Крымскій ханъ безъ позволенія садился около султана, пилъ съ нимъ кофе и имѣлъ право возлагать на головной уборъ свой такую-же алмазную пряжку какъ и султанъ. По убѣжденіямъ Турокъ, фамилія гиреевъ была единственная въ мірѣ послѣ фамиліи Османлы. Такое уваженіе кажется послужило поводомъ, что турецкая казна ежегодно присылала ханамъ

но 6 т. піастровъ, а отъ государственныхъ вельможъ ея цѣнные бакшыши (гостинцы). Даже черкесы, которые не любили признавать надъ собою ни чьей власти, охотно подчинялись крымскимъ ханамъ и, воспитывая ихъ сыновей, съ удовольствіемъ отдавали въ ихъ гаремы дочерей.

Такъ какъ у хановъ не было флота и вообще регулярныхъ войскъ, то понятно, что получаемые ими доходы съ избыткомъ удовлетворяли ихъ щедрымъ расходамъ, но если кто либо изъ совѣтниковъ иногда предлагалъ имъ экономничать, то они отвѣчали: „видѣлъ ли кто, чтобы кто-нибудь изъ наслѣдниковъ гиреевъ умирать съ голода?“ Замѣчательно однако, что при роскошной обстановкѣ гиреевъ, въ особенности въ началѣ 18-го столѣтія, эти цари никогда почти не имѣли второй пары верхней одежды, а оставались при одной до тѣхъ поръ, пока она изнашивалась окончательно.

По принятому однажды обыкновенію, Крымскіе ханы никогда не обременяли себя законными женами, а набирали себѣ по желанію грузинокъ и черкешенокъ въ неопредѣленномъ числѣ, отъ которыхъ прижитые сыновья и дочери пользовались титулами султановъ и султаньшъ. Послѣднія, какъ извѣстно, по достиженіи 13 или 14 лѣтняго возраста, выдавались въ замужество за знатнѣйшихъ мурзъ или беевъ. При этомъ имъ выдавалось, въ родѣ приданнаго, одежда и домашнія принадлежности въ громадномъ количествѣ: такъ напр. 81 одѣяло, столько-же подушекъ, простынь, полотенець и проч. Проще, всякой вещи должно быть 9 помноженныхъ на 9.

По разсказу Пейсонеля, Крымскіе ханы получали ежегодно слѣдующіе доходы: отъ евпаторійской таможи 50 тысячъ піастровъ, перекопской—30, отъ дубасарскаго гетмана—8, господаря молдавскаго, валахскаго, кавшанскаго и другихъ по 31, съ Кафы—2, отъ Турціи—6, всего-же 127 тысячъ.

Но судя по другимъ свѣдѣніямъ, которыя мы приведемъ ниже, они получали втрое больше, что могло давать имъ средства жить по царски; если же они, какъ замѣчено было выше, не имѣли по нѣскольку нарядовъ,

то это надо приписать простой привычкѣ, врожденной восточнымъ народамъ или тому, что всѣ почти ханы вступали на престолъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Извѣстно, что изъ всѣхъ ихъ, самымъ молодымъ былъ Керимъ-гирей, начавшій царствовать съ 40-лѣтнаго возраста.

Изъ официальныхъ источниковъ, заимствованныхъ Сумароковымъ въ бытность его въ Крыму судьей въ началѣ нашего столѣтія, послѣдній ханъ получалъ: Съ перекопскихъ воротъ, соляныхъ озеръ, таможенъ, городскихъ сборовъ за право торговли 215 т. піастровъ, съ хлѣбныхъ посѣвовъ—36, съ рогатаго скота—31, съ деревень, принадлежавшихъ ему—14, съ монетнаго двора—5,912, отъ вѣсовъ и мѣръ—4, податей отъ жидовъ и цыганъ—4, отъ продажи внутри Крыма соли—3, отъ продажи внѣ Крыма кила—2,200, отъ пошлиннаго сбора въ Бахчисарафъ, Карасубазарфъ и Ахмечетфъ—1,500, съ садовъ эмигрировавшихъ христіанъ—1,500, мелочныхъ поборовъ—1,100, съ рыбныхъ улововъ—1,000, съ виноградниковъ жидовъ—1,000, съ виннаго откупа—24, итого 345 тысячъ піастровъ, или до тысячи кошельковъ золота, что составляло для того времени большую сумму. Однако и эти свѣдѣнія не вполне выясняютъ намъ численности ханскаго дохода, такъ какъ они зависели отъ аукціонной продажи. При этомъ здѣсь не показаны приведенная раньше дань отъ смежныхъ господарей, Ногайскихъ сераскировъ, ясачный оброкъ съ вышедшихъ христіанъ, медовыя деньги, бурловая тамга, выгоды съ громадныхъ табуновъ лошадей, которыя паслись у Арабата и на Чангарскомъ кадалыкѣ, число которыхъ доходило до 70 тысячъ штукъ и другаго рода цѣнныя подарки, дани, платы за содѣйствіе въ войнѣ и т. п. Намъ очень хорошо извѣстно, что одна Россія чуть-ли не ежегодно доставляла ханамъ, почти половину приведенной суммы то въ видѣ дани, подарковъ, пособій и т. п. и что кромѣ этого, при всякой перемѣнѣ правительства, посылались новые послы за новыми дарами, такъ напримѣръ отъ имени хана слѣдовало 5 пословъ, окруженныхъ множествомъ гонцовъ, отъ калги и нурединъ-султановъ по 3 посла съ соразмѣрнымъ чис

ломъ прислуги; затѣмъ слѣдовали послы съ гонцами: отъ матери хана и прочихъ женъ его отца, отъ женъ царствующаго хана, отъ женъ каждаго изъ царевичей, женъ жалги и нуредина, ихъ женъ, сыновей, царскихъ дочерей, вдовъ царевичей, отъ беевъ, мурзь государственныхъ вельможъ, чиновниковъ и до послѣдняго придворнаго музыканта. Все это отправлялось съ списками истребовать обязательныя подарки и русское правительство безропотно удовлетворяло ихъ. Этого мало, при всякой крайности или нежеланіи тратить свои деньги на ремонтъ крѣпостей, воздвигнутыхъ противъ насъ же, ханы обращались къ нашимъ князьямъ. Такъ напр. въ 1592 и въ 1631 годахъ, Крымскій ханъ просто укорялъ великаго князя въ томъ, что Перекопская крѣпость обветшала, и требовалъ отъ русскаго царя (ахъ-бея) присылки денегъ на поновленіе ея.

Каждый ханъ, при восшествіи на престолъ, старался ознаменовать себя милостями и подтвердить всѣ раньше выданныя грамоты и ярлыки дворянскимъ родамъ и другимъ лицамъ. Это такъ было важно, что беи и мурзы, которые хотя и считали себя полновластными, спѣшили заручиться этимъ. Подтвержденіе ихъ правъ состояло въ приложеніи большой государственной печати, предназначенной для дивана и всякой другой переписки, за исключеніемъ съ Турецкими султанами. Для послѣднихъ ханы имѣли другую небольшую печать, которая пользовалась громаднымъ значеніемъ на томъ основаніи, что запечатанныя только ею письма не оставались безъ удовлетворенія. Что-же касается до милостей, то они творились различными пожертвованіями въ пользу мечетей, училищъ и т. д., но важнѣйшими изъ нихъ считались какія-либо вновь дарованныя привилегіи извѣстной личности и его роду. Привиллегіи эти предоставлялись не иначе, какъ отдѣльными грамотами и составлялись въ нижеслѣдующемъ смыслѣ: „Симъ священнымъ высочайшимъ султанскимъ указомъ и вензелевымъ ханскимъ именемъ, сіяющимъ славою монарха, повелѣваемъ (то и то); въ удостовѣреніе чего пожаловали сію счастливую и въ восторгъ приводящую грамоту, чтобы денно и ночью, утромъ и вечеромъ съ дѣятельнымъ усердіемъ и рвені-

емъ мелился о долгоденствіи царствованія моего и объ усугубленіи величія моего. (Ярлыкъ Девлетъ-гирея 1573 года).

Раньше мы замѣтили, что ханы признавали надъ собою зависимость турецкихъ султановъ и не иначе могли царствовать, какъ опоясавшіеся въ Стамбулѣ саблею. Обычай этотъ повидимому былъ необходимъ для того, чтобы лично видѣть новаго хана и посвятить его въ образъ политики своей, задобрить подарками и вообще чѣмъ-либо съ самаго начала выразить свое преимущество предъ нимъ, но отнюдь не посягать на его полномочіе въ отцовскомъ наслѣдіи. Отношеніе султановъ къ Крымскимъ ханамъ всего лучше изъясняется приведеннымъ нами раньше фирманомъ.

Обставивъ себя всѣми атрибутами царской власти, ханы не преминули возложить на голову зеленую чалму, знакъ деспота или главы религіи, завели пороховые и оружейные заводы и начали чеканить монету отъ своего имени, по турецкому образцу, слѣдующимъ образомъ: Кисе, составляющей 20 т. пара *), Юзлукъ 100 пара, Экиликъ 80 пара. Ярымлыкъ 40 пара, Грушь 20 пара, Пара 2 ахчи **).

Деньги эти чаще всего перечекаивались изъ русскихъ монетъ и очень рѣдко изъ металловъ, доставляемыхъ изъ Анатолиі.

Для болѣе удобнаго управленія странною, ханы раздѣлили ее на 6 каймакамствъ, а каждое каймакамство на кадылыки. Такъ напримѣръ первое каймакамство:

Бахчисарайское состояло съ 6 кадылк. заключ. 293 дерев.

Ахмечетское	”	”	9	”	”	242	”
Карасубазарское	”	”	9	”	”	342	”
Кезлевское	”	”	5	”	”	196	”
Кафское	”	”	9	”	”	233	”
и Перекопское	”	”	6	”	”	169	”

Итого 44 кадылыка 1474 дерев.

въ которыхъ находилось 14,323 двора, за исключеніемъ городовъ, въ которыхъ находилось 6056 дворовъ.

*) Пара равнялась нашей полумкѣ.

***) Ахчи составляла цѣнность денежки.

Кромѣ этого, руководствуясь турецкимъ порядкомъ взиманія пошлинъ съ торговыхъ сдѣлокъ, они установили ихъ съ нѣкоторыхъ предметовъ натурою отъ 2 до 10%, со скотины взимали по штучно, съ напитковъ— деньгами; чтоже касается драгоценностей и сахара, то на эти предметы не существовало налоговъ, но ихъ запрещалось вывозить изъ страны, такъ точно какъ и лошадей. Разрешенные для вывоза предметы въ Россію были: мерлушки, вино, овцы, шерсть, сафьяны и т. п. въ Турцію же: хлѣбное зерно, масло, сало, солонина, медъ, воскъ, киль и различнаго рода продукты изъ растительнаго царства.

Теперь обратимъ вниманіе на тотъ составъ чиновнаго міра, который окружалъ Крымскихъ хановъ и содѣйствовалъ имъ къ управленію царствомъ:

Вторымъ лицомъ въ ханствѣ считался калга-султанъ, которому принадлежало право на престолъ и который вступалъ на эту обязанность не иначе, какъ по соизволенію стамбульскаго падишаха, присылавшаго при утвержденіи его великолѣпную одежду и 2000 секимовъ деньгами. Должность калги введена была Менгли-гиреемъ и исключительно предоставлялась особамъ Чингисъ-ханова происхожденія. Кто не былъ калгою, тотъ не могъ быть ханомъ. Личность эта, не смотря на самостоятельное положеніе въ извѣстномъ районѣ отъ Ахмечети до Кафы, лишена была права вмѣшиваться въ государственныя дѣла, но обязана была буквально исполнять все приказанія суверена своего, который, судя по росписи 1778 г. платилъ ему жалованья 15 т. львовъ въ годъ, что равнялось 9 т. рублямъ. Калга имѣлъ резиденцію свою въ Ахмечетѣ (Симферополѣ) и при войнѣ командовалъ 60 т. корпусомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что пребываніе его въ Симферополѣ, гдѣ обитали большинствомъ мурзы, назначено было съ цѣлью, чтобы слѣдить за дѣйствіями ихъ и что калга преимущественно отраждалъ спокойствіе хана, какъ надежный наслѣдникъ. Онъ также какъ ханъ имѣлъ свой придворный штатъ и чиновниковъ. По историческимъ документамъ и народнымъ преданіямъ калга-султанъ, кромѣ содержанія, получаемаго отъ хана, пользовался доходами отъ

Θеодосійскихъ соляныхъ озеръ, наслѣдоваль имущества бездѣтныхъ и безродныхъ мурзъ и беевъ, проживавшихъ въ его дистанціи; доходами отъ Ахмечета, Султанъ-сарая и Карасубазара; кромѣ того ему принадлежали: налоги со многихъ христіанскихъ селеній, часть дани и подарковъ отъ иностранныхъ державъ, султанской платы за покорность и т. п., что въ общемъ могло доходить до 500 кошельковъ. Сумма эта, естественно, давала имъ возможность жить по царски и пользоваться въ народѣ большимъ почетомъ несмотря на то, что восшествіе ихъ на престоль не всегда считалось вѣрнымъ.

Послѣдній Крымскій калга былъ Токтамышъ-гирей. Онъ, какъ и предмѣстники его, обиталь въ Ахмечетѣ. О мѣстѣ жительства его въ этомъ городѣ мы скажемъ въ отдѣлѣ исторической судьбы городовъ Тавриды; здѣсь-же ограничимся тѣмъ, что онъ также какъ и ханъ не обязываль себя законнымъ бракомъ, а содержаль обширный гаремъ, и распоряжался съ подвластными по своему произволу, но не пользовался правомъ казнить.

Третьею личностію послѣ могущественнѣйшаго хана считался нурединъ-султанъ, также происходящій изъ династїи гиреевъ. Онъ обязанъ былъ жить въ столицѣ, съ правомъ отлучаться на Булганакъ, гдѣ имѣлъ свой лѣтній дворець. Личность эта считалась ближайшимъ другомъ хана и, занимая постъ подобный начальнику штаба всѣхъ войскъ, онъ въ тоже время обязанъ былъ при войнѣ командовать 40 тыс. отрядомъ войска, а въ мирное время представлять нѣчто въ родѣ верховнаго полицейскаго начальника, тѣлохранителя и личнаго посланника отъ лица хана въ важныхъ случаяхъ. Мало занятый служебными обязанностями, онъ долженъ былъ присутствовать въ государственномъ диванѣ, мирить мурзъ и беевъ между собою и употреблять всевозможныя усилія для вселенія въ вышнихъ сословіяхъ страны расположенности и любви къ хану и его семейству. Нуредину принадлежали доходы съ Эски-Крыма и Судака; кромѣ этого, онъ получаль отъ Турціи 10—12 кошельковъ золота, частицу дани и подарковъ отъ сосѣднихъ державъ и въ заключеніе отъ хана около 6 т. руб. Онъ

также какъ и калга-султанъ имѣлъ свой дворець, гаремъ и диванъ. Нуредины нерѣдко снискивали себѣ всеобщую любовь, вслѣдствіе чего попадали на престолъ по ходатайству мурзь и беевъ. Послѣдній, носившій это званіе, былъ Богатырь гирей султанъ.

Четвертымъ лицомъ въ ханствѣ считался Орь-бей или князь намѣстникъ Перекопскихъ воротъ. На мѣсто это обыкновенно приглашался одинъ изъ самыхъ испытанныхъ въ вѣрности членовъ ханской фамиліи. Онъ имѣлъ постоянное пребываніе въ теперешнемъ Перекопѣ самомъ важномъ въ стратегическомъ отношеніи пунктѣ. На Орь-бея возлагалась надежда охраненія Крыма отъ гяуровъ и вотъ почему мы видимъ, что на должность эту только въ исключительныхъ случаяхъ допускались лица изъ первостатейныхъ князей Ширинскихъ, а большинствомъ ее занимали царевичи. Орь-бей не получали отдѣльнаго вознагражденія отъ Хана, но пользовались доходами отъ Перекопа, что равнялась 100 кошелькамъ золота. По росписи-же 1778 года содержаніе ихъ доходило до 5400 руб.

Послѣдующими чинами по придворному списку считались: ханскія матери, жены и дочери. Всѣ онѣ пользовались различнаго рода доходами, но главнѣе всего для нихъ были подарки отъ сосѣднихъ царствъ и иностранныхъ посланниковъ. По народнымъ преданіямъ женщины эти никогда почти не выходили изъ гаремныхъ дворовъ, но любили прославлять себя щедрыми подаваніями, если имъ сообщали о крайнихъ нуждахъ кого-либо изъ горожанъ. Онѣ держали себя просто, никогда не увлекались своимъ номинально высокимъ положеніемъ и всегда старались ладить между собою, чтобы не оскорбить хана. Занятія ихъ были слѣдующаго рода: старухи по цѣлымъ днямъ курили трубки и кальяны и вели дружественныя бесѣды съ прислужницами, которыя сообщали имъ городскія новости и сплетни. Изъ нихъ грамотныя и набожныя безпрестанно перечитывали коранъ, а молодыя предавались легкаго рода рукодѣліямъ высматривали себѣ жениховъ, купались въ роскошныхъ бассейнахъ, цѣлыя часы просиживали въ гаремной башнѣ, откуда видѣнъ былъ весь городъ, пѣли и наслаждались

сказками и анекдотами, которые имъ разказывали придворныя служанки.

Послѣ этихъ слѣдовали сераскиры, имѣвшіе свои диваны и осуждавшіе подвластныхъ имъ ногайцевъ самоправно на смерть. Они получали отъ кибитки по шастрѣ и овцѣ. При поступленіи же вся орда дарила имъ 500 воловъ и десятину съ продуктовъ.

Къ седьмому рангу принадлежали султанскіе сыновья, которые по возможности были удаляемы отъ двора. Изъ нихъ способнѣйшіе только приглашались на должность сераскировъ, а остальные отпращивались на воспитаніе или къ черкесамъ или въ Турцію и поселялись невдали отъ Адрианополя въ дворцахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Чингизъ-сарая.

Официальными-же распорядителями или исполнителями ханской воли были нижеслѣдующіе чиновники:

Ханъ-агасы нѣчто въ родѣ министра внутреннихъ дѣлъ.

Дефтердаръ - агасы — оберъ-контролеръ и хранитель книгъ по денежной части.

Хазнедаръ-ага — министръ финансовъ.

Татъ-агасы — министръ лѣсныхъ дѣлъ, земель и народовъ, обитавшихъ на южномъ берегу.

Актачи-бей — Шталмейстеръ, главнѣйшая обязанность его была держать хану стремя.

Киларджи-баши — гофмаршалъ.

Капуджи-баши — начальникъ входовъ во дворецъ.

Селердаръ-ага — начальникъ придворныхъ оруженосцевъ.

Кулларъ-агасы — начальникъ придворныхъ служителей.

Аталыкъ — воспитатель ханскихъ дѣтей.

Диванъ-эфенди — начальникъ верховнаго совѣта.

Сыръ-китабы — хранитель государственной книги.

Хазне-китабы — хранитель книги казеннаго имущества.

Зырыхъ-китабы — „ „ монетнаго двора.

Хуль-ага — начальникъ ханскихъ рабовъ.

Байрамъ-ага — распорядитель пиршествъ въ праздники.

Балчи-баши — „ обыкновенныхъ пиршествъ.

Хапу-агасы — начальникъ главныхъ дворцовыхъ воротъ.

Серечь-баши — завѣдывающій придворнымъ освѣщеніемъ.

Чашангырь-баши—начальникъ кухни.

Аизи-баши—главный поварь.

Хадымъ-ага—начальникъ джигитовъ (молодцовъ).

Размѣнный-бей—представитель къ хану посланниковъ.

Янычаръ-баши—начальникъ ханскаго конвоя.

Царскій казначей—хранитель личной собственности хана.

Царскій писарь—личныхъ приказовъ хана.

Землемѣръ—распредѣлитель земель и границъ.

Царскій конюшій—долженъ былъ быть изъ родовыхъ князей.

Акь-маджи-бей—хранитель гарема.

Имирюръ—смотритель за оленями на Чуфуть-Кале.

Затѣмъ слѣдовали: ловчій, фурьеръ, лекарь, приготовитель шербетовъ съ помощникомъ, хаведжи или приготовитель кофе, чубуьчи, мештеръ-баки или капельмейстеръ, садовники, смотрителя соколиныхъ гнѣздъ, охотники, служителя и прислужницы.

На содержаніе всѣхъ этихъ лицъ съ ихъ подчиненными, состоящими собственно при дворѣ, издерживались ежегодно 85,336 рѣб. Кромѣ этихъ существовали еще два министерства, военное и духовное. Главнымъ военоначалникомъ перваго бывалъ, какъ замѣчено было раньше, ханъ, калга и нурединъ. Послѣдующій за ними предводитель именовался: огланъ-баши.

Командующій 10 тысячами	назвался	туманъ-баши
„	1 тысячью	„ миникъ-баши.
„	сотнею	„ юзъ-баши
„	десяткомъ	„ онъ-баши.

По духовному вѣдомству главный распорядитель именовался муфти, за нимъ слѣдовали кады-эскеръ или кази-аскеръ, потомъ кадїи, хатипы и муллы.

Народнымъ образованіемъ завѣдывалъ мудерисъ, а монастырями дервиши и софу-шейхи.

Въ провинціяхъ отъ хана распоряджались мусселими, нѣчто въ подобїи губернаторовъ и каймакамы (исправники). По волостямъ начальствовали даруга и баскаки или сборщики податей и кадїи, на которыхъ лежала обязанность творить уголовный и гражданскій судъ.

Всѣхъ же чиновниковъ въ ханствѣ насчитывалось 152, которые получали отъ гирей содержанія 138.561 руб.

Теперь обратимъ вниманіе на жизнь хановъ у себя въ домѣ и отношенія ихъ къ дворянству, улемамъ и прочимъ сословіямъ.

Ханское достоинство, несмотря на то, что подвергалось безпрестаннымъ опасностямъ со времени опекуинства Турціи надъ Крымомъ, было на столько заманчиво, что нерѣдко царствовавшіе ханы или калги въ виду опасности или желанія очистить себѣ дорогу къ престолу истребляли другъ друга со всѣмъ поколѣніемъ. Сверженные же употребляли всевозможныя мѣры снова приобрести утерянную власть и, какъ мы видѣли раньше, по нѣскольکو разъ всходили на престоль. Естественно, что для достиженія этого, необходимы были или особенныя достоинства или средства для подкупа тѣхъ султанскихъ визирей, отъ которыхъ зависѣло назначеніе ихъ. При такомъ положеніи крымскіе ханы мало интересовались благоденствіемъ народонаселенія. Имъ нуженъ былъ кейфъ, спокойствіе, красивыя женщины, которыя могли бы воспламенять ихъ остывавшую кровь, дружественныя отношенія важнѣйшихъ родовъ царства, улемовъ и султанскихъ визирей. Заручившись всѣмъ этимъ, они, по рассказамъ двухъ встрѣченныхъ мною въ юности: старика 115 лѣтъ и старухи 110 лѣтъ, жившихъ при ханскомъ дворѣ, вели слѣдующаго рода жизнь:

Помѣщаясь въ обширномъ и великолѣпномъ дворцѣ *), убранномъ бархатомъ и атласомъ и на всякомъ шагѣ представляющемъ восхитительныя фонтаны, бассейны, садовыя році и поляны, покрытыя цвѣтами и зелеными травами, ханы всего болѣе предавались мечтамъ, сидя на балкончикахъ или у открытаго окна, съ поджатыми ногами и длиннѣйшимъ чубукомъ въ рукѣ, который безпреставно, по мановенію его, принимали и вновь подавали стоявшіе у дверей, съ скрещенными на животѣ руками, аякъ-капы или иначе называемые, чубукчи. Въ такомъ положеніи заставляли ихъ всѣ просители, имѣя

*) Описаніе этого дворца читатель найдетъ въ отдѣлѣ древностей.

совершенно свободный доступъ въ продолженіи опредѣленнаго времени.

Ханъ, по искони принятому обыкновенію, пробуждался съ разсвѣтомъ, который возвѣщалъ пѣніемъ изана придворный муэзинъ. Открывъ глаза, онъ призывалъ прислужниковъ хлопаніемъ въ ладоши и затѣмъ самъ начиналъ одѣваться. Въ это время аякъ-ханы стояли передъ нимъ на колѣняхъ, держа въ рукахъ умывальникъ съ чашею и полотенцо. Умывшись, по обряду религіи, владыка отправлялся въ домовую мечеть и послѣ краткой молитвы, возвращался въ гостинную, гдѣ приготовленъ былъ кофе на-столько персонъ, сколько въ извѣстный день гостили при дворцѣ и были на молитвѣ съ нимъ. Въ это время ханъ любилъ рассказывать разные эпизоды изъ своей жизни въ Турціи, военные подвиги и другаго рода событія. Рассказы эти поддерживали слушатели повѣствованіемъ событій изъ жизни бывшихъ хановъ, ихъ подвиговъ и различнаго рода случайностей. Послѣ кофе къ хану являлся диванъ-эфенди и ханъ-агасы, которые сообщали о новостяхъ и важнаго рода событіяхъ, совершенныхъ въ ханствѣ. Гирей выслушивалъ ихъ со вниманіемъ и давалъ свое мнѣніе, которымъ, обыкновенно, руководствовался диванъ. Вслѣдъ затѣмъ въ приемную являлись духовникъ и многіе другіе сановники не столько по дѣламъ, сколько изъ подобострастія и желанія доставить суверену развлеченіе. Такимъ образомъ проходило время до послѣдняго намаза, но какъ только раздавался призывъ на молитву, ханъ стучалъ въ ладоши и, снова совершивъ установленное омовеніе, отправлялся уже въ соборную мечеть, примыкавшую къ дворцу одною стороною, откуда продѣланъ былъ входъ на отдѣльные хоры. За нимъ слѣдовали всѣ гости по приглашенію. По окончаніи этого намаза онъ на дворѣ встрѣчалъ членовъ дивана, которые преклонялись передъ нимъ и тутъ же выслушивалъ просьбы и жалобы каждаго, имѣвшаго до него дѣло. При этомъ обыкновенно находился писарь хана и всѣ администраторы, которымъ ханъ поручалъ сдѣлать то, что онъ желаетъ. Затѣмъ, если при дворѣ находились посланники отъ иностранныхъ царей, онъ требовалъ представить ихъ къ себѣ и

послѣ кратковременнаго переговоровъ совершалъ завтракъ, состоящій изъ множества обыкновенныхъ блюдъ, и вторично выпивалъ чашку кофе съ табачнымъ дымомъ. Тѣмъ временемъ собирались члены государственнаго дивана и приступали къ обсужденію подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ. Ханъ никогда не вступалъ въ этотъ ареопагъ, но очень часто безъ вѣдома какого-либо изъ придворныхъ своихъ, тихомолкомъ прокрадывался на хоры, прикрытые густою рѣшоткою и слѣдилъ за мнѣніемъ и постановленіемъ дивана. Если что-нибудь совершалось противъ его желанія, онъ, по закрытіи присутствія, дѣлалъ членамъ замѣчаніе и давалъ дѣлу желаемый оборотъ, но подобныя несправедливости случались очень рѣдко, потому что члены дивана никогда не смѣли увлекаться собственными прихотями, изъ боязни получить выговоръ владыки своего за пристрастіе или неразумное сужденіе. Комната эта съ рѣшоткою до настоящаго времени сохранилась въ первобытномъ видѣ въ Бахчисарайскомъ дворцѣ и всегда производитъ отрадное впечатлѣніе на татаръ, сохранившихъ преданіе, что въ ней не рѣшено было ни одного дѣла противъ совѣсти и постановленій корана.

Но такъ какъ засѣданія дивана происходили не ежедневно, то владыка въ свободные дни проходилъ въ одинъ изъ павильоновъ съ разноцвѣтными стеклами, построенныхъ въ садахъ, прилегающихъ къ отдѣленію гарема. Павильоны эти обнесенные по стѣнамъ мягкими софами, въ центрѣ имѣли водометы, выбрасывающіе воду въ различныхъ видахъ. Когда вступалъ сюда ханъ никто не имѣлъ права беспокоить его. По рассказамъ старухи, онъ здѣсь въ полулежачемъ положеніи вель бесѣду съ родственницами, наложницами и любовался своими дѣтьми и нерѣдко засыпалъ на нѣсколько минутъ. Тутъ же онъ отдавалъ приказаніе, относительно выдачи замужъ дочерей, достигшихъ совершеннолѣтія, а младшихъ для обученія и подготовленія къ жизни. Послѣ этого, ханъ выступалъ въ парадныя комнаты, гдѣ выслушивалъ доклады своего писаря, утверждалъ выданные предметниками фирманы или подписывалъ привилегіи тѣмъ, кто подвель ему коня, подалъ напитокъ на дорогѣ или уго-

стиль вкуснымъ завтракомъ; отчуждалъ вакуфы въ пользу мечетей, колодцевъ, фонтановъ, дорогъ и т. п. Выдаваемые на все это ярлыки начинались такимъ образомъ: „Побѣдоносный, храбрый NN ханъ слово мое...“).

Торжественна была та минута, когда въ эти комнаты вступалъ турецкій посланникъ съ какими-либо письмами отъ султана: въ это время въ нее допускались всѣ члены дивана, которыхъ считалось 21 человекъ и многія другія почтеннѣйшія лица ханства. Посоль, преклонивъ колѣно, предварительно цѣловалъ ханскую полу и затѣмъ громогласно произносилъ, что свѣтлѣйшій султанъ, намѣстникъ пророка и властитель ключей Мекк-скаго и Мединскаго храма, приказалъ поклониться его ханскому величеству и вручить настоящее письмо. Выслушавъ это, ханъ и всѣ присутствующіе подымались на ноги. Принимая изъ рукъ посланника грамоту, ханъ прикладывалъ ее къ губамъ и лбу и затѣмъ читалъ во всеуслышаніе. Всѣ члены дивана въ знакъ безпрекословнаго повиновенія тому, что ею требовалось, также обязаны были поцѣловать священную грамоту и затѣмъ уже выразить свое мнѣніе относительно времени и способа выполненія. Чаще всего подобныя посланія заключали требованіе начать войну или выслать войска свои на помощь къ султанскимъ, которыя имѣютъ сгруппироваться въ указанной мѣстности къ такому-то времени. Послѣдняго рода требованіе всегда почти приводило хана въ хорошее настроеніе духа, но при первомъ онъ впадалъ въ задумчивость изъ боязни, чтобы на случай неудачи не лишиться престола. Вотъ вѣроятно это и было поводомъ того, что люди эти никогда не выступали въ походъ съ малымъ числомъ войска, а всегда почти подымали за собою чуть-ли не третью сего народонаселенія.

Говоря о приѣмахъ ханами турецкихъ посланниковъ, мы должны сказать и о таковыхъ, которые пріѣзжали съ фирманомъ или гати шерифомъ о низложеніяхъ ихъ. Подобныя фирманы доставлялись въ диванъ не нароч-

---

*) Образцы этихъ ярлыковъ любознательные могутъ найти во 2-мъ томѣ Зап. Одесск. Общ. Исторіи и древностей.

ными посланниками, а обыкновенно евпаторійскимъ пашою и всегда производили отчаянныя сцены и въ особенности, если приказывалось экъсъ-хану не оставаться на жительство въ Балаклавѣ, обыкновенной ссылкѣ хановъ, а слѣдовать въ Стамбуль. При этомъ во дворцѣ на женской половинѣ начиналось отчаянное рыданіе старухъ, наложницъ и дѣтей, сознавшихъ вѣчную разлуку съ покровителемъ своимъ, который лишается возможности перевозить ихъ всѣхъ съ собою и по неволѣ передаетъ на попеченіе наиболѣе преданному изъ друзей своихъ. Отъѣзжающаго хана, если только онъ лишенъ былъ престола, по желанію турецкихъ визирей обыкновенно провожали всѣ мурзы и беи, духовенство и представители всѣхъ сословій. Чѣмъ больше собиралось народа и сочувственно выражалось сожалѣніе объ отъѣздѣ его, тѣмъ больше ханъ ласкался надеждою возвратиться на мѣсто свое, но если ничего подобнаго не случалось, всѣ понимали, что звѣзда его счастья потухла на всегда.

Всѣ посланники отъ мусульманскихъ царей, извѣстные путешественники и царевичи, посѣщавшіе Бахчисарай, всегда почти принимались въ ханскомъ дворцѣ, гдѣ для помѣщенія ихъ выстроено было нѣсколько комнатъ съ отдѣльными выходами и окнами, обращенными на городъ. Гости эти содержались изъ царской кухни, разъѣзжали на царскихъ лошадяхъ и почти всякій вечеръ удостоивались бесѣды съ ханомъ, если онъ былъ расположенъ къ этому. Исключеніемъ были христіанскіе и въ особенности Россійскіе посланники, которыхъ не любили придворные за постоянное оспариваніе правъ своихъ и желаніе высвободить отечество свое изъ нахальной алчности ихъ. Притомъ русскій образъ жизни и свинина, употребляемая ими въ пищу, возмущала придворныхъ служителей, вслѣдствіе чего и ханы смотрѣли на нихъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ и не однажды заключали въ темницы по ложнымъ клеветамъ приближенныхъ, которымъ не удавалось обмануть ихъ или выговорить чего-либо въ пользу личныхъ интересовъ.

Крымскіе ханы, какъ извѣстно, по всѣмъ почти городамъ и лучшимъ мѣстностямъ полуострова, за исключе-

ніемъ южнаго берега, имѣли свои дворцы или увеселительныя дачи, куда переѣзжали въ лѣтнее время для отдохновенія или просто для разнообразія. Въ это время ихъ сопровождали только самыя необходимыя лица и ловчіе, съ которыми властитель иногда выѣзжалъ на охоту съ стаею борзыхъ собакъ и соколами. Ханъ никогда лично не предавался этой забавѣ, но очень любилъ смотрѣть какъ выполняли ее другіе. Самъ онъ только разъ въ году охотился на Чуфуть-кальской возвышенности на оленей, которыхъ нарочно загоняли сюда изъ лѣсовъ или ловили маленькими и содержали здѣсь для этой цѣли.

Кромѣ этого, достояніемъ царствующихъ гиреевъ были слѣдующія деревни: Тузлавъ, Урманъ-хази, Шуля, Алма, Кача и другія, которыя они посѣщали не иначе, какъ проѣздомъ на короткое время. Но обратимся опять къ домашней ихъ жизни со времени вступленія на престолъ: мы имѣли уже случай замѣтить при объясненіи турецкаго господства въ Крыму, что вновь назначаемый ханъ прибывалъ изъ Стамбула въ Евпаторію, гдѣ встрѣчаемъ былъ всѣми мурзами и беями, представителями духовенства и всѣми вообще административными и судебными чиновниками, которые, изъ желанія угодить ему, приготовляли дворецъ и все необходимое на содержание его со свитой на собственный счетъ до той поры, пока наступали новые налоги. Въ подобныхъ случаяхъ почти всегда случалось такъ, что въ царской казнѣ не оставалось ни копѣйки денегъ и министры прибѣгали къ сбору налоговъ за будущее время, такъ на примѣръ съ Бахчисарайскихъ христіанъ въ пользу старшей дочери хана, которой пока не было; со всѣхъ иностранцевъ и сборщиковъ податей и т. п. Заботливые придворные, чтобы расположить и этого хана въ пользу свою, старались ввести въ гаремъ его такихъ женщинъ, которыя могли при надобности содѣйствовать имъ. Но вообще ханы не имѣли привычки измѣнять ни прежнихъ порядковъ, ни представителей власти, ни служителей. Въ этомъ отношеніи они не выражали ни малѣйшей прихоти, пока имъ было хорошо или пока не замѣчали, что между придворными поселялась ненависть, вражда и т. п.

При окончательномъ вступленіи на престоль, ханы, ознакомившись съ политикою въ отношеніи сосѣдственныхъ державъ, старались прежде всего извѣстить объ этомъ Россію и запорожцевъ, получить богатые дары отъ первой, а послѣднихъ съ цѣлью хранить мирныя отношенія, такъ какъ люди эти были самые опасные для Крыма внезапнымъ нашествіемъ съ моря. Затѣмъ жизнь хановъ принимала ту форму теченія, о которой мы говорили.

При Бахчисарайскомъ дворцѣ постоянно содержался на счетъ сборовъ съ цыганъ, небольшой оркестъ музыкантовъ, состоящій изъ 12 человекъ, который очень часто игрывалъ различнаго рода отечественныя и турецкія пѣсни; приглашались искусные пѣсенники, акробаты, всякаго рода комедіанты, баядерки, фокусники и т. п. Всѣ эти люди повидимому на-столько умѣли занимать хана и придворную публику, что баронъ Тоттъ, бывшій французскимъ посланникомъ при Керимъ-гирей, увѣряетъ, что постоянно развлекался разнообразными сценами, которыя доставляли ему большое удовольствіе.

И дѣйствительно, судя по рассказамъ встрѣченныхъ мною стариковъ, вечернее время при ханъ-сараѣ было самое приятное для татаръ. Какъ только муэзинъ, придворной мечети возвѣщаль время наступленія первой вечерней молитвы, при дворѣ начиналась чрезвычайная дѣятеленость. Ханъ выступалъ изъ покоевъ своихъ и, опираясь на посохъ, въ провожденіи ближайшихъ лицъ, отправлялся въ мечеть. Въ этотъ моментъ отворялись главные дворцовые ворота для публики, желавшей видѣть владыку своего, послушать музыку и т. п. и начиналось повсемѣстное освѣщеніе длинными складочными фонарями изъ бѣлой бумажной матеріи, которая навошивалась и разрисовывалась цвѣтами и различнаго рода фантастическими фигурами. Лишь только гирей выходилъ изъ молитвеннаго дома, музыканты игрывали ему маршь *), а всѣ присутствовавшіе на дворѣ, приложивъ правую руку ко лбу, кланялись ему до пояса. Такимъ

---

*) Маршь этотъ до настоящаго времени играется при слѣдованіи татарской свадьбы.

образомъ поздоровавшись со всѣми, ханъ, по прежнему сопровождаемый родственниками и первостепенными вельможами, возвращался въ столовую, гдѣ ожидалъ его ужинъ, выставленный посрединѣ комнаты на громадномъ металлическомъ подносѣ. Гирей первый садился за столъ и, сложивъ руки, произносилъ краткую предъобѣденную молитву и затѣмъ приглашалъ гостей. За этимъ столомъ ханы очень любили вести религіозные разговоры и всегда почти приглашали муфтія или одного изъ разумнѣйшихъ духовныхъ лицъ для руководства подобнымъ разговоромъ. При этомъ аякъ-капы или лакеи стояли за спинами ужинавшихъ съ большими восковыми свѣчами въ рукахъ и освѣщали комнату. Обѣды или ужины эти продолжались около двухъ часовъ и состояли въ обыкновенныхъ случаяхъ изъ 12 блюдъ, но въ торжественныхъ изъ 40. Послѣ ужина слѣдовали: молитвы, провозглашенія тысячелѣтія и умовеніе рукъ и рта и затѣмъ гирей съ гостями выходилъ на одинъ изъ балкончиковъ или садился у окна и слѣдилъ за происходившими играми на главномъ дворѣ. Для полнѣйшаго кейфа, всѣмъ подавались вызолоченные кальяны. Въ это время ханъ становился веселѣе и позволялъ себѣ легкія шутки. Если же разговоръ относился къ имени султана, то всѣ обязаны были предварительно пожелать тысячелѣтіе и затѣмъ уже разсуждать о дѣйствіяхъ и добродѣтеляхъ этого падишаха. Нерѣдко случалось, что въ комнату хана приглашались пѣвцы (которые пѣли подъ крышки), или старики, помнившіе дѣла минувшихъ дней. Развлеченія и забавы эти продолжались обыкновенно до второй вечерней молитвы, послѣ которой всѣ расходились и затворялись дворцовые ворота. Тогда ханъ отправлялся или въ собственную свою спальню или въ гаремъ.

Сборъ гостей во дворцѣ не принять былъ только разъ въ недѣлю и именно подъ пятницу. Этотъ вечеръ гирей исключительно посвящали наложницамъ и вообще семейнымъ дѣламъ. По пятницамъ же они любили ѣздить верхомъ по городу и до мечети, находящейся въ Азизѣ. При этомъ торжественномъ шествіи казначей металъ мелкія деньги дѣтямъ и нищимъ. О гаремной жизни хановъ мы добыли немного свѣдѣній. Намъ извѣстно только

то, что всѣ почти царствовавшіе ханы были люди не молодыхъ лѣтъ, но не смотря на это чрезвычайно сластолюбивые и надкіе до женщинъ; что въ гаремы ихъ безпрестанно прибывали молодыя красивѣйшія грузинки и черкешенки, которыя вскорости смѣнялись лучшими; что ханы предпочитали ночевать въ гаремѣ и вообще отдалялись отъ такихъ наложницъ, которыя исполнили свой долгъ т. е. родили дѣтей. Преданіе говоритъ, что очень часто гаремъ начинался такими дѣвцами, которыя не достигли еще 13 лѣтняго возраста и положительно не знали ни слова по татарски. Изъ этого можно заключать, что гирей не особенно интересовались умственными достоинствами женщинъ, а прямо искали удовлетворенія страстей и смотрѣли на нихъ какъ на животныхъ.

Въ нравственномъ отношеніи большинство изъ крымскихъ хановъ представляли деспотовъ грубыхъ, а при озлобленіи безпощадныхъ. Въ особенности же они немилосердно обращались съ плѣнными, которыхъ приказывали клеймить тамгою или знакомъ, присвоеннымъ для этой надобности лошадямъ. Отсутствие милосердія со стороны ихъ не менѣе выразалось образомъ набѣговъ ихъ на Россію и варварскими поступками съ больными, стариками и грудными дѣтьми, которыхъ ради удалства превращали въ мишень для стрѣльбы. Такую же безпощадность они выражали въ отношеніи и своихъ подданныхъ, провинившихся въ клеветѣ на нихъ, поношеніи или ослушаніи; что касается обиды и лишенія имущества грека и вообще иновѣрца, это казалось самую обыкновенною вещью, свойственною ханскому величію.

Въ религіозномъ отношеніи гирей представляли образецъ исполненія предписанныхъ кораномъ постановленій, а нѣкоторые ѣздили даже въ Мекку и Медину и присоединяли къ имени своему титулъ хаджія. Всѣ они выполняли уразу; своеручно приносили въ жертву барана и пятикратно въ сутки молились въ придворной или домашней мечети. Есть даже преданіе, что они, слѣдуя заповѣдямъ пророка, уплачивали духовернству Питыръ, лично заработанными деньгами, для чего выдѣлывали

на свободѣ ухочистку, гребешокъ или другую какую-либо вещь, которую послали въ даръ самому богатому и щедрому мурзѣ или купцу, который, понимая значеніе этого подарка, взамѣнъ посылалъ владыкѣ своему довольно крупную сумму денегъ, поступавшую отъ него цѣликомъ въ пользу духовенства.

Относительно обхожденія хановъ съ подданными, мы узнали, что они оказывали большое вниманіе ѣ первостатейнымъ семействамъ беевъ, значеніе которыхъ было очень важно въ царствѣ и старались родниться съ ними. Къ духовенству они чувствовали непритворную симпатію и обращались съ нимъ ласково и почтительно, но на всѣхъ прочихъ смотрѣли горделиво и надменно, потому что эти послѣдніе болѣе расположены были къ мурзамъ и беймъ, на земляхъ которыхъ обитали. Всего болѣе ханы ненавидѣли обитателей Ахмечета, которыхъ искони называли достойными висѣлицы. Прочіе горожане, состоящіе въ ихъ прямой зависимости, также у хановъ пользовались особенными названіями. Такъ напр. орскіе или перекопскіе татары извѣстны были подъ общимъ именемъ полубашмашниковъ, карасубазарцы—волокитъ, а бахчисарайцы—щеголей.

Изъ всѣхъ Крымскихъ хановъ только одинъ Гази-гирей занимался поэзіею и науками; всѣ-же прочіе довольствовались чтеніемъ и толкованіями Корана или историческими записями о царствующихъ предметникахъ своихъ изъ Чингисъ-хановаго поколѣнія. Такихъ придворныхъ исторіографовъ въ продолженіе ихъ царствованія явилось только три и именно: Раммалъ-ходжа, Магометъ-риза и неизвѣстный авторъ исторіи Крымскихъ хановъ.

При болѣзни гиреевъ, если только придворный врачъ (мѣсто котораго обыкновенно занимали Армяне) не могъ оказать пособія и не помогали отчитыванія муллъ, по приказанію визирей или верховныхъ чиновниковъ, вызывались посредствомъ глашатаевъ искусные медики и если одному изъ шарлатановъ удавалось поставить на ноги повелителя, онъ дѣлался знаменитостію въ странѣ.

Ханы, предъ смертію, не имѣли обыкновенія дѣлать духовныхъ завѣщаній, потому что не имѣли собствен-

ности. Все нажитое даже ими, послѣ смерти или сверженія, составляло достояніе послѣдующаго хана. На этомъ основаніи дѣти его отправлялись въ Турцію и тамъ кормились и воспитывались на счетъ казны впродѣ до назначенія своего на службу, а наложницы, если только не выходили замужъ, должны были пріискать новыхъ покровителей.

Относительно того, сколько ханы тратили ежегодно на содержаніе себя, мы знаемъ по росписямъ, что на кухню ихъ отпускалось около 5 т. руб., на сладости издерживалось 720 руб., а на содержаніе лошадей съ сбруею 1822 руб. Итого около 7½ тысячъ руб. сер. Ничтожная въ наше время сумма эта, тогда была очень значительна и притомъ надо имѣть въ виду, что деньги эти издерживались только на приобрѣтеніе такихъ предметовъ, которые не могли быть доставляемы изъ собственныхъ имѣній хана.

Вотъ каковыми были тѣ ханы, которымъ не разъ приходилось осаждать и грабить нашу Москву и безнаказанно возвращаться съ громаднымъ числомъ молодыхъ плѣнниковъ и плѣнницъ, которые, по крѣпости физическихъ силъ и красотъ, продавались чрезвычайно дорого на рынкахъ Феодосіи и которые, Богъ вѣсть почему и за что, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій властвовали надъ нами, тогда какъ мы могли бы раздавить ихъ цѣликомъ въ гнѣздѣ ихъ, еслибы двинули $\frac{1}{10}$ часть нашего народонаселенія безъ всякаго оружія. Нынѣ всѣ эти жестокосердечные гирей и ихъ военачальники и грабители почіютъ вѣчнымъ сномъ на землѣ тѣхъ, которые нѣкогда трепетали предъ ними и которые вмѣсто мести и вражды заботятся въ настоящее время о благосостояніи ихъ поколѣнія.

Разскавъ все, что мы могли узнать о жизни Крымскихъ хановъ изъ разсказовъ современнымъ имъ людямъ и существующихъ преданій, намъ предстоитъ познакомиться читателя со всѣми сословіями, существовавшими во времена самостоятельнаго господства татаръ въ Крыму.

С о с л о в і я .

По историческимъ даннымъ мы заключаемъ, что въ Крымскомъ ханствѣ, какъ вообще и у другихъ восточныхъ народовъ, существовали привилегированныя сословія и касты, которые очень дорожили своимъ происхожденіемъ. Первостатейнымъ родомъ считались какъ уже сказано гирей или имѣвшіе право на ханскій престоль. Затѣмъ слѣдовали 5 фамилій мурзь или беевъ, которые считали себя также происходившими отъ царскаго рода. Они пользовались въ народѣ громкою извѣстностію и всегда воздерживали хановъ отъ злоупотребленія властью. По ихъ настоянію очень часто султаны свергали хановъ; случалось и такъ, что они самопроизвольно собирали войско и изгоняли властителей своихъ изъ страны. Изъ пяти фамилій этихъ, первостепенною считалась Ширинская. Члены ея въ государственномъ диванѣ занимали первое мѣсто, женились на дочеряхъ гиреевъ, имѣли собственное знамя и горою стояли за народныя права. Значеніе ихъ такъ было велико, что они сами назначали въ своихъ кадылыкахъ судей. Имъ принадлежало много деревень на пространствѣ отъ Карасубазара до Керчи. Честь предводительствованія войсками всегда почти принадлежала Ширинъ-бею, какъ члену самой вѣрной и испытанной фамиліи.

Послѣ Ширинскихъ слѣдоваль родъ Мансуровыхъ, также имѣвшихъ право просить въ замужество ханскихъ дочерей. Владѣнія ихъ находились въ евпаторійскомъ уѣздѣ. Въ какомъ отношеніи они находились къ гиреямъ, это видно изъ нижеслѣдующаго преданія, случайно переданнаго мнѣ.

„При Алимъ-гирей-ханѣ три брата Мансурскихъ: Сулейманъ, Ахметъ и Али, подобно предкамъ своимъ, находились въ чрезвычайно дружественныхъ отношеніяхъ съ повелителемъ татаръ. Изъ нихъ Сулейманъ, какъ старшій и разумнѣйшій, былъ настолько любимъ этимъ ханомъ, что никогда почти не разлучался съ нимъ. Въ одно время Сулейманъ сообщилъ гирею, что онъ соби-

рается жениться на дочери Каралезкаго-бея. Алимъ-гирей одобрилъ его желаніе, но ему изъ дружбы захотѣлось непременно увидѣть особу, избранную гордымъ беемъ. Естественно, что желаніе это было удовлетворено, но увы, несчастный ханъ, увидѣвши невѣсту, до того плѣнился красотой молодой дѣвицы, что вознамѣрился, во чтобы ни стало, завладѣть ею. Слѣдя за всѣми движеніями Сулеймана, ханъ узналъ однажды, что братья Мансуровы выѣхали на охоту и что молодая жена остается одна. Алимъ-гирей рѣшился похитить ее насильно чрезъ преданныхъ слугъ, въ предположеніи, что мужъ никогда не подумаетъ обвинять его въ такомъ поступкѣ. Приказаніе было выполнено буквально и въ тотъ-же вечеръ жена Сулеймана очутилась въ ханскомъ гаремѣ. Между тѣмъ одинъ изъ друзей Мансурова, провѣдавъ объ этомъ, въ тотъ же извѣстилъ Сулеймана о случившемся. Услышавъ не бывалую дерзость, Мансуровы поклялись отмстить безстыдному хану, который не умѣлъ цѣнить ни ихъ, ни дѣдовскихъ услугъ, ни родственныхъ отношеній съ нимъ и прочими членами ханской семьи. Передумавъ, чѣмъ-бы сильнѣе наказать хана, они рѣшились собрать шайку лучшихъ джигитовъ и переселиться въ лѣса съ цѣлю громить царство его до тѣхъ поръ, пока народъ въ остервенѣніи не лишитъ престола безнравственнаго гирея. И дѣйствительно, нѣсколько времени спустя Алимъ-гирею съ различныхъ мѣстностей заявляли о внезапныхъ набѣгахъ Мансурскихъ на его дворцы и имѣнія и истребленіе всѣхъ тѣхъ, которые выражали къ нему расположенность. Встревоженный этимъ, ханъ неоднократно высылалъ противъ нихъ вооруженныхъ людей, обѣщая громадные деньги тому, кто доставитъ головы разбойниковъ, но, къ несчастію страны, всѣ экспедиціи оканчивались безъ малѣйшаго успѣха. Только разъ, въ отчаянной схваткѣ, Сулейманъ замѣтилъ, что не въ состояніи будетъ спасти раненаго брата своего Ахмета изъ рукъ преслѣдующаго его врага, но чтобы не опозорить фамиліи своей казней, рѣшился своеручно обезглавить его и скрыться съ головою. Какъ скоро дворянство и народъ узнали настоящія причины мести Мансуровыхъ, они явились къ Ширин-

скому-бею и требовали немедленнаго изгнанія изъ Крыма Алимъ-гирея; Ширинскій отказался отъ этого. Между тѣмъ Мансуровы, которымъ надоѣдало уже вести разбойническую жизнь, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе воспламеняли народонаселеніе страны и кончили тѣмъ, что громадныя толпы народа ежедневно начали собираться у ханъ-сарая и громогласно требовать удаленія гирея изъ страны, а въ заключеніе ворвались во дворецъ въ главѣ нѣкоторыхъ мурзъ и самымъ грубымъ образомъ заставили владыку своего убраться изъ столицы. Узнавъ объ этомъ, Мансуровы сейчасъ-же прекратили набѣги, но не зная мыслей замѣстившаго Алимъ-гирея, они положились выждать удобнаго случая, чтобы занять первобытное положеніе свое въ царствѣ. Въ это время имъ удалось плѣнить единственнаго сына Казнедара, котораго и заставили написать къ отцу своему, что они съ той минуты, какъ изгнанъ съ престола ненавистный Алимъ-гирей, не имѣютъ никакой надобности продолжать свое ремесло и желаютъ возвратиться къ первобытнымъ занятіямъ, если только Керимъ-гирей не будетъ смотрѣть на нихъ враждебнымъ глазомъ. Получивши это письмо, Казнедаръ успѣлъ склонить хана даровать имъ грамоту, которою возвращалъ прежнія должности въ диванѣ и обѣщалъ полную дружбу и любовь. Послѣ этого Сулейманъ съ плѣнникомъ своимъ прибылъ въ Бахчисарай и, возвращая Казнедару сына, потребовалъ отъ него клятвы на коранѣ въ томъ, что присланный фирманъ не есть ловушка и что онъ ручается за жизнь его съ братомъ. „Въ противномъ случаѣ, сказалъ онъ, да будетъ тебѣ извѣстно, что я оставилъ въ горахъ ожесточеннаго больше себя Алія, который суждетъ отмстить за меня“. Казнедаръ поклялся и такимъ образомъ успокоилъ Сулеймана. Черезъ нѣсколько дней возвратились съ горъ Али съ товарищами и Мансуровы болѣе прежняго сдѣлались любимцами хана и народа. Но вотъ въ одно время Керимъ-гирей шутя напомнилъ Алію про его ловкость въ горахъ. Молодой человекъ такъ оскорбился этимъ, что въ ту же ночь скрылся изъ дому и снова предался мести. Извѣстіе это ужасно поразило Сулеймана, который задумалъ лично наказать

брата и, не сказавъ объ умыслѣ своемъ никому, вооружился саблею и выѣхалъ изъ города. Какъ только разнесся въ столицѣ слухъ объ исчезновеніи и старшаго Мансурова, рѣшено было, что и онъ снова задумалъ разбойничать. Ожесточенный этимъ Керимъ-гирей приказалъ созвать диванъ—и головы неблагодарныхъ братьевъ поступили въ оцѣнку, но въ этотъ грустный для фамилии ихъ моментъ, отворились двери верховнаго судилища и показался предъ судьями Сулейманъ съ мѣшкомъ на плечахъ. Послѣ минутнаго молчанія онъ приблизился къ Керимъ-гирею и сказалъ:

„Пресвѣтлѣйшій ханъ! ты звѣзда, улаждающая наше зрѣніе, ты намѣстникъ пророка и справедливѣйшій изъ всѣхъ султановъ. Умоляю тебя, обрати на меня лучи твоихъ глазъ и выслушай преданнаго и вѣрнѣйшаго изъ слугъ: ты помиловалъ насъ въ то время, когда мы обиженные, по смыслу закона, достойны были висѣлицы. Клянусь тебѣ я глубоко оцѣнилъ эту милость и съ тѣхъ поръ сердце мое ищетъ случая на дѣлѣ доказать благодарность. Вотъ тебѣ доказательство того, что я говорю правду“. „Сказавъ это, онъ вытрусилъ изъ мѣшка отрубленную имъ своеручно голову единственнаго брата своего Алія“.

Послѣ Мансуровыхъ слѣдовали Аргинскіе мурзы, владѣнія которыхъ были между Ахмечетомъ и Карасубазаромъ. Затѣмъ Баринскіе и Сиджеутскіе, имѣвшіе свои помѣстья въ окрестностяхъ Карасубазара *).

Значеніе этихъ пяти родовъ въ ханствѣ имѣло видъ вассальства и напоминало европейскій феодализмъ. Представители и старѣйшіе каждой изъ этихъ фамилій имѣли свои резиденціи, свой диванъ, калгу, нуредина и придворный штатъ. Изъ татарской исторіи крымскаго ханства видно, что въ 1531 году Эски-Крымъ, теперешній старый Крымъ, былъ столицею Бахтіара представителя рода Ширинскихъ. Изъ дѣлъ-же нашего посольскаго приказа видно, что эти 5 родовъ, получившіе или присвоившіе титулъ беевъ, равнодѣльный удѣльнымъ князь-

---

*) Не меньшими правами пользовались фамиліи Яшлавскихъ и Данрскихъ, но они не происходили отъ крови владѣтельныхъ князей.

ямъ, лично сносились съ русскими царями и посылали къ нимъ пословъ съ грамотами, что одинъ изъ нихъ сжегъ Тулу и что они, даже послѣ заключенія ханами мира, имѣли право дѣйствовать самостоятельно. Громадное значеніе этихъ родовъ было очень хорошо извѣстно Россіи (статейн. списокъ 1681 года) и поэтому русское правительство считало долгомъ задабривать ихъ подарками и деньгами, въ противномъ случаѣ набѣги не прекращались. Это высказалось даже официально въ 1681 году, когда Муратъ-гирей изъявилъ согласіе на договоръ съ Россіею, но бей объявили, что они оставляютъ за собою личное право набѣговъ на русскія земли. Несравненно лучшимъ доказательствомъ ихъ могущества служить нижеслѣдующій историческій фактъ: извѣстно, что Селимъ-гирей-ханъ пользовался такою безпредѣльною дружбою турецкаго султана, что послѣдній не иначе именовалъ его, какъ отцомъ и покровительствовалъ ему какъ не одному изъ владыкъ Крымскаго престола, но не смотря на все это онъ четыре раза былъ свергаемъ съ престола этими бейми. Что эти пять родовыхъ фамилій твердо держали въ рукахъ своихъ кормило правленія въ ханствѣ, сознавали даже такіе гирей какъ Менгли-ханъ, не скрывшій этого въ ярлыкѣ своемъ къ Литовскому князю Сигизмунду 1506 г. а прочіе поневолѣ включали ихъ въ списокъ государственныхъ властителей, которымъ также подобала дань отъ державъ, выплачивающихъ ее въ пользу хана. По словамъ Пейсонеля, бывшаго французскимъ посланникомъ въ Крыму, ни одинъ гирей не предпринималъ войны безъ предварительнаго совѣщанія съ представителями пяти родовъ, въ главѣ которыхъ стоялъ ширинскій бей; въ противномъ случаѣ продовольствіе войска лежало единственно на немъ и никто изъ земледѣльцевъ не считалъ себя обязаннымъ жертвовать чѣмъ-либо.

Не смотря на то, что ханъ считался внѣ всякой зависимости отъ беевъ, и былъ самовластный неограниченный никакими законами государь, но онъ не смѣлъ мечтать объ измѣненіи народныхъ правъ. Такъ напри- мѣръ Саадетъ-гирей, вздумавшій сокрушить могуществомъ значеніе Ширинскихъ, заставилъ послѣдняго под-

нять на ноги все дворянство, и собравъ 20 т. войска, осадить его въ дворцѣ и заставить не только сойти съ престола, но и удалиться въ Турцію. Той-же участи подвергнулся и пріемникъ его Мегметъ-гирей ханъ. Очень натурально, что такое могущество не могло нравиться ханамъ и они употребляли всевозможныя усилія восторжествовать надъ бейми на томъ основаніи, что происходятъ отъ священнаго рода и составляютъ алмазы изъ нитки Чингизъ-ханскаго поколѣнія; между тѣмъ послѣдніе искони находились въ тѣсной, дружественной и родственной между собою связи и постоянно слѣдили за каждымъ дѣйствіемъ властителя, что и заставляло хана прикрывать враждебность свою дружественными обращеніями и исполнять все ихъ требованія. Такимъ образомъ каждая изъ указанныхъ фамилій имѣла свое княжество съ самостоятельнымъ управленіемъ, въ которое не вмѣшивалась ханская власть, все имѣли свои гербы, печати и девизы. На обязанности-же хановъ лежалъ долгъ подтверждать ихъ первобытныя права, признавать порядокъ старшинства въ родѣ и устанавливать размѣръ податей съ лицъ, обитавшихъ на ихъ земляхъ. Изъ одного изъ ярлыковъ, данныхъ Менгли-гирей-ханомъ Яшлавскому бейю, размѣръ податей и налоговъ, предоставленныхъ взыскивать послѣднему, быть слѣдующаго рода: за торгъ, производимый жидами (караимами) и армянами на Чуфутъ-кале взыскивать: со скотины за убой ея и продажу мяса по 6 акча, съ овцы, козы и лошади 1 акча; за произведенія земли по 4 акчи съ арбы; а тѣхъ же, которые будутъ возить туда вино по 15 акчи съ повозки. Съ татарскихъ жителей, если будутъ доставлять въ Феодосію на наемныхъ фурахъ лѣсъ и купеческіе товары взыскивать по 2 акчи, а если армяне, жиды и прочіе подданные, будутъ возить вино изъ своихъ виноградниковъ, то 15 акчи съ бочки; если-же кто бы не было купить вино на Алмѣ или Вельбекѣ и повезетъ его въ другія мѣстности, то обязанъ платить 100 акчи. За выдавленное на Алмѣ и Качѣ вино взыскивать съ бочки по 15 акчи. За бракосочетаніе жиды и амнина взыскивать по одному батману-меда (18 фунтовъ или 6 оеъ). Отъ остальныхъ обитателей на ихъ земляхъ полагалось: работа на

цѣлинѣ сначала дѣлалась или безъ платы или на счетъ владѣльца; затѣмъ же давалась десятина подъ именемъ упура; изъ овецъ же за пастбище по 5% со 100. Кромѣ этого всѣ обязаны были идти на талаку, если въ этомъ нуждался землевладѣлецъ.

При участіи въ войнѣ беи обязаны были вносить въ общую кассу тысячу піастровъ и позаботиться о томъ, чтобы выставленное съ округи его войско было снабжено необходимымъ провіантомъ по крайней мѣрѣ на три мѣсяца.

Естественно, что при такой власти и независимости, крымскіе беи, обладая лучшими землями на полуостровѣ, пользовались самымъ выгоднымъ положеніемъ въ странѣ. И въ самомъ дѣлѣ, господствуя безгранично надъ всѣмъ, они изъяты были отъ всякаго рода отвѣтственности и заботились только о собственномъ благосостояніи.

Вотъ почему гаремы ихъ переполнены были самыми красивѣйшими женщинами, за которыхъ они платили громадныя деньги, а гостинницы или оды для пріѣзжихъ одна предъ другою тщеславились убранствомъ и роскошными угощеніями. Въ этихъ-то одахъ они по цѣлымъ днямъ просиживали на мягкихъ софахъ съ длинными чубуками, убранными дорогими мундштуками, мечтали объ удовольствіяхъ жизни, составляли заговоры, учили молодыхъ джигитовъ военнымъ хитростямъ и вспоминали преданія давно минувшихъ дней. Здѣсь они восторгались остроуміемъ шута, сказочника, поэта-импровизатора и отсюда любовались борьбою и скачками любителей этого рода забавъ.

Изслѣдуя происхожденіе этихъ счастливыхъ 5 родовъ, извѣстныхъ у туземцевъ подъ названіемъ *бейг-оджалъ*, я неоднократно велъ долгія бесѣды по этому поводу съ поколѣніями ихъ, но къ сожалѣнію не могъ составить себѣ яснаго понятія о ихъ родословной. По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, и они происходятъ отъ потомковъ Чингиза, а другіе отвергаютъ происхожденіе свое отъ монгольцевъ; но какъ одни такъ и другіе вѣрятъ, что родоначальники ихъ были главами отдѣльныхъ племенъ и являлись въ Крымъ по собственной волѣ, гдѣ сами присваивали себѣ земли еще въ то время, когда здѣсь

не было хановъ. Это послѣднее преданіе отчасти согласуется съ документомъ, сохранившимся въ архивѣ Таврическаго дворянскаго собранія о происхожденіи Яшлавскихъ мурзъ, предокъ которыхъ Абакъ-бей Кудалакъ пришелъ съ береговъ Волги съ подвластнымъ ему племенемъ и завоевалъ неприступную крѣпость Чуфутъ-кале съ окрестными землями и, избравъ для жительства своего прекрасную долину, не вдали отъ теперешняго Бахчисарая, назвалъ ее Яшлавомъ *). Эта родословная подтверждена ярлыкомъ Богатырь-гирей-хана, царствовавшего съ 1637 года. Что касается того, откуда и какимъ образомъ они присвоили себѣ титулъ беевъ—это разъясняется, слѣдующимъ образомъ: первые, прославившіеся храбростію, получали прозвище *батыровъ* или *бековъ* (т. е. сильныхъ), а впослѣдствіи переименовались, на манеръ турецкій, въ беевъ. Земли или владѣнія ихъ, именуясь бейликами, составляли достояніе старшаго въ фамилии, но еслибъ мужеское колѣно прекратилось, то они доставались хану или калгъ-султану.

Изъ числа беевъ очень не многіе выселились изъ Крыма, послѣ присоединенія этой страны къ Россіи. Всѣ же остальные получили дворянское достоинство, единственно потому, что сами не заискивали утвержденія въ княжескихъ титулахъ. Большинство изъ беевъ до крымской войны, владѣли въ Крыму многими тысячами десятинъ земли и продолжали кейфировать; но военное время сильно разстроило ихъ положеніе, а послѣдняя эмиграція татаръ заставила большинство изъ нихъ продать опустѣвшія деревни за безцѣнокъ. Я засталъ еще нѣсколькихъ изъ этихъ беевъ, которые продолжали, по примѣру отцовъ своихъ, жить на чрезвычайно широкую ногу и содержать даровыя гостинницы для проезжающихъ, огромные табуны лошадей и стада овецъ. Всего изумительнѣе мнѣ казались ихъ пиршества, на которыхъ они, изъ хвастовства, закуривали трубки свои сторублевыми кредитными билетами.

Послѣ беевъ слѣдовали мурзы. Мурзы были двухъ родовъ: первородные или старшіе и происходившіе отъ

*) Деревня эта существуетъ до настоящаго времени подъ этимъ именемъ.

младшихъ сыновей беевъ. Эти сначала именовались эмиръ-заде, а потомъ переименовывались въ мирзаде и мурза. Къ послѣднему разряду относились тѣ, которые надѣлялись землями за заслуги, въ крѣпостное право безъ налоговъ и обязанные имѣть подтвержденіе на право владѣнія отъ всякаго хана.

Къ болѣе извѣстнымъ изъ этого рода фамиліямъ принадлежали: Кипчакскіе, Орскіе, Албамскіе, Бурулчинскіе, Битакскіе, Субангазинскіе, Едейоглу и другіе. Всѣ они при переходѣ въ русское подданство, были владѣтелями довольно обширныхъ поселеній и также признаны потомственными дворянами.

О числѣ мурзь, мы не имѣемъ настоящихъ свѣдѣній, за исключеніемъ указанія барона Игельстрома, который насчитывалъ ихъ въ предпослѣдніе дни самостоятельности Крымскаго хана до 202 человекъ. Всѣ они не подлежали суду кадія, а казиаскера, вели себѣ гордо, честно и вообще прилично привилегированному сословію. Всякаго рода занятія, за исключеніемъ военной службы, считали презрѣнными. Принимая даже у себя хановъ, они ни въ какомъ случаѣ не пользовались правомъ садиться предъ ними.

Послѣ мурзь слѣдовалъ чиновный міръ, извѣстный подъ именемъ *аги*. Агами татаре и теперь называютъ всѣхъ служащихъ правительству. Послѣ этихъ слѣдовали Челеби или поколѣнія заслуженныхъ, или чѣмъ-либо прославившихся муфтіевъ. Эти, какъ замѣчено было раньше, имѣли свое знамя во время войны.

Послѣ нихъ слѣдовали улемы или духовенство, въ главѣ муфтія, который считался непремѣннымъ членомъ дивана, и пользовался громаднымъ значеніемъ въ религіозномъ отношеніи. Это былъ непогрѣшимый толкователь Корана, законовъ и главнѣйшій эмиръ всего духовенства въ царствѣ. Муфтіи избирались не ханомъ, а мурзами и духовенствомъ всего ханства, изъ 4-хъ извѣстныхъ фамилій челебиевъ, пользующихся земельною собственностію, на которой находились монастыри и гробницы святыхъ, служившихъ для народа предметомъ поклоненія. Главный изъ этихъ монастырей находился въ окрестности Бахчисарая, извѣстный подъ име-

немъ Азиза, гдѣ хранились волосы изъ бороды пророка Магомета. Каждая изъ этихъ семей имѣла свой монастырь, настоятелемъ котораго былъ старшій изъ ихъ рода. Проще, правомъ выбора на должность муфтія пользовались только потомки какихъ-то прославленныхъ шейховъ.

Муфтіи пользовались такимъ-же уваженіемъ, какъ наши первостепенные іерархи, и дѣйствовали, не подчиняясь никому. Всѣхъ же, которые задумали-бы дѣйствовать противъ правилъ религіи, они признавали ослушниками пророка и признавали *бейнамазами* или недостойными именоваться мусульманами. Последнее изрѣченіе до настоящаго времени имѣетъ грозное значеніе, и равняется отлученію отъ церкви. На обязанности муфтія и его подчиненныхъ лежалъ долгъ, правильно руководить народъ въ исполненіи религіозныхъ обязанностей, открывать повсюду школы для воспитанія дѣтей, врачевать чтеніемъ больныхъ, и не пользуясь никакимъ опредѣленнымъ содержаніемъ, жить добровольными вознагражденіями за исполненіе заповѣдныхъ обрядовъ. По другимъ источникамъ, муфтіи и кадьяскеры получали отъ хановъ по 4 тысячи левовъ или около 2400 руб., а улемы, служившіе при ханскихъ мечетяхъ, около 4 тысячъ руб., кромѣ денегъ, отпускаемыхъ на покупку воска, деревяннаго масла, мыла, полотна, цыновокъ и т. п. Теке или монастыри съ безъусыми дервишами и шейхомъ содержались въ Бахчисараѣ доходами изъ 2 постоянныхъ дворовъ, составлявшихъ вакуфъ со времени Менгли-гирея до нашихъ дней. Муфтіи первоначально обитали въ резиденціи хана, но впоследствии, когда Θεодосія начала достигать цвѣтущаго положенія, онъ переведенъ былъ туда въ качествѣ представителя верховнаго судилища.

О современномъ значеніи муфтія нами сказано будетъ въ отдѣлѣ религіозныхъ догматовъ.

За муфтіемъ слѣдовалъ кадискеръ или кадья-аскеръ. Личность эта была помощникомъ перваго, военнымъ судьей и, какъ сказано выше, мировымъ судьей между дворянскими семействами. Онъ всегда слѣдовалъ на войну и нынѣ выбирается татарами, но какъ членъ духовнаго правленія.

За кады-аскеромъ слѣдовали кадїи или уѣздные судьи, которые рѣшали безотлагательно всякаго рода дѣла, за исключеніемъ важныхъ уголовныхъ. Кадїи назначались: въ 5 кадылыкахъ пятью первостатейными родами; въ 28 кадылыкахъ избирались эмиръ-заде и землевладѣльцами, въ 4 кадылыкахъ Крыма и 3 ногайскихъ округахъ назначалъ ханъ по своему усмотрѣнію, а въ остальные 4 присылалъ турецкій султанъ.

Мудерисы. Въ татарское господство въ Крыму было очень много мектебовъ (народныхъ училищъ) и медресе (семинарій), совершенно независимыхъ въ управленіи своемъ, и не знавшихъ никого, кромѣ одного наставника, который въ медресе назывался мудерисомъ. Мудерисъ не пользовался отъ правительства содержаніемъ, а жилъ на счетъ вакуфовъ и добровольныхъ приношеній въ пользу заведенія. За дѣйствіями его никто не имѣлъ надобности слѣдить, на томъ основаніи, что обученіе грамотѣ считалось величайшимъ благодѣяніемъ въ глазахъ пророка. Свѣтскихъ школъ не существовало въ царствѣ. Впрочемъ ханы и всѣ представители дворянства очень охотно содѣйствовали матеріальнымъ образомъ для прусиѣянія этихъ заведеній и чрезвычайно уважали мудерисовъ по достоинству и степени умственного развитія ихъ.

Шейхи. Со времени сосѣдства турокъ въ Бахчисарафъ, Ахмечетъ и Карасубазарфъ устроились на счетъ добродѣтельныхъ людей дома или приюты для юродивыхъ, косноязычныхъ, и другаго рода калѣкъ, которымъ не оставалось дѣлать ничего, какъ искать утѣшенія въ религіи, представлять изъ себя мучениковъ и держать себя въ родѣ отшельниковъ. Зданіе, гдѣ сосредоточивались эти несчастные, пользовалось названіемъ *текие* или монастыря и всегда находилось при мечети, а обитатели его именовались софу. Завѣдывающій ими назывался шейхомъ. Раньше мы говорили, что шейхи считали себя потомками богоугодныхъ людей вслѣдствіе чего, какъ бы въ подражаніе предкамъ, старались занимать такія мѣста, которыя признавались душеспасительными. Объ обязанностяхъ софу мы сказали уже. Шейхами назывались и начальники дервишей, которыхъ было

нѣсколько въ Карасубазарѣ и при Бахчисарайскомъ азизѣ *).

Купечество принадлежало къ сословію, пользующемуся всеобщимъ уваженіемъ. Не заискивая ничего другаго, кромѣ расположенія всѣхъ и каждаго для удовлетворенія своихъ цѣлей, они ласковыми приѣмами и услугами располагали къ себѣ всѣ сословія. Нѣкоторые изъ нихъ исключительно занимались мануфактурными издѣліями, другіе бакалейною продажею, закупали и перепродавали невольниковъ, а послѣдніе занимались сарафствомъ или банкирскимъ дѣломъ. По народнымъ преданіямъ, купечество Крыма очень часто обиралось ханами подъ видомъ заимообразныхъ одолженій.

Ремесленники. Эти люди считались хотя и ниже купцовъ, но самыми положительными въ отношеніи насущнаго пропитанія. Ремесленники дѣлились на множество кастъ и имѣли своихъ головъ или нахибовъ, которые за малѣйшую недобросовѣстность лишали ихъ права на продолженіе ремесла своего. Къ нимъ относились, во-первыхъ мастера желѣзныхъ дѣлъ, затѣмъ слѣдовали деревянныхъ, шерстяныхъ, гончарныхъ, рушнерныхъ или дубильныхъ и кожаныхъ издѣлій. Производство въ мастера сопровождалось всегда почти торжествомъ, которое называлось Реванъ **) и на которое считали обязательнымъ явиться всѣ мастерские царства. Изъ всѣхъ этихъ кастъ самою почтенною была извѣстная подъ названіемъ терлекчиевъ или башмачниковъ, имѣвшихъ свои строгія правила, свою исторію и свою кофейню, куда въ извѣстное время собирались трактовать о дѣлахъ и выслушивать мнѣнія и замѣчанія своего нахиба. О происхожденіи терлекчиевъ разсказывается слѣдующаго рода повѣсть: какой-то мусульманинъ, достигнувъ искусства готовить особеннаго рода обувь, открылъ въ Бахчисараѣ лавку и до того угодилъ горожанамъ, что въ непродолжительномъ времени у него явилось 25 подмастерьевъ и столько же отдѣльных лавочекъ. Впослѣдствіи, когда ему пришлось умирать, онъ всѣ свои лавочки

*) Секта дервишей основана послѣ смерти Омара Менъ-Элавома съ цѣлью угождать Аллаху.

***) Послѣдній разъ бахчисарайцы праздновали реванъ 1827 г.

подарить въ пользу города, но съ тѣмъ, чтобы число ихъ никогда болѣе не увеличивалось и чтобы наемщикъ, кромѣ платы въ пользу города, выдавалъ бы прекращавшему занятіе 50 руб. подъ названіемъ *маастаръ-тарасы* или денегъ за ключи. Кромѣ этого, чтобы никто не смѣлъ самопроизвольно быть въ Крыму панучіемъ и не признавать его за мастера до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ на это благословеніе или право отъ бахчисарайской касты и ихъ нахиба съ духовникомъ.

Поселяне составляли низшее сословіе и извѣстны были подъ общимъ названіемъ *кара-кемиковъ* или черно-костныхъ. Это были люди, обязанные трудиться для содержанія своихъ семействъ, для земледѣльцевъ и воевать по прихоти хана и беевъ. Едва только эти несчастные поселялись на свободныя земли, и заводились хозяйствомъ, какъ вдругъ попадали подъ гнетъ какого-нибудь счастливица, успѣвшаго оказать хану какую-либо услугу, съ правами употребленія ихъ на работу или взысканія десятины. Для этихъ бѣдняковъ всего тягостнѣе было имѣть дѣло съ откупщиками ханскихъ доходовъ, которые положительно обирали ихъ до послѣдней подушки, если только не могли расплатиться деньгами. Впрочемъ положеніе ихъ сравнительно съ иновѣрными поселянами было болѣе утѣшительное на томъ основаніи, что рѣже приходилось имѣть дѣло съ откупщиками. Послѣдніе, какъ изъятые отъ воинскихъ услугъ, обязаны были уплачивать въ пользу правительства 8% со всѣхъ продуктовъ земли, по 2 пары съ овцы и по 6 съ рогатаго скота; за поле, обрабатываемое въ одинъ день, 340 акчи, а съ сада, имѣвшаго въ длину и ширину 200 шаговъ по 500 аспрь. Изъ простыхъ татаръ немногіе удостоивались награжденія участками земли, но что въ дѣйствительности бывали такіе случаи, это свидѣтельствуется ярлыками Девлетъ и Махмутъ-гирей хановъ.

На поселянъ вообще смотрѣли какъ на грубое и неразвитое животное, которому суждено своими трудами обогащать привилегированное сословіе и охранять ихъ господство.

Несравненно худшимъ мнѣніемъ пользовались ногайцы, обитавшіе на степныхъ пространствахъ по ту сторону

Перекопа. Всякая орда ихъ имѣла своего начальника, благороднаго происхожденія. Эти начальники въ свою очередь подчинялись баши-мурзамъ, а надъ послѣдними господствовали сераскиръ. Повинуясь послѣднимъ раблѣпно, они кромѣ этого обязаны были вознаграждать каждаго изъ нихъ по установленію и именно: ближайшему начальнику давалось ежедневно 2 вола 10 овецъ, 10 окъ проса, столько же катыка и око масла. Старшій получалъ вдвое; что касается серасира, то мы уже объявили, сколько выплачивалось ему.

Рабы считались въ крымскомъ ханствѣ положительно за животныхъ, но съ тою разницею, что содержались гораздо хуже послѣднихъ. Ихъ обыкновенно держали на цѣпяхъ до тѣхъ поръ, пока они начинали привыкать къ своему положенію; кормили остатками и всякаго рода гнилью и помоями; клеймили и различнымъ образомъ потѣшались надъ несчастными. Всѣ сословія имѣли право держать ихъ; но христіанамъ не дозволялось покупать исповѣдывавшихъ мусульманскую вѣру. Рабы доставлялись въ Крымъ съ Кавказа и Россіи въ такомъ иногда числѣ, что на долю хана, за торговлю ими въ его землѣ, приходилось получать до 100 мальчиковъ и до 200 дѣвочекъ. Дороже другихъ продавались малороссійскія дѣвушки. На нихъ иногда цѣна назначалась золотомъ по вѣсу тѣла.

По народнымъ преданіямъ, сословіе рабовъ въ Крыму чрезвычайно было многочисленно, но какъ скоро русскіе вступили на Керченскій полуостровъ, то часть ихъ бѣжала къ соотечественникамъ своимъ, а остальные отправлены были въ Египетъ и Константинополь для продажи. Съ этого времени сословіе это перестало существовать и только иногда доставлялись съ кавказскихъ береговъ черкешенки, которыя переходили въ гаремы мурзь и беевъ.

Пролетаріатъ, лоферизмъ, проституція и т. п. безнравственныя явленія при ханскомъ владычествѣ не были почти извѣстны.

Покончивъ съ сословіями, мы должны сказать о первыхъ походахъ нашихъ на Крымъ, который въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ казался недоступнымъ.

Въ 1559 году царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный первый рѣшился послать войска свои на крымскихъ татаръ, подъ предводительствомъ околичнаго Данила Ѳедоровича Адашева; но что они сдѣлали, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Извѣстно только, что они не проникли во внутренность Крыма. Затѣмъ, ходилъ на Крымъ съ 200 т. войска князь Василій Голицынъ, но возвратился безъ всякаго успѣха. Годъ спустя онъ снова совершилъ экспедицію, но опять безъ удачи. Въ 1736 году 31 мая, въ царствованіе императрицы Анны Іоановны, фельдмаршалъ графъ Минихъ первый имѣлъ счастье разгромить 100 т. армію Капланъ-гирея и разрушить Перекопское укрѣпленіе.

Вотъ подробныя свѣдѣнія о походѣ этомъ, сообщенныя Русскою стариною въ 1875 году: послѣ польскихъ смуть Россія, вслѣдствія вторженія татаръ, не получивши удовлетворительнаго отвѣта отъ Порты, объявила ей войну, вызвавъ посланника своего Неплюева въ Питеръ. Въ августѣ генераль графъ Вейсбахъ, стоявшій въ украинѣ, получилъ приказаніе собрать 20 т. корпусъ и быть въ готовности выступить въ походъ, но онъ въ скорости умеръ. На мѣсто его назначенъ графъ Дугласъ, но и этотъ вслѣдствіе болѣзни былъ замѣненъ генераломъ Леонтьевымъ, выступившимъ въ походъ только въ октябрѣ. Леонтьевъ не дошелъ до Крыма, потому что потерялъ отъ болѣзни 9 т. людей и столько же лошадей. Крымскій ханъ въ это время съ лучшими войсками воевалъ противъ Персіи въ Дагестанской области. На мѣсто Леонтьева назначенъ былъ фельдмаршалъ графъ Минихъ, который 28 апрѣля расположился лагеремъ на пушечный выстрѣлъ отъ Перекопа и, построивъ батареи, началъ бомбардированіе города, но предварительно онъ написалъ хану, что пришелъ предать весь Крымъ разоренію за набѣги татаръ и что если онъ и подданные его не отдадутъ себя подъ покровительство императрицы и не впустятъ его добровольно въ Перекопъ, то онъ не пощадитъ ихъ. Ханъ отвѣчалъ, что

набѣги дѣлаютъ ногайцы, а Перекопъ занятъ турками. Послѣ чего наша армія поставлена была подѣ ружье и взявъ дирекцію направо пошла 6 колонами и за часъ до разсвѣта произвела фальшивую атаку для привлеченія непріятели въ эту сторону.

Предпріятіе удалось, но въ башняхъ остались янычары, изъ которыхъ 160 были побиты. Дѣло это стоило намъ убитыми 1 офицера и 30 рядовыхъ, ранено 1 офицеръ и 176 солдатъ. Турецкій гарнизонъ замѣненъ 800 гренадеръ. Въ крѣпости найдено до 60 пушекъ, изъ коихъ нѣкоторыя были съ русскимъ гербомъ. 5 іюня графъ Минихъ направился въ центръ Крыма татары окружили его армію, которая шла постоянно въ каре. Направляясь дальше къ Кезлеву, мы чуть не пострадали при переходѣ чрезъ Балчикъ, но успѣли во время сомкнуться. 16 іюня подошелъ къ Евпаторіи отрядъ нашъ въ главѣ Магнуса бирона, нашедшаго ворота открытыми, гореть горящимъ, а турокъ бѣжавшими. Въ городѣ оказалось только 40 армянскихъ купцовъ 21 пушка, 10 т. барановъ и много провизіи. Отсюда гр. Минихъ, обманувъ татаръ видомъ, что намѣренъ возвратится въ Перекопъ, пошелъ нетронутымъ путемъ по надѣ берегомъ къ Бахчисараю. 27-го армія подошла внезапно къ столицѣ ханства, гдѣ на высотахъ стоялъ непріатель. Татары и турки бросились было на встрѣчу но обращены въ бѣгство, за ними послѣдовали горожане. Дворецъ и часть города обращены въ пепель. 3 іюля Магнусъ направился въ Симферополь, покинутый также жителями и преданный пламени. По дорогѣ къ Кафѣ армія наша начала болѣть и слабнуть, а татары сожгли всѣ села по нашему пути. 28 іюля, оставляя Перекопъ, мы взорвали всѣ укрѣпленія его.

Подвигъ этотъ привелъ въ такой трепетъ народонаселеніе Крыма, что всѣ, имѣвшіе возможность, сѣли на суда и направились въ Константинополь. Извѣстіе объ этомъ произвело не меньшій страхъ въ Стамбулѣ и если вѣрить донесенію бывшаго въ то время нашимъ резидентомъ Вишнякова, то изъ Константинополя разбѣжались бы всѣ представители власти, еслибъ хотя одинъ русскій корабль могъ явиться въ проливъ.

Въ 1737 г. російскія войска подъ командою графа Ласси снова проникли въ Крымъ черезъ Арабатскую стрѣлку.

Армія эта состояла изъ 13 драгунскихъ и 20 пѣхотныхъ полковъ и отъ 10 до 12 т. казаковъ и калмыковъ, что въ итогѣ составляло до 40 т. человекъ. Подъ начальствомъ фельдмаршала командовали отрядами генералы: Левашевъ, Дугласъ, Шпигель, Брильи, Еропкинь, Бриньи, Девизъ и другіе. Въ распоряженіи его также находился флотъ подъ командою контръ-адмирала Бредали, который, держась на Азовскомъ морѣ, долженъ былъ содѣйствовать предпріятіямъ арміи. 26 іюля войска наши расположились лагеремъ около залива Азовскаго моря. Намѣриваясь вступить въ Крымъ безъ потери времени, Ласси приказалъ построить мостъ, а 30 числа вся армія, перешедъ черезъ него, продолжала идти берегомъ моря. 2 іюля къ арміи его присоединилось 4 т. калмыковъ, приведенныхъ Галдакъ Нармою, сыномъ Калмыцкаго хана.

Тѣмъ временемемъ крымскій ханъ со всѣмъ своимъ войскомъ, поджидая русскихъ позади Перекопскихъ крѣпленій, не подозрѣвалъ, что Ласси идетъ черезъ Арабатъ, но лишь только освѣдомился объ этомъ, успѣшилъ на встрѣчу съ полнымъ убѣжденіемъ загородить ему дорогу посредствомъ устроенныхъ предъ этою косою линій. Какъ только узнали объ этомъ начальники нашихъ дивизій, то явились къ Ласси и совѣтывали ему возвратиться. Фельдмаршалъ, выслушавъ ихъ сейчасъ же приказалъ изготовить всѣмъ имъ паспорта на возвращеніе въ Россію, а самъ поручилъ офицерамъ изслѣдовать глубину Сиваша и устроить плотъ изъ порожнихъ бочекъ, бревень и рогатокъ, черезъ который ввелъ свою армію въ Крымъ и заставилъ хана отступить въ горы. 23 іюля армія наша расположилась въ 26 верстахъ отъ Карасубазара. Ханъ съ сильнымъ отрядомъ напалъ на насъ, но былъ отбитъ; вслѣдъ затѣмъ наша легкая конница сдѣлала набѣздъ и привела до 600 плѣнныхъ съ значительною добычею.

25 числа наши атаковали турецкій лагерь подъ Карасубазаромъ, въ которомъ было до 15 т. человекъ. Турки бѣжали со всѣми карасубазарскими татарами. Городъ

этотъ состоящій изъ 6 т. домовъ, 38 мечетей и 2 церквей былъ ограбень и сожжень.

26 по выходѣ изъ города показался непріятель съ большою частью силъ своихъ. Ласси направилъ противъ нихъ графа Дугласа. Завязалась жаркая схватка, но казаки три раза были отбиты. Въ концѣ концовъ татары отступили. Калмыки, ударившіе на непріятеля съ тыла и съ фланга, скрылись изъ вида, но два дня спустя возвратились съ 1500 плѣнныхъ татаръ, въ числѣ которыхъ было и нѣсколько мурзъ.

Послѣ этого армія наша, уничтоживъ до 1000 селеній и захвативъ огромное множество воловъ и барановъ, выступила изъ Крыма *). При выступленіи непріятель продолжалъ тревожить насъ, захватывалъ деньщиковъ и отбиле нѣсколько сотенъ обозныхъ людей **).

Въ 1738 г. Ласси вновь подошелъ къ Перекопу, который съ изнова былъ укрѣпленъ и гдѣ Менгли-гирей ханъ поджидалъ его съ значительными силами. Ласси, не смотря на то, что вель не болѣе 35 т. человекъ, имѣлъ въ виду сдѣлать нападеніе на татаръ и приступомъ взять крѣпость, но случайно нашедъ одинъ изъ рукавовъ Сиваша пересошимъ и не защищеннымъ, предпочелъ перейти чрезъ него и, внезапно очутившись въ тылу хана, взявъ сначала крѣпостцу Чиваскула, а 10 іюля Перекопскія укрѣпленія съ гарнизономъ подъ командою наши, ста пушками, большею частью мѣдными и значительнымъ количествомъ боевыхъ снарядовъ. Затѣмъ русскіе двинулись внутрь полуострова. Фельдмаршалъ имѣлъ повелѣніе овладѣть Кафою какъ сильнѣйшимъ въ то время укрѣпленіемъ въ Крыму и пристанищемъ турецкаго флота; но разбивъ встрѣтившій его 20 т. корпусъ татаръ и найдя страну пустою, онъ вслѣдствіе недостатка провизіи долженъ былъ возвратиться въ Украину.

Въ 1771 году во время войны съ турціею былъ посланъ въ Крымъ съ 38 т. корпусомъ генераль-аншефъ князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ. Селимъ-гирей-

*) Ясно, что число селеній крайне преувеличено.

***) См. Русскую Старину за 1875 годъ.

ханъ выступилъ противъ него съ 75 т. конницею, но, разбитый на голову, уступилъ ему Перекопскую крѣпость. Долгоруковъ не ограничился этимъ; вошедъ внутрь Крыма онъ вторично разбивъ 95 т. татаръ при Кафѣ не болѣе какъ въ продолженіи мѣсяца овладѣлъ всѣмъ полуостровомъ и, заставивъ бѣжать Селимъ-гирея-хана въ Константинополь, возвелъ на престолъ Сагинъгирея *).

Съ этого времени Россія начала считать себя повелительницею татаръ; но ей необходимо было свергнуть съ Крыма опекунство Оттоманской имперіи. Между тѣмъ Турція, которой не хотѣлось допустить господства гяуровъ въ единовѣрной странѣ, употребляла всевозможныя средства прервать съ нами мирныя сношенія; но послѣ четырехъ кампаній, сдѣланныхъ нами противъ нея, согласилась на заключеніе Кучукъ-Кайнарджинскаго мира (въ 1774 г.), по которому Россія удержала за собою Кинбургъ, Азовъ, Керчь съ Еникалемъ и владычество надъ Малою Кабардою; заставила признать независимыми отъ Турціи Крымскихъ и Кубанскихъ татаръ съ тѣмъ, что они поступаютъ подъ покровительство императрицы Екатерины. Кромѣ этого Россія представлена была свобода мореплаванія на Черномъ и всѣхъ Турецкихъ моряхъ и право вліянія въ Константинополѣ на дѣла господарей Молдавскаго и Валахскаго и проч. Съ этой минуты Россія, занявшая войсками своими Кинбургъ, Керчь и Еникале, служившими такъ сказать Геркуле-

*) За этотъ подвигъ императрица Екатерина II наградила его Георгіемъ 1-й степени и табакеркою съ портретомъ своимъ, а 19-ти лѣтній сынъ его, участвовавшій при осадѣ Кафы, произведенъ въ полковники и кромѣ этого въ день торжества Кучукъ-кайнарджинскаго мира ему присланы были алмазные знаки ордена Св. Андрея, алмазная шага титулъ „Крымскаго“ и 60 т. руб. на покупку экипажа.

Чтобы утвердить въ потомствѣ память о доблестяхъ князя Василя Михайловича Долгорукаго внука В. В. Долгорукова съ соизволенія Императора Николая поставилъ ему въ Симферополѣ противъ Александро-Невскаго собора прекрасный изъ мѣстнаго порфира памятникъ вышиною 8 сажень въ видѣ колоны, въ который вдѣланъ гербъ и бюстретъ покойнаго героя. Полагаютъ, что онъ поставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была Долгорукова—Брымскаго ставка по возвращеніи на отдыхъ въ Ахмечеть. Закладка памятника произведена была весьма торжественно 5 Апрѣля 1842 г. Тавричес. губери. вѣдомости за этотъ годъ въ числѣ прочаго пишутъ: „причемъ настоятелемъ собора протоіереемъ Родіоновымъ произнесена прекрасная рѣчь, напоминавшая объ обязанности каждаго живущаго въ Крыму произнести молитву о душѣ того, кто доставилъ намъ счастье жить и благоденствовать въ этой благодатной странѣ.“

Рисунокъ этого монумента приложенъ нами при топографическомъ отдѣлѣ.

совыми столбами противъ татаръ и турокъ, ясно предвидѣла, что Крымское ханство, существовавшее безъ регулярныхъ войскъ и достаточныхъ средствъ къ самостоятельной жизни, при страсти къ набѣгамъ и хищничеству, не могло существовать долго и распадѣніе его должно было начаться съ неповиновенія къ законнымъ властямъ и верховному представителю. Такіе симптомы, какъ сказано было раньше, вскорѣ обнаружались при Шагинъ-гирей-ханѣ, не имѣвшемъ ни малѣйшаго повода опасаться внутреннихъ враговъ, между тѣмъ татары, привыкшіе исповѣдывать законы единовѣрной Турціи и владыки Меккского храма, подстрекаемые фанатиками, дворянствомъ и духовенствомъ, предвидѣвшими упадокъ власти своей и могущество хана подъ защитою русскихъ войскъ, старались возбудить анархію и восторжествовать надъ роковымъ предопредѣленіемъ. Преждевременной гибели ханства споспѣшествовалъ и самъ султанъ, заявлявшій татарамъ чрезъ эмисаровъ, что въ передачѣ Русскимъ такихъ важныхъ городовъ какъ Керчь и Кинбургъ виновенъ Шагинъ-гирей. Это-то и подняло ихъ на ноги. Первый, рѣшившійся вооружиться противъ хана, былъ комендантъ Кафы; затѣмъ образовались шайки въ окрестностяхъ Бахчисарая и Балаклавы. Россія не могла допустить такого самоуправства и, естественно, разбила и разогнала, бунтовщиковъ но это сильнѣе раздражило анархистовъ и заставило хана убѣдиться, что почва, на которой онъ стоитъ, рано или поздно рухнетъ подъ нимъ и присмирѣвшіе коноводы при первомъ случаѣ растерзаютъ его. И нѣтъ сомнѣнія, что благоразумный ханъ, обсудивъ и минувшій бытъ хановъ въ Крыму, зависѣвшихъ отъ прихоти какого нибудь мурзы, бея или турецкаго вильможи, рѣшился высказаться предъ нами о присоединеніи Крыма къ Россіи. Замѣчательно однако, что и представители дворянскаго сословія изъ нежеланія подчиняться ему, но не имѣя силъ восторжествовать, громко заявляли о томъ-же. Такимъ образомъ правительство и дворянство изъ ненависти другъ къ другу предлагало намъ господство надъ собою. Одинъ только средній классъ не раздѣлялъ этихъ стремленій, но ясно сознавалъ свое безсиліе въ виду разложенія государст-

веннаго организма. Между тѣмъ безпорядки дошли до того, что князь Потемкинъ приказалъ де-Бальмену войти внутрь Крыма, а Клоачеву вступить въ Ахтиарскую (севастопольскую) бухту. Въ это время, какъ сказано было выше, Шагинъ-гирей находился въ горахъ, а переговоры относительно присоединенія Крыма велись помимо его съ представителями дворянскихъ родовъ.

По рассказамъ встрѣченныхъ мною стариковъ, которымъ памятно было это время, Крымъ находился въ прекрасномъ положеніи. Нѣсколько урожайныхъ лѣтъ предоставили народонаселенію значительные запасы хлѣбнаго зерна, а теплыя зимы и застой торговыхъ сношеній съ Турціею размножили скотоводство до такой степени, что каждый бѣднякъ считалъ себя обезпеченнымъ на всю жизнь. При такомъ завидномъ состояніи не доставало только первобытнаго спокойствія, которое нарушалось безпрестанными переселеніями въ Турцію, спорами, ссорами и т. п. неурядицами. Всѣ до единаго предчувствовали, что нынѣ введенныя русскія войска навсегда останутся въ Крыму и будутъ господствовать надъ ними. Мысль быть въ зависимости отъ гяура и подчиняться его законамъ страшно дѣйствовала на духовенство и фанатиковъ и вотъ почему они, предварительно присоединенія Тавриды, начали выселяться въ единовѣрную Турцію.

Ознакомивъ читатели нашего съ Монголами, мы въ настоящее время считаемъ нужнымъ сказать возможно подробнѣе о трехъ историческихъ личностяхъ этого народа, болѣе другихъ памятныхъ Россіи своими нашествіями. Для соблюденія же точности сдѣлаемъ выписки о нихъ изъ VI т. полнаго собр. русскихъ лѣтописей или логографій издан. археограф. комиссіею въ 1853 году. Начнемъ съ Мамаи.

„Приде ордынскій князь Мамай съ единомысленики своими, со всѣми князи ордынскими и со всею силою татарскою и половецскою, а еще къ тому рати поименовалъ Бесермены и Армены, Фразы, Черкасы, Ясы, Буртасы, также съ Мамаемъ вкупу въ единой мысли и въ единой думѣ и Литовскій князь Ягайло Олгородовичъ и со всею Литовскою и Литьскою, съ ними же въ одиначествѣ и князь Олегъ Ивановичъ Рязанскій: со всѣми силами совѣташея поиде на в. к. Дмитрія Ивановича.... Бысть же мѣсяца Августа придоша отъ орды вѣсти ко христоролюбивому в.

к. Дмитрію Ивановичю, оже въздвижется на христіанство измаилтеискій родъ... слышавъ невеселую ту годину великій князь иде къ съборной церкви, пролія слезы и рече: „Господи... крѣпкій въ бранехъ... помилуй ны... посрами враги наша и оружіе ихъ притупи!“ Затѣмъ пославъ за братомъ своимъ Владиміромъ и по всѣхъ князей Русьскихъ и по великія воеводы и рече имъ: поидемъ противу сего окааннаго и безбожнаго и нечестиваго и темнаго сыроядца Мамаю за правовѣрную вѣру и за святія церкви и за вся христіаны“. И совкупися со всѣми князи Русьскими и со всею силою и поиде противу ихъ вборзѣ съ Москвы и прииде на Коломну и собравъ вой своихъ 100 тысящъ и сто опроче князей Русьскихъ и воеводъ мѣстныхъ: отъ начала міру такова не бывала сила Русьныхъ князей и воеводъ мѣстныхъ, якоже при семъ в. к. Дмитріѣ Ивановичѣ. Баше всее силы и всѣхъ ратей числомъ съ полторасти или двѣстѣ тысящъ; еще къ тому приспѣша вотчиннѣ разныхъ издалеца велиціи князи Олгордовичи, князь Андрей Олгордовичъ Полотѣскій со Псковичи и братъ его Дмитрей Брянскій со всею Брянскою силою пріѣхаша поклонитися и послужити в. к. Дмитрею Ивановичю.

Мамай же ста за Дономъ, нача слати къ в. к. Дмитрею Ив. выхода просити какъ было при Зябекѣ цари. а не по своему докончанію.... И поиде съ Коломны... и переѣхаша за рѣку и внидоша въ землю Рязанскую... Затѣмъ придоша къ Дону и повелѣ мосты мостити чрезъ рѣку Донъ и бродовъ пытати... и поидоша за Донъ въ поле чисто въ ординскія земли на усть Непридвы рѣки. И бысть въ шестую годину дни начаша появливатися окаанніи измаилтене въ полѣ чистѣ извлекоша оружія своя обоюдо остра въ рукахъ ихъ. Самъ же в. к. Дмитрій наѣха на поганого царя Тетяка діявола Мамаю... И бысть сѣча велика и брань крѣпка, яко отъ начала міру не бывала сѣча такова и паде трупъ на трупѣ, паде тѣло татарское на тѣлѣ христіанскомъ... Видѣша вѣрніи, яко въ 9 часъ біющеся, ангели помагающе христіаномъ и св. мученикъ полкъ и воина великаго Христова Георгія и славнаго Дмитрія и в. к. Бориса и Глѣба, въ нихъ же бѣ воевода небесныхъ силъ великій Архистратигъ Михаилъ: видѣша поганіи полци двои воеводы, тресолнечныя полкъ и пламенныя ихъ стрѣлы, яже идуть на нихъ; безбожніи же Татарове отъ страха Божія и отъ оружія христіанского падаху и побѣгоша. Видѣвше же христіане, яко Татарове побѣгоша съ Мамаемъ и погониша за ними въ слѣдъ ихъ, біюще и сѣкуще поганыхъ безъ милости... и гониша ихъ до Мечи до рѣки множество избіено бысть... и полониша богатства много и вся имѣнія ихъ и стада вся татарская... Тогда же Мамай... пріѣжа въ землю свою въ малѣ дружинѣ видя себе бита и побѣждена и посрамлена и поругана... и собравъ останочную свою силу еще всхотѣ итти изгономъ на Русь. И еще прииде къ нему вѣсть, что идетъ на него нѣкій царь съ вѣстока именовъ Тактамышъ изъ Синіе орды. Мамай же поиде противу его и срѣтошася на Калехахъ и бысть

имъ бой и царь Тактамышъ побѣди Мамай и прогна его... Мамай же гонимъ сый, бѣгаѣ предъ Тактамышевыми гонители и прибѣже близъ города Кафы и сослася съ Кафинцы по докончанію и по опасу, дабы его пріяли на избавленіе, дондеже избудеть отъ всѣхъ гонящихъ его; и повелѣша ему и прибѣжа Мамай въ Кафу со множествомъ имѣнія, злата и сребра, Кафинцы совѣщашася и сотвориша надъ нимъ облесть и ту отъ нихъ убіенъ убо бысть—такъ конецъ безбожному Мамаю. Самъ же царь Тактамышъ взя орду Мамаеву и царицы его и казну его и улусы всѣ поима и богатство Мамаево раздѣли дружинѣ своей и отпусти послы свои на Русь къ в. к. Дмитрею Ивановичю и ко всѣмъ княземъ русьскимъ, повѣда имъ свой приходѣ, како сѣлъ на царство и побѣдилъ спорника своего и врага Мамай побѣди, а самъ сѣде на царствѣ Волжскомъ. Князи же Русьскые посла его отпустиша съ честію и съ дары, а сами на весну ту за ними послаша въ орду ко царю кождо своихъ ключѣй со многими дары“.

Тохтамышъ ханъ показалъ себя русскимъ на третій годъ царствованія своего въ Орлѣ тѣмъ, что рѣшился напасть на Москву. Что возбудило въ немъ это желаніе довольно трудно сказать, но надо думать, что главнымъ виновникомъ этого нашествія былъ Олегъ Рязанскій князь, домогавшійся особыхъ преимуществъ, такъ какъ и онъ присоединился къ нему на побѣду руси. Въ лѣтописи сказано объ этомъ такимъ образомъ: „въ лѣто 6890. Бысть нѣкое проявленіе на многы нощи являншеся такого знаменіе на небеси: на вѣстоцѣ, предъ ранею зарею, звѣзда нѣкая акы хвостата и акы копейнымъ образомъ овогда же въ вечерней зорѣ являтеся, а овогда въ ранней зорѣ явлешеся, то многожды бываше. Се же знаменіе проявляшеся злое пришествіе Тактамышево на Русьскую землю... А въ то время нѣколи си едва прииде вѣсть велик. кн. Дмитрею Ивановичю възвѣщающе рать татарскую; аще бо и не хотяще Тахтамышъ, дабы кто принеслъ вѣсти на Русьскую землю о его приходѣ, того бо ради вси гости Русьскыя поимани быша и пограблени и удержани, дабы не было вѣсти Руси. Великій же князь слыша таковую вѣсть, оже плетъ на него самъ царь во множествѣ силы своей и нача совкупляти свои полци ратныхъ и выѣха изъ города Москвы, хотя иди противу ратныхъ и начаша думати такову думу в. к. Дмитрей со всѣми князи Русьскими и обрѣтеся разность въ нихъ, не хотяху помогати... а сила татарская прииде мѣсяца августа въ 23. въ понедѣльникъ и придоша не всю полци къ городу и начаша ключице въпрашивати, глаголюще: „есть ли здѣ въ градѣ в. кн. Дмитрей?“ они же съ града съ забралъ глаголаху имъ: „нѣту“. Татарове оне отступниша и поѣхаша около города обзирающе и разсматривающе... На утріе же самъ царь приступи ко граду со всею силою своею, граждане же изрѣвше съ града силу велпку и ужасошася зѣло... егда бо татарове приступаху близъ стѣнъ градскихъ, тогда граждане стерегуще града и супротивящеся имъ, ови стрѣлами стрѣлаху съ заборолъ, ови же камнемъ шибяху

на ня, друзи же тюфяки пушаху на нихъ, а инѣ самострѣлы напинающе пушаху и пороки пушаху, а инѣ великими пушками...

Далѣ въ лѣтописи сказано, что къ татарамъ прибыли два князя Суздальскіе Василій и Семенъ, которые хитрыми и льстивыми рѣчами обманули Москвичей и они отворивъ врата градныя съ княземъ, духовенствомъ, боярами и черными людьми вышли на встрѣчу къ врагамъ. „И въ томъ часѣ Татарове почали сѣчи напрасно, а игуменовъ и поповъ, аще и въ ризахъ со крестѣ и болръ и честныхъ людей; и ту баше видѣти святыя иконы повержены на землю лежаща и кресты честные безъ чести небрегоми и ногами топчеми, ободраны и обоманы... и бысть внутрь града сѣча велика и виѣду сѣча, толпко же сѣчаху, яко и руки и плеща ихъ измолкоша и сила ихъ изнеможе, саблямъ же ихъ острія пригнупицася... вездѣ же крикъ и вопль великъ и страшень бываше... И баше тогда видѣти въ градѣ плачь и рыданіе и вопль много и слезы и крикъ неутѣшный и стонаніе много и печаль горкая и скорбь неутѣшная, бѣда нестерпимая, нужда ужасная и горесть смертная, страхъ и ужасъ и трепеть, и дряхлованіе, срамъ и посмѣхъ отъ поганыхъ христіаномъ. Тако въскорѣ зліи взіша градъ Москву, мѣсяца августа въ 26, въ 7 часѣ дни въ четвергъ и градъ огнемъ запалиша, а товаръ и богатство все разграбиша, а людѣ мечю предаша; и бысть оттолѣ огонь, а отселѣ мечь, ови отъ огня бѣжачи мечемъ помроша, а друзи отъ меча бѣжачи въ огнѣ сгорѣша; и бысть имъ четверообразна пагуба первое отъ меча, 2-е отъ огня, 3-е отъ воды, 4-е въ плѣнь поведени быша. И не единъ градъ взятъ Москва, но и прочіи гради и страны поплѣнены быша отъ поганыхъ. Великій же князь со княгинею своею и съ дѣтми бысть въ Костромѣ...“

О Тамерланѣ, пменуемомъ Темирѣ Аксакомъ наши лѣтописи подѣ 1395 годомъ или 6903 отъ с. м. сохранили слѣдующее: „въ седмое лѣто княженія в. к. Василія Дмитреевича, а въ 13-е по по Московскомъ взятіи, бысть замѣтна велика въ ордѣ; приде нѣкоторый царь Темирѣ Аксакъ, восточныя страны, отъ Спніе орды, отъ Самархинскіе земли, велику брань сотвори, много ятежа воздвиже въ ордѣ и на Руси своимъ приходомъ. О семъ убо Темирѣ Оксацѣ повѣдоша, яко исперва не царь бѣ родомъ, не сынъ царевъ, ни племени царьска, ни князьска, ни боярьска, но тако изъ проста единъ сый отъ худыхъ людей, отъ зацкныхъ Татаръ отъ Самархинскія земли отъ Спніе орды, иже бѣ за желѣзными врата; ремесломъ же кузнецъ бѣ желѣзный, обычаемъ же и дѣломъ немилостивъ, хищникъ и ябедникъ, и грабежникъ; иже бѣ прежде холопъ былъ у нѣкогого государя, его же за злонавіе отвержеса его государь, бивъ отсла его отъ себе, онъ же не имѣ чимъ питатися и пребываше татбою кормеса. Едпначе у ему тогда суцу, младу, во убожествѣ крады и ядеше, онъ же у нѣкогого украде овцу, они же абіе очутивше его, онъ же мняшеса убѣжати, но скоро многими постиженъ бысть, ятъ бысть и удръжанъ крѣпко и баша его нещадно по всему тѣлу и умыслпша

ему дати язву смертнующую, яко да убьютъ и, и пребывша ему ногу и бедру на полы и абие повергоша его мертва не движущеся и не дышуща; мняху бо якоже умре и оставивша его псомъ на свѣденіе. Едва уздравися отъ таковоы язвы, воста, перекова себѣ желѣзомъ ногу свою перебитую, таковою нужею хромаше; того ради прозванъ бысть Темиръ Аксакомъ. Темиръ бо зоветея желѣзо, а Аксакъ хромецъ; тако бо толмачеть Половецкимъ языкомъ, яко таковою виною прозванъ бысть Темиръ Аксакъ, еже протолкуется желѣзный хромецъ, яко отъ вещи и отъ дѣлъ званіе прїимъ, по дѣйству имя себѣ встяже. Таже потомъ, по исцѣленіи отъ ранъ, по великихъ тѣхъ побѣхъ, не лишился бѣ лихого своего обычая перваго, не смирился. ни укротился, но паче на большее совращеся горѣ давнаго и пуще прежняго бысть лють разбойникъ. Потомъ же къ нему приложишася юноши немилостивин, мужіе соровин, вси зліи человекъ, подобници ему, такови же разбойници и хищници; и умножишася велми. И егда бысть числомъ яко сто и нарекоша его надъ собою старѣйшину и разбойникомъ; а егда бысть ихъ числомъ яко и до тысящи, тогда уже княземъ его зваху; а егда ихъ болѣ умножишася паче числомъ многи земли поплѣни, многи грады и царства поимали, тогда же царя его у себе именоваву. Сїи же Темиръ Аксакъ нача многи рати творити и многи брани воздвиже, многи побѣды учини, многимъ полкомъ спротивнымъ одолѣ, многи грады раскопа, многи люди погуби, многи страны и земли повоева, многи области и языки поплѣни, многи княженія и царства покори подъ себе; царя турска крещенія полони, царство за себе взя. А се имена тѣмъ землямъ и царствомъ еже бѣ поплѣнилъ Темиръ Аксакъ: Чагодай, Хосураній, Голустаній, Китай, Снняя Орда, Ширасъ, Истаганъ, Орначъ, Гененъ, Сизъ, Шибренъ, Шамахинъ, Савасъ, Арзунумъ, Тефлизій, Тевризій, Горзустаній, Обезній, Багдаты, Тимиръ Кабы, рекше желѣзная врата и Асирію и Вавлонское царство, идѣже былъ Навходоносоръ царь, иже плѣнилъ Іерусалимъ и Севастію градъ и Арменію, и Дамаскъ великій, со всѣхъ тѣхъ земель дани и оброки дають ему, во всемъ ему повинующися. Онъ же на многи брани хожаше, а они съ нимъ всюду волю его творяще; царя Крещія Турскаго во клѣцѣ желѣзной вазаше съ собою, того ради, да аще бы видѣли многи земли такую его славу и силу безбожнаго врага и гонителя. Прииде ратию пржежде на царя Тахтамыша, и бысть имъ бой на хѣстѣ нарицаемомъ Ораннскомъ на кочевіцѣ царя Тахтамыша; и прочна царя Тахтамыша. Оттолѣ возгордѣся окаянный нача мыслити въ сердци своемъ и на русскую землю и гордый и свирѣпый царь Темиръ Аксакъ тоже помышляше хочеть взяти Русскую землю. И собравъ все вое свое, прииде всю орду и всю землю Турскую, прииде близъ предѣлъ Рязанскія земля, взя градъ Елечь и князи Елечьскаго изыма и многи люди помучи. И се слыша князь великій Василей Дмитревичъ собра вся своя многи, поиде съ Москвы къ Коломнѣ, хотя ити противу ему во срѣтеніе; приидеть ратию ста у Оки рѣки

на березѣ. Темиръ Аксаку же стоящу на единомъ мѣстѣ 15 днѣй, помышляя окаянный, хотѣ итти на всю Русьскую землю, аки второй Батый, разорити христіанство.“ Дальше въ лѣтописи описывается какъ народъ началъ постить и молиться и лишь только принесена бытъ икона пречистая Богородица изъ Володимеря на Москву въ той день Темиръ Аксакъ царь убоися и устрашися, и ужасеся и смятесе и нападе на нь страхъ и трепеть и возвратися воспяты въ свою землю“.

Взаключеніе намъ кажется не лишнимъ представить предъ читателемъ тотъ рядъ монголо-татарскихъ словъ, которыя введены въ Русское нарѣчіе и служатъ доказательствомъ, что наши сношенія съ этимъ народомъ были очень близки. Слова эти до настоящаго времени употребляются не только въ Крыму и между простонародіемъ Россіи, но не вычеркнуты даже изъ лексиконовъ и навѣрно долго еще будутъ напоминать о тяжелыхъ временахъ, пережитыхъ славянами. Слова эти нижеслѣдующія:

отъ татарскаго:

Азартъ	азаръ	— худѣть
Ай!	Ай!	— возгласъ къ мужу. Буквальное значеніе: мѣсяць, луна.
Айва	Эйва	— плодъ (<i>Pyrus Cydonia</i>)
Алмазь	Въ буквальный переводъ: <i>не возметъ</i> . Но татаре этотъ камень обыкновенно называютъ эльмазь.	
Алнй	Аль	— красноватый напр. <i>аль кольмекъ</i> красноватая рубаха, корь.
Аманать	Эманеть	— залогъ
Амбаръ	Амбаръ	— хлѣбная кладовая
Арба	Арба	— повозка
Арбузь	Хариузь	— оwoшь
Арканъ	Арканъ	— веревка съ петлею. Отъ слова: аръ-ханъ т. е. презрѣвшій кровь.
Атаманъ	Атаманъ	— распорядитель пастуховъ. Отъ слова <i>ата</i> отецъ
Арманъ	Арманъ	— гумно
Алтынъ	Алтынъ	— золото
Бабай (шугало)	Бабай	— старецъ, отецъ
Базаръ	Базаръ	— рынокъ, торжище
Бадейка	Бадье	— глиняный, продолговатый сосудъ
Байбагъ	Бай-бахъ	— выглядывающій богачемъ
Бакалея	Бахаль	— торговецъ съѣстныхъ припасовъ.
Бахча	Бакче	— садъ
Балабанъ	Балабанъ	— большой
Бракъ (порчь)	Брахъ	— негодный отъ глагола оставъ, бросъ

Баль	Валь	— медь
Балыкъ (конченная рыба)	Балыкъ	— рыба
Барсъ	Барсъ	— животное
Басма	Басма	— ситецъ съ отпечаткомъ
Батырь	Батырь	— силачъ, крѣпкій
Башка	Башъ	— голова
Бердышъ	Беръ-тышъ	— дай зубъ
Буравъ	Бургу	— отъ глагола бурмехъ: крутить
Буранъ	Буранъ	— вьюга
Вэби	Вэби	— дитя, младенецъ
Впрюкъ	Борю	— волкъ
Бурлакъ	Бурлахъ	— беспокойный
Бурунъ	Бурунъ	— носъ
Ни бельмеза	ничего не знать. Бельмезъ на татарскомъ имѣ- етъ тоже значеніе	
Барсукъ	Бурсукъ	— животное
Бусурманъ	Мусульманъ	— исламистъ
Башмакъ	Башмакъ	— обувь
Бардакъ	Бардакъ	— кувшинъ
Башлыкъ	Башлыкъ	— наголовникъ
Гарачъ	Гарачъ	— палогъ, подать
Вьюкъ (навбючити)	Юкъ	— нагрузка
Вира!	Вира!	— одинъ за однимъ, еще! еще!
Гайдукъ	Гайдукъ	— погонщикъ
Грошъ	Грушъ	— монета
Гайтанъ	Гайтанъ	— шнурокъ
Гайдамакъ	Айдамакъ	— отъ глагола гнать
Девтеръ	Девтеръ	— счетная запись
Джинъ	Джинъ	— злой духъ
Диванъ	Диванъ	— мѣсто сборища
Дудка	Дюдюкъ	— свирѣль
Инжиръ	Инжиръ	— фиговое дерево
Изюмъ	Юзюмъ	— виноградъ
Изъянъ	Изъянъ	— убытокъ
Кабакъ	Хабакъ	— тыква
Казанъ	Казанъ	— котелъ
Казакъ	Казакъ	— отъ слова <i>каза</i> бѣдовый
Казна	Казне	— сокровищница
Колпакъ	Калпакъ	— шапка
Кобка	Кобка	— ведро, которымъ достаютъ во- ду изъ колодца
Карандашъ	Карандашъ	— другъ, товарищъ
Кавунъ (арбузь)	Кавунъ	— дыня
Казаматъ	Хазаматъ	— неволя
Калачъ	Халачъ	— бубликъ
Каль	Халь	— остатокъ
Камышъ	Хамышъ	— тростникъ

Канатъ	Ханатъ	— крылья
Кандалы	Ханъ-далъ	— омоченный въ крови
Капканъ	Капканъ	— западня. Отъ слова хватай кровь
Кошъ (кошевой)	Кошъ (овецъ)	— отъ глагола смѣшивать
Капуста	Хапуста	
Караванъ	Кереванъ	
Карагачъ	Карагачъ	— черное дерево
Карагушъ	Карахушъ	— черная птица
Караулъ	Хараулъ	— отъ словъ: смотри сынъ
Касса	Кисе	— мѣшокъ
Кисеть	Кисе	— мѣшокъ для табаку
Катранъ	Хатравъ	— деготь
Кафтанъ	Кафтанъ	— верхняя одежда
Каштанъ	Кестане	
Кизиль (фрукта)	Кизыль	— красный
Кизиль (топливо)	Кизель	— пометъ
Киль	Киль	— сукновальная глина
Кирпичъ	Кирпичъ	— отъ словъ: ломать и рѣзать
Калганъ	Халганъ	— оставшійся
Кубъ	Кюнь	
Кубышка	Кубу	
Кантаръ	Хантаръ	— десятичные вѣсы
Курдюкъ	Курдюкъ	— хвостъ бараній
Култукъ	Култукъ	— рукавъ, побѣгъ
Куманчикъ	Куманъ	— носатка
Кумачъ	Кумачъ	— красная бумажная матерья
Кумысъ	Кумысъ	— хамаузъ, напитокъ
Курганъ	Курганъ	— воздвигнутый дворъ
Курма (плоды)	Курма	— сушеные
Кушакъ	Хушакъ	— отъ глагола хушамакъ опояваться
Кулачь	Кулачь	— маховой сажень
Курай (бурьянъ)	Курай	— колючая негодная трава, которою кормятъ верблюдовъ и овецъ и отапливаютъ хаты
Касапъ (великорось)	Касапъ	— рѣзникъ
Лафа	Лафа	— наслажденіе, удовольствіе
Лошадь, лашакъ	Алаша *)	— конь
Магарычъ	Магарычъ	— подарокъ за радость
Майданъ	Мейданъ	— просторное мѣсто
Мангалъ	Мангалъ	— угольница для нагрѣванія комнатъ жаромъ
Маякъ	Маяхъ	— знакъ
Мускусъ	Мискъ	— ароматн. жидкость

*) Въ буквальному переводу: возьми и скушай.

Масалы	Масалъ	— сказжа
Нашатырь	Нашатырь	
Нене (мать у малоросовъ)	Ненэ	— мать
Торба	Торба	— сакъ для дачи овса лошади
Мажара	Мажаръ	— большая телѣга
Очагъ	Очагъ	
Очкуръ	Учкуръ	— завязка у штановъ
Орда	Орда	— въ томъ или на томъ мѣстѣ
Атара (овець)	Отъ-ара	— искать травы
Пай	Пай	— часть, доля
Рубаха	Руба	— одежда
Полынь	Пелинъ	— горькая трава
Сабанъ	Сабанъ	— плугъ
Сарай	Сарай	— хороший домъ
Сафьянъ	Сафьянъ	— овечья кожа крашенная
Сабуръ (алоз)	Сабуръ	— терпѣніе
Сундукъ	Сандыкъ	
Сепетъ (улей)	Сепеть	
Тютюнъ (табакъ)	Тютюнъ	— дымъ, но такъ именуется и курительный табакъ
Товаръ	Таваръ	— отъ словъ: тавъ-варъ т. е. есть находка
Тазъ	Тазъ	— мѣдная посуда
Тамга	Тамга	— знакъ, печать
Талака,	Талака	— общее содѣйствіе, саватка
Толокно		
Тикъ (матерья)	Тикъ	— отъ слова твердый или ровно стоящій
Тара	тара: вѣсь посуды, содержащей въ себѣ предметъ	
Толмачъ	Талмачъ	— переводчикъ
Тормазъ	Турмазъ	— отъ глагола не останавливается
Телѣга	Талекэ	
Тулубъ (шуба)	Тулубъ	— цѣликомъ снятая шкура
Тузлукъ	Тузлукъ	— солончакъ
Туманъ	Туманъ	— сырое испареніе
Улусъ	Улусъ	— обитель
Ура!	Урь!	— отъ слова: бей, колоти!
Ураганъ	Ураганъ	— буря
Фонарь	Фенеръ	
Хамутъ	Хамутъ	
Халатъ	Халатъ	— старье
Хавьярь (икра)	Хавьярь	— рыбе сѣмя
Ханъ	Ханъ	— заѣздъ, дворъ
Чекъ	Чекъ	— вѣсь
Чубукъ	Чубукъ	— палка

Чучка	Чочка	— свинья
Чанъ	Чанъ	— колоколь, деревянное корыто
Чуваль	Чуваль	— мѣшокъ
Чапракъ	Чапракъ	— принадлежность сѣдла
Чекмень	Чекмень	— шестая накидка
Чердакъ	Чардакъ	— балконъ
Чугунъ	Чукунъ	
Чуланъ	Чуланъ	
Чурь!	Чурь!	— ошибка, не въ счетъ
Черезъ-чуръ		
Чумакъ	Чумахъ	
Чурочка (смолянка)	Чюра	— лучина
Шабашъ (довольно)	Шабанъ	— остановиться, отдохнуть
Шалашъ	Чалашъ	— шатеръ
Шальвары	Шальваръ	— широкіе панталоны
Шербетъ	Шербетъ	— фруктовый напитокъ
Шина (на колесо)	Шина	— тоже значеніе
Шишъ (кукишь)	Шишъ	— тоже значеніе
Шандалъ	Шемдалъ	— подсвѣчникъ
Штаны	Штанъ	— панталоны
Юрть	Юрть	— постройка
Юрунда	Юрь-онда	— иди туда
Ярь	Ярь	— пропасть, разрѣзъ
Ясакъ	Ясахъ	— запретъ, наказъ
Ятаганъ	Ятаганъ	— тоже значеніе
Ярмо	Ярма	— расколенное
Япунджа	Япунджа	— накидка, прикрышка

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Городскіе татаре.

Мы уже высказали наше мнѣніе о томъ, какимъ образомъ и когда вступили въ Тавриду татаре, плѣнные Батыемъ. Добавимъ только, что завоеватель этотъ имѣлъ привычку, въ каждой завоеванной странѣ выбирать лучшихъ мастеровыхъ и полезныхъ для себя людей, чтобы употреблять ихъ въ опасныхъ случаяхъ войны и для различнаго рода надобностей. Сказанное нами подтверждаетъ и Плато Карпини; но, при всемъ этомъ, намъ кажется, что и до появленія Батия въ Европѣ, татаре въ небольшомъ числѣ обитали въ Крыму. Такъ или иначе, но мы узнаемъ, что народъ этотъ предварительно появленія хановъ успѣлъ на столько укрѣпиться, что взималъ дань съ генуэзской Кафы и предупреждалъ развитіе ея политическихъ идей. Словомъ, людямъ этимъ обязаны ханы, номинально господствующіе въ Тавридѣ не только тѣмъ, что они сберегли легко доставшуюся и оставленную безъ вниманія страну, но и тѣмъ еще, что ставъ во главѣ правительственной власти, они очень долго руководили ханами и остальнымъ народомъ въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи.

И дѣйствительно, татаре, приближенные къ ханскому двору, основали тѣ правила государственнаго управленія, котораго чужды были безграмотные и вообще мало развитые ногайцы. Татарамъ они обязаны были во-первыхъ, знакомствомъ съ солидными, сравнительно, постройками, водопроводами и грамотою, во-вторыхъ, искусствомъ хлѣбопашества, сѣнокошенія, садоводства и тысячи другихъ мелочей и, наконецъ, тѣмъ, что они ут-

вердили ихъ въ магометанствѣ и заставили вѣрить въ обязанность дѣлать добро ближнему, жить въ согласіи и уважать старшихъ.

Вотъ каковы преданія ихъ по этому предмету: когда явился въ Крымъ одинъ изъ потомковъ Чингисъ-хана, считавшій себя законнымъ наслѣдникомъ на эту страну, онъ былъ пораженъ нравственностію татаръ и стройнымъ порядкомъ ихъ семейнаго быта. Къ этому онъ видѣлъ ихъ искусство строить прекрасные мечети и дома, разводить фруктовые сады съ фонтанами и умѣнье извлекать значительные выгоды отъ торговли. Все это не было въ привычкахъ монгольскихъ племенъ, кочевавшихъ подобно животнымъ въ степяхъ и переносившихъ различнаго рода нужды и неудобства. Ханъ этотъ до того полюбилъ ихъ, что приблизилъ къ себѣ и началъ основательно изучать ихъ религію. Въ это время татары были въ частыхъ сношеніяхъ съ родиною своею, чрезъ которую проходили караванами до Индіи и Египта и, естественно, имъ не трудно было вызвать мудрыхъ проповѣдниковъ корана, обѣщая славу и почести. На призывъ ихъ, по преданію стариковъ, явились изъ Аравіи какіе то миссіонеры, извѣстные подъ именемъ шейховъ, которымъ удалось обратить въ Исламъ, не только обитавшихъ внутри, но и внѣ Крыма ногайцевъ.

На сколько это справедливо, трудно объяснить, но съ дѣтства еще я зналъ, что въ Крыму существуютъ какіе то шейхи; но какимъ образомъ они явились въ эту страну и влѣдствіе чего они прозваны шейхами—я долго не могъ дать себѣ отчета, и готовъ былъ уже примириться съ мыслью, что они потомки какихъ-нибудь шейховъ, пришедшихъ съ востока во времена гиреевъ, когда неожиданный случай свелъ меня въ 1853 году съ любознательнымъ татарскимъ *сохтою* (семинаристомъ). Разговорившись съ нимъ, я вспомнилъ о крымско-татарскихъ шейхахъ. Сохта для болѣе точнаго разъясненія этого вопроса, принесъ мнѣ рукописную книгу, изъ которой прочиталъ слѣдующую замѣтку, написанную, по словамъ его, однимъ изъ эфендіевъ ханскихъ временъ, жившимъ до 1828 года. Она начиналась такъ:

„Почтенные всѣми уважаемые на землѣ и любимые

Богомъ шейхи наши, пришедшіе изъ святой страны *Орденъ* (въ Аравіи), ведутъ начало свое, въ числѣ 32 братьевъ, отъ одного изъ хатиповъ, посвятившихъ себя вѣчной молитвѣ надъ гробомъ великаго посланника (ресуль) небесъ Магомета-иль-мустафа. Достигнувъ мужественныхъ лѣтъ, эти братья, по внушенію Аллаха, покинули свою родину и отправились въ Крымъ, вѣдать силу мусульманской религіи и въ лицѣ своемъ представлять живые примѣры истинныхъ исполнителей заповѣдей, завѣщанныхъ посредникомъ между Богомъ и людьми. Изъ священнаго Арабистана (Аравіи) путь ихъ направленъ былъ на Орь-Хану (Перекопъ). Много чудесъ свершилось, пока они доѣхали до насъ. Много невѣрныхъ познали истиннаго Бога и святаго посланника Его. Такимъ образомъ, эти богоугодные люди вѣхали въ предѣлы нашего ханства. Да благословится имя ихъ всѣми народами! Въ это время жители Орь-Хану пропались съ выѣзжающимъ ханомъ, и теллаль (глашатай) троекратно возвѣщалъ, чтобы въ тотъ день никто не осмѣливался выѣзжать изъ города ранѣ повелителя. Между тѣмъ благочестивые странники, не понявшіе приказа, не знающіе обрядовъ чужой земли, снова пустились въ путь, напѣвая священныя молитвы своихъ отцовъ и не подозревая предстоящей опасности.

„Не прошло и получаса, какъ вѣлѣдъ за ними выѣхалъ Крымскій ханъ съ многочисленною свитою. Замѣтивши издали длинный обозъ неизвѣстныхъ людей, осмѣлившись ѣхать впереди его, — гирей послалъ стражу съ приказаніемъ отобрать верблюдовъ отъ ослушниковъ его воли, а если они станутъ сопротивляться, то предать ихъ на судъ орскаго паши. Да проститъ ему Аллахъ это прегрѣшеніе!

„Конечно, толпа корыстолюбивыхъ тѣлохранителей не замедлила привести въ исполненіе приказаніе монарха — и бѣдные путешественники, руководимые благими мыслями для нашего народа, остались на гладкомъ полѣ съ однимъ только молодымъ верблюжонкомъ, который какъ то скрылся между мажарами и остался незамѣченнымъ шайкою хищниковъ.

„Что оставалось имъ дѣлать? — Одно только: молитъ-

ся тому, кто внушалъ имъ мысль разстаться съ родиною. Братья бросились на колѣни, обращая усердныя молитвы къ посланнику небесъ. Великій пророкъ нашъ Магометъ, всегда щедрый въ милостяхъ своихъ ко всѣмъ, признавшимъ его за посредника между Богомъ и людьми—внялъ молитвѣ благочестивыхъ поклонниковъ своихъ и наставилъ ихъ на спасительную мысль: всѣ братья по старшинству, связали мажары свои, одна съ другою, запрягли въ переднюю оставшагося верблюженка *) и съ твердымъ упованіемъ на Бога приказали ему идти впередъ.

„Не успѣли они вымолвить этого приказанія, какъ обозы сдвинулись съ мѣста и покатались по равнинамъ ханскихъ владѣній. Чуденъ Богъ въ дѣлахъ своихъ и посланникъ его Магометъ! И долго, долго ѣхали святые мужи, воспѣвая славу Аллаха и великаго пророка Магомета. Но восторгъ ихъ разомъ исчезъ: бѣлоголовый верблюжонокъ палъ на землю и испустилъ послѣдній вздохъ. Братья съ ужасомъ посмотрѣли другъ на друга и тайная скорбь овладѣла ими. Но всегда покорные судьбѣ своей, они обратились снова къ своему защитнику, въ полной увѣренности, что онъ не оставитъ ихъ и теперь безъ милости.

„Между тѣмъ дни проходили, а помощи не было. Тогда одинъ изъ старшихъ между ними сказалъ: Братья, я увѣренъ въ душѣ, что намъ суждено свыше поселиться на этомъ мѣстѣ, иначе милостивый Богъ нашъ и посланникъ его Магометъ далъ бы намъ возможность проѣхать дальше“.

„Шейхи, убѣжденные въ мнѣніи старшаго брата, охотно изъявили согласіе покориться судьбѣ — и нѣсколько дней спустя основали на этомъ мѣстѣ первое поселеніе, которое назвали именемъ бѣлоголоваго верблюженка: *ахъ-башъ*. Деревня эта по настоящій день существуетъ въ *Гезлевъ-тарафѣ* (въ Евпаторійскомъ уѣздѣ).

„Говорятъ, что нѣсколько лѣтъ спустя одинъ изъ числа ихъ, Девлетша-Ходжа, возвратился обратно на родину; а прочіе, мудрыми дѣлами своими заслуживши въ

---

*) Верблюжонокъ этотъ былъ бѣлоголовый и потому назывался *Ахъ-башъ*.

народъ большую довѣренность и любовь, сдѣлались начальниками цѣлыхъ округовъ и деревень. Съ тѣхъ поръ, чтобы удержать за собою пріобрѣтенную власть, шейхи общемою силою объявили себя независимыми отъ хановъ и сильно защищали свои земли *).

„Изъ всѣхъ потомковъ этого братства особенно замѣчательнъ Соффа-ходжа. Онъ собралъ значительную шайку и силой похитилъ дочь у Крымскаго хана — непримиримаго врага своего и тѣмъ заставилъ его заключить съ нимъ выгодный миръ.

„Послѣ смерти Соффа-Ходжи, всѣ земли, пріобрѣтенныя шейхами, перешли во владѣнія сына его Темерши. Но по смерти послѣдняго и со времени присоединенія Крыма къ Россіи, власть шейховъ ужь болѣе не проявлялась. Изъ значительнаго числа пришельцевъ въ нашу страну, осталось въ потомствѣ только два родныхъ брата и три троюродныхъ, первые изъ нихъ: Шейхъ-ходжа и Менглиша-эфенди приняли на себя независимый санъ духовниковъ и посвятили себя вѣчной молитвѣ надъ прахомъ прославившихся святостью своихъ праотцевъ.

„Изъ числа троюродныхъ братьевъ замѣчательнъ только одинъ Шейхъ-Самаиль-ага. Онъ былъ нашею, во время окончательнаго нашествія русскихъ въ Крымъ въ Гезлевѣ (Евпаторія). Сдавши этотъ городъ гяурамъ, онъ обратился въ ихъ религію и нынѣ служитъ въ рядахъ Русской арміи. Мѣсто его родины дер. Хаймачи **). Рѣдкій правовѣрный узнаетъ нынѣ Самаиль-агу. Онъ презрѣлъ свое происхожденіе и добровольно промѣнялъ его на имя гяура. Но худо ему будетъ, когда онъ явится предъ лицомъ своего родоначальника, но еще хуже будетъ ему, когда великій пророкъ нашъ Магометъ начнетъ вопрошать его. Несчастный! ***) какое оправданіе онъ принесетъ посланнику Бога? Ля-ля-иль-Алла Магометъ ресюль-Алла!“

На этомъ мѣстѣ прекращалась рукопись о шейхахъ.

*) Надо полагать, что названіе шейховъ т. е. старшинъ, они получили впервые съ этого времени.

***) Деревня эта по настоящее время существуетъ въ Евпаторійскомъ уѣздѣ.

***) Этотъ несчастный, по мнѣнію Сохты, былъ покойный генералъ Рудзевичъ.

— „Вотъ все, что я знаю объ этомъ братствѣ, — сказалъ сохта, закрывая книгу. — А много-ли въ настоящее время шейховъ въ Крыму спросилъ я. — „Не могу отвѣчать утвердительно, но предполагаю, что въ каждой волости, исключая горной части Крыма и мѣстъ, гдѣ обитаютъ ногайцы, можно встрѣтить одного или двухъ. Большая часть изъ нихъ проводятъ жизнь свою надъ прахомъ прародителей. Остальные занимаются такими же дѣлами, какъ и мы грѣшныя. — Вступаютъ ли они въ бракъ или ведутъ жизнь схимническую? Сохта посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ. Видя, что послѣдній вопросъ мой кажется ему страннымъ, я не замедлилъ объяснить ему условія жизни нашихъ отшельниковъ. — „У насъ совсѣмъ не такъ; каждый мусульманинъ, кто бы онъ ни былъ, непременно долженъ имѣть жену, какъ только достигнетъ совершеннолѣтія и будетъ имѣть средства къ необходимымъ издержкамъ при бракосочетаніи. Я увѣренъ, что до настоящаго времени не было ни одного порядочнаго магометанина, который, перейдя за среднія лѣта, оставался бы холостымъ“.

Чрезъ годъ послѣ встрѣчи съ сохтою мнѣ пришлось ѣхать мимо дер. Чуюнча (Симферопольскаго уѣзда), гдѣ по мнѣнію Крымскихъ татаръ покоится прахъ ознаменованнаго чудесами шейха. Замѣтивъ большое стеченіе людей около мечети и нѣсколько балагановъ съ товарами и фруктами, чего прежде никогда не бывало здѣсь, я спросилъ одного изъ мѣстныхъ поселянъ, что бы это значило?

— Извольте видѣть, отвѣчалъ онъ, у нихъ теперь молитвенные дни (дуа) въ честь какого-то шейха, который будто-бы сдѣлался святымъ. Это заинтересовало меня и я рѣшился остаться въ деревнѣ на нѣсколько часовъ. Мы подошли къ прославившемуся праху шейха, окруженному со всѣхъ сторонъ каменною оградой, у конца которой развѣвалось небольшое зеленое знамя. Предъ могилою сидѣлъ юродивый старикъ (афузь), одинъ изъ правнуковъ почившаго. Онъ сидѣлъ съ поникшею головою, и, смотря на глиняную чашечку, куда поклонники бросали деньги, перебиралъ четки, приговаривая: *Алла ихъ берз!* (въ родѣ нашего Господи помилуй). Страж-

душіе неизлечимыми недугами, лихорадочные и тому подобныє съ благоговѣніемъ обходили вокругъ святой моголы, молились, клали кусочки отъ одеждъ своихъ, какъ бы оставляя болѣзнь свою на этомъ мѣстѣ—и въ полной увѣренности на чудо и милость усопшаго шейха, безмолвно расходились по сторонамъ. Насмотрѣвшись на эту картину, я отправился въ мечеть. Одинъ только шейхъ, посвятившій себя вѣчно служенію въ этомъ храмѣ, сидѣлъ въ углу надъ *бераатомъ* *) и, покачиваясь, перечитывалъ, какъ мнѣ сказали, родословную своихъ предковъ. Не рѣшаясь перерывать его занятій, я зашелъ къ нему въ другое время. Шейхъ сидѣлъ въ сѣняхъ мечети, убранной довольно чисто, и, казалось, съ нетерпѣніемъ ожидалъ посѣтителей, которые, по принятому обыкновенію, обязаны были посѣщать его въ этотъ день. Въ отвѣтъ на разпросы, я узналъ отъ него слѣдующее:

„Въ надеждѣ на исцѣленіе, многіе, большею частію несчастные люди, пріѣзжаютъ молиться здѣшнему *азису* (святому). Это мѣсто всегда открыто для страждующихъ, но чтобы болѣе познакомить истинныхъ мусульманъ съ чудесами Аллаха, чрезъ преданныхъ ему людей, наши дѣды установили время для всеобщаго съѣзда — и день этотъ названъ днемъ *дувы*. Я, и всѣ вообще шейхи, должны во время дувы оставаться 40 дней въ мечети, въ постѣ и молитвѣ и въ то же время перечитывать родословную нашихъ отцевъ. Кромѣ всего этого, мы отчитываемъ различныя болѣзни у страждущихъ и даемъ святыя молитвы людямъ, подверженнымъ неизлечимымъ болѣзнямъ.

Въ это время начали собираться къ шейху почтенныя старцы, пріѣхавшіе на поклоненія „азису“ и я принужденъ былъ оставить его.

О существованіи въ Крыму шейховъ и ихъ значеніи мы знаемъ также изъ грамоты Мухаметъ-гирей-хана, напечатанной въ 2-мъ томѣ записокъ Одесской общ. исторіи и древностей слѣдующаго содержанія:

*) Длинный свертокъ бумаги, сворачиваемой въ трубку.

Мухамедъ-гирей-ханъ,

слово мое:

Такъ какъ происходящiе по прямой линiи отъ Хаджи-Хайрулы-шейха сына покойнаго Гайсы-шейха, приближенные и искренно преданные богомольцы удостоивались издревле всегда уваженiя и покровительства и блаженной памяти дѣдовъ нашихъ Менгли-гирей-хана и Хаджи-гирей-хана (да озаритъ Богъ ложе ихъ свѣтомъ своимъ!) существующiе съ подвластныхъ имъ 32 кочующихъ ауловъ дарственные сборы, именуемые *сауга* всегда жаловались имъ въ жалованье, а потому въ уваженiе мужества представителя сего ярлыка, роднаго сына Хаджи-Хайрулы-шейха, Абдуразака, которое оказалъ онъ во время нашего похода на сволочь персидскую, въ сраженiи съ гнуснымъ еретикомъ Мухамедъ-ханомъ, поставленнымъ заблудшимъ шахомъ въ намѣстники ханства Шириванскаго пролитiемъ вражеской крови и другими доблестями, желая по прежнимъ примѣрамъ вознаградить его, увольняю находящiеся подъ покровительствомъ его кочующiе 32 аула во всѣхъ мѣстахъ ихъ кочевокъ отъ существующихъ въ обычаѣ дарственныхъ сборовъ и повелѣваю, чтобы ни слуги мои, таковыя сборы взимающiе, ни старшiе, ни младшiе султаны (калга и нурединъ), ни люди ихъ, какъ обыкновенныхъ, такъ и выдѣляемыхъ изъ добычъ дарственныхъ сборовъ (*сауга*) не требовали и не только не причиняли-бы имъ никакихъ обидъ и оскорбленiй, но оказывали-бы должную честь и уваженiе; а кто-же причинитъ обиду, тому самому будетъ не хорошо; въ удостовѣренiе чего пожалованъ сей ярлыкъ и ханская грамота мѣсяца благословеннаго Раммазана, года отъ эджры 987 (1579) въ городъ Шимахъ, что въ Персiи. (Чернильная печать съ именемъ хана).

Изъ грамоты или ярлыка этого мы убѣждаемся, что шейхи эти дѣйствительно были выходцы изъ Мекки, потому что прилагательное *хаджи* присоединялось къ имени только бывшихъ въ Каабѣ. Кромѣ этого мы узнаемъ, что они были въ главѣ 32 ауловъ, которыми управляли самостоятельно. Ярлыкъ этотъ отчасти подтверж-

даетъ приведенную нами выше рукопись и свидѣтельствуесть, что Крымскіе шейхи принадлежали къ числу богомольцевъ или духовниковъ, но при надобности были и воинами.

Обратимъ теперь наше вниманіе на отличительность татаръ Турскаго племени, обитающихъ въ Крыму, и степень ихъ развитія въ сравненіи съ монгольцами. Люди эти прежде всего останавливаютъ вниманіе этнографа чрезвычайно пріятною наружностію: при среднемъ ростѣ, они, во-первыхъ, всё почти обладаютъ черными быстрыми глазами, окаймленными черными рѣсницами и бровями, хорошимъ цвѣтомъ лица, правильными носомъ и ртомъ; во-вторыхъ ловки въ тѣлодвиженіяхъ, сильны, неутомимы въ трудахъ, неустрашимы, пылки до нелзя, словоохотливы, гостепріимны, почтительны къ старшимъ, добродушны, презираютъ несправедливость, ложь, воровство и всякаго рода неприличія въ родѣ пьянства и разврата и, наконецъ, они храбры, мстительны, безпощадны и въ тоже время покорны и благодарны къ тѣмъ, кто сдѣлалъ имъ добро.

Признаться, я еще не встрѣчалъ націи, на столько благородной въ образѣ жизни между собою, какъ татары,

и еслибъ только не ихъ духовенство, приспосабливаемое религіозной нежностью къ инновѣрцамъ, то народъ этотъ пользовался-бы всеобщю любовью и всегда-бы отличался усердіемъ и преданностію къ правительству, какой-бы национальности оно не принадлежало; но духовенство, изъ боязни потерять свою власть и выгоды, усердно заботится возбуждать въ нихъ отвращеніе ко всему, что не принадлежитъ къ мусульманству и ведетъ ихъ быстрыми шагами къ регрессу.

Въ татаринѣ всего замѣчательнѣе безграничная преданность къ верховной власти. Это мнѣ доказывали не разъ татары наши изумленіемъ, какъ дозволяется фабрикантамъ папирсной бумаги изображать на издѣліяхъ своихъ лики государей, которые бросаются и топчутся ногами. Кромѣ этого, почтительность ихъ къ верховной власти не разъ уже высказывалась на дѣлѣ. Большинству изъ насъ извѣстно, что въ 1812 году по первому возванію къ нимъ, они, въ теченіи трехъ или четырехъ дней выставили 4 тысячи конныхъ ратниковъ, которые до окончанія войны съ французами вели себя безупречнымъ образомъ. Имя князя Воронцова, который понималъ ихъ отлично и серьезно обращалъ на нихъ вниманіе, недопуская до обиды, они произносятъ съ благоговѣніемъ и чрезвычайно сожальютъ, что такая личность недолго начальствовала надъ ними. И дѣйствительно, Воронцовъ, въ бытность свою генераль-губернаторомъ въ Новороссійскомъ краѣ, сдѣлалъ для нихъ столько, сколько не сдѣлали всѣ остальные представители администраціи. Онъ воздвигалъ имъ мечети, поощрялъ ихъ хаджіевъ и муръзъ, удовлетворялъ нуждамъ, отстранялъ притѣсненія со стороны помѣщиковъ и преслѣдовалъ тѣхъ чиновниковъ, которые дерзали обижать ихъ. Такимъ образомъ онъ сильно привязалъ народъ этотъ къ нашему правительству и могъ-бы сдѣлать изъ него отличныхъ земледѣльцевъ и гражданъ, еслибъ пожелалъ этого.

Татаринъ, рассматриваемый съ религіозной точки зрѣнія, представляетъ удивительный образецъ покорности не только къ священнымъ заповѣдямъ, но и всякаго рода толкованіямъ. Не понимая Корана, онъ вполне

вѣрить разъясненіямъ мullah и еслибъ кто-либо началъ увѣрять его; что эти послѣдніе неправильно толкуютъ ученіе Магомета, онъ отвѣчалъ бы, что ему до этого нѣтъ надобности, что они за это будутъ отвѣчать предъ Аллахомъ, а долгъ его вѣрить въ сказанное ими безпрекословно и абсолютно.

Татаринъ пожилыхъ лѣтъ.

Въ умственномъ отношеніи татаринъ поражаетъ здравымъ разсудкомъ и смѣтливостію; но къ сожалѣнію онъ не воспримчивъ чуждъ акротизма и равнодушенъ къ отвлеченнымъ или такъ сказать неосвязаемымъ предметамъ. Для него не существуетъ другихъ прелестей, за исключеніемъ матеріальныхъ и физическихъ наслажденій, которымъ онъ готовъ предаться до потери силъ. Замѣчательно однако, что людей этихъ совершенно не интересуютъ и наука. По ихъ понятію, это совершенно лишняя вещь для человѣка, которому слѣдуетъ жить въ дѣйствительныхъ трудахъ и умереть, чтобы безконечно наслаждаться. Я помню то время, когда правительство наше для образованія татаръ устроило при Симферопольской гимназій отдѣленіе, куда помѣщались пансіонерами сыновья мурзъ; между тѣмъ, не смотря на долготѣнее существованіе этого заведенія; не было ни одного татарина, окончившаго полный гимна-

зическій курсъ: все они покидали учение съ первыхъ трехъ классовъ. Таково-ли устройство его головы, плоха-ли его память, или въ такой сильной степени онъ проникнуть съ дѣтства завѣщанными отъ прадедовъ словами отвергать отъ себя всякое письмо, кромѣ священныхъ словъ Корана — трудно опредѣлить. Вообще-же Крымскій татаринъ, обладая практическимъ умомъ, никогда не заставляеть себя разсуждать объ отвлеченныхъ предметахъ и вслѣдствіе этого совершенно неспособенъ къ какому-либо рода открытіямъ или усовершенствованіямъ въ своемъ образѣ жизни. Другими словами: умъ его не представляетъ дѣятельности и обнимаетъ только то, что совершается предъ нимъ ежедневнo, что онъ созерцалъ съ дѣтства и въ чемъ ясно убѣжденъ.

Татаре, несмотря на свое крѣпкое тѣлосложеніе, не долговѣчны и рѣдкіе между ними достигаютъ 80—90 лѣтняго возраста. Самыми убійственными болѣзнями между ними считаются: оспа (чечекъ), скарлатина (альколмекъ), горячки (терлеме), солитеры (хуртъ) и особеннаго рода болѣзнь *сыраджа*, нѣчто въ видѣ проказы, завезенной ими изъ Азіи *). Эта болѣзнь въ большинствѣ случаевъ наследственная; что же касается до солитера, то паразитъ этотъ существуетъ чуть-ли не въ каждой утробѣ татарина, какъ извѣстно пріобрѣтавшаго его отъ употребленія завяленнаго на солнцѣ *какача* или баранины. Упомянувъ о важнѣйшихъ болѣзняхъ этого народа, мы скажемъ нѣсколько словъ и о другихъ, такъ равно и о тѣхъ медицинскихъ средствахъ, которыя унаслѣдованы ими. Прежде всего, новорожденныхъ дѣтей ихъ постигаютъ различнаго вида золотуха, которую они лечатъ толченою черепицею въ смѣси съ свѣжимъ масломъ; затѣмъ лишаи, выводимые масломъ изъ табачнаго дыма и заяды, истребляемые лошадиною слюною, посредствомъ прикосновенія удила. Къ этимъ кожнымъ болѣзнямъ присоединяются: вереда, обладываемая обыкновенно печенымъ лукомъ, бородавки, срѣзываемые ниткою или сжигаемыя губкою, и короста, лѣчимая сѣрою съ лукомъ и постнымъ масломъ.

*) Болѣзнь эта встрѣчалась и у Арабовъ. По мнѣнію ихъ, она происходила отъ слюны ищерицы дреко, которая попадала случайно въ пищу.

Отъ осны, которая производитъ страшныя опустошенія не только между дѣтьми, но и между взрослыми, татары не изобрѣли никакого средства, но считаютъ необходимою не держать въ комнатѣ большого огонь, не варить никакихъ кушаній въ этомъ домѣ и содержать величайшую чистоту. Отъ скарлатины и кори пить распущеннымъ въ водѣ кызыломъ (кошениль). Отъ крупна и вообще горловыхъ болѣзней задуваніемъ мелко столченнымъ нашатыремъ съ чернильнымъ орѣшкомъ. Отъ простой боли горла принято втираніе масломъ и подъемъ челюстей пальцами. Отъ кашля глотать 2—3 зерна черного перца. Отъ глистовъ каждое утро натощакъ съѣдать отъ 5 до 10 маленькихъ кусочковъ нашатыря или пить лавровое масло. Отъ вшей толкутъ траву, извѣстную подъ именемъ *битъ-оту*, которая привозится изъ Константинополя и, смѣшавъ ее съ оливковымъ масломъ, намазываютъ голову. Отъ лихорадки, кромѣ симпатическихъ средствъ, которыхъ у нихъ бесчисленное множество, принято подкуриваться змѣиною оболочкою или взявъ яйцо отъ черной курицы, держать днемъ подъ изголовьемъ, а послѣ захода солнца выставять на звѣзды, а на третій день скушать вмѣстѣ съ скорлупою. Отъ боли глазъ кусокъ свѣжаго мяса, осыпанный мелко-столченнымъ леденцомъ. Отъ глазной плеввы: поймать овечью вошь и, прищипавъ заднюю половину ея палочкой, водить передними ножками насекомаго вокругъ глазнаго яблока до тѣхъ поръ, пока оно не сорветъ плеввы. Кромѣ этого, они снимаютъ бѣльмо простымъ ножомъ или впусканіемъ въ глазъ мелко-столченной жемчужины съ леденцомъ.

Отъ паралича: опускаютъ въ теплый разсолъ и пьютъ настоями травъ. Отъ головной боли, ставятъ кровяные рожки на макушкѣ головы, извѣстные подъ именемъ *вендузовъ* или *аджаметовъ*. Отъ зуда тѣла — свѣжеснятая кожа съ зайца. Противъ отмороженія оконечностей — жиръ изъ орла. Противъ затверденія желудка — разсолъ. Противъ горячки — катыкъ съ чеснокомъ или скушать въ изюмъ три вши. Противъ чахотки — кусокъ сота отъ молодыхъ пчель, бѣлый калганъ и бѣлый имбирь. Со всего этого сдѣлать отваръ, выставять за ночь про-

тивъ звѣздъ и нѣтъ. Другое средство состоитъ въ употребленіи лошадиного сала. Непоконныхъ дѣтей кормятъ макомъ и *теріакомъ* (опій). Противъ обжога вытирать яичнымъ масломъ. Отъ болѣзни сердца, бѣлый калганъ въ свѣжемъ маслѣ. Отъ болѣзней живота, сухой кизиль, пережаренный на овечьемъ салѣ. Отъ поноса: рябина или отваръ гранатовой коры. Отъ укушенія ядовитыхъ насѣкомыхъ вытереться катыкомъ. Отъ ревматизма выварить лошадиныя кости въ чистой посудѣ и втираться или мазать крѣпкимъ чеснокомъ. Отъ *сыраджи* прикладывать пойманую и въ ту же минуту разорванную форель или персиковыя листья. Сыраджа эта, какъ замѣчено было выше, принадлежитъ роду проказы (*Elephantiasis*), но не той ужасной, которая существовала въ древности на востокѣ и заставляла пораженныхъ покидать свои жилища. Сущестующая между татарами проказа не заразительна и не особенно мучительна. Она проявляется особеннаго рода опухолью ногъ, покрывающейся неровными бугорками; мѣстами кожа трескается, темнѣетъ и опухоль увеличивается до страшныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ болѣзнь длится годы и подверженный ей умираетъ, чаще отъ другой болѣзни, если его не убьютъ гектическая лихорадка. Раны лечатъ травами и выжиганіемъ. Вывихи и переломы костей отлично исправляютъ руками и перевязками на *черышѣ* (растительная мазь). Для желающихъ пополнить предлагаютъ девокъ и камень, извѣстный подъ названіемъ *араза*, который добывается иногда у воловъ подъ жодчю. Араза распускается въ женскомъ молокѣ и пьется натощахъ 3 дня сряду. При надрываніи или поврежденіяхъ отъ непомерной тяжести, они накладываютъ на нозленицу пластырь, составленный отъ яичнаго бѣлка, водки, ладона и мастики. Женскія болѣзни, лечатъ слѣдующимъ образомъ: При бѣлахъ употребляютъ сажу; при застоѣ регуль: пьютъ отваръ мелисы. При излишнемъ кровотеченіи: различнаго рода травы. При опускѣ матки вкладываютъ въ половой органъ до 10 бумажныхъ небольшихъ клубковъ и подкуриваются спиртомъ.

Для вытравленія плода, чрезвычайно успѣшно, употребляютъ канли, извѣстныя у нихъ подъ названіемъ

тептю-хара, добываемая изъ Константинополя. При неправильныхъ родахъ дѣйствуютъ толчками въ опину, переворачиваніемъ и другаго рода опасными выходками. — Всего ужаснѣе между татарами появленіе сифилиса, который заносится къ нимъ изъ городовъ и передается въ видѣ заразы. Не понимая причинъ происхожденія этой болѣзни и не вѣдая средствъ противъ нея, они нерѣдко погибають цѣлыми семействами. Всѣ прописанныя нами средства, Крымскіе татары не въ такой степени уважають какъ напр. отчитываніе и вѣшаніе на нею священной молитвы. По ихъ мнѣнію *дуа* (молитва) не только спасаетъ отъ всякаго рода недуговъ, но и предупреждаетъ зарожденіе ихъ; *дуа* носится для счастья, для успѣха въ дѣлахъ и для благополучной поѣздки. Содержаніе этихъ молитвъ составляетъ различные стихи, изъ Корана, а иногда одно перечисленіе 99 именъ Аллаха. Самою благодатною изъ этихъ молитвъ считается *алтынг-дуа* (золотая), выдаваемая противъ всякихъ болѣзней шейхомъ въ азисѣ, находящимся около Бахчисарая.

Жиллица и семейный бытъ татарина.

Крымскіе татары, со времени вступленія своего на Таврический полуостровъ, вели осѣдлую жизнь, къ которой приучены были предѣдами своими и, какъ кажется, исключительно въ городахъ, представляющихъ выгодные пункты для торговыхъ сдѣлокъ. Это отчасти доказываетъ, что они большинствомъ занимались ремеслами, вѣдѣствіе чего были необходимы Батыю. Вотъ приближительный очеркъ ихъ городскихъ жилищъ: большой, хорошо огороженный дворъ дѣлится на двѣ половины зданіемъ, постановленныхъ поперекъ его. Первая половина двора, обращенная къ калиткѣ или вообще къ выходу на улицу, предназначается для мужчинъ; задняя же исключительно для женщинъ. Въ послѣдней половинѣ находится необходимый колодезь, нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ и непременно небольшой цвѣтникъ, состоящій изъ нѣсколькихъ кустиковъ розъ, царской короны (нагодки), бальзаминовъ, нахучихъ василекъ, кону-

пера, крученыхъ панницей и т. п. чрезвычайно любимыхъ молодыми татарками. Дворникъ или дорожки вымащиваются камнемъ.

Постройки незажиточныхъ татаръ не представляютъ ничего особеннаго, но отличаются тѣмъ, что всегда бываютъ каменные, покрываются черепицею и содержатся въ чрезвычайной чистотѣ. Окна маленькія и всегда почти съ деревянными рѣшотками. У богатѣйшихъ изъ нихъ, въ особенности, если они носятъ тигулы мурзь и беевъ, дома отличаются, во первыхъ, величиною, узорчатою потолокомъ, широкими балконами и дорогимъ убранствомъ во внутренности, которое состоитъ изъ софь, обложенныхъ бархатными подушками, парчевыми занавѣсами, коврами и войлоками. При дворахъ послѣднихъ обыкновенно имѣется отдѣльная постройка *ода*, предназначенная исключительно для посѣтителей мужескаго пола, съ которыми любятъ бесѣдовать хозяинъ до глубокой ночи. Всѣ зажиточные татары охотно держатъ при дворахъ своихъ по нѣсколько слугъ, съ которыми обращаются чрезвычайно справедливо и заслуживаютъ отъ нихъ такую любовь, что послѣдніе нерѣдко служатъ имъ всю жизнь за кусокъ хлѣба и кое-какую одежду. На тѣхъ же основаніяхъ поступаютъ къ нимъ и дѣвицы сироты, но въ надеждѣ уже посредствомъ ихъ участія заручиться мужемъ.

На женской половинѣ или такъ сказать опочивальнѣ этихъ татаръ все принаровлено къ ихъ вкусу и кейфу. У каждаго изъ нихъ даже имѣется небольшая баня для омовенія тѣла мужа и жены, принятаго по закону послѣ сближенія между собою, которое обязательно разъ въ недѣлю подъ пятницу и извѣстно у нихъ подъ названіемъ *джумалыкъ*. Вотъ здѣсь этотъ мусульманинъ, поджавъ ноги съ папиросою или длиною трубкою въ рукахъ, мечтаетъ о наслажденіяхъ своихъ и изъ-подлобья безпрестанно осматриваетъ станъ своей жены, которая услуживаетъ ему безъ всякаго кокетства; но онъ въ тысячу разъ счастливѣе, если предъ нимъ ползаетъ сынокъ, составляющій отраду его жизни.

Татаринъ этотъ, не смотря на то, что вправѣ по прихоти разводить женъ своихъ, только въ исключитель-

ныхъ случаяхъ прибѣгаетъ къ этой мѣрѣ; вообще-же очень мирно проводитъ семейную жизнь и очень охотно удовлетворяетъ незатѣпчивымъ прихотямъ жены. Разводъ по его убѣжденіямъ глупая прихоть, которая прилична самымъ невѣжественнымъ людямъ. Такого-же мнѣнія они и о многоженствѣ. Вслѣдствіе чего жена старается вести себя такъ, чтобы ни единымъ дѣйствіемъ не оскорбить мужа, и они обходятся между собою серьезно и почтительно. Характеры какъ женщинъ, такъ равно и мужчинъ, послѣ брачнаго союза бываютъ дружелюбны, уступчивы и воздержны; въ несчастіяхъ и болѣзни ничѣмъ не выражаютъ ропота, въ полномъ убѣжденіи, что всякая бѣда посѣщаетъ семейство не иначе, какъ по волѣ Аллаха. Такъ какъ татары эти не подражаютъ никакимъ модамъ и вѣчно носятъ одни и тѣже костюмы, то понятно, что расходы ихъ на одежду совершенно ничтожны. При этомъ имъ неврожденна расточительность на всякаго рода заманчивыя лакомства и самая богатая ея семья довольствуется обыкновеннымъ супомъ или пиллафомъ съ сыромъ, соусомъ съ овощами и пирожками, жаренными на бараньемъ салѣ.

Лучшею чертою въ обществѣ ихъ слѣдуетъ признать отсутствіе гордости даже въ отношеніи къ нищимъ, которыхъ они охотно сажаютъ съ собою за столъ и бесѣдуютъ съ ними какъ съ людьми равными во всѣхъ отношеніяхъ вѣдь Богомъ.

Много лѣтъ проживая между татарами Крима, бытъ и привычки которыхъ мнѣ при знаніи ихъ языка, легко было изучить—я составилъ себѣ идею, что немногіе люди проводятъ жизнь съ такимъ отраднымъ спокойствіемъ, какъ татары этого полуострова.

Вотъ первоначальное воспитаніе и обстановка всей послѣдующей затѣмъ жизни этихъ людей: новорожденный мальчикъ, какъ особенное благоволеніе Аллаха къ семейству, со дня рожденія, дѣлается предметомъ безпредѣльной любви матери и сестеръ, которыя постоянно осыпаютъ его нѣжѣйшими ласками. Отецъ не спускаетъ его съ рукъ во все время, пока усталый, послѣ дневнаго труда, не почувствуетъ необходимости отдохновенія: онъ играетъ съ нимъ, какъ играютъ дѣвочки

съ куклами, онъ вертитъ его на рукахъ подъ нагѣвъ національнаго танца, восхищается движеніемъ его рукъ или ногъ и поминутно призываетъ имя Аллаха въ видѣ благословія. Въ свободныя отъ работы дни, онъ съ ранняго утра идетъ на базаръ, чтобы принести любимцу сыну нѣсколько бубликовъ, конфетъ или что-нибудь подобное и цѣлый день возится съ нимъ, стараясь привести въ ощущаемое восхищеніе и вѣхъ, слѣдящихъ за его дѣйствіями. Наслажденіе возрастаетъ, если присутствующіе сочувствуютъ ему, выражая это прижиманіемъ и поцѣлуями его дитяти. Такъ проходитъ время до 6-ти лѣтнаго возраста. На этомъ году любимый сынъ, отводится къ мѣстному муллѣ или муззину для обученія грамотѣ. Учитель принимаетъ его съ ласкою и во все время обходится справедливо, какъ съ своимъ сыномъ и этимъ вселяетъ ученику уваженіе, подобно тому, какое сознается къ ближайшему родственнику. Ни въ школѣ, ни дома, ни въ кругу родственниковъ, мальчикъ не видитъ примѣровъ несправедливости или позорныхъ дѣяній; онъ ничего почти не слышитъ, кромѣ постоянной хвалы создателю міра, пророку Магомету и чтенія непонятнаго Корана *). Публика, собиравшаяся въ его родительскій домъ, не имѣетъ привычки осуждать или вообще севернословить. Тихо, съ обоюднымъ почтеніемъ они сообщаютъ другъ другу о дѣлахъ общественныхъ, собственныхъ нуждахъ или предаются воспоминанію преданій и рассказовъ отцовъ, заключая все надеждами на милость Аллаха и пожелательство небесныхъ блахъ усопшимъ. Все это слышитъ сынъ и добрыя начала съ дѣтства вкореняются въ его памяти. Потомъ онъ видитъ съ какимъ удовольствіемъ, любимый имъ отецъ спѣшитъ въ мечеть, съ какимъ усердіемъ погрѣбаетъ ницаго-чужестранца, какъ охотно повинуется властямъ, какое чувствуетъ наслажденіе, если пригласятъ его къ починкѣ храма или сооруженію домика, для внезапно заболѣвшихъ чужеземцевъ мусульманскаго закона. Онъ безпрестанно видитъ какъ ласково обходится отецъ его съ странникомъ, ночью порею постучавшимся

*) Коранъ до настоящаго времени не переведенъ татарами на свой языкъ.

въ его двери и просившимъ ночлега, какъ для него приготавливаютъ лакомое кушанье и стелятъ лучшую постель, подушки и одѣяло. Примѣры эти создаютъ привычки, съ которыми не легко ужь разлучиться.

До 15-лѣтняго возраста, сынъ считается не совсемъ еще разумнымъ; но послѣ этихъ лѣтъ, если только онъ не перешелъ въ высшее духовное училище (медресе, нѣчто въ родѣ нашей семинари), становится помощникомъ отца, и начинаетъ высказывать на дѣлѣ то смиреніе и почтеніе, которыя предписываетъ религія. Воля отца для него законъ, равный волѣ божества—и благо, если отцу врождены добрые принципы, потому что они дѣлаются достояніемъ сына. Боже сохрани, чтобы этотъ сынъ, привыкшій съ дѣтства къ куренію табака, позволилъ бы себѣ, не только въ присутствіи родителя, но даже постороннихъ старцевъ, сдѣлать папиросу. Нѣтъ примѣра, чтобы юноша пожаловался на жестокое обращеніе отца или замыслилъ бы ухаживаніе за замужнею женщиною. Идея разврата еще не доступна повѣстіямъ молодаго татарина, онъ не слыхалъ никогда ничего подобнаго, и не повѣритъ въ возможность соблазна женщины. Такимъ образомъ, остающаяся безъ преслѣдованія женщина, сохраняетъ цѣломудріе или вѣрность обязанности, потому что ее оберегаетъ самъ мужчина, увѣренный, что въ противномъ случаѣ, кромѣ страшнаго наказанія въ будущей жизни, надъ нимъ исполнится пророчество словъ: *не стучи въ дверь ближняго—постучатъ и въ твою*.

Послѣ 25-ти лѣтняго возраста сына зажиточный татаринъ, если онъ старъ, спѣшитъ его женить и присылаетъ самъ для него приличную подругу; имъ руководитъ слѣдующая мысль: избрать дочь добрыхъ и честныхъ людей, дѣвицу трудолюбивую и пользующуюся любовью сосѣдей. Остановившись на одной изъ подобныхъ, онъ объявляетъ сыну о выборѣ своемъ и, безъ малѣйшаго возраженія со стороны послѣдняго, слѣдуетъ обрученіе и бракосочетаніе. Женясь, сынъ разлучается съ родителями и въ свою очередь дѣлается отцомъ, представляя тотъ же характеръ съ большею или меньшею отличительностію, смотря по аналогіи темпераментовъ натуры.

Исключеніемъ служить городская молодежь и дѣти, лишившіеся отца до 15-ти лѣтняго возраста. Послѣднія какъ то въ особенности не любимы татарами на томъ основаніи, что дѣти, незнавшіе родителей своихъ съ дѣтства, никогда не могутъ сдѣлаться хорошими людьми.

Городской татаринъ.

Теперь взглянемъ на воспитаніе дочерей: ребенокъ женскаго пола не пользуется въ татарскомъ семействѣ тѣми преимуществами, какія высказываются мальчику. Дочь—это—что-то материнское, въ которомъ будто нѣтъ ничего собственнаго отцу. Она растетъ безъ ласки. Холодное обращеніе съ нею, не только отца, но и всѣхъ дядей и родственниковъ съ раннихъ лѣтъ вселяетъ въ ней сознаніе ничтожества своего пола, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убеждаютъ, что она создана для того только, чтобы служить и повиноваться волѣ мужчины. Держась около матери, она видитъ какъ съ нею обращаются и въ чемъ состоитъ ея обязанность. Она никогда не замѣтитъ, чтобы отецъ поласкалъ ея мать, чтобы приходящіе къ отцу почтенные старики, удостоили ее ласковаго слова: она видитъ, что мать какъ то не смѣетъ даже смотрѣть имъ прямо въ гла-

за—и съ раннихъ лѣтъ привыкаетъ вѣрять въ печальную судьбу свою. На 6-мъ году ее отправляютъ къ учителю выучиться читать Коранъ. О дальнѣйшемъ образованіи она не смѣетъ мыслить. Писать ей совершенно воспрещается, потому что она не достойна обладать этою мудростію, предназначенною Аллахомъ для мужчины—и горе ей если она сама достигнетъ этой тайны *). Мнѣ кажется, что это veto или запрещеніе, совмѣстно съ тѣмъ, что женщина лишена Магометомъ права входить въ мечеть, служить важнѣйшими причинами неразвитія ихъ, вслѣдствіе чего конечно не мыслимо развитіе и всѣхъ татаръ.

По изученіи Корана, дѣвочка превращается въ работницу семьи и съ 12-ти лѣтняго возраста начинаетъ готовить себѣ въ приданое полотно, и другаго рода домашнюю утварь. На 16-мъ году ее обручаютъ часто съ человѣкомъ, котораго она никогда не видѣла, а годъ и два спустя выдаютъ замужъ. Женихъ не покупаетъ ее у отца, какъ это предполагаютъ до настоящаго времени, но онъ обязанъ сдѣлать подарки или внести извѣстную сумму денегъ на пріобрѣтеніе ей же и для себя разнаго рода домашнихъ принадлежностей.

Дѣвушка, по выходѣ изъ родительскаго дома, сама превращается въ положеніе своей матери. Мужъ любитъ ее страстно и безумно, но любовь эта не выражается наружными ласками: она не подруга ему въ трудѣ, но пища страсти и правительница дома, которую онъ не оскорбитъ и въ дѣла которой не станетъ вмѣшиваться. Пользуясь безграничною свободою въ хозяйствѣ своемъ, разумная татарка нерѣдко дѣлается госпожою и надъ мужемъ, но никогда господство ея не выскажется въ формѣ оскорбительной.

Татарка, вышедшая замужъ, прежде всего получаетъ право носить *зелифы* или два полу-локона на вискахъ въ отличіе отъ дѣвицы. Вслѣдъ затѣмъ она прибѣгаетъ къ искусственному украшенію лица бѣлилами и румянами, чего ей раньше, кромѣ суренія бровей не дозволялось.

---

*) По убѣжденію татаръ, выучившіяся письму татарки сейчасъ-же начинаютъ дружить съ джинами и разумѣется лишаются всѣхъ благъ будущей жизни.

Бѣлила, румяны, суреніе бровей съ точкою на переносицѣ, блеска на лбу и крашеніе *кшою* *) ладоней и пальцевъ на рукахъ и ногахъ, служить у татарокъ не только простымъ украшеніемъ, но чѣмъ то въ родѣ религіознаго догмата, который долженъ исполняться въ извѣстныхъ случаяхъ всеми исключительно. Все это имъ нравиться съ цѣлью расположенія мужей, такъ точно какъ и блестящій нарядъ, возбуждающій благоприятныя для самодовольствія толки. О нарядахъ татарки мы желаемъ сказать нѣсколько словъ только потому, что онѣ рѣзко отличается отъ всѣхъ одеждъ, принятыхъ племенами тюрскаго и монгольскаго происхожденія и отчасти, какъ кажется намъ, позаимствованныхъ ими отъ древнихъ обитательницъ Тавриды, за исключеніемъ конечно бѣлой чадры, которою онѣ съ особеннымъ умѣніемъ закрываются съ головы до ногъ, оставляя небольшое отверстіе для глазъ.

Украшеніе головы. Татарки имѣютъ только одну прическу, которую никогда не измѣняютъ: раздѣливши волосы на двѣ равныя половины, онѣ сплетаютъ ихъ въ тончайшія коски, которыя отбрасываются на спину. Тѣ, у которыхъ волосы длинны (что не въ рѣдкость у нихъ), для предохраненія отъ завистливаго и дурнаго глаза, къ оконечностямъ среднихъ косокъ прикрѣпляютъ красиво отдѣланную ладонку съ священною молитвою, какъ предохранительный талисманъ. На головѣ одѣвается бумажный, вязанный фесикъ, превращенный на фабрикѣ въ видъ суконной матеріи и покрашенный ярко-розовымъ цвѣтомъ. Феска эта съ гладкимъ верхомъ, покрытымъ золотатаго цвѣта бляхою съ бахрамою вокругъ, обшивается въ два ряда позолоченными или серебряными позументами и кромѣ этого съ передней стороны обшивается нѣсколькими десятками мелкихъ турецкихъ червонцевъ. У бѣдныхъ конечно она не имѣетъ никакихъ украшеній, за исключеніемъ простыхъ позументовъ. Сверхъ фески набрасывается тонкій турецкій платокъ, покрывающій заднюю половину головы и шею.

*) Краска приготовляемая изъ растений на востокѣ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Lawsenia alscanna*.

Въше татарки исключительно носятъ бумажное, которое сами готовятъ. Полотно это, хотя и грубовато на видъ, но замѣчательно тѣмъ, что служитъ десятки лѣтъ. Сорочки кроются ровно, съ широкими у кисти ручной рукавами; сверхъ нихъ надѣваются цѣбные панталоны, нашпукываемые у голеней краснымъ кумачемъ, собираемымъ на шнурокъ вокругъ щеколки. Сверхъ этого надѣвается кафтанъ, плотно-обтягивающій весь станъ, но не доходящій до оконечности сорочки, такъ что нижняя часть ея съ красными оконечностями панталонъ остаются не прикрытыми. Кафтанъ этотъ съ разбѣзомъ во всю длину спереди, имѣетъ узкіе рукава, застегивающіеся у ручной кисти на нѣсколькихъ оловянныхъ пуговичкахъ и шьется постоянно на ватѣ для того, чтобы придавать стану полноту; края кафтана обшиваются позолоченными шнурками или позументами. На грудь, начиная отъ шеи до кушака, а иногда и ниже, надѣвается сѣтка, густо унизанная сверху мелкими, а дальше все болѣе и болѣе крупными червонцами. Затѣмъ идетъ вокругъ талии широкій, плюсовый кушакъ, шитый серебромъ или золотомъ, съ громадными серебрянными бляхами, иногда въ фунтъ тяжести, съ рельефными узорами. Подъ кушакъ надѣвается красная шерстяная шаль въ такомъ видѣ, что назади образуется яркаго цѣбта треугольникъ, доходящій чуть не до ногъ. Сверхъ кафтана одѣваютъ *джубе* или коротенькую шубку, преимущественно красной и зеленой матеріи, обшитую по краямъ мѣхомъ и широкими позументами по всѣмъ швамъ. При выходѣ же изъ дома, сверхъ описаннаго костюма надѣвается суконная розоваго или зеленаго цѣбта *Феридже*, нѣчто въ родѣ накитки, съ коротенькими рукавами, которую можно набрасывать и на голову при недалеи отлучкѣ со двора, въ видѣ *марамы* или чадры.

Татарки большія охотницы до колець и браслетовъ и носятъ въ особенности первые, въ такомъ количествѣ, что иногда положительно не видно нижней половины пальцевъ. Кольца эти болыиинствомъ мѣдныя, а браслеты или серебряныя или изъ простыхъ стеклярусовъ.

Ножная обувь крымской татарки представляетъ нѣсколько различныхъ формъ, имѣющихъ различное назва-

чяніе, смотря по погодѣ: *мечты* или сафьяновые сапожки онѣ надѣваютъ зимою въ комнатѣ, *панучи* съ острыми головками, расшитые золотомъ и серебромъ, при выходѣ лѣтомъ. Къ первымъ принадлежатъ *катыры*, нѣчто подобное нашимъ галошамъ, а къ послѣднимъ *терлеки* или башмаки, закрытыя сверху до половины. Вся эта обувь готовится изъ сафьяновъ чернаго, желтаго и краснаго цвѣтовъ. Для грязныхъ погодъ, татарки имѣютъ ходули очень красиво отдѣланныя и дѣйствительно предохраняющія ноги отъ мокроты *).

Многіе предполагаютъ, что крымскіе мусульмане воспрещаютъ женамъ выходить изъ дома на томъ основаніи, что они ревнивы, но предположеніе это совершенно несправедливо, и мнѣ кажется что рѣдкій народъ имѣетъ менѣе понятія о ревности, безъ дѣйствительныхъ причинъ, въ сравненіи съ мусульманиномъ, убѣжденнымъ, что единовѣрцы его чужды идеи посягательства на соблазнъ чужой жены. Если же мусульманки усвоили обычай скрываться отъ стороннихъ лицъ и закрываться чадрами при выходѣ на улицу, это ни что иное какъ религіозная потребность съ цѣлю не возбуждать въ незнакомомъ человѣкѣ противозаконныхъ побужденій и сознанія наружныхъ недостатковъ своей жены, зависти жъ своему единовѣрцу, обладающему прекрасною женою и т. п. Татарки Крыма, къ быту которыхъ я присмотрѣлся съ дѣтства, едвали не пользуются большими правами свободы въ сравненіи съ нашими женщинами: онѣ отлучаются изъ домовъ своихъ, куда бы ни пожелали, никогда не говоря объ этомъ мужьямъ, которыхъ въ теченіи всего почти дня не бываетъ дома и которые совершенно не интересуются знать о томъ, что дѣлаютъ ихъ жены во время ихъ отсутствія; но отлучки изъ дому какъ то самими татарками не приняты въ будніе дни, или потому что онѣ въ каждомъ домѣ своихъ знакомыхъ окажутся некстати, или потому, что не имѣютъ въ теченіи всего дня свободнаго времени, такъ какъ исполняютъ всѣ домашнія работы сами. Въ такіе дни, если

*) Зажиточные татары также носятъ сафьяновые мечты, но не иначе какъ съ панучами изъ каравас. Будни же ограничиваются или только послѣдними или чариками т. е. сандалями изъ спрой воловьей кожи.

вы встрѣтите татарку, то она навѣрно идетъ по дѣлу или въ ближайшую лавченку за необходимыми покупками. Значеніе прогулки для нея непонятно, такъ точно, какъ и неприлично проходить кварталы, населенные христианами, о нравственности которыхъ она имѣетъ дурное понятіе, потому что не разъ слышала о бродящихъ по улицѣ пьяныхъ и охотникахъ затрогивать женскій полъ, не взирая на лѣта.

Татарка.

Выходы изъ домовъ татарками приняты только въ дни праздниковъ, при болѣзни знакомыхъ или родныхъ, которымъ онѣ носятъ рисовый супъ собственнаго приготовления, въ томъ убѣжденіи, что больному всегда нравится чужая пища, подъ качели, на скачку лошадей и свадебные вечера, но чаще всего онѣ отлучаются зимними вечерами къ сосѣдкамъ на *лабгы* (бесѣду) и въ баню, если таковыхъ нѣтъ при ихъ жилищахъ. Однако многія изъ нихъ лишены возможности пользоваться и этими удовольствіями, потому что положительно бываютъ заняты съ ранняго утра до поздней ночи домашними работами, вслѣдствіе того, что у нихъ какъ-то не принято держать прислугу въ домѣ. Мнѣ неоднократно приходилось видѣть молодыхъ татарокъ, обязанныхъ

ежедневно выпекать до 20 хлѣбовъ для работниковъ и пастуховъ, по два раза готовить имъ теплую пищу, ткать на все семейство полотно и обшивать его, слѣдить за всѣмъ хозяйствомъ, доить коровъ, удовлетворять прихотямъ полдесятка крошечныхъ дѣтей и т. п.

Познакомивъ читателей нашихъ съ домашнимъ бытомъ татарки, намъ приходится сказать нѣсколько словъ о преданности этихъ женщинъ къ дѣтямъ. Для ясности передамъ нѣсколько примѣровъ: въ одно время хозяйка моя, деревенская татарка, куда то отлучилась изъ дома. Лишь только она скрылась со двора, я пораженъ былъ ужаснымъ крикомъ крошечнаго ея ребенка. Быстро вскочивъ въ хату, я увидѣлъ, что на несчастномъ дитяти горѣла верхняя одежда. Схвативъ его, я въ торопяхъ опустилъ въ первую попавшуюся мнѣ на глаза бочку съ жидкостію, въ которой, какъ оказалось, хранился бекмезь, любимое лакомство татаръ. Въ моментъ, когда совершалось погруженіе, вбѣжала мать и въ полной увѣренности, что я топлю ея дитя, съ такимъ бѣшенствомъ вцѣпилась въ меня, что мнѣ стоило отчаянныхъ усилій освободиться и заставить ее выслушать дѣло. Нѣсколько лѣтъ послѣ этого, проживая въ другой татарской деревнѣ, однажды я возвращался съ охоты и случайно заглянулъ въ колодезь, около котораго лежала пара *терликовъ* *), а подальше—мѣдный кувшинъ. Каково-же было мое удивленіе, когда я замѣтилъ въ немъ татарку, погруженную въ водѣ и высоко надъ головою державшую небольшого ребенка. Впослѣдствіи, когда она была спасена, я узналъ, что она бросилась въ колодезь вслѣдъ за ребенкомъ въ ту самую минуту, когда онъ подползъ къ отверстию и, желая посмотрѣть чѣмъ занята мать, полетѣлъ въ отверстіе. Третій примѣръ самоотверженія матери былъ ужаснѣе: по деревнѣ бѣжалъ быкъ съ надрѣзаннымъ горломъ, вырвавшійся изъ подъ ножа рѣзника; предъ нимъ несея мальчикъ, лѣтъ 10-ти, крича страшнымъ голосомъ и не зная куда скрыться, такъ какъ съ обоихъ сторонъ дороги встрѣчались высокіе частоколы—вдругъ предъ разъяреннымъ живот-

*) Татарская обувь,

нымъ является мать съ поднятыми руками, чтобы остановить его, но въ то самое время, когда сынъ ея уже спасся, быкъ наскакиваетъ на нее и страшнымъ мановеніемъ головы очищаетъ себѣ дорогу, отбросивъ несчастную замертво въ сторону.

Безпредѣльная любовь татарки къ дѣтямъ выражается и въ обыкновенной жизни слѣдующими ничтожными приѣмами: суевѣрная до крайности, вѣрующія, что и вѣдьмы враждуютъ противъ дѣтей и злой джинъ немилосерденъ къ нимъ и злой человекъ можетъ сглазить ихъ на смерть, — онѣ со дня рожденія обвѣшиваютъ своихъ дѣтей разнаго рода молитвами, зашитыми въ вошанкахъ амулетками и другаго рода талисманами въ родѣ синихъ бусъ, змѣиныхъ головокъ, клещей отъ морскаго рака, мѣдныхъ монетъ и т. п. въ убѣжденіи этими средствами отклонить дурное вліяніе несчастливаго глаза. Не менѣе важную роль между всѣми этими средствами занимаетъ и кусочекъ желѣза, извѣстный подъ именемъ громовой стрѣлы, которая будто наводитъ ужасъ на злаго духа и виѣстѣ съ тѣмъ не допускаетъ ребенка почувствовать страхъ. Громовыя стрѣлы эти, по моему мнѣнію, ни что иное, какъ великолѣпно и чрезвычайно правильно отдѣланный стальной наконечникъ стрѣлы первобытныхъ обитателей Крыма, которыя татаре отыскиваютъ въ землѣ и, не умѣя опредѣлить ихъ настоящаго значенія, остаются при убѣжденіи, что это суть стрѣлы, падающія съ неба послѣ громоваго удара.

Татарѣ Крымскаго полуострова не имѣютъ никакихъ общественныхъ развлеченій, за исключеніемъ сборищъ въ кофейнѣ, куда собираются преимущественно по вечерамъ составляя партіи: *первая* любителей кофе съ трубкою и разговоровъ, *вторая* игроковъ въ шашки и *третья* картежниковъ. Послѣдніе очень занимательны красными словцами и представляютъ характеры людей, въ высшей степени испорченныхъ. Они играютъ въ слѣдующія игры, безъ сомнѣнія сдѣлавшіяся имъ извѣстными отъ грековъ, послѣ присоединенія Крыма къ Россіи: *кончину*, *три листика* и *устарѣвшій проферансъ*. Предавшіеся игрѣ бываютъ такъ страстны и азартны, что не покидаютъ ее до окончательнаго раззоренія.

Однако, описанныя нами развлечения не имѣютъ никакого значенія въ сравненіи съ зрѣлищемъ, подобнымъ скачкѣ лошадей и верблюдовъ, на которое татары собираются съ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ съ такимъ же увлеченіемъ, какъ нѣкогда римляне на бой гладиаторовъ. Лошадь есть самое любимое животное для татарина: она составляетъ его богатство, гордость, джигитство, наслажденіе и утѣшеніе въ скорби—въ особенности если обращаетъ на себя завистливые взгляды или прославилась выигрышемъ приза. Онъ обвѣшиваетъ ее священными молитвами отъ дурнаго глаза, самъ кормитъ и скорѣе отдастъ другу жену, чѣмъ лошадь, доставившую ему славу или извѣстность. Въ какой степени имъ нравятся скачки лошадей, это видно изъ того, что каждое торжество непременно должно кончатся скачкою, такъ равно она неизбѣжна, если случайно въ извѣстную мѣстность съѣдутся нѣсколько всадниковъ изъ различныхъ селеній или городовъ; если же до слуха татарина дойдетъ, что въ такомъ то, даже отдаленномъ отъ него, селеніи будетъ скачка съ значительнымъ числомъ наѣзниковъ, онъ бросаетъ семейство свое и, презирая всѣ блага и крайности, мчится за славою, если твердо надѣется на скакуна своего и съ удовольствіемъ жертвуетъ послѣднею копѣйкою на подготовленіе къ важному событію. Предварительное подготовленіе лошадей къ быстрому бѣгу требуетъ особенной заботливости хозяина: во-первыхъ, лошадь постоянно должна находиться въ движеніи, ѣсть какъ можно меньше. Нѣкоторые изъ любителей кормятъ ихъ въ это время рисомъ и скрываютъ отъ солнечныхъ лучей. Въ степныхъ частяхъ Крыма, татары съ такимъ же увлеченіемъ прежде устраивали скачки на верблюдахъ, но со времени послѣдней эмиграціи огромной массы изъ нихъ, зрѣлище это нынѣ предано забвенію или случается очень рѣдко.

Скачки бываютъ двоякаго рода: въ *линію* по назначенному направленію до извѣстной точки, когда вся слава принадлежитъ коню—и *поворотами* въ разныя стороны, когда выказывается ловкость сѣдока, преслѣдуемаго другимъ, съ тѣмъ, чтобы вырвать у него изъ зубовъ развѣвающійся платокъ, предназначенный въ призѣ.

Самым высокаторжественным днем для татаръ въ Крыму считается губернская скачка, на которую являются всѣ почти состоятельные мусульмане всего полуострова, если и не съ цѣлью участвовать, то по крайней мѣрѣ полюбоваться славнымъ зрѣлищемъ, на которое спѣшать съ одушевленіемъ даже ихъ жены, въ бѣлыхъ чадрахъ, обыкновенно располагающіяся въ противоположной сторонѣ отъ мужской публики и нерѣдко занимающія длинную линію, которая походитъ издали на растянутое полотно ослѣпительной бѣлизны.

Послѣ скачекъ, восхитительнымъ зрѣлищемъ считается у татаръ борьба молодыхъ людей. Увеселеніе это также важно какъ и скачки—и оно считается при каждой болѣе или менѣе порядочной свадьбѣ необходимымъ условіемъ для полного удовлетворенія потребности публики. Призомъ борцамъ служатъ простые цвѣтные платки, которые вывѣшиваются на высокихъ шестахъ. Тотъ, кому удастся побороть троихъ имѣетъ право на полученіе одного. Борьба обыкновенно происходитъ на открытомъ воздухѣ на гладкой полянкѣ, поросшей травою, чтобы избѣгнуть сильныхъ ушибовъ. Полянку эту окружаетъ огромная толпа любопытныхъ и желающихъ участвовать въ дѣлѣ, такъ что дѣйствующія личности остаются внутри. Она начинается подъ оглушительные звуки національной музыки, состоящихъ изъ двухъ пискливыхъ дудокъ (зурна) и громаднаго барабана. Тѣ, которые не видѣли образа татарской борьбы, едва ли могутъ составить себѣ понятіе о ней по собственному представленію. Вотъ краткій очеркъ ея: къ борцу, гордо расхаживающему по аренѣ, подводятъ одного изъ пожелавшихъ помѣриться съ нимъ силами. Соперники ожидаютъ другъ друга глазами и какъ бы съ принужденіемъ впускаютъ руки свои другъ другу въ кушаки и, согнувшись, начинаютъ передвигаться съ мѣста на мѣсто, какъ бы желая обезсилить этими маневрами своего противника, но въ сущности для того, чтобы вѣрнѣе изучить силу и ловкость другъ друга и вмѣстѣ съ тѣмъ выждать удобной минуты для достиженія побѣды. Передвиженіе это взадъ и впередъ продолжается иногда до 10 минутъ, пока зашевелится ретивое или затронет-

ся самолюбіе. Тогда борцы выпрямляются и ноги ихъ также приходятъ въ дѣйствіе—и за тѣмъ уже слѣдуетъ обобщное паденіе, сопровождаемое радостными криками толпы при удвоенныхъ усилахъ музыкантовъ.

Силачи или вообще ловкіе борцы у татаръ считаются замѣчательными личностями и имена ихъ также извѣстны имъ, какъ и имена любителей хорошихъ лошадей, удостоившихся приза на одной изъ болѣе важныхъ скачекъ.

Послѣ борьбы слѣдуетъ охота, которая бываетъ въ различныхъ видахъ и именно ружьями, капканами и борзыми собаками. Послѣдними травятъ только зайцевъ. На птицъ татаре, съ тѣхъ поръ какъ перестали имѣть соколовъ, почти не охотятся. Исключеніемъ служатъ для приморскихъ мусульманъ перепелы во время перелета ихъ, когда эту птицу истребляютъ днемъ палками, сѣтями, а ночью при свѣтѣ фонарей хватаютъ чуть не руками. Изъ всѣхъ сказанныхъ родовъ охоты, татаре предпочитаютъ травлю зайцевъ, которая имъ нравится скаканіемъ верхомъ вслѣдъ за испуганными животными, преслѣдуемыми борзыми собаками.

Затѣмъ слѣдуютъ танцы, которымъ безумно преданы всѣ вообще татаре; исключеніемъ служатъ дряхлые старцы, которые въ своемъ возрастѣ предпочитаютъ пѣніе: для него пѣснь пріятное развлеченіе и въ особенности если въ пѣсни этой есть что нибудь напоминающее молодья его лѣта или намекающее на времена джигитства татаръ Европѣ.

Судъ и расправа.

Крымскіе татары, только въ настоящее время, начали предпочитать наши суды; но лѣтъ двадцать тому назадъ между ними всякій тотъ, который занесетъ на едновѣрца свою жалобу гауру, считался, въ свою очередь гауромъ. Мнѣнію этому не держатся теперь только въ спорахъ за недвижимую собственность, но во всѣхъ мелочныхъ недоразумѣніяхъ, гдѣ дѣло можетъ уладиться посредствомъ другаго лица, они на прежнемъ основаніи обращаются къ духовенству своему, которое, по завѣ-

нанію пророка Магомета, обязано завѣдывать и судебною властію. Важнѣйшимъ судьею считается муфтіи, за нимъ уѣздный кадій и затѣмъ уже мѣстный хатипъ или мулла. Права ихъ состоятъ единственно въ томъ, чтобы указать, кто виноватъ и какой отвѣтственности онъ подлежитъ по магометанскому шираату, если не удовлетворить обиженнаго; но лично подвергать наказанію, они, послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, считаютъ себя не вправѣ. Къ суду своему татары питаютъ большее почтеніе на томъ основаніи, что дѣла ихъ разсматриваются по законамъ, установленнымъ пророкомъ; но сколько намъ извѣстно, Магометъ не оставлялъ послѣдователямъ своимъ отдѣльнаго законоположенія, кромѣ житейскихъ правилъ, объясненныхъ въ коранѣ и какихъ то изустныхъ фразъ, соединенныхъ въ книгу названную Суною, въ которой дѣйствительно есть нѣсколько постановленій. Вѣрнѣе думать, что принятыя татарами законы составлены послѣдующими арабскими калифами; выработаны же окончательно въ Европейской Турціи, откуда они выписываются по настоящее время. Уставы эти состоятъ изъ двухъ громадныхъ томовъ и, судя по распределенію статей, примѣнены къ обще-европейскимъ законоположеніямъ, но въ основѣ ихъ сильно замѣчаются требованія Корана.

Мнѣ не разъ приходилось быть свидѣтелемъ при разборѣ гражданскихъ дѣлъ кадіями и муллами и я, признаться, всегда почти выносилъ убѣжденіе, что судьи ихъ не увлекались несправедливыми толкованіями въ пользу личныхъ интересовъ, а всегда дѣйствовали чистосердечно. Для примѣра, приведу нѣсколько случаевъ. Однажды ко мнѣ пріѣхалъ кадій. Пока я угощаль его кофеемъ, въ дворъ мой собралась цѣлая толпа людей, желавшихъ видѣть своего начальника. Всего удивительнѣе мнѣ показалось подобное требованіе и со стороны одного анатолійскаго грека, котораго сопровождалъ мусульманинъ. Допустивъ этихъ двухъ къ гостю моему, я началъ слушать заявленіе.

— Я имѣю къ вамъ дѣло, сказалъ грекъ, подойди къ кадію съ почтеніемъ и согласенъ получить рѣшеніе по книгѣ вашего закона.

— Аллахъ милостивый да будетъ свидѣтелемъ, что ты будешь говорить мнѣ правду, сказалъ кадій, поджавъ ноги и превращаясь въ слухъ.

— Этотъ мусульманинъ—началь грекъ, указывал на молодого татарина—подрядилъ меня къ постройкѣ дома за тысячу рублей. Я повѣрилъ ему на слово и выписалъ рабочихъ изъ Бахчисарая; когда же явились мои люди, и я готовъ былъ приступить къ дѣлу—онъ отвѣчалъ мнѣ, что въ настоящее время не нуждается во мнѣ, потому что работу передалъ другому за 600 рублей.

— Такъ ли сказано? спросилъ кадій, обращаясь къ обвиняемому.

Послѣдній началъ отговариваться неустойкою грека и собственными выгодами. Судья, выслушавъ его, поднялъ голову и громко произнесъ: „братъ мой, законъ нашей религiи повелѣваетъ тебѣ слѣдующее: или уплатить тысячу рублей этому христіанину, дозволивъ постройку дома другому, или же выполнить обязательство твое съ нимъ. Выбирай любое изъ двухъ, но худо тебѣ будетъ на томъ свѣтѣ, если ты уклонишься отъ исполненія постановленія нашего великаго пророка. Отвѣчай же, сынъ мой—на что ты согласишься?“

— Аллахъ-керимъ вознаградитъ меня въ другомъ, произнесъ обвиненный. Я изъявляю согласіе исполнить мое первое обязательство.

Вслѣдъ за грекомъ, подступилъ къ кадію татаринъ, лѣтъ 45-ти.— „Эфенди, сказалъ онъ, поцѣловавъ у него руку, года три тому назадъ, выдавая замужъ единственную дочь мою за этого джигита (онъ указалъ на молодого татарина), я совершилъ на имя его дарственную запись всего движимаго и недвижимаго имущества моего, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ кормилъ меня до смерти, но послѣдняго условія нямъ, писавшій запись, не помѣстилъ въ нее. Между тѣмъ, зять мой не только не исполнилъ договора, но, даже теперь, послѣ смерти дочери моей, рѣшился выгнать меня изъ дома на основаніи дарственной записи. Я знаю, эфенди, что если онъ обратится съ этимъ документомъ къ покровительству законовъ—дѣло мое проиграно, потому что въ теченіи 3-хъ лѣтъ я не только не уничтожалъ дарственной записи, но и никому не жаловался, что онъ не исполнялъ обѣщанія кормить меня“.

— Скажи теперь ты, мой сынъ, обратился кадій къ противной сторонѣ.

— Я эфендимъ (т. е. мой эфенди), никакихъ не дѣлалъ съ нимъ словесныхъ условій содержать его по смерти. Онъ подарилъ мнѣ все движимое и недвижимое имущество только потому, что я женился на его дочери.

— Слѣдовательно, онъ подарилъ тебѣ ради своей дочери—такъ ли? спросилъ кадій. Но если эта дочь умерла? подумай самъ, въ правѣ ли ты рассчитывать на его собственность? Можешь ли ты быть наследникомъ отцовскаго имущества, когда отецъ состоитъ на лицѣ?

Татаринъ замаялся. — „Негодный ты мусульманинъ, мошенникъ и злой человекъ; прибавилъ кадій. Ты будешь проклятъ пророкомъ, если осмѣлишься еще разъ посягать на собственность человека, который, изъ любви къ дочери, хотѣлъ послѣ смерти своей осчастливить тебя. Ступай съ глазъ моихъ!“ Выгнавъ молодого плута, кадій сказалъ жалобщику, что завтра онъ распорядится объ отобраниі дарственной записки у бывшего его зятя.

— Всегда ли вы такъ счастливы въ вашихъ рѣшеніяхъ? спросилъ я кадія.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — Есть много недобросовѣстныхъ людей, которые такъ мастерски ведутъ свои дѣла, что нѣтъ возможности обвинить ихъ. Я расскажу вамъ одно событіе, случившееся въ Константинополь, и попрошу вашего мнѣнія Одинъ бѣднякъ, не имѣя средствъ къ содержанію большого семейства, рѣшился воспользоваться, воровскимъ образомъ средствами одного изъ богачей, извѣстнаго въ Стамбуль, и, по неопытности, забрался въ домъ мошенника и вора, гдѣ его тотчасъ же поймали и представили къ хозяину. Несчастный бросился въ ноги, умоляя о пощадѣ и сознаваясь въ причинахъ, которыя побудили его пуститься на безчестный промыселъ. — Хорошо, мой братъ, отвѣчалъ хозяинъ, я не только прощу тебя, но и обезпечу твое семейство, съ тѣмъ однако, чтобы ты во всю жизнь не проговорился никому о томъ, что мы сдѣлаемъ вдвоемъ. Вслѣдъ за тѣмъ мошенникъ, накормивъ новаго пріятеля своего, зажегъ фонарь и, набравъ полные карманы ключей разной величины, пригласилъ его слѣдовать за собою. Нѣсколько минутъ спустя, они остановились предъ большою лавкою и подобравъ ключи успѣли проникнуть во внутренность ея. Обшаривъ всѣ углы, они вытащили сундукъ, въ которомъ хранилось пять небольшихъ мѣшковъ золотой монеты. Бѣднякъ принялся было набивать ими карманы, но благодѣтель остановилъ его на первыхъ же порахъ и преспокойно началъ считать количество червонцевъ въ каждомъ мѣшкѣ. Потомъ, составивъ каждому мѣшеу отдѣльную подробную опись, за своею собственною печатью, снова замкнулъ сундукъ и лавку. — Что это значитъ? спросилъ удивленный товарищъ, когда они вышли на улицу. — Это мой секретъ — отвѣчалъ ему хозяинъ. Отсюда оба они отправились прямо на домъ къ хозяину открытой имъ лавки и при помощи ключей забрались никѣмъ не замѣченные въ мисафирь-оду (пріемную комнату). Здѣсь засвѣтивъ свѣчу, они безпечно начали играть въ шашки. Часъ спустя, хозяинъ дома, пробужденный крикомъ груднаго младенца, замѣтилъ въ пріемной свѣтъ и двѣ подозрительныя личности. Немедленно приглашенъ былъ полицейскій чиновникъ съ стражниками. На вопросъ полицейскаго: что они за люди и зачѣмъ зашли въ чужой домъ? менторъ отвѣчалъ, что они остановились въ этой комнатѣ, по просьбѣ самого хозяина, съ которымъ ведутъ коммерческія дѣла болѣе 20 лѣтъ и состоятъ въ тѣсной дружбѣ. — Не правда, неправда, возражалъ хозяинъ я ихъ вижу въ первый разъ; они

воры.—Воры никогда не играютъ въ шашки въ томъ домѣ, гдѣ думаютъ обворовать, отвѣчалъ мошенникъ,—но вы, кажется, жалеете сами сдѣлаться похитителемъ нашего имущества. Надо вамъ знать, продолжалъ плутъ, обращаясь къ полицейскому,—мы вчера вечеромъ довѣрили этому человѣку 50 т. червонцевъ, въ 5-ти мѣшкахъ, при нашей описи, за шнуромъ и печатью, съ тѣмъ, чтобы онъ сохранилъ ихъ до завтра, и пришли къ нему почевать. Между тѣмъ злой духъ, вѣроятно, внушаетъ ему мысль предать насъ обвиненію съ цѣлью воспользоваться нашимъ золотомъ; а потому покорно прошу отправиться съ нами сейчасъ же къ нему въ лавку и убѣдиться на дѣлѣ, сличивъ нашу печать и повѣрить счетъ золота противъ описей, хранящихся при каждомъ мѣшкѣ. Полицейскій исполнилъ ихъ требованіе и къ удивленію хозяина-жалобщика, призналъ мошенниковъ невинными.—Ну, скажите сами, спросилъ кадій,—чтобы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ, еслибѣ имѣли дѣло съ такими людьми? А мало ли такихъ молодцовъ въ моемъ округѣ? Трудно, очень трудно быть судьей въ дѣлахъ, гдѣ нѣтъ совѣсти и вѣры въ Аллаха.

— Извините меня, если я медомъ *переръжу* ваши слова *), сказалъ сѣдой татаринъ, сидѣвшій около меня, обращаясь къ кадію.—Въ Стамбулѣ никакое злодѣяніе не скрывалось отъ глазъ кадіевъ и виновные всегда дѣлались жертвою святаго закона **). Я вамъ расскажу одно очень важное событіе, о которомъ мнѣ говорили въ Константинополѣ многіе почтенные старцы, удивляясь мудрой находчивости судьи. Одна ханымъ (госпожа), имѣя нужду въ деньгахъ, рѣшилась приобрести ихъ слѣдующимъ мошенническимъ образомъ: у нея было двѣ серебряныя табакерки одинаковой величины и узора. Въ одну изъ нихъ она вложила на 3 т. піастровъ драгоценныхъ камней, а другую, насыпавъ пескомъ, перевязала зеленымъ шнуромъ и запечатавъ ее своею имянною печатью, отправилась съ обѣими къ ювелиру, чтобы попросить у него подъ залогъ табакерки съ брилліантами, на одинъ мѣсяць, тысячу піастровъ. Кунецъ, осмотрѣвъ залогъ, изъявилъ согласіе. Ханымъ вынула изъ кармана свою печать съ зеленымъ шнуркомъ и запечатавъ табакерку въ присутствіи заимодавца, оставила ее на столѣ.—Сколько же ты возьмешь съ меня процентовъ? спросила она. „Я, обыкновенно, беру въ мѣсяць по 2 піастра на 100, отвѣчалъ ювелиръ. Такіе проценты, повидимому, испугали ханымъ. Она схватила со стола табакерку и хотѣла уйти; но благоразумный заимодавецъ сдѣлалъ ей уступку. Ханымъ согласилась, получила тысячу піастровъ, но оставила ему, вмѣсто брилліантовъ, табакерку съ пескомъ. Прошелъ мѣсяць, другой и третій, — а ханымъ не является. Отчаявшійся брилліанщикъ, не зная ни имени, ни мѣста жительства ея, рѣшился воспользоваться залогомъ; но каково же было его разочарованіе, когда

*) Поговорка, принятая у татаръ.

***) Таковы убѣжденія крымскихъ татаръ.

въ вскрытой при свидѣтеляхъ табакеркѣ, вмѣсто драгоценныхъ камней, оказались простые камешки. Пораженный такимъ ловкимъ обманомъ женщины, онъ побѣжалъ съ жалобою къ пашѣ. Выслушавъ его, судья отвѣчалъ: оставь ты у меня эту табакерку и сдѣлай такъ, чтобы весь городъ былъ убѣжденъ, что тебя обворовали. Этого мало, — говори всѣмъ встрѣчнымъ, что въ числѣ похищенныхъ вещей была и табакерка одной ханымъ съ бриллиантами, цѣною въ 30 т. піастровъ, которые были у тебя въ залогѣ. Приказаніе паша было исполнено ювелиромъ. Прошло нѣсколько дней. Какъ вдругъ является къ ювелиру ханымъ и требуетъ свою табакерку съ бриллиантами. Занмодавецъ говоритъ ей о случившемся, въ его домѣ воровствѣ, но она ничего не хочетъ слышать, требуетъ съ него 100 т. піастровъ и бѣжитъ съ жалобою къ пашѣ. Паша, выслушавъ ее, приказываетъ внести должные бриллиантнику тысячу піастровъ, потомъ, подавая ей табакерку съ пескомъ, приказываетъ отвести ее въ темницу.

— Мапъ-Аллахъ! (славецъ Богъ), отвѣчалъ кадій. — Паша, должно быть, былъ умный человекъ.

Послѣдніе приведенные мною рассказы, хотя и не имѣютъ отношенія къ татарамъ, но они доказываютъ, что судья ихъ чрезвычайно интересуются событіями, въ которыхъ слѣдователь сумѣетъ открыть истину или обнаружить преступника и нерѣдко заучиваютъ ихъ наизусть, для руководства при надобности.

При ханскомъ владычествѣ въ Крыму высшимъ судьбою въ деревняхъ считался кадій, у котораго былъ извѣстный районъ для дѣйствій, а въ городахъ особенный духовникъ, именовавшійся шегеръ-кады. На рѣшенія его могли приносить аппеляцію муфтію, но на это немногіе рѣшались. Кадіи не судили только въ такихъ случаяхъ, когда доходило до смертной казни. Такого рода преступленія разсматривались въ диванѣ, гдѣ засѣдали представители высшихъ родовъ ханства и государственные чины. Рѣшеніе дивана такъ было важно, что и ханъ не могъ отмѣнять его. Шегеръ-кадіи обязаны были творить свой судъ сообща съ наибомъ или ремесленнымъ старостою. Судьи эти имѣли право взыскивать съ виновныхъ деньгами или по-вергать ихъ тѣлесному наказанію по пяткамъ (фаланга), смотря по личному убѣжденію и не ожидая аппеляціи. Однако при обвиненіи, кромѣ личнаго убѣжденія, требовалось или сознаніе обвиняемаго или свидѣтельство четырехъ благонадежныхъ мужчинъ. Въ магометанскихъ законахъ сколько намъ извѣстно чрезвычайно много постановленій, согласующихся съ по-

нятіями разумныхъ людей, но есть очень много такихъ, которыя въ настоящее время представляютъ аномалію или ясныя протіворѣчія разсудку и заставляютъ многихъ татаръ предпочитать наши законы. Всего непріятнѣе для нихъ тѣ статьи шираата, по которымъ наслѣдство частію переходитъ обратно къ отцамъ и дѣдамъ, не смотря на существованіе прямыхъ наслѣдниковъ. Последнее законоположеніе, ясно обусловленное въ IV гл. въ 12 ст. Корана всегда почти возбуждаетъ неудовольствіе у наслѣдниковъ и заставляетъ ихъ искать правосудія у нашихъ судебныхъ учреждений въ противоположность 1339 ст. X т. I части.

Права владѣнія недвижимостію.

Право это началось у татаръ съ того времени, когда они вступили въ Крымъ въ качествѣ властителей. Вытѣснили ли они собственниковъ изъ ихъ домовъ и садовъ по праву сильнаго, или пріобрѣтали ихъ по добровольной сдѣлкѣ, это осталось для насъ тайною. Намъ извѣстно только, что при Сагипъ-гирей-ханѣ всѣ почти, изъявившіе желаніе вести осѣдлую жизнь, получили право на извѣстное пространство земли; а при присоединеніи Крыма къ Россіи положительно у всѣхъ татаръ, имѣвшихъ недвижимую собственность, оказались, хотя не подходящіе къ нашимъ постановленіямъ документы, но дѣйствительные въ отношеніи безспорности. Это заставляетъ думать, что ханъ этотъ дарилъ извѣстную округу или одной личности, которая дробила ее на участки, или обществу, которое предоставляло членамъ своимъ загоразивать куски удобныхъ мѣстъ для разведенія садовъ и чаировъ, вслѣдствіе чего они дѣлались собственниками и имѣли право перепродавать обработанную ими землю. Ко второму разряду владѣній принадлежатъ пожалованныя ханами за различнаго рода заслуги. Такія земли именовались бейликами и переходили къ старшему въ роду до тѣхъ поръ, пока не прекращалось мужское поколѣніе, а затѣмъ возвращались въ казну хана или калги-султана. Къ третьему разряду относились вакуфы или земля и дома, подаренные правительствомъ

или частными лицами въ пользу мечетей, монастырей (текіе) и духовныхъ училищъ (медресе), доходами которыхъ должны были вознаграждаться распорядители этихъ заведеній.

Въ послѣднее время господства татаръ въ Крыму, правительство дозволяло каждому продавать или дарить свою недвижимую собственность безъ всякаго со стороны его противодѣйствія. На этомъ разумномъ основаніи каждый собственникъ выдавалъ покупщику простую домашнюю росписку, засвидѣтельствованную ближайшими сосѣдями и почетными стариками того общества, къ которому онъ принадлежалъ. Въ роспискѣ этой описывались границы участка и заявлялось, что проданъ и деньги сполна получилъ при подписавшихся свидѣтеляхъ. Такая росписка именуется и теперь *сенетомъ* и пишется, обыкновенно, или самимъ продавцемъ или деревенскимъ муллою въ присутствіи представителей общины, съ цѣлью, чтобы никто впослѣдствіи не имѣлъ права оспаривать ее. Документъ этотъ переходитъ въ потомство только въ такомъ случаѣ, если имѣніемъ наследуетъ одинъ наследникъ, но если ихъ нѣсколько, то сенетъ теряетъ свое значеніе и переобразовывается въ *наифта* или раздѣльный актъ, который, обыкновенно, составляется въ присутствіи многихъ старожиловъ, уѣзднымъ кадіемъ. Документы эти святы, никѣмъ неоспоримы и ненарушимы. Вотъ влѣдствіе этого удобства татаре никогда, можетъ быть, не стануть дѣлать между собою требуемыхъ нашимъ закономъ, купчихъ крѣпостей такъ какъ это сопряжено съ большими хлопотами и расходами, а мѣстное начальство, въ виду интересовъ казны, нисколько не думаетъ само вручить имъ необходимые документы и такимъ образомъ ввести новый порядокъ совершенія запродажныхъ актовъ.

Послѣ просоединенія Крыма къ Россіи, многіе изъ русскихъ начали закупать земли у татаръ. Вновь учрежденныя нами присутственные мѣста, убѣдившись въ неоспоримости сенетовъ и наифта, безпрекословно совершали по нимъ купчія крѣпости, которыя никогда никѣмъ не оспаривались. Затѣмъ послѣдовало генеральное размежеваніе страны. При этомъ допущено было, быть

можетъ безъ умысла, много серьезныхъ ошибокъ, вслѣдствіе чего многіе присвоили себѣ земли совершенно не принадлежавшія имъ. Простонародіе, не понимавшее ни значенія плановъ, ни межевыхъ знаковъ, ни русскаго языка, мало обращало вниманія на дѣйствія землемѣровъ и разумѣется впоследствии, когда планы эти вступили въ законную силу, начали роптать за отчужденіе отъ нихъ собственныхъ земель въ пользу лицъ, заинтересованныхъ ихъ собственностію. Правительство наше взяло ихъ жалобы и снарядило комиссію, которая принесла много пользы тѣмъ именно, что приняла въ основаніе своихъ разслѣдованій сенеты и наифта и по нимъ опредѣлила настоящихъ землевладѣльцевъ. Съ назначеніемъ въ Новороссійскій край генераль-губернаторомъ князя Воронцова, который близко ознакомился съ татарами и ихъ документами на поземельную собственность, послѣдовало по ходатайству его распоряженіе, чтобы сенеты и наифта въ теченіи 10 лѣтъ были превращены въ установленные закономъ крѣпостные акты съ угрозою, что въ противномъ случаѣ отъ ослушниковъ будутъ отбираться земли ихъ въ пользу казны. Надо было предполагать, что такого рода постановленіе правительства окажетъ быстрое дѣйствіе, но не единый изъ татаръ не послушалъ его—и сенеты продолжали пользоваться у нихъ по прежнему силою крѣпостныхъ актовъ. Тогда наши судебныя мѣста, видя невозможность передѣлать освященныя вѣками правила, рѣшились снова принимать ихъ сенеты при совершеніи продажныхъ актовъ, но не иначе какъ съ присяжными розысками, произведенными земскою полиціею о дѣйствительной принадлежности указанному лицу запродаваемой собственности. Къ сожалѣнію, съ введеніемъ гласнаго судопроизводства, выработанное десятками лѣтъ правило это оставлено безъ вниманія и нынѣ татаринъ не имѣетъ права передать своей земли для пользы государственной въ болѣе выгодныя руки только на томъ основаніи, что не имѣетъ официальныхъ бумагъ на землю, которая составляетъ его вѣковую безспорную собственность. По нашему мнѣнію, правила эти очень хороши въ Россіи, гдѣ искони введенъ былъ этотъ порядокъ, но не въ Крыму, гдѣ та-

таре не выучились, еще говорить на нашемъ языкѣ, совершенно не знаютъ нашихъ законоположеній и поневоля должны руководствоваться своими наследственными постановленіями, которыя не иначе могутъ быть устранены, какъ усерднымъ содѣйствіемъ мѣстнаго начальства съ кое-какою потерею со стороны казны для того, чтобы впослѣдствіи пользоваться пошлинами отъ всѣхъ продажъ земель, совершаемыхъ до настоящаго времени частнымъ образомъ.

Понятія татаръ о Магометѣ и Алкоранѣ.

Исламъ, какъ извѣстно, начинается проповѣдью Магомета въ Аравіи, содѣйственной къ колыбели татаръ. Мекка, за много вѣковъ до этого, посѣщалась какъ ярмарка, выгодная для сбыта различныхъ произведеній всѣми окружающими ее народами и кромѣ этого считалась для племени Исмаила священнымъ мѣстомъ по существованію въ ней чернаго камня, на который, по убѣжденію однихъ, взбирался Авраамъ при постройкѣ Каабы, а по мнѣнію другихъ, изобразилъ свою поступь. Послѣдующею святостью признанъ былъ источникъ *земь-земь*, спасшій Исмаила отъ смерти. По мнѣнію Крымскихъ татаръ, Агарь бѣжала къ этому источнику 7 разъ, вслѣдствіе чего арабы установили 7-кратное обхожденіе вокругъ Каабы; здѣсь въ долинѣ Мина, (Муна) Авраамъ хотѣлъ принести въ жертву сына своего Исаака, гдѣ злой духъ задумалъ соблазнить его, однако праотець отогналъ его камнями, вслѣдствіе чего установилось обыкновеніе, чтобы всѣ поклонники святыни бросали на это мѣсто по нѣскольکو камней. Не смотря на все это, арабы не поклонялись тому божеству, которому воздавали почести ихъ родоначальникъ. Кааба до Магомета была храмомъ какого-то божества, уподобляемаго Сатурну, но кромѣ этого идола измаильтяне признавали какую-то Адагату въ качествѣ покровительницы женщинъ, а племена ихъ напр. Корейшъ и Кенанъ обожали Эль-Уззу въ образѣ дерева, а другія боготворили Менать въ видѣ камня, находящагося между Меккою и Мединою. Кромѣ этихъ важнѣйшихъ идоловъ, въ окру-

ности Каабскаго храма расположено было столько истукановъ, сколько въ году дней.

Магометъ является въ этомъ городѣ въ то время, когда любовь арабовъ къ поэзіи дошла до того, что подготовила почву для славы поэта, которому вздумалось бы напомнить народу въ гармоническихъ стихахъ, что высокочтимый ими родоначальникъ Авраамъ поклонялся не идоламъ, а Господу Богу, живущему на небесахъ.

Мы исторически знаемъ, что страсть арабовъ восхвалять различные подвиги и событія старины дошла до такой степени всеобщаго стремленія, что въ извѣстное время года въ Мекку стекались со всей Аравіи поэты съ своими касидахами (поэмами), которыя читались публично и подвергались обсужденію и затѣмъ лучшія изъ нихъ удостоивались не только быть изображены золотыми буквами, но и вывѣшивались на стѣнахъ высокочтимаго храма Каабы. Такихъ поэмъ до Магомета было уже семь. Нѣтъ сомнѣнія, что почести воздаваемыя творцамъ ихъ, волновали сердца юныхъ и пылкихъ людей и кто знаетъ, быть можетъ эти сладкозвучныя стихотворенія прежде всего воспламенили честолюбивую душу Магомета, который, считая себя выше всѣхъ по происхожденію, задумалъ сдѣлаться законодателемъ, по крайней мѣрѣ соотечественниковъ своихъ. Его рѣшительному уму казалось не труднымъ отвлечь цѣлый народъ отъ безразсуднаго поклоненія камнямъ, и начать открывать въ звучныхъ стихахъ тѣ неизвѣстныя подробности о жизни и вѣрованіяхъ Авраама, которыя сохранились въ еврейскихъ книгахъ и о которыхъ арабы имѣли ничтожное понятіе. Идея эта какъ видно серьезно овладѣла имъ, но онъ не зналъ какъ приступить къ началу дѣйствія до того времени, пока не придумалъ писать посланія свои отъ имени Бога. Но предварительно ему необходимы были средства, чтобы занять въ обществѣ почетное мѣсто и для внушенія болѣе вѣры, прикинуться совершенно безграмотнымъ. Чтобы достигнуть перваго, онъ женился на богатой вдовѣ и, сѣздивъ въ Сирію, безъ сомнѣнія съ цѣлью основательно ознакомиться съ іудейскими и христіанскими священными рукописями, рѣшился наконецъ заговорить устами пророка;

но при этомъ онъ не дерзнулъ скрыть отъ послѣдователей своихъ, что еврейскіе Ветхій завѣтъ и Псалтырь, а христіанское Евангеліе также посланы были съ неба Богомъ и въ такой же степени священны какъ и Коранъ. Этого мало, онъ, какъ бы подъ давленіемъ совѣсти, что пользуется чужими постановленіями, безпрестанно дѣлаетъ намеки въ Коранѣ, что книга эта служитъ разъясненіемъ вѣры Авраама и повтореніемъ прошлыхъ заповѣдей Бога.

Что Магометъ сознавалъ свое преимущество предъ всѣми, современными ему поэтами, это видно изъ того, что когда отъ него потребовали вещественныхъ чудесъ въ доказательство божественности, онъ отвѣчалъ, что Коранъ всего лучше свидѣтельствуетъ это, а если кто сомнѣвается въ справедливости, то пусть напишетъ что нибудь подобное одной изъ главъ его. Однако, не смотря на то, что Коранъ по содержанію принадлежалъ къ числу обыкновенныхъ твореній, онъ приводилъ въ удивленіе всѣхъ прелестью стиха, громаднымъ множествомъ историческихъ событій, наставленій, угрозъ и обѣщаній такихъ благъ въ будущей жизни, о которыхъ никогда не смѣлъ воображать не только бѣдный арабъ, вынужденный скитаться въ печальныхъ пустыняхъ, но и самые счастливые обитатели Аравіи. Заручившись этими основаніями и прибравъ въ руки бразды верховной власти, Магометъ въ непродолжительномъ времени со славою достигъ задуманной цѣли. Я говорю со славою только потому, что онъ сблизилъ и соединилъ въ одну семью множество враждующихъ племенъ одной національности и вселилъ въ нихъ такой образъ мысли, что до настоящаго времени не вліяетъ на нихъ ни наука, ни вообще европейская цивилизація.

Вѣрный своимъ религіознымъ принципамъ татаринъ такъ спутанъ волшебною нитью словъ Корана, что никакія истины недоступны его разуму. Для Корана онъ всѣмъ готовъ пожертвовать и счастливъ безпредѣльно, когда слушаетъ чтеніе его, не смотря даже и на то, что не понимаетъ въ немъ почти ничего. Для него по видимому достаточно однихъ звуковъ, которые онъ гадательно разъясняетъ себѣ въ полномъ убѣжденіи, что

одно слушаніе со вниманіемъ даетъ право на милость Аллаха.

Мы очертили Магомета и дѣятельность его въ общемъ, но для поднаго ознакомленія читателя нашего съ религиознымъ направленіемъ Крымскихъ татаръ, считаемъ долгомъ войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе біографіи этого счастливаго законодателя и содержаніе его Корана. Для этого мы будемъ руководствоваться, разумеется въ кратцѣ, всѣми существующими о немъ свѣдѣніями на европейскихъ и азіятскихъ языкахъ и содержаніемъ самаго Корана.

Магометъ по вѣрованію татаръ и вообще мусульманъ.

Аравійскій кодификаторъ, или какъ его называютъ законодатель, Магометъ происходилъ отъ одной изъ самыхъ извѣстныхъ въ Меккѣ фамилій Кореишъ, которой принадлежало наслѣдственное право служенія въ Каабскомъ храмѣ. Съ дѣтства онъ носилъ имя Эль Эмина, что означало честнаго, справедливаго и вѣрнаго, но впоследствии оно не понравилось ему и онъ назвалъ себя Магометомъ, т. е. прославленнымъ. Когда же у него родился сынъ Эль-хасимъ, онъ присоединилъ къ себѣ имя Абдуль-Хасима, т. е. отца Хасима. Въ то время, когда Магометъ родился, Каабою завѣдывалъ дѣдъ его, старшій въ роду Кореишъ, Абдуль-Мотальлебъ.

Про рожденіе Магомета, льстившіе ему современники рассказываютъ различныя вещи. Изъ всѣхъ ихъ въ особенноти замѣчательнъ Авгуназаръ, который написалъ по этому поводу слѣдующее: „Эмине носила Магомета 9 мѣсяцевъ, никогда не чувствуя тяжести и родила его безъ всякихъ болѣзней, свойственныхъ женищинамъ при родахъ. Пуль и та часть, которая отличаетъ христіанъ отъ магометанъ, у этого ребенка были обрѣзаны до рожденія *); что въ эту достопамятную ночь всѣ изгнанные съ неба духи, явившись къ главѣ своему донесли, что видѣли обширное собраніе ангеловъ въ Меккѣ око-

*) Другіе утверждаютъ, что обрѣзаніе его совершено было дѣдомъ на 7-й день. Третьи доказывали, что таинство это совершено архангеломъ Гаврииломъ, который крохъ этого вскрылъ его грудь и очистилъ душу отъ первородныхъ грѣховъ и всякаго рода склонностей къ нимъ.

ло одного дома, изъ котораго сіяніе восходило до самаго неба и что Вельзевуль, выслушавъ ихъ, тяжело вдохнулъ и сказалъ: „должно быть родился тотъ, который назовется великимъ пророкомъ Магометомъ!“

Къ этому присоединилъ Альвахари, что въ часъ рожденія Магомета распались всѣ идолы въ канищахъ Аравіи, уменьшилась вода въ озерѣ Сава; разлились Химаръ и Самава (Тигръ и Евфратъ); потухъ священный огонь Персіи; потрясъ великолѣпный дворець Хозроя (Кезра Ануширвана) и выпало изъ него 14 колоннъ. Кромѣ этихъ недѣлностей онъ говоритъ, что Эмине (мать Магомета) предъ родами, будучи сама одна въ запертой комнатѣ, внезапно поражена была ужаснымъ стукомъ и вдругъ увидѣла около себя огромнаго бѣлаго орла, бьющаго крыльями по животу ея и не смотря на то, что всѣ двери дома ея были заперты, предъ ней очутились богато-убранныя женщины, которыя, напѣвая священныя гимны, поднесли къ губамъ ея драгоценную чашу съ благовоннымъ напиткомъ. Эмине не успѣла отвѣдать его, какъ лице ея освѣтилось необыкновеннымъ свѣтомъ и она услышала пѣніе и многокрылые удары ангеловъ. Въ ту-же минуту комнаты ея наполнились блескомъ отъ цѣнныхъ вещей и райскихъ птицъ. Пораженная и удивленная этими неожиданными явленіями, она почувствовала, что родила Магомета. Вслѣдъ затѣмъ въ комнату явилось бѣлое облако и унесло новорожденнаго отъ матери. Онъ былъ взятъ ангелами для того, чтобы показать людямъ и дьяволамъ, разсѣяннымъ по всей вселенной, будущаго царя и посланника небесъ. Совершивъ это, они возвратили матери сына, обернутого въ шерстяномъ покрывалѣ, держащаго въ рукахъ три ключа, символъ побѣды надъ всѣми народами. Нѣсколько минутъ спустя явилось другое облако въ подобіи крылатой лошади и снова младенецъ взятъ былъ отъ матери. Онъ понесенъ былъ ангелами въ тѣ мѣста, гдѣ рождались пророки и апостолы, и когда былъ снова возвращенъ, послышался великій гласъ *): „одѣньте его въ одежду Адама, въ высочество Ноя; умъ Авраама,

*) Надо полагать Господа.

языкъ Исмаила, красоту Иосифа, въ терпѣніе Іова, голось Давида, въ познанія Іоанна (евангелиста), величіе Исуса, силу Моисея и дайте ему одному первенство и почести предъ всѣми пророками!“ Младенець въ этотъ моментъ держалъ въ рукѣ особенный знакъ, возвѣщающій величіе его надъ вселенной. Вслѣдъ затѣмъ явились въ комнату три мужа въ богатыхъ одеждахъ съ драгоценнымъ смарагденнымъ сосудомъ, въ которомъ семь разъ омыли новорожденнаго водою и одинъ изъ нихъ напечатлѣлъ ему промежь плечей знакъ, присвоенный пророкамъ *) завернулъ въ шелковыя ткани и, продержавъ нѣсколько минутъ подъ крыльями своими, цѣлуя его сказалъ: „онъ будетъ величайшимъ господиномъ на землѣ и посредникомъ между Богомъ и людьми.“ Этотъ предсказатель именовался ангеломъ хранителемъ рая. Послѣ этого Эмине увидѣла три огненныхъ столба надъ собою и облако, покрывшее ея сына. Когда же все это исчезло, она замѣтила, что Магометъ былъ натертъ квасцами и обрѣзанъ по еврейскому закону.

Въ это время Абдуль Мотальлебъ **), дѣдъ новорожденнаго ходилъ по капищу въ изумленіи, что идолы его падали и рассыпались. Какъ вдругъ надъ нимъ раздался голось: „сейчасъ Эмине родила великаго пророка Магомета!“ Услышавъ это, обрадованный старикъ побѣжалъ домой, но въ то время, когда хотѣлъ обнять внука, предъ нимъ явился грознаго гида человекъ, съ саблею въ рукахъ, и, вытолкавъ его изъ комнаты, объявилъ: „что никто изъ смертныхъ не долженъ видѣть новорожденнаго пророка, до тѣхъ поръ, пока не увидятъ его ангелы небесныя.“ Между аравитянами и по настоящее время есть преданіе, что въ день рожденія Магомета, много демоновъ ослѣпло и умерло ***).

*) Это выведено изъ того, что у Магомета на этомъ мѣстѣ было родимое пятно.

**) По рукописи, найденной мною у наслѣдниковъ крымскаго хана онъ названъ Абдуль-Мухталубомъ.

***) Всѣмъ извѣстно, что о Магометѣ написаны извѣстные англійскій историкъ Ирвингъ; но предаваемая нами свѣдѣнія не имѣютъ ничего общаго съ этимъ писателемъ, такъ какъ позаимствованы изъ древнихъ греческихъ хронграфовъ, турецкихъ и татарскихъ рукописей.

2.

На 7-й день рожденія Магомета, всѣ почетные жители Мекки собрались къ Абдуль-Мотальлебу съ поздравленіями, который угостилъ ихъ торжественнымъ образомъ. Это произошло оттого, что отецъ новорожденнаго Абдуллахъ умеръ за два мѣсяца до рожденія сына своего. По рассказамъ же турецкихъ историковъ Абдуллахъ умеръ, по удостовѣренію однихъ, за 7 мѣсяцевъ до рожденія сына, а по свидѣтельству другихъ, что Магомету было 3 года, когда умеръ отецъ его и что онъ во все это время чувствовалъ какой то неземной ароматъ отъ жены своей.

Спустя нѣсколько дней, Магомету назначена была въ мамки изъ города Саады, Халиме, та самая женщина, которой поручено было Эмине, въ сновидѣніи, отдать его на воспитаніе и которая въ свою очередь слышала во снѣ слѣдующее приказаніе: „По волѣ Аллаха, ты должна сегодня же поѣхать въ Мекку; тамъ ожидаетъ тебя святой ребенокъ, котораго ты будешь кормить грудью“. Исполняя волю Божію, Халиме прибыла въ Мекку и, нашедъ будущаго питомца своего, окруженнаго ослѣпительнымъ сіяніемъ, случайно подала ему лѣвую грудь, но малютка отвернулся отъ нея и прильнулъ къ правой.

Аравійскіе писатели, подтверждая это разсказываютъ, что когда Халиме выходила съ питомцемъ своимъ гулять, то замѣчала какъ предъ нимъ отъ радости прыгали каменья, деревья, люди, собаки и проч. и что однажды, когда она вздумала навѣстить родину свою, то, проѣзжая мимо одного христіанскаго монастыря, увидѣла 40 монаховъ, вышедшихъ къ ней на встрѣчу, изъ которыхъ старшій, указывая на младенца Магомета сказалъ: „посмотрите, вотъ тотъ самый, котораго рожденіе ужасно для христіанъ“. Сказанное внушило у остальныхъ мысль убить опаснаго ребенка и они приступили было къ дѣлу, но Магометъ взглянулъ на небо и Аллахъ моментально ниспослалъ пламенное облако истребившее дерзкихъ гауровъ, послѣ чего Халиме благополучно прибыла въ

отечественный городъ свой, въ которомъ въ тотъ же день прекратился голодъ и взаимно явилось изобиліе и дешевизна на всѣ припасы; но обитатели Сауды еще болѣе были удивлены, когда отъ прикасновенія Магомета начали исцѣляться прокаженные и другаго рода больные, а пища увеличиваться въ количествѣ, если въ этомъ оказывалась потребность. Къ этому турки о дѣтствѣ Магомета рассказываютъ слѣдующее: Что мамка его никогда не имѣла надобности перемѣнять на немъ бѣлье, потому что оно всегда сохранялось въ чистотѣ. Что когда онъ выходилъ въ степи, то не только всѣ животныя, обиженныя своими пастухами, приходили къ нему съ жалобами, но даже и страшные звѣри преклонялись чтобы облизать его обувь. Интереснѣе рассказъ ихъ о томъ, что однажды Магометъ унесенъ былъ четверьяма гигантами на какую-то гору, гдѣ они вскрыли у него грудь и вынули изъ нея ту черную каплю крови, въ которой основываетъ пребываніе свое злой духъ; затѣмъ омыли сердце какою-то жидкостію, приложили таинственную печать и приказали сrostись разрѣзаннымъ частямъ. Послѣ чего поставили на вѣсы и когда онъ перевѣсилъ 20 подобныхъ имъ гигантовъ, они, пожелавъ ему величайшихъ благъ, вспорхнули и улетѣли на небо.

Нѣсколько лѣтъ спустя Халиме получила приказаніе доставить къ матери воспитанника своего и, нанявъ верблюда, пустилась съ нимъ въ Мекку. При этой поѣздкѣ, Магомета снова хотѣлъ убить какой-то магикъ, но быстроногій верблюдъ, умчалъ его съ такою быстротою, что послѣдній потерялъ его изъ виду.

Въ Меккѣ Магометъ вторично былъ унесенъ величественнымъ бѣлымъ орломъ въ пустыню и, послѣ долгихъ поисковъ дѣда и отчаявшейся матери, найденъ былъ подъ деревомъ, котораго вѣтви, увѣшанныя плодами, сами пригибались къ устамъ его.

Векоръ послѣ этого умерли Абдуль-Матальлебъ и Эмине.

Турки не упустили случая приписать Магомету, что онъ воскресилъ мать свою и сдѣлалъ ее законоучительницею но; сколько намъ извѣстно, современники запи-

сали, что мальчикъ Магометъ такъ скорбѣлъ по матери своей, что большую часть ночи проводилъ на могилѣ ея. Изъ сказаннаго нами, читатель можетъ вывести заключеніе, какого мнѣнія должны быть Крымскіе татары о пророкѣ своемъ, если подобныя чудеса приписаны ему въ дѣтскомъ возрастѣ и передаются въ книгѣ, оглавленной „Магомедіе“, которую обязанъ всякій правовѣрный прочесть хоть разъ въ жизни.

3.

О дальѣйшей жизни Магомета, по тѣмъ-же источникамъ, рассказывается слѣдующее.

Магометъ, оставшись сиротою, принятъ былъ на воспитаніе и содержаніе къ дядѣ своему Абдуль-Талебу, который до безумія полюбилъ его. Чѣмъ онъ занимался до совершеннолѣтія — неизвѣстно, но врядъ-ли его Абдуль-Талебъ, завѣдывавшій въ это время Каабою, допустилъ-бы его скитаться безъ занятій и подготовки къ наслѣдственному сану жреца.

Въ одно время Магометъ проходилъ мимо дома дальней родственницы своей Хатидже, дочери Хавелифа, которая въ то время славилась въ Меккѣ красотою и богатствомъ и имѣла толпу жениховъ, не смотря на то, что дважды была уже замужемъ. Молодые люди, разсмотрѣвши другъ друга, почувствовали любовь и задумали вступить въ бракосочетаніе, но извѣщенный объ этомъ Абдуль-Талебъ, съ прочими родственниками рѣшительно воспротивились этому союзу. Съ этихъ поръ Магометъ, полный грусти, большинствомъ проводилъ жизнь свою, по разсказу Турковъ *), на горѣ Моріа, гдѣ надъ нимъ въ жаркіе дни держался крылатый драконъ, предохраняющій отъ палящихъ лучей солнца. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока Абдуль-Талебъ извѣстилъ племянника, что не будетъ болѣе сопротивляться его союзу съ Хатидже. Обрадованный этимъ, Магометъ сейчасъ-же отправился къ невѣстѣ своей, которая, при-

*) Мы опирались на турковъ только потому, что убѣжденія ихъ перенять татарами.

мѣчая вокругъ его какое-то странное сіяніе, распорядилась вынести всевозможныя явства на золотомъ подносѣ и поставить предъ дорогимъ гостемъ. Затѣмъ, объяснившись въ любви и порѣшивши покончить бракомъ, Магометъ заявилъ Хатидже о давнемъ желаніи побывать въ Сиріи въ качествѣ купца. Невѣста, желая на первыхъ порахъ показать щедрость свою, обѣщала дать ему все необходимое для этого путешествія и сейчасъ же послала выбрать и привести изъ стада своего самаго дикаго, неученаго верблюда, чтобъ предложить его жениху и въ тоже время узнать на сколько онъ способенъ управиться съ нимъ. 12 арабовъ съ большими усиліями привели необузданное животное, но когда оно услышало голосъ Магомета, покорно преклонилось предъ нимъ и начало дѣловать его руку. Когда-же Магометъ погладилъ его по шеѣ, оно отвѣчало человѣческимъ голосомъ: „Кто изъ животныхъ міра нашего теперь можетъ равняться со мною: меня погладилъ господинъ минувшихъ и будущихъ временъ“. Нѣсколько дней спустя, Хатидже, приготовивъ все необходимое для поѣздки жениха въ Сирію, выпроводила его за городъ съ пѣснями. Не успѣлъ онъ очутиться въ степи одинъ, какъ появилось надъ головою его облако, посланное Аллахомъ не только для охраненія отъ неприятностей и затрудненій, но и для прикрытія отъ солнечнаго зноя. Вскорѣ Магометъ присоединился къ каравану купцовъ, слѣдовавшихъ также въ Сирію. Нѣсколько дней спустя путешественники подѣхали къ озеру Вадильміяхъ, въ которое вливались разной величины рѣки и которыя на этотъ разъ такъ разлились, что невозможно было переправиться. Магометъ предложилъ спутникамъ своимъ подождать, пока спадутъ воды, но многіе, не послушавшись его, утонули. Черезъ 4 дня Аллахъ выслалъ къ любимцу своему бѣлаго орла, для указанія ему направленія къ переправѣ, и когда Магометъ перевелъ товарищей своихъ благополучно, то одинъ изъ прежнихъ враговъ его Абугихиль не постыдился увѣрять, что чудо это совершено при содѣйствіи магіи. Но осмѣянный всѣми, онъ рѣшился отмстить посланнику неба другимъ способомъ, и, подъ предлогомъ нестерпимой жажды, по-

скакаль впередь къ мѣсту, куда имѣль прибыть на от-
дыхъ караванъ. Здѣсь, набравъ себѣ большой запасъ
воды, онъ забросаль колодезь пескомъ и каменьями, съ
цѣлью заморить врага своего, жаждою но не такъ слу-
чилось какъ думаль злой Абу-гихиль. Когда купцы съѣха-
лись и сказали Магомету, что остались безъ воды, онъ
улыбнулся и, поднявъ глаза къ нему, началъ произно-
сить какія-то священные слова. Не успѣль онъ окон-
чить молитвы, какъ вдругъ вода хлынула изъ заброшен-
наго колодезя и побѣжала рѣкою. Обстоятельство это
вдвойнѣ ожесточило Абу-гихила, который съ этой ми-
нуты придумываль различные способы мести. Вскорѣ
этому ничтожному человѣку, ѣхавшему впереди всѣхъ,
пришлось наѣхать на громаднаго дракона, который за-
ставиль верблюда его отскочить назадъ и бросить съ-
дока своего съ такою силою, что онъ едва опомнился
отъ боли. Въ полномъ убѣжденіи, что и Магомета мо-
жетъ постигнуть таже участь, онъ направиль его на
сторону, гдѣ лежало чудовище, но когда послѣдній на-
чалъ приближаться къ нему вопреки желанію верблюда
своего, то драконъ закричалъ человѣческимъ голосомъ:
„глупая тварь, чего ты боишься меня, имѣя на спинѣ
печать пророковъ и главу всѣхъ апостоловъ!“

Магометъ, увидѣвши отвратительное чудовище, при-
казаль ему немедленно удалиться съ этихъ мѣсть. Ты
знаешь — сказаль онъ, я есмь Магометъ, благословен-
ный Аллахомъ на всякое дѣло; если-же ты не послу-
шаешь меня, я принесу жалобу Всевышнему и тогда
тебя постигнетъ горе!“

На это драконъ поклонившись ему семь разъ, отвѣ-
чалъ, что онъ принадлежитъ къ числу господъ злыхъ
духовъ и носить имя Алхама, того самаго, который,
повѣривъ пророчеству Авраама о рожденіи Магомета,
съ нетерпѣніемъ ожидаль исполнения этого. „Теперь ты
видишь, великій посланникъ небесъ, предъ собою того,
который сволько вѣковъ лежитъ на этомъ мѣстѣ, един-
ственно для того, чтобы увидѣть твой божественный
ликъ. Я самъ былъ очевидцемъ вознесенія Христа на
небо и слышалъ какъ онъ заповѣдалъ апостоламъ сво-
имъ принять твое ученіе!“

Разставшись съ дракономъ, караванъ долженъ былъ остановиться на отдыхъ, но, къ всеобщему отчаянію купцовъ, нигдѣ не оказалось воды. Тогда Магометъ, опустивъ руку на песокъ, возвелъ глаза къ небу и изъ подъ пальцевъ его хлынулъ ручей. Очевидцы, чтобы увѣковѣчить память этому чуду, посадили вокругъ него нѣсколько финиковыхъ косточекъ, наслоненныхъ Магометомъ; которые моментально произвели громаднѣйшія деревья, увѣшанныя совершенно зрѣлыми плодами. Всѣ присутствующіе бросились на нихъ; но одинъ только Абу-гихиль не прикасался, увѣряя, что это сдѣлано при помощи магіи.

Вслѣдъ за тѣмъ, Магометъ посѣтилъ въ христіанскомъ монастырѣ игумена Евтихія, сына Іоны, котораго радословная начиналась пророками. Этотъ игумень, по разсказу турковъ, хранитъ пергаментъ, написанный во времена Іисуса Христа о рожденіи Магомета и его будущей славы и что будто этотъ старецъ, перечитывая день и ночь это предсказаніе, не переставалъ умолять Бога продлить его жизнь, чтобы увидѣть этого великаго пророка, вслѣдствіе чего и потерялъ зрѣніе.

Удостоивъ Евтихія коснуться своей одежды, Магометъ отправился въ дальнѣйшій путь и благополучно прибылъ къ мѣсту, но въ то время, когда окончилась уже ярмарка. Это послужило поводомъ врагу его Абу-гихилу дѣлать насмѣшки и предсказывать, что онъ повезетъ назадъ свои товары; но Аллахъ сдѣлалъ такъ, что Магометъ на другой день распродавъ ихъ по чрезвычайно выгодной цѣнѣ,

Въ Сиріи также случилось съ Магометомъ событіе. Одинъ изъ Іудейскихъ священниковъ, начитавшись различныхъ предсказаній, какимъ-то образомъ узналъ, что пріѣхавшій на ярмарку Магометъ есть тотъ самый Магометъ, пророкъ Аравійскій, который поработитъ Іудею. Желая спасти отечество свое, онъ рѣшился посягнуть на жизнь его и, подошелъ къ нему на торжищѣ, закупилъ остатки его товаровъ, а вслѣдъ затѣмъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ. Получивъ согласіе Магомета, еврей посвятилъ въ умыселъ жену свою и поручилъ ей, чтобы она, спрятавшись на кровлѣ дома, ожидала при-

ближенія гостя и какъ только онъ приблизится, чтобы сбросила на него жерновой камень. Такимъ образомъ—восклицають турки—нечестивецъ замышлялъ убить нашего великаго пророка; но онъ не постигалъ того, что за нимъ повсюду слѣдовали ангелы хранители, которые могли не только предостерегать его, но направлять упадающій камень на головы другихъ. Такъ оно случилось и теперь: сброшенный Иудеяскою камень на Магомета, упалъ на головы двухъ сыновей ея и раздробилъ имъ черепа. Презрѣнный Еврей, вмѣсто того, чтобы покаяться и просить воскресенія невинныхъ дѣтей, поднялъ ужасный крикъ, что Магометъ убилъ его сыновей. На крикъ этотъ сбѣжалось множество Иудеевъ и съ остервененіемъ бросились на посланника, который не желая призывать заступничество небесъ, пригласилъ къ себѣ на помощь проходящихъ сопутниковъ своихъ и съ ними вмѣстѣ успѣлъ наказать дерзкихъ евреевъ.

4.

На обратномъ пути изъ Сири, Магометъ, не доѣзжая до Мекки, оставилъ товары свои при караванѣ, а самъ поскакалъ впередъ. Въ это время къ нему явился ангелъ, которому приказано было сокращать дорогу. Приблизившись къ горамъ Мекки, Магометъ не стерпѣлъ и заснулъ. Господь, любящій своихъ посланниковъ, поручилъ архангелу Гавриилу принести изъ рая и поставить надъ нимъ брилліантовую палатку, которая сотворена была за 2 т. лѣтъ до сотворенія Адама. Какъ только установлена была эта палатка къ ней слетѣли всѣ дѣвы рая и начали славить имя Божіе, за то, что онъ удостоилъ ихъ видѣть лице любимца своего. Господь, тронутый восхитительными гимнами гурій, приказалъ, чтобы поля вновь покрылись травами, деревья плодами, а всѣ больные Аравіи выздоровѣли.

Тѣмъ временемъ Хатидже, окруженная служанками, на противоположной горѣ съ удивленіемъ смотрѣла на необыкновенный свѣтъ палатки, воздвигнутой надъ спящимъ женихомъ ея. Долго она не понимала причины подобнаго явленія, что по сторонамъ ея стояли ангелы

съ распущенными знаменами, и она начала славить Аллаха. Нѣсколько времени спустя бриліантовая палатка съ Магометомъ была поднята на воздухъ и направилась къ Меккѣ, но, дошелъ до дверей дома Хатидже, съ быстротою молніи поднята была на небо. Открывъ глаза, Магометъ увидѣлъ предъ собою невѣсту, напѣвающую ему пѣсни. По минованіи восторговъ, Хатидже начала спрашивать, какіе привезъ онъ товары и гдѣ они? Узнавъ, что они оставлены за городомъ, женщина эта, желая видѣть еще какія-нибудь чудеса, предложила Магомету возвратиться за ними. Чтобы угодить ей, посланникъ вышелъ за городъ. Въ этотъ моментъ надъ нимъ снова явилась райская палатка и Магометъ въ нѣсколько секундъ былъ снесенъ къ товарищамъ и возвращенъ обратно.

Все это Хатидже передала отцу своему, который, не будучи расположенъ къ Магомету, мечталъ выдать ее замужъ за другаго юношу Абубикара, который, не подозрѣвая расположенности Хатидже къ другому, приготовился къ бракосочетанію; но вскорости узнавъ объ этомъ, онъ настоялъ-бы на своемъ, еслибъ не приснился ему сонъ, будто луна спустилась съ неба и скрылась подъ кафтаномъ Хатидже. Въ этомъ онъ созналъ, что женщинѣ этой суждено быть женою Магомета и добровольно отказался отъ желанія своего.

Когда совершилось бракосочетаніе великаго пророка нашего — прибавляютъ турки — вся вселенная измѣнила свой видъ; затрепеталъ даже на основаніи своемъ тронъ Аллаха. Но чтобы увеличить славу Магомета, Господь приказалъ хранителю рая вывести изъ него всѣхъ дѣвъ и юношей, одѣть ихъ въ богатая одежды, раздать сосуды съ отрадными напитками и дозволить всевозможныя удовольствія. Кромѣ этого онъ приказалъ набросить на меккскій храмъ знамя славы и благодати. Въ это время не оставалось въ песчанной Аравіи ни одного камня, ни одного куста и дерева, которые не прыгали-бы отъ радости. Тоже самое творилось съ людьми и животными.

Когда окончилась эта славная свадьба, всѣ жители Мекки и ближайшихъ окрестностей собрались въ домъ

новобрачныхъ съ поздравленіями, но предварительно, чѣмъ они открыли рты свои, послышался голосъ съ неба, возвѣщавшій, что въ этомъ бракѣ Аллахъ соединилъ пречистаго съ чистою и правдиваго съ правдивою. Послѣ чего архангелъ Гавріиль облилъ все собраніе небесными ароматами и вселилъ въ нихъ чувство благоговѣнія къ славному пророку.

5.

Черезъ 15 лѣтъ послѣ свадьбы своей, Магометъ получилъ даръ пророчества. Въ рукописи, найденной мною у наслѣдниковъ Крымскаго хана сказано, что, на 40 году жизни Магомета, Аллахъ послалъ къ нему чрезъ архангела съ поклономъ, каукъ (шапка), печать и приказаніе пророчествовать. По турецкимъ-же источникамъ Магометъ на 40-мъ году жизни впервые удалился въ пустыню на цѣлый мѣсяцъ, гдѣ питался пищею, приносимою ангеломъ съ неба. Пустыня эта будто населена была такимъ множествомъ хищныхъ звѣрей, что никто не дерзаль вступать въ нее. Арабы-же говорятъ, что въ пустынѣ этой Магометъ по цѣлымъ днямъ, въ продолженіи всего мѣсяца Рамазана (Радамана), не принималъ никакой пищи. Впослѣдствіи онъ каждый годъ повторялъ эту прогулку, но только на гору Хара.

„Въ одну ночь — говоритъ Магометъ въ началѣ 96 главы Корана — предо мною внезапно предсталъ человекъ, котораго я не могъ иначе принять, какъ за архангела Гавріила. Сдѣлавъ мнѣ *темане* (поклонъ) онъ приказалъ читать. Я отвѣчалъ ему, что не учился грамотѣ; но онъ разсердился и, ударивъ меня объ землю, началъ душить, потомъ поднявъ, снова повторилъ приказаніе. Я безмолствовалъ изъ боязни. Тогда онъ возвелъ глаза къ небу и, обратившись, ко мнѣ, сказалъ. „читай во имя Господа, сотворившаго тебя“. И Господь, учащій человека всему, научилъ и Магомета, тому, чего онъ не вѣдалъ прежде.

Послѣ этого Магометъ вошелъ въ свою пещеру для отдохновенія. Какъ вдругъ надъ нимъ послышался страшный голосъ, вѣщавшій: „Я есмь вопрошитель, а ты от-

вѣтчикъ“... это такъ перенугало его, что онъ убѣжалъ изъ пустыни и пришелъ домой, просилъ Хатидже прикрыть его, пока пройдетъ дрожь въ тѣлѣ. Потомъ онъ передалъ ей все случившееся, приписывая предстоящему несчастію, но она, желая успокоить его, отвела къ родственнику своему слѣпому Варака, бывшему прежде идолопоклонникомъ, но впоследствии принявшему христіанство. Варака, узнавъ отъ Хатидже о происходившемъ въ пещерѣ съ мужемъ ея, сказалъ: „теперь я могу предсказать Магомету, что онъ будетъ великимъ пророкомъ Аравіи, но соотечественники не вдругъ узнаютъ въ немъ посланника небесъ; они даже осмѣлятся выгнать его изъ города, въ которомъ онъ родился“. Окончивъ рѣчь свою, Варака склонился на подушку и умеръ.

Утѣшенный словами праведнаго старика, Магометъ съ восторгомъ бросился искать архангела Гавріила, но, обошедъ семь разъ окрестныя горы и не встрѣтивъ его нигдѣ, до того огорчился, что собирался посягнуть на жизнь свою. Извѣщенный объ этомъ архангелъ къ счастью подоспѣлъ во время и съ ужасомъ вскрикнулъ: Магометъ, что это ты задумалъ? Неужели ты не вѣдаешь, что Аллахъ избралъ тебя посредникомъ между собою и людьми? „Тутъ только Магометъ, узнавъ подробно отъ Гавріила, что онъ есть дѣйствительно пророкъ и посредникъ между Творцемъ и твореніемъ, съ удовольствіемъ возвратился домой. Говорятъ, что при слѣдованіи этомъ Магометъ замѣчалъ какъ встрѣчныя камни и деревья клянялись ему и раступались, чтобы онъ могъ пройти свободно. По этому поводу мы невольно вспоминаемъ рассказъ одного изъ современниковъ Магомета Явира, сына Самари, которому онъ хвастался, что и въ самой Меккѣ есть одинъ камень, который постоянно воздастъ ему почести. Когда же Явиръ началъ просить его показать этотъ замѣчательный камень, онъ уклонился подъ предлогомъ, что не помнитъ, гдѣ именно встрѣчалъ его.

Разказы Измаила, сына Алія, о Магометѣ представляютъ почти тоже, за исключеніемъ того, что онъ повѣствуетъ нѣсколько иначе и увѣряетъ, что законодатель

этотъ пастъ стадо Абу-Галефа до 37-лѣтняго возраста и постоянно слышалъ въ пустынѣ голосъ архангела Гавріила, который предварительно очистилъ его тѣло и, просвѣтивъ разумъ, научилъ совершать таинство умо-венія и молиться. Али сынъ Ибрагима пишетъ: когда Магомету наступилъ 40-й годъ, онъ получилъ отъ Гавріила слѣдующія слова Алкорана: „Объяви всѣмъ, что тебѣ приказано и удались отъ идолопоклонниковъ“. И что онъ въ тотъ-же день началъ внушать всѣмъ идею о почитаніи единаго Бога.

Священномученикъ Петръ Пасхасій, епископъ гіенскій, утверждаетъ, что ему самому приходилось видѣть рукописи, подтверждавшія, что Магомету было 40 лѣтъ, когда онъ отсталъ отъ идолопоклонства и, назвавъ себя посредникомъ между Богомъ и людьми, хвалился о ежедневныхъ встрѣчахъ съ архангеломъ Гавріиломъ женѣ до такой степени слѣповѣрующей, что она постоянно просила показать ей архангела. Тотъ-же епископъ продолжаетъ, что въ арабскимъ рукописяхъ онъ читалъ, что когда Магомету являлся Гавріиль, то онъ падалъ на землю, какъ одержимый черною болѣзною, закутывалъ голову и потѣлъ до изнеможенія; но какъ только миновалъ припадокъ, онъ снова подымался и съ удивительнымъ краснорѣчіемъ продолжалъ проповѣдь. Сказанное отчасти подтверждается одною изъ главъ Корана, носящей заглавіе *Покрытой*. На вопросъ современниковъ, отчего онъ падаетъ и закрывается, Магометъ отвѣчалъ, что архангелъ Гавріиль такъ свѣтелъ, что даже обыкновенные ангелы не могутъ на него смотрѣть, не прикрывши глазъ.

6.

Изъ Корана мы также видимъ, что Магометъ до 40-лѣтняго возраста не обнаруживалъ задуманнаго, и положительно всѣ проповѣди свои относилъ къ уставамъ Аллаха. Послѣднее всего лучше выражается съ слѣдующими словами Корана: „Я далъ тебѣ чрезъ духа своего заповѣдь, для того, чтобы ты познавалъ величіе данной мною книги, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣру во мнѣ“.

Толкователи Корана Желалъ-эдинъ и Замахшири старались разъяснить, что духомъ Богъ называлъ Алкоранъ; а что послѣднее названіе имѣетъ смыслъ вѣры, религіи.

Тамъ-же сказано:

а) Что Богъ предложилъ ему оставить идолопоклонство;

б) Я снялъ съ плечъ твоихъ брѣно твою;

в) Мы дали тебѣ открытую побѣду для того, чтобы простить заблужденія твои, влекущія къ грѣхопадению.

Всѣ эти фразы очень хорошо убѣждаютъ насъ, что Магометъ до 40-лѣтняго возраста принадлежалъ къ числу идолопоклонниковъ.

По общему убѣжденію всѣхъ мусульманскихъ писателей, первое лице, принявшее ученіе Магомета, была жена его Хатидже, вторымъ—Али, сынъ Абу-Талеба, а третьимъ—Сидъ, сынъ Арефа, бывшій рабомъ его. Затѣмъ у него явилось нѣсколько послѣдователей, которымъ онъ преподавалъ ученіе свое въ тайнѣ. Три года спустя у Магомета было столько уже учениковъ, что онъ не страшился проповѣдывать и публично. Все это сходило до тѣхъ поръ, пока онъ началъ поносить идоловъ. Съ этой минуты большинство горожанъ начали требовать отъ Абу-Талеба воздержатъ племянника своего, въ противномъ случаѣ онъ будетъ изгнанъ изъ города. Абу-Талебъ, утраченный этою угрозою, умолялъ Магомета воздержаться, но онъ, отвѣтивъ ему презрѣніемъ, еще усерднѣе началъ дѣйствовать. Тогда старѣйшины рѣшились отдѣлаться отъ него слѣдующимъ образомъ: по общему приговору назначено было предать къ смертной казни одного благороднаго юношу, за различныя преступленія, но народъ, заблагоразсудилъ вмѣсто него казнить Магомета и навѣрно успѣлъ-бы, еслибъ не заступился Абу-Талебъ.

Между тѣмъ у Магомета съ каждымъ днемъ прибавлялся кругъ послѣдователей, благодаря нѣкому Талху и Абдуль-Вахару, которые повсюду прославляли ученіе его и называли его самаго не иначе какъ посланникомъ небесъ, и до тѣхъ поръ пока начальникъ Мекки Нуфиль-Хавеледъ не заточилъ ихъ въ темницу.

Однажды, когда Магометъ проповѣдывалъ ученикамъ своимъ на горѣ Сафа, предъ нимъ внезапно предсталъ врагъ его Абугихиль, и началъ издѣваться надъ нимъ. Магометъ не отвѣчалъ ни слова, но слушатели не вытерпѣли этого и начали жестоко бить дерзкаго до тѣхъ поръ пока онъ не изъявилъ согласія вступить въ ихъ общество и принять Исламъ.

Надо полагать, что эта сцена была поводомъ первой мысли у Магомета, распространять свое ученіе вооруженною рукою, а не кротостію и ласками, которыя мало приносили пользы его проповандѣ.

Нѣсколько времени спустя Омаръ, сынъ Хуртавія, подговоренный старѣйшинами Мекки, изъявилъ согласіе убить Магомета, но въ то время, когда ему представился къ этому удачный случай, одинъ изъ учениковъ, Наимъ, сынъ Абдуулаха спасъ его. Разгнѣванный Омаръ еще въ большій вошелъ гнѣвъ, когда пришедъ домой, засталъ братьевъ своихъ за чтеніемъ проповѣдей Магомета. Желая уничтожить рукописи, онъ однако заставилъ себя прочитать ихъ, а прочитавши поклялся быть вѣрнымъ другомъ и послѣдователемъ Магомета.

Разсказываютъ, что въ то время, когда выпущены были Магометомъ первыя главы Корана, въ Меккѣ жилъ знаменитый поэтъ Валидъ, безъ рецензіи котораго ни одно сочиненіе не могло пользоваться хорошою репутаціею. Къ этому Валиду попали первые листки Корана, но такъ какъ онъ не могъ понять значеніе многихъ фразъ, то пригласилъ автора разъяснить ихъ содержаніе. Магометъ охотно исполнилъ его желаніе и навелъ на него такой страхъ угрозами ада, что поэтъ призналъ сочиненіе его магическимъ.

Вскорѣ послѣ этого, старѣйшины, подошедъ къ Магомету, начали требовать отъ него чудесъ, которыя могли-бы удостовѣрить, что онъ посланъ отъ Бога; но онъ, принявъ важный видъ, отвѣчалъ:

„Я не посланъ на землю дѣлать чудеса, а пришедъ проповѣдывать истину“.

Тогда старшины, для убѣжденія, послали нарочныхъ въ Медину къ Іудеямъ, допросить: не говорится-ли въ ихъ книгахъ что-нибудь о Магометѣ. Іудеи отвѣчали,

что нигдѣ, никогда не говорилось о подобномъ пророкѣ; но если жители Мекки подозрѣваютъ что нибудь подобное въ комъ-либо, то они могутъ опредѣлить въ немъ достоинство посланника небесъ, но не иначе, какъ сдѣлавъ ему извѣстное число вопросовъ. Узнавъ объ этомъ, Магометъ, въ огражденіе себя, поспѣшилъ явиться на публичную площадь, и прочиталъ народу слѣдующую главу изъ Корана: „Я знаю, что вы не признаете меня за пророка, хорошо, я не посланникъ Божій, а равный вамъ человекъ. Въ такомъ случаѣ надобно полагать, что вы, всѣ вмѣстѣ, можете сдѣлать больше, чѣмъ я одинъ: напишите мнѣ что нибудь подобное этому посланію....

7.

Между тѣмъ, гоненіе противъ Магомета и учениковъ его, постепенно все болѣе и болѣе усиливалось. Рассказываютъ, что онъ доведенъ былъ до того, что обратился за помощью къ Эфіопскому царю, который будто охотно принялъ его ученіе и въ благодарность прислалъ много подарковъ и одну дѣвицу по имени Марію, отъ которой впоследствии Магометъ имѣлъ сына Ибрагима. Впрочемъ не всѣ соглашаются съ этимъ, другіе писатели увѣряютъ, что помощь просилась имъ изъ Александріи.

Въ это время, начальникомъ Мекки сдѣланъ былъ одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ Магомета. Народъ, въ угожденіе-ли ему или по другимъ какимъ-либо причинамъ, пересталъ преслѣдовать законоучителя, но вмѣсто преслѣдованія начались твориться надъ нимъ насмѣшки, въ родѣ опутыванія кишками и т. п. Это заставило Магомета сказать: „Вы всѣ умрете отъ руки моей или войновъ моихъ. Когда настанетъ это время, тогда я увѣренъ, что никто изъ васъ не осмѣлится улыбнуться предомною.“

Есть писатели, которые утверждаютъ, что обѣщаніе это буквально исполнено Магометомъ и, что всѣ эти наглецы преданы были мученической смерти, а тѣла ихъ брошены въ колодезь, именуемый Алкалалибъ или Янжеръ.

Дальнѣйшія дѣйствія Магомета и его послѣдователей послужили къ тому, что въ Меккѣ образовались враждебныя партіи, прекратившія брачныя сношенія между собою. Все это болѣе или менѣе благоприятствовало Магомету до того времени, пока не умеръ Абу-Талейбъ и жена его Хатидже. Къ несчастію правителемъ города назначенъ былъ Абу-Софіанъ, одинъ изъ злѣйшихъ недруговъ его. Съ этого времени начинается ожесточенное преслѣдованіе Магомета, о которомъ сказано въ 8 главѣ: „вспомни, какъ невѣрные замышляли сдѣлать оковы тебѣ, чтобы заключить въ заточеніе, или предать смерти, или изгнать изъ города.“

На совѣтѣ городскихъ представителей противъ Магомета, лучшимъ средствомъ признано убить его; для чего и избраны были люди, для этого способные, но предъувѣдомленный Магометъ прежде чѣмъ они ворвались къ нему, успѣлъ убѣжать изъ Мекки въ Медину, куда онъ заранѣе отправилъ многихъ изъ послѣдователей своихъ, безъ сомнѣнія, чтобы приготовить Мединцевъ къ ученію своему. Магометъ направилъ путь свой въ этотъ городъ, только потому, что рассчитывалъ на непріязнь его жителей къ обитателямъ Мекки.

Въ Мединѣ Магометъ въ лицѣ евреевъ встрѣтилъ довольно опасныхъ антагонистовъ, но онъ примирился съ ними, обѣщая не навязывать имъ своего ученія, лишьбы они свидѣтельствовали, что по книгамъ ихъ ожидается пророкъ. Заручившись этимъ, Магометъ не боялся болѣе никого и рѣшился построить храмъ, въ которомъ началъ богослуженіе.

Вскорѣ послѣ этого онъ выдалъ дочь свою Фатьму замужъ за ревностнаго Алія, отъ котораго взамѣнъ получилъ 12 связокъ страусовыхъ перьевъ, а нѣсколько времени спустя и самъ женился на 7-ми-лѣтней дѣвочкѣ Айше.

На 8-мъ мѣсяцѣ эгиры *) Магометъ, желая вселить въ ученикахъ своихъ братскую любовь, провозгласилъ братомъ своимъ Алія. Въ подражаніе ему и всѣ остальные соединились между собою клятвою неразрывнаго

---

*) То есть бѣгства своего изъ Мекки.

братства. Достигнувъ и этого, Магометъ началъ обращать особенное вниманіе на военное искусство.

На второмъ году эгиры, Магометъ учредилъ постъ рамазанъ, извѣстный у татаръ подъ названіемъ ураза; посылалъ въ Мекку развѣдать о положеніи этого города и мнѣнїи, господствовавшемъ о немъ, составилъ себѣ милицію и началъ грабить караваны, слѣдующіе въ Мекку. Успѣхъ въ послѣднемъ и хорошая добыча, доставшаяся его воинамъ, послужили поводомъ, что Магометъ началъ дѣйствовать рѣшительнѣе и число войска его съ каждымъ днемъ увеличивалось. Грабя всѣхъ и каждого, не исповѣдующаго его ученія, онъ подвергнулъ той-же участи и евреевъ, обитавшихъ въ Мединѣ и заставилъ ихъ выселиться въ Сирію. Затѣмъ Магомету пришлось разбить вооружившихся противъ него жителей Мекки при ручьѣ Бедеръ. Эта побѣда прославила его на столько, что онъ не сомнѣвался уже сдѣлаться властелиномъ Аравїи, не переставалъ дѣлать нападенія на слабѣйшія племена и въ особенности на евреевъ, безъ сомнѣнїя, съ цѣлю увеличить матеріальныя средства свои. Говорятъ, онъ такъ жестоко поступалъ съ побѣжденными; что выжигалъ глаза раскаленнымъ желѣзомъ, отсѣкалъ руки и ноги, обращалъ въ рабство и лишалъ послѣдней рубахи.

8.

Шесть лѣтъ спустя послѣ перехода въ Медину, Магометъ задумалъ наконецъ во чтобы ни стало проникнуть въ Мекку; но ему не хотѣлось объявлять войны, въ надеждѣ покончить мирнымъ путемъ. Для этого собравъ около 1500 лучшихъ воиновъ, онъ выступилъ изъ Медины въ мѣсяцъ Дулькаадъ, въ теченіи котораго прекращались въ Аравїи войны и грабительства и объявилъ, что идетъ на богомолье въ Каабу. Шествіе это привело жителей Мекки въ трепетъ и заставило ихъ подписать обязательства ежегодно впускать Магомета съ послѣдователями въ Мекку для жертвоприношенія.

Одинъ изъ меккскихъ жителей, Аруамъ, который переговаривалъ съ Магометомъ подъ Меккою, съ удивле-

нѣмъ рассказываетъ о почтеніяхъ, которыя воздавались ему его послѣдователями: „Они вырывали другъ у друга брызги воды, которою пророкъ ихъ умывался, а когда онъ очищаль тѣло отъ волосъ, то послѣдніе собирались съ большою тщательностію, какъ драгоценные камни.

Послѣдующій годъ эгиры Магометъ также не переставалъ воевать и посылать въ сосѣдственныя страны пословъ для распространенія ислама. По греческимъ хронографамъ, въ этомъ году Магометъ отравленъ былъ одною молодою еврейкою, которая, пылая местию за поступки его съ соотечественниками ея во время Хайбарской битвы, узнавъ что Магометъ страстный охотникъ до бараньей лопатки, приготовила изъ нея любимое имъ кушанье, которое, въ примѣси съ ядомъ, поднесла ему.

Свѣдѣніе это подтверждается и современниками его, но съ тѣмъ, что будто Магометъ предупрежденъ былъ свыше, но тогда, когда проглотилъ уже кусокъ отравленнаго мяса.

Въ послѣдующій затѣмъ годъ Магометъ рѣшился сдѣлаться обладателемъ Мекки и, собравъ 10 т. войско, внезапно подступилъ къ священному городу, которымъ и завладѣлъ безъ особенныхъ потерь. О взятіи Магометомъ Мекки турки говорятъ различно: одни, что онъ вошелъ въ нее безъ кровопролитія, а другіе, что послѣ отчаяннаго сопротивленія всѣхъ жителей.

Сдѣлавшись обладателемъ роднаго города, гдѣ посягали на жизнь его и насмѣхались надъ ученіемъ его, Магометъ прежде всего истребилъ всѣхъ идоловъ въ Каабѣ, потомъ потребовалъ немедленнаго признанія его ученія подъ угрозой смерти и затѣмъ предался различнаго рода удовольствіямъ. Съ этого времени онъ дѣйствовалъ уже не только какъ пророкъ и законодатель, но какъ государь, пожелавшій соединить всю Аравію подъ скиптръ свой. Сдѣлавъ для этого необходимыя распоряженія, Магометъ предпочелъ возвратиться въ Медину.

На 10-мъ году эгиры Магометъ снова предпринялъ поѣздку въ Мекку для жертвоприношенія.

Мы считаемъ себя обязанными привести здѣсь нѣко-

торыя подробности объ этомъ путешествіи, чтобы познать читателя съ поводомъ существующихъ до настоящаго времени обычаевъ пилигримства татаръ Крыма въ Мекку.

По турецкимъ источникамъ, Магометъ на этотъ разъ шелъ всю дорогу пѣшкомъ, ни съ кѣмъ не говорилъ и прежде чѣмъ вступилъ въ Мекку, получить отъ жителей ея, въ даръ для жертвоприношенія, 100 овецъ. Вступивъ въ городъ, онъ отправился къ Каабѣ и, обошедъ ее семь разъ, сотворилъ молитву. Затѣмъ онъ восходилъ на горы: Сафа, Мерува и Арафатъ, гдѣ читалъ народу проповѣди. Послѣ этого подошелъ къ глубокой ямѣ, именуемой Мина, бросилъ въ нее 7 камней для пораженія злыхъ духовъ и затѣмъ уже приступилъ къ жертвоприношенію подаренныхъ барановъ, изъ числа которыхъ своеручно зарѣзалъ 63, а остальныхъ предоставилъ Алію. Послѣ жертвоприношенія онъ ходилъ къ священному ручью, утолившему жажду Исмаила, напился изъ него и, простившись съ гражданами, снова возвратился въ Медину.

По свидѣтельству Персіанъ въ это время Магометъ, по волѣ Аллаха, избралъ своимъ наслѣдникомъ Алія и, посадивъ его около себя на тронѣ, приказалъ всѣмъ присутствующимъ подходить къ нему и поздравлять будущимъ царемъ.

Въ 11-й годъ эиры, Магометъ началъ чувствовать гораздо сильнѣе дѣйствіе яда, поданнаго ему еврейкою, противъ котораго онъ не переставалъ лечиться. Мученія его такъ были велики, что онъ бѣгалъ изъ дома въ домъ своихъ женъ и поступалъ съ ними какъ сумасшедшій. Потомъ, собравъ ихъ въ одну комнату потребовалъ, чтобы онъ избралъ между собою ту, которая изъяснитъ полное удовольствіе заботиться о немъ. Выборъ палъ на Айше. Однако, предчувствуя приближенія смерти, Магометъ распорядился выслать изъ города военачальниковъ, чтобы предупредить беспорядки. Затѣмъ, опершись на руку Айше, онъ въ послѣдній разъ выступилъ на городскую площадь къ народу и употребилъ всевозможныя мѣры для примиренія себя со всѣми, кого обидѣлъ чѣмъ-либо. Послѣ этого онъ началъ наставлять

какъ должны вести себя его послѣдователи и ученики. Окончивъ проповѣдь, онъ возвратился домой и потребовалъ къ себѣ Алія, которому поручилъ послѣ смерти своей омыть тѣло и тщательно закрыть половые органы. Къ этому добавляють, что онъ потребовалъ чернила и пергаментъ, чтобы написать завѣщаніе.

По общему убѣжденію, Магометъ умеръ въ понедѣльникъ на 63 году отъ роду въ 632 году по Р. Х. по разсказу однихъ: въ объятіяхъ Алія, а по другимъ: на рукахъ Айше.

Къ разсказанному нами слѣдуетъ добавить, какія понятія вселены этихъ человекѣмъ мусульманамъ относительно неба и какого рода онъ вель жизнь, послужившую образцемъ для послѣдователей его до нашего времени.

Магометъ, какъ извѣстно, не написалъ отдѣльной главы въ Коранѣ о мѣстопребываніи Бога, но безпрестанные отрывочные намеки объ этомъ послужили поводомъ къ различнаго рода толкамъ. Такъ напримѣръ 17 глава Корана оглавлена ночнымъ путешествіемъ, и въ ней сказано: да прославляется тотъ, который перенесъ раба своего изъ Мекскаго храма въ отдаленный храмъ, который мы благословили, чтобы показать въ немъ наши чудеса“. Этотъ пустой намекъ, быть можетъ на свидѣніе, возбудилъ у арабовъ замѣчательную по оригинальности фантазію о путешествіи Магомета въ Иерусалимскій храмъ, а оттуда на 7-е небо. Фантазію эту мы считаемъ нужнымъ привести, такъ какъ и она относится къ вѣрованіямъ Крымскихъ татаръ.

„Однажды къ Магомету, когда онъ стоялъ на молитвѣ, явился архангелъ Гавріиль и подвелъ къ нему бѣлое животное, въ родѣ лошади, по имени Аль-Боракъ (молнія) и приказалъ ѣхать. Не успѣлъ онъ сѣсть на него, какъ очутился у Иерусалимскаго храма и, привязавъ Аль-боракъ къ тому-же мѣсту, гдѣ привязывали своихъ ословъ пророки, вошелъ въ него и, дважды поклонившись до земли, началъ молиться. По окончаніи молитвы и выходѣ, ему поднесъ Гавріиль сосудъ съ мо-

локомъ и разскалъ куда онъ долженъ ѣхать *). Далѣе о путешествіи Магомета на небо, турки именемъ его говорятъ: „послѣ разговора нашего съ Гавріиломъ мы достигли до прекрасной возвышенности, гдѣ отдохнувъ немного, начали подыматься къ небу луны, на которомъ начальствовалъ Асмаиль, имѣющій въ распоряженіи своемъ 70 т. ангеловъ, изъ которыхъ подъ командою каждаго состояло по столько-же тысячъ военныхъ духовъ. Приблизившись къ этому небу, я не зналъ откуда и какимъ образомъ проникнуть въ него, но въ этотъ моментъ явился снова Гавріиль и, приказавъ мнѣ остановиться, началъ стучать въ небесныя двери. На вопросъ: кто тамъ? архангелъ отвѣчалъ: я. — А съ тобою кто? — Магометъ. — Возведенъ-ли онъ въ апостолы? — Да — отвѣчалъ Гавріиль. Вслѣдъ затѣмъ слышались надъ ними голоса запѣвшіе: „настало время блаженства и благополучія“ — и открылись небесныя врата. Здѣсь предъ нами очутился какой-то старецъ и, поклонившись до ногъ, благословилъ меня. По словамъ Гавріила это былъ Адамъ. Отсюда мы съ Гавріиломъ переѣхали на второе небо, гдѣ повстрѣчались съ Іоанномъ и Іисусомъ, они также поклонились и благословили меня.

На третьемъ небѣ мнѣ поклонился Іосифъ, красота котораго дошла до невыразимой прелести. На четвертомъ мы видѣли Идриса (Еноха), который также воздалъ намъ почестъ. На пятомъ я видѣлъ Аарона съ поколѣніемъ бѣлаго и багроваго цвѣта. Они также приняли меня какъ и прочіе. На шестомъ я увидѣлъ Моисея въ красной одеждѣ, который, поклонившись мнѣ и, признавъ своимъ братомъ, сказалъ: „думали-ль потомки Исмаила, что кто-либо будетъ предпочтенъ мнѣ; но вотъ отъ сѣмени его родился тотъ, который сталъ несравненно выше меня“. На седьмомъ небѣ я узналъ Авраама, который сидѣлъ, прислонившись къ храму, именуемому очереднымъ. Въ этомъ храмѣ ежедневно славятъ имя Господа 70 т. ангеловъ, которые, смѣнившись однажды, никогда ужъ не поступаютъ на вторич-

*) Въ Иерусалимѣ въ мечети Эль-Сакра, подъ куполомъ, лежитъ огромный неправильной формы камень, обнесенный позолоченною рѣшеткою, который называютъ священнымъ, предполагая, что съ него Магометъ вознесся на небо.

ную очередь. Я поклонился Аврааму, а Авраамъ мнѣ. Тогда я замѣтилъ около славнаго патріарха небольшое число людей въ бѣлыхъ и темныхъ одеждахъ. Это были мои послѣдователи. Различіе одежды между ними указывало на исключительно добродѣтельныхъ и вѣрныхъ, но допускавшихъ и злыя дѣла. Посмотрѣвъ на нихъ съ удовольствіемъ, я понялъ, что всѣмъ моимъ послѣдователямъ суждено жить въ одномъ мѣстѣ съ праотцемъ нашимъ Авраамомъ. Затѣмъ мы подошли къ величественному дереву, именуемому Седратъ, которое по величинѣ и красотѣ своей составляетъ лучшее твореніе изъ всего созданнаго Аллахомъ. Его одинъ листъ можетъ прикрыть все народонаселеніе Аравіи. На этомъ деревѣ сидѣло безсчетное множество ангеловъ и птицъ, неперестававшихъ воспѣвать божественные гимны. Очарованный ихъ пѣніемъ, я внезапно услышалъ гласъ Господа, повелѣвающій мнѣ 500 разъ молиться въ сутки. Выслушавъ это, я передалъ Моисею волю Господню, но онъ заставилъ меня вернуться назадъ и испросить у Творца уменьшеніе этого числа молитвъ. И дѣйствительно Господь оказалъ мнѣ небольшое снисхожденіе, но Моисей настоялъ на томъ, чтобы я снова просилъ, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока съ 500 кратной молитвы Господь опредѣлилъ только пятикратное моленіе въ сутки. Моисей и на это не соглашался, утѣряя, что послѣдователи мои не въ состояніи будутъ выполнить этого, но я отвѣчалъ, что совѣсть не дозволяетъ мнѣ болѣе беспокоить Творца.

О житейскомъ бытѣ Магомета турецкіе писатели большинствомъ сходятся между собою въ томъ, что Магометъ велъ трезвую и умѣренную жизнь. Строго соблюдалъ установленный постъ, не позволялъ себѣ никакой внѣшней роскоши, запрещалъ носить одежду изъ цѣльнаго шелку и золотыя кольца; любилъ безпрестанно умываться и употреблять благовонія. Все это буквально перешло въ привычки Крымскихъ татаръ, за исключеніемъ употребленія душистыхъ маселъ, которыхъ не имѣется въ Крыму въ продажѣ, но всѣ, бывавшіе въ

Меккѣ, привозятъ оттуда розовое масло и всегда держатъ его при себѣ.

Магометъ имѣлъ 21 жену, изъ числа которыхъ развелся съ 6, умерло 5, а остальные пережили его. Число служителей, именуемыхъ подданными, у него простиралось до 40 мужчинъ и 7 женщинъ. Изъ послѣднихъ одна только Марія была предметомъ его особеннаго вниманія и удостоивалась замѣнять жену. Кромѣ этого при немъ постоянно находилось 15 писарей, переписывавшихъ коранъ, 4 главныхъ проповѣдника и 8 тѣлохранителей. Изъ имущества: 10 лошадей, 3 мула, 4 осла, 45 верблюдовъ, 100 овецъ и 1 пѣтухъ, но всего больше сружія, посуды и музыкальныхъ инструментовъ. Знаменитое знамя его, съ изображеніемъ чернаго орла (окабъ), нынѣ извѣстное подъ именемъ Санджакъ-шерифъ и плащъ херкай-шерифтъ, хранящіеся въ Константинополѣ, отлично доказываютъ, что Магометъ заботился приобретать прочныя вещи.

Всѣ эти наклонности болѣе или менѣе отражаются на врожденныхъ привычкахъ татаръ, которые хотя и не выполняются буквально въ наше время, но каждый изъ нихъ счесть-бы себя счастливымъ выполнить ихъ на дѣлѣ.

Замѣчательно однако, что мусульмане, которые съ такимъ усердіемъ выполняютъ всѣ правила и завѣщанія, установленныя Магометомъ, положительно упускаютъ изъ виду то особенное уваженіе своего пророка къ христіанамъ, которое онъ неоднократно выражалъ при жизни на словахъ и затѣмъ изобразилъ на бумагѣ. Для тѣхъ, кому неизвѣстна эта грамота, хранящаяся у турецкаго султана въ Стамбулѣ, мы приведемъ списокъ съ нея, находящейся въ Синайскомъ монастырѣ во имя Преображенія Христова. Содержаніе ея слѣдующаго рода:

„Если христіанинъ, монахъ или отшельникъ идетъ въ городъ, пещеру, долину, пустыню, гору, деревню или церковь, я буду позади его, какъ покровитель отъ непріятели. Запрещается обременять налогами монаховъ, священниковъ и богомольцевъ.

Когда женщина христіанская придетъ къ мусульма-

намъ, они должны обходиться съ нею хорошо и позволять ей ходить въ мечеть для совершенія молитвы, не полагая никакого препятствія между ею и ея религіею.

Христіанамъ будетъ оказана помощь въ сохраненіи ихъ церквей и домовъ, что поможетъ имъ сохранить свою вѣру.

Они не будутъ обязываемы служить въ военной службѣ*).

Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдующіе за Магометомъ халифы, а за ними и представители верховныхъ властей всего мусульманскаго міра, не разглашали этой грамоты, съ цѣлью полнаго господства надъ христіанами.

К о р а н ь

Признанъ мусульманами за кодексъ, дарованный человечеству Богомъ, чрезъ Магомета, такъ точно, какъ 10 заповѣдей обнародованы Моисеемъ. Подъ словомъ *коранъ* арабы, турки и татары подразумеваютъ религію Ислама или, проще, преданность волѣ Божіей; между тѣмъ содержаніе этой книги не составляетъ однихъ правилъ, относящихся къ религіи, а скорѣе сборъ различнаго рода рассказовъ изъ ветхаго завѣта, житейскихъ надобностей, угрозъ, обѣщаній, хваленій Бога и себя; что-то въ родѣ молитвъ, наставленій и всякаго рода совѣтовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что весь коранъ писанъ Магометомъ подъ вліяніемъ событій, совершавшихся на его глазахъ и подъ вліяніемъ іудейскихъ книгъ. Желаніе его подражать послѣднимъ доказывается тѣмъ еще, что онъ счелъ необходимымъ составить коранъ свой изъ 77,639 словъ или 323,015 буквъ, т. е. такого числа, которое составляетъ еврейская біблія. Кромѣ этого, подражаніе замѣтно, во первыхъ, въ начинаніи каждой главы: Во имя Всемилостивѣйшаго Бога, вмѣсто еврейскаго: Во имя Великаго Бога, и затѣмъ установленія обрѣзанія и неупотребленія свиного мяса. Но всего замѣчательнѣе то, что, начиная рассказъ во имя Бога, Магометъ, примѣняясь къ 10-ти заповѣдямъ старается говорить именовъ Аллаха.

*) См. Путешествіе по Святой землѣ. 1843 г. Изданіе Фарнакова, стр. 130—131.

Въ полномъ убѣжденіи, что немногіе изъ читателей нашихъ имѣли терпѣніе перечитать коранъ и запомнить его содержаніе, мы, чтобы окончательно познакомить ихъ съ духомъ описываемаго народа, считаемъ себя обязанными выписать вкратцѣ содержаніе этой книги, замѣчательной тѣмъ, что ее исповѣдуетъ чуть ли не большинство народонаселенія всего міра.

Первая глава Корана состоитъ изъ 7 стиховъ, въ которыхъ восхваляется Богъ и которая представляетъ нѣчто подобное славословію Творца вселенной.

Вторая, озаглавленная *коровою*, потому что въ ней упоминается о коровѣ свѣтложелтаго цвѣта, которую Моисей будто приказалъ израильтянамъ принести въ жертву, состоитъ изъ 286 стиховъ. Въ главѣ этой первоначально говорится, кому эта книга должна служить указателемъ и именно: кто боится Бога, кто вѣритъ въ вещи сокровенныя, кто наблюдаетъ молитву, творитъ милостыню и т. п., затѣмъ противъ невѣрующихъ въ могущество Божіе надъ міромъ. Потомъ (21 стихъ) противъ сомнѣвающихся въ чудѣ корана, которымъ угрожаетъ адомъ, а вѣрующимъ безъ разсужденія обѣщаетъ блаженство въ раю, гдѣ они найдутъ женщинъ, чистыхъ отъ всякаго порока. Дальше говорится въ пользу притчъ своихъ, противъ людей злыхъ и неблагодарныхъ, о сотвореніи челоуѣка, доклоненіи ему ангеловъ, кромѣ злаго Эблиса, жизни первыхъ людей въ раю, ихъ грѣхопаденіи и изгнаніи. Затѣмъ слѣдуетъ просьба къ сынамъ Израиля быть вѣрными договору съ Богомъ и обѣщаніе Бога хранить ихъ, если они будутъ соблюдать истину, творить молитву съ колѣнопреклоненіемъ и раздавать милостыню. Потомъ слѣдуютъ совѣты, напоминаніе объ оказанныхъ благодѣяніяхъ роду Израиля спасеніемъ изъ Египта, потопленіемъ Фараона, посылкою чрезъ Моисея заповѣдей и о прочихъ чудесахъ, явленныхъ въ пустынѣ. Съ 59 стиха обѣщается евреямъ и христіанамъ награда, если они будутъ творить добро. Въ 81 ст. сказано: мы дали Иисусу, сыну Маріи, явныя знаменія его посланничества и укрѣпили его духомъ святости. Затѣмъ Магометъ упрекаетъ и угрожаетъ Іудеямъ за то, что они не вѣрили въ пророковъ. Въ 102 ст. слѣдуетъ пре-

достереженіе, чтобы отъ Магомета не требовали никакихъ чудесъ, потому что въ этомъ невѣріе жидовъ. Въ 114 ст. сказано: жиды и христіане не признають тебя, покуда ты не примешь ихъ религіи, но ты скажи имъ, что только распоряженіе, идущее отъ Бога, истинно; но еслибъ ты уступилъ ихъ желаніямъ, послѣ полученія знанія, ты не нашелъ бы у Аллаха ни защиты, ни помощи. 119 ст. говоритъ, что постройка Каабы поручена нами Аврааму и Измаилу. 122—чтобы потомство мусульманъ предано было волѣ Бога, согласно просьбѣ Авраама. 123 напоминаетъ относительно пророковъ, которыхъ Богъ выбиралъ изъ того народа, къ которому обращался. 130 Мы вѣруемъ въ книги, данныя Моисею и Іисусу. 137 и чтобы апостоль былъ свидѣтелемъ предъ нами. 139 требуетъ, во время молитвы, обращеніе взоръ къ Каабѣ. 140 считаетъ послѣдователей евреевъ и христіанъ нечестивыми. 146 Мы послали къ вамъ апостола, избраннаго между вами, который прочтетъ наши знаменія, сдѣластъ васъ чистыми и научитъ книгѣ мудрости. 150 О, Магометъ, возвести терпящимъ счастливыя новости. 150 Проклятіе надъ умершими невѣрными и вѣчное отвращеніе Бога. 168 вамъ запрещено употреблять въ пищу мертвыхъ животныхъ, кровь и свиное мясо. Отъ 169 по 172 угроза скривательства частей корана отъ людей. Отъ 176 до 179 относительно завѣщанія передъ смертью. 179 ст. трактуетъ о постѣ. 180 разрѣшаетъ въ дорогѣ не соблюдать постъ, но съ тѣмъ, чтобы возвратившись домой выполнить его. 181 ст. повѣдаетъ, что Коранъ сошелъ съ неба въ мѣсяцъ Радаманъ и что въ это время слѣдуетъ соблюдать постъ. Въ 183 ст. сказано: вамъ позволяется приближаться къ вашимъ женамъ по ночамъ радамана, потому что онѣ ваши, а вы ихъ одежда, но это запрещается днемъ. 184 запрещается давать судьямъ взятку съ цѣлью завладѣть чужимъ имуществомъ. 190 если кто-либо обижаетъ васъ, обижайте его, какъ онъ васъ обижаетъ. 192 посѣщайте Мекку и святыя мѣста; если же не можете сами, то пошлите туда какую-нибудь жертву. Не брейте головы, пока жертва не достигнетъ мѣста, куда предназначена. Тотъ, кто будетъ боленъ или какая-ни-

будь немощь его заставить выбраться, долженъ замѣнить это постомъ, милостыней или другаго рода жертвой. Кто откладываетъ путешествіе (въ Каабу), долженъ совершить жертвоприношеніе и пропустить три дня при слѣдованіи и 7 дней при возвращеніи. 214 война въ Радаманѣ тяжкій грѣхъ. Невѣрные не перестанутъ воевать съ вами, но тѣ, которые откажутся отъ своей вѣры и умрутъ въ невѣріи, погибнутъ въ этой и въ той жизни: они будутъ преданы огню и вѣчно проживутъ въ немъ. 217 давайте вашъ излишекъ нуждающимся. 220 не женитесь на язычникахъ. 223 ваши жены—ваше поле. Ходите на ваше поле, какъ хотите. О, Магометъ, возвѣсти вѣрующимъ счастливыя новости. 224 не призывайте Бога для увѣренія. 226 чтобы не развестись съ женами по недоразумѣнію, должны четыре мѣсяца обдумать рѣшеніе свое. 228 разведенныя жены выходятъ за другихъ мужей чрезъ 3 мѣсяца. Жены въ обхожденіи съ мужьями и эти съ женами должны вести себя честно. Мужья имѣютъ степень выше женъ своихъ. 229 разводъ можетъ быть дважды съ одною. Берите жену свою и отсылайте ее съ благородствомъ, не отнимая даннаго. 230 если мужъ разведется съ женою три раза, ему не позволено взять ее, покуда она не выйдетъ замужъ за другаго и когда послѣдній въ свою очередь разведется съ ней. 233 разведенныя жены обязаны кормить дитя своего два года, въ продолженіи которыхъ отецъ долженъ доставлять имъ пропитаніе и одежду. 234 послѣ смерти мужа, жена не должна выходить замужъ 4 мѣсяца и 10 дней. 238 отвергнутая жена сохраняетъ половину приданнаго. 241 умершіе мужья должны оставлять женамъ содержаніе въ теченіи года. 242 для отверженныхъ женъ должно быть честное содержаніе. 253 мы открываемъ ихъ тебѣ (Магомету), ибо ты въ числѣ посланныхъ. 264 раздающій свои богатства, не сопровождая милостыни упреками и дурными поступками, будетъ имѣть награду отъ своего Господа. 265 благородное слово и прощеніе обиды стоитъ болѣе, чѣмъ милостыня. 273 творить совѣтъ хорошій тоже, что давать милостыню тайно. 276 Богъ позволилъ барышъ, но запретилъ лихву и стяжающіе

ее, въ день воскресенія явятся замаранные прикосновеніемъ саганы. Исправившіеся отъ нея и вновь павшіе, преданы будутъ огню вѣчному. 280 должнику подождите, но лучше простите долгъ его. 282 ст. говоритъ о значеніи долга на письмѣ при двухъ свидѣтеляхъ мушницъ или 1 мушницѣ и 2 женщинахъ и о долгѣ свидѣтелей являться къ свидѣтельству при надобности. 283, дозволяетъ въ дорогѣ вмѣсто росписки брать залогъ. Затѣмъ слѣдуетъ просьба о побѣдѣ надъ невѣрными и угрозы имъ за непознаніе истинной вѣры.

Во второй главѣ, кромѣ противорѣчій одного стиха другому, безтолковаго набора словъ, исковерканныхъ событій изъ Ветхаго завѣта, наставленій, имѣющихъ цѣль увѣрить народъ въ посланничество свое и власти полученной свыше, правилъ жизни, щедрости и т. п.—нѣтъ ничего, останавливающаго вниманіе.

Глава третья состоитъ изъ 200 стиховъ и оглавлена: *поколѣніе Имрана*. Выберемъ изъ нихъ нѣкоторые изъ стиховъ:

2 стихъ: книга эта подтверждаетъ, то, что ей предшествовало. 5, это онъ, который послалъ тебѣ книгу. Затѣмъ слѣдуетъ намекъ на побѣду Магомета при Бедрѣ. 17, религія Божія есть Исламъ. 32, Господь повелѣлъ женѣ Имрана произвести превосходное твореніе. Всегда, когда Захарія приходитъ навѣщать Марію въ запертой комнатѣ, находилъ подлѣ нея пищу. 34 стихъ: Захарія, просившему благословенное поколѣніе, Богъ возвѣстилъ рожденіе Ягьи (Іоанна Крестителя). 37, Ангелы сказали Маріи: Богъ избралъ тебя изъ всѣхъ женщинъ. 25-ть священниковъ спорили кому изъ нихъ заботиться о Маріи и рѣшилъ бросить въ Іорданъ кусочки тростнику съ надписями. Изъ нихъ всплылъ только Захарія. 40, Сынъ Маріи назовется Мессія и будетъ знаменитый на этомъ и томъ свѣтѣ и самымъ изъ приближенныхъ къ Богу. 41, Онъ дитятею въ колыбели будетъ говорить взрослымъ и будетъ онъ въ числѣ правыхъ. 42, Марія отвѣчала: Господи, какъ можетъ быть у меня сынъ, когда никакой мужчина не дотрогивался до меня. 45, Онъ (Иисусъ) скажетъ, я едѣлаю изъ грязи подобіе птицы и дуновеніемъ оживлю; я излечу слѣпаго

и прокаженнаго; я воскрешу мертвыхъ. 79, Мы вѣруемъ во святыя книги, которыя Моисей, Иисусъ и другіе пророки получили съ неба; мы не дѣлаемъ между ними никакой разницы. 90, Первый храмъ, основанный для людей, былъ Меккскій. 91, Совершить къ нему путешествіе обязанъ каждый. 102, Въ день воскресенія у вѣрныхъ будутъ лица бѣлыя, а у невѣрныхъ черныя. 106, вы (мусульмане) народъ превосходный, какой когда-либо появлялся между людьми. 126, повинуйтесь Богу и пророку, чтобы получить милосердіе Божіе. 138, только Магометъ посланный. 144, язычники, потому что присоединили къ единому Богу другія божества. 145, Вы не послушались, когда пророкъ указалъ вамъ то, чего вы желали. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе битвы при Огодъ, храбрость его подданныхъ, ободреніе и будущія награды воинамъ. 175 и 176. Жадные къ имуществу будутъ имѣть его на шеѣ въ день воскресенія. 179 и 180, Тѣмъ, которые говорятъ: Богъ обѣщалъ намъ, что мы не будемъ обязаны вѣрить пророку, покуда онъ не принесетъ жертвы, которую тотчасъ истребилъ-бы небесный огонь — отвѣчай: прежде меня къ вамъ приходили пророки, которые дѣлали чудеса и даже о чемъ вы мечтали; зачѣмъ-же вы убили ихъ? Скажите, если вы правы? 184, Богъ договорился съ евреями, что они будутъ объяснять людямъ Пятикнижіе и что не скроютъ его. Они бросили его чрезъ плечи и продали за ничтожную цѣну. 103, женщины произошли отъ мужчинъ.

Глава четвертая носитъ заглавіе: *женщины*. 3 стихъ, если боитесь быть несправедливыми, не женитесь болѣе какъ на 3 или 4 женщинахъ; если все таки убоитесь этого, то берите одну жену или невольницу. До 19 стиха говорится о сиротахъ и дѣлѣжѣ ихъ наслѣдства. 19, если жены ваши сдѣлаютъ безчестный поступокъ и обвинены будутъ 4 свидѣтелями, то заприте ихъ дома, покуда постигнетъ смерть. 40, оказывайте доброту вашимъ родителямъ, роднымъ, сиротамъ, бѣднымъ, иностранцамъ, товарищамъ, путешественникамъ и невольникамъ. Богъ не любитъ тщеславнаго и гордаго человѣка. 41, Богъ не любитъ скупыхъ. 42, творящихъ милость для тщеславія. 45, О, Магометъ! въ день суда, тѣ, которые

возмущались противъ пророка, пожелали-бы, чтобы земля скрыла ихъ всѣхъ изъ виду. 46, не молитесь (Богу) когда пьяны, нечисты или если имѣли сношеніе съ женщиной. Отрите лице и руки, за недостаткомъ воды, мелкою пылью. 48, между жидами есть такіе, которые перемѣняютъ слова своихъ писаній и говорятъ: мы слышали, но не хотимъ повиноваться. 60, Вѣрующіе и творящіе добро будутъ введены въ сады съ потоками и тамъ найдутъ женщинъ, чуждыхъ порока. 62, повинуйтесь Богу, посланнику и властямъ. 81, и тебя, Магометъ, мы послали къ людямъ съ пророческимъ порученіемъ. 84, кто повинуется пророку, тотъ повинуется Богу. 84, еслибы Коранъ не былъ составленъ Богомъ, имѣлъ-бы множество противорѣчій. 88, Привѣтствующимъ васъ, отвѣчайте привѣтливѣе. 93, сражающихся съ вами схватывайте и предавайте смерти, вездѣ гдѣ-бы не нашли. 95, за смерть вѣрующаго вѣчный адъ. 97, воюющіе стоятъ выше сидящихъ. 102, въ походѣ можно сокращать молитвы. 104, молитва для вѣрующихъ есть непрѣменная обязанность въ опредѣленные часы. 124, Богъ избралъ Авраама въ друзья и вѣра его выше. 127, Миръ есть великое благо. Затѣмъ слѣдуетъ порицаніе лицемѣровъ. 152 ст. доказываетъ, что Магометъ зналъ содержаніе Ветхаго завѣта. 155, Они не вѣрують въ Иисуса; они выдумали о Маріи жестокую ложь. 156, они (евреи) говорятъ: мы распяли его, но это былъ не онъ (Иисусъ). Они его не убивали, потому что Богъ вознесъ его къ себѣ. 157, Не будетъ ни одного человѣка, между имѣющими вѣру и писаніе, который не увѣровалъ бы въ Иисуса предъ смертью. Въ день воскресенія онъ засвидѣтельствуетъ предъ ними свое могущество *). 169, Иисусъ есть духъ, происходящій отъ Бога, но не сынъ, потому что Богъ единъ, не вѣруйте въ Троицу. 172, Гордые и спѣсивые будутъ наказаны жестоко. Затѣмъ слѣдуетъ повтореніе сказаннаго раньше.

Глава пятая состоитъ изъ 120 стиховъ и оглавлена *столомъ*, будто-бы сошедшимъ по желанію Иисуса Хри-

*) Стихъ этотъ доказываетъ благоговѣніе Магомета къ Иисусу, но перетолкованъ ахунами такъ, что татары не имѣютъ о немъ точнаго понятія.

ста съ неба съ различными явствами. Начинается: во имя Бога милостиваго и милосерднаго. 1 стихъ, питайтесь мясомъ животныхъ, составляющихъ ваши стада. Стрѣлять или убивать дичь играму (пилигриму) воспрещено. Одежда играма толстый кусокъ материи. 2, не оскорбляйте священный мѣсяць. 4, запрещено употреблять кровь, свинью и все не очищенное ножемъ. 8, умо-веніе предъ молитвою. 9, очищеніе послѣ совокупленія съ женами водою, а въ дорогѣ пескомъ. Затѣмъ слѣдуютъ нападки на изральтянь. 22, не сойдетъ болѣе пророка предостерегателя, 43, вору или воровѣ отрѣжьте руки въ отпущеніе за дѣло ихъ рукъ. 62 и 63, не обращайтесь вниманія на тѣхъ, которые религію вашу обращаютъ въ предметъ насмѣшки. 69, намекаетъ, что жида явятся въ день суда съ знаками. 73, всѣ вѣрующіе въ послѣдній день и творящіе добро будутъ помилованы. Снова нападки на израильтянь, убивающихъ и не вѣрующихъ въ пророковъ. 85, христіане болѣе расположены любить вѣрныхъ—у нихъ нѣтъ гордости. 92 и 93, вино и игры азартныя придуманы сатаной, чтобы вселить ненависть и удалить ихъ отъ Бога. 97, Рыболовство въ священный мѣсяць Дгуль-гиджда позволено. 124, Иисусъ испросилъ съ неба сошествіе стола съ кушаньями для апостоловъ.

Глава шестая состоитъ изъ 105 стиховъ и оглавлена: *Скотъ*. Сначала говорится во славу Корана и противъ многобожества. 25 ст. Невѣрные скажутъ: этотъ Коранъ ничто иное, какъ куча старыхъ басенъ. 92 Коранъ — книга, подкрѣпляющая прежнія писанія. 114 Корану повелѣлъ Богъ сходить по частямъ. Въ этой главѣ наборъ различнаго рода наставленій, угрозъ, обѣщаній награды, но благодать и милосердіе превосходятъ угрозы.

Глава седьмая оглавлена *Эль-арафомъ* т. е. мѣстомъ между адомъ и раемъ (нѣчто въ родѣ чистилища). Въ этой главѣ говорится о святости Корана; угроза невѣрнымъ; объ Эблисѣ (зломъ духѣ), Адамомъ, которому воспрещено было вкушать плоды отъ одного дерева, и про грѣхопаденіе послѣдняго. Затѣмъ слѣдуетъ наставленіе одѣваться получше при входѣ въ мечеть, какъ ѣсть и пить, избѣгать неправды и насилія, отвергать многобо-

жіе; заявленіе апостоловъ, награды будущей жизни, блаженство и муки, о Богѣ и обращеніяхъ къ нему, о ристеніяхъ, о Ноѣ, о Гудѣ (Лотѣ) и другихъ пророкахъ, проповѣдывавшихъ слово Божіе, но которымъ не вѣрили.

79 стихъ замѣчателенъ восклицаніемъ: употребите ли вы мужчинъ вмѣсто жѣнщинъ для насыщенія плотскихъ прихотей! Затѣмъ снова примѣры наказанія непослушавшихъ пророковъ. Исторія Моисея и кое что объ Адамѣ и Евѣ, о терпѣннн, добродѣтели, невѣжествѣ, искушеніи, привидѣніяхъ, о Кораѣ и чтеніи его, произношеніи имени Бога и восхваленіе его.

Глава восьмая состоитъ изъ 76 стиховъ и оглавлена *добычею*. 1 ст. Добыча принадлежитъ Богу и Его посланнику. Боязнь къ Богу, а повиновеніе посланнику. 2. Вѣрующіе чувствуютъ страхъ. 3. Соблюдать молитву и милостыню. Въ 5 ст. Магометъ говоритъ о себѣ и первомъ сраженіи вѣрныхъ съ невѣрными. 22. Самыя худшія животныя земли, глухіе и нѣмые. Затѣмъ говоритъ противъ обмана и богатства, въ пользу свою, противъ невѣрныхъ, за раздѣлъ добычи, войну при Бедре, противъ жителей Мекки, неблагодарности ихъ и нарушеніи договора; противъ измѣнниковъ невѣрныхъ враговъ, о мирѣ, битвѣ, себѣ самомъ, о силѣ вѣрныхъ, о плѣнныхъ, о счастья воюющихъ съ нимъ и почитавшихъ его.

Глава девятая 130 стиховъ оглавлена: *Свободою или раскаяніемъ*. Начинается угрозами противъ невѣрныхъ; о Магометѣ и соблюденіи мира съ невѣрными. 5 ст. По окончаніи священныхъ мѣсяцевъ убивайте язычниковъ вездѣ, берите ихъ въ плѣнъ и т. п. Дальше намекаетъ снова о себѣ, о вѣрующихъ и противъ невѣрныхъ, на свои дѣйствія въ войнѣ, о значеніи храбрости, о почитаніи Бога и его, противъ лицемѣрныхъ и уклоняющихся отъ войны, о милостынѣ, храмѣ, о поклоненіи Богу, пророкамъ и т. п.

Глава X. *Иона*. 109 стиховъ. Послѣ долгихъ толкованій или намековъ на входъ въ рай, сравненій и угрозъ онъ говоритъ въ 38 стихѣ, что коранъ отъ Бога и составляетъ подтвержденіе писаній, раньше ниспосланныхъ съ неба.

Глава XI оглавлена именемъ пророка Гуда (Лота) и составляетъ повтореніе сказаннаго раньше. Глава XII оглавлена Іосифомъ. Начинается сномъ Іосифа и заканчивается библейскимъ разсказомъ о жизни его съ напоминаніемъ святости корана. Глава XIII. *Громъ*. Въ главѣ этой говорится о днѣ, ночи, солнцѣ, громѣ и повторяется сказанное раньше. Глава XIV оглавлена *Авраамомъ*. Въ ней говорится о наградахъ и наказаніяхъ будущей жизни, о Моисеѣ и другихъ пророкахъ, о милостяхъ Бога, объ Авраамѣ и судномъ днѣ. Въ 30 стихѣ: Богъ говоритъ: на всякое время своя священная книга. Глава XV, *Геджръ* (долина). О твореніи Божьемъ, о насмѣшкахъ противъ апостоловъ, о поклоненіи всѣхъ ангеловъ человѣку, за исключеніемъ злаго Эблиса, о сотвореніи геніевъ изъ тонкаго огня, объ адѣ, о трехъ странникахъ, явившихся Аврааму, исторія Лота, гибель Содома и о томъ, что 7 стиховъ I-й главы корана должны быть безпрестанно повторяемы, какъ и всѣ главы корана.

Глава XVI трактуетъ о благодѣніяхъ и дарахъ Бога на землѣ для человѣка, затѣмъ слѣдуютъ различнаго рода наставленія. Интереснѣе всего 100 стихъ: ищи у Бога убѣжища отъ побитаго камнями сатаны. Стихъ этотъ на столько важенъ у татаръ, что они всегда предъ молитвой произносятъ: я прибѣгаю къ Богу отъ побитаго камнями сатаны. Глава XVII оглавлена ночнымъ путешествіемъ. 14 ст. Мы привязали къ шеѣ каждаго человѣка птицу. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ наставленій для жизни. 34 ст. Избѣгайте прелюбодѣянія, ибо это мерзость. Послѣ этого слѣдуетъ повтореніе сказаннаго раньше и увѣреніе, что коранъ сошелъ съ неба, а онъ, Магометъ, посланъ проповѣдывать его по частямъ. Вѣрующіе въ коранъ, при чтеніи его, падаютъ ницѣ лицомъ.

Глава XVIII оглавлена Пещерою. 23 стихъ: не говори, я сдѣлаю то-то, не прибавивши: если на то будетъ воля Божія. 30 стихъ. Они будутъ одѣты въ зеленныя штофныя и атласныя платья съ золотыми браслетами. Затѣмъ говорится о какой-то пещерѣ, притчѣ, объ Александрѣ Македонскомъ и т. п. Глава XIX

оглавлена Марією, въ ней говорится, что зачатіе Маріи произошло отъ дуновенія архангела Гавріила; что она родила гдѣ-то подъ финиковымъ деревомъ; затѣмъ объ Авраамѣ, Моисеѣ, Ааронѣ, Измаилѣ, Энохѣ. Потомъ слѣдуютъ угрозы и обѣщаніе награды, противъ многобожія и снова воздается хвала корану.

Въ XX главѣ, оглавленной *Тага*, преимущественно говорится о коранѣ и Моисеѣ. Глава XXI, оглавлена пророками и повѣствуетъ о Моисеѣ, Ааронѣ, Авраамѣ, Лотѣ, Исаакѣ, и другихъ, а въ заключеніе о Магометѣ. 91 стихъ упоминаетъ о Богородицѣ такимъ образомъ: „вспомни о той, которая сохранила свое дѣвство и въ которую мы вдохнули часть нашего духа; мы поставили ее съ сыномъ знаменіемъ для міра.

Глава XXII. Странствованіе въ Мекку. Въ этой главѣ также мало новаго. Въ 25 стихѣ сказано: невѣрные, которые удаляютъ другихъ отъ пути Божія и отъ священнаго дома молитвы, который мы основали для всѣхъ людей, которые присутствуютъ какъ посторонніе, имѣютъ одинаковое право посѣщать его. 34 стихъ: вы получите за принесенныхъ въ жертву животныхъ многочисленныя выгоды. 35 ст. Для всякаго народа мы установили обычай, чтобы люди повторяли имя Божіе надъ пищей. Дальше приводятся примѣры изъ ветхаго завѣта въ пользу своего ученія.

Глава XXIII оглавлена—*Впруюціе*. Въ ней говорится о счастья тѣхъ, которые признали ученіе Магомета. Въ 24 главѣ, оглавленной *Свнтомъ*, останавливаютъ новизною слѣдующіе стихи: 3-й ст. мужчина прелюбодѣй долженъ жениться на женѣ прелюбодѣянкѣ или язычницѣ, такъ обязана и жена, прелюбодѣйка, поступить. 26 ст. безстыдныя жены и мужья созданы для безстыдныхъ мужей и жень. 27 ст. запрещаетъ входить въ семейный домъ безъ дозволенія. 28 ст. Если вы застанете (дома) хозяина и вамъ скажутъ уйдите, тотчасъ уходите. 31 ст. Вели женщинамъ склонять взоры и не давать видѣть своихъ украшеній. 57 ст. Ваши невольники и дѣти, недостижшіе зрѣлаго возраста, при входѣ должны спросить вашего позволенія трижды въ день: утромъ, въ полдень и вечеромъ. 61 ст. Входя въ домъ,

обоюдно привѣтствуйте всѣхъ, желая счастливаго и добраго здоровья.

Глава XXV оглавлена *Различіемъ*. Она не представляетъ рѣшительно ничего новаго, кромѣ повтореній изъ сказаннаго раньше. Глава XXVI оглавлена *Поэтами*, о которыхъ говорится какъ о непреклонныхъ, затѣмъ слѣдуютъ эпизоды изъ исторіи евреевъ. Глава XXVII названа *Муравьемъ*. Въ ней, послѣ повѣствованія о Моисеѣ, Давидѣ и Соломонѣ, производится рассказъ муравья съ Соломономъ. Глава XXVIII, оглавленная *Приключеніемъ*, снова трактуетъ о Моисеѣ и о сказанномъ раньше. Глава XXIX оглавлена *Паукомъ*. Въ ней повторяется прежнее объ Авраамѣ, Лотѣ, наградахъ и угрозахъ. Глава XXX оглавлена *Греки*, которые будто побѣждены Персами. Затѣмъ слѣдуетъ предсказаніе, что Эр-румы въ свою очередь будутъ скоро побѣждать. Потомъ та же пѣснь о наградахъ и наказаніяхъ невѣрующихъ въ пророковъ и т. п. Глава XXXI оглавлена *Локманъ*. Не увлекаться никакими исторіями, такъ какъ онѣ отвлекаютъ отъ слова Божьяго; премудрость Эль-гакима Локмана, прожившаго будто 1000 лѣтъ и научившагося мудрости Давида; о молитвѣ, добрѣ, коверканьѣ словъ, о Богѣ и т. п. Глава XXXII оглавлена поклоненіе, въ ней говорится о сошествіи Корана, о Богѣ, о послѣднемъ днѣ, о Моисеѣ, о днѣ воскресенія, угрозахъ и наградахъ. Глава XXXIII оглавлена *Союзниками*. Въ ней говорится объ осажденіи евреями Медины. 7 стихъ: Мы заключили союзъ съ пророками и тобой, съ Ноемъ, Авраамомъ, Моисеемъ и Иисусомъ. 32 стихъ: вы не то, что другія жены, берегитесь навлечь постыдныя желанія на мужчинъ, у которыхъ слабое сердце. 33 ст. будьте спокойны въ своихъ домахъ, не предавайтесь роскоши, соблюдайте часы молитвы, милостыню и повиненіе къ Богу и его апостолу, 42 ст. о, вѣрующіе, повторите имя Божіе и прославляйте его утромъ и вечеромъ. Въ этой главѣ Магометъ дозволяетъ себѣ жениться на женѣ Зеида. 49 ст. онъ дозволяетъ себѣ жениться на всѣхъ и, даже на двоюродныхъ сестрахъ. 50 ст. запрещаетъ входить къ себѣ въ домъ безъ позволенія; входить въ бесѣду съ нимъ и открыто вопрошать.

его женъ. 59 ст. выражаетъ приказаніе женамъ и дочерямъ, и всѣмъ вѣрующимъ спускать покрывало до ногъ. Глава 34 оглав. *Саба* (название страны). Изъ этой главы видно, что Магомета считали бѣноватымъ. Въ 11 ст. сказано: мы подчинили Соломону вѣтеръ, заставили течъ мѣдный фонтанъ и геніевъ работать ему. Въ главѣ 35 оглав. Ангелы или Творецъ, есть единственный стихъ по новизнѣ, слѣдующаго содержанія: мы не наставили его поэзіи, да она ему неприлична. Въ главѣ XLII оглав. *Раскрытые*, въ 53 стихѣ сказано: „мы прикажемъ Корану гремѣть во всѣхъ странахъ міра, куда окажется, что Коранъ есть истина. Въ XLVI главѣ въ 8 стихѣ Магометъ называетъ себя апостоломъ, въ 11 ст. что до Корана существовала книга Моисея. 28 ст. Геніи, услышавъ чтеніе Корана, воротились въ среду своего народа апостолами. Въ XLVII главѣ въ 15 ст. рай представленъ слѣдующимъ образомъ: источники, воды которыхъ никогда не истощатся; источники молока, вкусъ которыхъ неизмѣняется, источники вина утѣшеніе для тѣхъ, которые напьются. Въ XLVIII главѣ 27 ст. Богъ осуществилъ сонъ апостола, когда далъ ему услышать такія слова: „вы войдете въ священный домъ молитвы, съ бритой головой и коротко остриженными волосами *). Въ LIII главѣ 13 ст. Онъ видѣлъ уже Его (Бога) въ другомъ восхожденіи (ночномъ путешествіи). Въ LIV гл. 1 ст. увѣряетъ, что въ день страшнаго суда мѣсяцъ разсѣчется. Въ LVII гл. 11 ст. Кто сдѣлаетъ Богу щедрое одолженіе, получить вдвое. 27 ст. Мы положили въ сердца учениковъ Іисуса печаль и состраданіе; жизнь же монашескую они выдумали. Въ LXI гл. обращаетъ вниманіе 6-й стихъ, въ которомъ Іисусъ, сынъ Маріи, говоритъ своему народу: о дѣти Израила! я послалъ къ вамъ апостоловъ для подтвержденія пятикнижія, которое вамъ дано до меня и для объявленія о приходѣ послѣ меня апостола, котораго имя будетъ Ахметъ **). Въ LXXIII главѣ, оглавл. *Покрытымъ*, Магометъ говоритъ

*) На основаніи этого стиха, всѣ пожилые и неизбалованные татары брѣютъ себя головы непремѣнно подъ пятницу.

**) Последнее на арабскомъ языкѣ значить славный или почти тоже самое, что Магометъ, т. е. прославленный.

о пророкѣ, покрытомъ плащемъ. Въ ХСІV главѣ Магометъ намекаетъ на то, что у него отърывали сердце слѣдующими словами: „не открывали-ль мы сердца твоего?.. Въ ХСVІ главѣ, читая во имя Господа твоего, который сотворилъ все. Въ ХСVІІІ главѣ. Мы повелѣли сойти Корану въ ночь Алькадра (т. е. въ ночь съ 24 на 25 число Радамана). Глава СХІІІ, извѣстная подь названіемъ дневной разсвѣтъ, состоитъ изъ 5 стиховъ, до того уважаемыхъ татарами и всѣми вообще мусульманами, что ее носятъ на себѣ, какъ талисманъ, противъ всякаго рода несчастій. Содержаніе ея слѣдующаго рода:

1 ст. Скажи я ищу прибѣжища у Бога дивнаго свѣта,

2 ст. Отъ злости сотворенныхъ имъ существъ,

3 ст. Отъ вреда темной ночи, когда она насъ захватываетъ,

4 ст. Отъ злости дующихъ на узлы (чародѣевъ),

и 5 ст. Отъ зла завистника, который имѣетъ къ намъ зависть.

Послѣдняя СХІV глава, оглавленная *Люди*, заключаетъ въ себѣ 6 стиховъ и такомъ же родѣ уважается всѣмъ мусульманскимъ міромъ. Содержаніе ея такого рода:

1 стихъ, скажи: я ищу прибѣжища у Господа людей, 2, скажи: Царя людей, 3, скажи: Бога людей, 4, скажи: Отъ злости того, кто внушаетъ дурныя мысли и срываетъ ихъ, 5, скажи: Который вдыхаетъ зло въ сердца людей, 6, скажи: Отъ геніевъ и людей.

Таково содержаніе Корана, такъ высоко чтимаго крымскими татарами. Теперь читатель нашъ для окончательнаго знакомства съ этимъ народомъ имѣетъ бытъ посвященъ въ ихъ религіозные догматы, правила и т. п.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Религіозныя правила, догматы и обычаи Крымскихъ татаръ.

Аравійскій пророкъ Магометъ, ученію котораго послѣдовали и Крымскіе татары, сколько намъ извѣстно по рассказамъ современныхъ ему писателей, построилъ въ Мединѣ отдѣльное зданіе для молитвы и установилъ правила, которыми должны руководствоваться послѣдователи его при совершеніи пятикратнаго намаза въ теченіи сутокъ. Зданіе это онъ назвалъ *джамми* или *мечить*. Впослѣдствіи, когда Исламъ, такъ сказать, окрѣпнѣлъ, мусульмане, для большей важности, начали воздвигать двухъ родовъ молитвенные дома, и именно: джума-джамми (нѣчто, подобное нашему собору), гдѣ совершалось богослуженіе только въ праздничные дни, а для ежедневной службы, небольшія приходскія мечети. Первое зданіе отличалось во первыхъ тѣмъ, что оно пользовалось нѣкотораго рода привилегіями и управлялось не простыми имамами, а хатибами или эфендіями, въ родѣ нашихъ протоіереевъ. Сказанное нами, относится къ давно минувшимъ вѣкамъ; обратимъ теперь наше вниманіе на современное различіе этихъ молитвенныхъ домовъ.

По прилагательному слову *джума*, означающему пятница, можно судить, что джума-джамми воздвигается какъ бы во имя Магомета, будто бы родившагося въ этотъ день *). Слѣдовательно, храмъ этотъ долженъ былъ выходить изъ уровня обыкновенныхъ святилищъ. Для установленія этого, Крымскіе татары вотъ какъ сдѣлали, руководствуясь, разумѣется, правилами прославленныхъ толкователей корана: во первыхъ, воздвигать джума-джамми не болѣе одной въ извѣстномъ округѣ, прибли-

*) По другимъ источникамъ въ этотъ день Богъ создалъ человѣка.

зительно на 4 или 5 приходо́въ или небольшихъ поселеній; во вторыхъ, при зданіи этомъ содержатъ минареты съ двумя чердачками или обходными балкончиками *), чтобы на нихъ въ одно и тоже время распѣвали два муэзина; въ третьихъ, чтобы сюда обязательно приходили на молитву и для слушанія проповѣдей всѣ окружные мусульмане по пятницамъ; въ четвертыхъ, чтобы управляющій этимъ храмомъ пользовался титуломъ хатипа и, наконецъ, чтобы сюда воспрещенъ былъ входъ малолѣтнимъ и вообще людямъ съ нравственными недостатками и, въ особенности, женскому полу. Въ обыкновенныхъ же мѣстахъ всѣ эти правила, за исключеніемъ послѣдняго, не требуются.

Священные дома эти представляютъ длинную комнату, нерѣдко въ два этажа, обращенную къ югу, т. е. къ Меккѣ и Мединѣ, устланную рогожами, войлоками или коврами, съ небольшимъ углубленіемъ въ концѣ, гдѣ начертанъ большими буквами символъ вѣры, состоящій изъ слѣдующихъ словъ: „*Ла иль Алла ве Мухаметь ресюль-лагъ*“, что означаетъ: нѣтъ Бога кромѣ Бога и Мохаметь посланникъ Божій. Противъ этой надписи находится *миграбъ* или сѣдалище духовника, на право отъ него *мюнберъ* или кафедра, откуда по пятницамъ **) читаются проповѣди, подъ названіемъ *хутбе* или какъ татары называютъ *вазъ*; на лѣво *курсе* въ смыслѣ престола Божія ***) откуда иногда читаются 265, 266 и 267 стихи второй главы Курана, которымъ татары приписываютъ великое значеніе и носятъ на себѣ, какъ спасительные талисманы. Предъ этими священными эмблемами, во всю ширину комнаты, стоятъ подсвѣчники для постановки свѣчей: сальныхъ, стеариновыхъ и восковыхъ. Изъ послѣднихъ, окрашенныя въ зеленый цвѣтъ считаются наиболѣе пріятными Аллаху.

Въ болѣе обширныхъ храмахъ устраиваются и хоры, откуда воспѣваютъ муэзины. Непремѣннымъ условіемъ считается, сооруженіе при каждой мечети такъ называемаго минарета, который въ небольшихъ поселеніяхъ

*) Это дѣлается только въ городахъ или богатыхъ селеніяхъ.

**) Въ джума-джами.

***) Престоль же Божій называется: Эларшъ.

складывается изъ достокъ, а въ городахъ представляетъ ужасной вышины каменную колонну съ отверстіемъ внутри для прохода на балкончикъ ея муэзина, призывающаго правовѣрныхъ на молитву. При нѣкоторыхъ городскихъ мечетяхъ, не смотря на небольшой дворикъ, встрѣчаются надгробные памятники. Это или могилы основателей ихъ или одни только монументы, поставленные на память пилигримовъ, умершихъ въ Меккѣ. Въ деревняхъ же, гдѣ окружности молитвенныхъ домовъ свободны, обыкновенно занимаютъ подъ погребеніе всѣхъ безъ исключенія исповѣдующихъ исламъ.

Въ такомъ видѣ представляются въ наше время татарскія мечети въ Крыму, воздвигаемыя или цѣлымъ обществомъ или одною благотворительною личностью на томъ основаніи, что нѣтъ выше блага, какъ построить зданіе для восхваленія имени Аллаха. Одиночные строители храмовъ обыкновенно пользуются у татаръ великимъ почетомъ и называются баніями. Банійствомъ чрезвычайно дорожатъ и наслѣдники строителей, которые, не смотря иногда на крайнюю бѣдность, охотнѣе лишатся послѣдняго достоянія своего, чѣмъ позволяютъ кому-либо другому ремонтировать мечеть, построенную его предками. При такихъ убѣжденіяхъ ясно, что въ Тавридѣ не могло быть ни единого поселенія татаръ, гдѣ-бы не существовало мечети съ потребнымъ причтомъ, состоящимъ изъ муллы, муэзина (дьякона) и мугевели (старосты, ктитора). Всѣ эти служители, по издревле заведенному порядку, не должны требовать вознагражденія за службу въ мечетяхъ, но пользуются вознагражденіями за выполненія религіозныхъ обрядовъ и кромѣ этого доходами и процентами съ вакуфовъ или земель и денегъ, завѣщанныхъ частными лицами при смерти въ пользу мечетей. Вакуфы эти въ городахъ состоятъ изъ лавокъ, постоянныхъ дворовъ и денежныхъ суммъ, которые часто приносятъ значительные доходы, а въ деревняхъ изъ-чаировъ, садовъ и хлѣбопахатныхъ мѣстъ. При распредѣленіи выручки отъ вакуфовъ, настоятель мечети получаетъ двѣ части, а муэзинъ одну.

Въ Тавридѣ, со временъ ханскаго владычества или присоединенія монголовъ въ мусульманству, вѣдомство

духовенства состояло изъ слѣдующихъ лицъ: Муфтія или верховнаго владыки, кадъ-эскера, уѣзднаго кадія, хатипа, имама и муэзина. Первые двѣ личности въ наше время составляютъ не служителей храмовъ, а верховныхъ блюстителей законовъ религіи *). Это мы говоримъ потому, что никогда никого изъ нихъ не видѣли отправлявшимъ богослуженіе. Все это духовенство избирается на указанные обязанности народомъ, также точно какъ имамы и муллы обществомъ той деревни, куда приглашаются. При несуществованіи священника у этого народа, каждый мірянинъ можетъ попасть къ Муфтію и духовники, если пожелаютъ этого избирателя.

По усвоенному издавна правилу, всѣ представители духовенства обязаны носить отличительный нарядъ отъ мірянъ, состоящій изъ длиннаго суконнаго балахона, каука и чалмы. У муфтія воротникъ балахона обшивается золотомъ и долженъ быть непременно зеленаго цвѣта, такъ точно какъ и каукъ **). Кадъ-эскеръ одѣвается также, но безъ золотой обшивки. Кадіи одѣваются въ малиновато-красный балахонъ и такого-же цвѣта чалму, имѣя на плечахъ красный шарфъ; что же касается до хатиповъ и муллъ, то имъ предоставляется право одѣваться или въ цивильный костюмъ или въ фередше и чалму цвѣта, присвоеннаго имъ по происхожденію ***).

Богослуженіе въ мечетяхъ, по заповѣди Магомета, должно отправляться пять разъ въ сутки. Крымскіе татары буквально исполняютъ это только въ мѣсяцъ Рамазана или *ураза* (поста), когда бодрствуютъ по ночамъ, а въ остальное время года молятся только въ теченіи дня и то люди свободные отъ занятій. Пятикратная служба эта распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 1) При заходѣ солнца подъ названіемъ *ахшамъ-намазъ* (вечерняя молитва). Два часа спустя начинается 2-я молитва *Ятсы-намазъ* (на сонъ грядущій); въ 3-й разъ обязаны соби-

*) Всѣ они получаютъ отъ нашего правительства содержаніе, которое установило, подъ предсѣдательствомъ ихъ, духовное правленіе, ведущее переписку въ качествѣ официального учрежденія.

***) Вытянутая къверху круглая шапка.

***) У татаръ два цвѣта, которымъ они придаютъ отличительное значеніе: красный общій для шевтовъ и зеленый, принадлежащій только потомкамъ Магомета отъ дочери его Фатиме.

ратся въ мечеть при разсвѣтѣ для совершенія *темчихъ-намаза* (утренняя молитва). Четвертая молитва отправляется ровно въ полдень подъ именемъ *улле-намаза* (полдневная) и пятая чрезъ три часа, подъ названіемъ *экенди-намазъ* (вторичная)*). Теперь перейдемъ къ разъясненію, какимъ образомъ начинаются и отправляются эти намазы: въ урочный часъ является къ мечети настоятель ея съ своимъ помощникомъ муэзиномъ и, предварительно входя въ нее, совершаютъ здѣсь *абдезъ***) или заповѣдь омовенія ногъ, рукъ до локтей, рта, носа и ушей. Затѣмъ муэзинъ отправляется на минаретъ и, обходя во кругъ балкончика, кричитъ на распѣвъ слѣдующія призывныя слова:

„Великій Богъ, исповѣдаю, что нѣтъ Бога, кромѣ единого Бога и Магометъ Его посланникъ! Затѣмъ оборачиваясь къ востоку, называетъ всѣхъ неисповѣдывающихъ Коранъ, сквернымъ народомъ, а когда переходитъ къ югу, возглашаетъ: „народъ достойный (*села*), приходи къ поклоненію, приходи къ спасенію!

На призывъ этотъ спѣшать прихожане и, также совершивъ абдезъ входятъ въ мечеть безъ обуви ногъ. Тогда мулла выступаетъ впередъ къ миграбу и, оборотившись лицомъ къ священному символу, начинаетъ молитву въ полъ-голоса. Всѣ посѣтители стоятъ въ отдаленіи и, повторяютъ всѣ слова и дѣйствія духовника своего; слова большинствомъ не понятны для нихъ, такъ какъ онѣ взяты изъ Корана, какъ извѣстно, до настоящаго времени не переведеннаго на татарскій языкъ.

При произнесеніи молитвъ, татары преклоняютъ всѣ одновременно колѣна т. е. выполняютъ установленный *рика* и затѣмъ повергаются головою на землю (суджудъ) въ знакъ обожанія. Все это выполняется съ поразительнымъ деизмомъ и истинною преданностію къ божеству, и ни какое обстоятельство или событіе, не

* Не воспрещается совершеніе намазовъ и дома.

Полагаютъ, что первая молитва читается въ честь Адама, 2-я въ честь Авраама, 3-я въ честь пр. Іоны, 4-я въ честь Іисуса Христа, а 5-я въ честь Моисея.

** Абдезъ происходитъ отъ словъ *аб* (вода) и *десть* (рука).

заставить татарина во время намаза повернуться въ сторону или выйти на дворъ.

Въ случаѣ отсутствія муллы, обязанности его выполняетъ муэзинъ, но еслибъ и его не оказалось, то каждый, знающій наизусть установленныя для намаза молитвы, имѣетъ право занять мѣсто на миграбѣ и руководить моельщиками.

Намазы эти не продолжительны, и въ очень рѣдкихъ случаяхъ богослуженіе тянется долже получаса; по пятницамъ только въ джума-джами, оно затягивается проповѣдникомъ отъ 1½ до 2 часовъ.

Чтобы посвятить читателя въ подробности религиозныхъ правилъ и догматовъ Крымскихъ татаръ, намъ предварительно приходится изобразить главнѣйшія основанія ихъ религиозныхъ вѣрованій, описанныхъ нами съ книженки, извѣстной имъ подъ заглавіемъ: наставленія правовѣрныхъ. Вотъ содержаніе ея.

1) Вѣра, безъ разсужденія, составляетъ главнѣйшую обязанность мусульманина; иначе и не можетъ быть, потому что все, принесенное пророкомъ съ неба, есть свято, а все святое необходимо сознавать сердцемъ и прославлять языкомъ. Кто исполняетъ это, тотъ только вѣритъ безъ разсужденія.

2) Исполняющій религію Магомета, исполняетъ волю Аллаха, потому что законы, принесенные имъ на землю, были отъ Бога.

3) Каждому назвавшемуся правовѣрнымъ слѣдуетъ знать слѣдующій символъ вѣры: Я вѣрю въ Бога, (Амень ту Билля) Въ его ангеловъ (Уамелля гикетъ-ги), Въ его книги (Кютъ-беги), Въ его посланниковъ (Уварисъ-ляги), Въ послѣдній день (Уэль яумъ эль ахуръ), И въ добрые и злые случаи, пропсходящіе отъ Бога (Увабилъ хадеръ хай рагу ушаръ рагу минъ Аллахъ).

4) Человѣку Аллахъ далъ восемь качествъ: Жизнь (гаять), Смерть (Олюмъ), Слухъ (Сема), Зрѣніе (Басаръ), Желаніе (Эрадетъ), Довольство (Худретъ), Словорѣчіе (Келемъ) и Творчество (Текюннъ).

5) Свойства Аллаха слѣдующія: Вездѣсущность (Ужуть), Безначальность (Кадамъ). Безконечность (Быка), Единство (Уохтъ даніетъ), Ни на что изъ творенія непохожій (Мухалифетъ) и ни въ комъ не нуждающійся (Хьямъ бинефъ сеги).

Желающій видѣть Аллаха согрѣшаетъ, потому что Онъ непостижимъ. Чувствъ и мыслей Аллаха никто не знаетъ. Ангелы ни пьютъ ни ѣдятъ; женщины и мужчины между ними не бываютъ. Они не грѣшатъ; приказанія Бога исполняютъ въ точности.

Между ними есть съ даромъ пророковъ. Каждый имѣеть свою обязанность. Главнѣйшіе между ними: Гавріилъ, Израилъ, Исрафилъ и Михаилъ.

7) Всѣхъ священнымъ книгъ 104, но изъ нихъ, славнѣйшія слѣдующія четыре: Тевратъ (вѣтхій завѣтъ), дарованный Богомъ пророку Муссе (Моисею), Зебуръ, (псалмы) сошедшій къ пророку Дауду (Давиду), Инджиль (Евангеліе) Иссъ (Иисусу) и Коранъ Магомету.

Изъ 100 остальныхъ: 10 писаны про Адама, 50 про Шинта *), 30 про Идриса **) и 10 про Авраама. Всѣ эти книги принесены на землю Габраиломъ. Куранъ доставленъ имъ послѣдній и слѣдовательно долженъ быть послѣднимъ закономъ для людей.

8) Первый любимецъ Аллаха былъ Адамъ, а послѣдній Магометъ. Всѣ пророки, бывшіе на землѣ отъ перваго до послѣдняго, были истинные посланники Аллаха. Именъ ихъ всѣхъ нѣтъ въ Коранѣ, но главнѣйшіе изъ нихъ поименованы, и именно: 1) Адемъ-ата, 2) Идрисъ, 3) Нохъ, 4) Гуть, 5) Сале, 6) Исгажъ, 7) Ибраимъ, 8) Исмаиль, 9) Якубъ, 10) Юсефъ, 11) Шагипъ, 12) Луть, 13) Ягья, 14) Захарія, 15) Мусса, 16) Аронъ, 17) Даудъ, 18) Сулейманъ, 19) Ильязъ, 20) Аюпъ, 21) Ильяза, 22) Зуль-Кефиль, 23) Айсоса, 24) Азиръ, 25) Юнесъ-Люкманъ, 26) Зуръ-Карнанъ и 27) Магометъ ***).

9) Отличительныя качества пророковъ, въ которыя необходимо вѣрить, суть слѣдующія: справедливость (садыхъ), залогъ (аманатъ), могущество (фитанатъ), посредничество (теблихъ) и безгрѣшность (осматыръ).

У Магомета было тремя качествами болѣе и именно: 1) величественный (авдалъ), 2) наставникъ человѣка и духа и 3) конецъ пророковъ.

10) Правила религій: 1) не видѣвши — вѣрить, 2) единому Аллаху будущее извѣстно, 3) дозволенное человѣку есть благословенное Аллахомъ, 4) Запрещенное — воспрещается, 5) питать страхъ къ наказанію и 6) надѣяться на милость Аллаха.

11) Обязанностей пять и именно; 1) Умѣть сказать: нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ его посланникъ; 2) пять разъ въ сутки молиться; 3) въ мѣсяцъ рамазанъ соблюдать постъ; 4) отдавать десятину отъ имущества и 5) въ Меккѣ побывать. Къ ствойствамъ человѣка относятся и слѣдующія чувства: 1) сознаніе, 2) раскаяніе, 3) охота или желаніе, 4) уваженіе и 5) отвращеніе. Юношѣ въ 15 лѣтъ необходимо знать: во 1-хъ, обязанности службы, во 2-хъ, потребности жизни, въ 3-хъ, тайну обрѣзанія, въ 4-хъ, охоту къ приобрѣтенію, въ 5-хъ, что дозво-

*) Шинтъ, по мнѣнію татаръ, ввукъ Адама и первый послѣ него пророкъ.

**) Идрисъ также былъ пророкомъ изъ 5-го поколѣнія Адама. Онъ долженъ находится живымъ въ раю до страшнаго суда и заниматься шитьемъ одеждъ, подъ названіемъ Гулле.

***) Имя Иисуса Христа не упомянуто здѣсь, хотя въ Коранѣ оно часто произносится.

лено, въ 6-хъ, что не дозволено, въ 7-хъ чувство ненависти и въ 8-хъ, что безумно. Если-же онъ не захочетъ понять этого, то названъ будетъ киафиромъ.

12) Кто пьетъ вино и убьетъ человѣка, тотъ лишается протекціи Магомета. Кто лошадиное мясо употребляетъ въ пищу, того намазная молитва не приемлется. При абдезѣ (умовеніи на молитву) надо поступать слѣдующимъ образомъ: 1) Дать горсть воды рту, 2) столько-же втянуть въ носъ и 3) Омыть оконечные члены тѣла. Приготовляясь къ совершенію молитвы необходимо: 1) совершить какъ сказано выше омовеніе; 2) имѣть на тѣлѣ чистое бѣлье; 3) прикрыть хорошо половые органы; 4) обратиться лицомъ къ югу; 5) возбудить въ душѣ усердное желаніе къ молитвѣ и 6) сказать: Аллахъ гакбаръ! т. е. Богъ великъ.

Если въ уразу кто проглотитъ что нибудь нечаянно, безъ умысла и вкусъ съѣденнаго дойдетъ до сердца, постъ дѣлается недѣйствительнымъ.

Умершаго или утонувшаго, прежде погребенія, слѣдуетъ омыть три раза, на случай-же недостатка воды можно сдѣлать это землею, потомъ одѣть его въ рубаху до самыхъ ногъ. Женщинамъ, кромѣ этого, необходимо закрывать голову, груди и полить тѣло ароматами. Кто провожаетъ мертвое тѣло до послѣдняго жилища, тотъ избавляется отъ 40 грѣховъ. Кто умершаго приводитъ къ *салавату*, то есть учить его отвѣчать на томъ свѣтѣ, тотъ будетъ подъ покровительствомъ пророка въ день страшнаго суда. Салаватъ производится однимъ изъ правовѣрныхъ, имѣющихъ хорошее понятіе въ религіи. Личность эта становится у ногъ похороненнаго и прежде всего взываетъ къ нему по имени, потомъ говорить: „тебя спросятъ въ какомъ состояніи ты былъ на землѣ?“ отвѣчай: „благодарю Аллаха за религію, которую я исповѣдывалъ, за милости пророка и за все вообще.

13) Всѣхъ обязанностей мусульманина 54: 1) считать Аллаха единымъ, 2) одежду носить дозволенную *), 3) исполнять омовеніе, 4) пять разъ въ сутки молиться, 5) очищать тѣло отъ гадостей (т. е. волосъ), 6) быть увѣреннымъ въ милостяхъ Творца, 7) принимать пищу дозволенную, 8) не роптать на Бога, 9) приступать къ дѣлу во имя Аллаха, 10) быть довольнымъ судьбою, 11) благодарить Бога за все, 12) въ несчастіи быть терпеливымъ, 13) каяться въ грѣхахъ, 14) съ усердіемъ молиться,

*) Надо полагать наслѣдственную, или-же добытую преступнымъ образомъ.

15) Шейтана (злаго духа) считать вѣчнымъ врагомъ, 16) коранъ хранить какъ документъ религіи, 17) къ смерти быть готовымъ во всякое время, 18) давать добрые совѣты, 19) не клеветать, 20) отцу и матерп желать добра, 21) посѣщать родственниковъ, 22) не злоупотреблять довѣренностію другихъ, 23) безъ причины не шутить (смѣяться), 24) Богу и пророку покориться, 25) бояться всегда Аллаха, 26) избѣгать грѣховъ, 27) худому не подражать, 28) думать правильно, 29) отъ неприличныхъ выраженій воздерживаться, 30) отъ зла бѣжать, 31) не насмѣхаться, 32) не смотрѣть на чужихъ женъ, 33) быть справедливымъ, 34) безумно не веселиться, 35) не колдовать, 36) вѣсы и мѣру имѣть вѣрные. 37) вѣрить въ гнѣвъ Божій, 38) немущему подавать подаваніе, 39) не отчаиваться въ милостяхъ Бога, 40) противъ желанія не дѣлать ничего, 41) за все совершающееся благодарить Аллаха, 42) сколько необходимо для существованія, столько и просить, 43) десятую долю съ имущества отдавать на бѣдныхъ, 44) когда жена въ регулахъ, не прикасаться къ ней, 45) отъ всѣхъ пороковъ воздерживаться, 46) не обижать спроть, 47) не гордиться, 48) къ мальчикамъ не прикасаться, 49) молитву (во время намаза) не прекращать, 50) не жить на счетъ другихъ, 51) не считать Бога пріятелемъ, 52) воздерживаться страстей, 53) за неправду не божиться и 54) не хвастаться подачею милостыни.

Если мужъ выругаетъ жену или назоветъ ее дурнымъ именемъ и оставитъ это безъ молитвы раскаянія, то бракъ ихъ дѣлается недѣйствительнымъ или, проще, теряетъ свое духовное значеніе.

14) Отвѣты для умершихъ мусульманъ.

По убѣжденіямъ магометанъ, каждый правовѣрный, послѣ смерти, у дверей неба получаетъ вопросы, на которые обязанъ отвѣчать. Вопросы и отвѣты слѣдующаго содержанія:

— Мусульманинъ-ли ты? „Да мусульманинъ“. — Въ чемъ состоитъ слава Аллаха? „Въ твореніяхъ его“. — Знаешь ты Бога? „Знаю“. — Кто-же онъ? „Онъ безначальный и безконечный“. — Какого ты происхожденія? „Адамова“. — Какого поколѣнія? „Ибраимова (т. е. Авраама)“. — Какой секты? „Ибраимъ-азамова, Эбу-ганифе, Кѳфи, Нимана и Бинь-Сабитова“. — Какой религіи? „Магометовой“.

Если спросятъ, сколько было толкователей (корана)? отвѣчай, четыре: имамъ-Азамъ, имамъ-Шапій, имамъ-Малекій и имамъ-Ахметъ—и всѣхъ ихъ толкованія святы. Если спросятъ, какимъ образомъ ты получилъ толкованія имамъ-Азама? отвѣчай: имамъ-Алхамедъ научилъ Амадына, Ибраимъ-бетъ научилъ имамъ Ибрагима, имамъ Ибенъ-месутъ научилъ Азретъ-ресуля, Азретъ-ресуль научилъ Азретъ-Эбраиля и Азритъ-Миханля; этотъ-же послѣдній Азретъ-Срафиля, а онъ Азретъ-Израиля, а послѣдній по приказанію Аллаха научилъ насъ правовѣрныхъ.

Если спросятъ, въ чемъ состоитъ исламъ? отвѣчай: вѣрить въ приказанія Бога и отъ всего дурнаго убѣгать. На вопросъ,

что значить Исламъ? отвѣчай: душою и языкомъ прославлять единого Бога и посланника его Магомета. На вопросъ: въ чемъ состоитъ символъ вѣры? отвѣчай: въ словахъ: Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ его посланникъ. Если спросать, что составляетъ корпусъ религіи? отвѣчай: пятикратная молитва въ сутки и любовь къ истинѣ. Если спросать, кто нарушаетъ религію? отвѣчай: тотъ, кто не молится Аллаху. На вопросъ, ты ли самъ иманъ (вѣра) или иманъ въ тебѣ? отвѣчай: я въ иманѣ и иманъ во мнѣ.

— Сколько религіи? отвѣчай: пять, и именно: религія славныхъ, пророковъ, добрыхъ людей, сплетниковъ и лжецовъ. — Сколько книгъ сошло съ неба? отвѣчай: четыре: Тевратъ, Зебуръ, Инджиль и Куранъ. Послѣдній къ Магомету адеизъ селяму. — Властенъ-ли человекъ отвергать святость этихъ книгъ? отвѣчай: отвергающій ихъ есть кіафиръ. — Чѣмъ обязанъ человекъ при религіи? отвѣчай: буквально исполнять и не измѣнять ей. — Сколько священныхъ сторонъ? отвѣчай: Верхъ неба, небо подъ землею, направленіе къ Меккѣ и Кааба. — Сколько заповѣдей? отвѣчай: признавать Бога единымъ, пятикратно молиться, десятину отдавать, ѣздить въ Мекку на поклоненіе, омываться послѣ сближенія съ женщиною, совершать абдезъ предъ молитвою, омывать половые органы, послѣ естественныхъ надобностей *), творить обрѣзаніе, неизмѣнять религіи и слушать руководителей. Какія части тѣла должно омывать, приготовляясь къ молитвѣ? отвѣчай: лицо, руки до локтей, макушку головы, ноги до колѣнъ, носъ, ротъ, уши и бороду.

Всѣ эти отвѣты и правила должно знать не только мужчинѣ, но и женщинѣ. Послѣдняя вправѣ и тайно отъ мужа изучать ихъ. Если-же она не будетъ ихъ знать, то на томъ свѣтѣ за нее будутъ подвергнуты отвѣтственности три человека: отецъ, мать и мужъ. Юноша пока не достигнетъ 15-лѣтняго возраста, отъ него не слѣдуетъ требовать знанія этихъ отвѣтовъ. Исполняющій ежедневно пятикратную молитву, пріобрѣтастъ столько милостей отъ Аллаха, сколько сотворившій тысяча добрыхъ дѣлъ; если-же къ этому онъ сейчасъ послѣ намазовъ подаетъ милостыню нищему, то это равнобѣрно постройкѣ Меккескаго храма.

Али-ислямъ (зять Магомета) приказалъ воздавать почтеніе всѣмъ націямъ; неисполнившій это будетъ *бейнамазомъ*, т. е. неисполнителемъ религіи Магомета.

*) Правило это строго соблюдается мужскимъ и женскимъ поломъ, въ осбенности въ деревняхъ.

Всѣхъ сектъ четыре и именно: Шефаги, Гамбели, Ганефи и Мелки *).

Выписавъ установленныя толкователями корана правила, мы обязаны теперь объяснить, какимъ образомъ и въ какой степени онѣ исполняются Крымскими татарами: 1) Вѣру въ единоличность Бога каждый мусульманинъ считаетъ важнымъ отличіемъ отъ всѣхъ! другихъ религій, гдѣ признаются и другія святости. Вотъ на этомъ основаніи они безпрестанно, даже въ домашнемъ разговорѣ, вскрикиваютъ: „Ля иль Алла! **“) и искренно убѣждены, что Творецъ міра предпочитаетъ ихъ за это справедливое убѣжденіе всѣмъ другимъ иновѣрцамъ. Вслѣдствіе чего и назвали себя правовѣрными, т. е. *ахъ-динъ*. 2) Вѣру въ ангеловъ татары выражаютъ только убѣжденіемъ въ существованіи этихъ существъ на небѣ. По ихъ понятіямъ, они есть безсмертные и безгрѣшные рабы Божіи, которые сами по себѣ не имѣютъ права ни надъ кѣмъ и, слѣдовательно, имъ не подобаетъ ни молиться, ни восхвалять ихъ дѣяній. Изъ бесчисленнаго множества ихъ, татары признаютъ только двухъ, въ особенности достойныхъ особеннаго почтенія, и именно: Габраила, за то, что онъ принесъ къ Магомету коранъ и Израиля, за то, что ему довѣрено Богомъ исторгать изъ тѣла душу человѣческую ***)). Что же касается Михаила и Исрафила, то первый ничто иное, какъ воинъ, заступникъ правовѣрныхъ при битвахъ, а послѣдній созданъ только для того, чтобы извѣстить міръ о страшномъ судѣ и воскресеніи мертвыхъ. Въ прописанныхъ нами выше религіозныхъ наставленіяхъ не упоминается о пятомъ, нѣкогда важномъ ангелѣ, Азазилѣ, который по вѣрованіямъ мусульманъ, сверженъ Аллахомъ съ неба и названъ Эблисомъ (отчаяніемъ) за то, что онъ не захотѣлъ поклониться Адаму. Съ этого времени ангелъ этотъ возненавидѣлъ все поколѣніе его и постоянно стремится вовлечь челоуѣчество въ дѣянія, противныя постановленіямъ Аллаха.

*) Изъ нихъ наилучшею признается Ганефійская, которой держится большинство мусульманъ.

**) Восклицаніе это употребляется при удивленіи и недоразумѣніи кого-либо.

***) Ясно, что ангелы эти созданы Магометомъ подъ вліаніемъ еврейскаго и христіанскаго духовныхъ писаній.

На обязанности ангеловъ высшей степени, извѣстныхъ татарамъ подь названіемъ *меляки*, лежитъ долгъ ежедневно записывать всѣ добрыя и злыя дѣла человѣка и доставлять списокъ ихъ на небо.

Кромѣ шейтана или Эблиса, существуютъ въ вѣрованіяхъ татаръ *обуры* (вѣдьмы) и джины. Первые образуются на землѣ отъ женскаго пола, сблизившагося съ злыми духами, а послѣдніе составляютъ отдѣльное твореніе Аллаха, способное принимать различные виды и приводить человѣка въ бѣснующее состояніе. Этотъ родъ духовъ обыкновенно завладѣваетъ кладами, пещерами и разнаго рода развалинами. Они, также какъ и люди, плодятся и умираютъ *). Въ подтвержденіе того, что они обитаютъ даже и во внутренностяхъ человѣка, существуетъ между татарами слѣдующая легенда: будто, однажды, нѣсколько ученыхъ *сохта* (семинаристы), отчитывая одну меджину или сдержимую духомъ подобнаго рода, поймали выскочившаго изъ нея джина и не зная какъ уничтожить его, покропили его и, начинивъ тѣломъ его пирожки, поѣли ихъ. Между тѣмъ мать джина, розыскивая дитя свое, какъ то случайно забрела въ комнату семинаристовъ и, вскрикнула: сынъ мой, гдѣ ты?—Радуйся матушка, отвѣчалъ онъ,—я прежде жилъ въ одной утробѣ человѣка, а теперь въ десяти“. И это будто послужило зародышемъ джиновъ въ нѣкоторыхъ поколѣніяхъ. Чаше же всего татары вѣруютъ въ свойство джиновъ вселяться въ человѣка или поражать его апоплексіею въ то время, когда онъ наскочитъ на пиръ ихъ или осквернитъ ихъ мѣсто жительства. По толкамъ Магомета существуютъ еще нѣсколько родовъ духовъ и полу-духовъ, но татары почти незнакомы съ ихъ названіями. 3) Вѣру въ священныя книги татары выражаютъ благоговѣніемъ при прикосновеніи къ нимъ. По ихъ убѣжденіямъ всѣ поименованныя четыре книги настолько святы, что ложно поклявшійся ими, осужденъ будетъ на вѣчныя страданія въ аду. Святость ихъ состоитъ въ томъ, что они написаны по повелѣнію Бога на небѣ

*) При разговорѣ съ татарами, очень часто слышится слово джинъ. Все это доказываетъ, что они признаютъ присутствіе этихъ духовъ почти повсемѣстно.

и оттуда были переданы людямъ, чрезъ посредство пророковъ. Изъ четырехъ книгъ этихъ, послѣдняя, коранъ, должна имѣть преимущество предъ всѣми другими на томъ основаніи, что она ниспослана послѣ другихъ. Слѣдовательно, составляетъ послѣднюю волю Творца міра. Татары признають святость Ветхаго завѣта, псалмовъ Давида и Евангеліе безсознательно не считая нужнымъ прочитать ихъ, но что касается до корана, то признается большимъ грѣхомъ даже прикасаться къ книгѣ этой неумытыми руками и напротивъ благословенъ тотъ, кто въ жизни своей переписалъ нѣсколько разъ эту книгу или нѣсколько разъ перечиталъ ее во искушеніе грѣховъ *). При чтеніи корана татары считаютъ грѣхомъ держать его ниже поясицы, на этомъ основаніи они перечитываютъ его на колѣняхъ и на распѣвъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ.

Въ мусульманскомъ мірѣ, кромѣ корана, считается священною еще одна книга, извѣстная подъ названіемъ Сунна или собраніе всѣхъ изустныхъ заповѣдей Магомета; но книга эта не всѣми читается. Татары не придаютъ ей никакого особеннаго значенія и потому называются шитами или кизиль-башами (красногловыми), въ отличіе отъ вѣровавшихъ въ Сунну, которые носятъ бѣлые чалмы и именуются ахъ-башами или бѣлогловыми. Коранъ вообще настолько святъ, что нѣкоторые мусульмане воровать на немъ, развертывая разомъ и прочитывая первыя строки страницы и стараясь разъяснить ихъ на всевозможные лады. Священная книга эта имѣется въ домѣ каждаго болѣе или менѣе зажиточнаго татарина и виситъ въ сумкѣ на стѣнѣ **).

Было время, когда наше правительство, въ предположеніи, что татары питають истинное уваженіе къ *Инджилью* или Евангелію и поинтересуются прочитать его съ цѣлью знакомства съ принципами нашей религіи, распорядилось напечатать его на татарскомъ діалектѣ нѣсколько тысячъ экземпляровъ для бесплатной раздачи. Къ сожалѣнію книги эти вручены были духовенству

*) Татары за упокой души усопшихъ и за здоровье ближнихъ, заказываютъ мullahъ и сохтамъ прочитывать по нѣскольку разъ весь коранъ.

**) Печатные кораны получаютъ въ Крыму изъ Константинополя и Казани.

ихъ, которое успѣшило раздарить ихъ христіанамъ, а остальныхъ спустить въ рѣки.

По словамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, Евангеліе это не предлагалось народу, во-первыхъ, на томъ основаніи, что въ немъ будто много ошибокъ противъ корана и наконецъ потому, что правовѣрному воспрещается вѣрить во всякія книги и рукописи, не трагующія объ Исламѣ.

Послѣ этого понятно, что татаре при современныхъ убѣжденіяхъ, никогда не будутъ вѣдать содержанія, признаваемыхъ ими священными: Ветхаго завѣта, Псалмовъ Давида и Евангелія.

Вѣру въ посланниковъ или пророковъ татаре выражаютъ слѣдующимъ образомъ: Всемилостивѣйшій Аллахъ, желая направить извѣстный народъ на путь истинный или пріятный Ему, избиралъ, промежду его, благочестивое семейство и приказывалъ воспроизвести человека, достойнаго быть посредникомъ между нимъ и людьми. При появленіи такого существа на свѣтъ, онъ, для подготовленія человѣчества къ великому назначенію новорожденнаго, сопровождалъ рожденіе его различными чудесами. Такимъ образомъ, по убѣжденіямъ татаръ, появилось на землѣ 366 пророковъ *), во имя которыхъ они имѣютъ привычку отчитывать больныхъ и преимущественно меджиновъ (одержимыхъ); но между ними главнѣйшими или первостатейными признаютъ Адама, Ноя, Авраама, Соломона и Магомета **).

Въ честь этихъ посланниковъ у нихъ не существуетъ отдѣльныхъ молитвъ, даже самъ Магометъ не составляетъ божественной силы, а играетъ роль посредника и заступника за правовѣрныхъ предъ лицомъ Аллаха. При отчитываніи больныхъ, если они и упоминаютъ о пророкахъ, то не иначе какъ въ слѣдующемъ выраженіи: „спаси или изцѣли его (больнаго) ради святости (или истины) 366 пейгамберовъ (пророковъ).

При всемъ этомъ они не отвергаютъ, что посланники эти способны были творить чудеса. Для примѣра при-

*) Между тѣмъ Магометъ насчитываетъ ихъ до двухъ-сотъ тысячъ.

***) Магометъ же въ Коранѣ къ числу ихъ причисляетъ: Моисея и Іисуса Христа.

ведемъ нѣсколько легендъ въ этомъ родѣ о Магометѣ и Иисусѣ Христѣ, добытыхъ нами изъ устъ татаръ до послѣдней эмиграціи большинства изъ нихъ:

1) Однажды—говорилъ мнѣ одинъ хатипъ—вашъ пророкъ Магометъ объявилъ крайне бѣдному послѣдователю своему, что придетъ къ нему съ друзьями ужинать. Несчастный бѣднякъ, не имѣя средствъ на что купить мяса для ужина, рѣшился зарѣзать маленькихъ дѣтей своихъ и тѣломъ ихъ накормить благословеннаго гостя съ дружиною. Въ назначенное время посланникъ небесъ вступилъ въ убогую хижину нищаго и расположился за столомъ. Покушавши съ удовольствіемъ, онъ потребовалъ отъ хозяина представить ему дѣтей своихъ. Бѣднякъ потерялся, но, послѣ долгихъ отговорокъ, вынужденъ былъ сознаться въ преступленіи.

— Спасибо тебѣ добрый человекъ за твое усердіе — отвѣчалъ ему пророкъ—ты пожертвовалъ мнѣ дѣтьми своими. Я зналъ объ этомъ раньше вступленія къ тебѣ; однако ты не думай, что мы въ самомъ дѣлѣ лишили тебя самаго дорогаго утѣшенія жизни“. При этомъ пророкъ прошепталъ молитву и въ комнату вошли дѣти хозяина съ полными мѣшочками червонцевъ въ рукахъ.

2) Исса-Пейгамберъ (Иисусъ Христосъ) въ дѣтскомъ возрастѣ очень охотно игралъ съ другими дѣтьми на улицѣ, преимущественно въ грязныя погоды, когда они занимались выдѣлкою изъ густой грязи разнаго рода подобій птицъ и животныхъ. Иисусъ, подражая имъ, тѣмъ отличался, что все сдѣланное имъ при малѣйшемъ прикосновеніи его рукъ или убѣгало или улетало.

3) Въ томъ же дѣтскомъ возрастѣ Исса въ присутствіи нѣсколькихъ дѣтей, вскочилъ на пробивающіеся въ комнату солнечныя лучи и началъ качаться на нихъ. Одинъ изъ мальчиковъ желалъ сдѣлать тоже, но, ударившись вискомъ объ скамью убилъ на смерть. Увѣдомленные объ этомъ родители ворвались въ комнату и напустились на невиннаго Иссу, будто бы убившаго ихъ сына; но малютка посмотрѣлъ на нихъ съ улыбкою и однимъ толчкомъ ноги пробудилъ охладѣвшій трупъ шалуна.

4) Голова Дженжиме-султана.

Подъ этихъ заглавіемъ я встрѣтилъ на южномъ берегу Крыма у Аутинскаго Имама Умеръ-эфендія рукопись слѣдующаго (сокращеннаго мѣною) содержанія: „Однажды Исса-Нуръ-Алла (Иисусъ-духъ-Богъ) встрѣтилъ на пути своемъ огромный человѣческій черепъ. Удивленный его величиною пейгамберъ испросилъ у Аллаха позволеніе поговорить съ нимъ и началъ допрашивать, кому онъ принадлежалъ. Черепъ отвѣчалъ, что за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ онъ составлялъ голову того самаго Дженжиме-султана, который покорилъ весь міръ, которому прислуживало 12 тысячъ слугъ, поглощающихъ въ сутки провизіи на тысячу червонцевъ и который ежедневно раздавалъ нищимъ три тысячи золотыхъ монетъ.

— Расскажи мнѣ, что нибудь о твоей смерти—сказалъ Иисусъ.

— Смерть постигла меня внезапно—отвѣчала голова. Мнѣ помнится, что, возвратившись изъ бани, я почувствовалъ приближеніе ея и прежде чѣмъ успѣлъ сдѣлать завѣщаніе, лишился языка и мнѣ послышались страшныя приказанія: „возьмите его и бросьте въ печь ада!“ Вслѣдъ затѣмъ явился ко мнѣ ангель смерти и жестокимъ образомъ разорвавъ мое тѣло, вырвалъ изъ него душу, въ которой приблизились два проводника, вооруженные чѣмъ-то въ родѣ чугунныхъ пушекъ и начали наносить мнѣ удары, допрашивая: кто мой Богъ? Въ предположеніи угодить имъ, я отвѣчалъ, вы, но они съ большимъ испугленіемъ поражали меня. Измученный до изнеможенія, я попросилъ напиться воды. Они мнѣ подали что-то жидкое, но проглотивши глотокъ, я остался при убѣжденіи, что меня наполнили огненнымъ пламенемъ. Послѣ долгаго странствованія они наконецъ подвели меня къ какой-то ужасной пропасти и, надѣвъ огненную шапку и такой же поясъ, опустили меня сначала въ огненный источникъ, а потомъ столкнули въ адъ, гдѣ дуна моя пылаетъ до настоящей минуты. О Нуръ-Алла, умоляю тебя, воскреси меня и дозвожь хоть недолго прожить на этомъ мірѣ, чтобы успѣть покаяться въ грѣхахъ! Исса, выслушавъ несчастнаго, прослезился и вознесъ глаза къ небу съ молитвою. Не успѣлъ онъ покончить ее, какъ къ черену приростло туловище прекраснаго молодцаго человѣка.

Вѣру въ послѣдній день, татары выражаютъ слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ луна и солнце измѣнятъ свои пути и потеряютъ сіяніе; начнутся повсюду войны, земля покроется дымомъ, всѣ придутъ въ страшное уныніе и стануть завидовать умершимъ; вслѣдъ затѣмъ явится Теджалъ (антихристъ), который будетъ требовать отъ всѣхъ правовѣрныхъ отказаться отъ Ислама. Послѣ всего этого послышится звукъ трубы Израфиля. При этомъ затрепещетъ земля, небо раскроется, солнце и луна ниспадутъ въ море, которое закипитъ огненными волнами. При второмъ звукѣ трубы должны погибнуть смертью не только всѣ люди и животныя, но и ангелы, гении и самъ Израфилъ—ангелъ смерти. Останутся въ живыхъ только очень немногіе изъ честнѣйшихъ исповѣдниковъ Корана. Послѣ этого польетъ дождь, который не перестанетъ сорокъ лѣтъ. Съ окончаніемъ его раздастся послѣдній звукъ трубы, призывающій всѣхъ къ Божьему суду. При этомъ всѣ души найдутъ свои тѣла и предстанутъ предъ Творцомъ нагими какъ въ день рожденія и именно: правовѣрные на крылатыхъ верблюдахъ, а невовѣрные будутъ ползти какъ змѣи. Когда

соберутся всё до одинаго, Габраиль начнетъ взвѣшивать добрые и злые поступки каждаго на вѣсахъ правосудія. Послѣ этого всё направятся къ мосту Аль-Серакъ, перекинутому чрезъ адскую пропасть, который тоньше волоса и острѣ лезвія сабли. Вотъ здѣсь, при переходѣ, всё невѣрные и грѣшныя падутъ въ бездну кипучей смолы, а праведныя войдутъ въ райское царство, гдѣ будутъ вѣчно наслаждаться.

Вѣрованіе въ добрые и злые случаи, татары выражаютъ убѣжденіемъ, что всякое счастье или несчастье происходитъ по волѣ Аллаха, которую никто не властенъ измѣнить. Слѣдовательно правовѣрный не долженъ отчаяваться при несчастіяхъ, такъ какъ это предназначено ему свыше. Къ этому убѣжденію присоединяется и другое болѣе утѣшительное нѣчто въ родѣ детерминизма подъ названіемъ *хысметъ* (судьба). Каждый человѣкъ, по вѣрованіямъ ихъ, имѣетъ свою судьбу, начертанную Аллахомъ еще до рожденія, гдѣ подробно обозначаются всё его будущія дѣянія, время жизни на землѣ, мѣсто и образъ смерти. Ни во что такъ сильно не вѣруютъ всё вообще мусульмане, какъ въ *хысметъ*. Выѣзжаетъ-ли онъ изъ дому при вопросѣ, когда возвратится—отвѣчаетъ: „хысметъ знаетъ“. Удастся-ли тебѣ жениться на такой-го? Онъ отвѣтитъ: судьба знаетъ. Словомъ вы никогда не получите на вопросы ничего утвердительнаго или отрицательнаго, а непременно указаніе на судьбу. Такъ точно татаринъ во всёхъ отчаянныхъ подвигахъ утѣшается мыслию, что если ему не назначено умереть такого рода смертью, то онъ останется невредимъ даже предъ жерломъ пушки.

Теперь представимъ разъясненія по нѣкоторымъ другимъ прописаннымъ нами постановленіямъ, которыя могутъ быть мало понятны по краткости изложенія.

Въ 10 § между прочимъ сказано: дозволенное человѣку благословенно Аллахомъ, а запрещенное воспрещается. Здѣсь говорится о пищѣ. Подъ словами благословенное Аллахомъ, подразумѣвается всякое не однокопытное животное, зарѣзанное человекомъ предварительно смерти. Подъ словами запрещенное разумѣется: вино, свинья, все не зарѣзанное рукою и всё собачьи,

копачья и однокопытныя животныя. Запрещеніе это выражается словомъ *арамъ*. Арамъ признается и все то, что будетъ зарѣзано женскимъ поломъ. Относительно запрещенія вина съ винограднаго сока и свинаго мяса татаре различно толкуютъ; но благоразумнѣйшіе изъ нихъ полагаютъ, что Магометъ воспретилъ употребленіе ихъ въ пищу только потому, что первое развращало народъ, а послѣднее воспрещено было и сыномъ Авраама Измаиломъ, которыхъ они считаютъ родоначальниками и вдобовокъ основателями Каабы *). Впрочемъ народъ этотъ не признаетъ грѣхомъ пить переваренное до броженія вино, его укусъ и кушать виноградный плодъ; чтоже касается употребленія водки, то это не воспрещается.

Въ § 11-мъ приказывается: въ мѣсяцѣ Рамазанѣ соблюдать (уразу) постъ, отдавать десятину отъ имущества и бывать въ Меккѣ. Посмотримъ какъ эти заповѣди выполняются татарами. Подъ словомъ ураза слѣдуетъ разумѣть такого рода постъ, чтобы не принимать отъ восхожденія до захожденія солнца ничего изъ пищи и вообще отдаляться отъ всего пріятнаго и доставляющаго удовольствіе тѣлу и душѣ, а напротивъ изнурять себя жаждою и голодомъ, подавать милостыню и пятькратно совершать намазъ или въ мечети, если она вблизи, или дома, или на открытомъ воздухѣ. Все это очень хорошо знаютъ татаре, но никто изъ нихъ не умѣетъ отвѣтить вамъ, чего ради они постятся цѣлый мѣсяцъ. По крайней мѣрѣ мнѣ никогда не приходилось слышать однихъ и тѣхъ-же причинъ, послужившихъ по ихъ мнѣнію поводомъ къ установленію этого страннаго поста. Одни говорятъ, что онъ установленъ въ честь *Марьяманы* (т. е. Богородицы), другіе на память смерти Магомета, а послѣдніе, что будто первые калифы завѣщали поститься въ Рамазанѣ только три дня, но такъ какъ неясно указаны ими эти дни, то мусульмане изъ

*) По легендамъ-же грековъ, Магометъ прекалъ виноградное вино, потому что однажды встрѣтилъ подлѣ мечети двухъ друзей братски бесѣдующихъ за сосудомъ вина; на обратномъ-же пути пріатели эти зарѣзали другъ друга. Что-же касается до свиньи, то будто животное это признано Магометомъ за арамъ за то, что воспретятствовало ему сотворить какое-то (подготовленное заранее) чудо.

боязни пропустить ихъ, опредѣлили лучше поститься весь мѣсяцъ, чѣмъ нарушить волю завѣщателей; между тѣмъ арабы и турки единогласно убѣждены въ томъ, что ураза введена въ воспоминаніе того, что самъ Магометъ въ мѣсяцѣ Радаманѣ или Рамазанѣ постился въ пустынѣ около горы Хара. Убѣжденіе это согласуется съ содержаніемъ 96 главы Корана и записками, найденными мною въ библиотекѣ наслѣдниковъ Крымскаго хана, гдѣ сказано, что во время поста Магомета, милостивый Аллахъ послалъ къ нему съ архангеломъ (Гавриломъ) поклонъ, каукъ и печать съ приказаніемъ пророчествовать *). Если къ этому мы присоединимъ, что всѣ аравійскіе біографы Магомета вдобавокъ опредѣляютъ и день смерти его въ мѣсяцѣ Рабіу, то можно положительно сказать, что Крымскіе татары безъ всякаго сознанія исполняютъ свой изнурительный постъ. Начало уразы или поста нельзя опредѣлить нашими мѣсяцами, потому что мусульмане ведутъ лунное исчисленіе и начинаютъ его со дня рожденія луны. Въ Крыму за опредѣленіемъ этого дня слѣдить высшее духовенство и объявляетъ по округамъ чрезъ гонцовъ. Распоряженіе это въ особенности бываетъ необходимо въ такихъ случаяхъ, когда слѣдуютъ пасмурныя или облачныя погоды, препятствующія замѣтить появленіе луны. Календарей татары вовсе не имѣютъ, да и мало вѣрятъ въ указанія ихъ на томъ основаніи, что Аллахъ властенъ измѣнить все то, что намъ кажется неизмѣннымъ. И такъ ураза начинается въ Рамазанѣ т. е. въ 9 лунномъ мѣсяцѣ и продолжается ровно 28 дней. Въ теченіи всего этого времени ни одинъ татаринъ не позволить себѣ въ теченіи дня пить, ѣсть, курить и нюхать; съ вечера-же до утренняго эзана **) онъ воленъ предаваться всевозможнымъ удовольствіямъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ вся тяжесть этого поста падаетъ на тѣхъ бѣдняковъ, которые должны ежедневными работами приобрѣтать кусокъ хлѣба и, утомленные къ вечеру предаются ночному отдыху, тогда какъ богачи

*) По историческимъ-же свѣдѣніямъ мѣсяцъ этотъ и до Магомета считался священнымъ у Аравійскихъ племенъ.

**) Благовѣсть на молитву.

спягъ по цѣлымъ днямъ, а пируютъ въ продолженіи всей ночи. Мнѣ неоднократно приходилось участвовать въ подобныхъ зѣфетахъ (пиршествахъ), послѣ которыхъ я не только на другой, но даже и на третій день не имѣлъ желанія принимать никакой пищи.

Время уразы татары считаютъ самымъ веселымъ въ году. И дѣйствительно никогда такъ не оживляются ихъ кофейни, какъ по вечерамъ въ теченіи этого поста; вездѣ играютъ скрипки, кларнеты и волынки, вездѣ слышны крики продавцовъ шербета, пирожковъ и сладкой бузы. Въ болѣе обширныхъ кофейняхъ толпятся сотни молодыхъ любителей *карагеза*. Карагезъ нѣчто подобное нашимъ кукольнымъ комедіямъ съ тою разницею, что здѣсь являются вмѣсто куколъ тѣни ихъ за освѣщенною бѣлою занавѣскою и разыгрываются любовныя сцены и геройскія похождения сказочныхъ богатырей. Игра сопровождается пѣніемъ пѣсней и пожалуй могла-бы заинтересовать, еслибъ не отличалась грязными сценами и пошлыми фразами дѣйствующихъ лицъ.

Въ теченіи уразы татары болѣе чѣмъ когда либо посѣщаютъ мечети и однажды въ этомъ посту совершаютъ дервишское моленіе за души усопшихъ. Моленіе это представляетъ непріятную для глазъ картину, сидящихъ на полу въ кружкѣ муллъ, безпрестанно преклоняющихся къ землѣ съ отчаянными криками „гавъ-гу!“

Съ наступленіемъ 10-го новолунія, муфтій снова посылаетъ гонцевъ съ извѣщеніемъ наступленія байрама или благополучнаго окончанія срока, установленнаго для уразы. Въ наше время не всегда однако татары ожидаютъ разрѣшенія своего верховнаго имама праздновать байрамъ, но при ханскомъ владычествѣ иначе дѣлалось, такъ напр. наблюденіе за появленіемъ Рамазанской луны поручалось жителямъ нѣсколькихъ деревень евпаторійскаго уѣзда съ освобожденіемъ ихъ отъ всякаго рода податей за своевременное извѣщеніе муфтій о рожденіи луны. Муфтій въ ту же минуту доносили объ этомъ хану и, по записи числа и минуты въ меккеѣ, (присутственной камерѣ) возвѣщали о томъ народу пушечною пальбою.

Отдача десятой доли отъ посьвовъ и плодовъ у татаръ известна подъ именемъ Ишюра. Подать эта взымается на содержаніе духовенства, нищихъ и преимущественно вдовъ и сиротъ. Въ предпоследніе дни господства въ Крыму хановъ, ишуръ собирали въ пользу казны; затѣмъ, когда Таврида присоединилась къ Россіи и отъ татаръ начали брать хлѣбное зерно натурою для складовъ въ запасные магазины и требовать платы податей и отбыванія другихъ повинностей, крымскіе мусульмане большинствомъ отказались отъ уплаты ишюра, но духовенство, не желавшее отказаться отъ значительныхъ доходовъ, различными путями успѣло таки добиться того, что продолжаетъ взиманіе его до настоящаго времени, но не въ первобытно-изнурительной формѣ. Нынѣ даютъ ишуръ зажиточные поселяне сами, только тѣмъ имамамъ и муэзинамъ, которые дѣйствительно бѣдны; въ большинствѣ же случаевъ отдаютъ его на *медресе* *) семинаристамъ, которые ходятъ по дворамъ съ этою цѣлью, и людямъ крайне, нуждающимся въ подаяніи.

Подъ заповѣдью, бывать въ Меккѣ, разумѣется набожное путешествіе или пилигримство къ священнѣйшему храму Каабы, что обязанъ сдѣлать хоть однажды въ теченіе жизни каждый исповѣдывающій коранъ, если не самъ лично, то чрезъ *беделл* (повѣреннаго), когда слишкомъ старъ или слабъ здоровьемъ.

Большинство христіанъ и магометанъ, незнакомыхъ съ обрядами арабовъ до Магомета, несправедливо предполагаютъ, что обязанность поѣздки въ Мекку для молитвы и жертвоприношеній, водворилась между мусульманами или мусульманами, со временъ законодателя ихъ Магомета. Это ошибочное мнѣніе, такъ сильно вкоренилось въ убѣжденіяхъ крымскихъ татаръ, что нѣтъ возможности разувѣрить ихъ въ заблужденіи. Между тѣмъ, набожное путешествіе въ Меккскую каабу, считалось гораздо обязательнѣе для арабовъ за много вѣковъ до Магомета. Путешествіе это совершалось въ мѣсяцъ Дуль-каадъ, на столько священномъ для всѣхъ идолопоклонническихъ племенъ Аравіи, что въ теченіи его прекраша-

*) Высшее духовное училище.

лись грабительства, вражда, обязательная месть за убійство родныхъ и междоусобныя войны. Вотъ преданія, переданныя намъ Вашингтономъ Ирвингомъ о Меккѣ и Каабѣ, послужившія съ незапамятныхъ временъ арабскимъ племенамъ поводомъ набожнаго путешествія въ этотъ городъ и храмъ безъ всякаго шетизма:

„Изгнанные изъ рая Адамъ и Ева двѣсти лѣтъ скитались по землѣ въ разлукѣ, пока, наконецъ, ихъ раскаяніе достигло до небесъ и Господь позволилъ имъ сойтись на горѣ Арафатѣ, въ окрестности нынѣшней Мекки. Благодарный Адамъ до того былъ тронуть этою милостию, что началъ просить у Создателя своего о ниспосланіи ему алтаря, подобнаго тому, предъ которымъ онъ молился въ раю. Молитва его была услышана и изъ свѣтлыхъ облаковъ спущенъ былъ, руками ангеловъ, шатеръ или храмъ, гдѣ молился первый человѣкъ, обходя вокругъ его ежедневно по 7 разъ, подражая обычному поклоненію ангеловъ. Послѣ смерти Адама, шатеръ этотъ снова былъ взятъ на небо, но другой, такого же вида и на томъ же мѣстѣ, построень былъ сыномъ его Сифомъ и существовалъ до смытія потономъ. Много вѣковъ спустя, Агарь съ Измаиломъ, по указанію ангела, утоляютъ здѣсь жажду свою изъ источника Земь-Земь, а амалекитяне основываютъ Мекку. Впослѣдствіи, Измаиль, по приказанію ангела, началъ строить Каабу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ святой шатеръ, при содѣйствіи Авраама, которому служилъ, вмѣсто подмостковъ, чудный камень, имѣвшій свойство подыматься и опускаться съ нимъ вмѣстѣ, когда онъ своеручно воздвигалъ стѣны этого храма. Камень этотъ до настоящаго времени сохраняется при Каабѣ и благочестивые мусульмане видятъ на немъ отпечатокъ ноги Авраама. Кромѣ этой святости, арабы указываютъ на другой камень, вложенный въ уголъ внѣшней стѣны Каабы, по убѣжденію ихъ, бывший ослѣпительной бѣлизны, но, мало по малу, ночернѣвшій отъ поцѣлуевъ грѣшныхъ людей. По мнѣнію однихъ, этотъ камень вылетѣлъ вмѣстѣ съ Адамомъ изъ рая, гдѣ считался драгоценнымъ; а по другимъ, это есть тотъ самый ангелъ хранитель, который былъ приставленъ къ Адаму, но послѣ паденія послѣд-

наго, превращенъ въ камень и вмѣстѣ съ нимъ изгнанъ за нерадѣніе. Когда настанетъ день суда Господня, онъ опять приметъ свой ангельскій образъ и предстанетъ предъ Аллахомъ, свидѣтельствуя о тѣхъ, кто вѣрно исполнялъ обряды благочестивыхъ странствованій.“

Очень естественно, что подобныя преданія о Каабѣ и источникѣ Земь-Земь, послужили къ тому, что Мекка сдѣлалась священнымъ средоточіемъ для потомковъ Измаила, которые толпами собирались сюда въ установленное время для поклоненія идоламъ и священнымъ камнямъ. Обычай этотъ сохранилъ и Магометъ по убѣжденіямъ, наслѣдованнымъ съ дѣтства посѣщая Каабу съ множествомъ послѣдователей своихъ изъ Медины, и принося въ жертву значительное число верблюдовъ и овецъ. Въ какой степени походу этому онъ придавалъ видъ крайней необходимости, видно изъ того, что въ послѣдніе годы своей жизни, когда онъ страдалъ и не могъ пускаться въ путь, посылалъ вмѣсто себя повѣренныхъ. По вѣрованіямъ же татаръ Мекка священна рожденіемъ въ ней Магомета, сошедшимъ сюда съ неба кораномъ, а Кааба только со времени молитвы въ ней Магомета и введенія имъ пилигримства, тогда, какъ выше сказано, послѣднее только не нарушено Магометомъ, прибавившимъ къ существующему въ своемъ коранѣ, еще два правила, заключающіяся въ томъ, чтобы отнюдь не впускать въ тотъ священный храмъ не исповѣдующихъ его ученія и не совершать обхода вокругъ него въ нагомъ видѣ.

Крымскіе татары готовятъ къ поѣздкѣ въ Мекку за мѣсяцъ или больше до Курбанъ-байрама, считывая пріѣхать въ нее нѣсколькими днями раньше праздника жертвоприношенія. Интересно видѣть ихъ, когда счастливый день набожнаго странствія наступаетъ. Выѣзжающій обязанъ заранѣе объявить объ этомъ чрезъ глашатаевъ и просить всѣхъ кому онъ долженъ или кто ему долженъ явиться за расчетомъ, потомъ онъ ѣдетъ къ далеко живущимъ родственникамъ, если таковые имѣются, съ прощальными визитами, а затѣмъ устраиваетъ обѣдъ съ молитвою, на которой приглашаетъ всѣхъ правовѣрныхъ своего и сосѣднихъ еель; обѣдъ устраи-

вается или на берегу рѣки или въ домѣ отъѣзжающихъ и состоитъ изъ 2-хъ, но чаще трехъ, любимыхъ татарскихъ блюдъ. Къ нему приступаютъ сейчасъ же послѣ выхода изъ мечети, пропѣвъ предварительно гимнъ Аллаху и пророку. Гимнъ поется отъѣзжающими, которые стоять впереди толпы, держась за руки, и горько плача. Имъ вторятъ гости. Послѣ обѣда, снова читается молитва и приглашенные со слезами обнимаютъ будущихъ хаджѣевъ, которыхъ считаютъ невозвратными на родину: одни въ томъ убѣжденіи, что климатъ Аравіи убійственъ для чужестранцевъ, а другіе, что Аллахъ оставляетъ у себя всѣхъ достойныхъ мусульманъ.

Всѣ ѣдущіе изъ Крыма соединяются въ артель и стараются занимать въ Меккѣ одно зданіе, въ которыхъ тамъ не встрѣчается недостатка для людей, имѣющихъ средства. Къ услугамъ пилигримомъ сейчасъ-же являются проводники метовефы изъ мѣстныхъ жителей, которые за умѣренную плату доставляютъ все необходимое и научаютъ, гдѣ что установлено дѣлать. Затѣмъ пилигримы приступаютъ къ семикратному обходу Каабы по примѣру Адама, съ поцѣлуями чернаго камня, будущаго ангела, спасителя и осудителя ихъ предъ Аллахомъ. Послѣ молитвы въ Каабѣ, питія воды изъ источника Земь-Земь и жертвоприношенія, пилигримы обязаны пойти въ долину, именуемую Мина, гдѣ, на извѣстное мѣсто, бросаютъ каждый по три камня, по примѣру самаго Магомета, сдѣлавшаго это въ 10-й годъ эджиры для пораженія злыхъ духовъ. Древніе греческіе біографы Магомета разъясняютъ поводъ бросанія камней въ этой долинѣ такимъ образомъ: Магометъ, желая во что-бы ни стало увѣрить послѣдователей своихъ въ томъ, что коранъ сошелъ съ неба, подговорилъ какого-то руководившаго его христіанина, посодѣйствовать ему въ этомъ важномъ намѣреніи, предлагая значительное вознагражденіе. Христіанинъ придумалъ и посовѣтовалъ Магомету собрать послѣдователей своихъ къ колодезю на долинѣ Мина, и объявить имъ, что архангелъ Гавріиль сообщилъ ему о желаніи Аллаха ниспослать ему святой коранъ, а самъ согласился спуститься въ колодезь съ рукописнымъ экземпляромъ святой книги. По совѣту его

же, Магометъ долженъ былъ опустить къ нему на веревкѣ, такого точно формата и вида, чистую книгу, предварительно показавъ народу, что въ ней нѣтъ ничего написаннаго, тогда онъ подмѣнитъ ее и успѣхъ будетъ несомнѣненъ. Совѣтъ этотъ принялъ Магометъ и когда достигъ цѣли, тогда онъ обдумалъ, что человекъ, содѣйствовавшій ему въ этомъ, рано или поздно можетъ открыть тайну, которая сокрушитъ многолѣтніе труды его, предложилъ всѣмъ бывшимъ бросить въ знаменитый колодезь по три камня, какъ-бы въ поразеніе злыхъ духовъ, въ сущности же для убійства человека, посодѣйствовавшаго его стремленіямъ. Съ тѣхъ поръ бросаютъ на это мѣсто камни. Разсказъ этотъ рѣзко противорѣчитъ всѣмъ арабскимъ рукописямъ о Магометѣ. Большинство послѣднихъ приписываютъ этотъ обрядъ въ подраженіе Аврааму, а другіе Адаму, который будто отгонялъ этимъ способомъ злыхъ духовъ, мѣшавшихъ ему молиться здѣсь.

Ирамы или пилигримы, умершіе въ Меккѣ, считаются въ числѣ избранныхъ Аллахомъ для службы ему на небѣ, и имъ ставятся на родинѣ памятники подъ стѣнами мечети; возвратившіеся же именуются хаджіями, и ихъ встрѣчаютъ односельцы поцѣлуями руки и уважаютъ какъ освященныхъ святымъ духомъ.

На поѣздку въ Мекку и обратно, въ наше время, по словамъ хаджіевъ, достаточно 300—400 руб., но во времена ханскаго владычества необходимо было больше, на томъ основаніи, что приходилось ожидать въ Стамбулѣ, гдѣ всѣ пилигримы соединялись въ одно общество и продолжали путь подъ начальствомъ султанскаго чиновника Сюре-Емине, которому вручалось отъ самаго султана 18 тысячъ кошельковъ секиновъ для поднесенія въ Меккѣ Эмиръ-Шерифу съ подчиненными ему дервишами. Отъ Дамаска къ пилигримамъ присоединялся паша съ большимъ запасомъ воды и войскомъ для охраненія отъ разбойническихъ арабовъ. Караваны въ то время такъ были велики, что тянулись верстъ на 20-ть а иногда и болѣе. Кромѣ того тогда каждому ираму ставилось въ обязанность побывать и въ Мединѣ, гдѣ погребенъ Магометъ.

Въ заключеніе сдѣлаемъ описаніе, по рассказамъ добросовѣстныхъ хаджіевъ, прославленной Каабы, именуемой Бейталлакомъ т. е. храмомъ Божиимъ и считающейся, по убѣжденіямъ мусульманъ, гораздо священнѣе храма Соломонова. Храмъ этотъ четырехугольный, расположенъ въ центрѣ города и обведенъ стѣною, покрытою сверху навѣсомъ которая называется *харамъ*. Навѣсъ этотъ держится съ противоположной стороны тремя рядами колонъ и раздѣленъ на 4 отдѣленія, по числу сектъ магометанскихъ. Кааба перепоясана сверху двумя позолоченными поясами и прикрыта покрашенною подъ золото черепицею. Это заставляеть многихъ думать, что черепица и поясы литы изъ чистаго золота. Внутренній потолокъ поддерживается на трехъ столбахъ нахучаго дерева алоэ, а стѣны покрыты лучшими красными и бѣлыми тканями, на которыхъ выбиты золотыми буквами слова: „Нѣтъ Бога кромѣ Бога и посланникъ его Магометъ“. Вообще внутренность Каабы, именуемой Крымскими татарами Кябе, представляетъ много цѣнныхъ предметовъ, пожертвованныхъ магометанскими царями и богатыми людьми.

Входъ въ Каабу дозволяется только четыре раза въ годъ и именно въ мѣсяцѣ Рамазанѣ, когда обмываютъ его розовою водою, и три раза въ Курбанъ-байрамъ и годовые поминальные дни. Впрочемъ, говорятъ, кто пожертвуетъ 100 червонцевъ, тотъ, приобретаетъ во всякое время свободный входъ въ эту первѣйшую въ мірѣ святыню мусульманъ.

Счастливейшимъ пилигримомъ считается тотъ, кто во время годоваго открытія храма въ первую пятницу успѣетъ поцѣловать священный черный камень, признанный за окаменѣвшаго ангела.

Въ § 12-мъ, предписывается омовеніе тѣла усопшаго мусульманина и совершенія надъ нимъ салавата. Опишемъ эти установленія въ существующей въ Крыму формѣ, а для большей ясности приведемъ случай умершаго, на глазахъ нашихъ, татарина.

Однажды хозяинъ мой пригласилъ меня къ умирающему отцу своему, котораго я очень любилъ — и вотъ что я увидѣлъ: у изголовья больнаго сидѣлъ деревен-

скій имамъ, читая нѣчто въ родѣ отходной. Окончивши чтеніе, духовникъ началъ проповѣдь въ видѣ того, что всѣ люди кратковременные гости земли, что будущій міръ, въ который мы имѣемъ переселиться, невыразимо прекрасенъ, что удовольствія рая не понятны людямъ, что каждый изъ насъ, вступая въ него, отъ избытка наслажденій, забываетъ ближайшихъ родственниковъ и т. п. Часъ спустя, больной испустилъ послѣднее дыханіе. Имамъ, выставивъ предъ собою руки *) что-то прошепталъ и произнесъ громко: *Аллахъ рагметъ илесинъ! **)*. Послѣ этого онъ закрылъ покойнику глаза и набросилъ на него одѣяло. Нѣсколько часовъ спустя, мертвый вынесенъ былъ на дворъ и скрытъ отъ женскихъ глазъ, нарочно поставленною перегородкою. По требованію имама принесены были новыя глиняная носатка (*куманъ*) ***) , кружка и кусокъ непочатаго мыла и быстро совершилось омовеніе всего тѣла, которое трижды обвернули въ холстъ, не оставивъ разумѣется ни одной частицы его открытою, положили на носилки и вынесли со двора. Женщины съ плачевнымъ напѣвомъ проводили трупъ до улицы и, омывъ здѣсь руки, возвратились въ хату. Я послѣдовалъ за процессіею на кладбище, чтобы лично составить себѣ понятіе о похоронахъ мусульманъ. Дорогою всѣ шли тихо только иногда всеобщее молчаніе прерывалось возгласами муллы, которому вторила толпа: *Аллахъ рагметъ илесинъ!* Наконецъ покойника принесли къ мѣсту погребенія и положили на камень, именуемый мусалатъ-таши или мейрабъ. Въ это время я успѣлъ заглянуть на устройство могилы, которую выкапываютъ для женскаго пола глубиною по грудь, а для мужскаго только по животъ. Изъ глубины ямы проводится подкопъ къ сѣверу длиною въ ростъ умершаго; сюда вкладывается тѣло и потомъ, заставленное кусками хвороста и сѣна, засыпается землею. Послѣ короткой молитвы покойникъ былъ опущенъ въ могилу и вложенъ въ нишу. Тогда мулла съ помощію муэзина перевернули его на правый бокъ, направили ногами къ югу и, зало-

*) Обычай замѣнять книгу.

**) Да пожелаетъ Богъ ему блаженства, довольства и покоя.

***) Сосудъ необходимый татарамъ для абдеза и всякаго рода омовеній.

живъ какъ сказано выше отверстіе мины, приказали засыпать могилу. Затѣмъ, послѣ послѣдней молитвы, имамъ громогласно спросилъ у присутствующихъ: какъ они знали этого, вновь отшедшаго отъ нихъ, человѣка.

— Онъ былъ честный и вѣрный религіи нашей мусульманинъ, отозвалась толпа.

Тогда имамъ объявилъ, что приступаетъ къ салавату т. е. допросу и наставленію покойника и всѣ, согласно правилу, должны были удалится отъ могилы. Я жалѣлъ душевно, что не имѣлъ возможности прослѣдить за этимъ окончательнымъ обрядомъ погребенія мусульманъ, которые положительно увѣрены духовенствомъ своимъ, что покойники не только съ сознаниемъ выслушиваютъ наставленіе, но и отвѣчаютъ на всѣ вопросы ихъ изъ могилы.

Нѣтъ сомнѣнія, что салаватъ введенъ мусульманами по слѣдующему поводу: Магометъ, потерявъ единственнаго сына своего Ибрагима, въ безумномъ иступленіи, при спускѣ ребенка въ могилу, кричалъ: „Сынъ мой! сынъ мой! скажи: Богъ мой есть владыка, пророкъ Божій былъ мнѣ отцемъ, а вѣра моя исламъ!“

Слышавшіе эти наставленія предположили, что онъ наставлялъ сына къ отвѣту въ будущемъ мірѣ, вслѣдствіе чего установили салаватъ въ прописанныхъ нами вопросахъ и отвѣтахъ. По вѣрованіямъ татаръ и всѣхъ вообще мусульманъ, когда правовѣрный успокоится въ послѣднемъ жилищѣ своемъ, къ нему немедленно явятся два черныхъ ангела Мунекиръ (Мункаръ) и Накиръ, грозной и страшной наружности, для допроса. Въ этотъ моментъ душа умершаго снова соединяется съ тѣломъ и бываетъ въ состояніи отвѣчать на всѣ вопросы, которые ей предложатъ. Если данные отвѣты окажутся удовлетворительны, то душа исторгается безъ всякихъ мученій и отправляется въ рай, но если нѣтъ, то она блуждаетъ въ тьмѣ до дня страшнаго судилища со страхомъ и трепетомъ, предчувствуя свое назначеніе. Для предупрежденія послѣдняго, установленъ салаватъ. Исполнивши его, имамъ, со всѣми сопровождавшими покойника, возвращается домой, гдѣ подается родственниками усопшаго заупокойный обѣдъ. Тоже самое дѣ-

лѣтся ими на седьмой и сороковой дни, съ цѣлью оказать умершему содѣйствіе къ искупленію отъ грѣховъ, Последнее доказываетъ, что татаре, не смотря на положительную вѣру наслаждаться въ будущемъ мірѣ за исповѣдываніе Ислама, всетаки въ глубинѣ души сомнѣваются и стараются оказывать услуги божеству раздачею милости, пересчитываніемъ Корана, обѣдами и т. п. Конечно всего этого они не дѣлали бы, еслибы не въ такой степени ужаснымъ изображался *дженемъ* (адъ) и не въ такой очаровательной *дженетъ* (рай).

Адъ, по убѣжденіямъ ихъ, переполненъ такими ужасами, что неприятно описывать. Въ немъ на всякомъ шагу змѣи и демоны безжалостно поражаютъ несчастнаго грѣшника, вѣчное пламя, кипучая смола и т. п. Эта страшная обитель раздѣлена на семь ярусовъ, населенныхъ разнаго рода противниками Аллаха. Въ первый отправляются всѣ отвергающіе бытіе Творца вселенной; во второй идолопоклонники и всѣ не признающіе единство Аллаха; въ третій будутъ брошены индейскіе брамины; въ четвертый Евреи; въ пятый Христіане, въ шестой духовенство Персіи, а въ седьмой лицемѣры.

Что касается дорая, арабскаго Аль-джаната, татаре не совсѣмъ вѣрятъ въ описаніе его прелестей толкователями Ислама и какъ-то воздерживаются отъ собственнаго умозаключенія. Между тѣмъ это благословенное мѣсто изображается въ слѣдующемъ видѣ, по ихъ письменнымъ записямъ:

У преддверія дженета правовѣрные встрѣтятъ обширное озеро, образованное вытекающею изърая рѣкою Аль-Каутерь. Вода его неизъяснимо-очаровательнаго вкуса, тѣмъ отличается отъ другихъ, что отвѣдавшій ее никогда уже не будетъ терпѣть жажды. Напившись этой воды, правовѣрный подходитъ къ воротамърая, которые открываются ангеломъ Рушваномъ и предъ нимъ является величественный садъ, почва котораго состоитъ изъ чистѣйшей муки, смѣшанной съ жемчугомъ, а источники изъ молока, меду и вина. Воздухъ напитанъ испареніями мускуса и милліонами разнообразныхъ растений; но всего удивительнѣе чудесное дерево жизни Таба, котораго человекъ не въ состояніи измѣрить глазомъ и вѣтви ко-

того вѣчно унижены всевозможными плодами, пригибающимися къ подходящимъ къ нимъ.

Жители рая облечены въ драгоценныя одежды, блистающія алмазами и жемчугомъ, живутъ въ великолѣпныхъ дворцахъ и шелковыхъ павильонахъ, каждый имѣя по сто прислужниковъ, которые на золотыхъ посудахъ день и ночь подаютъ имъ разнообразныя яства и питія, потому что тамъ ѣдятъ, но никогда не наѣдаются. Этого мало, тамъ непрестанно поютъ райскія дѣвы и имъ вторить каждое дерево своими вѣточками, листьями и безчисленнымъ множествомъ колокольчиковъ, повѣшанныхъ на ихъ сучьяхъ. Кромѣ всѣхъ этихъ наслажденій, каждому правобѣрному, кромѣ жены, которая соединяется съ нимъ въ раю въ первобытной юности и красотѣ, служатъ 72 гуріи, (Гурь-аль-оюнъ) невыразимой прелести, вѣчно-юныя, вѣчно-прекрасныя и вдобавокъ возобновляющія свое дѣвство. Сообщение можетъ быть съ ними, по произволу каждаго, плодотворно или нѣтъ.

Въ 13 § вторично напоминаетъ о необходимости омовенія нѣкоторыхъ частей тѣла при совершеніи молитвы. Установленіе это татарамъ не считаютъ одною только необходимостію въ отношеніи чистоплотности, пріятной Творцу, но увѣрены, что мусульмане будутъ узнаны на томъ свѣтѣ по бѣлымъ знакамъ, которые останутся у нихъ на тѣхъ мѣстахъ, къ которымъ они прикасаются водою при совершеніи абдеза.

Въ томъ-же § подъ № 5 приказывается очищать тѣло отъ гадостей. Изъ татаръ не многіе выполняютъ это въ настоящее время. Подъ словами очищать тѣло разумѣется бритье головы и выщипываніе волосъ на тѣлѣ. Женскій полъ также не изымаетъ отъ этого постановленія; но такъ какъ операція, посредствомъ крѣпкой нитки не вездѣ удобна и стерпима, то онѣ прибѣгаютъ, для достиженія полной очистки отъ волосъ, къ довольно опаснымъ средствамъ. Исключеніемъ для послѣднихъ признаются головные волосы, а для первыхъ лице. Вотъ потому татарамъ и вообще мусульманамъ говорятъ, что мужчина безъ усовъ тоже самое, что женщина безъ волосъ на головѣ. Борода предназначается каждому только послѣ 40 лѣтняго возраста. Отрощеніе ея сопровождается молитвою,

послѣ которой ни одинъ правовѣрный не рѣшится сбрызнуть ее.

Для того, чтобы выполнить заповѣдь: не приступать къ дѣлу безъ имени Аллаха, Крымскіе татары, при начинаніи всякаго дѣла, произносятъ: *бисмиля!* т. е. сокращеніе фразы изъ Корана: Во имя Всемилостивѣйшаго Бога.

Кающийся въ грѣхахъ всего вѣрнѣе достигаетъ этого перебираниемъ четокъ съ повтореніемъ *Аллахъ-икберг!**) Это дѣлаютъ въ особенности престарѣлые муллы по дорогѣ и на улицахъ, откуда прибираютъ крупные камешки съ цѣлью предохранить всякое животное отъ боли въ ногахъ.

Благодарность Богу за все, татары во всѣхъ случаяхъ выражаютъ фразою: *Шукург-Алла!* и никогда не предаются отчаянію при серіозныхъ даже потеряхъ.

Для того-же, чтобы не смотрѣть на чужихъ женъ и невольно не грѣшнить, они, согласно требованію Корана, установили и у себя обычай закрываться женскому полу, при выходѣ изъ дома, чадрами, фередже и другаго рода накидками.

Подъ заповѣдью: не колдовать, толкователи Корана предписывали не заниматься чарами; но къ сожалѣнію, Крымскіе татары совершенно не уважаютъ этого запрещенія и чрезвычайно охотно предаются мошенничеству лицъ, именующихся у нихъ *джинджилми*. Подобно всѣмъ младенствующимъ народамъ, они сильно вѣрятъ въ могущественную силу магиковъ не только надъ человѣкомъ, но даже въ отношеніи злыхъ духовъ. Вѣрованіе это подкрѣпляется преданіемъ, что пророкъ Солейманъ (Соломонъ) изобрѣлъ такія средства и слова, которыми вызываются всякаго рода злые духи, обязанные служить человѣку. Всѣ средства эти съ заклинаніями будто были собраны имъ въ одну книгу подъ названіемъ: *джинджикитанъ* т. е. книга о духахъ, содержащая въ себѣ, кромѣ правилъ вызова духовъ, и средства леченія, заговоровъ, чародѣйства, предсказанія будущности и т. п. Рукописная книга эта, по словамъ татаръ, имѣется у каждаго джинджи, который при посредствѣ ея, общается

*) Въмѣсто арабскаго: Гакбаръ.

выдѣлывать чудеса. Вѣра въ эту книгу на столько-же сильна, какъ и въ святость Корана. Татары очень охотно принимаютъ къ себѣ джиджиевъ, довѣряютъ имъ отчитываніе сумасшедшихъ, въ предположеніи, что болѣзнь этого рода происходитъ отъ прикосновенія злаго духа; къ нимъ обращаются молодые за средствами заставить *такую-то* полюбить ихъ; другіе вопрошаютъ про свою будущность, третьи выпрашиваютъ лекарства противъ болѣзни, а послѣдніе прибѣгаютъ къ нимъ послѣ потери или воровства цѣнныхъ вещей, скотины и т. п.

Съ самаго дѣтства я очень много слышалъ о воображаемыхъ чудесахъ татарскихъ джиджиевъ въ Крыму и впослѣдствіи частенько мечталъ о времени, когда представится мнѣ возможность познакомиться поближе съ этими ловкими мошенниками. Наконецъ я приготовился къ знакомству слѣдующимъ поводомъ: во дворѣ нашемъ было мѣсто, издавна слышшее между сосѣдями занятымъ злымъ духомъ, гдѣ, по мнѣнію ихъ же, скрывался кладъ. Когда приглашенный мною чародѣй явился и на вопросъ имѣется-ли на предполагаемомъ мѣстѣ кладъ — и гдѣ именно слѣдуетъ его искать, онъ съ минуту хранилъ молчаніе, но потомъ, убѣдившись, что я не полицейскій чиновникъ, спросилъ мое и матери моей имена.

— Это для какой надобности? спросилъ я.

— По именамъ этимъ, выставленнымъ противъ звѣздъ, я могу узнать изъ таинственной книги суждено ли вамъ обладать кладомъ, о которомъ вы говорите.

На другой день явился ко мнѣ джиджи этотъ съ бѣлымъ пѣтухомъ въ рукахъ, котораго положилъ на мѣсто предполагаемаго клада.

— Птица эта непременно запоетъ—сказалъ онъ—если только здѣсь зарыто сокровище.

Между тѣмъ пѣтухъ не пѣлъ до той поры, пока не заплѣли по сосѣдству другіе пѣтухи.

— И дѣйствительно здѣсь имѣется кладъ—отвѣчалъ колдунъ—и вамъ суждено его открыть; но знайте, что сокровищами этими завладѣлъ злой духъ, который воспротивится отдать ихъ безъ жертвоприношенія человѣка.

Нѣсколько времени спустя мнѣ пришлось видѣть, какъ другой болѣе прославленный чародѣй отчитывалъ сумасшедшаго, поминутно ударяя его по головѣ таинственною книгою. На вопросъ мой, какъ долго онъ испол-

няютъ свою операцію — отвѣчали 20-ть дней. А есть-ли надежда на исцѣленіе?

Магъ отвѣчалъ утвердительно, но не раньше еще 20 дней. По прошествіи и этого времени больной не поправился, на этотъ разъ колдунъ отвѣчалъ, что онъ не иначе можетъ спасти страдальца, пока ему не принесутъ ту самую змѣю, въ которую вселился злой духъ, поразившій больного.

Нѣсколько времени спустя мнѣ сказали о старухѣ татаркѣ, которая будто въ чашкѣ воды вызываетъ джинновъ и отсюда заставляетъ ихъ отвѣчать на всевозможные вопросы. Я отправился и къ ней и послѣ долгихъ подготовленій и нашептываній, она пригласила къ чашкѣ съ водою какую-то дѣвочку лѣтъ 12-ти на томъ основаніи, что духи безплотные говорятъ только съ безгрѣшными отроковицами, но дѣвочка, вѣроятно напуганная видѣть злаго духа, прежде чѣмъ произнесла слово, упала на полъ въ страшныхъ судорогахъ.

Позднѣе, представившись влюбленнымъ, я явился къ четвертому чернокожнику, извѣстному за славнаго въ любовныхъ отношеніяхъ. Когда я объяснилъ ему, какія ожидаю отъ него услуги — джинджи, чтобы придать особенную важность своей специальности, отвѣчалъ мнѣ, что сегодня въ полночь переговорить съ духомъ, служившимъ ему.

— А нельзя ли и мнѣ присутствовать при этомъ? спросилъ я.

— Отчего-же можно; но предупреждаю васъ, что отъ одного взгляда на джина вы можете лишиться разсудка.

Понявъ хитрость, я началъ настаивать, обѣщая вдвое заплатить ему, но ничто не могло подѣйствовать на плохаго обманщика. Черезъ день я вторично навѣстилъ его. Онъ объявилъ мнѣ, что духъ требуетъ вручить ему нѣсколько волосъ, частицъ отъ ногтей и кусочиевъ кожи изъ подножной пятки женщины, вравящейся мнѣ, и только тогда онъ заставитъ ее полюбить меня. Сдержавъ улыбку, я попросилъ чародѣя показать мнѣ книгу, по которой онъ заставляетъ служить ему джинновъ. И что-же оказалось? Это былъ просто оракуль, съ приправою различныхъ наставленій и средствъ, какъ возбуждать и

разрушать любовь, какъ довести человека до болѣзни, страданій, смерти и т. п. Здѣсь была также кабалистическая таблица и множество молитвъ и заговоровъ противъ дурнаго глаза, внезапнаго страха, несчастія, людской ненависти и преслѣдованія, — которые слѣдуетъ носить на шеѣ подъ именемъ *тылсимовъ* или талисмановъ. Здѣсь было также описание амулетовъ или предметовъ, могущихъ съ пользою служить людямъ въ различныхъ случаяхъ жизни; но всего интереснѣе показался мнѣ отдѣлъ чародѣйства, который я рѣшился списать вопреки желаніямъ чернокнижника. Не смотря на все безобразіе его, я не считаю нужнымъ скрыть отъ читателя моего содержаніе этой главы, гдѣ прописывалось слѣдующее.

1) Женщина, желающая заставить извѣстнаго мужчину сдѣлаться безъ ума отъ нея, должна три мѣсяца сряду пить свои регулы, приговаривая о томъ, что желаетъ. 2) Женщина, желающая отвлечь друга своего отъ другой женщины, должна зашить въ край одежды своей: 40, 8 и 10 зеренъ проса и носить ихъ, пока достигнетъ желанія. 3) Чтобы избавиться отъ колдовства, должно взять двухсторонній топоръ, раскалить его на огнѣ, промочить отверстіе для топорнища, а потомъ взять гребень, которымъ теутъ полотно и положивъ его около топора, три дня сряду перескакивать черезъ нихъ. 4) Если влюбленный желаетъ избавиться отъ любви своей, надо взять скребницу тѣста и бросить на 40 дней въ печь, а на 41 день въ холодную воду, приговаривая: „чтобы любовь моя также остыла какъ желѣзо это въ водѣ. 5) Если женщина или мужчина желаютъ кого-либо расположить къ себѣ, пусть три дня поятъ его тѣстяною водою изъ дежки своей. 6) Желающій погубить врага, долженъ взять кусокъ мыла, нашпиговать его 40 иголками и бросивъ въ колодезь, сказать: пусть жизнь (такого-то) истаетъ такъ какъ мыло и 7) Чтобы заставить любую женщину приходить къ тебѣ во всякое время, достань ея обручальное кольцо, обрѣзки отъ ногтей, нѣсколько волосинокъ, кусочикъ кожицы съ надножной пятки и вари все это въ мѣдной посудѣ 2 дня, потомъ перелей въ черный горшокъ и закопай въ землю.

Въ № 38 того же § предлагается: неимущему подавать подаваніе. Хотя обязанность эта не причислена толкователями Корана къ главнѣйшимъ религіознымъ заповѣдямъ на томъ основаніи, что для нихъ установлены

ишуръ и *зекятъ* *), но Крымскіе татаре добровольному подаянію приписываютъ очень важное значеніе; не менѣе богоугоднымъ признается ими накормить и приютить чужестранца, назвавшагося гостемъ Божиимъ, присмотрѣть больнаго и похоронить иноземца. Впрочемъ между крымскими татарами очень рѣдко встрѣчаются выпрашивающіе милостыню. Къ таковымъ принадлежатъ только такіе, которые дѣйствительно не могутъ сами зарабатывать себѣ насущнаго куска хлѣба, не имѣютъ родныхъ, калѣки и слѣпые. Зная это и руководствуясь безпрестанными намеками Корана о пользѣ творить милостыню, татаре никогда не выгоняютъ изъ своего двора просящаго подаянія. Слова: *Аллахъ-учунъ!* (Бога ради) производятъ на нихъ магическое дѣйствіе; противъ нихъ не устоитъ даже отъявленный скупецъ, иначе онъ рискуетъ оскорбить Бога и на вѣки-вѣковъ сдѣлаться жертвою ада. *Садака* или необязательная милостыня распространяется на всѣ націи безъ различія вѣроисповѣданій, тогда какъ обязательныя приношенія только имѣютъ отношеніе къ правовѣрнымъ.

Для поддержанія усердія къ садакѣ, старики очень часто рассказываютъ дѣтямъ своимъ назидательныя примѣры въ родѣ того, что самъ Богъ принимаетъ образъ человека и ходитъ по дворамъ, прося милостыню съ цѣлю извѣдать сердца исповѣдующихъ Коранъ.

46-е правило запрещаетъ обижать сиротъ. Чтобы исполнить эту заповѣдь, татаре поступаютъ слѣдующимъ образомъ: какъ только несовершеннолѣтнія дѣти лишаются родителей, старѣйшины общества или прихода заставляютъ духовника составить подробную опись всему оставленному имъ имуществу. Затѣмъ сироты переходятъ на попеченіе ближайшаго родственника, который обязанъ замѣнить имъ отца, хранить ихъ имущество, а деньги, выручаемыя съ имѣній, отдавать на проценты. Участіе, принимаемое татарами въ сиротахъ, очень хорошо выражается въ поговоркѣ ихъ: „блаженъ тотъ, кто обмоетъ и причешетъ сироту“.

48-е правило запрещаетъ прикасаться къ мальчикамъ;

*) Объ *зекятѣ* мы будемъ говорить совѣременно.

но зло это такъ распространено между татарами, что развѣ только престарѣлые изъ нихъ непричастны къ нему. Отъ привычки мужеложства въ большинствѣ случаевъ страдаютъ ихъ жены и мнѣ не разъ приходилось слышать жалобы молодыхъ женщинъ противъ этихъ пороковъ.

58-е правило совѣтуетъ воздерживаться отъ страстей, но едва-ли кто изъ Крымскихъ татаръ соображалъ объ этомъ разумномъ наставленіи, на томъ основаніи, что у нихъ не принято многоженство. Къ правилу этому толкователи относятъ другое еще, извѣстное подъ названіемъ *джумалыкъ*, обязывающее мужа раздѣлять брачное ложе непременно подъ пятницу; если-же этого не исполняетъ онъ, то женѣ предоставляется искать развода. То же самое предоставляется ей при случаѣ обнаруживанія мужемъ страсти къ мужеложству. Сколько мнѣ извѣстно, противъ перваго не состоялось ни одной жалобы, но по послѣднему — очень многіе мужья разведены были съ женами.

53-е правило воспрещаетъ измѣнять клятвѣ и проносить таковую ложно. По убѣжденію моему ни одна нація въ мірѣ не придаетъ такого значенія клятвѣ, какъ пожилые татары въ Крыму. По ихъ вѣрованіямъ, клятва, произнесенная даже въ нетрезвомъ видѣ, буквально должна быть выполнена. Татаринъ, сказавшій даже: *тебе, тебе* *), отказывается навсегда отъ употребленія такихъ предметовъ, безъ которыхъ раньше не могъ существовать. Позоръ и всеобщее презрѣніе постигнетъ его, если онъ вздумаетъ это слово обратить въ шутку.

Вотъ одинъ изъ случаевъ, совершившихся на моихъ глазахъ, доказывающихъ высокое понятіе татаръ относительно клятвы, которая, какъ извѣстно, во времена Магомета выражалась не словами, а подачею руки съ прикосновеніемъ къ сердцу и головѣ **). Одинъ молодой татаринъ, женившись по любви, вскорѣ послѣ брака

*) Нѣчто въ родѣ отстраньясь.

***) Въ наше время мусульмане употребляютъ это только при поздравленіяхъ съ праздникомъ.

поссорился съ женою и въ раздраженіи при свидѣтеляхъ произнесъ роковое слово: *учъ талахъ боиъ олсунъ!* *). Сказанное должно было совершиться. Жена немедленно возвратилась къ роднымъ, считая себя разведенною. Однако, недѣлю спустя, неосторожный супругъ началъ раскаиваться и дошелъ до того, что не могъ жить безъ жены. Но какъ помочь горю? Онъ отправился къ кадю и, сознаваясь въ и излишней запальчивости, объявилъ ему о желаніи вновь соединиться бракомъ съ неразумно разведенною женою.

Судья, выслушавъ его разсканіе, указалъ на слѣдующее единственное средство къ вторичному соединенію съ женою, разведенною такою клятвою. „Чтобы сдѣлаться мужемъ послѣ этого—сказать онъ—бывшая твоя жена, должна выйти замужъ хоть на одну ночь за кого-нибудь другаго. При этомъ на твоей обязанности будетъ лежать долгъ приготовленія постели новобрачнымъ и присутствовать во все время пребыванія ея съ мужемъ, въ ближней хатѣ. Послѣ всего этого, если на слѣдующій день женщина эта изъявитъ согласіе оставить своего новаго мужа и идти за тебя, то я охотно исполню твое желаніе“.

Молодой татаринъ началъ умолять кадю, но судья рѣшительно отвѣчалъ, что ни въправѣ ни на волосъ смягчить установленнаго наказанія.

По мнѣнію татаръ, если каждому умершему мусульманину необходимо давать отчетъ въ могилѣ Мюнкиру и Накиру, то каждому живущему необходимо знать слѣдующее:

Воп. Сколько было у пророка дочерей? Отв. Три: Айше — жена пророка Али, Фатьме — жена Эбубекира и Патьме — жена Халиль-Ибраима. В. Какому изъ толкователей Корана ты вѣришь? О. Имамъ-амзѣ. В. Кто властелинъ? О. Падшахъ. В. Въ чемъ обозначается твое мусульманство? О. Въ лицѣ, наружности и вѣрѣ въ душѣ. Теперь намъ остается сказать еще о двухъ

---

*) Т. е. „всѣ три печени мои да освободятся отъ тебя“ или проще: „да не буду я способенъ быть твоимъ мужемъ“.

родахъ омовеній тѣла мусульманъ, предписанныхъ закономъ, и о женскомъ полѣ въ религіозномъ отношеніи.

Кромѣ абдеза на молитву, татаринъ обязанъ всегда, послѣ естественной надобности, совершать омовеніе половыхъ органовъ. Правило это строго исполняется въ наше время только въ деревняхъ и преимущественно женскимъ поломъ. Для совершенія его, татары носятъ за собою куманъ или носатку съ водою: что касается омовенія послѣ супружескихъ обязанностей, то для этой надобности почти въ каждомъ домѣ устраивается крошечное отдѣленіе, гдѣ супруги должны омывать все тѣло свое, лѣтомъ холодною, а зимою теплою водою. Последнее правило очень строго исполняется только фанатиками.

Женскій полъ у Крымскихъ татаръ, также какъ и у другихъ азіятскихъ народовъ, не пользуется правомъ входа въ молитвенные дома, но ему не воспрещается учиться грамотѣ *), настолько чтобы читать Коранъ и совершать намазы дома. Судя по толкамъ разумнѣйшихъ изъ нихъ, женщинѣ запрещено входить въ мечеть только потому, чтобы она не смущала мужчинъ. Дѣйствительность этого они подтверждаютъ тѣмъ, что всякая старуха пользуется правомъ свободнаго входа на хоры. Но такъ какъ намъ никогда не приходилось гдѣтъ своими глазами женщинъ въ мечети, то мы вправѣ заключать, что мнѣніе это не подтверждается никакими правилами и что женщины вообще лишены права отправлять торжественно богослуженіе и что это принято на томъ основаніи, что Магометъ не упомянулъ объ этомъ ясно и положительно. Между тѣмъ сколько намъ извѣстно, Магометъ каждой женѣ правовѣрнаго общаеетъ соединеніе съ мужемъ своимъ въ раю и довольно часто говоритъ въ Коранѣ о блаженствѣ въ будущей жизни добродѣтельныхъ женщинъ. Слѣдовательно существа эти не признаются на столько склонными къ грѣхамъ какъ мужчины, отъ которыхъ онѣ зависятъ. Проще, Магометъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на неполюющихъ самостоя-

---

*) Нашимъ женщинамъ не подобаетъ знаніе письма, говорятъ татары, потому что онѣ употребляютъ во зло это ремесло. На этомъ основаніи они никогда не учатъ дочерей своихъ писать.

тельностью и во всемъ зависимыхъ отъ мужей, обязанныхъ отдать отчетъ и за нихъ.

Въ такихъ предположеніяхъ и Крымскіе татары смотрятъ на женъ своихъ. Считаая ихъ за безсильное и вполнѣ зависимое отъ нихъ существо, созданное для доставленія имъ удовольствій для тѣла и души, они доказываютъ это не только полнымъ сочувствіемъ благодарности и любви, но и предоставленіемъ имъ неограниченныхъ правъ въ хозяйствѣ и вообще домашнемъ быту. Жена только тогда подлежитъ, по мнѣнію татарина, оскорбленію, когда измѣняетъ ему; во всѣхъ же другихъ случаяхъ она полная госпожа и не обязана отдавать отчета мужу, такъ точно какъ и мужъ, вѣчно отсутствующій изъ дома въ теченіи дня.

Женщина обязана молиться Богу также какъ и мужчина, но только въ комнатѣ своей и съ сложенными на груди руками, безъ *суджуда* или полного поверженія головою на землю. Молитву она должна произносить очень тихо; а по пятницамъ перечитывать тѣ главы Корана, которыя прочитываются хатипомъ въ джума джами. При чтеніи обязана совершить абдезъ и набросить на голову чистое полотенце или *мараму*.

Крымскіе татары, для подготовленія дѣтей обо его пола къ религіознымъ правиламъ, а главное для перечитыванія Корана, имѣютъ въ каждомъ почти селеніи дѣтскую школу, а въ округѣ, смотря по величинѣ его и склонности жителей къ просвѣщенію, одно или два высшихъ духовныхъ училища, извѣстныхъ подъ именемъ медресе. Такъ какъ эти заведенія представляютъ характеръ чисто религіознаго направленія, то мы считаемъ нашею обязанностью сказать о нихъ въ возможной подробности:

Мы сказали уже, что въ каждой почти татарской деревнѣ имѣется *мектебъ* или народное училище. При такомъ усердіи къ наукѣ, многіе пожалуй подумаютъ, что между татарами въ рѣдкость встрѣтитъ безграмотныхъ, но на дѣлѣ выходитъ наоборотъ: гораздо рѣже попадаются такіе, которые въ состояніи прочитать написанное. Такая несообразность можетъ показаться неестественною только до того времени, пока мы не убѣдимся, что татаринъ, подъ видомъ изученія грамоты, забо-

тится только объ одномъ: внушить дѣтямъ главнѣйшія основанія религіи и свободное чтеніе Корана, какъ извѣстно, написаннаго на непонятномъ для него арабскомъ языкѣ. Слѣдовательно религіозность ограничивается искусствомъ чтенія только одной книги. Другой пользы онъ не сознаетъ въ грамотѣ, во первыхъ потому, что по убѣжденію ихъ, самъ Магометъ сказалъ, что все написанное человѣкомъ, не въ духѣ Корана, есть сказки, служащія ко вреду чтеца—и наконецъ всѣ имамы, ближайшіе по времени къ пророку и толкователи Корана въ свою очередь старались увѣрить исламистовъ, что грамота и письмо созданы только для изученія заповѣдей Божьихъ; что ихъ грѣшно превращать въ забаву и что умѣніе читать Коранъ служитъ вѣрнымъ путемъ для достиженія райскихъ благъ.

Какое вліяніе имѣли всѣ эти толки на Крымскихъ мусульманъ—это мы видимъ изъ буквальнаго исполненія послѣдними каждаго написаннаго имъ наставленія. Въ виду этого мы не можемъ сомнѣваться, что Магометъ старался предупредить въ грядущихъ поколѣніяхъ первыхъ послѣдователей умственное развитіе, какъ бы въ сознаніи, что могущественное значеніе науки можетъ пошатнуть его ученіе и открыть глаза миллионамъ, принявшимъ его съ дѣтскимъ восторгомъ, что въ ученіи этомъ мало даже логическаго смысла.

Послѣ всего этого становится яснымъ, почему татаринъ, отдавая сына или дочь въ мектебъ, только и хлопочетъ о томъ, чтобы поскорѣе дитя достигло мудрости чтенія Корана, нелегко достававшагося ему во первыхъ по дурному методу преподаванія и наконецъ по трудности арабскаго письма. Всего замѣчательнѣе то, что достигшіе даже этой мудрости, остаются только при этомъ и совершенно не въ состояніи прочитать что нибудь изъ другой книги.

Мектебы обыкновенно открываются приходскимъ имамомъ, муэзиномъ или женою одного изъ нихъ. Училище это основывается не съ цѣлью приобрѣтенія матеріальныхъ средствъ къ жизни, какъ это дѣлается у насъ, а чтобы заслужить милость пророка въ будущей жизни. Впрочемъ дѣти состоятельныхъ родителей обязаны при-

носить посильную плату учителю своему мукою, хлѣбомъ или же деньгами отъ 3 до 10 коп. въ недѣлю.

Мальчики, поступившіе въ мектебъ, гдѣ преподавателемъ мушина, послѣ прочитанія Корана, при желаніи родителей, могутъ приучаться къ письму; но дѣвушкамъ это воспрещается, какъ сказано было выше, по странному убѣжденію, что женщина, обладающая способностію писать, непременно сдѣлается подъ старость колдуньею. Это убѣжденіе такъ распространено между татарами, что трудно найти кого нибудь съ противоположнымъ мнѣніемъ.

Окончившіе курсъ въ мектебѣ, (гдѣ дальше Корана не идутъ) имѣютъ право на переходъ въ медресе, зданіе которое воздвигается или благотворительнымъ помѣщикомъ на собственной землѣ въ деревнѣ или посредствомъ добровольныхъ пожертвованій въ городахъ. Въ Крыму въ наше время немного такихъ заведеній: два въ Бахчисараѣ, одно въ Симферополѣ, Карасубазарѣ, Евпаторіи, а два или три по остальнымъ округамъ полуострова. Число учениковъ медресе нерѣдко достигаетъ до 200. Такъ какъ заведенія эти содержатся на подаянія, то всѣ имѣющія свои средства, при поступленіи въ него, обязаны приносить съ собою известное количество муки, масла, катыку, соленой или провяленной баранины и т. п. и не въ правѣ уже выходить изъ него, безъ особенной нужды, впредь до каникулярнаго (т. е. рабочаго) времени.

Вновь опредѣлившіяся въ медресе, вступаетъ предварительно въ распоряженіе старшаго сохты (семинариста), завѣдывающаго по назначенію мюдрюса (профессора) *одою* или комнатою, занимаемою отъ 6 до 8 новичками. На обязанности этого сохты лежитъ все, какъ то: присмотръ за чистотою комнаты, приготовленіемъ пищи, но главнѣе всего подготовленіе ввѣренныхъ ему учениковъ къ степени семинариста, т. е. пройти съ ними шесть книгъ духовно-религіозныхъ толкованій. Послѣ этого, только новички переходятъ на лекціи самаго мюдрюса, который нерѣдко цѣлые десятки лѣтъ употребляетъ на толкованія Корана и другихъ священныхъ книгъ, написанныхъ разными имамами. Продолжи-

тельность курса въ медресе до настоящаго времени не установлена и намъ нерѣдко случалось встрѣчать бродящихъ по дворамъ въ праздничные или намазные (поминальные) дни, этихъ учениковъ, распѣвающихъ священные гимны въ честь Аллаха, съ полусѣдыми усами, упорно добывающихся изучить все книги, касающіяся ихъ религіи.

По мнѣнію татаръ, сохта, пробывшій лѣтъ 20 въ медресе, можетъ быть порядочнымъ муллою; но это несправедливо, потому что большинство деревенскихъ духовниковъ, выходящихъ изъ медресе, люди малограмотные и не понимаютъ ничего кромѣ чтенія Корана и молитвъ, необходимыхъ при богослуженіи. Изъ медресе, сколько я могъ узнать, приблизительно въ два или три года выходитъ одинъ ученикъ, достигшій мудрости писанія; остальные же покидаютъ заведеніе отъ лѣни, неспособности, но чаще по требованію родителей, довольныхъ тѣмъ, что предоставили сыну возможность чтенія Корана, открывшаго предъ нимъ истинный путь къ спасенію души.

Къ религіозно-обязательнымъ видамъ мусульманской благотворительности причисляются кромѣ указанныхъ нами раньше и нижеслѣдующіе еще: *Курбанъ*, *Питырз* и *Зекать*.

Курбанъ или жертвоприношеніе. На общій вопросъ, съ какихъ временъ началось жертвоприношеніе и вслѣдствіе какихъ причинъ оно введено—много уже высказывалось предположеній. Выяснилось же только то, что обычай этихъ услугъ предполагаемому божеству, выражалъ безпредѣльное самоотверженіе человѣка въ младенчествѣ его интеллектуальнаго развитія. Не странно ли теперь подумать намъ, что Финикіяне приносили въ жертву дѣтей своихъ, за которыхъ въ другихъ случаяхъ скорѣе сами готовы были умереть? Не возмутительно ли, что Арабы еще въ 6-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х., въ видахъ усердія къ богамъ, безъ малѣйшей скорби зарывали дочерей своихъ въ землю? Весьма естественно, что подобныя жертвы требовались сначала жестокими фанатиками-жрецами, а потомъ вошли въ привычку цѣлаго народа, которому, вслѣдствіе его ограниченныхъ понятій,

не приходилось возстать противъ обычаевъ, освященныхъ вѣками. Надо было явиться человѣку съ сильною властію, чтобы первоначально сокрушить власть жрецовъ-руководителей, дать народу свободу мысли и дѣйствія и затѣмъ увѣрить его, что Творецъ создалъ человѣка не для преждевременной смерти по чужой прихоти, а для особеннаго рода соображеній, не доступныхъ нашему понятію. Такимъ явился въ Аравіи Магометъ. Человѣкъ этотъ, до высшей степени преданный жизни и ея удовольствіямъ, прежде всего обратилъ вниманіе, на бессмысленность жертвоприношенія невинной дѣвушки, которая впослѣдствіи дѣлается помощницею мужчинъ и создаетъ мужескій родъ. Обычай этотъ долженъ былъ возмутить его поэтическую душу, потому что онъ судилъ о другихъ по себѣ—и ему, послѣ отчаянныхъ усилій, послѣ всеобщаго порабощенія враждебныхъ человѣчеству религіозныхъ представителей Аравіи, удалось остановить казнь безсчетнаго множества невинныхъ существъ, осуждаемыхъ на смерть въ надеждѣ доставить этимъ удовольствіе предполагаемымъ божественнымъ силамъ. Но такъ какъ не легко было разувѣрить цѣлый народъ въ его заблужденіи, безъ сильныхъ и доступныхъ понятію его доводовъ, то благоразумный законодатель выставилъ въ примѣръ Авраама, въ моментъ желанія его принести въ жертву сына своего Исаака, которому Аллахъ, не желающій болѣе пролитія человѣческой крови, указалъ на овна, какъ бы съ этихъ поръ предназначаемаго Имъ для жертвоприношенія человѣку въ очищеніе отъ грѣховъ. Услышавъ имя Авраама, высокочтимого въ Аравіи, и извѣстное имъ по преданію событіе этого патріарха съ единственнымъ сыномъ, Аравитяне какъ и вообще всѣ люди, склонные къ сохраненію жизни дѣтей своихъ, быстро одумались и положительно сознали, что Магометъ разъяснилъ имъ волю Аллаха, совершенно справедливо. Въ томъ, что они сейчасъ же отступились отъ прежнихъ варварскихъ казней дѣтей своихъ и вмѣсто ихъ рѣзали овецъ и другихъ домашнихъ животныхъ, на долинѣ Мина (т. е. предполагаемомъ мѣстѣ жертвоприношенія Авраама)—это мы видимъ, изъ всѣхъ историческихъ записокъ о Магометѣ и

фактовъ, совершающихся до настоящаго времени, со стороны мусульманъ. Совершивъ этотъ важный подвигъ, Аравійскій законодатель укрѣпилъ его навсегда, въ послѣдователяхъ своихъ слѣдующимъ вымысломъ: душа человѣка, послѣ разлуки съ тѣломъ, по волѣ Аллаха должна явиться къ мосту Эль-Сарать, расположенному надъ адомъ и ведущему въ рай. Мостъ этотъ, тоньше самой тончайшей волосинки и острѣ лезвія сабли. Душа вынуждена идти по немъ, но если она обременена грѣхами, волосокъ не выноситъ тяжести ея и она погибаетъ въ кипучей смолѣ. Если же грѣшная душа эта, въ теченіи земной жизни, приносила во искупленіе грѣховъ своихъ въ жертву невинныхъ животныхъ, то души этихъ послѣднихъ, подхватываютъ ее и благополучно вносятъ въ обитель вѣчной отрады. Придавъ такой важный эпитетъ къ жертвоприношенію животныхъ, Магометъ объявилъ ученикамъ своимъ, чтобы они читли день жертвоприношеній за величайшій праздникъ и непременно соблюдали его на 62-й день послѣ рамазанъ-байрама. Почему, именно, онъ назначилъ этотъ день—никто изъ писателей не объяснилъ, но намъ кажется, что ему хотѣлось увѣковѣчить въ потомствѣ благоговѣніе къ тому дню, когда онъ вошелъ побѣдителемъ въ горделивую и ностоянно враждующую противъ него Мекку. Мы допускаемъ это предположеніе, принимая въ основаніе то, что Магометъ, при жизни своей, ежегодно въ этотъ день самъ являлся изъ Медины въ Мекку съ большою свитою и сотнями животныхъ, единственно для жертвоприношенія и молитвы въ храмъ, воздвигнутомъ, по мнѣнію Арабовъ, самимъ Авраамомъ и сыномъ его Измаиломъ.

Указавъ начало и причину жертвоприношенія животныхъ въ мусульманскомъ мірѣ, мы теперь перейдемъ къ подробностямъ исполненія этого обычая между Крымскими татарами. Наши татары именуютъ праздникъ этотъ Курбанъ-байраномъ (т. е. праздникомъ жертвъ) и празднуютъ его въ продолженіи четырехъ сутокъ. Вотъ правила его: каждый, именующійся правовѣрнымъ, долженъ за себя принести въ жертву, самое чистѣйшее изъ животныхъ и именно овцу, съ тѣмъ, чтобы она не была

съ недостатками: тѣ-же, которые не имѣють достаточныхъ средствъ для этого, могутъ соединиться въ числѣ семи человѣкъ, и вмѣсто овецъ зарѣзать быка или корову, а если возможно, то и верблюда. Всѣ же остальные животныя считаются недостойными умирать за спасеніе души человѣка. Такъ какъ правило это обязательно для бѣднѣйшихъ и богатыхъ, то татары за нѣсколько дней до наступленія Курбана, приобрѣтають овецъ и воловъ и съ особенною заботливостію откармивають ихъ во дворѣ; нѣкоторые же дѣлають это за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ. Въ установленный день праздника, всѣ они являются съ предназначенною жертвою къ муллѣ своему, или мулла къ нимъ, для чтенія установленной молитвы. Послѣ *дувы* (молитвы) животное связывается и предается закланію самимъ хозяиномъ дома или главою семейства. Шкура жертвы и лучшая часть его передается духовнику, другая половина раздается бѣднымъ, а остальное варится и поѣдается жертвоприносителемъ и его семействомъ, а нерѣдко и гостями, которые въ качествѣ истинныхъ любителей мясной пици, съ утра до поздней ночи, обходятъ знакомыхъ и друзей съ единственною цѣлью насытиться.

Послѣ жертвоприношенія наступаетъ праздникъ для молодежи: является музыка, состоящая изъ двухъ скрипокъ съ бубнами или огромнаго барабана съ зурнами (свирѣлью), которая размѣщается на площади, куда собираются дѣвицы для танцевъ, или на мѣстѣ, гдѣ устроены качели, любимое развлеченіе татарокъ. Тѣмъ временемъ, пока дѣвицы танцуютъ и качаются, молодые люди въ праздничныхъ нарядахъ разѣзжаютъ верхами, а люди пожилые навѣщаютъ родственниковъ въ отдаленныхъ городахъ и селеніяхъ. Такимъ образомъ проводятъ всѣ четыре дня и затѣмъ, переодѣвшись въ старое платье, снова предаются обычнымъ занятіямъ.

Питыръ выполняется татарами въ 26 день мѣсяца Рамазана, извѣстный подъ именемъ *Кадыра*. Въ этотъ день каждый правосѣрный долженъ взнести, по установленной таксѣ, не только за себя и членовъ семьи, но и за умершихъ родителей, въ пользу духовенства и бѣдныхъ, денежный питыръ, количество котораго, для от-

личія степеней состоянія между богатыми и бѣдными, подраждѣляется на четыре разряда, по примѣру заповѣди Магомета.

По первому разряду, платится за каждую особу столько, сколько стоитъ 520 драхмъ финиковъ; *по второму*—цѣнность 520 драхмъ изюма; *по третьему*—стоимость 520 драхмъ пшеницы, а *по послѣднему*—цѣнность 520 драхмъ ячменя. Оцѣнка всѣхъ этихъ продуктовъ, составляется высшимъ духовенствомъ т. е. муфтіемъ, кадъ-эскеромъ и однимъ изъ кадіевъ, предварительно наступленія Кадыря, по дѣйствительной ихъ стоимости въ Крыму, и затѣмъ, она объявляется при посредствѣ уѣздныхъ кадіевъ, приходскимъ имамамъ, для сообщенія прихожанамъ. Питыръ настолько священъ для Крымскихъ татаръ, что они сами, безъ малѣйшаго понужденія, спѣшатъ внести его въ урочный день.

Зекятъ ничто иное, какъ выдѣлъ частицы изъ состоянія, также въ пользу духовенства и бѣдныхъ единовѣрцевъ со всего денежнаго имущества, золотыхъ и серебрянныхъ вещей и скотоводства. Зекятъ вносится ежегодно въ слѣдующихъ размѣрахъ: съ денежнаго капитала и драгоценныхъ вещей по 10%, съ верблюдовъ и вообще крупной скотины по одной штукѣ съ каждой сорока; съ овецъ съ 40 до 100 штукъ по одной; имѣющій болѣе 100, но менѣе 200—2½, а имѣющій 200 и болѣе—по одной отъ каждой сотни. Зекятъ въ наше время исполняютъ очень немногіе предчувствующіе приближеніе смерти, но и то нечестнымъ образомъ. Мнѣ неоднократно приходилось слышать, что даже самые изъ религіознѣйшихъ татаръ, вкладывая установленную долю изъ капитала въ мѣшокъ, насыпанный какимъ-нибудь хлѣбнымъ зерномъ, приглашаютъ муллу или кого-либо изъ бѣдныхъ и спрашиваютъ его, чтобы онъ потребовалъ за этотъ мѣшокъ пшеницы, еслибъ онъ принадлежалъ ему? Недалновидный отвѣтчикъ, не подозрѣвая, что въ немъ скрыты деньги, составляющіе проценты зекята, объявляетъ стоимость пшеницы. Естественно, что обрадованный капиталистъ въ ту же минуту уплачиваетъ эти деньги и радуется, что дешевымъ образомъ выполнилъ заповѣдь пророка.

Кромѣ этихъ видовъ установленной благотворительности, у Крымскихъ татаръ принято оказывать услугу Аллаху сооруженіемъ *меке* (монастырей) для афузовъ (юродивныхъ), медресе, мечетей и т. п. съ завѣщаніемъ всего или части имущества своего на содержаніи ихъ. Завѣщанное именуется вакуфомъ. Вакуфы подобнаго рода чрезвычайно многочисленны въ Крыму: они давались ханами не только для духовныхъ учреждений, но часто предназначались для вѣчнаго ремонтированія мостовъ, фонтановъ и дорогъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ въ поддержкѣ ихъ ощущалась сторонняя помощь. Впрочемъ и въ наше время не въ рѣдкость слышать, что такой то татаринъ, умирая приказываетъ выгородить изъ сада своего нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ въ пользу того, кто пожелаетъ принять на себя поддержку чего-нибудь устроеннаго имъ для общаго блага. Хранителемъ всѣхъ этихъ вакуфовъ бываетъ мечетный староста или мугевели, за которымъ наблюдаетъ уѣздный кадїи и такъ называемое Магометанское духовное управленіе, состоящее подъ предѣдательствомъ муфтїа.

Говоря о добровольной благотворительности татаръ, мы замѣтили, что они считаютъ долгомъ накормить гостя, присмотрѣть больнаго и похоронить чужеземца. Правила эти, сколько намъ извѣстно, они исполняютъ съ особеннымъ усердіемъ въ особенности въ мѣсяцъ уразы и даже сами заманиваютъ къ себѣ на ужинъ и ночлегъ проходящихъ мимо ихъ поселеній путниковъ-единовѣрцевъ. Отъ присмотра за больнымъ никто изъ нихъ, даже самый бѣднѣйшій, не откажется. Для подобныхъ случаевъ въ нѣкоторыхъ даже деревняхъ выстраивались въ былое время отдѣльные домики съ тѣмъ, чтобы все общество содержало на свои средства заболѣвающихъ гостей; что же касается погребенія умершихъ чужеземцевъ, то самый простой изъ чернорабочихъ пользуется одинаковыми почестями съ самыми богатѣйшими и заслуженными, такъ какъ по ихъ убѣжденіямъ богатство и бѣдность различаютъ человѣка только при жизни, но съ той минуты какъ онъ испустилъ послѣднее дыханіе, значеніе ихъ уравнилось и только Аллахъ одинъ властенъ опредѣлить кто изъ нихъ достоинъ большихъ по-

честей. Не подобаетъ даже отличать ихъ устройствомъ могилъ и надгробныхъ камней. Въ такихъ мысляхъ дѣйствуютъ и ихъ муллы и врядъ ли былъ примѣръ, чтобы кто либо изъ нихъ съ большою почестью предалъ погребенію самаго зажиточнаго сравнительно съ чужестранцемъ, не оставившимъ ни гроша въ пользу тѣхъ, на которыхъ лежала обязанность буквальнаго исполненія отдачи послѣдняго долга тому, кто родился и умеръ мусульманиномъ.

Праздничные дни.

Еженедѣльнымъ праздничнымъ днемъ въ мусульманскомъ мірѣ считается—пятница. По убѣжденіямъ татаръ, въ этотъ день Богъ создалъ человѣка и родился Магометъ. Впрочемъ они не предають особеннаго значенія этому дню, если имѣють снѣшныя работы; но люди обезпеченные и пожилые не считаютъ приличнымъ работать въ этотъ день. Послѣдніе обыкновенно, въ минуту полдневнаго намаза, отправляются къ джума-джами и, выслушавъ въ ней проповѣдь хатипа, остаются въ увѣренности, что чистосердечно выполнили обязанность истаго исламиста.

Годовыми праздниками считаются: ураза или Рамазанъ байрамъ, начинающійся съ 10-го новолунія и продолжающійся въ теченіи трехъ дней. Въ праздникъ этотъ татаре дѣлають преимущественно визиты отдаленнымъ родственникамъ, а встрѣчныхъ и поперечныхъ поздравляють посредствомъ прикосновенія рукъ, что не принято между ними въ другое время; дѣти же обязаны цѣловать руки у старшихъ, за что принято давать имъ по нѣскольکو копѣекъ. Въ этотъ праздникъ нѣкоторые изъ зажиточныхъ татаръ держатъ накрытые разными лакомствами столы для угощенія христіанъ; прочіе же приготавлиють для единовѣрцевъ водку, бузу и кофе. Во все это время не прекращаются танцы молодежи, джигитовки наѣздниковъ, качанія дѣвиць на качеляхъ и т. п.

Второй годовой праздникъ татаръ, извѣстный подъ именемъ Курбанъ-байрама, начинается въ 12-мъ мѣсяцѣ

ровно черезъ 62 дня послѣ Ураза-байрама. Праздникъ этотъ хотя и празднуется татарами четыре дня и считается болѣе важнымъ, но не представляетъ того веселаго характера, какимъ дышетъ Рамазанъ.

Мы до настоящаго времени не объяснили читателю нашему то исчисленіе, которому придерживаются Крымскіе татары, съ единственною цѣлью, чтобы не расходиться съ прочими мусульманами и непротиворѣчить 9 главѣ Корана, въ которой сказано: „число мѣсяцевъ 12, какъ повелѣно Аллахомъ и записано въ вѣчныхъ скрижаляхъ“. На этомъ основаніи годъ ихъ состоитъ изъ 12 лунныхъ мѣсяцевъ, содержащихъ въ себѣ 354 дня. вслѣдствіе чего они ежегодно теряютъ 11 дней, что составляетъ въ 33 года 363 дня или потерю почти цѣлаго года. Естественно, что при такомъ счисленіи мѣсяцы ихъ не совпадаютъ съ нашими и никогда не могутъ быть обозначенными нашими именами. Вотъ списокъ ихъ:

1) Моаремъ, 2) Сеферъ, 3) Ребиль-эвель, 4) Ребиль-ахыръ, 5) Джумазель-эвель, 6) Друмазель-ахыръ, 7) Эреджепъ, 8) Шабанъ, 9) Рамазанъ, 10) Шеваль, 11) Джильхаде, 12) Джебиль-идже. Кромѣ мѣсячнаго счисления они ведутъ еще 12-лѣтній періодъ, именуя года эти слѣдующими названіями: мышь, корова, барсъ, заяцъ, червякъ, змѣя, лошадь, овца, козавка, курица, собака и свинья.

Читатель замѣтитъ, что въ названіяхъ этихъ одинъ годъ именуется животнымъ, употребляемымъ въ пищу, а послѣдующій запрещеннымъ для ѣды. Мусульмане убѣждены, что послѣдніе, какъ неблагопріятные для чловѣка, не должны пользоваться хорошимъ именемъ, въ особенности же они презираютъ годъ, именуемый свиньею и приписываютъ ему неурожаи, эпидеміи и т. п. Кромѣ вышеприведенныхъ праздниковъ, бывають четыре святыхъ вечера. изъ которыхъ два называются *арифе*, а остальные *намазами*, или просто молитвенными и одинъ въ память пророковъ въ Ашеръ-аѣ. Такъ какъ о послѣднихъ знаютъ не многіе, то мы намѣрены познакомиться съ ними читателей нашихъ. *Намазы* отправляются слѣдующимъ образомъ: каждый правовѣрный обязанъ къ этому вечеру принести домой съ полпуда чистой шпичной муки и нѣсколько фунтовъ овечьаго сала. Хо-

зайка дома изъ этого жарить лепешки. Первая лепешка или *катлама* отдается собакѣ за то, что будто она, во время какого то катаклизма или земнаго переворота, сберегла въ зубахъ своихъ пшеничное зерно, столь необходимое для человѣка. Удовлетворивъ собаку, хозяйка, остальные катламы посылаетъ въ мѣдныхъ *сагинахъ* (чашкахъ) къ деревенскому мултѣ и ко всѣмъ сосѣдямъ, которые, принимая посылку, накладываютъ посуду лепешками своего произведенія. Въ этомъ промѣнѣ заключается обрядъ поминовенія усопшихъ. *Ариффе* есть тотъ же намазъ за день предъ праздникомъ, но съ тѣмъ отличіемъ, что приготовляемая катлама никому не посылается, а поѣдается семействомъ. *Ашерг-ай* или, проще, *Ашаръ ай* (т. е. мѣсяцъ кушанья) установленъ, какъ сказано выше, въ честь пророковъ и съ особеннымъ удовольствіемъ отправляется татарами слѣдующимъ образомъ: каждое правобѣрное семейство приготовляетъ огромный казанъ *шорбы* изъ пшеницы, фасоли и различныхъ высушенныхъ фруктовъ, которую ѣдятъ вмѣстѣ съ бѣдняками, а преимущественно съ *сохтами* или семинаристами, которые къ этому времени получаютъ отъ муфтїа дозволеніе обходить всѣхъ мусульманъ и пѣть священные *илляги* или гимны въ честь Магомета и *Якупъ-нейгамбера* (т. е. Іоанна Крестителя).

Чтобы вѣрнѣе познакомить читателей нашихъ съ поздравленіями этихъ семинаристовъ и содержаніемъ ихъ гимновъ, я долженъ разсказать видѣнное и слышанное мною въ тѣ годы, когда Крымскій полуостровъ густо былъ населенъ татарами, буквально исполнявшими всѣ религіозныя постановленія:

Семинаристы, которыхъ бываетъ въ каждомъ *медресе* до 200 человѣкъ, дѣлятся на 15 или 10 партій; каждая партія имѣетъ свой значекъ и направляется въ опредѣленный заранѣе округъ деревень. Здѣсь они обходятъ безъ исключенія всѣхъ жителей и за труды свои собираютъ подаваніе, которое заключается въ платкахъ, полотенцахъ, курицахъ, яйцахъ, пшеницѣ и т. п.

Илляги эти поются хоромъ. Вотъ приблизительное содержаніе ихъ:

ПЕРВЫЙ ГИМНЪ.

„Мать сказала своему сыну: Эй, дитя мое, что ты спишь такъ долго? Посмотри, ужъ солнце поднялось выше минарета. Вставай сынокъ, обмой глаза и руки, сотвори молитву и иди къ учителю. Нѣтъ, мама я не встану съ ложа моего, не умою глазъ и рукъ и не пойду къ учителю моему. „Ахъ, сынокъ, зачѣмъ ты такъ дѣлаешь, вскричала съ отчаяніемъ мать и схватила ножъ, чтобы съ горя пронзить себя. Потомъ одумавшись сказала: послушай, дитя мое, если ты не хочешь идти къ учителю, ступай къ мастеру ремеслу учиться. Сынъ отвѣтилъ: оставь меня мать въ покоѣ—я не пойду ни къ учителю, ни къ мастеру, а буду постыдиться сорокъ дней для спасенія души моей. Бѣдная мать хотѣла приласкать сына, но онъ въ негодованіи вырвалъ изъ рукъ ея ножъ и выбилъ у ней глазъ. Мать зарыдала и накинувъ *фередже* (верхнее платье) побѣжала къ эфендію нашему (Магомету) и сказала: Эфенди, я отдала сына моего къ учителю, а онъ за спасибо выбилъ мнѣ глазъ. Что прикажешь мнѣ дѣлать, чтобы видѣть въ немъ послушнаго сына? Эфенди отвѣчалъ: прикижи свести 70 вьюковъ дровъ къ твоему дому и сложить такъ, чтобы ослушника предать сожженію.

Привели дерзкаго юношу, связали ему руки и посадили на верблюда. Взяли животное за поводъ и вывели на дорогу къ Меккѣ. Народъ толпами посыпалъ за осужденнымъ. Тѣ, которые шли спереди насмѣхались, но которые шли сзади, кричали, что, лицо юноши сіяетъ подобно солнцу. Привезли преступника въ Мекку и три раза обвели вокругъ священной Каабы. Народъ рыдалъ изъ сожалѣнія. Тогда одинъ изъ друзей юноши, Ибраимъ, спросилъ: Эй, Халиль, что съ тобою сотворилось? Халиль отвѣчалъ: Самъ я не знаю, что со мною сотворилось, но только я худое сдѣлалъ.

Привезли юношу домой и Халиль спущенъ съ верблюда. Тогда Ибраимъ началъ умолять мать его простить ему, но она отвѣчала, что уже купила 70 вьюковъ дровъ и приказала предать пламени своего сына. Въ это время всѣ люди и животныя обступили костеръ и всѣ, каждый по своему, начали просить Аллаха о прощеніи осужденному его грѣховъ. Услышавъ общую молитву, юноша сказалъ: скажите матери моей, пусть она подойдетъ ко мнѣ, я хочу раскаяться предъ нею, но мать отвѣчала: я не пойду къ нему, пусть онъ погибаетъ. И связали бѣднягъ руки и ноги, чтобы положить на костеръ, но вдругъ лицо его такъ освѣтилось, что никто не осмѣлился коснуться его. Халиль сказалъ: много, много тебѣ поклоновъ мать родная. Прощу тебя, не гнѣвайся на кровь свою; прости меня ради людей и животныхъ, которые взываютъ къ Аллаху. Ахъ, мать, неужели не таетъ твое сердце?—и онъ зарыдалъ. Тогда народъ поднесъ сына къ матери и онъ упалъ къ ея ногамъ. Всѣ люди и животныя начали про

силь у нея помилованія. Тронувшись общею просьбою, мать объявила прощенье и спросила у Магомета: Кто же возвратитъ мнѣ потерянный глазъ? Нашъ Пейгамберъ (пророкъ) приказалъ всѣмъ людямъ и животнымъ совершить объ этомъ молитву. Не успѣли окончить молитвы, какъ невидимая рука вложила на мѣсто выбитый глазъ у оскорбленной матери.

Второй гимнъ.

Любимый Аллахомъ послѣдній *ресюль* (посланныкъ) Его, нашъ пророкъ Магометъ-иль-Мустафа *) сидѣлъ у Каабскаго храма въ глубокой задумчивости. Народъ хранилъ молчаніе. Само солнце боялось тронуться съ мѣста, чтобы не пропустить ни единой мысли любимаго божія. Животныя и птицы слетались со всего міра, чтобы взглянуть на благословеннаго и прославлять всемогущаго Аллаха. Всего этого не замѣчалъ пророкъ. Вдругъ, отсюда не возьмись, дикій голубь Арабистана (Аравіи), остановивъ быстрый полетъ свой, опустился на колѣно къ пророку. Изъ глазъ его полились кровавые ручьи слезъ. „Эфенди, сказалъ онъ трогательнымъ голосомъ,—спрячь меня, ради жизни трехъ малютокъ-птенцовъ моихъ; меня преслѣдуетъ хищный *дуганъ* **). Счастливыи послапникъ! если ты чувствуешь желаніе сдѣлать добро, спрячь меня поскорѣе, потому что страшный дуганъ сейчасъ долженъ явиться.

Магометъ, выслушавъ голубя, помолился Богу и спряталъ птицу за пазуху. Нѣсколько минутъ спусти послышался звонкій полетъ дугана и страшная птица предстала предъ Магометомъ.—Эфенди, сказала она,—отдай мнѣ голубя, котораго ты спряталъ; у меня шесть птенцовъ умираютъ съ голода. Вспомни то, что ты сошелъ на землю дѣлать добро, умоляю тебя, отдай мнѣ поскорѣе голубя, а я взамѣнъ доставлю тебѣ лучшую овцу. „Нѣтъ, дуганъ, отвѣтилъ Магометъ,—я прошу тебя, не требуй отъ меня голубя, у котораго малютки дѣти умрутъ безъ его заботливости. Я лучше дамъ тебѣ для твоихъ дѣтей кусокъ собственнаго тѣла.—Хорошо, сказалъ дуганъ,—я согласенъ взять отъ твоего благословеннаго тѣла. Магометъ не медля приказалъ дочери своей Айше принести ножъ, чтобы отрѣзать часть тѣла своего для дагуна. Взялъ онъ ножъ, но сколько не старался исполнить обѣщаніе, остріе желѣза непркосновенно скользило по кожѣ его тѣла. Разгнѣванный непокорностію металла, пророкъ разбилъ его въ куски и, вставъ съ негодованіемъ съ мѣста, приказалъ подать ему лучшую изъ сабель своихъ.

Въ это время голубь вырвался изъ за пазухи пророка, встрепенулся и принялъ образъ архангела Михаила,—а дуганъ превратился въ архангела Гавріила.

*) Мусульмане присваиваютъ Магомету прилагательное Иль-Мустафа, въ предположеніи, что онъ родился отъ Мустафы.

**) Плотоядная птица.

— Эфеиди, сказали они, преклонивъ предъ нимъ головы, — мы посланы были къ тебѣ Аллахомъ, чтобы испытать твое сердце. Сказавъ это, они начали пѣть благодарственную молитву Творцу міра. Въ эту минуту просіяли звѣзды, улыбнулось солнце, разцвѣли травы, заговорили животные, залились пѣснями птицы, а два архангела, взявшись за руки, вспорхнули и полетѣли къ небу, воспѣвая славу, пославшаго на землю великаго пророка нашего Магомета-иль-Мустафа.

ТРЕТІЙ ГИМНЪ.

Ахъ, взялъ бы поскорѣе душу мою Израиль (ангелъ смерти) и спасъ бы меня отъ тяжкихъ грѣховъ, отъ вредныхъ сокровищъ земли и отъ похищенія чужаго добра. Ахъ, еслибъ поскорѣе отвелъ бы меня отъ земли подалеже и спасъ бы отъ тяжкихъ грѣховъ!

Путь человѣка пролегаетъ могилою къ *Мюнкеръ-зенекуру*, (лицо вопрошающее умершихъ), который спроситъ у насъ: кто Божій пророкъ? Тотъ, кто отвѣтитъ справедливо — спасенъ будетъ, а кто ошибется, осужденъ будетъ. Таковъ удѣлъ нашъ въ послѣдній день!

Страшный мостъ *Сырата*, немнущаяся дорога намъ всѣмъ. Кто пройдетъ его — тотъ наслаждаться будетъ вѣчно; но клеветники падутъ съ него лицомъ внизъ — и горе этимъ несчастнымъ людямъ! Ахъ, вотъ тамъ только справедливо взвѣшиваются наши поступки — и тотъ, кто сдѣлалъ много добрыхъ дѣлъ — спасенъ будетъ отъ тяжкихъ мученій!“

Гимны эти, обыкновенно, возбуждаютъ рыданія у женщинъ и чрезвычайно сильно дѣйствуютъ на мужчинъ пожилыхъ лѣтъ. Вотъ вслѣдствіе этого сохты-пѣвцы принимаются съ особеннымъ радушіемъ и каждый бѣднякъ съ удовольствіемъ жертвуетъ имъ частицею изъ имущества своего.

У крымскихъ татаръ, какъ и всѣхъ мусульманъ существуетъ обычай обрѣзанія дѣтей мужескаго пола въ родѣ нашего крещенія; что же касается женщинъ, то имъ въѣняется окрашивание ногтей на рукахъ и ногахъ краскою, извѣстною подъ именемъ *кна*. Замѣчательно, что о постановленіи этомъ, которое считается чуть-ли не самымъ важнымъ, не упоминается не только въ коранѣ, но даже и въ изустномъ наборѣ постановленій Магомета, принятомъ сектою Суннитовъ. Ужъ небыль ли обрядъ обрѣзанія общепринятымъ въ Аравіи до временъ Магомета, которому и онъ подвергался съ дѣтства? — Надо пола-

гать, что это было дѣйствительно такъ, вслѣдствіе чего Магометъ не рѣшился отвергнуть безсмысленность его; но можно допустить и то, что этотъ законодатель созналъ благія послѣдствія обрѣзанія въ Аравіи, гдѣ, какъ извѣстно, господствовали всегда нахожныя болѣзни. Такъ или иначе, но дѣло въ томъ, что таинство обрѣзанія у крымскихъ татаръ считается за важное религіозное правило и выполняется не какъ-нибудь, а при музыкѣ и приличномъ угощеніи большаго числа гостей. Для ясности я опишу одинъ изъ случаевъ личнаго присутствія моего на *сюнетъ-топ* (свадьба обрѣзанія). Однажды ко мнѣ пришелъ молодой татаринъ и отъ имени сосѣда нашего пригласилъ на свадьбу обрѣзанія дѣтей. Вручивъ ему, по обыкновенію татаръ, подарокъ за утружденіе ногъ (*табанъ-парасы*) и узнавъ, что *зиѣретъ* (пиршество) начнется съ наступленія ночи, я въ установленное время вошелъ въ довольно большую хату, гдѣ долженъ былъ совершиться этотъ обрядъ надъ молодыми татарами. Музыканты встрѣтили меня какимъ-то импровизованнымъ маршемъ. Публика поднялась на ноги и по очередно начала поздравлять съ пріѣздомъ и добрымъ вечеромъ. Привѣтствія эти продолжались нѣсколько минутъ, потому что каждый начиналъ его тогда, когда другой оканчивалъ. Въ заключеніе меня посадили въ почетномъ углу и Меметъ (имя хозяина) подаль кيسетъ съ табакомъ. Нѣсколько минутъ спустя открылись танцы. Два красивыхъ джигита, въ праздничныхъ одеждахъ, стали *vis-à-vis* среди комнаты и начали перебирать руками и ногами, сначала очень медленно, но подъ конецъ также быстро и ловко какъ это дѣлаютъ въ козачкѣ и наши удалыцы. Разница въ томъ только, что у насъ выплясываютъ по одиночки, а у татаръ оба одновременно. Послѣ танца начали подносить гостямъ штофъ съ водкою. Эта минута выражала истинное торжество азійскаго праздника: въ компанію поднялся оглушительный шумъ, потому что каждая рюмка, испиваемая за здоровье хозяина и виновниковъ праздника, сопровождалась ужаснымъ пискомъ, скрыпокъ и ударами въ дарѣ (бубны). Когда чарка обошла всѣхъ и пронзительные звуки музыки стихли, бубенникъ поднялся съ мѣста и

началь обходить присутствующихъ съ видомъ кротости, собирая добровольныя пожертвованія за свое усердіе. Потомъ опять приступили къ танцамъ и снова появился грязный штофъ.

Не желая дольше любоваться однообразною картиною, я вышелъ въ комнату стариковъ и оставался съ ними до того времени, пока насъ пригласили къ ужину. Посреди комнаты, куда мы были введены, на тубуретѣ стоялъ огромный мѣдный *сини* (подносъ), наложенный до краевъ пилафомъ. За нимъ стояла другая табуретка и на ней лежало нѣсколько зеленыхъ восковыхъ свѣчей, обложенныхъ мѣстами золотою бумагою. Меметь, съ видомъ радушія, усадилъ меня за подносъ. Прочіе гости скромно послѣдовали приглашенію хозяина. Весь ужинъ заключался въ трехъ любимыхъ блюдахъ восточныхъ народовъ и именно: въ пилавѣ, какомъ-то жаркомъ изъ провяленной баранины (хавурма) и голубцахъ изъ винограднаго листа, облитыхъ вмѣсто смѣтаны окисленнымъ молокомъ. Обычай требовалъ отъ гостей скромности и, послѣ благодарственной молитвы, щедрой расплаты съ хозяиномъ за доставленное удовольствіе. Не знаю, всегда ли въ подобныхъ зафетахъ бываютъ такъ велики жертвы бѣдныхъ людей, какъ было въ моемъ присутствіи; никто не давалъ менѣе рубля. Судя по числу гостей и собранной суммѣ, надо полагать, что пиршество это или ничего не стоило Мемету или обошлось слишкомъ дешево. Послѣ ужина явился мулла. Вслѣдъ за нимъ вошло въ хату 20 мальчиковъ отъ 5 до 12-лѣтняго возраста, въ числѣ ихъ былъ одинъ муштина лѣтъ 30 съ мрачною фізіономіею.

— Вотъ надъ ними долженъ совершится обрядъ обрѣзанія, сказали мнѣ сосѣдъ.

— И надъ этимъ мушиною? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да и надъ нимъ, потому что онъ не имѣлъ счастья выполнить его въ дѣтскомъ возрастѣ. Это происходитъ иногда оттого, что у насъ нѣтъ опредѣленнаго времени на исполненіе этого обряда и всякій выполняетъ его тогда, когда ему заблагоразсудится или въ то время, когда представится выгодный случай. Бѣдный

татаринъ самъ не въ состоянн сдѣлать синеть-той, а исполнить одинъ изъ важнѣйшихъ догматовъ религи, безъ приличнаго зѣфета, почти ничего не значить. Слѣдовательно бѣднымъ родителямъ остается одно средство: выждать времени, когда какой-нибудь богачъ назначить у себя праздникъ подобнаго рода. Такимъ образомъ, на обрядъ обрѣзанія дѣтей богатыхъ людей, постоянно собирается большое число мальчиковъ бѣдныхъ отцовъ.

Мула созвалъ около себя дѣтей, прочиталъ какую-то молитву *) и затѣмъ обратился съ утѣшительными наставленіями къ 30-лѣтнему муцинѣ.

— Несчастенъ тотъ изъ насъ—сказалъ онъ важнымъ тономъ—кто не выполнитъ этаго священнаго обряда при жизни отъ малодушія. Его не узнаютъ въ будущемъ мѣрѣ ни великій пророкъ нашъ, ни родные и онъ будетъ скитаться внѣ ограды, за которою будутъ наслаждаться его единовѣрцы. Послѣ этихъ фразъ духовникъ пошутилъ надъ цирульникомъ, прославившимся въ этомъ отношеніи въ цѣломъ уѣздѣ и приказалъ садиться несчастнымъ дѣтямъ. Гости столпились въ кружокъ и, по общему приговору, первый жребій выпалъ на 30 лѣтняго муцину. Онъ долженъ былъ по старшинству лѣтъ, первый показать примѣръ мужества. Операция совершалась самымъ безцеремоннымъ образомъ, бритвою съ присыпкою золы отъ какого-то растенія.

На другой день я видѣлъ, какъ цирульникъ, совершившій вчера обрѣзаніе, въ сопровожденіи двухъ музыкантовъ, держа на головѣ подносъ съ частицами обрѣзковъ, вошелъ въ комнату Мемета съ поздравленіемъ. Хозяинъ принялъ его съ большимъ почетомъ и наградилъ деньгами, а жена подарила платокъ и пару новыхъ полотенцевъ. Отсюда цирульникъ направился къ родителямъ прочихъ обрѣзанныхъ имъ мальчиковъ. По словамъ Мемета сборы этого челоуѣка иногда простираются до 50 и болѣе рублей. Предъ вечеромъ того-же дня прибѣжалъ ко мнѣ Меметъ блѣдный и печальный. — Что съ тобою? спросилъ я. — Сынокъ мой сильно

*) Молитва эта чаще всего совершается въ мечети.

заболѣлъ. Нѣтъ-ли у васъ какихъ нибудь средствъ противъ лихорадочнаго состоянія.

Давая ему порошокъ хины, я невольно спросилъ: отчего-же онъ спѣшилъ обрѣзаніемъ. Вѣдь сынъ твой очень еще молодъ и при томъ у васъ не установленъ возрастъ человѣка для исполненія этого обряда? Эхъ, ага (господинъ)—отвѣчалъ татаринъ—оно-то такъ, но по моему лучше сдѣлать теперь, когда мальчикъ имѣетъ менѣе возможности сопротивляться, чѣмъ впоследствии. Вы, я думаю, знаете и сами, что въ Крыму можно набрать въ наше время болѣе тысячи мусульманъ, не имѣющихъ на себѣ никакихъ знаковъ отличія по религіи. Это въ большинствѣ случаевъ происходитъ оттого, что въ малолѣтствѣ отцы жалѣли ихъ, а потомъ, когда эти мальчики подросли, сами старались избѣгнуть этой непріятной операци. — Но скажи мнѣ пожалуста: тѣ мусульмане, которые умираютъ, не выполнивши этого обряда, подвергаются-ли одинаковому погребенію съ прочими, или надъ ними совершаются какіе-нибудь другіе примирительныя съ божествомъ обряды? — Сколько мнѣ извѣстно, всѣхъ таковыхъ мулла, предварительно похоронъ, внимательно осматриваетъ и если удостовѣрится, что они дѣйствительно не выполнили при жизни обрѣзанія, переламываетъ имъ мизинцы на рукахъ и ногахъ.

Обрученье, свадьба, похищеніе дѣвицъ и разводъ.

У крымскихъ татаръ обрученіе, извѣстное подъ названіемъ *нишана*, составляетъ необходимое условіе для желающихъ вступить въ брачный союзъ, хотя они въ тоже время договору этому не придають особенной важности и, при малѣйшемъ столкновеніи, разрушаютъ его возвращеніемъ подарковъ. Нишаны эти совершаются гласно только тогда, когда молодые люди обручаются съ согласія родителей слѣдующимъ образомъ: когда молодой татаринъ высмотритъ себѣ невѣсту и убѣдиться, что нравится ей, сообщаетъ родителямъ своимъ о томъ, что желалъ-бы жениться на такой-то. Если родители найдутъ возможнымъ удовлетворить его желанію, то, принявъ къ свѣдѣнію заявленіе, дѣлають стороною

дознанія, могутъ-ли они надѣяться не получить отказа на предложеніе со стороны родителей дѣвицы. Убѣдившись въ послѣднемъ, они начинаютъ дѣйствовать лично и вскорѣ затѣмъ посылаютъ *худаларъ* или свахъ съ подарками, заключающимися въ червонцахъ, зашитыхъ въ бумажномъ платкѣ, ситцевъ на кафтанъ и пр. При этомъ дворъ наполняется родственницами невѣсты, которыя принимаютъ участіе въ трактаціи, какія вещи должно послать взамѣнъ жениху—и обыкновенно посылаются два три полотенца, кисетъ, пара или двѣ кальсоновъ, носки и т. п. Если при этомъ размѣнѣ не произойдетъ ничего особеннаго и обѣ стороны потребуютъ немедленнаго обрученія, приглашается приходскій имамъ, опрашиваетъ дѣвицу въ согласіи, устанавливаетъ условіе приданаго со стороны жениха, какъ обезпеченіе на случай развода послѣ женитьбы и т. п. и прочитываетъ обручальную молитву, подъ названіемъ *ясинь*. Послѣ этого слѣдуетъ угощеніе свахъ, которыхъ бываетъ по двѣ съ каждой стороны и раздача имъ подарковъ въ родѣ *марамы* *), рубахи или чулковъ.

По принятому обычаю, отъ обрученія до свадьбы должно пройти мало-мальски 5—6 мѣсяцевъ, чтобы въ теченіи этого промежутка невѣста могла-бы приготовить около сотни полотенецъ, бѣлье, подушки, одѣяла и т. п. принадлежности, о которыхъ должна заботиться женщина. Этого мало, она должна заготовить для подарковъ: рубахи, кальсоны, кисеты, чулки, подвязки, платки и проч. Естественно, на случай несостоятельности родителей ея, волею-неволею свадьба откладывается иногда на годъ и на два. Засватанному жениху дозволяется посѣщать невѣсту, но такимъ образомъ, чтобы родители ея не знали. Чтобы достигнуть этого безъ препятствій, невѣста вообще отправляется на ночлегъ въ отдѣльную комнату, куда и принимаетъ избраннаго друга, посѣщающаго ее по обыкновенію съ лакомствами и мелкими подарками.

По привычкамъ татаръ свадебные пиры у нихъ начинаются или осенью или зимою и продолжаются отъ чет-

*) Большое, шитое шелками по концамъ, полотенце.

верга до слѣдующей пятницы, т. е. ровно недѣлю. Какъ всякій гражданскій договоръ, бракосочетаніе совершается у нихъ внѣ мечети съ залогами со стороны жениха и невѣсты на случай развода. Залогъ именуется *магръ*, а договоръ *никъ-ягъ*. Въ первомъ, какъ сказано было выше, участвуютъ обѣ стороны и подробно обозначается то, что долженъ принести женихъ изъ бѣлья, домашней утвари, посуды, одежды, червонцевъ и проч. и проч., что остается въ пользу жены, на случай развода по прихоти и что дается отцомъ невѣсты въ обезпеченіе мужа, на случай, еслибъ она задумала покинуть его. Очень понятно, что жениху, всегда почти вдвое приходится выставлять обезпеченія, на случай нарушенія договора. Вотъ причина, по которой въ Европѣ составилось убѣжденіе, что будто мусульмане покупаютъ себѣ женъ, но въ сущности ничего подобнаго не существуетъ между ними. Принятое-же обыкновеніе, обезпечивая залогомъ семейное спокойствіе, представляетъ ту еще утѣшительность, что никто между ними не смѣетъ подумать о женитьбѣ до того времени, пока не заготовить необходимаго для семейнаго быта.

Раньше мы сказали, что невѣста обязана въ промежутокъ времени отъ обрученія до бракосоченія приготовить все необходимое, для обоюднаго довольства. Все это готовится, смотря по уговору, или на деньги жениха или на счетъ родителей невѣсты; но что касается свадебныхъ расходовъ, такъ напр. найма музыкантовъ, угощенія сотни гостей званыхъ и незваныхъ въ теченіи недѣли, платы имаму за *никъ-ягъ*, который бываетъ въ это время безжалостенъ, и другихъ непредвидѣнныхъ расходовъ, то это производится на счетъ жениха.

Для того, чтобы подробнѣе познакомить читателя моего съ послѣднимъ торжественнымъ вечеромъ татарской свадьбы, я опишу видѣнное мною:

„Слѣдуя за посланнымъ за нами татаринномъ съ приглашеніемъ посѣтить свадебный вечеръ, прежде всего подошли мы къ хатѣ, гдѣ танцовали дѣвушки подъ скрипку, акомпанируемую бубнами. Здѣсь насъ угостили шербетомъ и побрызгали гвоздичною водою, потомъ провод-

никъ повелъ меня въ сарай, гдѣ пировала молодежь и гдѣ находился женихъ. Представьте себѣ длинную конюшню, съ овечьимъ запахомъ, вокругъ стѣнъ которой на деревянныхъ сошкахъ, горѣли сальные свѣчи, а около нихъ сидѣли небольшія группы татаръ, на голой землѣ, съ трубками, за деревянными чашками, наполненными пьяною бузою; въ углу стоялъ неподвижно, съ опущенными внизъ глазами, женихъ, съ красною шалью, наброшенною на плечи. Я хотѣлъ было подойти къ нему, чтобы поговорить, но проводникъ мой сказалъ, что этого не слѣдуетъ дѣлать. Посреди сарая бѣгали, плясали, кричали и дрались мальчишки, которыхъ безпрестанно выгалкивали на дворъ. У дверей сидѣли скрипачи; они играли и въ тоже время пѣли какую-то печальную пѣсню, словъ которой я никакъ не могъ слышать за оглушительнымъ визгомъ другой музыки, играющей на дворѣ, составленной изъ двухъ страшно-пискливыхъ дудокъ (зурна), издающихъ звуки сильнѣе кларнета, подъ акомпаниментъ барабана величиною въ 15-ти ведерную бочку; въ барабанъ этотъ бьютъ съ одной стороны деревяннымъ молоткомъ, а съ другой держатъ тросточку, которая отъ сильныхъ ударовъ молотка производитъ очень неприятную оглушительную трель. Въ сараѣ намъ предложили, бузу и водку. Оттуда мы пошли въ хату, гдѣ пировали люди почетные, не требующіе танцевъ и спиртныхъ папитковъ. Здѣсь насъ приняли со всевозможными знаками почтенія, которое татары любятъ оказывать чиновникамъ, знающимъ ихъ языкъ; когда я помѣстился между ними, хозяинъ предложилъ мнѣ кофе, а потомъ приказалъ подать сладкое пирожное *баклава*, чрезвычайно пропитанное овечьимъ саломъ. Хваля лакомство, я снова направилъ разговоръ на подробности брака. Одинъ изъ присутствовавшихъ принялъ на себя трудъ удовлетворить моему любопытству.

„По принятому издревле обычаю, началъ онъ, у насъ свадьба начинается съ вечера подъ пятницу и продолжается ровно недѣлю. Въ первый день ея, невѣста купается и кладетъ на голову *кну* (красная краска) и переходитъ подъ занавѣсъ, откуда не имѣетъ права выходить до тѣхъ поръ, пока не поступитъ въ распоря-

женіе мужа. Съ этого же вечера начинаютъ собираться поcѣтителѣ и поcѣдительницы съ подарками, но особеннаго угощенія не бываетъ. Наконецъ настаеъ послѣдній день недѣли: къ невѣстѣ приходитъ деревенскій мулла и допрашиваетъ въ присутствіи повѣренныхъ, согласна-ли она вступить въ бракъ съ такимъ-то. Если невѣста заплачетъ — значитъ она изъявляетъ согласіе. Вопросъ повторяется трижды; послѣ этого имамъ, съ доверенными со стороны жениха и невѣсты, выходитъ въ другую комнату или на дворъ и, заставляя ихъ соединить большіе пальцы, читаетъ молитву. При этомъ онъ снова трижды допрашиваетъ повѣренныхъ о взаимномъ согласіи на бравосочетаніе молодыхъ. Вслѣдъ затѣмъ является предъ присутствующими на свадьбѣ *алат*, е. сваха съ подносомъ, на которомъ стоитъ чашка съ *кноу*, предназначенная для окраски ногъ и рукъ невѣсты. Алу сопровождаютъ музыканты и дѣти съ раззолоченными свѣчами въ рукахъ; она обходитъ всѣхъ гостей и собираетъ подарки, потомъ идетъ къ невѣстѣ и совершаетъ окраску. Послѣ чего обрѣзываетъ у ней сперва часть волосъ (зелифы) — знакъ замужества, и закручиваетъ ихъ въ родѣ локонъ, и затѣмъ начинаетъ ее одѣвать, чтобы въ праздничномъ нарядѣ отвести къ жениху. Тѣмъ временемъ, въ комнатѣ мужчинъ, послѣ бритья и убранства жениха, начинаются танцы и угощенія водкою и все заканчивается ужиномъ, за которымъ жертвуются, въ пользу новобрачныхъ, деньги. Послѣ ужина женихъ вступаетъ въ комнату, предназначенную для ночлега новобрачныхъ и прячется въ углу ея; одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ приводитъ къ нему невѣсту съ легко завязанными ногами и оставляетъ среди комнаты. Тогда подымается съ мѣста мужъ, развязываетъ ей ноги и творитъ съ нею *намазъ* (молитву). Въ это время пирующая молодежь съ музыкою выходитъ на улицу, поетъ пѣсни побѣды, пляшетъ и шалить.

Послѣ намаза, мужъ приступаетъ къ раздѣванію жены. Это есть самое мучительное для него время, потому что новобрачная прибѣгаетъ къ различнымъ шуткамъ. Такъ напр. онъ растегнетъ у ней пуговицы на

одномъ рукавѣ кафтана и только что приступишь къ другому, она начинаетъ просить воды. Мужъ спѣшитъ удовлетворить ея желаніе; между тѣмъ проказница, пока онъ возвратится, снова застегнетъ растегнутые имъ пуговики; потомъ ей захочется чего-нибудь другаго, а тамъ третьяго—и обманщица продолжаетъ играть до тѣхъ поръ, пока изнуренный мужъ не уговоритъ ее обѣщаніями или подарками.

На слѣдующій день въ комнату новобрачныхъ является сваха и беретъ сорочку *келинчекъ* (новобрачной) признакъ чести, кладетъ ее на подносъ и разноситъ по домамъ родственниковъ молодой; если же новобрачная окажется виновною, тогда сваха вмѣсто рубахи несетъ къ отцу и матери ея дырявый пирогъ. Новобрачные въ теченіи 40 дней не смѣютъ показываться родителямъ своимъ, чтобы не краснѣть и не конфузить ихъ. Выпадаютъ случаи, что бракосочетаніе, если есть на то особыя причины, совершается безъ праздника, тогда оно остается негласнымъ до пира. Въ это время даже мужъ не долженъ пользоваться супружескими правами, хотя и проводить ночи около жены.

Описанный нами свадебный праздникъ совершается только въ такомъ случаѣ, когда женихъ холостъ и невѣста—дѣвица; для вдовцовъ не приняты увеселенія и зѣфеты, все ограничивается однимъ только никьягомъ; но на случай, если бы женился холостой человѣкъ на вдовѣ или на оборотъ, то бывший уже въ супружествѣ обязанъ окупить потерянную честь *эргемликомъ*, т. е. извѣстнымъ даромъ въ пользу цѣломудреннаго.

Теперь намъ приходится сказать о такихъ бракосочетаніяхъ, которыя совершаются по личному желанію молодыхъ, встрѣчающихъ препятствія со стороны родныхъ, которой-либо изъ сторонъ. Для достиженія этого, татаре ввели обычай похищать любимую дѣвицу изъ родительскаго дома и волею-неволею заставлятъ послѣднихъ изъявлять согласіе на ихъ союзъ; но нерѣдко подобныя штуки выдѣлываются и бѣдными женихами для избѣжанія свадебныхъ расходовъ. Несмотря на нѣкоторыя выгоды, представляющіяся этимъ обычаемъ для мужескаго пола, многія изъ дѣвицъ также хорошо

пользуются имъ на случай любви къ молодому человѣку, не думавшему жениться на ней. Чтобы успѣть въ затѣѣ своей, она сама заходитъ на ночлегъ къ предмету любви, гдѣ открываетъ ее мать съ сторонними свидѣтелями и обманутому такимъ образомъ джигиту, приходится немедленно совершить никъ-ягъ.

Вотъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ, совершившихся на глазахъ моихъ: однажды, (это было въ татарской деревнѣ) я сидѣлъ съ хозяиномъ квартиры подъ навѣсомъ дома, какъ вдругъ показался вдаль на прекрасной лошади отлично одѣтый мурза. Кто это ѣдетъ? спросилъ я.—А, —отвѣчалъ Мустафа съ видимымъ негодованіемъ—это одинъ изъ нашихъ сосѣднихъ мурзъ, промотавшихъ отцовскія имѣнія на устройство чужихъ свадьбъ.—Слѣдовательно онъ добрый человѣкъ?—Да, очень добрый, заманить къ себѣ въ домъ честную дѣвицу, подъ предлогомъ услуживать женѣ, а тамъ смотришь и навяжетъ ее кому нибудь на шею, со страха не отвѣчать предъ Богомъ и людьми.

Между тѣмъ мурза, приблизившись къ нашимъ воротамъ, остановился и слѣзъ съ лошади.—Онъ идетъ къ намъ — сказалъ я хозяину. Мустафа оглянулся, поблѣднѣлъ, но ничего не отвѣчалъ. Черезъ минуту мурза сидѣлъ около насъ и спрашивалъ старика о здоровьѣ. Послѣ всѣхъ обыкновенныхъ церемоній, Мустафа спросилъ: позвольте узнать мурзамъ (т. е. мой мурза) какими это судьбами вы заѣхали въ нашу деревню?—Вотъ братъ какими судьбами: меня день и ночь упрашиваютъ склонить тебя на согласіе женить сына твоего на дочери нашего хатипа.—Нѣтъ, нѣтъ султанымъ (повелитель мой) и не говорите мнѣ объ этомъ, я никогда не соглашусь на такую сдѣлку.—Почему же? дѣвица молода, хорошая хозяйка и дочь не бѣдныхъ родителей.—Нѣтъ, нѣтъ я не согласенъ, во первыхъ сынъ мой очень молодъ, а дочь хатипа, какъ мнѣ извѣстно, ведетъ родъ свой отъ дурной бабушки. Нѣтъ мурзамъ мнѣ грѣшно будетъ, если я допущу: онъ у меня одинъ!—Фу, вздоръ какой—вскрикнулъ мурза—если ты найдешь, что дѣвица эта будетъ не по характеру сына твоего или твоему, такъ развѣ у насъ воспрещается разводъ?—Нѣтъ господинъ мой я не такъ богатъ, чтобы допускать разводъ и наконецъ не желалъ бы приучать сына къ этому баловству. Пусть онъ женится какъ я, только однажды. Вамъ я думаю не безъизвѣстно, что тѣ супруги, которые однажды разводились между собою, никогда не бывали счастливы въ послѣдующихъ супружествахъ.

Мурза задумался, но потомъ снова приступилъ къ атакъ. Но ни убѣжденія, ни ласки, ни просьбы, ни обѣщанія, ничто не помогало.—Послушай—наконецъ сказалъ гость, улыбаясь—если ты не согласишься добровольно, даю тебѣ честное слово, что я устрою свадьбу эту безъ твоего согласія. — Подобныхъ вещей мнѣ кажется не дозволяетъ нашъ законъ—отвѣчалъ съ кротостію ста-

рикъ.—Честное слово! вскрикнулъ мурза и быть можетъ чрезъ мѣсяць я поздравлю тебя, только пожалуйста не сердись.

Мурза напился съ нами кофе, пошутить, пошмѣлся и уѣхалъ. Я полагаю, что дѣло это кончилось ни чѣмъ и не возобновляя разговора. Мнѣ только желательно было знать, гдѣ находится теперь сынъ хозяйни моего и какиихъ онъ лѣтъ?—Онъ занимается торговыми дѣлами въ Бахчисарай—отвѣчалъ Мустафа; лѣтъ же его я право не помню хорошо: 19, 20, а много, много 22 года.

Между татарами неудивительно встрѣтить такихъ, которые не знаютъ лѣтъ своихъ дѣтей. Мнѣ неоднократно приходилось сталкиваться даже съ такими, которые не помнили именъ ихъ. Последнее происходитъ оттого, что они вмѣсто имени употребляютъ общепринятое для мальчика *оланъ*, а для дѣвочки *ахъызъ*.

Нѣсколько часовъ спустя хозяйнъ мой объявилъ мнѣ, что ѣдетъ въ Бахчисарай. На вопросъ мой по какому дѣлу, старикъ отвѣчалъ:—Какъ хотите, а нужно будетъ предпринять какія нибудь дѣлы, не то чего добраго обмануть моего сына, тогда изволь иснать виновнаго?—Эка важность, охота тебѣ трудиться на старости лѣтъ? Ну, пусть женится, поживетъ нѣсколько времени, а тамъ можно ухитриться: вѣдь законы ваши дозволяютъ разводъ по прихоти мужа?—Эхъ, господинъ, сейчасъ же видно, что вы мало жили на свѣтѣ; а наши старики говорятъ: второй бракъ есть тоже, что новая латка на старомъ кафтанѣ. Мустафа уѣхалъ.

Въ тотъ же день вечеромъ я узналъ, что пріѣхалъ сынъ Мустафы, а предъ разсвѣтомъ, въ эту пріятную минуту дремотъ, я былъ внезапно пробужденъ ужасными криками на дворѣ. Чтобы это значило? Спрашиваю у одного, и другаго, всё отвѣчаютъ: „ничего, обыкновенная исторія“. Но въ чемъ именно заключается исторія—никто ни слова. Въ числѣ ихъ особенно отличалась сестра Мустафы и еще двѣ какія-то старушки. Желая добиться истины, я вынужденъ былъ одѣться и сойти на дворъ, однако и тутъ я ничего не узналъ. Мнѣ отвѣчали одни улыбками, а другіе дерганьемъ плечъ. Подхожу къ комнатѣ моей, а она замѣнута огромнымъ замкомъ. Въ предположеніи, что это сдѣлано прислугою изъ предосторожности, такъ какъ я не ночевалъ въ ней сегодняшнюю ночь, я началъ требовать ключъ.—Не знаемъ, ни видѣли—отвѣчали мнѣ съ улыбкою.—Кто же замѣнулъ эти двери?—Не знаемъ. Фу, чортъ возьми, да неужели двери сами собою замкнулись? Я вышелъ изъ терпѣнія и приказалъ разбить замокъ. Когда чловѣкъ мой взялся за топоръ, тогда только подбѣжали ко мнѣ двѣ отвратительно-грязныя старухи и начали просить не дѣлать этого.

— Это почему? спросилъ я съ удивленіемъ.—Пожалуйста, ага, не разбивай замка, тамъ сидятъ женихъ и невеста.— Въ моей комнатѣ! Какимъ же образомъ они зашли сюда и зачѣмъ имъ быть подъ замкомъ?—У насъ такой обычай.—Хорошо, любезныя, но въ этой комнатѣ лежатъ мои вещи. Мнѣ нуженъ табакъ, чай и сахаръ.—*Джаммамъ, джаммамъ*, (пожалуйста) потерпи не много.

мы сами отомнимъ.—Когда же это будетъ?—Сейчасъ должны собраться мулла и свидѣтели.

Нечего дѣлать, принужденъ былъ отойти въ сторону и ожидать, чѣмъ кончится это непонятное для меня дѣло. Любопытство мое съ каждою минутою возрастало, потому болѣе, что я считалъ себя знающимъ всѣ обычаи въ образѣ жизни Крымскихъ татаръ. Но вотъ наконецъ показалась толпа народа въ сопровожденіи приходскаго имама. Я поспѣшилъ занять лучшее мѣсто, чтобы не пропустить ни одного дѣйствія въ предстоящей комедіи. Бабы и молодежь, находившіеся на дворѣ, замѣтивъ приближеніе почетныхъ лицъ, поднялись на ноги и, молча, направили взоры въ ту сторону, откуда представлялось шествіе.

Въ этотъ моментъ, глаза мои какъ то случайно обратились назадъ и я узналъ издали ѣдущаго Мустафу. Хозяинъ ѣдетъ! сказалъ я. Всѣ оглянулись. Тѣмъ лучше—отвѣчалъ мулла — пусть онъ самъ увидитъ своими глазами, иначе, чего добраго подумаетъ, что мы дѣйствовали безчестно. Молчаніе не прерывалось до тѣхъ поръ, пока Мустафа спустился съ лошади и подошелъ къ народу. Бѣдный хозяинъ мой! Онъ былъ такъ блѣденъ, что нельзя было смотрѣть равнодушно на выраженіе предчувствія этого почтеннаго лица. Не успѣлъ онъ произнести привѣтствія, какъ имамъ вышелъ изъ среды народа и торжественно объявилъ, что въ нынѣшнюю ночь сынъ его Усеинъ, сдѣлалъ неприличныи подвигъ и именно заманилъ къ себѣ дѣвицу изъ чужаго села, и провелъ съ нею ночь въ комнатѣ, не дозволивъ ни кому оставаться въ качествѣ свидѣтелей.—Во истину такъ—отвѣчали грязныя старухи—если же онъ не вѣритъ, пусть самъ убѣдится собственными глазами. Слѣдовательно—продолжалъ мулла, обращаясь къ нему же—вы, какъ добрый мусульманинъ и отецъ, не желающій сыну зла, должны вспомнить, какой тяжкій грѣхъ будетъ лежать на вашемъ домѣ, если только сынъ вашъ или вы не согласитесь на бракосочетаніе съ этою дѣвицею. Вамъ извѣстно и то, что у женщины волосъ длиненъ, а умъ коротокъ. Она бѣдняжка вѣроятно не сообразила, что можетъ пожертвовать честью и потомъ быть несчастною навсегда. Я надѣюсь, что вы никогда не оскверните вашей освященной бороды.

— Нельзя и повѣрить этому—вмѣшался одинъ изъ стариковъ—чтобы ктонибудь изъ правовѣрныхъ рѣшился на такой варварскій поступокъ.

Выслушавъ эти слова, хозяинъ мой ахнулъ, ударилъ себя по головѣ кулакомъ и молча приблизился къ запертымъ дверямъ, которыя въ ту же минуту были отворены. Любопытство заставило и меня войти въ комнату, посмотрѣть на отчаянныхъ любовниковъ. Оба они сидѣли въ углу, притаившись другъ къ другу и казалось о чемъ то серьезно говорили; но только что отворилась дверь, дѣвица зарыдала ужаснымъ голосомъ. Усеинъ быстро вскочилъ на ноги, покраснѣлъ и, склонивъ голову на грудь, подошелъ къ рукѣ отца, какъ бы умоляя о прощеніи.

— Ахъ, дитя мое, дитя мое—возонилъ старикъ, покачивая головою, худо тебѣ будетъ, но чтожъ дѣлать вѣрно такъ написано у тебя на лбу!—Что суждено, того не избѣгнуть — поддержаль съ важностью пламъ. Мустафа долго молчалъ. Ему повидимому хотѣлось во чтобы то не стало не допустить этого союза, чтобы восторжествовать надъ мурзою, но общія просьбы смягчили сердце старика. Сдѣлавъ нѣсколько наставленій сыну и будущей женѣ его, отецъ со слезами на глазахъ вышелъ на дворъ, предоставивъ мурлѣ совершить молитву бракосочетанія.

— Ну что, сказалъ я ему—вѣдь мурза не шутя оказался злодѣемъ?—Да, негодий, успѣлъ поставить на своемъ.

— Но скажи пожалуйста, какъ онъ могъ сдѣлать все это такъ быстро? Ты мнѣ говорилъ, что сынъ твой въ Бахчисарай. — Я былъ въ этомъ увѣренъ, между тѣмъ, дорогою узнать другое и возвратился. Видите ли, вѣроятно, по совѣту мурзы, обѣщавшаго привести мое согласіе, сынъ мой гостилъ у него, но какъ только узнали, что я не согласенъ на ихъ бракосочетаніе и поѣхалъ въ Бахчисарай, распорядились сдѣлать по своему.

Пояснивъ обряды бракосочетаній у Крымскихъ татаръ, не сочувствующихъ дозволенной имъ полигаміи, намъ приходится теперь сказать, нѣсколько словъ о разводѣ ихъ. Разводъ дозволяется у мусульманъ, безъ особенныхъ формальностей, такъ напр. одни и тѣ-же супруги могутъ безчестное число разъ развестись и опять соединиться. Каждая изъ разведенныхъ сторонъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ получить запрещенія къ этому. Ни женщинѣ, ни мужчинѣ не ставится въ упрекъ число брачныхъ союзовъ, совершенныхъ законнымъ образомъ. Казалось-бы, что при такой свободѣ многіе прибѣгали-бы къ разводамъ, но на дѣлѣ выходитъ иначе. Татаринъ тогда только разводится съ женою, когда она въ высшей степени чудовишнаго характера или не дорожитъ честью. Естественно, чтобы спастись отъ нея, онъ не жалѣетъ даже залога, обеспечивающаго ихъ никъ-ягъ. Разведенная жена обязана, четыре съ половиною мѣсяца, не выходить замужъ за другаго, только для того, чтобы убѣдиться разошлась-ли она беременною или нѣтъ. Въ теченіи этого времени мужъ, давшій разводъ, обязанъ содержать ее на свой счетъ. Разводы, въ большинствѣ случаевъ, приняты богатыми татарами, не имѣющими дѣтей; что касается женскаго пола, то очень рѣдко мнѣ

случалось слышать, чтобы кто изъ нихъ заявлялъ о желаніи развестись съ мужемъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ или такія, мужья которыхъ варварски обрацаются съ ними, или въ качествѣ педерастовъ злоупотребляютъ до отвращенія супружескимъ правомъ или же такія, у которыхъ старыя мужья, а имъ удалось приготовить себѣ молодыхъ. Для того, чтобы получить разводъ, достаточно любому супругу объявить имаму, что онъ не желаетъ болѣе называть жену женою, и что она свободна отъ него. Имамъ заноситъ это въ книгу браковъ и выдаетъ разведенному записку. Такимъ образомъ достигается этого и жена; но послѣдняя обязана выставить какія нибудь причины въ доказательство безчестности мужа. Такимъ образомъ, расходятся супруги безъ всякихъ тяжбъ и ссоръ, естественно приплачиваясь залогами въ пользу невиннаго. По магометанскому *шараату* (установленію), каждый татаринъ въ одно и тоже время, можетъ имѣть четыре законныхъ жены. Ему не возбраняется даже жениться на родныхъ сестрахъ, рожденных отъ однихъ и тѣхъ-же родителей или часть ихъ сдѣлать своими женами, а остальныхъ — женами сыновей своихъ. Воспрещается вступать въ брачныя союзы только до третьяго поколѣнія т. е. на своихъ родныхъ и на двоюродныхъ сестрахъ. Но я уже имѣлъ случай говорить, что Крымскіе татары въ наше время, никогда не женятся больше какъ, на одной и стараются всѣми силами поддерживать добрыя отношенія къ женѣ, чего ради и не допускаютъ многожества. Самоотверженія ихъ въ этомъ отношеніи весьма замѣтны, такъ напр. у каждаго почти 45 лѣтняго однобрачнаго татарина, который женился 22 лѣтъ, жена до такой степени изнеможена и стара на видъ, что не хочется вѣрить, чтобы ею довольствовался полный здоровья и страсти мужъ свободный избрать себѣ юное существо—и онъ не избираетъ его, не по собственной волѣ, а изъ боязни, чтобы мать дѣтей не оставила его съ молодою подругою, чужою его дѣтей; что въ этомъ мы неопибаемся, легко убѣдился тѣмъ, что какъ только въ подобномъ возрастѣ у татарина умретъ жена, онъ до сорока дней женится уже на второй молоденькой вдовѣ, но чаще на 17—18

лѣтней дѣвицѣ, какъ-бы изъ любви къ полигоніи и для размноженія чтущихъ Коранъ.

Для окончательнаго обрисованія Крымско-татарскаго мусульманима съ религіозной точки зрѣнія намъ придется сказать еще нѣсколько словъ: всѣмъ извѣстно, что Магометъ въ числѣ прочаго завѣщалъ послѣдователямъ своимъ *бригадъ* или заповѣдь распространенія ислама. Въ наше время татары совершенно забыли объ ней и отнюдь не стараются пропагандировать. Послѣдніе успѣхи ихъ на этомъ поприщѣ относятся къ предпослѣднимъ днямъ обоюднаго господства съ Турками (т. е. до 1774 года) въ Тавридѣ.

Второй обрядъ относится къ наименованію каждаго новорожденнаго общепринятыми именами, которыхъ у татаръ неособенно много. Популярнѣйшими изъ нихъ считаются для мужскаго пола слѣдующія: Аметъ, Мустафа, Ибраимъ, Асанъ, Сеитъ, Умеръ, Халиль, Желаль, Бекиръ, Османъ, Сулейманъ, Фетла, Абла, Ваджипъ, Ислямъ, Темиръ, Биляль, Усеинъ, Мамуть, Селимъ и Али и другія. Для женскаго же пола предпочтительны: Айше, Фатъме, Сальге, Тензиле, Тохтаръ-бике, Шерфе, Зейнепъ, Кериме, Момине и другія. Обрядъ наименованія дѣтей у татаръ не составляетъ религіознаго догмата, а скорѣе служитъ необходимостью общественнаго быта. Вотъ вслѣдствіе этого, право наименованія новорожденнаго не составляетъ условной обязанности духовенства, но и распространяется на всѣхъ сколько нибудь грамотныхъ единовѣрцевъ. Вся процедура заключается въ нижеслѣдующемъ: духовное или свѣтское лице является на 9-й день къ новорожденному, котораго, взявъ на руки, произноситъ надъ нимъ *изанъ* или призывъ правовѣрныхъ къ молитвѣ. Этимъ онъ какъ-бы причисляетъ и вновь явившагося на свѣтъ къ числу подлежащихъ къ призыву въ мечеть. Послѣ *изана*, трижды прокрикиваютъ надъ ушами ребенка: „да будетъ тебѣ имя Аметъ, Мустафа или другое, смотря по желанію родителей.

Къ религіознымъ правиламъ татары относятъ необходимость привѣтствія другъ друга при встрѣчахъ. По ихъ убѣжденіямъ *селамъ-вермекъ* (т. е. кланяться) выражаетъ

почтеніе, оказываемое Богу; проще: селямъ есть привѣтъ Аллаху и горе тому кто не отвѣтитъ на него. Въ словахъ *селямъ* *) *алейкимъ* и *алейкимъ селямъ* **) татаре подразумѣваютъ важное значеніе и никогда не произнесутъ ихъ предъ иновѣрцемъ. Для послѣднихъ они обязаны, смотря по времени, желать добраго утра, вечера или ночи.

Кромѣ селяма татаре признаютъ за правило, приличное исламу, оказывать почтеніе старшему по возрасту, съ присовокупленіемъ къ собственному имени мужчины слово: *ахамъ* т. е. старшій братъ мой, а при разговорѣ съ пожилою женщиною: *тотамъ* или *аттемъ* т. е. старшая сестра моя. Очень же старыхъ называютъ: *хартъ-баба* и *хартъ-ана* т. е. дѣдушка и бабушка.

Къ прочимъ необязательнымъ, но общепринятымъ обычаямъ татаръ относится во первыхъ: предохранять себя отъ навожденія злаго духа и всякаго рода джиновъ. Для достиженія этого они обвѣшиваютъ себя и дѣтей своихъ молитвами, выписанными изъ Корана — и во вторыхъ выражаютъ особенное почтеніе къ лунѣ, которая опредѣляетъ имъ наступленіе священнаго мѣсяца Рамазана, байрамовъ и вообще теченіе времени. Что они исполняютъ послѣднее и ставятъ луну какъ бы во флюгеръ религіи, это можно видѣть изъ того, что надъ каждымъ минаретомъ ихъ храмовъ красуется изображеніе полумѣсяца. По разсказамъ же нѣкоторыхъ изъ теологовъ ихъ, почтеніе лунѣ подобаетъ и потому еще, что это свѣтило будто бы сходило къ матери Магомета въ минуту его рожденія.

Представивъ полный очеркъ всѣмъ религіознымъ догматамъ, правиламъ и общепринятымъ обычаямъ крымскаго татарина, мы должны присоединить къ сказанному, что по вѣрованіямъ этого народа, исполнявшій всѣ заповѣди Магомета, кромѣ награды въ будущей жизни можетъ заслужить и титулъ святаго, послѣ смерти своей.

*) Сокращеніе *селя-адамъ* т. е. избранный или достойный человекъ.

**) Послѣднимъ выражается отвѣтъ на привѣтствіе. Слова *селямъ алейкимъ* и *алейкимъ селямъ* въ библейскомъ языкѣ *шаломъ ддейтелъ* и *алейкимъ шаломъ* и теперь употребляются между кавказскими горскими евреями поселившимися въ этой странѣ за 7-мь столѣтія до Р. Х.

Въ силу этого почти въ каждой волости, вы услышите о существованіи одной, двухъ, а иногда и трехъ могилъ татарскихъ праведниковъ, подъ именемъ азизовъ. Съ первой юности я интересовался знать, какимъ образомъ татары открываютъ эти святости. Любознательность моя была удовлетворена только при первомъ путешествіи по Крыму. Вотъ рассказъ одного изъ эфенди, сообщенный мнѣ по этому предмету:

Приемъ усопшаго праведника въ списокъ азизовъ Алахъ объявляетъ народу посылкою на могилу его Нура (духа), въ видѣ зеленоватаго огня, въ ночь подъ пятницу. Открытіе азиза у насъ очень просто, продолжалъ эфенди. Достаточно нѣсколькихъ свидѣтелей, которые клятвенно увѣрили бы, что видѣли зеленоватый свѣтъ божественнаго огня надъ извѣстною могилою; сомнѣваться же въ клятвѣ почтенныхъ людей невозможно и грѣшно; а потому у насъ принято за правило, послѣ полученія такого заявленія, немедленно отправлять на мѣсто явленія Нура, одного изъ старшинъ сохта ближайшаго медресе, съ порученіемъ убѣдиться въ справедливости показанія свидѣтелей, и если доказательства не подвергаются сомнѣнію, водрузить на могилѣ зеленый значекъ и приказать загородить священное мѣсто, чтобы оно не подвергалось топтанію грѣшныхъ ногъ животныхъ и челоуѣка. Впослѣдствіи азизъ этотъ получаетъ названіе, или отъ мѣстности, на которой покоится, если только имя его не сохранилось въ народѣ, или по особеннаго рода чудесамъ, оказавшимся на прибѣгающихъ къ его покровительству.

Окончивъ первое путешествіе мое по Крыму, я узналъ, что не всѣ татарскіе азизы, которыхъ очень много, пользуются одинаковымъ почетомъ между татарами. Вольшинство ихъ совершенно забыто, но нѣкоторые ежегодно посѣщаются большими толпами мусульманъ. Поименую здѣсь нѣсколькихъ, съ объясненіемъ преданій. Первое мѣсто занимаютъ *Хырхъ-азизъ*, на пути къ Карасубазару, недалеко отъ русскаго селенія Зуя. Преданіе говоритъ, что эти азизы приняли мученическую смерть во время молитвы. Затѣмъ *Учь-азизъ* (трехъ святыхъ), около Бахчисарая, при д. Эфендыкой. Послѣднимъ при-

писываютъ доставку изъ Мекки волосъ Магомета, которые по настоящее время сохраняются у мѣстнаго шейха, въ серебряномъ футлярѣ, и показываются однажды въ годъ, и именно въ десятый день луннаго мѣсяца Ашыра. Изъ второстепенныхъ при д. Коктебель на высокой скалѣ, читается *Кемаль-бабай*, родомъ изъ шейховъ. Татары-туземцы сохраняютъ преданіе, что за нѣсколько дней до смерти этого праведника, сдѣланъ былъ ему вопросъ: гдѣ онъ желаетъ быть погребеннымъ? „Тамъ, гдѣ упадетъ моя палка“, отвѣчалъ онъ, бросая посохъ на воздухъ. Посланные слѣдить за полетомъ палки, нашли ее на этой возвышенности, около великолѣпнаго ручья и сочли долгомъ исполнить желаніе Кемаль-бабая. „Всѣ вѣрующіе въ милости этого азива, говорилъ мнѣ одинъ мулла, находятъ около могилы цѣлебный ручей, сокрушающій всякаго рода недуги; кто же не вѣритъ, тотъ не видитъ ничего кромѣ камней. При деревнѣ Унгуть—*Османъ-сытма*. О немъ говорятъ, что онъ собиралъ во всю свою жизнь милостыню и раздавалъ ее дѣтямъ, для удовлетворенія ихъ прихотей. При д. Корбекли (въ ялгинскомъ уѣздѣ) *Хазы-мансуръ-султанъ*, нѣкогда грозный воинъ. Туземцы вѣрятъ, что онъ прибѣжалъ къ мѣсту могилы своей съ отрубленною въ рукахъ головою. Въ Алуштинской долинѣ, не далеко отъ д. Шумма признанъ за азива приближенный Аджи-Али-паши, *Тузчи-оглу-Смаилъ-ага*, ранившій Кутузова въ глазъ и погибшій тогда же въ битвѣ съ русскими. Въ предмѣстіи Бахчисарая, Азизъ указываютъ на могилу *Адждидеръ-мелекъ-султана*. Преданіе говоритъ, что Адждидеръ-мелекъ служилъ воиномъ у Магомета и былъ посланъ имъ въ Крымъ (?) проповѣдывать коранъ; но, чтобы онъ не могъ нуждаться въ пропитаніи, пророкъ вручилъ ему собственноручно написанную дуву (молитву) противъ всякаго рода болѣзней, приказавъ продавать ее нуждающимся въ здоровьѣ по червонцу. Меня увѣряли, что молитва эта по настоящее время остается въ вѣдѣніи мѣстнаго шейха, продолжающаго торговать ею подъ названіемъ *алтынъ-дува*, т. е. золотая молитва. Адждидеръ-мелекъ, по мнѣнію татаръ, лишился головы своей въ 30-ти верстахъ отъ Бахчисарая, но Аллахъ прика-

залъ ему взять ее подь мышку и возвратиться на мѣсто жительства, въ предмѣстіе Бахчисарая. Кровь этого праведника, пролитая имъ по пути слѣдованія, тщательно была собрана вѣрнымъ слугою его *Келндже-ремомъ*, за что милостивый Аллахъ освятилъ и его прахъ посланнымъ съ неба Нуромъ.

Ничего не можетъ быть оригинальнѣе убѣждений крымскихъ татаръ относительно сокровищъ, зарытыхъ кѣмъ-либо въ землю. Убѣжденія эти преимущественно такого рода: многіе бездѣтные богачи, пріобрѣвшіе большое состояніе безчестнымъ образомъ, чувствуя приближеніе смерти, но чаще убѣжденные въ продолжительности болѣзни, зарываютъ свои богатства въ землю съ тѣмъ, чтобы сохранить ихъ въ цѣлости и пользоваться при выздоровленіи, но если они умираютъ, то до послѣдняго вздоха произносятъ заклятіе въ томъ смыслѣ, чтобы сокровищами ихъ воспользовался только тотъ счастливецъ, которому придетъ на мысль принести въ жертву за душу его задуманное умирающимъ животное. Въ противномъ случаѣ, да постигнетъ отважнаго искателя тяжкое бѣдствие, болѣзнь и т. п. несчастіе. Другаго рода предположеніе заключается въ томъ, что такъ какъ съ глубокой древности на крымскій полуостровъ безпрестанно находили варварскіе народы, съ цѣлью грабительства, то зажиточные туземцы находили благоразумнымъ, тайнымъ образомъ, скрывать свои богатства въ землѣ до тѣхъ поръ, пока миновала опасность и частенько умирали въ борьбѣ, не успѣвъ сообщить никому о мѣстѣ, куда складывали свое золото, серебро или цѣнныя вещи. По мнѣнію татаръ подобными сокровищами сейчасъ-же овладѣваетъ злой духъ, *) если только пріобрѣтатель ихъ, по волѣ Аллаха, дѣлался добычею шейтана или же зарылъ ихъ съ заклятіемъ. Въ первомъ случаѣ джинъ предоставляетъ ихъ кому заблогоразсудится по собственному произволу, но въ послѣднемъ слѣдуетъ только за выполненіемъ въ дѣйствительности заклинанія завѣщателя, котораго конечно никто не знаетъ,

*) У древнихъ грековъ были такія же убѣжденія. По ихъ вѣрованію всѣ сокровища, находившіяся въ нѣдрахъ земли, сторожились подземнымъ богомъ Гномомъ.

вслѣдствіе чего, случайно открывшій слѣды клада, попадаетъ въ сѣти безжалостнаго духа, который не щадитъ его. Вслѣдствіе такого рода убѣжденій, въ Крыму, въ каждой почти мѣстности, болѣе или менѣе населенной татарами, легко встрѣтить сумасшедшихъ, которые по общему мнѣнію ихъ поражены злымъ духомъ за смѣлое предпріятіе похитить чужое сокровище изъ земли, безъ выполненія воли завѣщателя. Я видѣлъ много такихъ умалишенныхъ. Такъ на примѣръ мнѣ указывали на молодую татарку, сидѣвшую неподвижно съ опущенными внизъ глазами, которыхъ она, по свидѣтельству родителей, никогда не поднимала съ той минуты, когда ее постигло несчастье, и именно со дня приступленія къ открытію клада, указаннаго ей во снѣ. Второй экземпляръ я не очень давно встрѣчалъ въ дер. Озенбапъ, гдѣ существуетъ заколдованная пещера въ скалѣ имунемой Хаплу-хая, куда рѣшился проникнуть деревенскій десятникъ съ цѣлью обогащенія и возвратившійся въ деревню безъумнымъ. Раньше мнѣ приходилось видѣть подобныхъ несчастныхъ, безъ сомнѣнія жертвъ страха: въ Симферополѣ, Бахчисараѣ и Карасубазарѣ. Сумасшествіе лицъ этихъ, подъ вліяніемъ убѣжденія, что они идутъ противъ непобѣдимаго бесплоднаго духа, имѣетъ особенный видъ, рѣзко отличавшій отъ умалишенныхъ, пострадавшихъ вслѣдствіе другихъ причинъ. Ниже мы скажемъ объ этомъ подробнѣе.

Къ поясненнымъ убѣжденіямъ татаръ, относительно кладовъ, слѣдуетъ прибавить, что они вѣрятъ въ существованіе и такихъ кладовъ, которые по волѣ, изъявленной хозяиномъ предъ смертью, должны въ указанное время достаться опредѣленной личности. И горе ей, если она откажется отъ завѣщанія: жестокія мученія будутъ сопровождать ее до послѣдней ступени гроба. Однако примѣровъ о послѣднемъ передаютъ немного и то по преданіямъ изъ минувшаго и чаще всего мнѣ приходилось слышать, что такіе люди наказывались тѣмъ, что всѣ червонцы, предназначенные имъ, превращались въ насѣкомыхъ, покрывшихъ все ихъ тѣло и отъ которыхъ не представлялось никакой возможности избавиться.

Кладъ, по мнѣнію татаръ пріобрѣтается безъ дурныхъ послѣдствій, слѣдующимъ образомъ: лишь только начнутъ являться во снѣ старики съ сѣдыми бородами или цыганки въ оборванномъ одѣяніи, указывающіе на мѣсто храненія его, который иногда обозначается свѣтящимся надъ нимъ огонькомъ, слѣдуетъ слышанное и видѣнное хранить въ глубокой тайнѣ отъ всѣхъ; затѣмъ надо узнать, какого рода требуется жертвоприношеніе. Для этого необходимо осыпать сомнительное или указанное во снѣ мѣсто, сквозь сито, золою, которую оставить неприкосновенно на всю ночь, а на другой день посмотрѣть какой покажется на ней знакъ или слѣдъ. Этимъ выскажется условіе, заповѣданное для счастливица—и благо ему, если онъ выполнитъ въ точности. Для большей ясности приведу случай, въ которомъ я въ юности моей былъ участникомъ и который долго томилъ меня раскаяніемъ.

Въ 1850 году при домѣ нашемъ жила молодая, очень веселаго характера татарка Зейнепъ. Женщинѣ этой, въ теченіи 25 ночей, постоянно снились цыганки, указывающіе ей на огромное сокровище, хранящееся въ одномъ изъ угловъ ея крошечной комнаты, будто-бы предназначенное ей съ давнихъ временъ. Бѣдная татарка пришла въ ужасъ и рассказала мужу, который запретилъ ей увлекаться плутнями хитрыхъ джиновъ и отнюдь не думать о пріобрѣтеніи богатства изъ ихъ рукъ. Однако приказаніе не принесло пользы и цыганки продолжали мучить просьбами и угрозами напуганную женщину. Разслабленная и изнеможенная она искала помощи и совѣта и рѣшилась открыться мнѣ. Въ тѣ годы юности я мечталъ о свободѣ и богатствѣ и слѣдовательно рассказъ Зейнепъ до того показался мнѣ благопріятнымъ, что я предложилъ ей услуги мои съ тѣмъ, чтобы имѣть право на половину всего, что будетъ нами найдено и требовалъ сейчасъ же приступить къ дѣлу. Татарка не иначе соглашалась какъ предварительно посовѣтывавшись съ какимъ-то колдуномъ. Я не противорѣчилъ. Нѣсколько дней спустя она сообщила мнѣ, что знахарь поручилъ ей осыпать чрезъ густое сито золою сомнительное мѣсто, для того, чтобы узнать, какую жертву она должна принести для достиженія счастливаго результата. Такъ какъ сдѣлать это не трудно было, то мы въ тотъ же вечеръ исполнили порученіе и я своеручно замкнулъ комнату, чтобы убѣдиться на сколько совѣтъ колдуна можетъ быть умѣстнымъ въ настоящемъ предиріятіи. На слѣдующее утро мы вошли въ счастливую комнату—но каково было мое удивленіе, когда Зейнепъ начала показывать мнѣ на отпечатленный на золѣ слѣдъ человѣческой нож-

ки, котораго я никакъ не могъ замѣтить. Споръ нашъ кончился тѣмъ, что татарка, убѣжденная въ необходимости жертвоприношенія единственнаго сына своего, отказалась отъ приобрѣтенія вклада. Все, что только возможно было сдѣлать для того, чтобы разувѣрить ее—я сдѣлалъ, но бесполезно; она оставалась при своемъ мнѣнїи. Приходилось подождать мѣсяць или два, пока сгладится непрїятное впечатлѣнїе. И дѣйствительно послѣ этого времени она изъявила согласіе вторично оснать комнату свою золою, но на этотъ разъ ей показалось изображеніе проточной воды. Зейнепъ обрадовалась легкой жертвѣ, которая въ тотъ же день съ избыткомъ была принесена, для размягченія отвердѣлой земли и на другой день мы приступили къ копанію. Два часа мы трудились безъ отдыха, послѣ чего, утомленный, я вышелъ на воздухъ, чтобы освѣжиться. Когда же я возвратился къ работѣ, нашель Зейнепъ лежавшую въ открытой нами ямѣ безъ малѣйшихъ признаковъ жизни. Ни вода, ни самый сильнѣйшій спиртъ и растиранія не принесли пользы. Быстро, обративъ комнату въ первобытное состояніе, я послалъ за медникомъ. По осмотрѣ послѣднимъ совершенно окостенѣвшей женщины, приказано было сдѣлать теплую ванну, а затѣмъ кровопусканіе. Ванна не принесла пользы, а крови не показалось. Въ такомъ положенїи оставалась татарка до вечера, пока возвратился ея мужъ и послалъ за муллою, извѣстнымъ между симферопольскими татарами за отважнаго борца съ злыми духами. Фереджелли-мулла явился и, послѣ нѣсколькихъ взглядовъ брошенныхъ на неподвижное тѣло Зейнепъ расположился у ноголовья ея и, вынувъ изъ запяски засаленную книжку, началъ чтеніе. Я слѣдилъ за каждымъ словомъ и дѣйствіемъ его; онъ просилъ у Бога изцѣленія этой женщины, во имя 366 пророковъ, бывшихъ на землѣ для засвидѣтельствованія славы Его, и усердно очищалъ прикосновеніе злыхъ духовъ дуновеніемъ въ уши и по всему тѣлу. Нѣсколько минутъ больная оставалась въ прежнемъ положенїи; но вдругъ она вскочила на ноги и ужаснѣйшимъ образомъ начала бить муллу, который съ трудомъ вырвался изъ рукъ ея и бѣжалъ. Зейнепъ начала громкимъ голосомъ пѣть и танцовать. Я нѣсколько разъ подходилъ къ ней и старался привести ее въ память, но оказалось, что она не видѣла, не слышала и не чувствовала даже сильнаго удара. Въ подобномъ странномъ сумасшествїи она оставалась съ начала масляной до чистаго четверга. Въ этотъ день я нашель ее спокойно лежавшую въ углу своей комнаты съ заплаканными глазами и лишенную дѣйствія языка. Увидѣвъ меня, она знаками попросила стаканъ воды; когда я подаль, она бросила въ него горсть земли съ того мѣста, гдѣ мы копали. Напившись этой воды, и умывшись, она заговорила и объяснила мнѣ, что сдѣланное ею средство было объявлено во снѣ какимъ-то старикомъ, раньше предсказавшимъ ей оцѣненіе. Я душевно былъ радъ ея выздоровленію и началъ хлопотать о подкрѣпленїи ея физическихъ силъ пищею, но прежде чѣмъ она успѣла проглотить му-

сокъ хлѣба, овятъ потерялась—и снова, судя по образу ея дѣйствій, она очутилась въ компаніи привидѣній. На второй день Пасхи страданія этой женщины увидѣлъ священникъ, прибывшій изъ Анатолиі за сборомъ подаеній и проживавшій нѣкоторое время въ Ливанскомъ монастырѣ, славномъ какъ извѣстно, по свѣдѣтельству путешественниковъ, изцѣленіями бѣсноватыхъ. Духовникъ этотъ увѣрялъ меня, что Зейнепъ находится въ бѣснующемъ состояніи и совѣтовалъ воспользоваться предложеннымъ имъ средствомъ, которое считается единственнымъ въ монастырѣ св. Антонія, куда десятками приводятъ подобныхъ несчастныхъ. Средство это заключается въ томъ, чтобы большую весты въ комнату, гдѣ присутствуетъ ликъ Іисуса Христа и читать надъ нею первую главу Евангелія отъ Іоанна съ тѣмъ, чтобы всѣ присутствующіе или повторяли слова апостола или читали съ усердіемъ другія молитвы, различные настоящему случаю. „Вы приведете страдальцу въ такое положеніе—связаль священникъ— что она обратится за помощію къ духу, овладѣвшему ею. Вы запишете имя, которымъ она назоветъ его и сожжете записку на свѣчѣ при громкогласномъ чтеніи 12 первыхъ текстовъ Евангелія отъ Іоанна—и она будетъ исцѣлена навсегда. Утопающій и за соломку хватается; въ такомъ положеніи находился въ то время и я, виновникъ страданій бѣдной женщины и конечно рѣшился, предварительно отправи сумасшедшей въ домъ умалишенныхъ, немыслить и это послѣднее домашнее средство. Чтожь оказалось? Какъ только татарка введена была въ комнату, гдѣ былъ образъ Спасителя, она какою-то неестественною силою была привлечена къ нему и поставлена на колѣни. Событіе это произвело странное впечатлѣніе на всѣхъ насъ, собравшихся въ числѣ 20 человекъ и говоря откровенно поощрило къ усердной молитвѣ. Слова Евангелія сначала мало дѣйствовали на страдальцу, но потомъ она стала чувствовать какую-то неловкость и безиременно оглядываться, далѣе старалась уже выйти изъ комнаты и все чаще и чаще улыбаться. Наконецъ она упала и обнаружила физическія страданія; между тѣмъ мы дѣйствовали съ возрастающимъ усердіемъ и вѣрою. Зейнепъ начала уже рвать на себѣ волосы и одежду и срезывать на насъ зубами, но взоры ея не сходили съ окна. Одинъ изъ насъ, увѣрявшій, что не безъ причины она обращаетъ ихъ туда, вздумалъ осѣнить окно крестомъ, татарка быстро отвернулась отъ него и съ улыбкою начала смотрѣть на потолокъ, когда же осѣненъ былъ знаменіемъ креста и потолокъ,—она съ тою же улыбкою перенеслась въ одинъ изъ угловъ. Заинтересованный этимъ страннымъ обстоятельствомъ, товарищъ мой продолжалъ крестить всѣ мѣста, куда она подымала и переносила глаза. Я не знаю, что съ нею дѣлалось или что ей казалось, но она такъ наивно хотела, что смѣшила и насъ. Но такъ какъ намъ было не до смѣха, то мы остановили дѣйствія товарища и продолжали указанное нами средство и только тогда добились предсказаннаго священникомъ успѣха, когда сами на-

чали требовать отъ нея названія духа, въ зависимость котораго она попала. При такихъ вопросахъ Зейнепъ обыкновенно оглядывалась къ себѣ за спину и общала ни за что не выдавать пріятеля, но на это у ней не достало силъ, и въ минуту, когда мы ее довели до высшей степени страданій, она завопила страшнымъ голосомъ: „*Авманшъ*, спаси меня!“ записавъ это имя, мы съ какими-то трепетомъ поднесли его къ свѣчѣ. Какъ только бумажка загорѣлась Зейнепъ громко зарыдала, но къ удивленію нашему оставалась въ одинаковомъ положеніи. Приходилось продолжать чтеніе и допросы. Вскорѣ мы заставили ее произнести еще три имени, которыхъ память моя не сохранила. Когда мы сожгли и ихъ, Зейнепъ поднялась съ мѣста и, поцѣловавъ всѣмъ присутствующимъ руки, благодарила за исцѣленіе ее.

Передавая событіе, которое совершилось на моихъ глазахъ и въ присутствіи многихъ стороннихъ свидѣтелей, я вовсе не думаю увѣрить читателя въ убѣжденіи татаръ о томъ, что клады стерегутся злыми духами, но мнѣ хотѣлось бы самому убѣдиться, вслѣдствіе чего именно, подвергаются подобнаго рода сумасшествію татаре, предавшіеся идеѣ обогащенія посредствомъ открытія кладовъ? Не составляетъ ли здѣсь важнѣйшую причину все таки наслѣдственное убѣжденіе, что клады находятся въ зависимости духовъ, которые въ силахъ поразить человѣка? По крайней мѣрѣ я, послѣ событія съ Зейнепъ, предполагалъ, что вѣрованіе это при внезапномъ сильномъ страхѣ понасться въ руки дьяволовъ, могло воспроизвести въ организмѣ женщины описанныя явленія. Я имѣлъ поводъ выводить такого рода заключеніе во первыхъ потому, что нѣсколько времени спустя самъ копалъ начатое съ Зейнепъ мѣсто и ничего не нашелъ, и наконецъ при распросахъ у Зейнепъ, вслѣдствіе чего она лишилась чувствъ при конкѣ со мною въ ту минуту, когда я вышелъ на дворъ, оказалось, что ей почудилось въ мое отсутствіе погруженіе въ землю, крики злыхъ духовъ, вопіющихъ, что она безъ жертвоприношенія сына думаетъ воспользоваться сокровищами ихъ и т. п. „Все это произвело во мнѣ такое ужасное ощущеніе—говорила она—что я начала цѣпенѣть и упала въ объятія четырехъ прекрасной наружности мужчинъ, которые не разлучались со мною до минуты выздоровленія“.

Въ послѣдующемъ отдѣлѣ мы познакоимъ читателя нашего съ татарскими пѣснями, гимнами, загадками, пословицами, сказками, анекдотами и т. п.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Второго тома.

	<i>Стр.</i>
Іудеи	1
Каранни съ типами	6
Господство генуэзцевъ съ видами	21
Турецкое господство съ типомъ	46
Армяне съ типомъ	61
Цыгане съ типами	71
Монголо-татары	81
Рукописи о Крымскихъ ханамъ	89
Время вступленія Монголовъ въ Крымъ	—
Степные татары съ типами	98
Крымскіе ханы	106
Послѣдній гирей и его судьба	127
Свошенія хановъ съ русскими царями	152
Обзоръ военныхъ дѣйствій татаръ	139
Придворный штатъ хановъ	159
Образъ правленія	161
Сословія	172
Походы русскихъ на Крымъ	186
Выписка изъ летописей и татарскія слова, принятія нами	192
Городскіе татары, значеніе ихъ между монголами, шейхи, жилища татаръ ихъ отличительность, семейный бытъ и т. п. съ типами	202
Судъ и расправа	231
Права владѣнія недвижимостію	237
Появленіе о Магометѣ и Коранѣ	240
Біографія Магомета по татарскимъ свидѣніямъ	243
Содержаніе Корана	268
Религіозныя правила, догматы и обычаи	273
Крымскихъ татаръ	—
Праздничные дни	329
Гимны	332
Обрученіе, свадьба, похищеніе дѣвицъ и разводъ	338
Мѣвнія татаръ о кладахъ	353

Въ приложеніи:

	<i>Стр.</i>
Пѣсни татарь	1
Иллагы (духов. пѣсни)	18
Пословицы.	21
Загадки	23

С к а з н и.

Арзы и Гамберъ	1
Дѣва моря	3
Трусь и чудовище	7
Водовозъ	11
Волшебный перстень	17
Несчастный царевичъ	21
Богатырь Фетла.	31
Шахъ Смаиль	38
Сейфилъ мюльклъ	48
Страмбухакъ счастливый.	70
Испытанія Сика.	80
Ашикъ Гарибъ	95
Хатемъ-тай.	115
Анекдоты	129
Различныя убѣжденія	143
Фразы, принятыя въ разговорахъ	147
Эмиграція Крымскихъ татаръ	—

ПѢСНИ ТАТАРЪ.

Крымскіе татары чрезвычайно любятъ пѣсни свои, которыя, при одиночествѣ или малѣйшемъ опьянѣніи, поютъ съ полнымъ увлеченіемъ. Пѣсни ихъ составлены въ риѣму и очень разумно, но, въ буквальный переводѣ, совершенно утрачиваютъ свое достоинство. Во избѣжаніе послѣдняго, мы употребляли всѣ усилія сохранить въ нижеприводимыхъ ихъ оригинальный смыслъ. Трудъ, конечно, доступный только людямъ хорошо знакомымъ со всѣми оборотами ихъ языка.

1.

Ты воду спустилъ къ камышу,
Но напрасно мечтаешь о милой сердцу.
Да наградишь тебя Аллахъ терпѣніемъ
Перенести горестную разлуку.
Посѣдѣли твой усъ и борода
И сгорбился твой ровный станъ,
Отъ скорби ужасной.
Но если спросятъ: не боленъ ли ты?
Отвѣчай, что есть рана въ твоей душѣ
И молись почаще святому Габріелю *).
Этотъ *мелекъ* (ангелъ) всѣхъ страждущихъ,
Спасаетъ отъ тяжкихъ страданій.

2.

Брови твои гнутся дугою,
Рѣсницы выпускаютъ стрѣлы,
Бѣлыя груди лавки открыли,
А щеки медомъ торгуютъ **)!)

3.

Какъ не плакать, какъ не тосковать,
Меня покинула возлюбленная.
Я одинъ на дорогѣ остался.
Ужъ лучше бы голова моя ударилась объ камень
И полился бы изъ глазъ кровавые ручьи,

*) Архангелъ Гавріиль.

***) Для примѣра, приведемъ татарскія слова: кашлеринъ чаталь-маталь, керпиклеринъ охъ атарь. Эй ахъ мемелеръ дуканъ ачмышлеръ, анахаринъ балъ-сатаръ!

Чѣмъ сдѣлать извѣстнымъ, что я скрылся тайкомъ.
И какъ возрадуются недруги злые,
Что невѣста моя идетъ замужъ за другаго.
Ахъ, какъ сильно горе любви:
Оно жжетъ сердце несгораемыми огнями.
Горе и вамъ братья, бѣдные мои,
Что преждевременно я погибъ отъ любви.

4.

Знаешь ли, что всѣ тебя хвалятъ.
И я пришелъ посмотрѣть:
Точно ли ты между красавицъ красавица?
Такъ ли это или нѣтъ?
Мнѣ говорили, что ты не ѣшь и не пьешь
И не скрываешься отъ мужчинъ
И что на бѣлыхъ грудяхъ твоихъ рай земной.
Если послѣднее справедливо, я пришелъ войти въ него.
Мнѣ говорили, что никто еще не ласкалъ тебя,
Что изъ глазъ твоихъ не спадали слезы любви
И что тебя никто еще не цѣловалъ,
Если все это справедливо, то поцѣлуй меня!

5.

На Крымскую войну.

Вотъ пришелъ медвѣдей медвѣдь,
Чтожъ намъ тебѣ сказать, гроза міра *)
И властитель нашихъ земель!
Все розой запахло. Пойдемъ же къ нашимъ!
Прежнія наши колючки нынѣ въ розы превратились,
Идемъ же скорѣе къ нашимъ!
Вотъ окружили меня злобные враги;
Шумять, грозятъ, но мнѣ легко на душѣ.
Идемте же, братья, на помощь къ нашимъ!
Побѣдили мы враговъ съ музыкой,
Кто теперь будетъ ласкать ихъ женъ?
Теперь мы медъ пьемъ,
Какъ прежде пили они.
Спѣшите же, друзья, скорѣе къ своимъ!

6.

Отуманились мои глаза
На подушкѣ страданій,
Всему этому причиною мои грѣхи.
— „Читай молитву, Господь больному врачъ“.
Ахъ, эфенди, у меня нѣтъ силы
Напиться воды самому.

*) Въ этихъ словахъ подразумѣвается султанъ обѣихъ Турціи и Мекки.

„Такъ повернись ко мнѣ лицомъ,
Я произнесу молитву за тебя.
Ты знаешь, что единый намъ врачъ
Господь милостивый на небеси.
Гаврииль ударилъ крыломъ въ небо
И небо покрылось ангелами,
Больные къ Богу обратились
И свѣтъ предъ нами возсіялъ“.
Охъ, этотъ свѣтъ для меня слишкомъ малъ.
— „Такъ молитву читай, Господь намъ единый врачъ!“

7.

Быть можетъ слѣдуетъ мнѣ сдѣлать добро
Вѣдь оно инымъ полезно, а другимъ вредно.
Вотъ, семьдесятъ два фонтана, шипятъ и плещутъ,
Но каждому Аллахъ указалъ дорогу теченія.
Такъ не вѣрь же духу зла: онъ разсудкомъ овладѣть,
А потомъ безжалостно погубить.
Ты знаешь, человѣкомъ править общество,
А обществомъ блистательный ханъ,
Но гибнетъ и послѣдній счастливецъ,
Когда въ душу его проникнетъ шейтанъ.

8.

Твоя наружность подобна жемчужинѣ,
А брови такъ хороши,
Что нѣтъ силъ терпѣнью.
Охъ, я умру, если ты не поцѣлуешь меня!
Твой подбородокъ розой пахнетъ;
Глаза милѣе ягодъ,
Щеки точно серебряныя
А родимки ихъ черныя.
Твои губки, какъ вишни,
Глаза огнемъ горятъ.
Какъ же могу жить я,
Не разцѣловавши тебя?

9.

Въ зеленое ты одѣлась — я согласился,
Осахарились твои губки — я не просилъ у тебя меду;
Если мы сойдемся вмѣстѣ,
Тогда на что мнѣ богатство другое.
Отдайся же мнѣ, иль возьми мою душу!
Будущность наша никому неизвѣстна,
Но упустивъ милую, простишь съ нею навсегда.
Неужели мои слезы ничтожны для тебя?
Моя милая всегда была предо мною
Съ червонцами моими на груди,

Но теперь она чего-то боится.
Охъ, отдайте мое богатство или возьмите душу мою!
Здѣшній міръ, вѣрьте, не для насъ,
Разлука или смерть, всегда не по сердцу намъ.
Всѣ окружены врагами и вѣрить имъ нельзя.
Охъ, отдайте мнѣ мое богатство или возьмите душу мою!

10.

Пѣснь плѣнницы.

Имя мое Эмине,
Я рабыня у Москова;
Со мной серьги золотыя
И серебряный кушакъ.
Ахъ, Али Османъ, спаси меня!
Вечеромъ обнимаетъ онъ тѣломъ мое тѣло,
Утромъ вооружаетъ противъ вѣры отцевъ,
Но на пальцѣ у меня твое кольцо.
Ахъ, Али Османъ, спаси меня!
Я въ славной Кафѣ была дочь аги *)
Одна одинокая у родителей,
Меня, какъ птичку въ клѣткѣ золотой,
Держали нѣжные родители.
Ахъ, Али Османъ, спаси меня!

11.

Первая война въ Багдадѣ была,
Тамъ чрезъ ровъ перескочилъ Кендже-Османъ
И лишившись знамени войны,
Онъ съ остатками войска бѣжалъ.
Осѣдлайте мнѣ двѣ лошади лучшія,
Я уничтожу всѣхъ моихъ враговъ.
И прежде разсвѣта двери Багдада
Отворилъ Кендже-Османъ.
Султанъ Муратъ пожелалъ его видѣть,
Каковъ онъ долженъ быть на видъ.
— Пожелаетъ ли онъ быть нашею?
Я сдѣлаю его нашею — сказалъ султанъ.
Склонился на ласки визирей Кендже-Османъ,
А утромъ въ часъ *абдеза* (умовенія),
Градомъ посыпались на него пули.
Чѣмъ ты хочешь быть: шейтомъ **) или газіемъ ***)?
Несчастный Кендже избралъ шейтство.

*) Чиновникъ.

**) Умершіе на войнѣ считаются шейтами.

***) А спасшіеся — газіями.

12.

Слава Господу, дождались мы лѣта.
Кукушки и синички настроили струны пѣнья,
У людей молитва на устахъ,
А утро одѣвается въ сіяніе рая.
Райскій базаръ тоже, что роза земная.
Господь сглазить пожелалъ соловья.
Двери рая теперь открыты
Если просишь что-нибудь, такъ правдою проси.
Въ роскошномъ Багдадѣ роза разцвѣла,
Глазъ Господній на все глянулъ
И на все живущее скроилась одежда
И каждое животное обрадовалось свободѣ.

13.

Прежде, чѣмъ загорится огонь,
Покажется сѣрый дымъ.
Въ садахъ повсюду хозяевами
Подѣлались сладкозвучные соловьи.
Близокъ часъ моего прощанія
И пламенемъ дышать мои глаза.
Завтра на справедливомъ судѣ
Я во всемъ до мелочи сознаюсь:
Ея ростъ выше тополей стройныхъ,
Ея станъ тоньше молодыхъ побѣговъ;
А голосъ слаще соловья.
Охъ, нѣтъ терпѣнья, пламенемъ горятъ глаза.
Хотѣлъ бы я быть камнемъ у ея дверей,
Бровью надъ нѣжнымъ ея глазомъ
Или парюю башмаковъ ея полной ноги.
Охъ, нѣтъ терпѣнья, пламенемъ горятъ глаза.

14.

Всѣ мысли мои я отдалъ ей,
Голова склонилась къ подушкѣ, глаза ко сну,
Ну, что если она увидитъ меня такимъ?
Открой мнѣ, море, дорожку къ милой,
Она живетъ тамъ за тобою,
Не зная, что въ нищетѣ блуждаю я.
Ахъ милая, почтожъ ты мучишь меня,
Если Богомъ ты мнѣ суждена?
Ангель ли ты въ земномъ убранствѣ,
Ребенокъ ли рѣзвый, непослушный,
Или неумолимый палачъ?
Ахъ, море, открой мнѣ дорогу къ милой!
Ростъ ея поспорить съ кипарисомъ,
Глаза съ блескомъ солнца и луны!
О, если я не умру, то, конечно, увижусь съ ней,
Если и ты море не жалишься надо мной.

15.

Для чего, красавица, ты бесѣдовала со мной,
Неужели для того, чтобы плѣнить меня?
Тебѣ вѣдь не больше 15-ть лѣтъ.
Скажи, зачѣмъ ты меня обманула?
Моя милая въ богатой комнатѣ лежитъ,
Какъ соловей въ золотой клѣткѣ кормится.
Всѣ угождаютъ ей, всѣ любятъ ея.
Отчего же она меня обманула?
Вотъ ужъ три дня, какъ я томлюсь,
Слезы льются изъ глазъ моихъ,
Но все не постигну, кто помѣшалъ
Свидѣться мнѣ съ милою подругою.

16.

Чудная, прекрасная и нѣжная,
Я очарованъ тобою
И удивляюсь тайной тоскѣ,
Равной тысячѣ мученій.
Сердце горитъ у меня огнемъ,
Какъ вспомню твои коски,
Словно нитки золотой бахрамы,
Или груди вздутыя и щеки алыя,
Или глаза чернѣе бровей.
Охъ, не быть мнѣ твоимъ,
Не прижиматься мнѣ къ твоимъ устамъ,
Я какъ соловей, отдѣленный отъ розы,
Лью фонтанами мои слезы.
Я не отличаю дня отъ ночи,
Клянусь мѣсто рожденія моего
И вѣчную разлуку мою.

17.

Отрывки изъ сказки „Корь-оглу“ *).

Корь-оглу поетъ: Съ возвышенности горы замѣтилъ я его
слѣды,

Не хотѣлъ видѣть, но увидѣлъ лицо Московя.

Или онъ возьметъ мою лошадь или я его,

Тотъ, кого именуютъ Реанъ-арапомъ—это я!

Армянинъ отвѣчаетъ: Реанъ-арапъ! тебѣ придется воз-
вратиться:

Верхомъ пріѣхаль—пѣшкомъ уйдешь.

Что ты скажешь, если я обезглавлю тебя?

Того, кого называютъ армяниномъ—это я!

Корь-оглу. Молодецъ спрыгнетъ и вновь сядетъ на коня,

---

*) Корь-оглу у татаръ считается баснословнымъ богатиремъ.

Молодецъ съумѣетъ скрыться отъ пули,
Молодецъ никого въ мірѣ не боится.
Реанъ-арапомъ всѣ именуютъ меня!
Я имѣю вѣрное извѣстіе отъ друзей,
Что въ лѣсу этомъ остановились купцы
И кормятъ въ волю своихъ лошадей.
Заплати же мнѣ гарачъ за этихъ людей!

Армянинъ. Въ этомъ лѣсу я славенъ
Убійствомъ и грабежомъ купцовъ;
Если ты хочешь узнать родину мою
Я сынъ воинственнаго Дагестана!
Ступай же прочь отсюда,
Не мечтай нападать на караванъ,
Онъ долженъ пройти свободно,
Пока охраняетъ его Армянинъ.

Корь-оглу. Если я именуюсь Корь-оглу,
Такъ я долженъ побѣдить тебя.
Если же не побѣжду,
Я въ безславіи погибну,
Воюя съ тобою, я или здѣсь умру
Или ты заплатишь гарачъ.

Армянинъ. Золото и серебро не дѣлаютъ чести булату,
Я не стану мараться пустяками
И сейчасъ взмахну окровавленной саблею.
Не тронь же караванъ—пусть пройдутъ купцы!

Корь-оглу. Если я Корь-оглу, а ты армянинъ,
Такъ я принесъ съ собою индѣйскіе башмаки.
А есть ли у тебя султанскій фирманъ?
Заплати гарачъ и пусть пройдутъ купцы!

Армянинъ. Если ты Корь-оглу—такъ я армянинъ
И у меня есть Индѣйскіе папучи.
Покажи-ка ты султанскій фирманъ
Или отступись—пусть пройдутъ купцы!
Схватились два богатыря,
Призвавъ на помощь Аллаха.
И сильный армянинъ уже къ землѣ
Пригнулъ мощнаго врага.

Тогда Корь-оглу закричалъ:
„Спѣши, спѣши на помощь, Айвазъ.
Моя кровь обогреть этотъ лѣсъ.
И жертвой армянину послужить душа,
Онъ убьетъ меня, этотъ армянинъ!“
Айвазъ успѣлъ явиться.

Египетской саблѣ далъ толчекъ.
Спустилъ армянина съ лошади.

„Браво же тебѣ, славный Айвазъ!“

И освобожденный Корь-оглу, оправившись, снова натануль
шапку на брови и громкимъ голосомъ запѣлъ любимую свою пѣсню.

Эй, я одинъ именуясь Кёръ-оглу..
Изъ лѣсовъ перехожу въ лѣса,
И всѣмъ проходящимъ золотымъ кистенемъ
Дроблю головы! *).

18.

На Крымскую войну.

Какъ стаи птицъ, несутся бѣлокрылые корабли,
Отбрасывая за собою черную тѣнь.
Съ нихъ выбѣгаютъ съ крикомъ баши-бузуки:
„Идемъ дружиѣ на Севастополь,
Чтобы прославить Балавлаву!“
Ахтиаръ **) грозно смотритъ на враговъ,
Въ немъ текутъ ручьи крови
И всѣ умираютъ, какъ животныя.
„Идемъ же на Севастополь,
Чтобы прославить Байдары!“
Ахтиаръ городъ не великій,
Но погибшимъ въ немъ счету нѣтъ.
Ахъ, султанъ, да будетъ вѣкъ твой безконеченъ!
Прекрати свой гнѣвъ ужасный:
Ты заставилъ вздрогнуть не только людей,
Но горы и скалы родины моей.

19.

Мостъ уже моста, но всѣ они служатъ намъ,
А между этими дѣвками, нѣтъ ни одной любящей меня.
На айвовой вѣткѣ ты ищешь небывалаго плода,
Подумай, вѣдь ты хорошая пара для меня!
Длинень, длинень базаръ, любезная и тамъ меня встрѣчаетъ.
Ее я полюбилъ тайно болѣе семи лѣтъ,
Но всетаки хитрые люди узнали.
Взошелъ я на гору и прижался къ дубу одинокому.
Ой дѣвы, дѣвы молодя, какъ вы похожи на райскихъ птицъ.
Носятъ онѣ золото на груди и пріятно поютъ,
Когда въ душѣ ихъ есть чувства.
Изъ нихъ одна сбѣтъ васильки,
А другая выбрасываетъ сѣмена;
Моя же милая жаждетъ видѣть только меня.
Звѣздъ на небѣ много, но лучшихъ 160-тъ.

---

*) По татарски: Эй бенъ биръ Кёръ-оглу имъ.
Даггердъ даглере геверимъ,
Алтынъ тогузненъ
Башинъ эзеримъ!

Послѣднія двѣ строки въ буквальномъ переводѣ означаютъ: золотымъ шаромъ давилъ или раздавливаю голову.

**) Севастополь.

Много красивыхъ бровей я видѣлъ,
Но красивѣ твоихъ не можетъ быть.
Я знаю, что всѣ люди созданы изъ земли,
Но ты, навѣрно, дочь святаго духа.
Рождается мѣсяцъ и на отдыхъ спѣшитъ;
Моя же полнощекая о другомъ думаетъ:
У ней дрожить сердце и томится душа.
Настанетъ вечеръ, мулла изанъ споетъ
И запахнетъ васильками Мекка.
Если спросятъ, что дѣлаетъ твоя милая?
Отвѣчай: коранъ твердитъ наизусть.
Настала ночь и сомкнулись мои глаза,
Мнѣ все чудилось, что милая около меня,
Но то былъ лукавый, сонъ
И горько проснулся я.
Ахъ! гвоздика не разомъ расцвѣтаетъ,
А я съ горя вдругъ завяну,
Но расцвѣту, когда любезная будетъ моею.
Она любить меня такъ сильно,
Что, туманъ не собьетъ ее съ пути,
Золото не заманитъ блескомъ—
И будетъ она любить меня до той поры,
Пока въ груди ея не погаснетъ вѣра отцевъ.

20.

Много розъ цвѣтутъ въ садахъ такъ красиво,
Что бальзамомъ мажутъ по сердцу,
Но что пользы, когда онѣ цвѣтутъ не для меня!
Много женщинъ прелестныхъ, какъ бѣлыя лиліи,
Но что пользы, когда ни одна не любитъ меня!
Ай, овечка, ай кудрявая овечка,
Какъ сладко ты смотришь мнѣ въ глаза,
Но не любишь ты вовсе меня!
Горитъ на небѣ свѣтлая звѣзда,
Она красивѣ всѣхъ звѣздъ небесныхъ;
Но вдругъ она потухла для меня
И нѣтъ уже на небѣ другой такой звѣзды.
Напрасно бѣднякъ подымаетъ къ небу глаза,
Аллахъ потушилъ ее навсегда,

21.

И дождь идетъ, и снѣгъ идетъ,
И буря бушуетъ—
Это милости Аллаха.
Бахчисарай—жительство хановъ.
Лѣто въ лѣтѣ проходить,
Зима въ зимѣ летитъ.
Кто узнаетъ этотъ городъ,

Тотъ найдетъ въ немъ цѣлый рай дѣвицъ.
Корми лошадь, она будетъ хороша,
Дурной-же дѣвицѣ повѣсь камень на шею,
И въ море глубокое забрось,
А хорошей дай яблоко и въ губы поцѣлуй.

22.

Въ Хызыль-ярѣ поставимъ
Мы царя нашего съ женою бѣя,
Разодѣнемъ его пышно, какъ султана,
На зло врагамъ нашимъ.
Молодцы, сѣдая лошадей,
Туго натягиваютъ подруги,
Чтобъ бѣдѣ не случиться.
Служилъ я работникомъ у богача,^б
И пріятно мнѣ было жить у него.
Лежу я, однажды, завернувшись въ чепмень,
Смотрю: предо мною *келенджекъ* *) молодая.
„Сито, сказала—рѣшето—сказала,
Молодца прочистить мнѣ нужно“.
Лишь только сказала, молодецъ убѣжалъ,
Далеко на сѣверъ Ахъ-сарая,
Но только возвратился и въ двери вступилъ—
Келенчекъ ужъ была въ объятіяхъ его.
И ну тащить его къ себѣ.
Вошелъ онъ къ ней: самъ не свой,
И постелилъ постель мягкую.
„Ну, ляжемъ, сказалъ онъ,—и поговоримъ,
Что мы видѣли и слышали.
Если начнемъ тратить время на пустыки,
Говорить она,—ты будешь дуракомъ.
И заснули мы сладкимъ сномъ.
Прошла полночь. Вдругъ арба остановилась у дверей,
И вошелъ хозяинъ. „Открой твое одѣяло и положи ко мнѣ
на грудъ
Твои коски мягкія, сказалъ хозяинъ.
„Аллахъ, Аллахъ, отвѣчала келенчекъ,—съ тѣхъ поръ, какъ
ты уѣхалъ,
Я страшно заболѣла и нѣтъ охоты ни къ чему.
Не прикасайся сегодня ты до меня
И ложись около печи, подальше въ углу.
Легъ богачъ и крѣпко, крѣпко заснулъ,
А я съ разсвѣтомъ пошолъ домой.

23.

Еслибъ я умѣлъ хранить тайну,
Я не попалъ бы въ бѣду ужасную.

---

*) Келенджекъ незнается въ теченіи года дѣвица, вышедшая замужъ.

Долго я мучился и страдалъ душою,
Въ надеждѣ, что пройдетъ бѣда сама собой,
Ахъ, повелитель, ахъ султанъ, ты не смѣйся надо мной!
Ты самъ вырвалъ тайну изъ устъ моихъ,
Не отказывайся-же отъ дѣяній своихъ.
Думалъ я долго, что бѣды не было,
Но привычка любить сгубила меня.
Ахъ, эфендымъ, ахъ султанымъ, открылъ я тайну тебѣ,
А ты безжалостно сгубилъ меня.
Я отдалъ тебѣ мою жизнь, но ты не сберегъ ея.
Пропала моя вѣра въ тебя,
Но, повѣрь, красавицу нѣжную
Я снова найду: она будетъ моя,
Я душу мою положу за нее.

24.

Полюбилъ красавицу я безумно
И глаза мои залились слезами,
Сердце бѣдное запылало огнемъ,
А душа зарыдала кровью.
Взялъ я въ руки перо,
Чтобъ написать ей объ этомъ,
Но загорѣлась бумага подъ рукою,
А перо заплакало кровью.
Сорвалъ я розу изъ сада,
Чтобы надѣтъ на бѣдную мою голову,
Но загорѣлись лепестки ея,
А колючки залились кровью.
Взялъ я въ руки *сазъ* *),
Хотѣлось въ честь милой пѣсню сыграть,
Но загорѣлась балалайка,
А струны зарыдали слезами.

25.

Предъ домомъ нашимъ тишина:
Не шумятъ уже подносами съ пилафомъ.
Говори, что тебѣ надо, вѣдьма старая,
Вѣдь дочь твоя любитъ меня давно.
Мѣсяцъ рождается краснымъ,
Но къ разсвѣту онъ блѣднѣетъ.
Вѣдь она у тебя только одна дочь
И ты любишь ее безумно.
Рѣка вьется пеленою и на поворотахъ отдыхаетъ,
А моя красавица бѣжитъ ко мнѣ безъ отдыха,
Въ рукахъ она держитъ цвѣтной платокъ
И имъ вытираетъ слезы веселья.

---

*) Многострунная балалайка.

Деревья гнутся и шумят,
Когда буранъ мчится стрѣлю,
Но двѣ головы на одной подушкѣ
Не боятся никакихъ бурановъ.
На красавицѣ моей чистая сорочка.
Она перемѣняетъ ихъ каждый день,
Но горе ей, если съ ними вмѣстѣ
Она скинетъ съ себя любовь ко мнѣ.
Ее я полюбилъ, какъ душу мою,
И умру на пламенныхъ ея устахъ.

26.

Въ трехъ словахъ я понялъ дѣло
И безъ труда соткалъ полотно,
Но это не доставило мнѣ удовольствія
И я забылъ красавицу.
Хочешь я азбуку тебѣ напишу
И брови черныя нарисую,
Но какъ мнѣ измѣнить твою судьбу,
Когда Аллахомъ мнѣ не суждено тебя любить.
Я знаю, что если дѣва полюбитъ джигита,
Джигитъ обязанъ отвѣчать ей тѣмъ-же
И если полюбитъ, то каждый день
Будетъ представлять эмблемы любви.

27.

Вошелъ я въ садъ, споткнулся и легъ
Подъ тѣнистыми деревьями.
Охъ, красавица, приди ко мнѣ,
Я положу голову на твои мягкія колѣна
И посмотрю въ твои глаза.
Тамъ на полянѣ я видѣлъ тебя между трехъ.
Ты была всѣхъ красивѣе. Мнѣ жарко стало
И я выпилъ цѣлый кувшинъ *язмы* *);
Послалъ тебѣ я *антеръ шамаладжовой*, **)
Пришелся-ли онъ на тебя, красотка?
Ты просишь прислать и шаль большую.
На чтоже тебѣ шаль, моя дорогая,
Когда красота твоя мнѣ дороже всего?
Ты сладка, какъ медъ Крымской пчелы,
Чего еще желать тебѣ? Приди лучше погулять
Подъ тѣнистыми деревьями со мной.

28.

Ранилъ я голубя въ сердце,
Но кровь не потекла изъ раны.

*) Катывъ, распущенный на водѣ.

**) Турецкая шелковая матерія. Антеръ значить тоже, что кафтанъ.

Любилъ я красавицу пылко,
Но разлюбила она меня.
Сдѣлалъ я буеть изъ степныхъ гвоздизъ
И подошелъ къ ея дверямъ:
Отвори мнѣ, моя бѣлая гвоздичка,
Иначе я околю отъ холода ночи.
Твой пламенный поцѣлуй согрѣетъ меня,
Аллахъ за то помилуетъ тебя!
Не обозвалась злодѣйка. Заплакалъ я горько
И своеручно на дверяхъ ея написалъ:
Аллахъ всемилостивый поразитъ тебя
Болѣзнию долгою, злодѣйка молодая.

29.

Ахъ—сказала—и вздохъ вырвался съ проклятьемъ—
Пусть слезы мои скують тебя.
Ахъ—сказала—и вздохъ вырвался второй,
Пусть кровь невинности моей
Сядетъ бѣльмомъ вѣчнымъ
На зрачки твоихъ глазъ!

30.

Кто этотъ безумный, въ зеленое одѣтый?
Неужели онъ святой? Не можетъ быть: онъ молодъ.
Онъ навѣрно безумный, иначе не можетъ быть,
Потому что не удостоилъ красавицу взглядомъ.

31.

Къ тремъ красавицамъ я равнодушенъ сталъ
И море скорби я въ душѣ испыталъ;
Но которую изъ нихъ предпочесть,
Я и самъ не знаю. Гей, гей, гей!
Изъ нихъ одна стройна, какъ тополь Стамбула,
Другая съ гибкой тальею и свѣжа, какъ роза,
А третья небольшая, но какой сладкій языкъ!
Которую-же изъ нихъ полюбить
Я самъ незнаю. Гей, гей, гей!

32.

Ее я видѣлъ у дверей бани
Въ зеленомъ одѣтъ былъ мой мелекъ
Локти ея блистали хрустальемъ,
А глаза чернымъ алмазомъ.
О Аллахъ могущественный,
Не допусти меня лишиться ея любви.

33.

Полюбивъ красавицу молодую,
Глаза мои испустили кровавыя слезы

И не глаза одни, но и все тѣло зарыдало ими.
Спустился я въ садъ любвицы моей,
Гдѣ розы какъ *филиджаны* *) цвѣтутъ,
У нея вся шея въ родимкахъ, точно жемчугомъ унизана.
Приди, красавица, прижмись къ моей груди
И сольемся мы въ одну душу.
О Аллахъ, ты отведи глаза мои отъ дурнаго
И не лиши меня ея любви.
Гей, гей, гей!

34.

На выходъ татаръ въ Турцію.

Окружности Стамбула въ садахъ,
Слава Аллаху, мы свободны отъ русскихъ.
Эй, народъ, пора намъ восвояси,
Пора пророка узнать.
Привѣтъ вамъ ласковый готовъ
Въ Стамбулѣ правовѣрные,
Тамъ-то будетъ намъ раздолье,
Запируемъ мы на свободѣ
И свадьбамъ нашимъ не будетъ конца.
Эй, народъ, сиѣши-же, пока не прошло время,
Пора намъ пророка почитать и проч.

35.

Т о ж е.

Открылся намъ путь желанный
И моремъ, и сухимъ путемъ,
Аллахъ да сопутствуетъ намъ!
Соберемся-же, братья, въ родной кружекъ
Аллахъ да будетъ нашъ покровитель!
Идутъ, бѣгутъ толпами наши братья,
Бросая родственниковъ и друзей.
Смотрятъ имъ вослѣдъ несчастныя матери,
И обливаются кровавыми слезами,
Окружности Крыма синимъ моремъ обведены
И полны бѣлокрылыми кораблями,
Съ Богомъ-же друзья и родные!

36.

Дѣвушка пока слыветъ зя красавицу,
Щеки ея на розу походятъ.
Сосавши черешню губами,
Сахаръ и медь ощущаешь,
Джигита же, разлученнаго съ другомъ,

---

*) Чашки кофейныя.

Тяжкій жребій ожидаеть.
Брови черныя, рѣсницы черныя,
Шея бѣлая и родимки рядами!
Когда съ высоты летѣлъ я,
Ты въ сѣти поймала меня.
Не рабомъ ты сдѣлала меня
И не свободу ты мнѣ дала.
Я зналъ тебѣ цѣну,
Но ты ни за что продала меня.
Брови черныя, рѣсницы черныя,
Шея бѣлая и родимки рядами!
Можно ли, эфенди, на красномъ,
Изобразить черныя пятна!
Ахъ, какъ тяжело такое назначеніе!
Прижалъ бы я тебя къ тѣлу моему
Какое-бъ было наслажденіе!
Брови черныя, рѣсницы черныя,
Шея бѣлая и родимки рядами!

37.

Богъ свидѣтель, что я убила мужа *).
Любовь съ боязнію были этому причиной.
Ахъ, зачѣмъ я любила такъ безумно
Юношу чужаго и его съ собою погубила?
Охъ, какъ тяжело вспоминать,
Когда арба подвезла меня къ дивану **)
И какъ грозно судьи посмотрѣли на меня.
И предъ собраніе гяуровъ холодныхъ
Предсталъ малютка, мой сыночекъ,
И этотъ малютка обвинилъ въ убійствѣ
Свою родную мать.
Нерасцвѣтшей розой я была,
Расцвѣла—завяла.
Жаль юности моей,
Она вспыхнула и сейчасъ погасла ***).

38.

Живи, живи моя лошадушка,
Живи тысячу лѣтъ.
Я закажу тебѣ подковы золотыя,
А грива твоя не хуже волосъ красавицы;
Привязалъ лошадушку я къ гранатовому дереву,
Гривою она обняла розовый кустъ,

*) Пѣсья эта сочинена въ 1847 году, по случаю убійства, совершеннаго молодою татаркою въ окрестностяхъ Бахчасарая.

**) Присутственное мѣсто.

***) На татарскомъ, послѣдніе 4 стиха очень хороши: Ачылманшы гудъ эдымъ, ачылдымъ солдумъ. Языкъ бевымъ кендже ашима яндымъ сондумъ.

Поклонись же отцу моему пашѣ,
Твоя грива лучше косокъ красавицы!
Узорчатыми подковами тебя я поддеую,
Сорока красавицамъ попонку закажу,
Направлю твой бѣгъ въ роскошную страну,
О твоя грива лучше волосъ красавицы!
Подведите мою лошадь къ камню,
Прикрѣпите къ сѣдлу пистолеты
И поклонитесь отцу моему пашѣ.
О твоя грива лучше волосъ красавицы!
По берегамъ рѣки растутъ камыши,
Но они растутъ бесплодно.
Проси, сколько хочешь, золота и серебра,
Тебѣ не откажетъ отецъ мой паша.
Взобравшись на лошадеу
Богъ дастъ я не допущу,¹
Чтобы тѣло мое съѣли птицы.
О твоя грива лучше волосъ всѣхъ красавицъ!

39.

Эльмазь. *)

Грустно, тяжело, но, слава Богу,
Есть вѣрная надежда не тосковать.
Не говорилъ ли я тебѣ, милая,
Что съ помощью Бога мы сойдемся?
Бери деньги изъ казны моей,
Фрукту лучшую не щади,
Пей и ѣшь, милая Эльмазь.
Въ садъ вошла овечка
И къ намъ прильнула Эльмазь.
Въ садахъ ты ходишь
Цвѣтами восхищаешься,
Но какъ бы хороша ты ни была,
Все таки пуговен на одеждѣ растегнешь!..
Въ садахъ растутъ сливы,
Но и шальвары не безъ прорѣхъ.
Иди же за мною въ рошу,
Я открою тебѣ тайну, любезная Эльмазь!
Въ садахъ растетъ чудный виноградъ,
Ну, что онъ въ сравненіи съ твоими глазами, Эльмазь?
Не умирай, повелительница моя,
Да не постигнетъ тебя ни зло, ни бѣда;
Рай да будетъ твоимъ назначеніемъ

---

*) Пѣснь эта извѣстна подъ этимъ заглавіемъ всѣмъ почти татарамъ, которые приписываютъ ее перу Газій-герей—хана, автору извѣстныхъ стиховъ: Соловей и роза.

И да не зришь ты ада, любезная Эльмазь!
Бъ садахъ бываетъ сырость и болота
Но когда роза расцвѣтетъ, все высыхаетъ.

40.

Со скалы на скалу пустиль я сокола, *)
Страданіями и вздохами я жизнь провель.
Ахъ, еслибъ подъ скалою я превратился въ камень,
А надъ этимъ глазомъ былъ бы бровью!
Подъ скалою растетъ черешня.
Какъ она роскошна и красива!
Охъ, такъ или иначе, но вечерняя бесѣда
Съ красавицею отраднa бываетъ.

Всѣ эти пѣсни поются давно въ Крыму, но авторы ихъ неизвѣстны. Изъ новыхъ извѣстна только одна, приписываемая Алуштинскому жителю Муртазѣ. Вотъ содержаніе ея:

Подай мнѣ огня папиросу поджечь,
Да, иди я полюбуюсь тобою.
Ахъ, что за красивая у тебя шея!
Я одѣлъ бы ее въ червонцы желтые.
Въ четвергъ я пойду по дѣламъ,
Такъ велитъ предопредѣленіе,
А кто смѣетъ мѣшаться въ его дѣла,
Кто осмѣлится противорѣчить судьбѣ?
Ахъ, милая, пѣснь моя отпѣта,
А умъ утерянъ въ борьбѣ жестокой.
Въ пятницу я пойду по дѣламъ
Такъ желаетъ судьба,
А кто, вправѣ мѣшаться въ ея дѣла,
Кто осмѣлится противорѣчить судьбѣ?
Въ праздникъ въ мечети читаютъ проповѣдь,
А у Муртазы жизнь догораетъ.
Я чувствую, что рай близится ко мнѣ.
Ахъ, милая, пѣснь моя уже отпѣта,
А разсудокъ исчезаетъ въ борьбѣ.
Да будутъ прокляты деньги.
Муртаза былъ джигитъ, умный
И красивѣе всѣхъ въ Алуштѣ.
Но ахъ, милая, пѣснь моя отпѣта,
А разсудокъ утраченъ въ борьбѣ.

Кромѣ этого рода пѣсенъ у степныхъ татаръ существуютъ импровизациі или такъ называемые чины. Чины эти создаются экспромптомъ молодыми людьми или дѣвушками, смотря по поводу подслушаннаго разговора, но, еъ сожалѣнію, они не записываются и передаются забвенію. Я только разъ успѣлъ замѣтить на скоро три чина на одномъ дѣвичьемъ вечерѣ. Первый сказанъ

*) Эта пѣснь начинается у татаръ словами: *Хамеденъ гаме шаанъ учурдумъ.*

былъ молодымъ татаринѣмъ вслѣдствіе того, что одна изъ дѣвицъ назвала его: дитя мое. На это онъ отвѣчалъ:

„Ты сдѣлалась моею матерью,

Такъ уважи мнѣ моего отца?

„Ты ужъ много сказала,

Чтобы оскорбить молодца!

Второй чинъ сказанъ былъ дѣвицею, предъ которою улынулся джигитъ:

Семинаристы носятъ шубки,

Но вѣдь онѣ безъ подкладки.

Что же ты скалишь зубы

Если подъ улыбкою нѣтъ ума?

Послѣдній же сказанъ былъ при вопросѣ, что можетъ быть пріятнѣе.

Прелестны твои глаза,

Сладки твои слова,

Пріятна твоя пища и вода,

Но то ли дѣло, мой другъ, ты сама!

Духовкыя пѣсни (Иллагы, т. е. гимны)

Что ты обманываешься этимъ міромъ,

Развѣ возможно не умереть?

Развѣ дѣтямъ, женамъ и отцамъ

Не опредѣлено идти однимъ путемъ?

Тамъ (на небѣ) откроется занавѣсъ судилища,

И затрепещетъ языкъ грѣшника.

Развѣ есть средство избавиться отъ савана

И жизни временной на черной землѣ?

Душа! съ тобою всегда Израиль (ангелъ),

Но духъ злой тебя возмущаетъ.

Упавши на гробовую доску,

Развѣ есть возможность не лежать?

Тамъ (на небѣ) подведутъ тебя къ судилищу,

Потребуютъ отчета за жизнь.

Развѣ есть возможность чловѣку

Избѣгнуть страшнаго суда?

2.

Что сдѣлаетъ въ мірѣ Абибула!

Онъ приметъ отчеты отъ смертныхъ,

Онъ приметъ и могилы отъ ангеловъ.

Да освятитъ, Аллахъ, мой смертный часъ

Для радости въ жизни другой.

Эбу-Бекиръ да будетъ имамомъ на землѣ,

И просвѣтителемъ вашимъ, друзья.

„Держи же мой совѣтъ, Али,

И будетъ властелиномъ народа послѣ меня,

Чтобы омыватъ грѣшниковъ отъ нечистотъ.“

Али отвѣчаетъ: на что мнѣ власть надъ міромъ,
Когда въ мірѣ не будетъ тебя?
„О я долженъ оставить этотъ міръ, Фатьма,
Благословивъ васъ всѣхъ на многія дѣла.

3.

Вышелъ, вижу кипарисы рубятъ.
„Это могилу твою роютъ—сказалъ Магометъ—
А на пеленахъ молитвы пишутъ.“
Смерть! почему нѣтъ средства противъ тебя?
Мать, если узнаешь ты про часъ моей смерти,
Смотри, хорошо уברי мои волосы.
Гдѣ мой сынъ? тогда ты спросишь
И пожалѣешь, что нѣтъ средства противъ смерти.
Голову мою тогда я положу къ тебѣ на колѣна
И, поворачивая ею въ безсиліи предсмертномъ,
Стану смотрѣть тебѣ въ глаза.
Смерть не кстати покищаетъ молодыхъ,
Но, увь противъ смерти нѣтъ средства!

4.

Душа! проси у Бога духа святости,
Мысли, желайте добрыхъ дѣяній.
О, скажи мнѣ откровенно *я ресульулла* (посланникъ)
Ты есть духа этого отецъ?
Да будетъ же жертвою моя душа.
Не отклоняй меня отъ дверей своихъ, *я ресульулла!*
Слава тебѣ, въ твоихъ рукахъ могущество,
Ты въ несчастьяхъ утѣшеніе, *я ресульулла!*
Правотой ты названъ и даешь благополучіе
Ты есть книга милостей—*я ресульулла!*

5.

Судилище перешло на небо,
Народы съ трепетомъ предстали
И полились слезы ручьями.
Что кто сдѣлалъ въ мірѣ,
О томъ будутъ допрашивать.
Тогда никто не подумаетъ о смерти.
Ни одна жена не позаботится о мужѣ,
Дѣвицы не стануть прятаться,
А юноши стѣсняться ихъ.
Теперь же хаджіи *) забыли дорогу чести,
Шейхи не идутъ по стопамъ отцовъ,
Кадіи перестали любить правду,

*) Бывшіе въ Меккѣ.

А правители—правосудіе.
Ученый софу бродитъ въ безвѣріи,
А остальные всѣ хуже его.
Народъ противится правому ученію;
Пишущіе хорошо, дѣлаютъ тоже самое.
Таковъ ужасъ на нашей землѣ.

6.

Ахъ боюсь, чтобъ солнце не повернулось!
Ахъ, не слѣдовало бы мнѣ родиться отъ матери
Въ этотъ несправедливый міръ.
Чтобы не ощущать адскихъ мученій.
Боже, спаси насъ и не доведи до безвѣрія.
Тамъ на небѣ закрыты двери раскаянія,
О бѣдный Коранъ, ты не понятенъ теперь людямъ!
Но, тамъ не будетъ ни слезъ, ни прощенія.
Ангелъ придетъ, вѣрьте, не вѣрьте
И душа выйдетъ изъ этого тѣла
И тѣло это останется бездушнымъ.

7.

Нашъ домъ не здѣсь, гдѣ мы временные гости,
Но у насъ есть другой домъ
И тысячу лѣтъ прожившій здѣсь,
Все таки долженъ возвратиться въ свой домъ.
О смерти никто не знаетъ, но узнаетъ,
Когда приблизится часъ ужасный,
Тогда онъ возопіетъ: *аманъ, аманъ* *)!
Ушедшій изъ міра сего не возвратится,
Такъ точно, какъ вошедшій въ другой міръ.
Гафилли (безумные) этого не знаютъ, но узнаютъ,
Когда приблизится страшный часъ.
Тогда, сдѣлавшись умными, они скажутъ:
Возвратите насъ въ прежній міръ,
Мы теперь знаемъ, за что наказываются люди.
Имъ отвѣтятъ: возвратитесь вы тогда,
Когда наступитъ часъ небснаго суда.

8.

Справедливъ Аллахъ Всемилостивѣйшій
И святы составитель гимна на славный рамазанъ.
„Къ ушамъ, къ ушамъ **): *Аллахъ икъ бергъ* ***)!
Коранъ сошелъ съ неба въ мѣсяцъ Рамазанъ,

*) Крикъ отчаянія.

**) Татары при молитвѣ подносятъ руки къ ушамъ.

***) Т. е. Господь великъ!

И всему міру онъ извѣстенъ сталь.
Аллахъ во всѣхъ видахъ можетъ являться людямъ,
Такъ и ангелы сходятъ къ праведнымъ
И подносятъ имъ дары отъ Нура (св. Духа).
Ангелы всю ночь перебрасываютъ четки
И славятъ господина своего, летая надъ міромъ.
Они запираютъ врата ада, низвергая злыхъ людей,
Но кто добръ, тотъ будетъ въ раю съ добрыми людьми.

Пословицы (текерлеме).

- 1) Два паяца не могутъ плясать на одной веревкѣ.
- 2) Заставившій плакать другихъ—самъ не возрадуется.
- 3) Въ чужую дверь не стучи, если не желаешь, чтобы стучали въ твою.
- 4) Дерево должно гнуться съ молодости.
- 5) Если не можешь угодить—такъ не оскорбляй.
- 6) Не по лошади, такъ по сѣдлу.
- 7) Воюя съ комаромъ—считай его за льва.
- 8) Если у щедрого выйдетъ рубль—у скупого два.
- 9) Безсовѣстнаго накажетъ—безвѣрный.
- 10) Надъ умершими не плачетъ, а живымъ не улыбается.
- 11) Умершая лошадь не боится волка.
- 12) Рѣзникъ думаетъ надъ козю: сколько она дастъ ему сала, а коза горюетъ о разлукѣ съ жизнію.
- 13) Деньги даютъ чужіе и берутъ чужіе.
- 14) Если буранъ (буря) унесетъ верблюда, то козю придется искать на небѣ.
- 15) У луна всегда свидѣтель готовъ на языкеѣ.
- 16) Еслибъ въ мірѣ былъ только одинъ нищій—онъ кормился бы сахаромъ.
- 17) Тотъ всегда недоволенъ нами, кому мы сдѣлали добро.
- 18) Сдѣлай такъ, чтобы и мясо не подгорѣло и вертелъ остался цѣлъ.
- 19) Хорошіе родятъ хорошихъ, хорошіе родятъ и дурныхъ.
- 20) Однимъ персики, а другимъ груши.
- 21) Русскій вспомнить поздно, а татаринъ—когда нельзя помочь.
- 22) У русскихъ столько праздниковъ въ году, сколько у насъ молитвъ въ книгахъ.
- 23) Кто обжегся горячимъ, тотъ дуетъ и на холодное.
- 24) У смирнаго коня всегда ударъ жестокъ.
- 25) Къ намъ пришедшіе—хуже насъ.
- 26) Въ нуждѣ и съ чертомъ подружисься.
- 27) Каждый воръ, убійца и мошенникъ вѣритъ въ милости пророка.
- 28) Слетни у женщинъ тоже, что борода у мужчинъ.
- 29) Ястребъ не отличаетъ воробья отъ соловья.
- 30) Не любишь гостей: лягушку повѣсь у очага.

31) Какъ бы ни былъ красивъ мужчина, ему не станетъ кланяться дѣвушка.

32) Люди осудятъ и младенца, если онъ не угодитъ ихъ прихоти.

33) Кривые, слѣпые и горбатые всегда бываютъ отличные говоруны.

34) Неправильно нажитое—бурею будетъ разнесено.

35) Отрубивши голову, чешетъ бороду.

36) Два арбуза подъ одною мышкою не удержишь.

37) Гончей говорить: лови; а зайцу—бѣги!

38) Волкъ любить туманную погоду.

39) Не дѣлающій добра спасенъ отъ грѣха.

40) Кто съ вороною пируетъ, у того всегда замазанъ носъ.

41) Плюнь вверхъ—упадетъ въ глаза, плюнь внизъ—замазаетъ борода.

42) Вступая въ родство съ собакою, не рассчитывай на дружбу добрыхъ людей.

43) Пока подынешь топоръ—топорище отдохнетъ.

44) Заяцъ разсердился на лѣсъ, а лѣсъ и не знаетъ его горя.

45) Сегодняшняя курица лучше завтрашней овцы.

46) Кормили меня завтраками до тѣхъ поръ, пока скушали все мое имущество.

47) Сколько ни трудись, а безъ денегъ за дѣло не берись.

48) Вѣрить ему тоже, что за зайцами охотиться на морѣ.

49) Отъ лисицы спасъ, а волку отдалъ.

50) Гдѣ много распорядителей, тамъ не нищи добра.

51) Не плюй въ колодезь, тебѣ же пригодится вода.

52) Спасая чужую руку, самъ не хватайся за змѣю.

53) Дурной женщинѣ заработокъ не достанетъ на ея бѣлила.

54) Рука руку моетъ, а обѣ руки лицо моютъ.

55) Если не въ силахъ сдѣлать добра, такъ по крайней мѣрѣ не желай зла.

56) Кто говоритъ правду, того выгоняютъ изъ девяти государствъ.

57) Въ тысячу разъ счастливѣе та мать, которая питается своимъ черствымъ кускомъ хлѣба, нежели та, которая глотаетъ плавъ съ золотой ложки сына.

58) Его мельница начала драть крупу (т. е. разсудокъ не въ нормальномъ состояннѣ).

59) Державшій медь—оближетъ пальцы.

60) Миръ людей—точильное колесо: оно выгодно тому, кто умѣетъ имъ править.

61) Маленькій человекъ—великъ затѣями.

62) Сына своего не приучай къ базарному хлѣбу, а дочери не позволяй ходить къ сосѣдямъ.

63) Лошади дерутся, а ослу приходится хромать.

64) Бѣдность учить ремеслу.

- 65) На ту траву натывается змѣя, которой боится.
- 66) Отруби жалѣть, а муку раздаеть.
- 67) Дитя бадуи въ люлькѣ, а жену—на постели.
- 68) Когда жидъ обанкрутится, онъ принимается за забытые счеты.
- 69) Безъ денегъ на базаръ тоже, что въ могилу безъ савана.
- 70) Сорокъ дѣтей покормить одна мать, но тоже число ихъ не въ состояніи прокормить одну мать.

Загадки (тапмаджа).

- 1) У меня три вола: одинъ уходитъ и не возвращается; другой—какъ ляжетъ, такъ не встанетъ, а третій—чѣмъ больше ѣсть, тѣмъ больше желаетъ (разгадка: дымъ, зола и огонь).
- 2) Зеленый, какъ дорогой атласъ, а не утопаеть въ водѣ (оливковое масло).
- 3) Растеть безъ цвѣтка, живеть безъ языка, не знаетъ ни солнца, ни луны 1) фиговое дерево, 2) рыба, а послѣднія принадлежать къ подземнымъ людямъ, которыхъ татары именуютъ Арутенъ и Мураветь).
- 4) Онъ здѣсь, и тамъ, и за дверьми (вѣнникъ).
- 5) Легъ—не спалось, всталъ—не сидѣлось, пока четвертью не провель—душа не успокоилась (дверной засовъ).
- 6) Низъ дощаной, верхъ дощаной, а въ срединѣ бравый семинаристъ (сабля въ ножнахъ).
- 7) Издали летить со свистомъ и съ семью тысячами звѣздъ (ружейный выстрѣлъ).
- 8) Жолтый, какъ шафранъ, надпись, какъ коранъ, но не персикъ, не абрикось (червонецъ).
- 9) У меня есть невѣстка—всѣ ее дѣлуютъ (водяной сосудъ).
- 10) Ничего не боится, а къ очагу не подойдетъ (коровье масло).
- 11) Слоеная ли ты катлазма (лепешка) или бѣлота, яйца: всѣ твои братья ушли, а ты здѣсь (сиѣтъ).
- 12) Съ высоты бросилъ—не разбилась, а въ воду упала—разлѣзлась (писчая бумага).
- 13) Лавки рядами, начинены купцами (рожки).
- 14) Пустое обстоятельство,—а сильнѣйшихъ въ мірѣ сводить съ лошадей (естественная потребность).
- 15) Мы, мы были, 32 сестры были, рядами на доскахъ стояли, а къ вечеру всѣ пропали (зубы).
- 16) На дорогѣ стоитъ домъ, начиненный Анатольцами (тыква, любимая овощъ Анатольцевъ).
- 17) Богъ воздвигаетъ зданіе, а ножъ открываетъ двери (арбузъ).
- 18) Есть у меня маленькій боченокъ съ двумя разными кушаньями (яйцо).
- 19) Кусокъ дерева просверливаютъ, пѣсни въ него владываютъ, а если свереть—уши завертываютъ (скрипка).

20) У меня одинъ сынъ Смаилъ, но его вѣчно бьютъ (бубны).

21) Въ дырявой палкѣ бѣшеная собака (ружье съ пулею).

22) Были три брата:

одинъ кричить: ой, болитъ голова! (кровля дома)

другой: ой, болитъ спина! (балки)

а послѣдній: не бойтесь братья! (стѣны).

23) Съ низкой кровли густо сыпится мелкій снѣгъ (сито).

24) Горы надъ горами переполнены гнѣздами (улей пчель).

КРЫМСКО-ТАТАРСКІЯ СКАЗКИ.

Арзы и Гамберъ.

У Крымскихъ татаръ, предварительно разсказа сказки слѣдуетъ прологъ, нерѣдко продолжающійся нѣсколько минутъ. Цѣль его разсмѣшить публику несообразностію событій. Прологи эти слѣдующаго содержанія:

„Старивъ, отчего у тебя побѣлѣла борода? — На мельницѣ былъ.

„А молола-ль въ это время она? — Не видѣлъ, но колеса стучали.

„Не разскажешь ли ты намъ сказки? и т. п.

— Хорошо, слушай же: въ то время, когда сказки принимались за истинныя событія, когда верблюды были блохами; черепахи и лягушки летали по воздуху, минареты пригинались къ Салгиру, чтобы напиться воды, а я собиралъ въ карманы пушечныя ядра вмѣсто проса, жилъ былъ (и т. д.).

Великій падишахъ. Однажды царь этотъ, возвращаясь съ охоты, подъ тѣнью громаднаго дуба нашель младенца мальчика, Богъ вѣсть, кѣмъ оставленнаго. Повелитель народа сжалился надъ участію невиннаго малютки и, своеручно поднявъ его, привезъ во дворецъ. „Жена,—сказалъ онъ султаншѣ—Аллахъ не далъ намъ наслѣдника престола, но я нашель, кѣмъ замѣнить его, если онъ слумѣеть оцѣнить насъ, и будетъ любить нашу Арзу, какъ родную сестру. Царица очень обрадовалась утѣшешю мужа и въ тотъ же день найденышъ торжественнымъ образомъ былъ усыновленъ падишахомъ и названъ Гамберомъ. Когда этотъ мальчикъ достигъ 14 лѣтнаго возраста, султанъ приказалъ посылать его учиться, вмѣстѣ съ единственною своею дочерью Арзы. Приказаніе немедленно было исполнено и, царскія дѣти начали ходить въ училище, но такъ какъ часто запаздывали возвращаться домой, увлекаясь забавами дѣтей на улицахъ, то царица мать вручила имъ золотой мячикъ съ тѣмъ, чтобы они, выходя изъ дому и училища, непременно катили его и бѣжали за нимъ. Послушныя дѣти аккуратно дѣлали сказанное. Но вотъ, однажды мячикъ Арзы и Гамбера вкатился въ избушку бѣдной старушки и побилъ всю ея посуду. Старуха колдунья подняла страшный вой, и безжалостно начала проклинать дѣтей, но узнавъ, что онѣ царскія, угомонилась, однако не могла воздержаться отъ того, чтобы не открыть Гамберу, что онъ не братъ Арзы, а въ заключеніе пожелать имъ, чтобы они влюбились другъ въ друга, вѣчно стра-

дали и никогда не соединились бы. Заклятіе это вскорѣ по-дѣйствовало и дѣти вмѣсто того, чтобы ходить въ школу, от-правлялись въ отдаленныя садовыя рощи и тамъ просиживали цѣлыя часы. Между тѣмъ, учитель, не видя болѣе учениковъ своихъ, счелъ нужнымъ освѣдомиться о причинѣ прекращенія ими ученія. Удивленный падишахъ отдалъ приказаніе, прослѣдить за дѣтьми своими и узнать, къ кому и куда они ходятъ. Нѣсколько дней спустя, султану донесли, что Арзы и Гамберъ влюблены другъ въ друга, и предаются изліяніямъ чувствъ въ таинствен-ныхъ мѣстахъ. Это до того огорчило падишаха, что онъ прика-залъ вывести Гамбера изъ дворца, и опредѣлить пастухомъ. Нес-частный юноша безпрекословно подчинился участи своей, и пе-реодѣвшись въ безобразный костюмъ съ цѣлью, чтобы никто его не узнавалъ въ столицѣ, почти ежедневно пригонялъ стадо овецъ своихъ къ фонтану, находящемуся подъ окномъ нѣжно любимой Арзы. Здѣсь пастухъ распѣвалъ пѣсни, на которыя отвѣчала ца-ревна, утѣшая его надеждою принадлежать вѣчно ему одному. Однажды, когда Гамберъ переговаривался такимъ образомъ съ подругою, кто-то, подслушавъ ихъ, доложилъ объ этомъ султану. Падишахъ пришелъ въ ярость и приказалъ выгнать негодяя изъ предѣловъ своего государства. О приказаніи этомъ Арзы узнала въ тотъ же день и немедленно сообщила о немъ другу своему, слѣдующаго рода пѣснею:

Ты уѣдешь, да сопутствуетъ счастье тебѣ;
Дорогою же твоею да будетъ городъ Мердимъ.
Но если ты полюбишь кого кромѣ меня,
Палачи да снимутъ твою голову!

Гамберъ отвѣчалъ ей: По желанію твоему иду я въ Мердимъ,
Да покровительствуетъ мнѣ счастье!
Но если я люблю другую,
Пусть святая книги ослабятъ меня!

На другой день, Гамберъ подъ стражею выведенъ былъ за границу царства и, горько зарыдавъ, направился по дорогѣ въ Мердимъ-шееръ. Долго или не долго находился бѣдняга въ до-рогѣ—неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ, онъ благополучно до-стигъ обширной столицы Мердимъ-шеера и нанялся караульнымъ придворнаго сада у Бей-султана, одного изъ самыхъ сильныхъ падишаховъ тогдашняго міра, и сочелъ за необходимость скрыть отъ всѣхъ придворныхъ женщинъ свою блистательную красоту безобразнымъ нарядомъ. Прошелъ годъ и другой, но судьба нес-частнаго любовника не измѣнялась. Однажды Гамберъ подошелъ къ великолѣпному пруду и, не видя никого, рѣшился выкупаться; но въ то время, когда онъ выходилъ изъ воды, его случайно увидѣла дочь Бей-султана. Пораженная небывалою красотою мо-лодаго человѣка, она прослѣдила за нимъ и чрезвычайно обра-довалась, узнавъ, что онъ живетъ въ дворцовомъ садѣ. Съ этого времени царевна ежедневно посѣщала его и приносила самыя

лучшія кушанья и лакомства. Мѣсяцъ спустя, ей пришлось узнать всю печальную исторію Гамбера. Поклявшись помочь ему соединиться съ Арзою, она начинаетъ упрашивать отца, оказать ему содѣйствіе. Султанъ требуетъ къ себѣ Гамбера и вскорѣ предлагаетъ ему всѣ свои войска, чтобы силою вырвать Арзу. Обрадованный юноша, не теряя драгоценнаго времени, немедленно выступаетъ въ походъ; но въ то время, когда онъ осаждалъ столицу отца возлюбленной подруги, къ нему пришла та самая колдунья, которая накликала на него несчастную судьбу.

„Ты воюешь за Арзу, а она давнымъ-давно умерла—сказала съ ѣдкою улыбкою старуха.

— Что ты говоришь? воскликнулъ съ ужасомъ Гамберъ.

— Иди за мною, я покажу тебѣ ея одинокую могилу.

Гамберъ послѣдовалъ за нею. И, дѣйствительно, при большой дорогѣ находилась свѣжая могила съ короткою надписью, что здѣсь скоронена Арзы, умершая отъ любви къ Гамберу.

Пораженный, какъ громомъ, юноша пошатнулся и, упавъ на гробницу милой женщины, испустилъ послѣднее дыханіе; между тѣмъ злобная колдунья, не желавшая, чтобы эти тѣла и послѣ смерти были соединены, принялась со всѣхъ силъ оттягивать останки Гамбера. Увидѣвъ это, одинъ изъ пастуховъ, нѣкогда бывшихъ товарищемъ несчастнаго любовника, до того ожесточился, что принялся бить вѣдму до тѣхъ поръ, пока и она не умерла. Затѣмъ, онъ вырылъ яму около Арзы и похоронилъ въ ней Гамбера; но въ тотъ же моментъ, онъ замѣтилъ, что между этими могилами выросла громадная колючка. Пастухъ понялъ, что она произошла отъ крови злобой колдуньи, пожелавшей вѣчной разлуки Арзы и Гамбера, но, увы не могъ уничтожить ея съ корнемъ. Съ тѣхъ поръ благочестивые путешественники, проходя эти могилы, считаютъ долгомъ остановиться около нихъ съ цѣлю вырубить негодную колючку, но тщетны ихъ усилія: чѣмъ больше рубятъ ее, тѣмъ гуще и выше она поднимается между одинокими могилами несчастныхъ любовниковъ.

Дѣва моря.

Въ одной изъ приморскихъ державъ, въ столицѣ царя Абдала, жилъ бѣдный рыбакъ, по имени Дувлетъ. Молодой труженикъ съ ранняго утра до поздняго вечера забрасывалъ свои сѣти въ море и кое-какъ добывалъ себѣ насущное пропитаніе. Вотъ, однажды, вытаскивая сѣти, онъ выволокъ огромный корень дерева. „Спасибо и за это, прошепталъ бѣднякъ, — по крайней мѣрѣ можно будетъ зимою протопить нѣсколько разъ печь!“ Съ этими словами онъ поднялъ на плечи пень и, принеши его домой, поставилъ подъ оджакъ, а самъ, утомленный, легъ и заснулъ. Нѣсколько часовъ спустя онъ проснулся — и, что за чудо? Домъ его превратился въ великолѣпный дворецъ и на всѣхъ столахъ явилось множество разныхъ лакомствъ и кушаній. Пораженный

этимъ, рыбакъ долго не хотѣлъ вѣрить глазамъ, но, наконецъ, рѣшился приступить къ лакомымъ блюдамъ и напиткамъ. Удовлетворивъ, какъ можно лучше, голодь и жажду, онъ снова легъ спать. При вторичномъ пробужденіи, молодой человѣкъ наелъ на столахъ другаго рода закуски и напитки; вторично наѣвшись и напившись, онъ въ третій разъ легъ, но не съ тѣмъ, чтобы заснуть, а подмѣтять, какимъ это образомъ творятся подобныя чудеса. Не прошло и часу, какъ послышались легкіе шаги и въ комнатѣ появилась дѣвица невыразимой красоты. У рыбака пробѣжала по тѣлу дрожь, но, опомнившись, онъ быстро вскочилъ на ноги и, ставъ передъ красавицею, спросилъ: „Ты кто такая и какимъ образомъ появилась у меня?“

— Я дѣва моря, поработенная тобою, отвѣчала гостя, — ты вытянулъ меня изъ нѣдръ морскихъ съ домикомъ моимъ.

Дувлетъ, въ восторгѣ, обвилъ станъ красавицы обѣими руками и началъ умолять ее быть его женою. Дѣва моря изъявила согласіе, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ никому никогда не показывалъ ее. „Въ противномъ случаѣ, прибавила она, — тебѣ придется перенести чрезвычайно много серьезныхъ непріятностей“.

Нѣсколько дней спустя, Дувлету захотѣлось устроить пиръ товарищамъ своимъ. Жена охотно изъявила согласіе приготовить все необходимое для приема гостей и вновь повторила, чтобы онъ никому не говорилъ о ней. Въ назначенный день собрались къ нему всѣ друзья его и въ изумленіи рассказывали по роскошнымъ комнатамъ. Наконецъ одинъ изъ нихъ началъ допрашивать Дувлета, когда и какимъ образомъ онъ построилъ себѣ такой великолѣпный дворецъ?

Рыбакъ отвѣчалъ такъ уклончиво, что никто не рѣшался продолжать допросъ. Вскорѣ у молодаго хозяина закружилась отъ напитоковъ голова и пьяные гости снова начали допрашивать его: какимъ образомъ онъ сдѣлался богачемъ? Дувлетъ на этотъ разъ забылъ приказанія жены и сознался во всемъ. Друзья не повѣрили ему и требовали доказательствъ. Тогда счастливый рыбакъ подвелъ ихъ къ пню и потребовалъ выхода жены. Дѣва моря не слушалась. Это взволновало мужа и она поневолѣ вышла изъ своего жилища. Когда пиръ окончился и Дувлетъ проснулся, жена начала упрекать его въ излишней откровенности, предсказывая, что это создастъ ему большія непріятности. Не успѣла она выговорить этихъ словъ, какъ передъ зданіемъ ихъ явился на конѣ Абдулахъ-султанъ. Дѣва моря какъ-то невольно выглянула въ окно, а между тѣмъ этого достаточно было, чтобы плѣнить грознаго падишаха.

И въ самомъ дѣлѣ, султанъ очаровался ею до такой степени, что немедленно послалъ сопровождавшаго его визири узнать, кто здѣсь живетъ. Получивши отвѣтъ, падишахъ приказалъ, чтобы Дувлетъ завтра явился къ нему подъ угрозою лишиться головы. Услышавъ объ этомъ, рыбаковъ погрузилъ въ печальное раздумье и всю ночь не могъ сомкнуть глазъ. Тоже самое происходило и

съ султаномъ, предъ глазами котораго носилась прелестная дѣва моря, которую завладѣть онъ вознамѣрился во что бы ни стало и на утро сообщилъ визирямъ, что намѣренъ повѣсить Дувлета, какъ только онъ вступитъ въ дворцовыя ворота.

— Нѣтъ, ваше величество, отвѣчали министры, — безъ причины не подobaегь царямъ вѣшать подданныхъ; но если вы непременно желаете его уничтожить, то поручите сдѣлать что-нибудь сверхъестественное въ узаконенный срокъ и тогда, обвинивъ его, прикажите предать смертной казни. Султанъ согласился съ ними и когда явился Дувлетъ, онъ сказалъ ему: „послушай, рыбакъ, я приказываю тебѣ въ теченіи семи дней представить мнѣ такой арбузъ, изъ внутренности котораго, когда его разрѣжутъ, выскочитъ бы живой заяцъ; если же не исполнишь въ опредѣленный срокъ приказанія моего, то прощайся съ жизнію“.

Дувлетъ, вышедши изъ царскаго двора, въ сознаниі, что не существуетъ арбузовъ съ зайцами, зарыдалъ, какъ ребенокъ. Съ слезами онъ сообщилъ и женѣ своей наказъ грознаго падишаха.

— А развѣ я не предсказывала тебѣ рядъ страданій, отвѣчала жена.

Молодой человекъ началъ биться головою объ стѣну и умолять подругу свою помочь ему. Дѣва моря долго хранила молчаніе, наконецъ, сжалившись, вручила ему трость и сказала: Пойди на берегъ моря и ударь этою палочкою три раза по водѣ, къ тебѣ не замедлитъ выйти изъ глубины моря моя меньшая сестра, которая занимается огородными овощами. Ты поклонись ей отъ меня и попроси одинъ арбузъ. Если она тебѣ дастъ, знай, что ты спасенъ отъ смерти, если же нѣтъ, то ты умрешь, а я буду по твоей неосторожности султаншей.

Дувлетъ пошелъ къ морю и трижды ударилъ по водѣ волшебною тростью. И, дѣйствительно, предъ нимъ появилась очаровательной наружности дѣвица. — Тебѣ кланяется сестра твоя Хайретъ, сказалъ рыбакъ, и проситъ прислать ей одинъ арбузъ. — Очень хорошо, отвѣчала она, но едва ли они поспѣли. Впрочемъ я пошщу. Сказавъ это, она погрузилась въ воду.

Нѣсколько минутъ спустя красавица снова появилась на поверхности воды и, подавая Дувлету арбузика, величиною въ кулакъ, сказала, что большаго не могла найти. Рыбакъ, осмотрѣвъ его, прослезился, но что дѣлать? положилъ за пазуху плодъ и пошелъ, размышляя о предстоящей казни. Тѣмъ временемъ онъ началъ замѣчать, что арбузъ его быстро увеличивается и въ тотъ моментъ, когда онъ поравнялся съ султанскимъ дворцомъ, сдѣлался такимъ громаднымъ, что онъ едва могъ нести его. Удивленный этимъ чудомъ, онъ рѣшился теперь же представить его грозному султану.

Когда доложили о приходѣ рыбака съ арбузомъ, падишахъ, собравъ своихъ министровъ, лично разрубилъ его пополамъ и чтожь? въ удивленію всѣхъ присутствующихъ, изъ арбуза выскочилъ большой заяцъ. Султанъ поблѣднѣлъ отъ негодованія, но

долженъ былъ отпустить рыбака. Однако не прошло и трехъ дней, какъ падишахъ снова потребовалъ его и приказалъ, чтобы въ теченіи 3 сутокъ онъ доставилъ во дворецъ такую кисть винограда, чтобы всѣ жители столицы и всѣ его войска насытились ею.

Бѣдный молодой человекъ опять въ слезахъ явился къ женѣ, опять выслушалъ упреки и опять по приказанію ея пошелъ къ морскому берегу съ волшебнымъ прутикомъ; вызываетъ вторую ея сестру и получаетъ отъ нея крошечную кисточку винограда. Когда онъ представилъ эту кисточку во дворецъ, султанъ приказалъ немедленно явиться палачу для обезглавленія рыбака, осмѣлившагося насмѣхаться надъ его величіемъ.

— Не будьте несправедливы, государь, замѣтилъ одинъ изъ министровъ, прикажите предварительно кому-нибудь съѣсть принесенную кисточку. Султанъ согласился; но каково было его удивленіе, когда на мѣстѣ одной сорванной ягоды появилось десять иксточка въ нѣсколько минутъ превратилась въ кисть небывалой величины, такъ что вынуждены были вынести ее на дворъ и повѣсить на перекладинѣ. Впослѣдствіи она разрослась до чудовищной величины и грозила паденіемъ, стоящимъ подъ нею.

Эти удачи до того взволновали падишаха жаждущаго, какъ можно скорѣе завладѣть красавицею, что онъ рѣшился безъ всякой вины повѣсить рыбака; но его визири снова воздержали его.

— Еще попробуй сдѣлать одно порученіе, говорили они—авось онъ не выполнитъ его и тогда дѣлай, какъ знаешь.

Султанъ согласился, но во всякомъ случаѣ обѣщалъ снять съ него голову, еслибъ даже удалось исполнить ему третье порученіе.

Два дня спустя Дувлетъ снова призванъ былъ къ султану Абдала.

— Еще одно порученіе тебѣ остается выполнить, мой добрый слуга, сказалъ падишахъ. Приведи ко мнѣ въ теченіи 3 сутокъ мальчика лѣтъ 9 или 10 такой силы и ловкости, чтобы онъ побѣдилъ все мое войско. Смотри жъ, если тебѣ этого не удастся, ты умрешь отъ руки палача.

Дувлетъ опять съ рыданіями приходитъ къ женѣ, опять выслушиваетъ упреки и опять съ волшебною палочкою идетъ къ морскому берегу, вызываетъ старшую сестру жены своей и проситъ ея сына. Она изъясняетъ удовольствіе и приноситъ ему крошечнаго мальчика.

Что съ нимъ дѣлать? подумалъ рыбакъ, но въ надеждѣ на новыя чудеса запряталъ его за пазуху и, поблагодаривъ сестру, направился ко дворцу. Нѣсколько минутъ спустя, рыбакъ замѣтилъ, что мальчикъ началъ увеличиваться въ ростѣ и когда онъ поровнялся съ султанскими воротами, выскочилъ изъ за пазухи вооруженный двумя саблями съ крикомъ: Давайте войска!

Освѣдомленный объ этомъ султанъ, взглянувши на малютку, приказалъ выслать противъ него одного изъ слугъ своихъ съ палкою, но какъ только посланный выступилъ, мальчикъ налетѣлъ на дерзкаго и разрубилъ его на двѣ половины. Султанъ, любясь

его быстротою, выслать уже 10 воиновъ, но когда и ихъ постигла участь перваго, выставлена была сотня, за сотнею явились тысячи и наконецъ всѣ войска. Покончивъ съ ними, мальчикъ продолжалъ требовать войска. Испуганный султанъ началъ просить рыбака вывести его изъ двора, но рыбакъ шепнулъ племяннику бить безошадно всѣхъ и минуту спустя султанъ и весь дворъ его были истреблены какъ мухи.

Одержавъ блистательную побѣду, мальчикъ провозгласилъ падишахомъ своего дядю, а самъ возвратился къ матери въ бездны морскія. Такимъ образомъ вознагражденъ былъ несчастный Дувельтъ, царствующій благополучно до настоящаго времени.

Трусъ и чудовище.

Въ древности въ городѣ Ханлы-шеерѣ проживалъ величайшій трусъ по имени Мезула съ женою и восемью малолѣтними дѣтьми. Къ трусости этого жалкаго человѣка присоединялась еще необыкновенная лѣнь. При такихъ достоинствахъ мужа, естественно, что несчастной женѣ приходилось день и ночь неутомимо работать, чтобы содержать все семейство. Однажды, отчаявшись, бѣдная женщина напустилась на мужа. — Какъ тебѣ не стыдно предъ людьми и не грѣшно предъ Богомъ, говорила она со слезами, заставляя меня замирать подъ тяжестью работъ. Посмотри на другихъ мужей: позволяютъ ли они скитаться женамъ по чужимъ дворамъ? Что ты за мужъ, котораго не только кормить, но даже выводить на дворъ жена! Послушай, прибавила она, — если ты и послѣ сегодняшняго дня не начнешь работать, то я брошу тебя съ дѣтьми и уйду навсегда изъ дому.

— Хорошо, жена, отвѣчалъ трусъ, я готовъ идти со двора поискать счастья. Накорми меня, одѣнь и я уйду.

Жена съ восторгомъ исполнила его требованіе и, выпроводивъ за городъ, пожелала ему счастливаго успѣха во всѣхъ предпріятіяхъ. Долго, долго Мезула шелъ степью, не встрѣчая никого и скрываясь въ травѣ при малѣйшемъ шорохѣ. Наконецъ на 5-й день онъ пришелъ въ кошарню, въ углубленіи которой лежалъ пастухъ, тяжело вздыхая.

— Здравствуй, хозяинъ, произнесъ трусъ, приблизившись къ нему, о чемъ ты печалишься?

— Охъ, отвѣчалъ пастухъ, кому же плакать и тосковать, какъ не мнѣ? Садись, другъ, и выслушай мое горе.

Мезула сѣлъ и приготовился слушать.

— Въ этой кошарѣ, началъ пастухъ, насъ было 12 товарищей и каждый имѣлъ по тысячѣ овецъ. Много лѣтъ мы жили счастливо и беззаботно, какъ вдругъ въ одно ненастное утро спустилось къ намъ съ облаковъ необыкновенной величины чудовище съ тремя головами. Оно потребовало, чтобы одинъ изъ насъ отошелъ въ сторону и отдѣлил изъ общаго стада своихъ овецъ. Съ того времени чудовище это каждую недѣлю посѣщало нашу

кошарню и поѣдало одного изъ насъ съ тысячью баранами. Сегодня же оно явится за мною. При этихъ словахъ пастухъ залился слезами.

— Не плачь, другъ мой, отвѣчалъ ему трусь. Авось я тебя спасу отъ гибели. Зарѣжь поскорѣе овцу и принеси мнѣ ея кишки, кромѣ этого приготовь мнѣ боченокъ молока и сыру. Я буду творить чудеса предъ этимъ алчнымъ чудовищемъ.

Обрадованный пастухъ поспѣшилъ доставить все требуемое и началъ готовить гостю роскошный обѣдъ. Между тѣмъ трусь закопалъ въ землю въ различныхъ мѣстахъ овечьи кишки и молоко, а съ творога приготовилъ нѣчто подобное камню.

Пообѣдавши, пастухъ какъ-то случайно взглянулъ на небо и указалъ Мезулѣ на черное облако, которое остановилось надъ кошарнею.—Летитъ дьяволъ, произнесъ онъ.

Трусь задрожалъ тѣломъ и душою. Нѣсколько минутъ спустя предъ шатромъ уже стоялъ чудовищный великанъ.

— Уфъ, сказалъ онъ, я думалъ, что одинъ только остался, однако здѣсь два молодца. Впрочемъ, я сегодня очень голоденъ и съ удовольствіемъ съѣмъ ихъ обоихъ.

— Ахъ ты дерзкое животное! закричалъ ему въ отвѣтъ трусь, ты, вѣроятно, не знаешь, что я, первый богатырь вселенной. Достаточно, братъ, тебѣ сокрушать бѣдняковъ. Я давно слышалъ о твоихъ дерзкихъ поступкахъ, но все какъ-то не вѣрилъ. Наконецъ-то мнѣ пришлось повстрѣчаться съ тобою. Скажи же мнѣ, чудовище, въ состояніи ли ты выжать изъ камня воду?—Могу отвѣчать гигантъ.—А ну-ка покажи на дѣлѣ. Чудовище схватило громадный камень, сжало его въ порошокъ, но воды не оказалось.—Эхъ ты, безсильный звѣрь, возразилъ ему съ улыбкою трусь, посмотри-ка на меня и онъ, поднявъ приготовленный творогъ, началъ выдавливать изъ него воду.

Чудовище пришло въ изумленіе.

— А можешь ли ты, дерзкій хвастунъ — продолжалъ трусь — выдавить изъ земли кишки?—Могу—отвѣчало оно—и поднявшись на воздухъ со всей силы ступнулось ногами въ землю, въ которой погрузило по колѣни, но ничего не выдавило изъ нея.—Эхъ ты ничтожное существо—отвѣчалъ ему съ хохотомъ трусь, ударившій ногою въ то мѣсто, гдѣ закопаны были имъ заранѣе бараньи кишки. Увидѣвъ сдѣланное трусомъ, чудовище со страхомъ отступило на нѣсколько шаговъ.—А въ состояніи-ли ты выдавить изъ земли молоко? спросилъ Мезула. Звѣрь попробовалъ, но безуспѣшно, между тѣмъ трусь и это сдѣлалъ.

— Теперь — сказалъ Мезула — мнѣ остается уничтожить тебя, кровожадное животное, чтобы избавить міръ отъ твоихъ варварскихъ поступковъ—и онъ началъ подступать къ чудовищу.—Ради Бога смилуйся надо мною—возопилъ великанъ—я имѣю нѣсколько малолѣтнихъ дѣтей, которыя умрутъ безъ меня. Я отдамъ тебѣ половину моихъ сокровищъ и клянусь, что никогда не буду трогать людей. Трусь согласился на предложенное условіе и рѣшился

идти за чудовищемъ къ нему домой. Нѣсколько дней спустя путники вступили въ дремучій лѣсъ.

— Товарищъ—сказалъ гигантъ трусу—мы, кажется, оба проголодались. Я пойду гнать дикихъ козъ, а ты лови ихъ. Онѣ въ этомъ лѣсу очень велики. — Хорошо — отвѣчалъ трусъ. Но какъ только чудовище скрылось, Мезула отъ страха забрался въ дупло дерева, откуда съ трепетомъ выглядывалъ на проходящую дичь. Какъ вдругъ одинъ изъ самыхъ большихъ оленей, чѣмъ-то испуганный, сдѣлавъ большой скачекъ, запутался рогами и повисъ на вѣткѣ громаднаго дерева. Нѣсколько минутъ спустя трусъ вылѣзъ изъ дупла. — Ну что, товарищъ—спросилъ гигантъ, подходя къ нему—вѣрно не удалось тебѣ поймать ничего? — Мнѣ рѣдко когда не удается брать—отвѣчалъ онъ съ самодовольною улыбкою. — Гдѣ же твоя дичь? — Посмотри-ка на дерево, куда я ее повѣсилъ.

Великанъ похвалилъ ловкость друга и просилъ его спустить оленя. — Вотъ дерзость—возразилъ онъ—неужто я обязался быть твоимъ работникомъ? Достаточно, что я поймалъ его и повѣсилъ. Остальное ты обязанъ сдѣлать. — Не сердись, товарищъ, я дѣйствительно неправъ и постараюсь исправить ошибку мою. Поди, принеси дровъ, пока я подготовлю оленя. Трусъ взялъ веревку, но чувствуя себя бессильнымъ для этого, началъ привязывать конецъ ея къ самымъ толстымъ деревьямъ. Прощель часть. Чудовище, не постигая причины невозврата Мезулы, вышелъ изъ терѣннѣя и самъ пошелъ искать пропавшаго товарища. Заставъ его надъ странною работою, онъ съ удивленіемъ началъ спрашивать, что это онъ дѣлаетъ?—Привязываю деревья, чтобы разомъ вырвать ихъ съ корнями. — Нѣтъ, братъ, ты только порвешь мою веревку. Я вижу, что и это не по твоей части. Ступай лучше дожаривать оленя на вертелѣ котораго я обложилъ огнемъ. Трусъ обрадовался удачному освобожденію, но къ сожалѣнію никакъ не могъ повернуть подгорѣвшаго оленя. На смрадъ прибѣжалъ гигантъ и, снова увѣренный, что Мезула не смыслить въ поварскомъ искусствѣ, самъ дожарилъ дичь.

Послѣ завтрака богатырь выпилъ цѣлый мѣхъ воды. Трусу захотѣлось сдѣлать тоже и онъ, взявъ мѣхъ, надулъ его въ густой чащѣ лѣса и по возвращеніи держалъ около губъ до того времени, пока выпустилъ изъ него воздухъ. Наконецъ товарищи тронулись въ путь. Три мѣсяца спустя они благополучно возвратились домой. Гигантъ не замедлилъ представить Мезулу матери своей, какъ сильнѣйшаго въ мірѣ богатыря, пощадившаго его жизнь. Естественно, что трусу предоставлены были всевозможныя удовольствія. Наслаждаясь съ утра до ночи, онъ и не хотѣлъ думать о возвращеніи къ женѣ; между тѣмъ это долговременное гощеніе начало надоедать хозяйкѣ-старушкѣ. Однажды Мезула, лежавшій въ густой травѣ, подслушалъ, какъ она совѣтовала сыну своему постлать ему постель на полу и когда онъ заснетъ, вывернуть на него 40 ведерный казанъ кипятку. —Этимъ спосо-

бомъ мы легко избавимся отъ него — прибавила она. Гигантъ обѣщаль матери воспользоваться ея совѣтомъ. Мезула, возвратившись въ свою комнату, замѣтилъ, что постель его приготовлена подъ окномъ. Не показавъ виду, что онъ знаетъ, съ какою дѣлю это сдѣлано, онъ, послѣ погашенія свѣчи и открытія всѣхъ дверей, перенесъ ее на самую высокую полку въ комнату. Въ полночь дѣйствительно отворилось окно и ворвалась въ комнату громадная струя кипятку. Когда вода сошла, трусъ перенесъ свою постель на прежнее мѣсто и заснулъ крѣпкимъ сномъ. На утро, богатырь, въ полномъ убѣжденіи, что запарилъ гостя своего, пришелъ выбросить тѣло его; но каково было его удивленіе, когда Мезула, открывъ глаза, началъ жаловаться, что впредь не будетъ спать на полу, потому что кусали его какія-то насѣкомыя.

Чудовище не замедлило сообщить матери своей, что гость ихъ принадлежитъ къ числу бессмертныхъ людей.

— Въ такомъ случаѣ — сказала она — рѣшился испытать силу его, если онъ окажется слабѣ тебя, — убей его, если же нѣтъ — постарайся разлучиться, потому что я не хочу дольше служить ему. По моему, для испытанія его силы, лучше всего достать изъ погреба въ 30-ть тысячъ пудовъ золотой молотъ, которымъ вооружался твой отецъ. — Это справедливо — отвѣчалъ покорный сынъ и отправился къ Мезулѣ съ предложеніемъ поиграть съ нимъ отцовскимъ орудіемъ. — Очень благодаренъ за участіе — отвѣчалъ трусъ. Я очень люблю золотыя игрушки. Лѣтъ 200 тому назадъ я подбросилъ одинъ золотой молотъ въ 100 тысячъ пудовъ такъ ловко, что онъ остался на небѣ и съ тѣхъ поръ горитъ звѣздою. Пожалуйста, другъ, не сердись на меня, если и твоя игрушка останется тамъ же.

Когда гигантъ сообщилъ отвѣтъ Мезулы матери, старуха ни за что не хотѣла разстаться съ памятью мужа и совѣтовала сыну, какъ можно скорѣе выпроводить гостя, подѣ предлогомъ крайней необходимости выѣхать на свиданіе съ родными. Гигантъ уступилъ матери и, отмѣривъ 20-тъ мѣръ червонцевъ, понесъ ихъ Мезулѣ въ даръ согласно обѣщанія.

— Нѣтъ, другъ — отвѣчалъ ему трусъ — я не выйду изъ дома твоего одинъ. Ты, по долгу гостепріимства, обязанъ проводить меня до дверей моего жилища.

Чудовище начало умолять его извинить, ради крайней необходимости, но трусъ пришелъ въ такое негодованіе, что по-неволѣ пришлось хозяину нагрузиться подареннымъ золотомъ и выступить съ нимъ въ дорогу. Четыре мѣсяца спустя путники подошли къ заставѣ Ханлы-шееръ.

— Ну, пріятель, подожди ты здѣсь немного — сказалъ Мезула — мнѣ необходимо пойти впередъ, чтобы привязать жену и дѣтей, которыя съѣдятъ тебя при появленіи въ домъ моему.

Чудовище остановилось, а трусъ бѣгомъ пустился въ свою хижину и рассказавъ, въ чемъ дѣло, привязалъ всю семью свою,

второй поручил рваться и скалить зубы против чудовища, когда оно взойдет и возвратился къ нему. Нѣсколько минутъ спустя гигантъ вошелъ въ дворъ Мезулы и до того былъ напуганъ криками и отчаянными усиліями семейства труса, что, бросивъ грузъ червонцевъ, махнулъ ему головою, а самъ, свистнувъ крылатому коню своему, сѣлъ на него и скрылся въ облакахъ.

Тогда только успокоенный Мезула вывелъ на дворъ жену и дѣтей, чтобы перенести въ жилище свое огромное богатство.

— Теперь ты, навѣрно, не будешь упрекать меня въ трусости и лѣности—сказалъ онъ женѣ своей. И съ тѣхъ поръ нието не видѣлъ больше Мезулу, выходящимъ изъ хаты своей.

Водовозъ.

Въ одномъ изъ большихъ городовъ нашего отечества, въ древности жилъ почтенный и всѣми уважаемый водовозъ по имени Хыбла-таравъ. Дожилъ онъ до глубокой старости, но никогда, кромѣ байрама и дней святой пятницы, не переставалъ работать. Казалось, весь міръ зналъ Хыбла-тараву за самаго дѣятельнаго и честнаго человѣка. Но вотъ однажды бѣдный водовозъ возвратился раньше обыкновеннаго домой и объявилъ женѣ, что онъ боленъ. Любившая его старуха не замедлила пригласить самыхъ усердныхъ и благочестивыхъ муллъ отчитывать его, но увы, молитвы не изгнали злую болѣзнь. Тогда почтенный Хыбла увѣрился, что насталъ ему часъ проститься съ землею.

— Жена — сказала онъ — я скоро долженъ покинуть тебя и друзей, а такъ какъ мой сынъ Асанъ, узнавъ о моей смерти, вѣроятно, не захочетъ больше учиться и придетъ къ тебѣ, чтобы замѣнить въ домѣ хозяина, такъ вотъ тебѣ послѣднее мое слово: старайся не объявлять сыну моему ремесла, которымъ я занимался, потому что оно очень часто приводило меня къ большимъ неприятностямъ.

— Что же мнѣ отвѣчать ему? спросила старуха.

— Я оставляю ему двѣ драгоценныя вещи и именно: кошелекъ съ червонцемъ, который вѣчно будетъ возвращаться къ нему и простую дудку, которая имѣетъ величайшее значеніе, даже для самыхъ сильныхъ царей. Скажи ты Асану, что если онъ когда-нибудь будетъ имѣть надобность защищаться, пусть заиграетъ на ней и предъ нимъ станетъ столько войска, сколько онъ пожелаетъ. Но не забудь передать и то, что если онъ, какимъ-бы это образомъ ни случилось, утерѣетъ эти вещи, то вторично не отыщеть. Нѣсколько часовъ спустя старикъ умеръ. Старуха поспѣшила извѣстить объ этомъ сына, прося его оставить ученіе и возвратиться дождой утѣшать ея одиночество. Асанъ пріѣхалъ. Оплакавъ смерть добраго отца, онъ вскорѣ началъ тосковать отъ бездѣлья и потомъ допрашивать мать, чѣмъ занимался отецъ его. Старуха долго скрывала, наконецъ рѣшилась отдать ему кошелекъ съ червонцемъ, объяснивъ тайну этого сокровища. Асанъ

поблагодарилъ мать и съ этого дня началъ бродить по кофейнямъ и предаваться всевозможнымъ забавамъ. Но случилось такъ, что будучи пьянъ, онъ потерялъ драгоценный кошелекъ. Печальный, онъ возвратился домой и началъ снова допрашивать мать, чтобы объявила ему дѣйствительное ремесло отца. Старуха долго твердила, что кромѣ этого кошелька, покойникъ ничѣмъ болѣе не занимался, однако видя, что сынъ продолжаетъ настаивать, прибавила, что у мужа ея была дудка, съ помощію которой онъ могъ покорить любого султана. Она объяснила ему подробности.

Асанъ схватилъ съ жадностію инструментъ и началъ дуть въ него. Въ одну мнуту дворъ его наполнился вооруженными воинами, требующими приказанія. Убѣдившись въ важности своей дудки, юноша началъ втягивать въ себя воздухъ и войска исчезли.

На другой день въ городѣ кричалъ на базарной площади глашатай, что сильнѣйшій въ мірѣ шахъ-султанъ-Азаматъ объявляетъ всенародно о желаніи своемъ выдать единственную дочь свою замужъ за того джигита, который разгадаетъ предложенную дочерью его загадку; но съ тѣмъ, что если ему не удастся разгадать въ теченіи двухъ минутъ, тогда предлагаются еще двѣ и затѣмъ дерзкій лишается своей головы, которая вставляется вмѣсто камня въ стѣну начатой крѣпости.

Услышавъ объ этомъ, Асанъ вспомнилъ о своей дудкѣ, которая въ крайности могла спасти его, рѣшился попытать счастья. Товарищи и друзья совѣтовали ему не идти, мать умоляла жениться лучше на равной себѣ дѣвицѣ, но все было напрасно. Набравъ полный кошелекъ золота, юноша пустился въ путь. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ приблизился къ столицѣ могущественнаго шаха. У городскихъ воротъ вышла къ нему на встрѣчу старуха, держащая въ рукахъ клѣтку съ говорящею птичкою и предложила купить ее. Асанъ, удостовѣрившись, что птичка говоритъ человѣческимъ голосомъ, съ удовольствіемъ вручилъ ей 10 червонцевъ и взялъ ее съ собою. Съ клѣткою въ рукахъ онъ вступилъ въ городъ и нанялъ себѣ квартиру.

На слѣдующій день, молодой искатель приключеній явился къ шаху и объявилъ намѣреніе испытать свое счастье. Владыка принялъ его очень ласково и пригласилъ дочь взглянуть на жениха.

Красавица Эмине-султанъ взглянувъ на робкаго юношу, который ей не понравился—отвѣчала, что завтра она выйдетъ въ залу въ сопровожденіи 40 дѣвицъ одинаковаго съ нею роста, въ одинаковомъ одѣяніи въ закрытыхъ чадрахъ—и что онъ разомъ долженъ найти ее между подругами. Если же ему не удастся этого сдѣлать, то его голова поставится на недооконченную крѣпость. Асанъ молча поклонился царевнѣ и вышелъ, рѣшившись придти въ условленный часъ. Возвратившись къ себѣ на квартиру, юноша легъ и задумался. — О чемъ ты задумался, мой

добрый хозяинъ? спросила птичка. — Я не знаю, поймешь-ли ты мое горе—отвѣчалъ онъ—вотъ въ чемъ дѣло: завтра я долженъ буду вдругъ выбрать изъ 40 дѣвицъ, одного роста, въ одинакихъ одеждахъ, покрытыхъ одинаковыми чадрами, дочь шаха; это очень трудно сдѣлать. — О милый мой хозяинъ, въ этомъ случаѣ я могу тебѣ помочь, какъ нельзя лучше: я превращусь въ пчелу и ворвусь комнату, гдѣ будетъ царевна одѣваться, потомъ не подымаясь съ ея одежды, когда она станетъ предъ тобою въ числѣ другихъ дѣвицъ, я начну кружиться у ней надъ головой, и какъ можно громче жужжать. Тебѣ останется только подойти и взять ее за руку. Обѣщанная услуга птички до того обрадовала Асана, что онъ запрыгалъ отъ радости.

На другой день птичка, дѣйствительно, превратилась въ пчелу и съ жужжаніемъ направилась къ шахскому дворцу. Нѣсколько часовъ спустя направилась туда же и Асанъ. Султанъ принялъ его, какъ дорогой матерьялъ къ недоконченной крѣпости. Въ условленный часъ Асанъ введенъ былъ въ длинную комнату, посрединѣ которой стояло 40 дѣвицъ одна въ одну, покрытыхъ бѣлыми чадрами. — Ну выбирай, сказалъ султанъ; но юноша, уже замѣтивъ полетъ и жужжаніе пчелы, обернулся къ шаху и спросилъ: точно-ли, если онъ разомъ выведетъ принцессу — она будетъ принадлежать ему? — Слово шаха свято—отвѣчалъ султанъ. Тогда Асанъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и, схвативъ за руку прелестную царевну, подвелъ ее къ отцу и сказалъ: вотъ ваша дочь, а моя будущая жена! Чадра поднялась и къ неопisanному гнѣву шаха дѣйствительно оказалась его дочь.

— Нѣтъ, это глупая случайность—возразилъ онъ—необходимо разгадать еще одну задачу. — Ваше величество, желаете измѣнить слову своему? — Непремѣнно. — Но я имѣю право полагать, что это можно сдѣлать послѣ исполненія перваго обѣщанія. — Я властенъ перемѣнить свое слово и никто не смѣетъ противорѣчить моему желанію. — Да, никто, кромѣ меня, рисковавшаго своею головою.

Послѣдній отвѣтъ до того показался дерзкимъ шаху, что онъ приказалъ выбросить на улицу молодаго человѣка. Приказаніе было исполнено. И вотъ Асанъ очутился на чистомъ полѣ въ виду дворца, гдѣ толпился народъ, ожидавшій его смерти. Кровь кипѣла въ его жилахъ. „Я разгромлю его царство, сказалъ онъ про себя и, вынувъ, изъ кармана дудку, началъ играть. Часъ спустя все пространство, видимое глазомъ, покрылось войсками и пушками, готовыми броситься въ атаку. Асанъ, удостовѣрившись, что достаточно имѣть столько войска, чтобы отмстить за обиду, подзвавъ одного изъ начальниковъ, поручилъ объявить шаху, что если онъ не выдастъ сію минуту дочь, выигравшему ее джигиту, то столица и все царство его будетъ обращено въ развалины.

Пораженный страхомъ, шахъ не зналъ, на что рѣшиться. Однако вынужденъ былъ послушать совѣтъ министровъ и выслалъ

дочь свою къ побѣдителя, въ сопровожденіи всѣхъ подругъ, приказавъ немедленно устроить палатку и подать обѣдъ съ крѣпкими напитками. Царевна, явившись къ Асану, опустила на колѣни и начала умолять его простить отцу ея несправедливость. Юноша тронулся ея слезами и забывъ свой гнѣвъ. Часъ спустя онъ сидѣлъ уже около невѣсты своей и пилъ за здоровье ея. Услужливыя фаворитки и подруги одна за другою наливали рюмки и подносили ему. Асану совѣстно было отказать и дошло до того, что онъ опьянѣлъ. Тогда царевна начала просить его отпустить войска по квартирамъ. Уступая ея просьбѣ, онъ вынулъ изъ кармана дудку, втянулъ въ себя воздухъ и въ мигъ все исчезло. Между тѣмъ юноша съ каждою минутою все болѣе и болѣе чувствовалъ опьянѣніе и кончилъ тѣмъ, что, принавъ къ колѣнямъ своей невѣсты, заснулъ крѣпкимъ сномъ. Царевна только и желала этого. Съ быстротою молніи она опустила руку свою въ карманъ, схватила чудотворную дудку и, сбросивъ съ колѣнъ недостойнаго жениха, возвратилась къ отцу.

Нѣсколько часовъ спустя проснулся Асанъ, протеръ глаза, взглянулъ кругомъ, еще протеръ глаза, но, увы, нѣтъ никого и ничего. Полный изумленія онъ схватился за дудку, но и она похищена. Тогда юноша постигъ вполне свое безсиліе и, зарыдавъ горькими слезами, поднялся на ноги и направилъ шаги свои обратно въ отечество.

Три мѣсяца спустя онъ снова былъ съ матерью и разсказалъ ей, какъ былъ обманутъ безчестнымъ шахомъ. Мать поплакала и снова жизнь юноши текла скучно и однообразно. Вторично утомившись бездѣльемъ, Асанъ опять началъ допрашивать старушку мать, чѣмъ занимался отецъ его. Мать стояла на томъ, что кромѣ утерянныхъ имъ кошелекка и дудки у него не было другихъ запятій. „Нѣтъ, возразилъ сынъ,—еслибъ это было его ремесло или занятіе, я не утерялъ бы ихъ такъ неожиданно и случайно. Не скрывай отъ меня правды или я вынужденъ буду оставить тебя и уйти въ другое царство выучиться зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ. Слова эти были сказаны такимъ рѣшительнымъ тономъ, что старуха вынуждена была объявить истину.

— Въ такомъ случаѣ я также сдѣлаюсь водовозомъ, отвѣчалъ Асанъ. По требованію его, мать указала, гдѣ была скрыта водовозня покойнаго Хыбла-таравъ. И вотъ, нѣсколько дней спустя, Асанъ началъ продавать воду, но, увы, и тутъ ему не повезло. Всѣ, знавшіе о его богатствѣ, которое онъ утерялъ и о подвигахъ съ шахомъ, начали смѣяться, что онъ избралъ такое неприличное ремесло. Насмѣшки съ каждымъ днемъ становились язвительнѣе и бѣдный юноша рѣшился бѣжать съ своею водовознею въ отдаленный городъ, гдѣ никто не зналъ его. Нашелся только одинъ человекъ, посовѣтовавшій ѣхать ему въ столицу Ислямъ-шеръ. Юноша принялъ совѣтъ съ благодарностію и, простившись съ матерью, уѣхалъ. Въ Ислямъ-шерѣ сначала народъ его принялъ неблагосклонно, но потомъ онъ приобрѣлъ друзей и,

опредѣленъ былъ въ число придворныхъ водовозовъ. Однажды, Асанъ, наливая чаны, приготовленные для ванны царевнѣ, услышалъ за собою женскій голосъ. Обернувшись, онъ увидѣлъ царевну, которая сдѣлала ему знакъ подойти. Когда онъ приблизился къ ней, царственная красавица вложила ему въ руки полный кошелекъ золота и просила, чтобы онъ каждый день привозилъ ей воду, если пожелаетъ получать по столько денегъ, сколько теперь получилъ. Обрадованный такою щедростію и вниманіемъ, юноша изъявилъ самое ревностное согласіе служить ей. Съ этихъ поръ Асанъ постоянно въ извѣстный часъ дня являлся подъ окнами царевны и наливал чаны, слушалъ ея ласковыя рѣчи и получалъ полный кошелекъ золота, такъ что въ самое непродолжительное время онъ наполнилъ нѣсколько сундуковъ червонцами. Въ одинъ день, Асанъ, по обыкновенію, исполнилъ долгъ свой и готовъ былъ уже выѣхать со двора, какъ царевна Суадеть-Султанъ сдѣлала ему знакъ войти къ ней: юноша повновался.—Послушай, Асанъ, сказала она, посадивъ его около себя,—я люблю тебя безумно и готова бѣжать съ тобою на край свѣта, если узнаю, что и ты любишь меня.—Люблю ли я васъ? спросилъ съ удивленіемъ Асанъ,—да я готовъ умереть у вашихъ ногъ, но вотъ въ чемъ горе мое, могу ли я содержать прилично царевну?—Ты бѣднень, въ такомъ случаѣ, ты, каждый день выѣзжая изъ двора моего, будешь набирать въ пустую бочку мои сокровища и когда увѣришься, что ихъ достаточно будетъ на содержаніе одной женщины, тогда я приду къ тебѣ. Мѣсяцъ спустя у Асана явилось еще десять сундуковъ драгоценныхъ вещей и золота. Водовозъ убѣдился, что этого достаточно ему и поспѣшилъ объявить радость свою царевнѣ, которая поручила ему въ полночь явиться въ извѣстное мѣсто и ожидать ее. Асанъ явился и они скрылись. На утро Суадеть-Султанъ напомнила другу своему, что ей необходимо такъ скрыться, чтобы отецъ не могъ отыскать, иначе оба они погибнутъ. Асанъ, подумавъ, предложилъ ей войти въ одинъ изъ большихъ сундуковъ, который запирался внутреннимъ замкомъ.

— Я сегодня отправлю тебя къ матери моей, сказалъ онъ, со всѣми нашими сокровищами. Мнѣ же, чтобы скрыть поступокъ свой, надо нѣсколько времени остаться здѣсь, затѣмъ и я не замедлю пріѣхать. Преданная ему Суадеть согласилась на все, лишь бы не разлучаться. Въ тотъ же день водовозъ съ нарочнымъ отправилъ къ матери 21 сундукъ, при письмѣ, прося ее поспѣшить купить самый лучший домъ, но о Суадеть-султаншѣ забылъ сказать. Получивъ такое богатство, добрая старуха въ тотъ же день исполнила просьбу сына и, накучивъ разной провизіи принесла ее домой, а сама, утомленная, легла и заснула. Между тѣмъ Суадеть, слыша вокругъ себя молчаніе, отворила свою кѣтку, вышла и, давно не ѣвши теплой пищи, приготовила себѣ все, что хотѣла, имѣя подъ рукою провизію, только что принесенную хозяйкою. Удовлетворивъ потребности своей, Суадеть снова вошла

въ сундукъ и замкнулась. Часъ спустя проснулась хозяйка и съ удивленіемъ замѣтила, что кто-то распорядился ея провизіею. На другой же день, въ отсутствіи ея, случилось тоже самое. Изумленная старуха рѣшилась спрятаться и поймать незваного гостя; между тѣмъ царевна, не ожидавшая быть пойманною, была остановлена хозяйкою въ то самое время, когда собиралась скрыться въ сундукъ.

Тогда Суадеть созналась во всемъ. Старуха была въ восторгѣ отъ счастья имѣть такую дочь; но нѣсколько дней спустя она ужасно вознегодовала на нее за то, что она не захотѣла переѣхать на вновь купленную ею квартиру до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ Асанъ. Обстоятельство это до того возмутило старуху, что, желая отмстить невѣсткѣ, она написала сыну, что царевна, завела дружбу съ неприличными молодыми людьми и отказалась жить съ нею. Асанъ, получивши такого содержания письмо, покупаетъ самаго лучшаго коня и летитъ домой. Не думая, что мать солгала, онъ врывается въ комнату царевны и въ ту минуту, когда она бросается къ нему съ открытыми объятіями, наноситъ ей нѣсколько ранъ саблею и безчувственную выноситъ далеко въ поле и бросаетъ на сѣденіе звѣрямъ. Въ это время мимо полумертвой царевны ѣхалъ медикъ изъ евреевъ. Ослѣпленный небывалою красотою безчувственной женщины, онъ останавливается, осматриваетъ раненную и видя, что она еще жива, беретъ ее съ собою. Приведши ее въ сознаніе, онъ возвращается въ свое отечество и въ нѣсколько недѣль ставитъ больную на ноги. Благодарная царевна обѣщаетъ ему тысячу милостей и награды, просясь возвратиться къ отцу; но еврей ничего не желаетъ, кромѣ любви ея. Несчастливая принцесса съ этихъ поръ начала понимать свое опасное положеніе и рѣшилась во что бы ни стало бѣжать. Ей удалось это, но не иначе, какъ голою изъ купальни. Очувтившись на свободѣ, она не думала о наготѣ, и бѣжала, сколько позволяли силы. Вскорѣ она очутилась на морскомъ берегу и увидѣла, что какой-то мужчина оставилъ одежду и лошадь свою подъ деревомъ, а самъ купается. Суадеть-Султанъ рѣшилась завладѣть имуществомъ его и вспрыгнувъ на лошадь, пустилась во всю прыть, не разбирая, куда скачетъ. Она уже отчаявалась, что не достигнетъ избраннымъ ею путемъ до жилищъ человѣческихъ, какъ вдругъ предъ нею открылась великолѣпная равнина, усѣянная тысячами людей. Дѣвица повернула въ сторону коня, но вдругъ какая-то птица садится къ ней на голову,—и вслѣдъ затѣмъ сотня всадниковъ останавливаютъ ее на всемъ скаку.—Что вамъ угодно? со страхомъ спросила она. Старшины отвѣчали ей съ почтеніемъ, что сегодня они избираютъ на престолъ царя, умершаго безъ потомства и что Аллахъ, посредствомъ сокола, опустившагося на ея голову, указываетъ на нее.—Повторите вашъ выборъ, отвѣчала имъ Суадеть-Султанъ,—потому что я женщина и не могу управлять народомъ.

Тогда старѣйшины отпустили ее и снова подбросили сокола,

но упрямая птица опять опустилась на голову наѣздницы. Ее снова взяли, но, увы, и въ третій разъ она опустилась на ту-же голову. Эта чрезвычайная случайность послужила поводомъ, что весь народъ единогласно потребовалъ остановить наѣздницу и сдѣлать ее падишахомъ. Сколько ни упрасивала ихъ царица отпустить ее, но все было напрасно. Ее возвели на тронъ, предоставивъ выбрать себѣ мужа, которому и передать правленіе. Сдѣлавшись царицею, Суадеть-Султанъ приказала лучшему живописцу снять портретъ свой и выставить предъ фонтаномъ съ тѣмъ, чтобы часовой слушалъ рѣчи всѣхъ тѣхъ, которые вздумали-бы что-нибудь сказать о ней и немедленно доносить ей. Прошло много дней. Однажды часовой денесъ султаншѣ, что какой-то еврей, остановившись предъ портретомъ ея, сказалъ: когда-то и у меня жила такая красавица, какая здѣсь нарисована, но Богъ вѣсть, гдѣ она дѣвалась.— Приведите его ко мнѣ, приказала царица. — А, Янкель, это ты? сказала она, — я тебя давно уже ожидаю, чтобы не оставаться въ долгу за исцѣленіе. И она приказала щедро его наградить. Вслѣдъ за лекаремъ царицѣ объявили, что какой-то молодой человѣкъ, взглянувъ на портретъ ея, такъ расплакался, что нѣтъ возможности его унять. При этой вѣсти забилось сердце доброй Суадеть-Султанъ. Она приказала привести его къ себѣ. Это былъ Асанъ. Увидѣвъ свою нѣжно любимую и такъ необдуманно наказанную подвліяніемъ ревности подругу, онъ упалъ къ ногамъ ея.—Моя несчастная мать всему причиною, говорилъ онъ, рыдая. Выслушавъ всѣ подробности, бывшія причиной такого поступка съ нею Асана, она подняла его, сказавъ:—Неблагодарный, я тебя сдѣлала счастливымъ, а ты варварски поступилъ со мною.—Не я, не я, кричалъ онъ,—а моя, безумная любовь ослѣпила меня. Теперь, вы нашли меня, чтобы отмстить достойнымъ образомъ, и онъ началъ валиться у ногъ государыни.

Его слезы и истинное раскаяніе тронули сердце доброй Суадеть. Она прослезилась и не только простила ему, но изъявила желаніе имѣть его мужемъ. И въ тотъ-же день на площади объявлено было народу, что Суадеть-Султанъ избрала себѣ въ супруги извѣстнаго ей умомъ, прекраснаго юношу изъ дальнихъ странъ.

Волшебный перстень.

Прекрасная царица Ханать-бей однажды сидѣла у окна янтарныхъ палатъ, сіяющихъ алмазами и брилліантами и любовалась голубями, воркующими на дворѣ. Мужа ея не было дома. Вдругъ предъ нею появился красивый еврей съ отлично выдѣланною уточкою въ рукахъ.

— Продаю, продаю! кричалъ онъ.—Отличается-ли чѣмъ нибудь эта игрушка отъ обыкновенныхъ? спросила царица.— Она поетъ человѣческимъ голосомъ всевозможныя пѣсни.—Что-же ты прошишь за нее?—Ей нѣтъ цѣны; но вашему величеству я готовъ

отдать ее за показъ царственной ножки. Царица сначала обидѣлась, но хитрый еврей прибинулся такимъ кроткимъ и наивнымъ, что она уступила его желанію и завладѣла чудесною игрушкою. Когда ушелъ этотъ купецъ, царица сильнѣе прежняго погрузилась въ размышленіе. Ей казалось, что быть женою свободнаго человѣка гораздо лучше, чѣмъ супругою царя, вѣчно угрюмаго и занятаго государственными дѣлами. Нѣсколько дней спустя этотъ-же самый еврей принесъ во дворецъ золотую овечку, отвѣчающую на всякаго рода вопросы. На этотъ разъ безцѣнную игрушку купецъ отдалъ молодой царицѣ за поцѣлуй руки. Черезъ недѣлю онъ опять явился предъ нею съ золотымъ голубемъ, обладающимъ способностью безустально рассказывать восхитительныя сказки. Послѣднюю забаву царица получила за поцѣлуй въ губы. Естественно, что достигнувъ этого, хитрый еврей началъ ласкаться предъ неопытною Ханать-бей и увѣрять ее, что онъ самъ происходитъ изъ царскаго рода и давнымъ-давно до безумія влюбленъ въ нее. Царица, увлеченная его пламенными рѣчами и страстными поцѣлуями, въ свою очередь воспламенилась и созналась, что давно тяготится одиночествомъ и охотно убѣжить съ нимъ, какъ можно подальше отъ ревниваго и злаго падишаха своего, если онъ въ состояніи предложить ей веселую жизнь. — Я за величайшее счастье счелъ-бы бѣгство съ вами — отвѣчалъ купецъ — но не рѣшаюсь, потому что мужъ вашъ обладаетъ такимъ талисманомъ, при содѣйствіи котораго онъ отыщетъ насъ и въ нѣдрахъ земли.

— Неужели онъ такъ властенъ и нѣтъ возможности укрыться отъ него!

— Ничего нѣтъ невозможнаго на свѣтѣ — возразилъ еврей и въ особенности, если намъ удастся похитить у него перстень, который онъ никогда не снимаетъ съ мезинца.

— Если только въ этомъ вся суть, то даю тебѣ честное слово, что чрезъ 10 дней талисманъ, этотъ будетъ въ нашихъ рукахъ. Обрадованный купецъ вышелъ полный счастья, а Ханать-бей слегла въ постель, объявивъ всѣмъ, что она заболѣла. Когда извѣстили объ этомъ падишаха, онъ въ тотъ-же часъ созвалъ всѣхъ своихъ медиковъ, но увы, къ отчаянію мужа, здоровье ея съ каждою минутою ухудшалось. Наконецъ появились признаки неминуемой смерти. Оставшись на-единѣ съ султаномъ, Ханать-бей начала прощаться съ нимъ.

— Боже, неужели нѣтъ никакихъ средствъ спасти тебя отъ преждевременной смерти? — сказалъ падишахъ въ отчаяніи. — Кто знаетъ можетъ быть и существуютъ, да мы не знаемъ. Впрочемъ мнѣ припоминается, что наканунѣ нашей свадьбы какая-то ворожея мнѣ предсказала эту страшную болѣзнь. — А не говорила она, чѣмъ можешь излѣчиться? — Говорила, но сказанному едвали можно вѣрить. — А напримѣръ? Ханать-бей долго не соглашалась сознаться, но наконецъ, какъ-бы уступая просьбамъ мужа, объявила, что будто ее можетъ спасти какой-то чудный

перстень, которымъ онъ обладаетъ. При этихъ словахъ султанъ затрепеталъ, но, уступая чувству любви, отвѣчалъ: „Ворожея тебя не обманула: я, дѣйствительно, обладаю славнымъ талисманомъ, котораго никогда не довѣрялъ никому; но такъ какъ твое здоровье дороже мнѣ всего на свѣтѣ, то я рѣшаюсь впервые снять его съ мезинца моей руки. Сказавъ это, онъ вручилъ женѣ небольшой перстень. Ханатъ-бей, принимая его съ недоувѣрчивою улыбкою, спросила у мужа, чѣмъ можетъ отличаться этотъ ничтожный на видъ перстень отъ прочихъ.—Онъ обладаетъ свойствомъ давать мнѣ такого слугу, который въ одинъ моментъ можетъ сдѣлать то, чего не въ состояніи выполнить весь человѣческій родъ; вдобавокъ, слуга этотъ знаетъ все, что дѣлается въ мірѣ.—Странно, возразила царица, какимъ-же образомъ ты вызываешь этого страшнаго слугу?— Я обыкновенно прикладываю перстень къ языку. Завладѣвъ могущественнымъ талисманомъ, царица начала показывать видъ, что чувствуетъ себя лучше, а на слѣдующій день поднялась съ постели. Падишахъ въ радости рѣшился оставить его на пальцѣ жены еще нѣсколько дней, между тѣмъ ему предстала необходимость выѣхать изъ столицы. Прощаясь съ женою на короткое время, онъ просилъ хранить талисманъ, какъ глаза свои, но не успѣлъ выѣхать изъ города, какъ она послала за евреемъ и вручая ему чудесный перстень, торопила къ бѣгству.

— А ну, попробуемъ значеніе этого безцѣннаго талисмана—сказалъ купецъ, лизнувъ его. Въ ту же секунду предъ нимъ предсталъ чудовищный арапъ съ требованіемъ дѣла. Перенеси насъ съ этимъ дворцомъ на дно морское, сказалъ еврей—но такъ поставь его, чтобы вода не проникла къ намъ. Арапъ исчезъ, но чрезъ минуту заявилъ, что порученіе въ точности исполнено. Недовѣрчивый еврей бросился къ окну и, убѣдившись въ этомъ, отпустилъ слугу и съ этой минуты сдѣлался полнымъ властелиномъ Ханатъ-бей.

Объ исчезновеніи царскаго дворца съ султаншею и бывшимъ у нея купцомъ-евреемъ, сейчасъ же донесено было падишаху. Понявъ, въ чемъ дѣло, государь заскрежеталъ зубами и, поклявшись во что бы ни стало отыскать виновныхъ, взялъ на плечо ружье и отправился въ путь, сопровождаемый преданной ему собакою.

Два года онъ странствовалъ по міру; но, увы, никто ему не могъ сообщить ничего относительно дворца и жены. Несчастный султанъ, изнеможенный до крайности, уже рѣшился возвратиться въ государство свое, какъ вдругъ онъ замѣтилъ на берегу моря безчисленное множество мышей, марширующихъ правильными колоннами и повидимому отправлявшихъ государственную службу. Это его очень заняло; между тѣмъ собака его съ ожесточеніемъ бросилась на этихъ крошечныхъ животныхъ и беспощадно переранила нѣсколько десятковъ. Мыши не замедлили донести объ этомъ печальномъ событіи своему царю, а этотъ послѣдній рѣ-

шился отправить къ страннику нарочнаго съ просьбою воздержать собаку свою отъ варварскаго обхожденія съ его подданными, которые всегда рады служить человѣку. Султанъ отвѣчалъ, что готовъ уйти отъ этого мѣста, если онъ чрезъ подданныхъ своихъ отыщетъ или узнаетъ, гдѣ находится его дворець съ женою.

Владыка подземныхъ норъ, отдалъ приказаніе собрать всѣхъ подданныхъ и самъ началъ допрашивать ихъ, но никто не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта и уже несчастному царю мышей приходилось скорбѣть, какъ вдругъ одинъ изъ министровъ его замѣтилъ показавшуюся изъ пѣны морскихъ волнъ безхвостую мышъ. Пославъ за нею офицера, министръ приказалъ предварительно высѣчь ее за самовольную отлучку и немедленно представить предъ владыкой. — Ну, а ты, что мнѣ скажешь противъ этого? спросилъ царь мышей — когда ей предложили вопросъ. — Я только сейчасъ вышла изъ этого дворца — отвѣчала безхвостая — и своими глазами видѣла царицу, сидящую около еврея. Отвѣтъ этотъ обрадовалъ всѣхъ мышей и безхвостая въ ту же минуту отправлена была къ страннику за конвоемъ. Султанъ, убѣдившись въ дѣйствительности видѣннаго этою мышью спросилъ: не знаетъ ли она, гдѣ хранить подлый жидъ его чудесный перстень? — Онъ вкладываетъ его въ одну изъ ноздрей своихъ. — А не можешь ли ты, голубушка, какъ-нибудь похитить его и доставить мнѣ? — Могу, но только при содѣйствіи одной изъ подругъ моихъ, у которой подлиннѣе хвостъ. Султанъ снова написалъ къ повелителю мышей, прося его дальнѣйшаго содѣйствія. Просьба была принята безпрекословно и чрезъ нѣсколько минутъ, отправлена на дно морское небольшая экспедиція самыхъ быстрыхъ и ловкихъ мышей. Когда она достигла до дворца и проникла въ опочивальню царицы, гдѣ спали крѣпкимъ сномъ нѣжные бѣглецы, безхвостая мышъ приказала подругѣ своей намочить хвостъ въ медѣ и, окативъ его въ нюхательномъ табакѣ, очень осторожно взобраться на подушку, гдѣ покоилась голова коварнаго еврея и съ быстротою молніи впустить ему въ носъ кончикъ хвоста. Не успѣла выполнить длиннохвостая послѣдняго порученія, какъ спящій купецъ чихнулъ съ такою силою, что знаменитый перстень очутился въ самомъ отдаленномъ концѣ комнаты. Этого только и желала безхвостая. Естественно, что, подхвативъ талисманъ, она въ тотъ же моментъ выбралась изъ дворца и пустилась къ берегу.

Между тѣмъ, неведая отъ материка, экспедиція отважныхъ мышей заспорили между собою, кому изъ нихъ принадлежитъ честь пріобрѣтенія перстня. Споръ кончился тѣмъ, что спорившія подрались и выронили чудесный перстень. Со страхомъ и трепетомъ, полныя ненависти другъ къ другу, онѣ вышли на берегъ и сознались владыкѣ своему въ несчастіи съ присовокупленіемъ, что талисманъ подхватила какая-то рыба. Съ царемъ мышей сдѣлался ударъ и онъ тутъ же испустилъ послѣднее дыханіе. Министры, не менѣе напуганные послѣдствіями гнѣва

ужаснаго странника, не знали, чѣмъ отговориться, но наконецъ, посправившись въ норы, отправили безхвостую на объясненіе къ падишаху людей. Султанъ, узнавъ объ этомъ горестномъ событіи, началъ плакать. Тронутая его слезами мышь объявила, что не слѣдуетъ предаваться отчаянію, потому что она узнаетъ рыбу, подхватившую перстень и что если онъ заблагоразсудитъ взять ее въ сопутники свои по берегу морскому, то авось она вторично прислужится ему. Два дня и двѣ noci, они не переставали идти, постоянно обращаясь къ морскимъ птицамъ съ вопросомъ: не встрѣчали ли онѣ рыбы, проглотившей волшебный перстень, но ни одна изъ нихъ не могла дать удовлетворительнаго отвѣта. Наконецъ, утомленные, они остановились на отдыхъ. Вдругъ къ султану подбѣжала безхвостая мышь и указывая ему лапкою въ даль морскую, увѣряла, что она видитъ на поверхности ея умирающую рыбу, которая имѣетъ большое сходство съ похитившею перстень. Пошли за нею поскорѣе твою собаку, иначе коршуну предупредить насъ. Султанъ послушалъ ее и когда собака принесла въ зубахъ рыбу, безхвостая закричала: это она, она! Султанъ, дрожащею рукою вскрылъ ее и къ неописанной радости отыскалъ свой волшебный перстень. Въ ту же минуту, онъ прикоснулся къ нему языкомъ и приказалъ явившемуся арапу немедленно перенести дворецъ его съ женою, евреемъ и имъ самимъ на прежнее мѣсто.

Часъ спустя, султанъ окруженный вельможами и преданными слугами, разъяснилъ имъ поступокъ жены и затѣмъ всѣхъ почти ввелъ въ спальню, гдѣ продолжала почивать султанша около еврея. Показавъ эту возмутительную картину, добрый падишахъ спросилъ: какъ слѣдуетъ наказать виновныхъ? Сжечь ихъ съ оскверненнымъ дворцомъ! кричала толпа. Требованіе народа было выполнено въ точности.

Несчастный царевичъ.

Въ одномъ изъ азіатскихъ государствъ царствовалъ великій султанъ Решидъ, котораго Аллахъ наградилъ четырьмя сыновьями, изъ нихъ трое достигли совершеннolѣтія, а послѣднему было не болѣе 12 лѣтъ. Падишахъ этотъ ежегодно сѣялъ въ большомъ количествѣ золотую пшеницу и, по уборѣ, переливалъ ее въ золотые слитки. Но, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ не могъ получить ни единаго зерна, потому что пшеница похищалась какими-то таинственными ворами. Между тѣмъ приближалось время новой жатвы. Султанъ, потерявшій вѣру въ честность слугъ, обратился къ старшему сыну съ просьбою постеречь ниву. Авось тебѣ удастся поймать вора—сказалъ онъ. Наслѣдникъ престола безпрекословно повиновался, но увы, часть нивы все таки была похищена. На слѣдующую ночь вышелъ сторожить второй сынъ, но та же участь постигла ниву. Пришла очередь третьему брату. Проспавъ цѣлый день, онъ всю ночь рѣшился

наблюдать, спрятавшись въ кустахъ. Въ полночь молодой чело-
вѣкъ оглушенъ былъ какимъ-то свистомъ и затѣмъ онъ увидѣлъ
коня съ сѣдокомъ, быстро опустившихся на ниву. Лошадь скры-
лась, а сѣдокъ принялся косить и сгребать золотую пшеницу.
Царевичъ прилежъ и началъ ползкомъ подбираться къ вору.
Вскорѣ онъ добрался до страшнаго арапа съ длинными бѣлыми
волосами, быстрѣ тигра бросился впередъ, схватилъ его за косы
и началъ тащить за собою. Арапъ тяжело вздохнулъ, чув-
ствуя себя лишеннымъ силы, которая зависѣла отъ свободы
его волосъ. Притащивъ могущественнаго вора въ дворецъ, царе-
вичъ сдалъ его отцу. Вѣсть объ этомъ быстро разошлась по го-
роду и всѣ обитатели столицы толпами собирались смотрѣть на
чудовище. Нѣсколько дней спустя, страшный арапъ спущенъ былъ
въ глубочайшій погребъ и къ каждому волосу его привязана была
жельзная гири. Затѣмъ султанъ Решидъ извѣстилъ всѣхъ сосѣд-
ныхъ царей, о подвигѣ сына своего и просилъ ихъ пожаловать
въ назначенный день, посмотрѣть на небывалое чудовище. Цари
не замедлили изъявить согласіе. Однажды султанъ выѣхалъ съ
старшими сыновьями на охоту; младшему же для развлеченія
мать позволила играть на дворѣ въ мячъ. Прыгая и бросая его,
Керимъ, какъ-то нечаянно, закатилъ игрушку свою въ тотъ пог-
ребъ, гдѣ лежалъ неподвижно арапъ. Царевичъ требовалъ отъ
слугъ, чтобы достали его, но никто не рѣшался спуститься къ
чудовищу. Разсерженный непослушаніемъ и трусливостью ихъ,
мальчикъ отправился въ кабинетъ отца и, взявъ ключи отъ пог-
реба, самъ спустился въ подземелье. Нашедши игрушку свою,
Керимъ собирался уже выйти, какъ вдругъ чудовище начало
умолять облегчить его мученіе, освобожденіемъ хотя десяти во-
лосинокъ. Повѣрь, сынъ мой, что я рано или поздно отблагодарю
тебя за эту услугу — сказалъ арапъ. Керимъ, не подозрѣвая въ
этомъ ничего дурнаго, охотно исполнилъ просьбу, но прежде
чѣмъ онъ отошелъ отъ арапа, чудовище трянуло головою и,
освободившись отъ оковъ, въ одинъ прыжокъ очутилось на дворѣ.
Не теряя драгоценнаго времени, арапъ свистнулъ и предъ нимъ
очутился крылатый конь. Прощай, мой спаситель — сказалъ онъ,
обращаясь къ царевичу — я въ тысячу разъ отблагодарю тебя за
освобожденіе мое. Съ этими словами онъ вспрыгнулъ на коня
и взвился къ облакамъ.

Все это видѣла изъ окна трепещущая царица. Какъ на зло въ
эту минуту выѣхалъ во дворъ и султанъ со свитой и многими
царями, прибывшими посмотреть на чудовище. Естественно, что
султанша не замедлила выбѣжать на встрѣчу къ мужу и сообщить
ему подробно о поступкѣ Керима.

Возмущенный до безумія султанъ выхватилъ изъ за пояса кин-
жалъ и бросился на виновнаго сына, но въ тотъ моментъ, когда онъ
хотѣлъ убить его, пріѣхавшіе въ гости цари остановили Решида,
прося пощадить жизнь неразумнаго мальчика. „Изъ уваженія къ
вамъ я не убью его теперь, говорилъ царь, но послѣ отъѣзда

вашего, онъ долженъ умереть.“ Гости продолжали настаивать на прощаніи. „Я не могу его видѣть съ этой минуты—отвѣчалъ онъ. Въ такомъ случаѣ прикажи несчастному удалиться изъ твоей столицы и гнѣвъ твой остынетъ. Решишь въ ту же минуту приказалъ выпроводить Керима за городъ, вручивъ ему на дорогу нѣсколько кусковъ черстватаго хлѣба. Распоряженіе это жестоко поразило султаншу, но такъ какъ она не могла помочь бѣдѣ, то послѣдила написать нѣсколько словъ родственнику своему Дервишъ-султану, умоляя его принять сына ея и сдѣлать полезнымъ его званію. Затѣмъ, вручивъ ему это письмо и, наложивъ одну изъ саквъ золотыми монетами, а другую прѣсными лепешками, такъ какъ мальчику предстояло проѣзжать безводную пустыню, усадила его на лошадь и, пожелавъ счастливой жизни, простилась съ нимъ навсегда. Одинъ изъ придворныхъ слугъ, вывелъ Керима за городъ и, указавъ направленіе, по которому онъ долженъ ѣхать, также пожелавъ ему счастливаго пути, возвратился домой. Оставшись одинокимъ въ степи, царевичъ поскакалъ въ предположеніи скорѣе доѣхать къ дядѣ. Къ вечеру Керимъ замѣтилъ, что за нимъ скачетъ какой-то всадникъ. Полагая, что это посланный отъ родителей, онъ остановился. Нѣсколько минутъ спустя къ нему подѣхалъ молодой человѣкъ и, поздоровавшись, спросилъ, откуда и куда онъ ѣдетъ? Добросердечный Керимъ не только разсказалъ свое направленіе, но и всѣ подробности постигшаго его несчастія.

— Очень радъ—отвѣчалъ всадникъ—быть тебѣ сопутникомъ. Я тоже ѣду въ столицу Дервишъ-султана.

Молодые люди продолжали путь до глубокой ночи. Наконецъ, царевичъ утомился и пожелалъ заснуть. Али не противорѣчилъ ему и они расположились на ночлегъ въ чистомъ полѣ на мягкой травѣ. Керимъ, въ ту же минуту, захрапѣлъ крѣпкимъ сномъ; между тѣмъ, сопутникъ его, въ полномъ убѣжденіи, что царевичъ не знаетъ, что положено въ его портъ-сакѣ, соизволилъ выпорожнить ихъ и наложить своими солеными лепешками. На утро, Керимъ, захотѣлъ позавтракать и сѣлъ двѣ лепешки. Часъ спустя, бѣдняжка, почувствовалъ сильную жажду. На вопросъ его: гдѣ бы, достать воды? Али отвѣчалъ, что они скоро подѣдутъ къ колодезю. И, дѣйствительно, они скоро подѣхали къ нему.—Ну, добрый товарищъ—сказалъ Керимъ—потрудись достать мнѣ воды напитъся. Я не имѣю ни веревки, ни посуды, чтобы исполнить твою просьбу—отвѣчалъ Али. Если же тебя мучитъ жажда, ты можешь самъ спуститься въ колодезь. Царевичъ долго умолялъ его смиловаться надъ нимъ, но, видя его неуступчивость, самъ рѣшился опуститься въ него. Когда онъ утолил жажду и собирался выйдти, надъ головою его появился Али, съ громаднымъ камнемъ въ рукахъ.—Остановись, Керимъ—сказалъ онъ—или я брошу на твою голову этотъ камень. Я имѣю кое-что предложить тебѣ. Поклянись мнѣ исполнить безпрекословно мое желаніе, если не желаешь умереть. Испуганный маль-

чить, трижды произнесъ клятву.—Слушай же: я хочу, чтобы ты сдѣлался Алиемъ, т. е. мною, а я — Керимомъ, т. е. тобою. Ты передашь мнѣ письма твоей матери къ Дервишъ-султану и признаешь меня своимъ господиномъ; если же ты добровольно не согласишься на это, я могу убить тебя и завладѣть твоимъ письмомъ.—Согласенъ на все—отвѣчалъ онъ—только не убивай меня. Вышедши изъ колодезя, Керимъ безпрекословно передалъ коварному Алию свою одежду съ письмомъ, и одѣвшись въ его платье, послѣдовалъ за нимъ въ качествѣ раба. Мѣсяцъ спустя, молодые люди пріѣхали въ столицу Халемъ-шаадъ и поспѣшили явиться въ янтарный дворецъ Дервишъ-султана. Когда впустили въ приемную Алиа и падишахъ прочиталъ письмо родственницы, онъ немедленно вышелъ къ нему съ распростертыми объятіями и тутъ же наименовалъ своимъ наслѣдникомъ, такъ какъ не имѣлъ ни братьевъ, ни сыновей. Въ тотъ же день мнимому Кериму отведены были лучшія комнаты, а несчастнаго царевича оставили при конюшнѣ.

Вслѣдъ затѣмъ Али познакомился съ единственною дочерью Дервишъ-султана и ласкалъ себя надеждою сдѣлаться ея мужемъ, что согласовалось съ мыслями и отца, но прелестная царевна съ перваго взгляда почувствовала къ нему страшное отвращеніе. Однажды, за большимъ обѣдомъ, Дервишъ-султанъ, хвастаясь своимъ богатствомъ, выразилъ сожалѣніе, что у него нѣтъ 40 лошадей съ золотыми гривами и хвостами. Всѣ присутствующіе отвѣчали, что это желаніе не естественно.—А я вамъ скажу—перебилъ мнимый Керимъ—что это легко и возможно.—Какимъ образомъ? спросили всѣ.—Это увидите послѣ—отвѣчалъ онъ. Потрудитесь, дядюшка, приказать изготовить 40 лошадей, которыхъ желали бы видѣть съ позолоченными гривами и хвостами, а остальное я сдѣлаю. Султанъ отдалъ приказъ, а Али, призвалъ Керима, котораго желалъ погубить, и объявилъ ему, что онъ обязанъ, въ теченіи 40 дней, озолотить гривы и хвосты 40 лошадямъ Дервишъ-султана, иначе лишится головы. Мальчикъ, выслушавъ приказаніе, горько заплакалъ, но, ничего не говоря, вскочилъ на одну изъ отданныхъ ему лошадей, а остальныхъ погналъ впередъ, самъ не зная, куда ѣхалъ. Болѣе недѣли онъ скакалъ, не останавливаясь. Наконецъ, утомленный, онъ расположился на отдыхъ на великолѣпныхъ лугахъ, Богъ-вѣсть, кому принадлежащихъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Между тѣмъ, луга эти принадлежали тому самому арану, котораго Керимъ спасъ и за котораго погубилъ себя. Случилось такъ, что въ этотъ день владѣлецъ обходилъ свои владѣнія и, замѣтивъ, что на лучшихъ подпаяхъ его, пасутся чужія лошади, съ ожесточеніемъ приблизился къ нимъ, но каково было его изумленіе, когда онъ нашелъ спящимъ подъ деревомъ избавителя своего, Керима. Обрадованный этимъ, онъ, съ нѣжностію матери, владѣ царевича на рукахъ и принесши въ свои чертоги, положилъ на самыя мягкія перины; самъ же помѣстился въ углу въ ожиданіи его пробужденія. Предъ вечеромъ,

Керимъ открылъ глаза и изумился, видя, что покоится во дворцѣ, сіяющемъ золотомъ и драгоценными камнями, но замѣтивъ страшнаго арапа, онъ до того испугался, что послѣдшій закрылся одѣяломъ. Однако арапъ, подмѣтивши, въ чемъ дѣло, прильнулъ къ нему и, напоминая о себѣ, разсказалъ, какимъ образомъ нашель его въ степи и перенесъ въ свой дворецъ. Тогда только Керимъ доврчиво протянулъ къ чудовищу руку и поблагодарилъ его за участіе. Арапъ застучалъ въ ладоши и 40 дѣвъ-прислужницъ сбѣжались для различнаго рода услугъ. Поданы были золотыя рукомойники и кашемировыя утиральники. Давно уже бѣдный Керимъ не видѣлъ такого обращенія съ нимъ. Умывшись, царевичъ взятъ былъ за руку хозяиномъ и отведенъ къ семейству его. — Вотъ мой спаситель — сказалъ онъ — подводя юношу къ женѣ и тремъ дочеримъ, кланяйтесь и благодарите его. Я желаю бы, чтобы каждая изъ васъ принесла ему въ даръ самую любимую изъ вещей своихъ. Хозяйка дома поспѣшила поцѣловать руку Кериму и поднесла ему въ даръ небольшую деревянную коробочку. Старшая дочь, послѣдовавъ матери, подарила ему маленькую цвѣтную палочку; вторая вручила ему грецкій орѣхъ, а самая меньшая — лѣсной. Царевичъ принялъ всѣ эти, повидимому, ничтожныя вещи и положилъ ихъ въ карманъ. — Благодарю васъ, мои милыя — сказалъ арапъ — но такъ какъ значеніе подаренныхъ вами вещей не можетъ быть извѣстно спасителю моему, то потрудитесь каждая изъ васъ объяснить, что вы дарите ему не пустыя вещицы.

— Если ты вздумашь когда-нибудь, сынъ мой — сказала мать семейства — имѣть такого коня, на которомъ желалъ бы въ нѣсколько часовъ облетѣть вселенную, то открой мою коробочку и предъ тобою явится крылатый дульдуй. Когда же онъ не будетъ тебѣ нуженъ — закрой ее и онъ исчезнетъ. — Если тебѣ, спасителю отца моего — заговорила старшая дочь — когда-нибудь захочется пообѣдать великолѣпнымъ образомъ, ударь моею палочкою по землѣ и предъ тобою накроется столъ со всевозможными кушаньями. — Если же когда-нибудь — сказала вторая сестра, тебѣ понадобится праздничная одежда, ты постучи въ мой орѣхъ и она явится предъ тобою. — Если ты пожелаешь когда-нибудь, сказала меньшая — послушать отличную музыку и видѣть пляску прелестныхъ фей, развинти мой орѣшекъ и все это увидишь и услышишь. Удивленный Керимъ не зналъ, какъ благодарить добрыхъ женщинъ. — Это еще не все — прервалъ его арапъ. Теперь очередь моя предложить тебѣ что-нибудь полезное на память. Пойдемъ со мною. Бѣловолосый арапъ ввелъ его въ глубокой погребъ и, нацѣдивъ изъ одной бочки какой-то жидкости, поручилъ выпить ее. Когда Керимъ исполнилъ его порученіе, арапъ спросилъ: замѣчаетъ ли онъ какую-либо перемѣну въ силахъ своихъ? — Миѣ кажется, что я такъ силенъ — отвѣчалъ царевичъ, что легко могу сдвинуть этотъ домъ. — Это тебѣ такъ кажется. Выпей-ка изъ этого боченка. Послѣ второй рюмки юноша хвастался, что мо-

жетъ поднять на плечахъ миллионы пудовъ. Арапъ улыбнулся и далъ ему напитокъ изъ третьяго сосуда.—Теперь сказалъ онъ— ты стоишь въ числѣ сильнѣйшихъ богатырей міра и можешь выступить противъ такого падишаха, какъ твой отецъ. Затѣмъ Керимъ приглашенъ былъ къ обѣду, послѣ котораго арапъ посадилъ его около себя и началъ разспрашивать, какимъ образомъ онъ очутился въ его владѣніяхъ. Молодой человѣкъ заплакалъ и передалъ ему все, чему онъ подвергнулся съ тѣхъ поръ, какъ освободилъ его, и какъ наконецъ злой Али заставилъ его сдѣлаться своимъ рабомъ и чтобы погубить, придумалъ позолотить гривы и хвосты 40 лошадямъ.

Арапъ вздохнулъ и отвѣчалъ: ты долженъ сдержатъ клятву до извѣстнаго времени, а между тѣмъ я буду выполнять всѣ порученія, которыя будетъ тебѣ давать этотъ негодный человѣкъ, съ цѣлю согнать тебя съ лица земли. Не бойся же ничего: пей, ѣшь и веселись у меня; на 39-й день лошади, приведенныя тобою, будутъ позолочены и ты отправишься домой. Дульдудь, подаренный тебѣ женою моею, доставитъ тебя вовремя. И дѣйствительно, въ условленное время лошади Керима съ позолоченными гривами и хвостами уже стояли предъ дворцомъ. Царевичъ, прошившись съ радушными хозяевами, открылъ подаренную ему корбочку и предъ нимъ явился величественной крылатый конь. Увидѣвъ его, лошади съ сіяющими гривами не замедлили упасть на колѣна. Керимъ, привязавъ ихъ къ дульдудю, вскочилъ на него и вмигъ исчезъ изъ виду. Нѣсколько часовъ спутя онъ очутился у столицы Дервишъ-султана. Спѣшившись, онъ скрылъ своего коня и, сѣвъ на одну изъ 40 лошадей, тихо направился къ дворцу. Когда извѣстили Алиа, что прибылъ его слуга, буквально выполнивъ порученіе его, злой человѣкъ покраснѣлъ отъ негодованія; но однако вышелъ съ султаномъ посмотрѣть, въ какой степени это справедливо. Падишахъ до того былъ удивленъ искусствомъ Керима, что не зналъ, какъ отблагодарить его. Юноша отказался отъ всякихъ вознагражденій и, передавъ лошадей конюху, отправился въ свою конурку. Вечеромъ Кериму, видѣвшему, какъ пируетъ Али во дворцѣ съ его дядею, стало очень грустно. Желая сколько-нибудь утѣшить себя, онъ вынулъ дорогіе подарки свои и прежде всего стукнулъ волшебной палочкой по землѣ. Предъ нимъ явился столъ съ сотнею сортовъ самыхъ лучшихъ кушаній; затѣмъ одѣвшись въ великолѣпный царскій нарядъ, добытый изъ орѣха, онъ вызвалъ музыкантовъ съ танцорками и предался кейфу. Въ это время царевна сидѣла у окна своего и, пораженная сладкими звуками музыки, играющей въ конурѣ, рѣшилась взглянуть, кто это играетъ. Подкравшись на цыпочкахъ къ дверной щели, царевна удивлена была прекраснымъ лицомъ Керима и его роскошнымъ столомъ. Наслушавшись музыки, дѣвица возвратилась въ свою комнату, но всю ночь предъ глазами ея вертѣлся молодой человѣкъ въ роскошномъ нарядѣ. Между тѣмъ въ эту ночь произошло странное явленіе: вся столица освѣщена была

такимъ сіяніемъ, что многіе предполагали появленіе новаго солнца. Пронсшествіе это сильно заинтересовало султана и онъ потребовалъ отъ ученыхъ разъясненія, но увы никто не могъ разъяснить ему причины. Тогда Али, неперестававшій думать объ уничтоженіи Керима, сообщилъ царю, что работникъ его можетъ узнать то, что интересуетъ его. Султанъ немедленно пригласилъ Керима и началъ его просить открыть ему причину таинственнаго свѣта.—Твой отвѣтъ я буду ожидать въ теченіи сутокъ—прибавилъ Али, но затѣмъ, если не удовлетворишь насъ, ты будешь обезглавленъ.

Керимъ почтительно выслушалъ приказаніе господина своего и, немедленно вышедъ за городъ, вскочилъ на дульдудя своего и полетѣлъ къ бѣловолосому арапу. Чудовище приняло его съ радостію и, созвавъ всѣхъ орловъ и птицъ ночныхъ, потребовало разъясненія предложеннаго Керимомъ вопроса. Всѣ птицы единогласно отвѣчали, что причиною этого сіянія было то, что великолѣпная райская птица, принадлежащая первой волшебницѣ міра, выронила одно изъ золотыхъ перьевъ своихъ, которое унесено было вѣтромъ, и, пролетая мимо столицы Дервишъ-султана, освѣтило ее солнечнымъ сіяніемъ. Пообѣдавши съ арапомъ, Керимъ къ вечеру возвратился къ господину своему и передалъ ему все, что узналъ.—Я не хочу вѣрить тебѣ—сказалъ Али—и до тѣхъ поръ не повѣрю, пока ты не доставишь мнѣ это перо. Ступай же за нимъ, иначе я прикажу тебя повѣсить. Несчастный Керимъ не противорѣчилъ и снова вскочивъ на крылатога коня, приказалъ ему летѣть туда, гдѣ находится въ настоящее время золотое перо. Достигнувъ до него, царевичъ закрылъ его своимъ кафтаномъ и въ нѣсколько минутъ возвратился съ нимъ къ Алію. Али поспѣшилъ предложить его царевичу, но она отказалась принять на томъ основаніи, что оно не имъ лично найдено. Отказъ этотъ озлобилъ Алія еще сильнѣе противъ работника своего. Погруженный въ размышленія, онъ придумалъ, что если пошлетъ Керима за тою самою птицею, которой принадлежитъ это перо, то онъ навѣрно не возвратится—и, потребовавъ его къ себѣ, приказалъ во чтобы то ни стало доставить ее въ теченіи 40 дней.

Керимъ удивился нахальству этого человѣка, но не противорѣчилъ. Въ тотъ же день царевичъ отправился къ своему благодѣтелю и разсказалъ ему про новое порученіе.—Какъ не трудно выполнить его—отвѣчалъ арапъ, но, ради тебя, я долженъ достигнуть успѣха. На это намъ потребуется употребить 5 дней, слѣдовательно, ты можешь пировать съ нами 35 дней. По истеченіи указаннаго срока, они приготовились въ путь. Арапъ приказалъ привязать къ сѣдлу своему одного барана и большую вязанку сѣна. Это для какой надобности? спросилъ Керимъ.—Видишь ли, мой другъ—отвѣчалъ арапъ—обладательница этой чудной птицы содержитъ у воротъ дворца своего льва и лошадь, которыхъ мучитъ голодомъ, но, не смотря на это, они исполняютъ ея приказанія: лошадь нагоняетъ всякаго дерзкаго, а левъ раз-

рываетъ его въ куски и поѣдаетъ. Намъ не мѣшаетъ покормить ихъ, чтобы сдѣлать друзьями.—Но вѣдь мы можемъ перелетѣть чрезъ стѣны замка?—Стѣны этой волшебницы заколдованы и нѣтъ возможности не только человѣку, но даже и вѣтру перелетѣть чрезъ нихъ. Теперь другой совѣтъ—сказалъ арапъ. Когда мы проникнемъ во дворъ страшной волшебницы, намъ покажется гнилой ручей воды. Ты подойди къ нему, напейся и какъ можно больше хвали достоинство его воды; за ручьемъ мы встрѣтимъ громаднѣйшее дерево съ червивыми грушами. Это дерево, по приказанію хозяйки, вытягивается и всею тяжестью своею падаетъ на голову того, кто дерзнетъ пройти мимо его. Ты подойди къ нему также и съѣвши отъ плодовъ его, похвали ихъ. Затѣмъ мы подойдемъ къ дворцу волшебницы, подъ окномъ которой, на высококомъ деревѣ, въ золотой клѣткѣ, виситъ райская птица. Вскочивъ на дульдуду своего ты не медля ни минуты, старайся сорвать ее вмѣстѣ съ клѣткою и бѣжать тѣмъ путемъ, которымъ мы войдемъ. При этомъ не забывай, что дерево это будетъ гнуться и выдѣлывать всевозможныя штуки, чтобы избѣгнуть твоего прикосновенія; знай также и то, что если ты до трехъ разъ не схватишь клѣтки, то по волѣ спящей колдуньи, ты превратишься въ каменную массу.

Нѣсколько часовъ спустя путешественники наши прибыли къ воротамъ волшебницы и, накормивъ льва и лошадь, свободно прошли во дворъ и остановились у гнилаго ручья, воду котораго восхвалили до небесъ. Тоже сдѣлали съ плодами грушеваго дерева. Затѣмъ они подступили къ дереву, на которомъ красовалась въ золотой клѣткѣ сіяющая птица.

— Ну, ступай съ Богомъ—сказалъ арапъ, остановившись—а я буду смотрѣть на твое джигитство. Авось ты будешь счастливейе всѣхъ тѣхъ камней, которые окружаютъ это дерево. Керимъ прошепталъ молитву и прищипорилъ коня, но въ тотъ моментъ, когда онъ протянулъ руку къ клѣткѣ, дерево съ быстротою вѣтра пригнулось. Царевичъ вторично налетѣлъ на него, но опять неудачно.—Берегись! крикнулъ арапъ. Керимъ въ послѣдній разъ прищипорилъ летуна. Дерево начало раскачиваться, но на этотъ разъ ему не удалось обмануть молодца и клѣтка съ птицею очутилась въ рукахъ царевича. Тогда золотая птица закричала о спасеніи. Волшебница очнулась и видя, что воры бѣгутъ, приказала грушевому дереву раздавить ихъ, но дерево отвѣчало:—Я имъ очень благодарна за оказанныя мнѣ почести и не считаю нужнымъ оскорблять.—Ручей—ревѣла въ отчаяніи царевна—останови грабителей! но онъ отвѣчалъ: Ты всегда съ отвращеніемъ смотрѣла на меня, а эти люди пили мою воду и восхищались ею.—Левъ и лошадь, остановите воровъ! но и они отвѣчали, что этого не сдѣлаютъ людямъ, накормившимъ ихъ. Между тѣмъ путешественники, вырвавшись на свободу, поднялись къ небу и въ нѣсколько часовъ достигли столицы Дервишъ-султана. Здѣсь арапъ простился съ Керимомъ, а послѣдній, скрывъ скакуна своего, от-

правился во дворецъ. Али съ султаномъ вышли къ нему на встрѣчу и приняли золотую птицу, которую Али поспѣшилъ поднести въ даръ царевнѣ, но она и на этотъ разъ отказалась отъ подарка, прибрѣтеннаго чужими руками. Царевичъ снова возвратился въ свою конуру и, предаваясь кейфу, открылъ всѣ вещи, подаренныя ему семействомъ арапа. Вскорѣ звуки музыки и пѣсни волшебныхъ баядерокъ дошли до слуха царевны и она вновь, подошедъ къ убогому жилищу юноши, начала любоваться его прекраснымъ лицомъ и царскою обстановкою. Тѣмъ временемъ приближался срокъ клятвы, данной Керимомъ Алию. Послѣдній хотя и зналъ объ этомъ, но увѣренный въ беспредѣльной преданности къ нему Дервишъ-султана, обѣщавшаго всенародно признать его своимъ наслѣдникомъ, мало заботился объ этомъ. Однако, однажды возвращаясь съ прогулки, какая-то ворожея предсказала ему скорую гибель, если только не удастся ему сокрушить своего слугу. Это встревожило Алиа и онъ спросилъ старушку, какимъ же образомъ можно погубить его?—Остается одно средство—отвѣчала она—прикажи ему доставить къ себѣ самое владѣлицу райской птицы. По моему онъ этого не въ состояніи исполнить. Али, возвратившись во дворецъ, немедленно потребовалъ Керима и приказалъ ему въ теченіи 40 дней доставить, къ нему волшебницу—царевну, бывшую обладательницу золотой птицы. Несчастный царевичъ приложилъ руку къ сердцу, въ знакъ послушанія и сейчасъ же пустился въ путь къ благодѣтельному арапу. Дорогой юноша рассчиталъ, что чрезъ сорокъ дней онъ будетъ свободенъ отъ клятвы и что это есть послѣднее порученіе злаго чловѣка, отобравшаго отъ него имя и свободу. Арапъ, выслушавъ молодого друга своего, покачалъ головою, однако отвѣчалъ, что онъ вызоветъ лучшихъ совѣтниковъ своихъ, и затѣмъ дастъ ему наставленіе. Пробывъ у благодѣтеля своего около 35 дней, Керимъ началъ подготавливаться къ трудному дѣлу и явился за наставленіемъ къ арапу, который, посадивъ его около себя, сказалъ:—Ты, вѣроятно, не забылъ, нашей послѣдней прогулки къ этой царевнѣ и какъ мы задабривали льва, лошадь, ручей и дерево. Все это ты долженъ сдѣлать и теперь, но, кромѣ этого, входя во дворецъ волшебницы, которая спитъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, ты не иначе переходи изъ комнаты въ комнату, какъ смазавши каждую дверь благовоннымъ масломъ. Сдѣлавши это, войди смѣло въ спальню колдуньи, схвати ея желтую сорочку, висящую у изголовья, и безъ оглядки бѣги вонъ. Царевна въ ту же минуту проснется и будетъ приказывать дверямъ запереться, чтобы ты не успѣлъ выйти на дворъ, но двери не послушаютъ ее, такъ точно, какъ и остальные охранители ея дворца. Когда же ты войдешь за ограду замка и она убѣдится въ своемъ безсиліи остановить тебя, тогда начнетъ умолять тебя возвратиться и побѣждаетъ исполнить всѣ твои желанія. Однако ты не слушай ее до тѣхъ поръ, пока она не поклянется въ этомъ всѣми святостями мира и небесъ. Затѣмъ возвращайся и бери ее съ собою. Ке-

римъ, поблагодаривъ арапа, вскочилъ на дульдуду и полетѣлъ въ заколдованный дворецъ знаменитой волшебницы. Все заповѣданное арапомъ онъ выполнилъ буквально, и дѣйствительно, когда онъ очутился за воротами, царевна начала умолять его возвратиться къ ней, общія повиноваться и исполнить всѣ требованія его. Керимъ остановился и потребовалъ клятвы въ томъ, что обязывается раболѣпно повиноваться и даже слѣдовать за нимъ. Царевна долго упорствовала, но принуждена была произнести клятву. Юноша возвратился и приказалъ ей готовиться къ отъѣзду. Волшебница одѣлась и пригласила служащаго при ней карлика, имѣвшаго аршинъ росту и четырехъ-аршинную бороду, подать ей табакерку, хранилище ея дульдуды. Получивъ ее, она думала поразить своимъ конемъ молодого человѣка, но каково же было ея недоумѣнiе, когда Керимъ выпустилъ своего, заставившаго преклониться предъ собою ея летуна.—Теперь я понимаю—сказала она—что меня похищаетъ достойный человѣкъ! Когда они приготовились летѣть, карликъ спросилъ: слѣдовать-ли и ему за ними? Получивъ утвердительный знакъ, онъ послѣшилъ закурить трубку, величиною съ большой домъ, ударилъ себя по спинѣ палочкою и полетѣлъ за госпожею своею. Нѣсколько минутъ спустя предъ путешественниками нашими показались великолѣпные чертоги. Здѣсь обитаетъ моя сестра—сказала волшебница, которую я не видала много лѣтъ. Какъ-бы я была благодарна, еслибъ ты позволилъ мнѣ погостить у ней три дня. Керимъ рассчитавъ, что онъ властенъ отпустить ее на это время, охотно согласился, а самъ возвратился въ свою конуру. Али, узнавъ о приходѣ его, чрезвычайно обрадовался его неудачѣ и немедленно созвалъ палачей, чтобы порубить его въ куски. Когда вызванъ былъ Керимъ, Али сказалъ:—Негодный слуга, ты не исполнилъ моего приказанія и долженъ за это умереть.

— Можетъ быть я умру, но только не сегодня, потому что 40-дневный срокъ, данный мнѣ, наступитъ чрезъ четыре дня. Мнимый царевичъ сконфузился, но отпуская палачей, отдалъ имъ порученіе явиться чрезъ четыре дня. Между тѣмъ Керимъ, возвратившись въ конуру свою, преданъ развлеченіямъ. Ночью опять подошла къ дверямъ его царевна, но на этотъ разъ она рѣшилась войти къ нему. Керимъ, увидѣвши внезапно предъ собою родственницу свою, нѣсколько смутился, но потомъ, когда между ними завязался дружескій разговоръ, онъ рѣшился признаться ей во всемъ, но съ тѣмъ, чтобы она не передавала отцу своему ничего, раньше четырехъ дней. Прекрасная царевна прослезилась и чрезвычайно обрадовалась, что онъ избѣгнулъ смерти. Обнявши его братски, она вышла полная злобы и негодованія къ Алию. Два дня спустя, Керимъ отправился за волшебницей и на 40-й день ввелъ ее въ дворецъ Дервишъ-султана. Царевичъ былъ одѣтъ въ роскошный нарядъ и на этотъ разъ оставилъ дульдуду своего на дворѣ. Али, увидѣвъ слугу своего въ нарядѣ, приличномъ только царямъ, бросился было на него,

но пораженный красотою волшебницы, онъ простеръ къ ней объятія, обѣщая сегодня-же вступить съ нею въ бракосочетаніе; но въ эту самую минуту появилась въ комнатѣ дочь Дервишъ-султана и взявши Керима за руку, подвела его къ отцу своему, прося выслушать этого молодого человѣка; но Керимъ предварительно повернулся къ тирану своему и сказалъ: Ты мечтаешь, негодный человѣкъ, о женитьбѣ въ тотъ моментъ, когда я придумаю тебѣ самый жестокой образъ смерти! Ты въ счастіи твоёмъ забылъ, что сегодня оканчивается срокъ моей клятвы— быть твоимъ рабомъ. Затѣмъ юноша обратился къ Дервишъ-султану и подробнѣйшимъ образомъ разсказалъ ему безстыдный поступокъ Алія съ нимъ. Пораженный султанъ не вѣрилъ слуху своему, но когда и дочь его повторила тоже, онъ съ слезами на глазахъ началъ обнимать достойнаго родственника своего и просить его лично назначить наказаніе гнусному самозванцу.— Я желалъ-бы, сказалъ Керимъ, чтобы этотъ злодѣй былъ привязанъ къ хвостамъ тѣхъ 40 лошадей, которыя я, по его приказанію, долженъ былъ позолотить. Пусть онъ разорвуть его тѣло на 40 кусковъ. Султанъ сдѣлалъ знакъ тѣмъ самымъ палачамъ, которымъ поручилъ Али явиться на сегодняшній день для снятія головы Кериму въ точности исполнить приказаніе Керима. На слѣдующій день глашатаи извѣщали всѣхъ вѣрноподанныхъ, что повелитель ихъ усыновилъ царевича Керима и выдаетъ за него замужъ единственную дочь свою. Свадьба эта продолжалась нарочно 40 дней и сорокъ ночей, для того, чтобы всѣ жители его царства имѣли возможность попить до пресыщенія.

Богатырь Фетла.

На берегу славной рѣки Башъ-су расположено было небольшое селеніе Харасанъ, принадлежащее богатому скрягѣ, извѣстному подъ именемъ Саранъ-бая т. е. скупаго купца. Саранъ-бай имѣлъ единственнаго сына Фетлу, съ которымъ день и ночь работалъ, то въ степи, то дома. Однажды, покончивъ посѣвъ зерна на нивѣ, Саранъ-бей поручилъ сыну своему напоить воловъ въ ближайшемъ прудѣ и немедленно возвратиться домой. Фетла, пригнавъ животныхъ къ водопою, почувствовалъ внезапно такое влеченіе ко сну, что рѣшился проспять нѣсколько часовъ. Когда онъ проснулся, солнце уже скрылось за горизонтомъ. Молодой человѣкъ, не вставая съ мѣста, продолжалъ наслаждаться видѣннымъ имъ сномъ. „Не странно-ли, говорилъ онъ про себя, что мнѣ причудилась женитьба съ дочерью нашего султана и что я сдѣлался падишахомъ.“ Наконецъ онъ умылся, и, собравъ воловъ своихъ, отправился домой. По дорогѣ онъ повстрѣчался съ отцомъ.—Ахъ ты такой-сякой, напустился онъ на сына своего, гдѣ ты пропадалъ?— Прости меня, отецъ, я заснулъ и нѣсколько времени мечталъ о видѣнномъ снѣ.— Ты видѣлъ сонъ?— Да, и очень важный.— Разсмажи мнѣ его.— Не могу. Саранъ-

бай разсердился и начал настаивать на своемъ. Фетла упорствовалъ. Разсерженный отецъ принялся бить его. Юноша убѣжалъ къ матери, прося ея заступничества. Мать спрятала его, но минуто спустя сама начала допрашивать, какой именно сонъ онъ видѣлъ? Фетла молчалъ. Это разсердило и мать его, которая въ свою очередь начала бить сына. Побои прекратились только тогда, когда бѣднаго Фетлу, за упорство и непослушаніе, выгнали изъ дома. Вы, быть можетъ, пожелаете узнать, почему Фетла скрылъ сновидѣніе свое отъ отца и матери? На востокѣ и между крымскими татарами существуетъ обыкновение пожелать каждому, сказавшему что онъ видѣлъ въ снѣ — да будетъ онъ въ добру (*хайръ ослунъ*). Если-же ему не пожелаютъ этого, онъ считаетъ несчастьемъ рассказывать свое сновидѣніе. На этомъ основаніи и Фетла не пожелалъ передавать своего сна родителямъ.

Изгнанный изъ отцовскаго дома, прекрасный наружностію; Фетла долго думалъ, куда ему идти. Наконецъ, взявъ пастушескій посохъ, онъ тронулся въ путь, куда глядятъ глаза. Шелъ онъ всю осень и зиму, вдругъ предъ нимъ показался громадный городъ, какого онъ никогда и не видѣлъ. Желая разсмотрѣть его до подробностей, Фетла взобрался на высокій мраморный фонтанъ, украшенный золотыми надписями и началъ восхищаться видомъ. Въ это время къ фонтану подвели на водопой царскихъ лошадей, которыя, завидѣвъ на немъ человѣка, ни за что не хотѣли подступить. Кучеръ, понявъ въ чемъ дѣло, началъ просить чужестранца спуститься, но Фетла не обратилъ на просьбы его вниманія. Озлобленный конюхъ разсердился и, возвратившись во дворецъ, доложилъ султану, что какой-то негодяй завладѣлъ царскимъ фонтаномъ и не допускаетъ его лошадей напоить. Султанъ въ свою очередь разсердился и приказалъ немедленно привести его къ нему. Приказаніе было исполнено въ ту-же минуту, и Фетла очутился предъ глазами могущественнаго султана.—Кто ты такой? спросилъ падишахъ и откуда явился въ мое царство?— Молодой человѣкъ далъ отвѣтъ.— Какія причины заставили тебя покинуть родительскій домъ? Фетла рассказывалъ султану, какъ онъ видѣлъ страшный сонъ, какъ родители мучили его за то, что онъ скрылъ его отъ нихъ и какъ наконецъ за ослушаніе они выгнали его изъ дому. Такъ ты скрылъ отъ нихъ свой сонъ? сказалъ султанъ, но я увѣренъ, что ты расскажешь его моему владыкѣ.—Ни за какія блага, отвѣчалъ Фетла.—Какъ! закричалъ онъ, мнѣ, султану ты отказываешь? Эй, люди! возьмите этого негодяя и бросьте его въ темницу, что подъ дворцомъ моимъ. Пусть онъ умретъ голодною смертию. Приказаніе султана выполнено было немедленно и Фетла очутился между грудями человѣческихъ костей, принадлежавшихъ осужденнымъ, подобно ему, на голодную смерть; впрочемъ онъ не потерялся, а преспокойно началъ собирать кости и, связывая ихъ длинными женскими косами, сооружать лѣстницу къ потолку своей темницы. Къ ночи лѣстница не только была готова, но даже установлена на

мѣсто. Предъ разсвѣтомъ Фетла поднялся по ней и, послѣ непродолжительныхъ усилій, очутился въ комнатѣ дочери султана. Предъ нимъ стоялъ длинный мраморный столъ, установленный множествомъ золотыхъ сосудовъ съ различными кушаньями и лакомствами. Фарфоровые графины были наполнены душистымъ шербетомъ восхитительнаго вкуса. Фетла преспокойно сѣлъ за столъ и удовлетворилъ своимъ потребностямъ. Затѣмъ, замѣтивъ на золотой кровати, усѣянной алмазами, спящую царевну величественной красоты, онъ подошелъ къ ней и, переставивъ подсвѣчники, поцѣловалъ красавицу въ щеку и снова возвратился въ темницу свою, тщательно закрывъ выдвинутый имъ паркетъ. Утромъ проснулась царевна Гуль-султанъ и прежде всего замѣтила, что кто-то переставилъ ея подсвѣчники. „Не служанка ли? подумала она, захопавъ въ ладоши; но служанки поклялись, что онѣ не дѣлали этого.—Подайте мнѣ шербету, сказала царевна. Прислужницы бросились къ графинамъ, но, увы—они были пусты. Тогда царевна положительно убѣдилась, что кто-то заходилъ въ ея комнату, но ничего не сказала никому. На слѣдующую ночь Фетла снова посѣтилъ комнату царевны, наѣлся и напился, переставилъ подсвѣчники, поцѣловалъ ее и опять скрылся въ подземелье свое. Это продолжалось около мѣсяца. Царевна, любопытство которой затронуто было до высочайшей степени, горѣла желаніемъ открытъ посѣтителя своего, но никакъ не могла просидѣть до того времени, когда онъ являлся. Наконецъ, отчаявшись, она рѣшилась обрѣзать свой палецъ съ цѣлью не заснуть въ теченіи всей ночи. Вдругъ она замѣчаетъ, что пошевелился коверъ въ центрѣ комнаты, потомъ выдвинулось нѣсколько кусковъ паркета и затѣмъ, показался прекрасный молодой человѣкъ. Онъ быстро подошелъ къ столу и началъ ѣсть и пить. Потомъ, совершивъ молитву, подошелъ къ ея кровати, переставилъ подсвѣчники и нагнулся, чтобы поцѣловать ее, но въ эту минуту царевна открыла свои глаза и, обѣими руками схвативъ его, спросила, кто онъ такой? Фетла смутился, но отвѣчалъ, что такой же человѣкъ, какъ и всѣ люди. Гуль-султанъ пригласила его присѣсть и начала спрашивать, какими судьбами онъ явился въ ихъ столицу и за что именно осужденъ на гибель въ темницѣ. Фетла, разсказалъ ей все.—Да будетъ къ благу твой сонъ—сказала она, попросивъ его разсказать сновидѣніе. Несчастный плѣнникъ, услышавъ въ первый разъ доброжелательство, не замедлилъ разсказать ей свое сновидѣніе и, естественно, остался у ней до разсвѣта. Онъ до того понравился доброй дѣвицѣ, что на другой же день она спустила ему новую одежду и безъ терпѣнія ожидала наступленія ночи. Въ подобныхъ свиданіяхъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Однажды Фетла, по обыкновенію, вылѣзъ изъ темницы своей и съ улыбкою подошелъ къ царевнѣ, но она со вздохомъ посмотрѣла на него.—Что съ тобою? спросилъ Фетла, о чемъ ты печалишься? Авось я несчастный узникъ помогу тебѣ.—Врядъ ли пособишь намъ, отвѣчала Гуль-султанъ.

Но во всякомъ случаѣ, любя тебя, я расскажу наше общее горе: представь, сегодня Чурскій султанъ, которому нѣтъ равнаго въ мірѣ по силѣ и богатству, прислалъ къ отцу моему извѣстіе, что на дняхъ привезутъ къ нему лукъ со стрѣлою въ тысячу пудовъ тяжести съ приказаніемъ, чтобы онъ нашелъ въ царствѣ своемъ такого человѣка, который могъ бы выстрѣлить изъ него, но такъ, чтобы стрѣла достигла бы границы его царства. На исполненіе этого, султанъ назначаетъ 40 дневный срокъ съ угрозою, что если въ теченіи этого времени не будетъ исполненъ его приказъ, онъ займетъ наше царство своими войсками, а меня возьметъ въ свой гаремъ. Фетла улыбнулся и отвѣчалъ: ну, это еще не бѣда, если не забудешь сказать отцу твоему, чтобы онъ въ минуту отчаянія, послалъ бы кого-нибудь въ мое подземелье. Тогда, выпущенный на свободу, я исполню приказъ Чурскаго падишаха и, конечно, отецъ твой обязанъ будетъ сдѣлать меня своимъ зятемъ. Гуль-султанъ чрезвычайно обрадовалась, что въ Фетлѣ встрѣтила будущаго спасителя отца и царства. На слѣдующій день доставленъ былъ отъ Чурскаго падишаха замѣчательной величины лукъ со стрѣлою и установленъ противъ султанскаго серала. Немедленно послѣ этого, разосланы были по царству сотни курьеровъ, приглашающихъ богатырей въ столицу, попробовать свои силы съ обѣщаніемъ, кто выстрѣлитъ изъ лука Чурскаго падишаха, тотъ въ награду получитъ въ супружество единственную дочь царя своего и признанъ будетъ наслѣдникомъ престола. Прошло 30 дней со времени доставки страшнаго лука и много уже богатырей пробовали натянуть тетиву, но, увы—никому не удавалось. Царь приходилъ въ отчаяніе, рвалъ бороду, а между тѣмъ роковой день срока приближался. На 31 день Гуль-султанъ, желая утѣшить страданія потерявшаго всякую надежду отца своего, вошла къ нему и, цѣлуя руки сказала: отецъ мой, я узнала, что въ царствѣ твоёмъ не нашлось никого, могущаго натянуть страшный лукъ.—Да,—отвѣчалъ старикъ со слезами на глазахъ.—Не отчаивайся добрый отецъ: мы имѣемъ еще 9-ть дней срока. Авось милостивый Аллахъ поможетъ намъ. Знаешь ли отецъ, я посоветовала бы тебѣ поискать въ нашемъ подземельѣ—нѣтъ ли тамъ какого-нибудь человѣка, способнаго взяться за это дѣло?—Ахъ, дочь моя—развѣ можетъ быть тамъ живой человѣкъ, когда двери темницы не отворялись болѣе года.—Спрось не бѣда! Быть можетъ Аллахъ сохранилъ кого-нибудь. Султанъ, не желая противорѣчить дочери, приказалъ подать ему ключи отъ темницы и самъ вошелъ въ нее. На вопросъ его: есть ли кто въ живыхъ здѣсь? послышался вдали отвѣтъ: только я государь! Падишахъ съ восторгомъ бросился къ Фетлѣ и повелъ его за собою во дворецъ. Когда освобожденный узникъ былъ обмытъ въ банѣ и одѣтъ въ приличную одежду, падишахъ сообщилъ ему свое горе и подвелъ къ громадному луку.—Не можешь ли, ты сынъ мой—сказалъ онъ—выстрѣлить изъ него, но такъ, чтобы стрѣла долетѣла до царства моего недруга? Фетла молча приблизился къ

стрѣль, которую съ трудомъ передвигали сто человѣкъ, поднялъ ее двумя пальцами и завертѣлъ надъ головою.—Могу—отвѣчать онъ, покажите, куда надо стрѣлять? Радость султана была неизъяснима, но такъ какъ до роковаго дня оставалось больше недѣли, то султанъ, остановивъ молодаго богатыря, повелъ его въ сераль и началъ угощать самыми питательными кушаньями, чтобы возратить, какъ онъ мечталъ, утерянныя богатыремъ силы отъ неупотребленія пищи въ теченіи года.

Но вотъ наконецъ насталъ день стрѣльбы. Наканунѣ еще султанъ, по просьбѣ Фетлы, послалъ по предназначеной линіи полета стрѣлы, извѣстить жителей, чтобы они не пугались, если подъ ними будетъ дрожать земля и стануть разрушаться ветхія постройки. Фетла выступилъ на площадь, занятую массами любопытныхъ. Въ одинъ моментъ онъ приложилъ стрѣлу и, натянувъ что было силъ, тетиву, выпустилъ страшное оружіе, которое съ быстротою молніи исчезло за небосклономъ. Герой сопровождаемый оглушительными привѣтствіями народа, возвратился во дворецъ. Султанъ сначала не помнилъ себя отъ радости, но нѣсколько минутъ спустя снова безпокойныя думы отразились на его лицѣ: онъ боялся, что стрѣла не долетитъ до назначеннаго мѣста. Тоска и боязнь не покидали падишаха до того времени, пока могущественный недругъ его не прислалъ двухъ курьеровъ съ благодарностью за отличное и своевременное исполненіе приказа. Эта вѣсть такъ отраднo подѣйствовала на султана, что онъ приказалъ сейчасъ же начать свадьбу дочери съ Фетлою, которая продолжалась 40 дней и 40 ночей. Мѣсяцъ спустя, Фетла пришелъ къ тестю съ просьбою позволить ему съѣздить въ гости къ Чурскому султану.—Ахъ, любезный сыночекъ—отвѣчалъ падишахъ—если ты явишься къ нему, онъ навѣрно посягнетъ на жизнь твою, чтобы лишитъ меня такого богатыря, какъ ты и завладѣть моимъ царствомъ.—Твой страхъ напрасенъ, потому что я не довѣрчивъ къ врагамъ. Султанъ продолжалъ настаивать, но вида неуступчивости зятя, пожелалъ ему счастливаго пути. Фетла приказалъ подать себѣ лучшаго скакуна, простился съ родными и поскакалъ по направленію пущенной имъ стрѣлы. Два дня онъ ѣхалъ по степи, не встрѣчая ничего замѣчательнаго. Вдругъ предъ нимъ показался мулла, разгуливающій съ мечетью на головѣ. Пораженный такою силою человѣка, Фетла подѣхалъ къ нему и крикнулъ: слава твоему искусству, братъ!—Развѣ эта сила можетъ имѣть какое-нибудь сравненіе съ искусствомъ того юноши, который выстрѣлилъ изъ лука Чурскаго султана? возразилъ мулла.— А если ты встрѣтишься съ этимъ богатыремъ—спросилъ Фетла—сдѣлаешься-ли его вѣчнымъ другомъ?— Это было-бы величайшимъ удовольствіемъ для меня. Фетла не замедлилъ признаться. Тогда мулла сбросилъ съ головы мечеть и послѣдовалъ за нимъ. Дальше герой нашъ былъ пораженъ встрѣчею съ молодымъ человѣкомъ, который, привязавъ къ ногамъ по два жернова, нагонялъ зайцевъ и хваталъ ихъ ру-

ками.—Слава твоему искусству! сказалъ Фетла, поравнявшись съ нимъ. Охотникъ оглянулся и отвѣчалъ ему тоже самое, что и мулла.—Ну, а если этотъ Фетла предложитъ тебѣ вѣчную дружбу, согласишься-ли ты слѣдовать за нимъ?—Еще-бы! я счель-бы себя счастливейшимъ въ мірѣ. Фетла сознался и протянулъ руку къ звѣролову, который не замедлилъ сбросить громадные камни и послѣдовалъ за нимъ. На третій день путешественники наши замѣтили подъ деревомъ человѣка, который подкрался къ воронѣ и такъ мастерски началъ влетать въ крылья ея проволоку, что птица не чувствовала прикосновенія. Удивленный необыкновенною ловкостью его, Фетла и къ нему обратился съ тѣми-же словами, какъ и къ первымъ друзьямъ своимъ и кончилъ тѣмъ, что и его принялъ въ число спутниковъ. Нѣсколько верстъ дальше друзья подѣхали къ человѣку, приложившему ухо къ землѣ.—Что ты дѣлаешь братъ? спросилъ Фетла.—Я прислушиваюсь къ стонамъ умирающихъ на полѣ битвы комаровъ — отвѣчалъ незнакомецъ. Фетла похвалилъ его замѣчательный слухъ и его принялъ въ число друзей.

Предъ вечеромъ того-же дня путешественники подѣхали къ человѣку, который, поднявъ ружье, началъ прицѣливаться, но во что онъ мѣтилъ никто не могъ знать, потому что впереди не было видно ничего.—Куда и во что ты цѣлишь? спросилъ его Фетла.—Вы не повѣрите мнѣ—отвѣчалъ охотникъ—что за тысячу верстъ отсюда я вижу отрядъ войска, которымъ командуетъ отважный гауръ. Вотъ этого-то джигита я приготовился сбросить съ коня. Удивленный неестественнымъ зрѣніемъ этого человѣка, Фетла и его сдѣлалъ своимъ другомъ. Всѣ эти люди, по его мнѣнію не только при настоящемъ путешествіи, но и впослѣдствіи могли быть ему очень полезными. Такимъ образомъ съ пятью товарищами Фетла прибылъ въ столицу Чурскаго султана и остановившись въ лучшей кофейнѣ, послалъ извѣстить великаго падишаха о томъ, что онъ нарочно прибылъ поклониться его величеству. Когда посланный отправился, Фетла предложилъ всеслышащему другу своему обратить вниманіе, какъ приметъ этотъ докладъ султанъ и какое сдѣлаетъ распоряженіе.—Онъ приказалъ—отвѣчалъ всеслышачій—принять насъ со всевозможными почестями въ своемъ дворцѣ, а на третій день отравить.—Ого! возразилъ влетавшій въ ворону проволоку — онъ не мечтаетъ, что съ мужемъ прекрасной Гуль-султанъ слѣдуетъ другъ, который предупредить его преступное желаніе. На слѣдующій день Фетла съ друзьями представился къ Чурскому султану и поселился въ его дворцѣ. Въ тотъ-же день падишахъ, подъ предлогомъ развлеченія, сказалъ: Не пожелаешь-ли, дорогой гость мой, позабавиться скачкою скороходовъ. У меня есть проворный арапъ; въ числѣ твоихъ слугъ также, вѣроятно, найдется ловкій слуга. Фетла охотно согласился и предложилъ звѣролову вступить въ состязаніе, а всевидящему другу усердно наблюдать, чтобы не допустить насилія. Скороходы отправились за 10 верстъ.—Про-

шелъ часъ. Вдругъ всевидящій охотникъ закричалъ: бѣда! схватилъ ружье, прицѣлился и выстрѣлилъ.—Что случилось? спросилъ Фетла.— Теперь бѣда миновалась — отвѣчали охотникъ — этотъ арабъ; понявъ что будетъ имѣть дѣло съ опаснымъ соперникомъ вздумалъ, было заткнуть нашему другу бутылку въ ротъ и бѣжать впередъ, но я сбиль ее пулею—и наша взяла.

Фетла возвратился къ султану, сидѣвшему на балконѣ съ зрительною трубою.— Кто идетъ впередъ—спросилъ онъ—мой или вашъ?—Пока не видно ничего—отвѣчалъ султанъ. Но не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ предъ нимъ очутился звѣроловъ, другъ нашего героя, оставившій далеко за собою султанскаго скорохода. Падишахъ покраснѣлъ отъ негодованія, но благодарилъ Фетлу за доставленное развлеченіе. На третій день султанъ прислалъ къ Фетлѣ визиря съ просьбою пожаловать къ нему съ товарищами на обѣдъ. Фетла принялъ приглашеніе со всевозможными знаками почтенія, но какъ только вышелъ визирь онъ попросилъ всеслышащаго слѣдить за каждымъ словомъ падишаха. Минуту спустя другъ отвѣчалъ:— Султанъ отдалъ приказаніе накрыть два стола одинъ собственно для своей персоны, а другой для гостей съ тѣмъ, чтобы намъ подали сильно отравленное кушанье.— Это очень безсовѣстно—отвѣчалъ богатырь— но вѣдь намъ, при содѣйствіи нашего друга, который при надобности превращается въ невидимку, кажется, нечего бояться. Конечно—отвѣчалъ влетавшій въ ворона проволоку— но вотъ что я долженъ сказать для болѣе вѣрнаго успѣха. Когда мы сядемъ за столъ, пусть мулла нашъ начнетъ вслухъ читать молитву, а я тѣмъ временемъ переставлю наше блюдо къ султану, а его къ намъ.— Прекрасно—сказалъ Фетла, и всѣ они отправились въ столовую султана, гдѣ были накрыты два стола и поставлено первое блюдо. Падишахъ очень любезно принялъ гостей и, не теряя драгоценнаго времени, усадилъ ихъ за столъ. Въ эту минуту мулла поднялся и началъ читать молитву. Султанъ поневолѣ долженъ былъ повернуться къ югу и предоставить полную свободу дѣйствія одному изъ гостей своихъ. Покончивши молитву, всѣ принялись съ жадностію поѣдать великолѣпный пиллафъ. Между тѣмъ, вставши изъ за стола, султанъ съ трудомъ добрался до семейства своего, которое кушало изъ той-же посуды. Здѣсь у нихъ одновременно начались страданія отъ вліянія сильнаго яда, противъ котораго не было еще изобрѣтено средствъ. Часъ спустя гости освѣдомились, что султанъ со всѣми членами семьи переселился въ вѣчность. Тогда Фетла обратился къ другу своему, муллѣ, съ просьбою поднять и перенести дворцы Чурскаго султана въ столицу тестя своего, а визирямъ и народу объявилъ, что онъ присоединяетъ Чурское государство къ владѣніямъ Девлетъ султана, во первыхъ за то, что падишахъ ихъ посягаль сдѣлать тоже самое его тестю безъ всякихъ причинъ и наконецъ за то, что онъ хотѣлъ отравить его въ своемъ домѣ. Естественно, что всѣ молча повиновались богатырю, а нѣкоторые даже громко выра-

жали восторгъ быть подданными такого героя, какъ Фетла. Пока происходилъ этотъ разговоръ, мулла дѣлалъ свое дѣло, а чрезъ недѣлю друзья возвратились къ Девлетъ султану во дворцѣ, который поставленъ былъ на лучшей городской площади. Образованный благополучнымъ возвращеніемъ зятя и присоединеніемъ къ царству своему Чурской имперіи, Девлетъ султанъ приказалъ устроить народный праздникъ, который продолжался непрерывно 40 дней и 40 ночей.

Шахъ Смаиль.

Очень давно, быть можетъ во времена отцовъ нашихъ прапрадѣдовъ, жилъ великій султанъ, предъ которымъ трепеталъ весь міръ. По слову этого царя, готовъ былъ весь человѣскій міръ ополчиться другъ противъ друга. И чего у него не было во дворцѣ? все за исключеніемъ развѣ птичьего молока. Вотъ однажды царь созвалъ министровъ своихъ и объявилъ, что настало время ему жениться. Министры отвѣчали, что онъ сдѣлаетъ благо народу и очень обрадовались, когда свершилось бракосочетаніе его. Прошло со дня свадьбы 10-ть лѣтъ, но у падишаха не было дѣтей. Это погрузило его въ печальныя думы. „О чемъ груститъ нашъ падишахъ? безпрестанно вопрошали визири другъ у друга. Не думаетъ ли онъ идти войною на сосѣднія царства, чтобы удесятерить число подданныхъ? Но нѣтъ, потому что не приказано было приготовляться къ походу. Прошелъ годъ. Однажды султанъ приказалъ глашатаямъ собрать на дворцовую площадь народъ, съ которымъ желалъ поговорить лично. Народъ поспѣшилъ собраться. Когда сообщили объ этомъ падишаху, онъ не замедлилъ выйдти къ нимъ и, заплакавъ, пожаловаться на несчастную судьбу свою, лишившую его наследника престола.—Любезные мои вѣрноподданные—добавилъ онъ—еслибъ между вами нашелся человѣкъ, могущій помочь мнѣ, я съ удовольствіемъ отдалъ бы ему половину царства моего. Народъ молчалъ. Султанъ нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно, но не получивъ отвѣта, возвратился во дворецъ и, призвавъ великаго визиря, приказалъ ему приготовляться къ отдаленному путешествію.— Я хочу объѣхать весь міръ — сказать падишахъ — въ надеждѣ отыскать медика, способнаго помочь горю моему.— Да будетъ воля твоя, султанымъ—отвѣчалъ преданный министръ и вышелъ выполнить приказаніе повелителя своего. Къ вечеру падишаха не было уже въ городѣ. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, но увы, государь, не нашедъ средства помочь скорби своей, возвращался уже домой съ убійственною тоскою.— Визирь — сказалъ онъ — мнѣ хочется поѣсть чего-нибудь. Прикажи людямъ моимъ остановиться здѣсь подъ деревомъ и накрыть столъ. Всѣ остановились и поданъ былъ завтракъ. Только что произнесъ султанъ молитву и протянулъ руку къ хлѣбу, какъ предъ нимъ очутился убѣленный сѣдинами старикъ.— Здравствуй,

владыка—сказаль онъ—да продлится благоденствіе твое!—Прошу садиться за столъ — сказаль султанъ съ обычною грустью. — Я пришелъ къ тебѣ не за пищею, а изъ желанія узнать причину твоей вѣчной тоски.—Охъ, еслибъ ты зналъ, почтенный старикъ, какъ мнѣ надоѣло каждому объяснять это.—Скажи, султанымъ *), повторилъ странникъ—авось у меня найдется (*дердине дерманъ*) **) противъ недуга твоего хорошее средство. Султанъ вздохнулъ и приказаль министру разсказать причину горя своего.—Я не ошибся, государь—отвѣчалъ сѣдой факиръ, выслушавъ визиря—что могу быть полезнымъ тебѣ. Изволь принять это яблоко отъ меня. Когда ты возвратишься домой, разрѣжь его на три части: одну скушай самъ, другую отдай женѣ своей, а третью накорми одну изъ молодыхъ кобылицъ, стоящихъ въ твоей конюшнѣ. У тебя непременно родится сынъ, но только не забывай одного, что кромѣ меня никто не долженъ дать имени новорожденному. Султанъ принялъ яблоко и, улыбувшись, положилъ его въ карманъ. Онъ обѣщаль выполнить сказанное буквально и если только, дѣйствительно, средство его окажется вѣрнымъ, непременно ожидать его для наименованія ребенка. Дервишъ поклонился и исчезъ. Что-жъ оказалось? Черезъ 8 мѣсяцевъ и 10 дней у султана, дѣйствительно, родился сынъ. Два мѣсяца спустя и кобылица, получившая частицу яблока, также ожеребилась. Радость царя и всей фамилии его была безгранична. Всѣ нищіе, вдовы и сироты щедро были награждены, а войска пировали на славу. Послѣ этого радостнаго событія прошло три мѣсяца; между тѣмъ новорожденный царевичъ не получаль никакого имени. Жители столицы начали негодовать на султана. Освѣдомленный объ этомъ, Шейхъ-ислямъ (глава духовенства) отправился къ падишаху и передалъ ему требованіе народа. Султанъ принужденъ былъ отвѣчать, что завтра же исполнить этотъ обрядъ. На слѣдующій день собрался народъ на дворцовую площадь и ожидалъ исполненія обѣщанія царя; но султанъ сидѣлъ въ глубокомъ раздумьи; какъ вдругъ предъ нимъ очутился таинственный дервишъ.—*Селямъ-алейкумъ!* сказаль онъ.—А, благодѣтель мой—сказаль султанъ, бросающъ къ нему на шею. Ты вторично спасаешь меня, потому что я сегодня, по требованію Шейхъ-ислама и народа, долженъ былъ наименовать своего сына безъ тебя. Очень радъ, что ты явился во время. Дервишъ приказаль подать ему новорожденного и, принявъ младенца на руки, поднялъ къ небу и назвалъ Шахъ-Смаиломъ. Потомъ, ударивъ ребенка три раза по спинѣ, произнесъ громогласно: „да не преклонится спина твоя предъ силою людей“. Послѣ этого онъ пригласилъ султана на конюшню взглянуть на жеребенка и, погладивъ его, сказаль: „да будетъ имя твое Хамеръ-тай и да не догонитъ тебя ни единая птица небесная“. Сказавъ это, святой человѣкъ исчезъ. Пораженный внезапно исчез-

*) Т. е. мой султанъ.

**) Т. е. противъ яда, антидотъ.

новениемъ дервиша, которому онъ приготовлялся подарить половину царства своего, султанъ долго стоялъ въ размышленіи. Ему хотѣлось постигнуть: кто былъ въ образѣ факира: добрый или злой духъ? но мысль, что онъ имѣетъ наслѣдника, вскорѣ разсѣяла въ немъ любознательность и онъ спокойно возвратился въ чертоги свои.

Шахъ-Смайлъ съ каждымъ днемъ дѣлался все лучше и лучше. Когда же ему совершилось 5 лѣтъ, отецъ, желая сдѣлать его серьезнымъ и грознымъ царемъ, выстроилъ для него небольшой дворецъ, куда заключивъ ребенка, строго приказалъ, чтобы принцъ ни съ кѣмъ болѣе не встрѣчался, кромѣ опредѣленнаго къ нему наставника. Присмотрѣ же за Хамеръ-таемъ порученъ былъ опытному наѣзднику также съ условіемъ никогда не выводить на дворъ.

Въ такомъ безвыходномъ и одинокомъ положеніи находился Шахъ-Смайлъ до 18-ти лѣтняго возраста. Какъ вдругъ однажды султану донесли, что сынъ его третій день отказывается отъ пищи и не хочетъ вставать съ постели. Опечаленный государь не замедлил навѣстить больнаго, но царевичъ не отвѣчалъ ни слова на разспросы его. Отчаянная скорбь снова посѣтила царствующую семью и снова на базарныхъ площадяхъ закричали глашатаи, объявляя о несчастіи, постигшемъ султана и вызывая способныхъ знахарей и медиковъ. Городскіе пьяницы, узнавъ, что царевичъ заболѣлъ душевною болѣзнію, рѣшились также попытать свое счастье.—Султанымъ—сказали они, прикажи отпустить намъ нѣсколько боченковъ лучшихъ напитковъ и передай въ нашу компанію твоего сына. Мы быстро разузнаемъ, въ чемъ состоитъ его недугъ.—Хорошо, да будетъ по вашему! отвѣчалъ падишахъ и визири поспѣшили исполнить ихъ требованіе. Пьяницы вывели Шахъ-Смаила въ тѣнистый садъ и, посадивъ его между собою, начали по очереди угощать другъ друга хмѣльными напитками. Царевичъ старался избѣгнуть угощенія, но отъ пьяницъ не было возможности отдѣлаться. Черезъ минуту чарка снова посѣтила его. Наслѣдникъ престола почувствовалъ нѣчто въ родѣ пробужденія. Ну, господа—сказалъ одинъ изъ пьяницъ, обращаясь къ товарищамъ—теперь, когда мы подкрѣпили силы наши, каждый изъ насъ обязанъ рассказать все то, что случилось съ нимъ въ послѣднее время. Первый пьяница сейчасъ началъ рассказывать небывалыя приключенія; второй выдумалъ рядъ несчастій, постигнувшихъ его, а третій, вздохнувъ сказалъ:—Нѣтъ господа я гораздо больше вашего страдалъ и страдаю: представьте я увидѣлъ женщину такой неестественной красоты, что положительно одурѣлъ отъ ея взгляда. Съ той поры мнѣ не хочется ни ѣсть, ни пить: я просто умираю отъ жажды вторично встрѣтить это чудо красоты. Выслушавъ послѣдняго пьяницу, Шахъ-Смайлъ тяжело вздохнулъ. Обрадованные товарищи не замедлили сообщить объ этомъ султану, а сами потребовали и отъ него сознанія.—Друзья мои—отвѣчалъ царевичъ—моя болѣзнь подобна болѣзни одного изъ васъ. Нѣсколько дней тому назадъ я видѣлъ во снѣ какую-

то молодую дѣвицу по имени Гулюзарь-ханымъ. Она такъ очаровала меня своею невыразимою красотою, что я умру съ голоду, если только отецъ мой не предоставитъ мнѣ возможности отыскать ее. Шахъ-Смаилъ вздохнулъ и опустилъ голову на грудь. Естественно, что пьяницы передали это сознаніе отцу и султанъ пришелъ къ сыну съ обѣщаніемъ, что онъ, сегодня же, пошлетъ во всѣ концы своихъ владѣній нарочныхъ развѣдать: существовалъ ли такая дѣвица и гдѣ именно. Царевичъ ожилъ и послѣдовалъ за отцомъ во дворецъ. И, дѣйствительно, въ тотъ же день сотни курьеровъ полетѣли по различнымъ направленіямъ обширнаго царства; но по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, когда они возвратились, оказалось, что дѣвицы по имени Гулюзарь нигдѣ нѣтъ и что никто не слыхалъ о существованіи ея. Сообщение это сильно опечалило царевича, положительно вѣрившаго въ существованіе этой особы. Прошло еще нѣсколько времени. Однажды Шахъ-Смаилъ пришелъ къ отцу съ просьбою, дозволить ему одѣться въ присвоенный ему царскій нарядъ и проѣхать по городу на Хамеръ-таѣ. Султанъ охотно согласился, но чтобы воспрепятствовать пуститься въ поиски Гулюзарь-ханымши, онъ отдалъ приказаніе замкнуть всѣ городскія ворота. Тѣмъ временемъ Шахъ-Смаилъ приблизился къ грозному Хамеръ-таю. Конюхъ ужасно боялся его, чтобы онъ не убилъ царевича, но каково же было удивленіе его, когда животное начало лизать ему руки и преклонилось на колѣни. Принцъ вскочилъ къ нему на спину, что-то шепнулъ на ухо и исчезъ изъ виду. Насталъ вечеръ и ночь прошла, а царевичъ не возвращался. Тогда несчастный султанъ понялъ, что сынъ его самъ поѣхалъ отыскивать видѣнную во снѣ красавицу. Прошелъ мѣсяцъ и другой безъ всякаго извѣстія. Между тѣмъ Шахъ-Смаилъ мчался чрезъ горы и лѣса, болота и рѣки, не встрѣчая людей. Наконецъ онъ остановился и, обращаясь къ окружающей природѣ, громкимъ голосомъ заплѣлъ:

Самъ не знаю, куда направленъ мой полетъ.
Лѣса, горы, скалы и поляны,
Не можете ли вы указать мнѣ вѣрный путь
Къ жилищу прелестной Гулюзарь ханымъ?

Плачевный голосъ его затихъ, но отвѣта не послѣдовало. Горько стѣснилось сердце Шахъ-Смаила и снова онъ поѣхалъ, куда глаза глядятъ, ѣхалъ, ѣхалъ и опять, утомленный, заплѣлъ:

Самъ не знаю, куда я ѣду,
Ахъ поляны сжальтесь надо мною:
Скажите мнѣ что-нибудь о прекрасной Гулюзарь!

Но, увы, и здѣсь не послѣдовало отвѣта. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, юноша снова пустился въ путь, оглашая пустыню вопросительными пѣснями; но никто и ничто не отвѣчало ему. Оскорбленный всеобщимъ невниманіемъ къ нему природы, царевичъ съ раздирающею сердце грустью заплѣлъ:

Не знаю, въ Эменѣ или Индіи она
И тчетно слезы выступаютъ изъ глазъ моихъ,

Утомленный, я спрашивалъ у травы зеленой;
Не видѣла ли, травка, ты мою милую?
Не знаю, въ Египтѣ ли она или Китаѣ,
Ахъ, она погубила мою юность!
Я допрашивалъ лѣса и скалы
Не видали-ль они моей милой?
Останавливалъ я на лету, и журавлей
И у нихъ спрашивалъ про нее;
Но никто не давалъ мнѣ отвѣта.
Останавливался я и предъ лозою винограда,
И ее я спрашивалъ; спрашивалъ я
И у дорогъ вьющихся вдали отъ меня,
Но вездѣ встрѣчалъ мертвое молчаніе.

На другой день Шахъ-Смаилъ направился въ дремучій лѣсъ, виднѣющійся вдали и очутился предъ крѣпостною стѣною, у которой не оказалось воротъ. Царевичъ заплѣлъ къ ней:

Стѣна прекрасная, стѣна высокая,
Я не знаю, кто строилъ тебя;
Но, быть можетъ, ты скрываешь за собою Гульзаръ,
Сжался же надо мною и пропусти меня.

Отвѣта не было. Тогда оскорбленный невниманіемъ произведенія человѣческихъ рукъ, Царевичъ вынулъ изъ за пояса саблю, разсѣкъ пополамъ крѣпость и вступилъ въ великолѣпный садъ, внутри котораго красовался громадный дворецъ. Приблизившись къ зданію, Шахъ-Смаилъ замѣтилъ у окна женщину поразительной красоты, чesавшую длинныя, золотистыя, волосы. Пустивъ Хамеръ-тая, онъ рѣшился войти во дворецъ, но въ немъ также не оказалось дверей. Вдругъ предъ нимъ открылось окно и чудный голосъ заплѣлъ:

Скажи мнѣ, кто ты, вошедшій во дворецъ,
Куда никто другой не проникалъ?
Не ангель-ли ты небесный,
Посланный утѣшить меня въ одиночествѣ
Или ты Израиль, желавшій мою душу?
О, если ты ангель, поражающій людей,
Мнѣ будетъ очень грустно
И слезы хлынуть изъ глазъ моихъ!

Шахъ-Смаилъ отвѣчалъ ей:

Напрасно ты боишься меня,
Я странникъ, случайно зашедшій.
Дозволь же мнѣ спросить:
Кто ты, красавица молодая?

Д ѣ в и ц а.

Меня именуютъ Гульбери.
Я знаю, что ты любишь добродѣтель,
Такъ выслушай же, джигитъ,
Что у меня много горя на сердце.

Шахъ-Смаилъ.

Мнѣ хотѣлось бы знать твои мученія
И причины одоляющей тоски.
Если ты потребуешь сто человѣкъ въ жертву
Я охотно съ ними буду жертвою твоею.

Г у л ь б е р и.

У меня нѣтъ давно утѣшенія
И давно не выскхаютъ слезы на глазахъ,
Къ непріятелю сильному
Я послала семь братьевъ моихъ.

Пропѣвъ это, красавица опустила занавѣсъ и исчезла. Тогда Шахъ-Смаилъ выломалъ отверстіе въ стѣнѣ дворца и проникъ во внутренность таинственнаго жилища. Гульбери вышла къ нему на встрѣчу и, потупя взоръ, просила садиться.—Ты мнѣ говорила—сказала Шахъ-Смаилъ, что изъ за тебя ведутъ войну твои братья. Желая имъ помочь, я пришелъ спросить у тебя, гдѣ именно происходитъ эта война? Прекрасная дѣвица подвела его къ окну и указала на облака дыма, стоящаго на горизонтѣ.— Прекрасно, я сейчасъ же поѣду къ нимъ, но предварительно, прошу тебя, накорми меня, потому что я очень проголодался. Гульбери не замедлила услужить прекрасному царевичу, который, поблагодаривъ ее, сѣлъ на Хамеръ-тая и исчезъ въ лѣсу. На другой день, герой нашъ прибылъ къ мѣсту страшной битвы семи братьевъ Гульбери, воюющихъ съ безчисленными массами войскъ какого-то могущественнаго падишаха. Выждавъ минуту прекращенія боя, Шахъ-Смаилъ, чтобы опредѣлить вѣрнѣе силы противниковъ, рѣшился зайти къ нимъ съ предложеніемъ услугъ своихъ. Оказалось, что противъ семи братьевъ воевало три державы. Услышавъ заявленіе Шахъ-Смаила, три царя улыбнулись и отвѣчали ему, что услуги одного человека, въ такой массѣ воиновъ, не имѣютъ никакого значенія. Оскорбленный дерзкимъ отвѣтомъ царей, царевичъ съ двойнымъ желаніемъ мести отправился къ братьямъ Гульбери, которые приняли его съ распростертыми объятіями. На слѣдующій день, снова начался бой. Убийственный мечъ Шахъ-Смаила въ нѣсколько часовъ истребилъ всѣхъ воиновъ трехъ царей, отказавшихъ ему въ услугѣ. Удивленные братья, которымъ приходилось сдаться въ непродолжительномъ времени, не знали, какъ благодарить чужестранца и начали предлагать ему деньги; но, когда Шахъ-Смаилъ сказалъ имъ, что онъ сынъ богатѣйшаго и сильнѣйшаго въ мірѣ султана, семь братьевъ преклонили предъ нимъ колѣни и начали просить удостоить ихъ чести своимъ посѣщеніемъ. Царевичъ, изъявивъ согласіе погостить у нихъ, не скрылъ того, что раньше знакомства съ ними, видѣлся съ Гульбери и, по ея словамъ, явился къ нимъ въ качествѣ союзника. Шахъ-Смаилъ снова прибылъ къ Гульбери, которая не знала, чѣмъ и какъ выразить ему благодарность за освобожденіе братьевъ отъ предстоящаго плѣна.—Проживъ въ замкѣ ея около вѣсяца, братья, въ предположеніи доставить удовольствіе гостю своему, предложили ему жениться на сестрѣ ихъ.—Очень радъ—отвѣчалъ герой нашъ—ваша сестра мнѣ очень нравится. Сказавъ это, онъ не мечталъ, что братья пригласятъ сегодня же духовника и повѣнчаютъ его. Сдѣлавшись законнымъ му-

жемъ прекрасной Гульбери, Шахъ-Смаиль хотя и заперть былъ съ нею въ отдѣльную комнату, но не рѣшился допустить ее до своей постели. На утро царевичъ простился съ женою и братьями ея, объяснивъ, что если онъ чрезъ годъ не возвратится, то Гульбери властна выбрать себѣ другаго мужа. И снова онъ пошелъ въ невѣдомую даль въ предположеніи отыскать Гулюзаръ-ханымъ. Долго, долго онъ ѣхалъ. Наконецъ, утомленный, остановился на отдыхъ въ мрачной пустынѣ. Не успѣлъ онъ прилечь, какъ предъ нимъ явился арапъ и сказалъ: прекрасный юноша, что за неволя занесла тебя въ эту ужасную страну? Спѣши бѣжать отсюда, не то ты погибнешь отъ руки неумолимаго господина моего, которому не достаетъ только одной человѣческой головы для окончанія крѣпости.—Въ такомъ случаѣ любезный другъ—отвѣчалъ царевичъ съ улыбкою—возвратись къ господину своему и скажи, что я прошу у него немного пищи для поддержанія силъ моихъ, иначе бой нашъ не будетъ равенъ. Арапъ исчезъ. Часъ спустя онъ возвратился съ золотымъ блюдомъ, наложеннымъ до краевъ великолѣпно-развареннымъ пиларомъ. Шахъ-Смаиль принялъ отъ него блюдо, но предварительно проверлъ по рисовымъ зернамъ свою саблю, которая быстро почернѣла.—Прими обратно отраву—сказалъ царевичъ—и скажи господину твоему, что онъ гнусный человѣкъ. Но не успѣлъ онъ произнести своей фразы, какъ предъ нимъ явился грозный властитель пустыни, съ обнаженнымъ мечемъ. Берегись! закричалъ онъ издали. Шахъ-Смаиль вскочилъ на ноги и въ одну секунду обезоружилъ его. Павшій храбрецъ простеръ къ нему руки, умоляя о пощадѣ. Какъ только царевичъ согласился помиловать его, онъ сбросилъ съ себя одежду и предъ нимъ очутилась дѣвица величественной красоты, которая назвала себя Гузель-батыръ (т. е. прекрасный богатырь). Шахъ-Смаиль очень радъ былъ, что помиловалъ ее и охотно согласился прогостить у ней нѣсколько времени. Гузель-батыръ, которой чрезвычайно понравился нашъ богатырь, употребляла всевозможныя усилія задержать его у себя, но царевичъ въ одно прекрасное утро явился въ ней съ тѣмъ чтобы проститься навсегда.

— Нѣтъ этого не будетъ—отвѣчала Гузель-батыръ—я рѣшилась быть неразлучнымъ другомъ твоимъ до смерти.—И готова содѣйствовать мнѣ въ отысканіи прекраснѣйшей изъ дѣвицъ міра Гулюзаръ-ханымъ?—Да—отвѣчала она. И поѣхали они вмѣстѣ. Долго, долго они скакали по безпредѣльнымъ пространствамъ и наконецъ взятые прибыли въ обширный городъ, гдѣ остановились въ лачужкѣ одной бѣдной женщины. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, Шахъ-Смаиль завелъ разговоръ съ хозяйкою и между прочимъ спросилъ у нея, не знаетъ ли она дѣвицы, известной подъ именемъ Гулюзаръ-ханымъ.—Какъ не знать—отвѣчала старушка—эта дѣвица, дочь нашего султана, которую считаютъ первою красавицею міра, но къ чему тебѣ знать объ этой особѣ, которой свадьба заканчивается сегодня.—Неужели? спро-

силъ съ ужасомъ царевичъ. Минуту спустя онъ предложилъ хозайкѣ своей нѣсколько десятковъ червонцевъ, съ просьбою, чтобы она употребила всевозможныя средства добратся до этой дѣвицы и объявить ей, что изъ отдаленныхъ странъ свѣта прибылъ за нею Шахъ-Смаилъ, сынъ могущественнаго въ мѣрѣ султана. Старушка, заинтересованная золотомъ, немедленно набросила на себя разорванную чадру и отправилась во дворецъ. Нѣсколько времени спустя она возвратилась и сообщила Шахъ-Смаилу, что Гулюзаръ чрезвычайно обрадовалась его прїѣзду и приказала объявить, чтобы онъ въ полночь явился къ главнымъ воротамъ дворца, куда она выйдетъ къ нему. Шахъ-Смаилъ извѣстилъ объ этомъ Гузель-батыръ и они отправились къ мѣсту назначенія свиданія. Въ условленное время, дѣйствительно, явилась Гулюзаръ-ханымъ и крикнула: гдѣ здѣсь Шахъ-Смаилъ? Царевичъ подскочилъ къ ней и, сказавъ нѣсколько словъ, схватилъ ее на сѣдло и скрылся въ туманной отдаленности. Гузель-батыръ не отставала отъ нихъ. Нѣсколько часовъ спустя Шахъ-Смаилъ остановился на отдыхъ и, положивъ голову на колѣно неподобной невѣсты своей, заснулъ богатырскимъ сномъ. Какъ вдругъ Гулюзаръ замѣтила на небосклонѣ пыльное облако и затѣмъ начала различать конницу, посланную отцомъ ея въ погоню за бѣглянкою.— Мы погибли—сказала она, обращаясь къ Гузель-батыръ, не желая нарушать прїятнаго сна друга.

— Не буди его теперь—отвѣчала подруга, въ моментъ перелѣзшая въ костюмъ воина—но если я не совладаю съ непріятелемъ тогда не терй дорогой минуты. Сказавъ это, Гузель вскочила на коня и въ нѣсколько прыжковъ достигнула до непріятеля, котораго безпощадно начала поражать. Новыя массы войска замѣняли погибшихъ. Гулюзаръ не вытерпѣла и запѣла тихимъ голосомъ:

Туманомъ покрылась дорога Иида,
Проснись, милый другъ, проснись скорѣй!
Всѣ четыре стороны закрыты мракомъ
Проснись, милый другъ, проснись скорѣй!
Эти войска плывутъ массами,
Чтобы напиться твоей крови;
Но что сдѣлаютъ тысячи лисицъ одному льву?
Проснись, милый другъ, проснись скорѣй!
Они ужъ послали извѣстіе,
Чтобы новыя прибыли друзья,—
Вѣрно узнали въ Гузель-батыръ Арапъ-зенти.
Проснись же, милый, проснись скорѣй!

Но Шахъ-Смаилъ продолжалъ спать. Вдругъ Гулюзаръ замѣтила, что Гузель-батыръ одновременно поразила на смерть двухъ ея братьевъ. Красавица невольно прослезилась. Теплая слеза ея упала на щеку Шахъ-Смаила и заставила его вскочить на ноги.— Что это обошло меня? спросилъ онъ. Пока Гулюзаръ объяснила въ чемъ дѣло, а Шахъ-Смаилъ поймалъ Хамеръ-таи, Гузель-батыръ успѣла разогнать непріятельскія войска и возвратиться къ друзьямъ. Герой нашъ въ знакъ благодарности за спасеніе его

отъ плѣна обѣщаль жениться и на ней. Недѣлю спустя счастливые любовники прибыли къ семи братьямъ—богатырямъ. Гульбери была въ восторгѣ, что мужъ ея достигъ желанія и что теперь онъ не разстанется и съ нею. Предположеніе ея сбылось, потому что Шахъ-Смаиль, прощаясь съ братьями, объявилъ, что теперь онъ возвращается домой и слѣдовательно долженъ взять съ собою и сестру ихъ. Братья прослезились и проводили Гульбери до половины своихъ владѣній. Ровно чрезъ мѣсяць Шахъ-Смаиль, въ сопровожденіи трехъ первѣйшихъ красавицъ міра, прибылъ въ отечественный городъ. Радость султана и его жены были безпредѣльны. На слѣдующій же день герой нашъ былъ законнымъ мужемъ Гулюзаръ-ханымъ и Гузель-батырши и переселился въ обширный дворецъ, воздвигнутый отцомъ во время отсутствія его. Весело и отрадно жилось ему съ тремя добрыми женами; но вотъ однажды Шахъ-Смаиль замѣтилъ, что Гулюзаръ чего-то скорбитъ. Царевичъ началъ допрашивать ее и узналъ, что отецъ его влюбился въ нее и умоляетъ, чтобы она позволяла ему приходиться къ ней во время отсутствія мужа.

Обстоятельство это смутило Шахъ-Смаила, но, зная преданность къ себѣ Гулюзаръ онъ сдѣлалъ нѣсколько наставленій, какъ обходиться со старикомъ, а самъ положился не выходить изъ дому. Такимъ образомъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Однажды Шахъ-Смаиль сидѣлъ съ женами въ саду, какъ вдругъ явился посланный отъ султана.—Васъ проситъ государь—сказалъ онъ. Царевичъ приказалъ сказать, что сейчасъ явится. Когда посланный ушелъ, Гульбери подошла къ мужу и сказала:—Знаешь ли ты, что отецъ твой замышляетъ тебя убить. Я сегодня посмотрѣла въ мое волшебное зеркальце и открыла, что онъ по дорогѣ отъ нашего дворца вырылъ глубокую яму съ дѣлью, чтобы ты провалился въ нее. Яма эта такъ мастерски прикрыта, что нѣтъ возможности подозрѣвать опасности. Берегись же, не попасть въ нее сегодня.—Какимъ же образомъ я долженъ идти, чтобы избѣгнуть гибели?—Я прикажу моей собачкѣ провести тебя. Шахъ-Смаиль, шедшій по слѣдамъ животнаго благополучно прошелъ къ отцу и, поговоривъ съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ, возвратился къ себѣ по тропинкѣ, указанной ему собачкою Гульбери. Естественно, что султанъ очень былъ недоволенъ неудачею и рѣшился прибѣгнуть къ болѣе вѣрному средству. На слѣдующій день падишахъ пригласилъ сына къ себѣ на обѣдъ, Узнавъ объ этомъ, Гульбери обратилась къ своему зеркальцу и открыла, что султанъ рѣшился отравить ея мужа за своимъ столомъ. Сообщивъ это Шахъ-Смаилу, она предложила ему кушать только то, что возьметъ въ ротъ собачка ея. Исполнивъ буквально совѣтъ преданной жены, царевичъ возвратился домой совершенно здоровымъ. На третій день султанъ, встрѣтивши сына своего на дворѣ, пригласилъ его поиграть въ шахматы. Царевичъ, забывъ про его замыслы, охотно последовалъ за нимъ.—На что же будемъ играть? спросилъ Шахъ-Смаиль.—Кто проиграетъ, тотъ будетъ связанъ—

отвѣчалъ отецъ. Шахъ улыбнулся и началъ игру. Султанъ проигралъ восемь игръ и ужасно началъ сердиться. Царевичъ, желая успокоить отца, рѣшился и въ свою очередь проиграть ему; но какъ только онъ проигралъ первую игру, султанъ потребовалъ веревки и приказалъ его перевязать. Сынъ взглянулъ на отца, но, чтобы не оставаться въ дуракахъ предъ чужими, которыхъ отецъ началъ сзывать, онъ махнулъ руками и веревки обратились въ клочки.—О, да какой ты силачъ, мой милый сынъ! сказалъ султанъ.—Мнѣ нѣтъ равнаго по силамъ въ цѣломъ мѣрѣ—отвѣчалъ Шахъ-Смаиль.—Въ чемъ же именно заключается твоя сила?—Вы быть можете не повѣрите, если я скажу въ мезинцѣ правой руки. Стоить только перевязать этотъ палецъ и я сдѣлаюсь слабѣе ребенка.—Не можете быть, ты обманываешь отца! Шахъ-Смаиль, чтобы убѣдить его дозволилъ испытать. Лишь только убѣдился въ этомъ султанъ, сейчасъ же потребовалъ палачей и, приказавъ имъ ослѣпить сына своего, повелѣлъ вывести его въ пустыню и бросить въ первый глубокой колодезь.

Султанское повелѣніе выполнено было въ точности, и такъ быстро, что ни одна изъ вѣрныхъ подругъ царевича не могла узнать о судьбѣ внезапно исчезнувшаго мужа. Избавившись такимъ образомъ отъ сына, султанъ сейчасъ же потребовалъ къ себѣ Гюлюзаръ, но она отвѣчала, что никого не слушается, кромѣ мужа. Оскорбленный дерзкимъ отвѣтомъ женщины, падишахъ поручилъ привести ее насильственнымъ образомъ. Однако посланные погибли отъ руки Гюзель-батыръ; султанъ удвоилъ число слугъ, но и эти не возвратились. Таже участь постигла сотни и тысячи другихъ посылаемыхъ. Тѣмъ временемъ несчастный Шахъ-Смаиль, ослѣпленный и, къ счастью, брошенный въ пустой колодезь, томился ужасною скорбью и голодомъ. Однажды утромъ онъ услышалъ надъ головою какіе-то голоса. Это былъ разговоръ двухъ пролетающихъ птицъ. Одна изъ нихъ, увидѣвши несчастнаго царевича, сказала: „Какъ жаль этого бѣдняжку: мнѣ ужасно хотѣлось бы помочь ему, да не знаю, какъ поступить. Еслибъ онъ понималъ нашъ языкъ, я опустила бы ему мое перушко и посоветовала бы прикоснуться имъ къ глазамъ своимъ, чтобы прозрѣть. Если ты, дѣйствительно, желаешь изцѣленія его, отвѣчала вторая то опусти къ нему перо свое, авось онъ случайно прикоснется имъ къ глазамъ. Птица вырвала изъ спины блестящее перо и опустила его прямо на голову слѣпца, который, быстро схвативъ его, прижалъ къ глазамъ своимъ. Черезъ минуту онъ видѣлъ, какъ и прежде. Развязавъ перепутанный мезинецъ, онъ послѣшилъ выработаться изъ колодца и направился домой; но прежде, чѣмъ онъ вступилъ въ столицу, султана извѣстили о томъ, что сынъ его исцѣлился какимъ-то чудомъ и подходитъ къ столицѣ. Падишахъ выслалъ противъ него всѣ свои войска. Повстрѣчавъ ихъ Шахъ-Смаиль сражался до тѣхъ поръ, пока не осталось ни одного врага и пока, не схвативъ въ плѣнъ отца своего, не привелъ его въ городъ и, собравъ всѣхъ министровъ и духовенство, не

передалъ его на судъ народа, который осудилъ его къ смертной казни. Послѣ этого, Шахъ-Смаиль, подошедъ къ дворцу, гдѣ скрывались его жены, заплѣлъ:

Съ прїѣдомъ, новая жизнь!
На путь покоя не легко ты вышелъ,
Несчастный шахъ-Смаиль!
Но всѣ мои страданія забудутся,
Когда я вспомню про красоту твою,
Моя прекрасная Гулюзаръ-ханымъ!
Съ прїѣдомъ, радость новая моя,
Здравствуй, милая сестрица семи богатрѣй,
И ты, неоцѣненный другъ, Гузель-батырь,
Васъ всѣхъ я буду вѣчно любить,
Неоцѣненные друзья мои!

Не успѣлъ онъ окончить пѣсни, какъ двери дворца отворились и вѣрныя подружки бросились къ нему съ распростертыми объятіями.

На слѣдующій день шахъ-Смаиль вступилъ на престолъ и приказалъ возвѣститъ это подданнымъ пушечными выстрѣлами и сорока - дневнымъ празднествомъ по всѣмъ городамъ и деревнямъ.

Сейфиль-мюлькль.

Какъ хорошо небо Египта въ тихій день при сіяніи солнечныхъ лучей надъ Ниломъ, такимъ былъ и одинъ изъ древнѣйшихъ калифовъ этой страны султанъ Магмутъ. Какъ нельзя сочесть небесныхъ звѣздъ, такъ нельзя было сочесть золотыхъ червонцевъ и дорогихъ жемчужинъ этого всемогущаго повелителя, предъ блестящимъ глазомъ котораго трепетали самыя кроважадыя звѣри песчаныхъ пустынь. У славнаго этого калифа была одна только странная привычка: онъ готовъ былъ два дня ни пить и ни ѣсть, если кто начиналъ рассказывать свои или чужія интересные приключенія. Онъ вслушивался въ каждое слово рассказчика, вздрагивалъ, улыбался и всегда оказывалъ благоволеніе такимъ счастливымъ, которые заставляли его выслушивать себя. Лишь только узнали объ этомъ любители рассказовъ, начали безцеремонно являться къ одному изъ оконъ серала, гдѣ постоянно сживалъ калифъ и громко декламировали затверженные наизусть повѣствованія. Султанъ слушалъ ихъ съ свойственнымъ ему увлеченіемъ и всегда почти награждалъ краснорѣчивыхъ тысячею червонцами. Когда сообщили о такой щедрости падишаха преданнѣйшему изъ министровъ его Хиваджи Асану, то онъ не замедлилъ явиться предъ свѣтлыя очи повелителя и высказать, что такая бесплодная трата денегъ можетъ повергнуть государство въ неблаговидное состояніе. Отъ замѣчанія этого султанъ пришелъ въ негодованіе, но такъ какъ онъ сознавалъ, что не могъ царствовать съ такою славою безъ Хиваджи Асана, то сдержавшись отъ ярости, вскрикнулъ: „ай, Хиваджи, развѣ ты

не знаешь, что это мнѣ доставляетъ самое высокое удовольствіе? Для чего-же создано золото, какъ не для того, чтобы пріобрѣтать удовольствія и награждать преданныхъ и способныхъ подданныхъ? Клянусь тебѣ, что еслибъ ты занялъ меня такъ своимъ разсказомъ, какъ сегодняшній байгунъ (считалецъ), то я охотно подарилъ-бы тебѣ 100 т. червонцевъ, пару лучшихъ жеребцовъ изъ моихъ конюшенъ и любую провинцію.

Хиваджи Асанъ, выслушавъ повелителя, рѣшился во чтобы ни стало отыскать такую повѣсть, лучше и интереснѣе которой не могъ-бы придумать ни одинъ изъ сказачниковъ Египта. Этимъ средствомъ онъ мечталъ сохранить золото своего добраго падишаха.

— Надѣюсь, повелитель мой—отвѣчалъ онъ почтительно—что вы не забудете словъ своихъ, когда я найду возможность превзойти всѣхъ краснорѣчивыхъ искателей приключеній вашего царства.

— По крайней мѣрѣ я буду ожидать твоего обѣщанія въ теченіи года, но помни при этомъ, что послѣ этого срока я не стану держать около себя такихъ слугъ, которые сами не умѣютъ служить своимъ господамъ и завидуютъ болѣе способнымъ. Съ этими словами калифъ удалился отъ преданнаго визиря.

Хиваджи Асанъ, возвратившись домой, созвалъ самыхъ расторопныхъ слугъ своихъ и повелъ съ ними рѣчь такого содержанія.

— Дѣти мои, объявите мнѣ, кто изъ васъ обладаетъ болѣе утонченнымъ умомъ и способностію отыскать мнѣ такую повѣсть, которую чѣмъ больше будешь читать, тѣмъ больше станешь привязываться къ ней? При этомъ примите въ соображеніе, что достойнѣйшему дана будетъ награда въ 5 т. червонцевъ.

Изъ всѣхъ выступило 5-ть человекъ, которые, поцѣловавъ кончикъ фалды министра, обѣщали испытать свое счастіе. Хиваджи Асанъ въ ту же минуту отпустилъ каждому въ незачетъ награды по двѣ тысячи червонцевъ и, пожелавъ имъ счастливаго пути во всѣ концы міра, приказалъ сейчасъ-же выѣхать въ тѣ страны, гдѣ искусство разсказывать интересныя исторіи и сказки доведено до совершенства, немислимаго въ Египтѣ.

Слуги по совѣщаніи между собою, избрали различныя направленія. Одинъ-же изъ нихъ и именно Абла направился на Индію. Мѣсяцъ спустя онъ прибылъ въ великолѣпный городъ Серендипомъ, утопающій въ роскошныхъ садахъ и благоухающій всевозможными нѣжнѣйшими ароматами цвѣтовъ. Не зная, гдѣ остановиться, онъ присѣлъ у городского фонтана и началъ дѣлать наблюденія, какъ вдругъ видитъ бѣгущаго молодаго человека.

— Куда ты такъ спѣшишь? спросилъ у него Абла.

— Къ намъ прибылъ знаменитый разсказчикъ — отвѣчалъ бѣгущій—и я не прощу себѣ, если утеряю случай послушать его.

— Гдѣ онъ находится теперь?

— На большой базарной площади.

Абла вновь вскочилъ на коня и послѣдовалъ за бѣгущимъ. Нѣсколько минутъ спустя онъ очутился на обширномъ плацѣ, усыпанномъ тысячами людей. Всѣ хранили глубокое молчаніе въ ожиданіи рѣчи прославленнаго иностранца, имѣвшаго обыкновеніе однажды въ годъ обходить сосѣднія царства.

— Что-же онъ не начинаетъ? спросилъ Абла у одного изъ стоявшихъ около себя.

— Сейчасъ должны прибыть царскіе министры—отвѣчалъ онъ.

И, дѣйствительно, нѣсколько минутъ спустя оратора обступили первые сановники государства и онъ началъ рассказывать такіа удивительныя событія, какихъ никто еще не слышалъ. Изумленный Абла затрепеталъ отъ удовольствія и рѣшился во что-бы ни стало переговорить съ нимъ относительно своей миссіи.

Когда рассказчикъ окончилъ и направился въ приготовленный ему конакъ, Абла остановилъ его поцѣлуемъ руки и заявилъ, что имѣетъ къ нему крайнюю просьбу.

— Слѣдуй за мною, сынъ мой—отвѣчалъ онъ—мы предварительно подкрѣпимъ наши силы пищею, а потомъ поговоримъ о дѣлахъ. Изъ какихъ ты странъ прибылъ?

— Я преданнѣйшій слуга великаго визиря египетскаго султана Магмута, равнаго которому по богатству нѣтъ въ мірѣ.

— Не господинъ-ли твой направилъ тебя въ эту страну?

— Онъ предоставилъ мнѣ самому ѣхать, куда я пожелаю, но съ тѣмъ, чтобы привести такую повѣсть, которая по содержанию превосходила-бы всѣ лучшіе рассказы египетскихъ сочинителей.

— А извѣстно-ли твоему господину, сколько надо заплатить за такой рассказъ?

— Онъ далъ мнѣ на дорогу изрядную сумму денегъ, которую я сохранилъ и отдамъ тебѣ, если ты удовлетворишь желанію моего повелителя.

— Пэ, пэ, пэ, ну, ужъ если я не угожу, то врядъ-ли достигнетъ этого кто другой. Скажи мнѣ, сынъ мой, можешь-ли ты дать мнѣ тысячу червонцевъ за такую повѣсть? Если да, то я поищу ее въ складахъ моей памяти, если-же нѣтъ, то Богъ съ тобой, поѣзжай дальше, авось найдешь болѣе дешевыхъ цѣнителей своего таланта.

— Отецъ мой, благодѣтель народа—вскрикнулъ Абла—я охотно отсчитаю тебѣ эту сумму, но только не осрами мою голову предъ господиномъ моимъ.

— Будь увѣренъ, что не только визирь, но и самъ великій калифъ не насладится перлами, которые посыпнутся изъ устъ моихъ. Сказавъ это, знаменитый рассказчикъ предложилъ Аблѣ передать лошадь завѣдывающему гостиннымъ дворомъ и зайти къ нему для окончательныхъ переговоровъ.

Исполнивши это приказаніе, Абла предсталъ предъ сіятельныя очи великаго оратора и вновь поцѣловалъ его руку.

— Да сохранить тебя Богъ—отвѣчалъ хозяинъ—и поможетъ

возвратиться въ мудрому господину твоему! Теперь садись, откушай со мною и открой настезь двери твоихъ ушей, чтобы не осталось ни одно изъ словъ моихъ за порогомъ. Я охотно отдамъ тебѣ только что написанную мною исторію величайшаго Сейфиль-Мулькля, но не иначе какъ ты произнесешь клятву соблюсти неизмѣнно 6-ть условій. Соглашаешься-ли ты на это?

— Я соглашусь на все, что буду въ состояніи исполнить.

— Очень умно сказано. Теперь я вижу, что имѣю дѣло съ человѣкомъ, у котораго въ головѣ есть достаточное количество свѣжихъ мозговъ. Положи-же предо мною твое золото и приготовься къ клятвѣ.

Абла вывернулъ предъ нимъ кожаный мѣшокъ съ деньгами и появлялся всѣми святостями соблюсти всѣ условія.

Условія мои состоятъ въ слѣдующемъ: во первыхъ, взявши рукопись, ты не покажешь ее никому по дорогѣ; во вторыхъ не позволяешь говорить о существованіи ея любознательнымъ поденщикамъ, чтобы они не отвлеклись отъ занятій, дающихъ имъ средства къ жизни; въ третьихъ никогда не рассказывать содержанія ея мечтательнымъ юношамъ; въ четвертыхъ не допускать къ чтенію ея такихъ, которые не умѣютъ отличить хорошее отъ дурнаго; въ пятыхъ скрывать ее отъ молодыхъ женъ, чтобы не ввести ихъ въ искушеніе; но всего важнѣе, чтобы о существованіи ея не знали взрослые дѣвушки. Понялъ?.. если да, то я не буду повторять сказаннаго.

— Аминь, аминь — отвѣчалъ Абла.

Послѣ этого святаго слова ораторъ растегнулъ свои одежды и вынулъ изъ наощенной сумки аккуратно написанную рукопись и подалъ ее Аблѣ.

— Вотъ тебѣ драгоценность — сказалъ онъ. Я надъ составленіемъ ея трудился многіе годы и увѣренъ, что господинъ твой съумѣетъ ее передать въ цѣлости на удивленіе отдаленнымъ потомкамъ. Скажи ему, что я прошу это въ видахъ и его славы. Теперь ты можешь возвратиться съ миромъ. Дай Богъ тебѣ счастливаго пути!

Абла вновь приложился губами къ знаменитому человѣку и, пожелавъ ему безконечной жизни на радость людей, въ тотъ же день выѣхалъ изъ прелестнаго города Серендинома. Мѣсяць спустя, запыленный и изнуренный онъ предсталъ предъ очи своего господина и подалъ ему добытую рукопись въ нѣсколькихъ шелковыхъ заверткахъ.

Хиваджи Асанъ молча началъ разворачивать дорогія матеріи и вдругъ вскрикнулъ отъ радости:

— Неужели тебѣ удалось найти описаніе приключеній славнаго Сейфиль Мулькля?

— Да, повелитель мой, я былъ счастливъ встрѣтить сочинителя этой благоухающей повѣсти.

— И ты получилъ ее изъ собственныхъ его рукъ?

— Оцъ пригласилъ меня къ своему обѣду и потомъ, снявъ ее съ груди, вручилъ мнѣ.

— Да, ты послѣ этого превзошелъ и меня и отнынѣ не долженъ быть ни чѣмъ слугою. Я прикажу выдать тебѣ столько золота, чтобы ты жилъ вполне независимымъ и радовался до послѣднихъ минутъ жизни. Сказавъ это, министръ поцѣловалъ слугу своего въ оба глаза и сейчасъ же распорядился выдѣлить ему пятую часть своего состоянія.

Въ тотъ же день Хиваджи Асанъ извѣстилъ падишаха своего о великой находкѣ и просилъ его созвать всѣхъ ученыхъ и вельможъ послушать удивительныя приключенія Сейфилъ султана. Калифъ внѣ себя отъ радости назначилъ первую пятницу для сбора въ сераль всѣхъ вельможъ.

Въ урочный часъ вступилъ въ огромную комнату Хиваджи Асанъ и, занявъ возвышенное мѣсто, началъ читать слѣдующее:

„Въ тѣ времена, когда въ благодатной странѣ Египта Нилъ считалъ людей своими дѣтьми, а птицы, звѣри и животныя предупреждали всякое желаніе ихъ, царствовалъ Асымъ-Бене-Сафанъ, достигшій 1700 лѣтъ. Подобнаго падишаха ни по силѣ, ни по богатству, ни по щедрости не существовало съ того времени, какъ Богомъ созданъ міръ. Однако при всемъ этомъ онъ считалъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ и постоянно ходилъ съ опущенною на грудь головою. Въ чемъ состоялъ его недугъ или какаѣ змѣны сосала его сердце, никто не зналъ и не смѣлъ спросить. Однажды Асымъ вынужденъ былъ принять поздравленіе отъ подданныхъ своихъ, по случаю важной побѣды, одержанной надъ многочисленными врагами. Всѣ вельможи приближались къ нему, цѣловали туфли и превозносили его мудрость. Какъ вдругъ у подножія его трона появился мальчикъ лѣтъ 10-ти и началъ говорить рѣчь такимъ сладкимъ и звучнымъ голосомъ, что султанъ сначала смотрѣлъ на него съ изумленіемъ, но потомъ громко зарыдалъ и въ безсиліи упалъ на полъ.

Всѣ присутствующіе съ ужасомъ разбѣжались, но министры, по обязанности, подбѣжали къ нему и на рукахъ перенесли въ другую комнату. На этотъ разъ великій визирь, давно подмѣчавшій горе въ душѣ повелителя своего, рѣшился поразспросить, что можетъ тяготить такого султана, по мановенію глаза котораго всѣ стануть служить ему.

— Друзья мои—отвѣчалъ имъ Асымъ Сафанъ—не подумайте, что я не доволенъ вами или подданными моими: Вы всѣ служили мнѣ съ любовью и усердіемъ и я кромѣ благодарности и довольства ничего не могу чувствовать. Но, увы, меня гнететъ ужасное горе, которое не происходитъ отъ людей, но отъ божественнаго солнца, создавшаго землю и насъ всѣхъ. Я не могу постигнуть, чѣмъ я могъ оскорбить его, а между тѣмъ вотъ ужъ 1500 лѣтъ, какъ я приношу ему жертвы и пламенно молюсь даровать мнѣ хоть одного наслѣдника, которому я могъ бы передать мой наслѣдственный престолъ съ тѣми сокровищами, которыя достались

миѣ и которыя я лично пріобрѣлъ. Посудите же, друзья мои, что должна чувствовать душа моя въ теперешнія лѣта. Нѣтъ это жестоко и несправедливо со стороны божества нашего!

Министры старались по мѣрѣ силъ утѣшить повелителя своего.

— Чтоже ты, Нюманъ, не скажешь миѣ ни слова? обратился султанъ къ казнедару, хранившему молчаніе.

— Я молчу теперь для того, чтобы потомъ предложить вамъ испытать одинъ совѣтъ — отвѣчалъ онъ. Миѣ недавно рассказывали, что царь Аджемскій, подобно вамъ дожившій до глубокой старости, не имѣлъ дѣтей и у каждаго, встрѣчнаго и поперечнаго, спрашивалъ: не можетъ ли онъ пособить ему? Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Какъ вдругъ падишахъ столкнулся съ какимъ-то прибывшимъ издалека купцомъ, предложившимъ ему отправить въ Хутлушерифъ (Іерусалимъ) посланника къ великому царю и пророку Соломону съ просьбою помолиться за него своему Богу. Царь рѣшился испытать и это средство и немедленно послалъ въ Палестину самаго лучшаго изъ визирей своихъ съ великими дарами и ровно чрезъ девять мѣсяцевъ и десять дней жена его родила перваго наслѣдника.

— Нюманъ, другъ мой, вскрикнулъ Асымъ Сафанъ, бросаясь на шею къ казнедару своему — неужели ты правду говоришь? о, если это правда, то возьми половину моихъ сокровищъ и сейчасъ поѣзжай къ этому царю-пророку, упади къ нему въ ноги, плачь и рыдай до того времени, пока онъ не сжалится надъ тобою и не пообѣщаетъ миѣ наслѣдника. Если же ему окажется мало моихъ подарковъ, то обѣщай еще столько же и даже послѣдній мой царскій нарядъ.

Въ тотъ же день казнедаръ началъ снаряжаться въ дорогу. Сотни верблюдовъ были навьючены золотомъ, серебромъ и различными цѣнными произведеніями Египта. Три дня спустя караванъ выступилъ въ дорогу, сопутствуемый лучшими воинами Сафана.

Долго ли онъ двигался впередъ или переселъ былъ моментально въ святой Хутлушерифъ, для насъ это не важно. Мы знаемъ только, что Нюманъ, явившись къ сералоу славнаго царя Соломона, приказалъ доложить о себѣ, какъ о посланникѣ знаменитаго султана Асымъ-бене-Сафана, желавшаго поднести ему дары.

Соломонъ приказалъ вести его въ пріемную. Нюманъ съ трепещущимъ сердцемъ послѣдовалъ за министрами и, очутившись предъ пророкомъ, хотѣлъ броситься ему въ ноги.

— Прошу тебя, встань поскорѣе — сказалъ царь — потому что и я такой же смертный, какъ и ты, и потому еще, что такія почести подобаютъ одному Богу, нашему общему Творцу. Сказавъ это, онъ приказалъ гостю своему сѣсть у ногъ его и рассказать все, что сказано или поручено было ему повелителемъ Египта.

Нюманъ произнесъ длинную рѣчь съ привѣтствіями и остановился, видя себя окруженнымъ многими сторонними лицами, предъ которыми не желалъ открывать главнѣйшей причины пріѣзда своего.

— Ты не договорилъ главнаго—замѣтилъ пророкъ—и отлично сдѣлалъ. Слѣдуй же за мною. Я приму тебя въ такомъ отдѣленіи дворца моего, куда не смѣютъ приближаться даже безплотные духи.

Нюманъ нѣсколько оживился духомъ и когда очутился въ одиночку предъ всесильнымъ падишахомъ, передалъ ему въ точности всю суть миссіи своей.

— Ты не дурно сдѣлалъ—отвѣчалъ Соломонъ—что посовѣтовалъ государю своему обратиться ко мнѣ. Въ доказательство же того, что я удовлетворю его желанію, я охотно приму привезенные тобою подарки. Завтра около полудня ты придѣ ко мнѣ за отвѣтомъ, потому что я предварительно долженъ обратиться къ Богу и выслушать Его святую для меня волю.

Сказавъ эти слова, Соломонъ вывелъ гостя своего въ приемную и приказалъ главному министру пріютить во дворцѣ гостя и представить его завтра предъ свои очи. На слѣдующій день Нюманъ вновь введенъ былъ къ пророку.

— Я сегодня ночью бесѣдовалъ съ Господомъ моимъ—заговорилъ Соломонъ и узналъ настоящую причину негодованія Творца земли, которую, надѣюсь, твой султанъ приметъ изъ устъ моихъ и поспѣшитъ удалить. Присядь же у ногъ моихъ и отверзи уши, чтобы слышать. Видишь ли, вы всѣ и съ вами вмѣстѣ вашъ царь не признаете надъ собою истиннаго Бога, а поклоняетесь тому фонарю, который Онъ повѣсилъ на небѣ для освѣщенія и согрѣванія земли. Естественно, что Богъ вознегодовалъ прежде всего на того, отъ котораго зависитъ образовать глупыхъ и направить ихъ на путь истины. Такимъ образомъ тебѣ придется потребовать отъ Асыма Сафана, чтобы онъ немедленно самъ со всѣми подданными своими призналъ, что солнце есть только фонарь земли, но что Богъ есть высшее недоступное для понятія нашего безначальное и безконечное существо. Если онъ исполнить это, то вотъ что еще онъ долженъ сдѣлать, чтобы имѣть наслѣдника: пусть онъ отправится съ тобою, потому что и ты вѣдь бездѣтенъ,—къ тому самому дереву, у подножія котораго вы приносите жертвы вашимъ идоламъ. Каждый изъ васъ долженъ вооружиться и съ оружіемъ въ рукахъ взобраться на это дерево. Ровно въ полдень изъ подъ него выколотъ два большихъ змѣя одинъ съ коровьею головою, а другой съ человѣчьею. Убейте ихъ и отрѣжьте изъ центра этихъ гадинъ по куску мяса и прикажете изготовить его такъ, чтобы жены ваши, ничего не подозрѣвая, скушали хоть по маленькому кусочку. Этого будетъ достаточно, чтобы онъ въ ту же ночь получили благоволеніе Божіе.

Лишь только произнесены были эти слова, комната наполнилась тысячами птицъ, звѣрей и пресмыкающихся, которые начали ласкаться и привѣтствовать великаго пророка. Нюманъ въ ужасѣ попытался назадъ и хотѣлъ бѣжать.

— Постой, постой—сказалъ Соломонъ—я въ свою очередь желаю поднести подарки не государю твоему, а будущимъ: его и твоему наслѣднику. Вонъ тамъ въ углу лежатъ двѣ зашитыя

пачки, возьми ихъ и скажи Асыму Сафану, пусть онъ, не отерывая спрячетъ ихъ въ сокровищницу свою и хранить до того времени, пока наслѣдники ваши достигнуть совершеннѣтїа и только тогда предложить имъ взять по одной пачкѣ. Я не прочь объявить тебѣ, что въ одной посылкѣ находится золотой нарядъ и перстень, а въ другой золотое сѣдло и такая же сабля. Вы должны выставить эти посылки предъ молодыми людьми въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся. Каждый возьметъ по личному желанію ту, которую пожелаетъ или, которая будетъ предназначена ему Богомъ, по способностямъ и достоинствамъ.

Нюманъ не замедлилъ взять оба свертка.

— Ну, теперь ты воленъ возвратиться къ господину своему и, передавъ ему все слышанное отъ меня, пожелать ему въ мирѣ и благоденствїи дожидаться великой радости.

Нюманъ, бросился къ рукѣ пророка и, облобызавъ ее, удалился изъ серала. Въ тотъ же день онъ выѣхалъ домой.

На этотъ разъ, визирь не щадилъ верблюдовъ и прибылъ въ Египетъ многими днями раньше обыкновеннаго. За 50 часовъ онъ послалъ передоваго къ Асымъ Сафану объявить, что благополучно возвратился въ отечество и покончилъ миссію съ неожиданнымъ успѣхомъ.

Лишь только переданы были эти слова султану, онъ приказалъ подать себѣ лучшаго скакуна и, не смотря на драхлость свою, поскакалъ на встрѣчу къ любимому визирю.

Встрѣча послѣдовала невдали отъ столицы. Нюманъ по обычаю хотѣлъ упасть предъ падишахомъ ницъ лицомъ, но Асымъ не допустилъ его до этого и, принявъ въ объятїа, поцѣловалъ въ оба глаза. Послѣ остальныхъ изъявленїей дружбы, министръ повѣдалъ все слышанное изъ устъ пророка и какъ бы въ подтвержденїе, показалъ на два зашитыхъ свертка.

— Я вѣрю ему безпрекословно — отвѣчалъ падишахъ — и непременно исполню всѣ его приказанїа. На случай же, если предсказанїе его исполнится и новое божество даруетъ мнѣ сына, то я не пожалѣю ни золота, ни личныхъ заботъ, чтобы обрадовать народъ мой милостями и благодѣянїями.

По возвращенїи въ дворецъ Нюманъ передалъ оба свертка великому казначею съ приказанїемъ не дозвать никому прикасаться къ нимъ до тѣхъ поръ, пока они не потребуются самимъ султаномъ.

Два, три дня спустя султанъ Асымъ Сафанъ приказалъ созвать къ нему всѣхъ представителей и старшинъ своего царства и, когда они явились, объявилъ, что онъ и всѣ они, благодаря заблужденїямъ отцовъ и ухищренїямъ злыхъ духовъ, не поклонялись тому Богу, который создалъ солнце и всѣ остальные небесныя свѣтила, а солнцу, которое ничто иное, какъ фонарь, выставленный для освѣщенїа земли. Въ заключенїе, онъ просилъ и требовалъ, чтобы всѣ раскаялись въ своемъ невѣжествѣ и немедленно обратились на истинный путь. Послѣ долгихъ совѣща-

ній старшины убѣдились въ справедливости сказаннаго падишахомъ и поклонились торжественно, что отнынѣ они и состоящіе въ зависимости отъ нихъ люди, перенесутъ свои молитвы въ Творцу вселенной.

— Ну, теперь мы можемъ отправиться и къ священному дереву—сказалъ Сафанъ своему любимцу Ньюману.

— Я всегда готовъ слѣдовать за вами, мой повелитель. Прикажите только, когда мнѣ явиться.

— Приходи завтра на разсвѣтѣ. Мы выйдемъ такимъ образомъ, чтобы никто не послѣдовалъ за нами.

Въ урочное время, визирь предсталъ предъ султаномъ съ лукомъ и колчаномъ и они вышли изъ города, никѣмъ не замѣченные.

За часъ до полудня, они пришли къ священному растенію и, взобравшись на него, приготовились къ встрѣчѣ чудовищъ. Дѣйствительно, ровно въ полдень подъ деревомъ приподнялась земля и оттуда выползли два громадныхъ змѣя, которые обвились между собою и начали играть. Игры ихъ такъ были интересны, что Асымъ Сафанъ залюбовался и навѣрно пропустилъ бы дорогое время, еслибъ не настоялъ Ньюманъ. Стрѣлы взвились и два великана остались подъ деревомъ мертвыми. Тогда Сафанъ съ министрамъ спустились изъ засады своей, вынули сабли изъ ноженъ и каждый отрубилъ по куску мяса отъ убитыхъ чудовищъ.

Мясо это приготовлено было превосходнѣйшимъ способомъ и обѣ женщины скушали его съ наслажденіемъ. Черезъ 4½ мѣсяца Асымъ султанъ и Ньюманъ положительно были увѣрены, что жены ихъ беременны. Радости ихъ не было предѣла.

— Теперь тебѣ, великій падишахъ, придется обрадовать и всѣхъ скорбящихъ—сказалъ визирь. За такія блага надо заставить всѣхъ почти вознести благодарность Господу и пожелать счастливаго успѣха твоей супругѣ.

Султанъ вполне согласился съ нимъ и приказалъ подать списокъ томящихся въ заключеніи. По списку этому оказалось лишенныхъ свободы 20 т. человекъ въ 9-ти т. крѣпостяхъ, 60 т. въ городахъ и болѣе 200 т. въ деревняхъ. Изъ нихъ большинство томилось за неуплату недоимокъ въ государственную кассу. Асымъ Сафанъ ужаснулся и приказалъ сейчасъ же опорожнить всѣ тюрьмы и объявить всѣмъ безъ исключенія полное прощеніе, а самымъ бѣднѣйшимъ раздать 400 т. червонцовъ. Кромѣ этого, онъ назначилъ принести въ жертву и распределить между нищими 10 т. вюрблюдовъ, 20 т. коровъ и 40 т. овецъ, а воинамъ подарить по одной лошади и саблѣ и устроить въ столицѣ трехдневный пиръ.

Черезъ 9 мѣсяцевъ и 10 дней, у султана Асымъ Сафана и министра его Ньюмана въ одну и ту же минуту родились сыновья. Всѣ подданные поспѣшили въ дворецъ привѣтствовать любимаго царя и его друга. На этотъ разъ празднество продолжалось 40 дней и 40 ночей.

— Ну, любезный министр мой — сказала Асымъ Сафанъ, когда прекратилось ликованіе народа — теперь я обязанъ сдѣлать и для тебя все, что ты пожелаешь.

— Нѣтъ, государь — отвѣчалъ онъ — я достаточно вознагражденъ, потому что по милости твоей, тоже приобрѣлъ наслѣдника. Клянусь тебѣ Аллахомъ и новорожденнымъ, что я не приму отъ тебя никакого подарка.

— Я очень цѣню твою клятву, другъ мой, и не стану насиловать тебя. Оставимъ подарки и перейдемъ къ болѣе важному сужденію. Такъ какъ наши дѣти родились по одному и тому же поводу и въ одно и тоже время, то я желаю, чтобы ты съ женою переселились ко мнѣ и чтобы оба мальчика росли и воспитывались, какъ два брата.

Нюманъ принялъ это предложеніе съ восторгомъ и благодарностію. Новорожденные очутились въ одной комнатѣ и одновременно получили имена. Царскаго сына назвали Сейфиль-Мюльклемъ, а сына визиря Сайтомъ. Послѣ этого обряда, созваны были въ сераль всѣ знаменитые знахари и чернокнижники, которымъ приказано было опредѣлить будущность этихъ младенцевъ въ теченіи трехъ дней.

Въ запискѣ, составленной ими въ назначенный срокъ, значилось очень мало строкъ и именно: „новорожденнымъ послѣ совершеннолѣтія предстоитъ дорога. По дорогѣ они разлучатся и перенесутъ много тяжкаго, но въ заключеніе, снова соединятся и будутъ вполне счастливы“.

Предсказаніе это смутило счастливыхъ родителей, но такъ какъ предопредѣленнаго никто не вправѣ измѣнить, то приходилось все предать волѣ Божіей.

По мѣрѣ того, какъ мальчики росли, за ними все болѣе и болѣе усиливали заботливость. Въ 5-ть лѣтъ къ нимъ приставлены были умнѣйшіе наставники и учителя; въ 10 лѣтъ начали приучать къ военному искусству, а въ 18-ть посвящать въ тайны управленія государствомъ. Въ 21 годъ Сейфиль сдѣлался вполне мушкетеромъ и доказалъ, что можетъ царствовать безъ помощи отца. Сайтъ оказался также чрезвычайно способнымъ занять постъ великаго визиря. Лишь только убѣдились въ этомъ родители, какъ пожелаели замѣстить себя сыновьями своими. Въ это время Нюманъ какъ-то случайно вспомнилъ за свертки, предназначенные юношамъ царемъ Соломономъ по достиженіи совершеннолѣтія и, приказавъ принести ихъ, позвалъ Сейфиля и Сайта.

— Возлюбленные дѣти — сказала онъ — вотъ два узла, которые мнѣ поручено было пророкомъ Соломономъ передать вамъ по достиженіи совершеннолѣтія. Ни я, ни могущественный султанъ не знаемъ, что въ нихъ находится. Вы властны сами избрать любой, или бросить жребій.

Молодые люди посмотрѣли другъ на друга и, взявшись за руки, подошли къ подаркамъ. Сейфиль протянулъ руку къ одному узлу, а Сайтъ къ другому. Затѣмъ, повернулись и вошли

въ свои комнаты. Въ узлѣ послѣдняго, оказалось золотое сѣдло съ уздечкою и сабля. Сейфиль же бросилъ свою связку, какъ вещь мало интересующую его.

Настала ночь. Наслѣдникъ престола собрался на отдыхъ, какъ вдругъ глаза его остановились на подарокъ и онъ сорвалъ съ него обертку. Къ ногамъ его упало золотое кольцо, испещренное какими-то таинственными знаками. Поднявъ его, онъ приложилъ къ устамъ и надѣлъ на мезинецъ. Вторая вещь была парчевый кафтанъ, на которомъ показалось ему какое-то рельефное изображеніе. Сейфиль поднесъ кафтанъ къ свѣту и окаменѣлъ отъ изумленія. Затѣмъ, онъ поникъ головою и тихо опустился на софу, а между тѣмъ глаза его продолжали смотрѣть на чудное изображеніе неестественной красавицы.

Въ такомъ положеніи Сейфиль оставался до утра.

— Что это съ тобою, другъ мой, ты блѣднѣе смерти—сказалъ Саитъ, входя къ царевичу.

Отвѣта не послѣдовало. Саитъ невольно взглянулъ на роскошный нарядъ и съ трепетомъ началъ всматриваться въ прелестное лицо юной женщины.

— Какимъ образомъ это изображеніе могло очутиться на подарокъ пророка? спросилъ онъ.

Сейфиль вмѣсто отвѣта закрылъ глаза и началъ плакать.

— Эту дѣвушку я непременно долженъ отыскать — проговорилъ онъ—иначе я сойду съума. Она очаровала меня съ головы до ногъ, всосалась въ мою кровь, опутала паутиною любви и перевернула всѣ мозги. О, я чувствую, что не могу болѣе наслаждаться жизнью! Другъ мой Саитъ, ты навѣрно пожалѣешь меня, если войдешь въ сердце мое. Но умоляю тебя, не говори никому о моемъ помѣшательствѣ, чтобы не заставить народъ смѣяться, а родителей моихъ оплакивать меня преждевременно. Будь мнѣ попрежнему неизмѣннымъ и преданнымъ *карандашомъ* *) и помоги или избавиться отъ мученія, котораго я не ожидалъ, или пообѣщай слѣдовать за мною, чтобы отыскать эту прелестную дѣвушку.

— Гдѣ-же мы будемъ ее искать, мой братъ и господинъ? спросилъ опечаленный Саитъ.

Этотъ вопросъ заставилъ Сейфила, не подумавшаго раньше, что міръ великъ, вновь опустить голову и предаться отчаянію. Въ забытіи онъ запѣлъ жалобнымъ голосомъ:

„Не приходитъ ко мнѣ мой другъ,
Чтобы извѣдать горя друга
И осушить его глазъ отъ слезъ.
Найду-ли я тебя прелестная
Или мнѣ придется умереть безъ тебя?
Суженая-ли ты мнѣ невѣста
Или другому счастливцу сужена?“

*) Т. е. другомъ сердца. Точное слово рукописи.

Сайтъ попробовалъ остановить друга отъ отчаянія, но юноша продолжалъ импровизировать:

Меня связала ты кушакомъ любви
А сама явилась только тѣнью.
Ужасенъ твой портретъ,
Но какъ ужасна ты должна быть сама!

Пока продолжалось это пѣнье, Сайтъ, присматриваясь къ чудному изображенію, внезапно увидѣлъ на груди его слѣдующую надпись: „мое имя Бедіуль-Джемадъ, дочь Шахъ-Бала, царя и повелителя всѣхъ пери.“

— О, Аллахъ,—вскрикнулъ онъ—надо было случиться такому несчастію! Вѣдь она пери, не могущая имѣть ничего общаго съ людьми. Не странно-ли, что такой великій пророкъ, какъ Соломонъ задумалъ сдѣлать зло только начинавшему жить другу моему?

Сайту не пришло на мысль, что Сейфилю разслышитъ эти слова.

— Такъ ты утверждаешь, что оригиналъ существуетъ? спросилъ наслѣдникъ престола, вскакивая съ мѣста.

— Да онъ существуетъ, судя по надписи, которую и ты можешь прочитать. При этомъ онъ указалъ на грудь изображенія.

Сейфилю прочиталъ мелкія буквы и съ ужасомъ вскрикнулъ:

— Теперь я въ тысячу разъ несчастнѣе въ сравненіи съ прежнимъ состояніемъ, потому что раньше я могъ отвергать или не вѣрить въ существованіе такой женщины; теперь-же я не успокоюсь, пока не увижу и не завладѣю ею. Сказавъ это, Сейфилю бросился на постель и началъ предаваться отчаянію. Съ этого времени онъ не чувствовалъ ни голода, ни жажды.

Когда доложили объ этомъ султану, Асымъ Сафанъ прибѣжалъ къ сыну и началъ заботливо расспрашивать причину его немочи. Сейфилю хранилъ молчаніе. Тогда испуганный царь пригласилъ жену и оба принялись умолять сына признаться, въ чемъ заключается его недугъ; но царевичъ и на этотъ разъ не удостоилъ ихъ отвѣтомъ.

— Сайтъ — обратился султанъ къ тутъ-же стоявшему сыну визира — я увѣренъ, что только ты можешь узнать, чѣмъ страдаетъ мой единственный наслѣдникъ. Если-же и ты не откроешь мнѣ истины, то я вынужденъ буду обезглавить тебя, какъ вреднаго человѣка или какъ злодѣя, ожидавшаго выгоды отъ смерти Сейфиля.

Слышишь-ли, другъ моего сердца, какія ужасныя слова сказалъ султанъ — произнесъ Сайтъ, бросаясь къ ногамъ царевича.— О, пожалѣй меня!... и онъ зарыдалъ.

Сейфилю не открывалъ глазъ.

Асымъ Сафанъ, простоявъ нѣсколько минутъ у изголовья дорогого сына и, предположивъ, что онъ настолько боленъ, что не въ состояніи владѣть языкомъ, приказалъ, чтобы немедленно приведены были во дворецъ всѣ безъ исключенія медики и знаха-

ри. Когда собрались эти люди, султанъ объявилъ имъ, зачѣмъ звалъ и отправилъ въ комнату Сейфиля, но увы, и врачи ничего не могли открыть. Изнуренный глубокою скорбью отецъ вновь вошелъ къ сыну и рѣшился умереть около него.

— Ну, что Саятъ — сказалъ онъ — приготовился-ли ты къ смерти?

— Я всегда буду радъ принести себя въ жертву моему другу — отвѣчалъ молодой человекъ — и навѣрно-бы умеръ, еслибъ твой сынъ не разрѣшилъ мнѣ рассказать тебѣ причины его страданій.

— Говори, говори скорѣй, дитя мое!

— Саятъ взглянулъ на спокойно лежавшаго царевича и рассказалъ все извѣстное ему. Какъ только онъ остановился, Сейфиль какъ-бы въ подтвержденіе заплѣлъ:

Она высока и стройна,
Въ глазахъ играютъ стрѣлы.
Кто взглянетъ на нее однажды,
Тотъ погибнетъ навсегда!
Ее зовутъ Беди-уль-Джемаль
А отецъ ея есть властитель пери.

— Несчастный — вскрикнулъ отецъ, рассматривая прелестный портретъ. — Развѣ мыслимо смертному достигнуть расположенности пери? О, возлюбленный наслѣдникъ мой, о, сердце глазъ моихъ, куда дѣвался твой свѣтлый умъ и великія познанія? Выбрось, дорогой мой, изъ головы своей невѣроятныя и несбыточные мечты, а я, клянусь тебѣ, найду многихъ другихъ дѣвушекъ, которыя ни въ чемъ не уступятъ этой пери.

При этихъ словахъ Сейфиль поднялся съ постели, и, поцѣловавъ руку отца, отвѣчалъ:

— Благодарю тебя, нѣжнѣйшій изъ отцовъ. Но если существуетъ только на землѣ эта именно дѣвушка, то я предварительно употреблю всѣ средства отыскать ее. Мнѣ кажется, что она предназначена мнѣ Богомъ и что я съ нею одною могу прожить счастливо и безмятежно.

— Гдѣ-же мы станемъ, дорогой мой, искать ее?

— Я самъ пушусь въ розыски, въ полномъ убѣжденіи, что другъ мой Саятъ также послѣдуетъ за мною.

— Но ты во всякомъ случаѣ позволишь мнѣ сдѣлать предварительное дознаніе. Авось кто-нибудь изъ подданныхъ моихъ укажетъ намъ ту страну, гдѣ обитаетъ эта славная пери.

— Этого намъ не надо знать — отвѣчалъ Саятъ — потому что на портретѣ написано, что она живетъ въ царствѣ Бабильджерджи.

— А знаешь-ли ты, гдѣ находится это неслыханное мною государство.

— Я тоже не слыхалъ раньше о немъ, но полагаю, что намъ не трудно будетъ найти людей, которые укажутъ намъ, гдѣ оно находится.

Султанъ Асымъ Сафанъ погружился въ размышленіе и рѣшился вызвать самыхъ предприимчивыхъ купцовъ въ предположеніи, что они укажутъ по крайней мѣрѣ направленіе неизвѣстнаго ему государства. Изъ всѣхъ явившихся только одинъ сказалъ, что къ царству этому надо ѣхать по великому морю, держась на югъ отъ Чинь-Мачина.

— Сейфиль не противорѣчилъ, такъ-какъ для него важно было только выѣхать изъ отцовскаго дома.

Два дня спустя собраны были въ сераль министры для обсуждения проекта путешествія наслѣдника престола. Асымъ-Сафану хотѣлось предоставить сыну своему всѣ удобства въ дорогѣ, но главнѣе набрать какъ можно болѣе храбрыхъ воиновъ. Вслѣдствіе чего рѣшено было снарядить 40 большихъ кораблей и посадить на нихъ 4 т. солдатъ, извѣстныхъ своими заслугами, а недѣлю спустя объявлено было, что все готово къ выѣзду.

Мы не станемъ описывать ни прощальныхъ зѣфетовъ, ни горькихъ слезъ Асымъ Сафана съ женою и его великаго визиря Ньюмана, а скажемъ, что жители всей столицы собрались на набережную съ желаніемъ выразить свое сожалѣніе и помолиться о благополучномъ исходѣ путешествія. Сейфиль поблагодарилъ ихъ и, преклонивъ въ послѣдній разъ колѣна предъ отцомъ, вскочилъ на каиакъ и быстро исчезъ изъ вида. Въ ту же минуту подняты были паруса и многочисленная эскадра гордо и плавно выдвинулась изъ устья Нила. Съ этого момента царскій дворецъ осиротѣлъ и для всѣхъ казался покинутымъ веселыми лучами утренняго солнца.

Тѣмъ временемъ эскадра, пользуясь попутными вѣтрами, миновала Средиземное море и вступила въ безпредѣльный океанъ. Однажды Сейфиль, вышедъ на палубу и видя вдали прелестное голубое очертаніе горъ, сказалъ реизу (капитану):

— Не заѣхать ли намъ въ эту страну. Авось тамъ знаютъ, гдѣ находится земля, именуемая Бабиль-Джерджи?

— Это намъ необходимо сдѣлать—отвѣчалъ опытный реизъ— и для того, чтобы набрать свѣжей воды и свѣжей провизіи. Но я не смѣю тревожить моего господина. Сказавъ это, онъ немедленно приказалъ направить суда къ виднѣющейся землѣ.

Къ вечеру эскадра Сейфиля расположилась въ строгомъ порядкѣ въ виду обширнѣйшаго города, въ которомъ оказалось большое движеніе. Реизъ выслалъ помощника разузнать названіе царства и попросить у начальниковъ гостеприимства. Посланный возвратился съ донесеніемъ, что они прибыли къ берегамъ Мачина, въ которомъ царствуетъ доблестный падишахъ Сейхуръ-Алимъ, воспитывавшійся въ Египтѣ въ одно время съ Асымъ Сафаномъ.

Извѣстіе это обрадовало всѣхъ бывшихъ на корабляхъ и Сейфиль не замедлилъ съѣхать на берегъ, чтобы представиться другу отца.

Намъ нечего говорить, съ какимъ восторгомъ былъ принятъ Сейфиль и всѣ его сподвижники. Умолчимъ также о тѣхъ зѣфе-

тахъ, которые слѣдовали въ продолженіи многихъ дней, а скажемъ, что проживши болѣе мѣсяца въ непрестанныхъ развлеченіяхъ, гости начали подготавливаться къ дальнѣйшему путешествію. Услышавъ объ этомъ, Сейхуръ-Алимъ вошелъ къ царевичу и началъ просить его пробыть съ нимъ еще нѣсколько дней, но когда послѣдній началъ извиняться, опечаленный царь пожелалъ утѣшить себя по крайней мѣрѣ свѣдѣніемъ, куда онъ думаетъ ѣхать.

— Я направляюсь въ царство Бабиль-Джерджи—отвѣчать молодой человекъ—но къ несчастію ни я и никто изъ сопровождающихъ меня не знаемъ, гдѣ находится эта земля и прибыли сюда съ цѣлью получить отъ твоихъ подданныхъ какія-нибудь указанія.

— Ну, и, конечно, успѣли въ этомъ?

— Нѣтъ—отвѣчалъ съ грустью Сейфиль.

Сейхуръ-Алимъ немедленно приказалъ позвать къ себѣ главныхъ купцовъ столицы и началъ спрашивать ихъ, но они отвѣчали, что никогда не слышали о такомъ царствѣ и что о немъ надо спросить у жителей Индустана.

Высланные на городскія площади глашатаи принесли такое же наставленіе. Такимъ образомъ, не узнавъ ничего, Сейфиль вынужденъ былъ предпринять поѣздки въ Индію.

Набравъ продовольствія на нѣсколько мѣсяцевъ, египетскія суда распустили паруса и быстро понеслись въ непредѣльный океанъ. Нѣсколько дней они плыли очень спокойно, но потомъ начали подвергаться бурямъ, которыя все болѣе и болѣе становились невыносимыми. На судахъ нерѣдко подымался ропотъ и негодованіе вмѣсто того, чтобы преклоняться предъ волею Аллаха и благодарить его за сохраненіе жизни. Сейфиль и Саитъ много разъ увѣщевали команды, но видя, что бунтъ не минуетъ, рѣшились терпѣливо перенести назначеніе судьбы. Въ одну изъ самыхъ критическихъ минутъ Саитъ объявилъ Сейфилю, что небо покрылось такими страшными тучами, что надо ожидать ужаснѣйшей бури. Царевичъ, удостовѣрившись въ предположеніи друга, тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— Другъ мой Саитъ, моя душа предчувствуетъ, что буря разнесетъ въ щепки наши корабли. Позаботимся же приготовить себѣ по одному ящику, чтобы въ крайности продержаться на водѣ нѣсколько дней. Авось быстрою волнъ насъ вынесетъ на землю и мы не доведемъ до смерти нашихъ старыхъ родителей.

Сказавъ это, Сейфиль взялся за одинъ изъ пустыхъ ящиковъ и, отодвинувъ его въ сторону, началъ переносить въ него главнѣйшіе продукты для жизни. Саитъ сдѣлалъ тоже. Не успѣли они присѣсть на отдыхъ, какъ послышался вдали необыкновенный гулъ и море, какъ бы испуганное приближеніемъ ужаснаго звѣря, оцѣтенилось, заколыхалось и застонало. Вслѣдъ за этимъ наступила тьма и заиграли широкія огненные полосы, низвергавшіяся съ неба въ мрачную глубину воды.

Резвъ пришелъ въ изумленіе и во всеуслышаніе объявилъ, что

такой бури онъ никогда не видѣлъ и сомнѣвается, чтобы его рѣчные суда вынесли ее. Услышавъ эти грозныя слова, бунтовщики пали ницъ и начали молить Аллаха смилостивиться надъ ними, но ни одинъ изъ нихъ не приносилъ чистосердечнаго раскаянія въ грѣхахъ своихъ. Это вызвало еще больше справедливаго негодованія Бога. Буря усилилась и начала рвать и ломать все встрѣчающееся. Поднялись крики и стоны, но милости не слѣдовало.

Сейфиль и Саитъ крѣпко обнялись и засѣли въ свои ящики, поклявшись, что на случай спасенія не перестанутъ искать другъ друга, чтобы вновь жить подъ одною кровлею.

Только что прозвучали эти слова, какъ судно ихъ ударило объ какой-то камень, затряслось и рассыпалось въ мелкіе куски. Отъ этого сотрясенія Сейфиль слетѣлъ съ ящикомъ въ океанъ и увлеченъ былъ теченіемъ.

На слѣдующій день небо разъяснилось. Несчастный наслѣдникъ египетскаго престола вмѣсто всѣхъ своихъ кораблей увидѣлъ только обломки ихъ и около себя не болѣе 10 матросовъ, плывущихъ на небольшой лодочкѣ. Соединившись съ ними, Сейфиль прежде всего спросилъ за Саита, но всѣ отвѣчали, что не видѣли его.

Опечаленный этимъ отвѣтомъ царевичъ хотѣлъ лишить себя жизни и, вѣроятно, сдѣлалъ бы это, еслибъ его не удержали матросы.

— Несчастный—сказалъ ему одинъ изъ нихъ—твоя жизнь, безъ сомнѣнія, понадобится еще намъ. Если же ты терпишь скорбь, то самъ служишь причиною общаго несчастія: ты сдѣлалъ намъ и себѣ столько зла, сколько не сдѣлалъ бы стороннимъ людямъ самый злѣйшій врагъ.

Слова эти запали глубоко въ душу Сейфила и онъ прослезившись, началъ просить Бога сохранить друга своего невредимымъ.

Тѣмъ временемъ волненіе океана начало уменьшаться и Сейфиль съ 10 матросами пристали къ берегу какой-то неизвѣстной земли, покрытой величественными деревьями. Обрадованные этою милостію Аллаха, они прикрѣпили лодку свою къ корнямъ дуба и бросились собирать первые увидѣнные плоды. Какъ вдругъ чья-то ужасной величины рука просунулась сквозь деревья и схватила одного матроса.

— Слава Богу—послышался голосъ—наконецъ-то и я выждалъ случая полакомиться человѣческимъ мясомъ!

Слова эти заставили Сейфила и остальныхъ товарищей его несчастія, бѣгомъ пуститься обратно въ кань и не медля ни минуты отчалить отъ благодатнаго острова.

— Что мы будемъ теперь дѣлать? спросили матросы.

Царевичъ вмѣсто отвѣта запѣлъ:

Ничего намъ не остается дѣлать,
Какъ просить милости у Бога.
Только Онъ одинъ властенъ переставить

Роковыя слова предопредѣленія людей,
По Его же волѣ мы отдали изъ насъ
На жертву чудовища лѣснаго.
Ничего намъ не остается другаго,
Какъ снова броситься въ пучины моря,
Потому что земля возстала противъ насъ.
О, Боже мой, чего не сдѣлаешь любовь!
Но я все забуду, если когда нибудь,
Моя голова преклонится къ ея колѣнямъ!
Ахъ, Беди-уль-Джемаль, гдѣ тебя найти?
Сойдемся ли мы, будемъ ли близки къ Богу
Или я всѣмъ пожертвую напрасно!

Въ пѣсни этой такъ было много отчаянiя и скорби, что ни одинъ изъ матросовъ не дерзнулъ замолвить слова. Горячо принявшись за весла, они къ счастью увидѣли предъ собою другой островъ съ болѣе роскошною растительностію. Переполненные восторга и благодарности къ милостивой судьбѣ, всѣ они выскочили на землю и съ жадностію бросились къ прекраснымъ плодамъ. Какъ вдругъ около одного изъ матросовъ зашевелился холмъ и вытянувшаяся гигантская рука схватила его и снова скрылась подъ покрываломъ землянаго цвѣта. Присмотрѣвшись ближе къ чудовищу, несчастные странники опредѣлили, что звѣрь этотъ обладалъ гигантскими ушами, такъ что одно подкладывалъ подъ себя, а другимъ прикрывался.

Сейфиль вынужденъ былъ, ради спасенiя остальныхъ сотоварищей, снова подумать о бѣгствѣ. Набравъ по возможности побольше плодовъ, они опять пустились въ океанъ въ надеждѣ повстрѣчать какое-нибудь судно; но на этотъ разъ поднялась буря и лодка ихъ послѣ двухъ-дневной борьбы съ волнами, выброшена была ночью на скалистый берегъ. Не зная, куда ихъ занесла злая судьба, они совершили молитву и всѣ заснули крѣпкимъ сномъ. На слѣдующій день первымъ пробудился царевичъ и съ ужасомъ увидѣлъ, что всѣ они окружены такого громаднаго размѣра людьми, какихъ никогда и не снилось ему.

Одинъ изъ этихъ колоссовъ, обращаясь къ товарищамъ, сказалъ:

— Замѣчаете ли вы, что на нашемъ островѣ появились какіе-то сверчки, проходящіе на насъ. Взгляните на нихъ пристальнѣе—удивительное сходство.

— И въ самомъ дѣлѣ они чрезвычайно походятъ на насъ—отвѣчалъ другой—соберемъ ихъ и снесемъ на забаву нашему царю, это доставитъ ему маленькое развлеченіе.

Предложеніе это понравилось всѣмъ и несчастные путешественники собраны были въ корзину, въ которой и принесены къ повелителю гигантовъ.

— Какіе прекрасные человѣчки—отвѣчалъ онъ—посадите ихъ въ клѣтку и передайте дочери моей карлицѣ,—пусть она забавляется ими, какъ подходящими къ ней по росту.

Приказаніе царя немедленно было исполнено. Дочь владыки гигантовъ оказалась почти одинаковаго роста съ плѣнными и чрезвычайно обрадовалась, что встрѣтила такихъ же людей, какъ и сама.

Но изъ числа ихъ болѣе понравился ей Сейфиль-Мюльвль, котораго она схватила въ объятія и повлекла въ пышные чертоги свои. Здѣсь, усадивъ его на мягкія софы, она начала чесать ему голову, вытирать лице, рѣзать ногти и восхищаться выраженіемъ прелестныхъ глазъ. Окончивъ все это, приказала подать обѣдъ и своеручно подносила ко рту его лакомые кусочки. Въ заключеніе, положивъ его на отдыхъ, царевна присѣла къ его ногамъ и начала пѣть:

О душа моей души и свѣтъ моихъ глазъ,
О благо моей жизни и краса всѣхъ красотъ,
Прими меня въ объятія свои и отдай свое сердце!
Ты сынъ другихъ людей, но прелести твои
Появятся для меня. О, полюби меня!
Но если ты останешься равнодушнымъ,
Тебя ждетъ адъ, а меня погибель навсегда.
Я дочь самаго могучаго царя изъ царей,
Все что ты пожелаешь будетъ у тебя.
О, пожалѣй меня! У меня вся внутренность пылаетъ.
Раньше я была счастлива и беззаботна
И весело игралась, какъ дитя,
О, отдай мнѣ сердце, о пожалѣй меня!

Съ этими словами она прижалась къ груди Сейфиля и начала рыдать.

— Оставь меня несчастная — сказалъ царевичъ, отодвигаясь въ сторону — любить тебя я не могу, потому что люблю другую.

— Такъ ты отвергаешь меня, ничтожный человѣкъ! вскрикнула царевна, поблѣднѣвъ отъ злости.

— Я говорю тебѣ правду.

— О; въ такомъ случаѣ я прикажу обратить тебя въ негоднаго слугу моихъ слугъ и заставлю безъ отдыха работать.

— Дѣлай, какъ знаешь, но любить тебя я не могу.

Царевна вспыхнула и приказала выбросить его на дворъ и заставить носить дрова. Сейфиль не ропталъ на участь свою. Такъ прошелъ цѣлый годъ.

Однажды царевичъ нашелъ въ лѣсу такое множество отлично дозрѣващаго винограда, что задумалъ выдать изъ него вино и попробовать напоить гигантовъ. При помощи товарищей, онъ сдѣлалъ нѣсколько бочекъ этого питья и привезъ его къ дверямъ царскихъ чертоговъ. Гиганты, попробовавъ сладкій напитокъ, съ такою жадностію начали пить, что чрезъ часъ всѣ мертвецы заснули.

— Ну, теперь мы свободны, можемъ бѣжать — сказалъ Сейфиль товарищамъ — и всѣ они бросились къ морю, сѣли въ лодку и исчезли въ туманной синевѣ океана.

Нѣсколько дней спустя, отважные мореходцы высадились на встрѣтившійся имъ островъ, до того заросшій густыми гигантскими деревьями, что ни одинъ лучъ солнца не проникалъ въ ихъ чащу. Собравъ безчисленное множество сочныхъ плодовъ, они не озаботились даже узнать, кѣмъ населена эта земля.

На этотъ разъ несчастные атакованы были со всѣхъ сторонъ

рослыми обезьянами, которые привели плѣнниковъ къ повелителю своему и обратили ихъ въ поваровъ.

Сейфиль терпѣливо перенесъ и это несчастіе, но, чтобы избѣгнуться отъ часовыхъ, постоянно наблюдающихъ за нимъ и товарищами, снова вспомнилъ о дѣйствиіи вина и тогда только успокоился, когда приготовилъ этого напитка столько, сколько потребовалось напоить до-пьяна свою стражу.

Снова бѣжавъ въ открытый океанъ на плохо державшейся лодкѣ, молодые люди утѣшались надеждою, что быть можетъ теперь имъ удастся повстрѣчаться съ какимъ-нибудь кораблемъ и возвратиться на родину.

Но только, что надежды эти выражены были въ слухъ, какъ около нихъ заколыхалась вода и изъ нея высунулись одновременно семь страшныхъ лапъ и вырвали изъ ялика всѣхъ матросовъ.

— О, Аллахъ,—вскрикнулъ Сейфиль—этого только не доставало для несчастнаго влюбленнаго! Сказавъ это, онъ палъ ницъ лицомъ и въ первый разъ зарыдалъ.

Тѣмъ временемъ лодочка его быстро неслась за теченіемъ океана, а вдали показывалась все больше и яснѣе полоса земли. На слѣдующій день, Сейфиль очутился въ виду небольшого острова, около громадной пещеры.

„Не здѣсь ли мнѣ суждено умереть одинокимъ?—подумалъ онъ и съ тяжкимъ вздохомъ вошелъ въ пещеру, чтобы отдохнуть. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и десяти шаговъ, какъ до слуха его долетѣлъ нѣжный женскій голосъ. Царевичъ началъ прислушиваться и когда убѣдился, что это были стоны страждущаго существа, смѣлѣе двинулся впередъ и предсталъ внезапно предъ молодою женщиною необыкновенной красоты.

— Ты кто такой и какимъ образомъ появился сюда? вскрикнула удивленная красавица. О, несчастный, тебѣ видно написано было на лбу довершить мои страданія своею смертью.

Сейфиль рассказалъ ей, какимъ образомъ прибылъ къ этому пустынному острову.

— Чтоже мнѣ дѣлать съ тобою—сказала дѣвушка—чтобы спасти отъ неминуемой смерти? Да будетъ тебѣ извѣстно, что меня похитилъ изъ родительскаго дома ужасный драконъ и поселилъ въ этой пещерѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ безпредѣльнымъ моремъ. Онъ ежедневно улетаетъ и возвращается къ вечеру—и горе тебѣ, если это чудовище насъ застанетъ вмѣстѣ. Онъ обратитъ тебя въ пыльный порошокъ и задавитъ меня, какъ муху.

— Но развѣ онъ принадлежитъ къ безсмертнымъ? спросилъ Сейфиль.

— Я знаю только то, что онъ не уязвимъ.

— Ты ошибаешься красавица: все что живетъ на землѣ, должно умирать. Надо только узнать, въ чемъ именно заключается его сила, а если мы узнаемъ это, то я быть можетъ избавлю тебя отъ твоихъ страданій.

Девлетъ, такъ звали красавицу, задумалась на минуту.

— Я постараюсь это узнать — сказала она — но какъ спрятать тебя и куда? Осматривая стѣны пещеры, красавица остановила глаза на расщелинѣ въ потолокъ. Вотъ единственное мѣсто, гдѣ ты долженъ помѣститься теперь же. Полѣзай же сейчасъ туда и храни молчаніе.

Сейфиль последовалъ ея совѣту и молодые люди съ меньшимъ страхомъ, начали разспрашивать другъ друга о мѣстѣ родины и т. п. Оказалось, что Девлетъ была единственною дочерью знаменитаго Персидскаго царя, владѣтеля земнаго рая, населеннаго феями и прелестными пери.

Предъ вечеромъ царевна, въ ожиданіи дракона, приказала гостю своему замолчать, а сама вышла къ отверстію пещеры. Нѣсколько минутъ спустя Сейфиль услышалъ страшный свистъ, а вслѣдъ затѣмъ грубый голосъ чудовища.

— Ты сегодня неузнаваема, моя красавица — сказалъ драконъ. О, чего бы я не далъ, еслибъ ты всегда выходила ко мнѣ на встрѣчу. Но увы ты по прежнему, кажется, гнушаешься моею любовью.

— Я не могу тебя любить только потому, что ты скрываешь отъ меня всѣ твои похождения и занятія. Какая же я жена, когда мнѣ не извѣстно ни происхожденіе твое, ни образъ жизни, ни даже самое интересное: въ чемъ состоитъ твоя сила и есть ли у тебя душа?

— Я не говорилъ объ этомъ раньше только потому, что ты всегда была молчалива и никогда не интересовалась этимъ.

— Не спорю, дружокъ, раньше я, дѣйствительно, тяготилась своимъ одиночествомъ, но теперь привыкла къ своему назначенію и желаю сблизиться съ тобою.

Драконъ растаялъ отъ этихъ словъ и началъ рассказывать, что онъ ежедневно навѣщаетъ своихъ родителей и братьевъ, которые владѣютъ лучшими странами въ мірѣ, что въ чертогахъ отца его хранятся такіа богатства, которыя не доступны понятіямъ остальныхъ царей земныхъ и т. п. Послѣ всего этого онъ началъ просить Девлетъ изъявить согласіе вступить съ нимъ въ законный бракъ и переселиться въ царство его родителей.

— Перестань говорить мнѣ объ этомъ — отвѣчала царевна — я не разъ уже твердила тебѣ, что обязана клятвою ожидать жениха моего ровно годъ. Этотъ срокъ истечетъ чрезъ семь дней. Надѣюсь, что у тебя за это время не остынетъ любовь, а я успѣю подробно узнать, за кого выхожу замужъ за человека или за злаго духа?

— Я не злой духъ, прекрасная Девлетъ, и ты напрасно обижаешь меня этимъ названіемъ.

— Кто же ты такой, если ты не уязвимъ?

— Я созданъ, по милости Аллаха, немного иначе, чѣмъ люди. Видишь ли, Богъ пожелалъ, чтобы я не погибъ отъ руки злыхъ тварей земныхъ и поэтому вложилъ мою душу въ свинцовый ларчикъ, который опустилъ на дно морское.

— А что если кто-нибудь достанет этот ларецъ и уничтожитъ его?

— Ну это не такъ легко — отвѣтилъ драконъ — ларецъ съ моею душою выступитъ изъ бездны моря только по мановенію одного изъ тѣхъ перстней, которые носилъ на своемъ мезинцѣ великій царь и пророкъ Соломонъ. Только такой властитель для меня опасенъ.

Сейфиль, услышавъ эти слова, невольно ощушалъ палецъ, на которомъ носилъ перстень, присланный ему въ даръ Соломономъ.

На слѣдующій день, когда драконъ, по обыкновенію, улетѣлъ, царевичъ вышелъ изъ расщелины и объявилъ Девлетъ, что онъ владѣетъ перстнемъ, о которомъ говорило чудовище.

— Въ такомъ случаѣ не теряй дорогогаго времени и погуби его, пока онъ перелетаетъ океанъ.

Сейфиль немедленно вышелъ къ берегу и, выставивъ впередъ завѣтный даръ пророка, потребовалъ отъ океана ларчикъ съ душою дракона. Океанъ вспѣнился, заревѣлъ и выбросилъ къ ногамъ молодаго человѣка свинцовый ящичекъ. Подхвативъ его, царевичъ немедленно развелъ большой костеръ и бросилъ его въ пламя. Часъ спустя ларецъ не существовалъ болѣе.

Насталъ вечеръ. Девлетъ снова вышла къ отверстию пещеры, но прошло давно урочное время, а драконъ не возвращался. Настала полночь, утро и полдень, а чудовище не являлось.

— Теперь я вполне убѣждена — сказала Девлетъ — что похититель мой погибъ. Подумаемъ же теперь о способѣ возвращенія на родину.

— Нѣтъ, прекрасная царевна, не мнѣ думать о возвратѣ домой. Я не смѣю думать объ этомъ до того времени, пока не отыщу Беди-уль-Джемаль, дочери царя Шахъ-Бала.

— А на что она тебѣ?

При этомъ неожиданномъ вопросѣ Сейфиль тяжело вздохнулъ и рѣшился рассказать Девлетъ все, что онъ чувствовалъ на сердцѣ и что перенесъ съ того времени, какъ пустился въ розыски.

Выслушавъ его съ слезами на глазахъ, царевна объявила, что она родилась въ одномъ и томъ же домѣ съ прекрасною Беди и можетъ посодѣйствовать ему къ встрѣчѣ съ нею.

— Это какимъ образомъ? спросилъ Сейфиль, потерявшій было надежду когда-либо узнать что-либо о Беди-Джемаль. Царевна отвѣчала:

— Въ одно время жена Шахъ-Бала или проще царица Пери, пролетая мѣръ почувствовала надъ нашимъ дворцомъ, что ей пришла минута произвести на Божій свѣтъ Беди-Джемаль. Это обстоятельство заставило ее спуститься на землю и попросить у матери моей гостепріимства. Мать моя въ это время сама находилась въ такомъ же положеніи и, разумѣется, оружила ее всевозможною заботливостію. Три дня спустя, послѣ нашего рожденія, царица пери, благодаря насъ за гостепріимство, вручила матерп моей вотъ эту самую ладонку, которая виситъ у меня на

шеѣ, и сказала: передай своей дочери, что, если она когда-нибудь очутится въ большомъ несчастіи и будетъ нуждаться въ моихъ воздушныхъ слугахъ, то пусть броситъ ладонку въ огонь. Я немедленно прилѣту къ ней спасителемъ. Миѣ кажется, что теперь слѣдуетъ испытать это средство. Съ этими словами Девлетъ сорвала ладонку съ шеи своей и бросила ее на красные уголья.

Не успѣвъ взвиться къ небу маленькій дымокъ, какъ передъ Сейфилямъ и царевною явились двѣ пери небесной красоты и, ставъ на колѣни, ожидали приказаній.

— Прелестныя дѣвы—сказала Девлетъ—мы находимся въ безвыходномъ положеніи. Перенесите насъ во дворецъ вашей госпожи Беди-Джемаль.

— Требованіе твое сейчасъ же будетъ исполнено—отвѣчали феп—погрудитесь только прикрыть глаза, чтобы не испугаться отъ быстроты нашего полета.

Сейфиль и Девлетъ закрыли глаза.

Нѣсколько минутъ спустя они поставлены были снова на ноги и очутились въ величественномъ дворцѣ Шахъ-Бала. Беди Джемаль съ матерью бросились въ объятія Девлетъ.

— А это кто съ тобой? спросила Беди, когда осталась съ царевною на-единѣ.

— Это несчастный Сейфиль, наслѣдникъ Египетскаго трона.

— Неужели Сейфиль? вскрикнула Беди-Джемаль и поблѣднѣла.

— Развѣ ты знаешь этого царевича?

— Не только знаю, но постоянно ожидаю по назначенію пророка Соломона, какъ суженаго друга.

— Въ такомъ случаѣ и я оказала тебѣ услугу; въ противномъ случаѣ ему пришлось бы до глубокой старости искать тебя.

Въ тотъ же день Сейфиль объявленъ былъ женихомъ Беди-Джемаль и считалъ себя счастливейшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Но видно ему суждено было испытать еще одно мученіе, чтобы достигнуть счастья своего. Однажды этотъ царевичъ вышелъ въ садъ и предался мысли поискать друга своего Сайта. Какъ вдругъ въ ухахъ его раздался оглушительный свистъ и онъ очутился на воздухѣ въ лапахъ страшнаго дракона, грозившаго ему вѣчнымъ заключеніемъ, за убійство брата. Вслѣдъ затѣмъ царевичъ опущенъ былъ на дно океана и прикованъ цѣпями къ гранитной скалѣ.

О событіи этомъ волшебныя пери узнали только на другой день и донесли Беди-Джемаль. Послѣдняя бросилась къ отцу съ рыданіями. Возмущенный Шахъ-Бала немедленно собралъ всѣхъ подвластныхъ ему слугъ и приказалъ разгромить царство дракона и не пощадить никого изъ племени этого чудовища, если только онъ не выдастъ Сейфиля.

Прошла недѣля. Страшная борьба дракона съ пери приняла ужасные размѣры. Чудовище, видя неминуемую гибель свою и подданныхъ, вынуждено было возвратитъ плѣнника.

На этотъ разъ добрыя пери помогли Сейфилю отыскать и Сайта, который скитался въ горѣ и отчаяніи на пустынномъ ост-

ровъ, выброшенный волнами океана. Прекрасный юноша этотъ чрезвычайно понравился Девлетъ и она ему.

Оставалось только, какъ можно поскорѣе отпраздновать эти двѣ свадьбы и сообщить престарѣлымъ отцамъ жениховъ, что сыновья ихъ возвратятся въ непродолжительномъ времени съ женами вполне счастливыми.

Получивъ эту отрадную вѣсть, Асынь-Бене и Нюманъ пришли въ такой неизъяснимый восторгъ, что опредѣлили осчастливить всѣхъ горемычныхъ въ царствѣ и праздновать радость ровно 40 дней и 40 ночей, послѣ чего отказаться отъ правъ своихъ въ пользу Сейфиля и Саита. Задуманное они буквально исполнили.

Сейфиль въ свою очередь сдѣлался величайшимъ падишахомъ, а Саитъ мудрѣйшимъ великимъ визиремъ. Да наслаждаются подобно имъ жизнью и прочіе цари съ своими добрыми визирями!

Лишь только прочитаны были послѣднія слова рукописи, султанъ Магмутъ поднялся съ трона и, поцѣловавъ въ оба глаза Хаваджи Асана, отдалъ приказаніе, чтобы прелестная повѣсть эта немедленно напечатана была золотыми буквами и разслана къ сановникамъ государства.

Подлинную же рукопись оставилъ у себя и каждый вечеръ прочитывалъ изъ нея по одной главѣ.

Съ этого времени ни одинъ рассказчикъ не осмѣливался выманивать отъ султана незаслуженнаго вознагражденія, потому что не въ состояніи былъ рассказать ничего лучшаго. Но за то всѣ царскія милости сосредоточились на усердномъ министрѣ Хаваджи Асанѣ.

Страмбунакъ счастливый.

Въ странѣ теплой и изобилующей всѣмъ необходимымъ для человѣка царствовалъ мудрый царь, у котораго не было дѣтей. Сначала это казалось ему естественнымъ, но впослѣдствіи онъ все болѣе и болѣе впадалъ въ задумчивость. Царица понимала настоящую причину скорби повелителя своего и употребляла всѣ усилія развлечь его. Тоже дѣлалъ и главный министръ, постоянно находящійся при государѣ. Такъ прошло еще нѣсколько скучныхъ лѣтъ.

Въ одинъ вечеръ преданный министръ, истощившій уже всю находчивость свою, обратился къ государю съ слѣдующимъ предложеніемъ.

— Не пожелаетъ ли мой монархъ проѣздиться со мною въ платѣ бѣдняка по своему государству. Кто знаетъ—авось и намъ удастся напасть на какого-нибудь чудотворца, который обрадуетъ твое величество. Если же этого мы не встрѣтимъ, то все-таки найдемъ такия развлечения, которыя невозможны для царей, не выѣзжающихъ изъ своей столицы.

— Пожалуй, я не прочь послѣдовать твоему совѣту—отвѣчалъ царь съ грустью—составь маршрутъ и поѣдемъ.

Три дня спустя изъ великолѣпной столицы восточныхъ окраинъ Чернаго моря выѣхали два пожилыхъ человѣка въ купеческихъ нарядахъ на великолѣпныхъ коняхъ и направились къ южнымъ странамъ. Долго они ѣхали по равнинамъ, лѣсамъ и горамъ, много видѣли чудеснаго, но никого, кто бы могъ похвастаться знаніемъ средства имѣть дѣтей. Въ концѣ концовъ, они остановились на ночлегъ въ большомъ гротѣ и порѣшили возвратиться назадъ съ наступленіемъ утра.

— Нѣтъ, видно Богу не угодно, чтобы у меня осталось поколѣніе—сказалъ царь. По неволѣ приходится подчиниться Его святой волѣ и покорно ожидать безотрадной смерти.

Министръ поднялъ глаза къ небу и началъ нашептывать молитву. Какъ вдругъ въ пещеру вошелъ сѣдой человѣкъ и послѣ обыкновенныхъ привѣтствій обратился къ царю съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Что заставило тебя, могущественный государь, покинуть свои чертоги и ночевать на каменномъ полу этого грота, служившаго до настоящаго времени обителю хищныхъ звѣрей?

Вопросъ этотъ изумилъ царя.

— Если ты узналъ во мнѣ государя—отвѣчалъ онъ—то надо полагать, что тебѣ извѣстны и причины, заставившія меня странствовать въ чужомъ нарядѣ.

— Ты угадалъ, я дѣйствительно всевѣдущій человѣкъ и сочувствую твоей скорби.

— Всѣ мнѣ выражаютъ свое соболѣзнованіе—отвѣчалъ царь, не подымая глазъ,—но, увы, никто до настоящаго дня не оживилъ меня добрымъ совѣтомъ. Впрочемъ воли Вожьей люди не властны измѣнить.

— Ты ошибаешься государь. Богъ благосклоненъ къ твоимъ молитвамъ, но есть другія причины, которыя мѣшаютъ тебѣ и женѣ твоей имѣть дѣтей. Я не стану тебѣ объяснять ихъ, но скажу, что если вы оба скушаете по половинѣ яблова, которое я принесъ съ собою, то у тебя родится три сына.

При этихъ словахъ царь вскопчилъ съ мѣста и хотѣлъ броситься на шею къ таинственному старику.

— Пожалуйста, успокойся, повелитель, прервалъ его гость, быть можетъ ты еще не получишь моего средства, потому что я не дамъ его безъ вознагражденія.

— О, требуй половину моего царства—и я не откажу!

— Я въ этомъ не имѣю надобности.

— Въ такомъ случаѣ возьми все мое золото.

— Я богаче тебя—отвѣчалъ старикъ. А вотъ въ чемъ состоитъ мое условіе: твой третій сынъ на 12-мъ году жизни долженъ переѣхать ко мнѣ и сдѣлаться моимъ сыномъ и наслѣдникомъ. Если ты изъявишь на это согласіе, то я вручу тебѣ яблоко и въ урочный день явлюсь за мальчикомъ.

— Согласен! вскрикнулъ царь и протянулъ къ старику руку, какъ бы въ знакъ клятвы или обязанности сдержать данное слово.

Таинственный странникъ въ ту же минуту подаль ему маленькое яблоко, пожелалъ всѣхъ благъ и тихо скрылся изъ вида.

Съ разсвѣтомъ царь съ министромъ направились обратно домой и на этотъ разъ безпрестанно перемѣняли по дорогѣ лошадей, чтобы скорѣе пріѣхать и испытать чудотворную силу ничтожнаго на видъ плода.

Черезъ 9 мѣсяцевъ у царя дѣйствительно, родился сынъ. Два года спустя, онъ былъ отцомъ втораго мальчика, а столько же времени спустя явился на свѣтъ Божій и третій; но этотъ послѣдній оказался красивѣе старшихъ братьевъ.

Мальчики росли не по днямъ, а по часамъ и всѣ отлично учились тѣмъ наукамъ и искусствамъ, которыя необходимы были для царскихъ дѣтей; но меньшій Страмбунакъ оказывалъ гораздо больше вниманія и прилежанія къ обязанностямъ своимъ, вслѣдствіе чего заслужилъ особенную любовь родителей.

По мѣрѣ того, какъ мальчикъ этотъ выросталъ, у царя вновь начало сжиматься сердце отъ скорби, что приближается день разлуки съ Страмбунакомъ.

— Охъ, чего бы я не далъ — сказалъ онъ однажды министру своему — чтобы отклонить желаніе у таинственнаго старика отобрать отъ меня этого предестнаго мальчика.

— Знаешь ли, царь, я совѣтовалъ бы тебѣ построить башню съ подземнымъ ходомъ изъ дворца и посадить въ нее Страмбунака, а всѣмъ объявить, что онъ утонулъ или скоропостижно умеръ. Когда же явится за нимъ старикъ, то изъяснить сожалѣніе и выпроводить его изъ дворца съ пустыми руками. Видано ли, чтобы родители отдавали чужимъ людямъ своихъ дѣтей!

Царь задумался надъ этимъ предложеніемъ. Сначала оно показалось ему неприличнымъ, но потомъ онъ нашелъ его естественнымъ.

— Ты правъ — отвѣчалъ онъ — я, какъ отецъ, долженъ сдѣлать все, чтобы сынъ мой остался при мнѣ. Распорядись же построить башню по своему усмотрѣнію и самъ охрани мое дорогое дитя.

Министръ безотлагательно приступилъ къ постройкѣ башни и, когда она была готова, поселилъ въ ней Страмбунака. При дворѣ и въ столицѣ объявлено было, что третій царскій сынъ пропалъ безъ извѣсти и общалась большая награда тому, кто отeroетъ похитителя.

Тѣмъ временемъ наступилъ урочный день. Таинственный старикъ предсталъ предъ царемъ ровно въ тотъ часъ, когда исполнилось Страмбунаку 12-ть лѣтъ.

— Увы, ты напрасно потрудился явиться — сказалъ государь, выходя на встрѣчу къ почтенному гостю — мой бѣдный сыночекъ по общему убѣжденію утонулъ въ морѣ.

— Да, мнѣ ужъ говорили объ этомъ въ твоей столицѣ—отвѣчалъ онъ съ лукавою улыбкою—но я отыщу его останки и буду довольствоваться, что ты оказался только вторымъ честнымъ царемъ изъ числа всѣхъ тѣхъ, которыхъ я утѣшилъ подь старость дѣтми. Прощай же, да продлитъ твой вѣкъ Господь!

Только что старикъ вышелъ со двора, послышался ужасный шумъ отъ разрушенной постройки, вслѣдъ затѣмъ царю объявили, что вновь выстроенная имъ башня разрушилась до основанія. Вѣсть эта, какъ громомъ поразила отца.

— Бѣдный мой Страмбунакъ—вскрикнулъ онъ—я спасъ его отъ друга людей, чтобы отдать смерти! и съ рыданіями приказалъ очистить всю мѣстность, чтобы отыскать тѣло дорогаго сына.

Тысячи людей бросились къ развалинамъ, но не смотря на то, что каждый камень былъ перенесенъ въ отдаленное мѣсто, не оказалось никакихъ слѣдовъ отъ мальчика.

— Его навѣрно похитилъ таинственный старикъ—донесъ министръ— иначе мы нашли бы его останки или клочекъ отъ одежды.

— О, еслибъ я могъ убѣдиться, что сынъ мой живъ, что твое предположеніе основательно!

Пока царь горевалъ, а министръ его старался отыскать доказательства для утѣшенія,—таинственный мудрецъ, схвативъ изъ разрушенной имъ крѣпости Страмбунака, умчался съ нимъ на конѣ, не уступающемъ самому быстрому вѣтру. Пролетѣвъ нѣскольکو сотъ верстъ, старикъ остановился на отдыхъ и ласково разсказалъ мальчику, что послужило поводомъ къ насилію. Въ заключеніе онъ объявилъ ему, что имѣетъ маленькую дочь, прелестную Даву, которая отнынѣ не будетъ тосковать въ одиночествѣ и будетъ его любить, какъ роднаго брата.

Страмбунакъ ободрился и вскорѣ такъ привязался къ доброму старику, что радовался прогулѣ съ нимъ по міру, котораго раньше не видѣлъ. Нѣсколько дней спустя путники прибыли къ громадному дворцу, находящемуся внутри такихъ роскошныхъ деревьевъ и цвѣтовъ, какихъ Страмбунакъ не встрѣчалъ раньше. При вѣздѣ ихъ на дворъ выбѣжала въ числѣ прочихъ и маленькая дѣвочка, хлопа я радости руками.

— Вотъ я привезъ тебѣ, Дава, обѣщаннаго брата—сказалъ старикъ, цѣлуя дѣвочку. Теперь я надѣюсь, ты не будешь тосковать по матери.

— Конечно, конечно—отвѣчалъ ребенокъ, подбѣгая къ Страмбунаку.

Дѣти взяли за руки и побѣжали въ садъ.

— Ты дочь этого добраго старика? спросилъ у нея мальчикъ, когда они очутились вдали отъ построекъ.

— Нѣтъ—отвѣчала Дава со вздохомъ. Я дочь царя, у котораго не было дѣтей и знаю только, что этотъ старикъ далъ родителямъ моимъ какое-то средство съ условіемъ, что третье рож-

денное дитя будетъ принадлежать ему. Родители мои вынуждены были исполнить свое обѣщаніе и я перешла въ его собственность; но это мнѣ крайне не утѣшительно. Охъ, чего бы я не дала, чтобы обратиться въ птичку и улетѣть къ бѣдной моей матери, которая я думаю день и ночь плачетъ обо мнѣ.

А ты чей сынъ и какимъ образомъ попалъ сюда?

Страмбунакъ рассказалъ.

— Значить, мы оба одинаковаго происхожденія и обои подвергнулись одной участи. Ну, теперь я меньше буду плакать и стану утѣшаться, что вдвоемъ намъ легче будетъ убѣжать домой.

— Ну, этого едвали мы достигнемъ—сказалъ царевичъ. Наша родина такъ далека, что придется два года бѣжать безъ отдыха, чтобы добраться до нея. На это не хватитъ ни у тебя, ни у меня силъ.

— Это такъ кажется; но я увѣрена, что непременно убѣгу и возвращусь къ матери.

Только что сказаны были эти слова, какъ дѣтей потребовали къ обѣду въ маленькой домикъ, находящійся подъ присмотромъ хромой старушки.

Дѣти пообѣдали и занялись играми Затѣмъ Страмбунаку отведена была маленькая комната и указаны занятія, которыми онъ долженъ развлекаться. Съ этихъ поръ старикъ ровно въ полдень приходилъ къ дѣтямъ, вынималъ изъ кармана крошечный столикъ и приказывалъ ему раздвигаться. Столикъ превращался въ большой столъ съ готовымъ обѣдомъ и сладкими плодами. Начиналась ѣда и веселые разговоры, въ которыхъ Дава, не принимая особеннаго участія, подмѣчала особенную любовь старика къ Страмбунаку.

— Нашъ новый отецъ очень любитъ тебя—сказала она однажды товарищу своему—а этимъ не слѣдуетъ брезгать, если только у тебя есть желаніе возвратиться къ родителямъ. Знаешь, что я думаю: намъ не мѣшало бы выпросить у старика этотъ волшебный столикъ, который подаетъ намъ такіе вкусные обѣды. Съ нимъ мы смѣло можемъ бѣжать.

— Дѣйствительно, съ этимъ столикомъ мы не могли бы остаться голодными.

— Попроси, чтобы онъ подарилъ его тебѣ подъ предлогомъ, что мы часто голодаемъ.

Страмбунакъ въ тотъ же день приласкался къ старику и выманулъ у него драгоценную вещь, съ которою не разставался при прогулкахъ.

Нѣсколько времени спустя Дава научила мальчика выпросить у мудреца позволеніе посѣщать его дворецъ. Старикъ долго уклонялся, но потомъ, взявъ дѣтей за руки, повелъ ихъ въ величественное зданіе, съ балконовъ котораго виднѣлись отдаленныя царства и большіе города.

Вошедъ въ первую комнату, дѣти, увидѣвъ два фонтана, воздвигнутые изъ ослѣпительно горящихъ каменьевъ, запрыгали отъ

радости и притронулись случайно къ крапамъ. Изъ одного полилась серебряная, а изъ другаго золотая вода. Страмбунаку такъ понравилась цвѣтъ и блескъ послѣдней, что онъ пригнулъ подѣ струю ея головоу и моментально озолотилъ свои волосы.

— Довольно, довольно—вскрикнулъ старикъ, заворачивая крапъ иначе ты весь превратишься въ золото.

Въ слѣдующей затѣмъ комнатѣ они увидѣли большаго льва и около него овцу.

— А эти подобія животныхъ зачѣмъ здѣсь находятся? спросилъ царевичъ.

— Это очень важныя фигуры—отвѣчалъ старикъ. Теперь ты не поймешь ихъ цѣны, но впоследствии когда ознакомишься съ человѣчествомъ, они не разъ окажутъ тебѣ важныя услуги.

— Какимъ же это образомъ сдѣлаютъ простыя шкуры, снятыя съ убитыхъ животныхъ?

— Тайна заключается въ томъ, чтобы сжечь нѣсколько волосянокъ съ шерсти отъ этихъ шкуръ.

— Что жъ изъ этого выйдетъ? спросила Дава.

— Во первыхъ явятся къ твоимъ услугамъ всѣ львы, а въ послѣднемъ случаѣ столько барановъ, сколько потребуется для насыщенной большихъ армій. Сказавъ это, старикъ двинулся впередъ, но въ эту минуту Страмбунакъ успѣлъ нарвать цѣлую горсть волосъ съ спинъ обоихъ чучель и скрылъ ихъ въ карманъ.

Въ третьей комнатѣ стояла необыкновенной красоты лошадь, которая по объясненію старика превращается въ живую, если хоть одинъ волосокъ шерсти ея коснется огня. Въ четвертой дѣти увидѣли небольшую саблю, имѣющую свойство растягиваться на 40 саженой длины. Въ пятой старикъ показалъ дѣтямъ камень, который, если его бросить назадъ, все превращаетъ въ ледъ; въ шестой оказался маленькій гребень, отъ прикосновения котораго къ землѣ, все пространство зарастаетъ дремучимъ лѣсомъ. Въ седьмой же лежало на золотомъ столѣ кругленькое зеркальце съ свойствомъ моментально покрывать землю массою воды и тутъ же кусокъ металла, отъ прикосновения котораго дѣти дѣлаются взрослыми и чрезвычайно сильными.

— Такихъ вещей ни у одного изъ земныхъ царей не имѣется—сказалъ старикъ—всѣ онѣ будутъ принадлежать вамъ послѣ смерти моея.

А съ такою силою и правами измѣнять природу вамъ не трудно завоевать весь мѣръ и сдѣлаться едиными повелителями всѣхъ людей.

Все остальное показанное старикомъ не представляло ничего чудотворнаго.

— Теперь пойдемъ обѣдать—сказалъ старикъ—потому что я думаю съѣздить въ гости, чтобы возвратиться къ ночи.

При выходѣ изъ дворца Дава успѣла подмѣтить, откуда досталъ мудрецъ ключъ отъ дверей и куда положилъ его.

Послѣ ранняго обѣда мудрецъ уѣхалъ.

— Ну, Страмбунакъ—сказала Дава, какъ только убѣдилась, что мудрецъ исчезъ изъ вида,—намъ представился отличный случай бѣжать. Поспѣшимъ же во дворець, захватимъ всѣ чудесныя вещицы и маршъ въ дорогу!

— А что если достигнетъ насъ старикъ?

— Нѣтъ, другъ мой, у насъ будутъ кремень, гребень, зеркальце и львиная шерсть, а съ такими покровителями мы не побоимся никого.

Страмбунакъ, положивъ въ карманъ свой волшебный столикъ, поспѣдовалъ за Давою.

Дѣти бѣгомъ пустились въ дворець и прежде всего прикоснулись къ чудному металлу, который моментально пересоздалъ ихъ въ рослыхъ людей съ богатырскими силами.

— Ты возьми, Страмбунакъ, саблю и шерсть отъ лошади и льва—сказала Дава—а я захвачу кремень, гребенку и зеркальце.

Все это было сдѣлано въ одну минуту и дѣти, оказавшіяся взрослыми, скрылись за дворцовыми оградами. Здѣсь Страмбунакъ выкресалъ огня и приложилъ одну волосинку изъ лошадиной шерсти. Не успѣла она скорчиться, какъ передъ нимъ очутился осѣдланый конь.

Молодые люди вспрыгнули на него и быстрѣе вѣтра понеслись по тому направленію, которымъ привезены были старикомъ.

Три часа спустя бѣглецы, въ предположеніи, что избѣгли опасности, пожелали отдохнуть и полюбоваться прекрасными равнинами, на которыхъ остановились. Слово за словомъ они до того увлеклись, что въ виду наступленія ночи рѣшили ночевать. Но каково было изумленіе ихъ, когда на другой день, сядя на лошадь, они замѣтили на горизонтѣ бѣлый, развивающійся по воздуху плащъ мудреца.

— Мы погибли! вскрикнулъ Страмбунакъ, пуская скакуна впередъ.

— Ну, до этого еще далеко—отвѣчала Дава, бросивъ назадъ кремень. Въ ту же минуту все пространство, отдѣляющее бѣглецовъ отъ преслѣдователя покрылось ледяною корою. Рослый конь мудреца началъ скользить, шататься, падать и вновь рваться впередъ. Послѣ долгихъ усилій ему удалось перенестись на поляну и удвоить бѣгъ.

Дава, не перестававшая слѣдить за бѣлымъ плащомъ, выбросила по направленію къ нему гребешокъ. Въ мигъ поляна покрылась густымъ непроницаемымъ лѣсомъ, но нѣсколько часовъ спустя лѣсъ исчезъ, а старикъ снова показался на горизонтѣ.

— Испробуемъ теперь наше зеркальце—сказала Дава, далеко бросая его назадъ.

Лишь только волшебное стекло коснулось земли, все видимое пространство скрылось подъ водою.

Бѣлый плащъ остановился и рухнулъ на землю.

— Теперь онъ не будетъ больше преслѣдовать насъ—сказала даревна.

Страмбунакъ оглянулся и, убѣдившись въ сказанномъ, умѣрилъ бѣгъ скакуна.

И дѣйствительно, до поздней ночи они не замѣчали болѣе погони за собою, а на третій день благополучно прибыли въ столицу родителей Давы.

— Ты погостишь навѣрно у меня? спросила дѣвушка.

— Нѣтъ, я хочу поскорѣе повидаться съ родителями, а потомъ когда-нибудь приѣду.

Сказавъ это, Страмбунакъ спустилъ подругу свою у воротъ дворца и поскакалъ дальше.

Возмущенная хладнокровіемъ молодаго человѣка, Дава, мечтавшая не разставаться съ нимъ, ожесточилась и изъ устъ ея посыпались пожеланія, чтобы онъ никогда не увидѣлъ ни матери, ни отца. Пожеланія эти произнесены были въ несчастный часъ и должны были исполниться.

Страмбунакъ, очутившись въ степи, началъ припоминать направленіе въ свою сторону, которую онъ не зналъ даже по имени; но чѣмъ больше думалъ, тѣмъ больше сомнѣвался. Миновавъ много городовъ, совершенно неизвѣстныхъ ему, онъ окончательно убѣдился, что сбился съ направленія и никогда не достигнетъ цѣли, пока случайно не услышитъ отъ кого-нибудь объ отцѣ и матери своей. Въ этихъ печальныхъ мысляхъ онъ рѣшился остановиться въ первомъ большомъ городѣ и жить въ немъ до счастливой случайности. Такъ онъ и сдѣлалъ. Но не желая обращать всеобщаго вниманія на свой костюмъ и золотистой цвѣтъ волосъ, онъ предложилъ первому попавшемуся пастуху промѣняться съ нимъ одеждою и выпросилъ у него въ придачу требуху, которую и надѣлъ на голову вмѣсто шапки.

Въ этомъ нарядѣ Страмбунакъ вошелъ въ городъ и сталъ на площади поденщиковъ и рабочихъ съ намѣреніемъ наняться къ кому-нибудь, чтобы имѣть пріютъ отъ непогодъ. Долго пришлось бы ожидать молодому человѣку охотниковъ держать прислугу съ требухою на головѣ, еслибъ онъ самъ не предложилъ себя служить безъ платы и корма. Такими выгодными условіями воспользовался поставщикъ овощей въ царскому столу и на томъ еще основаніи, что онъ своимъ видомъ могъ пугать птицъ.

Царевичъ поселенъ былъ въ шатрѣ на огородѣ, расположенномъ противъ окна самой меньшей дочери царя, чего онъ, конечно, не зналъ и не могъ догадываться. Нѣсколько дней спустя огородникъ сказалъ ему:

— Сегодня я получилъ приглашеніе на свадьбу къ племянницѣ и пробуду въ гостяхъ до завтрашняго вечера. Надѣюсь, сынъ мой, что ты во все это время будешь внимателенъ къ обязанности своей и сбережешь огородъ.

— Я постараюсь не спать всю ночь.

Оставшись полнымъ хозяиномъ въ огородѣ, Страмбунакъ, которому ужасно надоѣла требуха на головѣ, пожелалъ омыться и погарцовать на конѣ. Оглянувшись кругомъ, молодой человѣкъ

согрѣлъ воды, очистился, пообѣдалъ по-царски, а въ заключеніе бросилъ въ огонь волосинку изъ лошадиной кожи. Конь предсталъ. Царевичъ похлопалъ его по гривѣ и, вскочивъ на спину, пустился въ скачъ по огороду, который въ нѣсколько минутъ истопталъ до безобразія.

„Что я надѣлалъ! вдругъ вырвалось у него съ языка. Воображаю горе и отчаяніе моего хозяина, когда онъ увидитъ свой огородъ въ такомъ положеніи?“

Подъ влияніемъ упрека совѣсти Страмбунакъ отпустилъ скакуна своего и, возвратившись въ балаганъ, снова облачился въ свой пастушій нарядъ.

„Ничего болѣе не остается, какъ представиться больнымъ—подумалъ онъ. Авось повѣритъ огородникъ и ничего не скажетъ.“

Между тѣмъ младшая дочь царя, все это время сидѣвшая у окна и видѣвшая молодаго человѣка съ позолоченными волосами, пришла въ такой восторгъ отъ красоты Страмбунака, что порѣшила не отходить отъ окна и разузнать, откуда явился на огородѣ такой небывалый въ ихъ столицѣ человѣкъ.

На слѣдующій день возвратился огородникъ. Изумленный старикъ схватилъ съ досады хворостину и бросился на работника, но увидѣвъ его лежащимъ и стонавшимъ, началъ рвать на головѣ волоса.

— О чемъ ты тоскуешь, добрый хозяинъ? спросилъ Страмбунакъ.

— Кому же тосковать, какъ не мнѣ? вскрикнулъ онъ, дрожа отъ негодованія—ты бы всталъ да посмотрѣлъ, что стало съ моимъ огородомъ, надъ которымъ я такъ долго трудился. О, Боже, что я завтра скажу царскому повару! Бѣдный мой огородъ, онъ весь истоптанъ скотпною.

— И всему этому причиною моя внезапная болѣзнь—отвѣчалъ царевичъ со вздохомъ. Не сердись хозяинъ, я не останусь у тебя въ долгу.

— Ужъ не трубукою ли ты мечтаешь расплатиться со мною? сказалъ безутѣшный огородникъ и вышелъ, чтобы вновь приняться за работу.

Послѣ долгихъ усилій онъ сдѣлалъ кое-что и къ удовольствію нашелъ три дыни, которыя обязанъ былъ ежедневно представлять тремъ царскимъ дочерямъ.

На другой день дыни поданы были царевнамъ. Но на этотъ разъ дѣвушки озлобленныя противъ родителей за то, что до настоящаго времени не озаботились выдать ихъ замужъ и, получивъ дыни отъ имени отца, надѣлали на нихъ разные знаки и приказали возвратить родителямъ.

Прислуга, исполнявшая это приказаніе, не стѣснилась объяснить государю причину неудовольствія дочерей.

— И въ самомъ дѣлѣ я ничего не сдѣлалъ для нихъ—сказалъ царь, обращаясь къ женѣ—и онъ вправѣ роптать.

— Въ такомъ случаѣ распорядись созвать всѣхъ жениховъ—отвѣчала царица—пусть сами выберутъ себѣ мужей.

Государь приказалъ позвать къ себѣ дѣвушекъ и объявилъ, чтобы онѣ приготовились къ выбору жениховъ.

Мѣсяцъ спустя въ столицу собрались всѣ принцы изъ сосѣднихъ царствъ и много богатыхъ молодыхъ людей, надѣявшихся на свою представительную наружность.

Страмбунакъ узналъ объ этомъ отъ хозяина своего, добавившаго, что въ числѣ царскихъ дочерей меньшая замѣчательная красавица и обладаетъ чрезвычайными достоинствами.

— Вотъ счастье для того, кто женится на этой дѣвушкѣ—прибавилъ онъ. Такихъ женъ и съ свѣчами днемъ не найдешь.

Похвала эта заинтересовала Страмбунака.

„Не мѣшаетъ посмотрѣть на такую дѣвушку—подумалъ онъ и въ точности узналъ время, когда будетъ происходить выборъ.

По установленнымъ правиламъ всѣ молодые люди должны были проѣзжать мимо трехъ нарочно воздвигнутыхъ павильоновъ для царевенъ. Тотъ счастливецъ, который будетъ избранъ получить изъ рукъ невѣсты яблоко.

— Такимъ образомъ женихи избраны будутъ въ одинъ и тотъ же день? спросилъ Страмбунакъ.

— Нѣтъ, первый выборъ предоставленъ старшей по лѣтамъ царевнѣ, второй день средней и затѣмъ уже младшей.

По расчетамъ огородника послѣдній день наступалъ во вторникъ на предстоящей недѣлѣ.

— А позволишь ли ты мнѣ, добрый хозяинъ взглянуть на это зрѣлище?

— Я пожалуй и позволю, но вполнѣ увѣренъ, что такихъ, какъ ты, не допустятъ даже издали стоять. Развѣ тебѣ удастся заблаговременно вскарабкаться на какое-нибудь высокое густолиственное дерево.

— Я тоже объ этомъ подумалъ—отвѣчалъ работникъ.

— Иди, сынъ мой, а потомъ расскажешь, что видѣлъ. Я очень интересуюсь судьбою доброй Бенаген; за старшихъ же сестеръ ея ты и не говори мнѣ, потому что я не разъ былъ оскорбляемъ ими.

— Я и не пойду на ихъ выборы!

— И прекрасно сдѣлаешь. Пусть онѣ достанутся львамъ на завтракъ, а не добрымъ людямъ въ жены.

Во вторникъ утромъ Страмбунакъ ушелъ съ огорода. Вышедъ въ степь, онъ снялъ свою трубуху и, потребовавъ отъ волшебнаго столика доставить ему самый роскошный царскій нарядъ, поджегъ конскій волосъ. Великолѣпная лошадь не замедлила явиться передъ нимъ.

Страмбунакъ поцѣловалъ послушное животное въ оба глаза, погладилъ гриву и вскочивъ на него, мгновенно очутился въ средѣ искателей руки Бенаген. Внезапное появленіе неизвѣстнаго молодого человѣка изумило всѣхъ, но никто не осмѣлился приблизиться къ нему съ допросами. По мѣрѣ того, какъ женихи подвигались впередъ, нашъ царевичъ все отставалъ и занялъ крайнее мѣсто.

Ненарушимая тишина свидѣтельствовала, что царевна не оставила ни одного изъ проѣзжающихъ мимо нея.

Наконецъ настала очередь Страмбуака. Подѣхавъ къ павильону, онъ остановилъ коня, и немного обнаживъ свои золотистые волосы, вѣжливо поклонился юной красавицѣ.

Бенагея захолопала отъ удовольствія руками и сейчасъ бросила къ нему золотое яблоко.

Страмбуакъ подхватилъ его, поцѣловалъ, но, пришпоривъ скакуна, скрылся съ виду.

Поступокъ этотъ оскорбилъ царя. Но, увы, посланные въ погоню за дерзкимъ чужестранцемъ не могли замѣтить, куда онъ скрылся.

— Это какой-то волшебникъ — заключилъ народъ и потребовалъ отъ царя назначить новый выборъ.

Черезъ два дня, Бенагея опять сидѣла въ павильонѣ и съ грустью слѣдила за мелькавшими передъ нею мужскими лицами въ блистательныхъ нарядахъ. Какъ вдругъ замѣтила молодого человѣка въ пастушьемъ платьѣ съ требухой на головѣ, изъ подъ которой виднѣлось нѣсколько золотистыхъ волосъ:

— Это онъ, это онъ, вырвалось у ней съ языка.

Не успѣлъ Страмбуакъ приблизиться къ павильону, какъ золотое яблоко полетѣло къ нему.

Пастуха остановили и привели во дворецъ. Царь и царица ужаснулись и начали упрашивать дочь отказаться отъ такого чудовища.

— Нѣтъ—отвѣчала она—я скорѣе откажусь отъ васъ, чѣмъ отъ него. Прикажете повѣнчать меня и выгоньте изъ дворца, если онъ не нравится вамъ.

Царь ожесточился и приказалъ удалить дочь въ курятникъ.

— Мы и съ курами проживемъ нѣкоторое время по царски—отвѣчалъ Страмбуакъ, восхищаясь своею невѣстою.

— Но отчего ты скрылъ свой первый видъ? допрашивала Бенагея.

— Для того, моя милая, чтобы испытать, насколько любятъ тебя родители.

— И мы останемся навсегда въ курятникѣ?

— Ошибаешься, дружокъ; я ихъ заставлю отдать намъ лучшую половину дворца, а если ты пожелаешь, то мы переселимъ ихъ на наше теперешнее мѣсто.

— О нѣтъ, нѣтъ я не захочу видѣть родителей моихъ наказанными: пусть Богъ не поставитъ имъ въ грѣхъ наше униженіе передъ людьми.

— Очень радъ, что слышу такія умныя слова отъ той, которая будетъ вѣчною подругою моею — отвѣчала Страмбуакъ, прижимая къ груди жену. Видишь ли, еслибъ я явился и во второй разъ въ моемъ блескѣ, мнѣ не удалось бы убѣдиться въ твоей добротѣ, которая составляетъ лучшую красоту царицы.

Тѣмъ временемъ многіе изъ царей, озлобленные выборомъ Бе-

нагнѣ пастуха, сговорились объявить отцу ея войну, съ намѣреніемъ уничтожить насмѣшницу вмѣстѣ съ родителями, не властнимо предупредить такого поношенія сану своему.

По первому ихъ приказу двинулись безчисленныя арміи къ славнымъ Оифаріямъ. Испуганный царь поспѣшилъ выйти къ нимъ на встрѣчу, но на первый же разъ былъ разбитъ и началъ предаваться ужасному отчаянію.

Когда дошли вопли его до слуха Страмбунака, онъ обратился къ женѣ и сказалъ:

— Какъ ты думаешь, не пора ли мнѣ показать отцу твоему мое преимущество предъ ними и зятями, которыхъ онъ приблизилъ къ себѣ?

— Нѣтъ еще. По моему, если ты, дѣйствительно, можешь сокрушить всѣхъ нашихъ враговъ, то подожди, пока враги начнутъ приближаться къ столицѣ, а наши бѣжать.

Царевичъ согласился съ предложеніемъ жены. Но этого роковаго дня не пришлось долго ожидать. Всеобщій плачъ возвѣстилъ Страмбунаку, что критическая минута наступила. Молодой человѣкъ простился съ женою и вышелъ въ поле, поджогъ львиный и лошадиный волосы. Предъ нимъ явились скакунъ и безчетная стая страшно рыкавшихъ львовъ. Вскочивъ на коня, Страмбунакъ сдѣлалъ знакъ царямъ звѣрей слѣдовать за нимъ и поскакалъ впередъ.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ промчался мимо разбитой арміи тества и врѣзался съ саблею въ рукѣ въ непріятельскій станъ, гдѣ начался уже побѣдный пиръ. Львы, видя повелителя своего поражающихъ цѣлыя колонны войска однимъ взмахомъ растягивающейся сабли, довершали уничтоженіе. Черезъ три часа, отъ враговъ не осталось ни единаго въ живыхъ.

За чудомъ этимъ съ трепетомъ слѣдилъ царь Оифаринъ съ обоими зятями своими и когда увидѣлъ, что спасена его земля, поѣхалъ выразить богатырю свою безпредѣльную благодарность.

Страмбунакъ принялъ его надменно и указалъ на окровавленную лѣвую руку, на которой лишился мезинца.

— Боже, какое несчастіе! вскрикнулъ государь и, снявъ съ шеи своей цвѣтной платокъ, самымъ заботливымъ образомъ перевязалъ рану.

Герой поблагодарилъ его и, отказавшись отъ приглашенія, исчезъ въ близъ лежащемъ лѣсу.

— Ну, что мой другъ — спросила Бенагея у мужа, когда онъ вошелъ въ курятникъ.

— Враги отца твоего всѣ истреблены — отвѣчалъ онъ — но я къ несчастію лишился пальца и ужасно утомился. Сказавъ это, онъ легъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Въ это время въ курятникъ вошла одна изъ прислужницъ дворцовыхъ, чтобы сообщить царевнѣ о спасеніи отечества отъ враговъ и посмѣяться надъ судьбой Бенагеи, лишенной возможности даже услышать изъ устъ отца о подвигахъ молодаго богатыря.

По окончаніи разсказа, злая дѣвушка случайно замѣтила на руцѣ Страмбунака шейный платокъ царя и, предположивъ, что онъ укралъ его, съ радостью поспѣшила сообщить объ этомъ монарху. Но изумленный государь, вмѣсто приказанія отрубить вору голову, самъ пошелъ провѣрить заявленіе и къ неожиданному восторгу присоединился другой восторгъ узнать въ этомъ зятѣ спасителя его семьи и всего государства.

Страмбунакъ въ тотъ же день провозглашенъ былъ государемъ.

Но никто такъ не обрадовался этому событію, какъ огородникъ, когда онъ предсталъ предъ бывшимъ своимъ работникомъ, у котораго вмѣсто требухи сіяла брилліантами царская шапка. Царь приказалъ выдать ему за испорченный огородъ столько золота, сколько вывѣситъ онъ самъ.

Естественно, что впослѣдствіи Страмбунаку не представилось затрудненія отыскать своихъ родителей и обрадовать ихъ своимъ счастливымъ избавленіемъ отъ таинственнаго старика.

Испытанія Сика.

Въ одномъ изъ маленькихъ городовъ Персіи жила бѣдная вдова, которой мужъ оставилъ на память о себѣ хорошенькаго и чрезвычайно проворнаго мальчика, названнаго Сикомъ. Вдова съ утра до глубокой ночи пряла пряжу и посылала съ сыномъ на продажу. Расторопному Сику всегда почти удавалось продать свой товаръ за такую сумму, которая требовалась на покупку хлѣба для него и матери. Однажды мальчикъ, продавши пряжу и направившись по обыкновенію къ пекарнѣ за хлѣбомъ, замѣтилъ толпу избалованныхъ дѣтей, мучившихъ щенка.

— За что вы тираните это бѣдное животное? сказалъ онъ съ теплымъ состраданіемъ.

— Это намъ доставляетъ удовольствіе—отвѣчали злые мальчики.

— Подарите мнѣ его—началъ онъ просить.

Вотъ выдумаль! закричали жестокія дѣти — мы положились убить его, чтобы устроить процессію похоронъ.

Сикъ все больше и больше просилъ сжалиться надъ красивымъ щенкомъ, изъ глазъ котораго лились слезы.

— Нѣтъ, мы не уступимъ собачку даромъ—сказалъ въ заключеніе старшій мальчикъ. Если есть у тебя деньги, то пожалуй мы отдадимъ тебѣ ее, а безъ денегъ, я первый не соглашусь.

— А сколько ты потребуешь за нее?

— Столько, сколько у тебя найдется въ карманѣ, мы сами обобщемъ тебя.

Сикъ тяжело вздохнулъ, вспомнивъ, что если онъ отдастъ свои деньги, то онъ съ матерью останутся сегодня голодными. Но въ эту минуту, щенокъ такъ завылъ отъ полученнаго удара, что у бѣднаго мальчика зануло сердце и онъ, не думая о голодѣ, рѣшился отдать злымъ дѣтямъ весь материнскій заработокъ.

Пришедъ домой, онъ разсказалъ объ этомъ матери въ полномъ убѣжденіи, что она похвалитъ его, но оказалось, что его побили и вдобавокъ заперли въ чуланъ.

На слѣдующій день, онъ опять былъ посланъ съ пряжею на базаръ, которую продалъ вдвое дороже противъ прежнихъ дней.

— Ну, это еще счастье твое — отвѣтила мать — а я думала и сегодня оставить тебя безъ хлѣба.

Недѣлю спустя, Сикъ снова наскочилъ на этихъ же безжалостныхъ мальчиковъ, которые сговорились убить хорошенькаго котенка.

— Не хочешь ли купить и этого котенка? спросилъ одинъ изъ мальчиковъ, взявъ его за хвостъ и теребя на воздухъ.

Кошечка взглянула на Сика такимъ умоляющимъ взглядомъ, что у бѣднаго мальчика показались слезы на глазахъ.

— Не мучьте ее — проговорилъ онъ — вѣдь и она чувствуетъ боль.

— А, что тебѣ за дѣло до ея страданій! крикнули ему въ отвѣтъ. Если же жалко, то купи и пусти на волю.

Чтобы вѣрнѣе достигнуть желанія продать котенка, всѣ они принялись бить его.

Сикъ не выдержалъ и изъявилъ согласіе отдать всѣ имѣвшіяся у него деньги.

— Ну, это дѣло другаго рода — сказалъ большій изъ нихъ, взявши котенка за уши и передавая Сикю. Давай деньги!

Волею-неволею сынъ вдовы вывернулъ предъ шибениками карманъ и, склонивъ голову на грудь въ ожиданіи наказанія, направился домой.

— Мама — сказалъ онъ — я опять провинился предъ тобою.

— Ужь не купилъ ли ты этого паршиваго котенка? вскрикнула она, поднимая кулаки.

— Да, я не могъ допустить, чтобы безжалостные мальчики убили это невинное животное.

— Ахъ ты злодѣй, ахъ ты негодяй! и она принялась рвать ему волосы, щипать и бить.

Въ эту минуту къ дверямъ ея, подошли два еврея.

— За что ты бьешь этого мальчика? спросили они.

Мать начала жаловаться и объявила, что намѣрена выгнать изъ дома глухаго сына.

— Къ чему это варварство — сказали они — продай его намъ. Мы заплатимъ тебѣ золотомъ и будемъ кормить его по купечески.

— Я согласна. Сколько же вы дадите за него?

— Сто червонцевъ — отвѣчали евреи.

Вдова протянула руки и, получивъ предложенную сумму, вытолкала сына своего со двора.

Сикъ заплакалъ, взявъ на руки спасенныхъ имъ маленькихъ животныхъ и молча послѣдовалъ за купцами. Купцы оказались очень добрыми людьми.

— Что же я буду дѣлать у васъ? спросилъ мальчикъ на другой день.

— Пока ничего — отвѣчали ему. Но скоро мы пересядемъ на судно, тогда ты узнаешь свою обязанность.

Два мѣсяца спустя, Сиеу приказано было переселиться на большой корабль.

— А могу ли я взять съ собою мою собачку и кошечку! спросилъ онъ.

— Бери хоть десятокъ, если это доставляетъ тебѣ развлеченіе. На судно переѣхали и евреи.

Сиеу снова началъ просить какого-нибудь занятія; но ему не отвѣчали.

Тѣмъ временемъ судно одѣлось въ паруса и направилось въ безпредѣльный океанъ. Какъ долго они плыли, сколько бурь перенесли—мальчикъ не слѣдилъ за этимъ. Въ концѣ концовъ судно ихъ остановилось подъ отвѣсною скалою, на которую не представлялось никакой возможности вскарабкаться.

— Ну, Сиеу теперь настаетъ время твоей службы—сказалъ одинъ изъ евреевъ, подходя къ мальчику, игравшему съ своими животными. Слушай же внимательно мое приказаніе. На вершинѣ этой скалы лежатъ массаи драгоцѣнные камешки, за которыми мы нарочно приѣхали, но къ сожалѣнію на эту высоту никто до настоящаго времени не могъ вскарабкаться. Мы же придумали отличный способъ и съумѣемъ спровести тебя на нее съ тѣмъ, что ты набросашь намъ оттуда полное судно алмазовъ.

— Какимъ же это образомъ я вознесусь на эту стѣну? спросилъ Сиеу, съ изумленіемъ посмотрѣвъ на высокой отвѣсъ.

— Видишь ли, дитя мое, на этой скалѣ обитаютъ такіе громадныя орлы, которымъ не трудно поднять на воздухъ даже большаго человѣка, а такого, какъ ты мальчика, они захватятъ одною лапою и снесутъ за три-девять земель. Вотъ мы и порѣшили зашить тебя въ воловій желудокъ и слегка прикрѣпить къ вершинѣ корабельной мачты. Орлы эти сейчасъ же почуютъ добычу и схватятъ ее. Ты же, какъ только очутишься на скалѣ, прорѣжешь его ножомъ и выскочишь изъ временной темницы своей и сейчасъ вступишь къ дѣлу.

— А потомъ, какъ вы меня достанете оттуда?

— Потомъ мы въ другіе желудки вложимъ веревки, которыя орлы снесутъ къ тебѣ и оставятъ, какъ не съѣдомыя. Ты ихъ прикрѣпишь къ вершинѣ и осторожно возвратишься на судно.

Сиеу не осмѣлился противорѣчить и мальчика сейчасъ же всадили въ воловій желудокъ, который и повѣсили на вершину мачты. Естественно, что всѣ люди скрылись съ палубы, чтобы не пугать орловъ. Нѣсколько времени спустя, сынъ вдовы почувствовалъ, что тѣло его попало въ тиски и ударилося о что-то твердое. Не теряя ни минуты онъ двинулъ ножомъ съ такою силою, что отсѣкъ и одинъ палецъ орлу, съ крикомъ порхнувшему на воздухъ.

Сикъ вылѣзъ изъ засады и осмотрѣлся кругомъ. И дѣйствительно, вся площадь скалы сіяла блескомъ драгоцѣнныхъ камней. Мальчикъ приблизился къ отвѣсу и, избравъ прямую линію къ судну, началъ цѣлыми горстями опускать алмазы, сапфиры, аметисты, яхонты и т. п. Большинство падало на судно и на рогажи, разостланныя на водѣ. Не довольствуясь и этимъ, онъ отыскалъ какую-то лопато-образную кость и началъ ею сбрасывать драгоцѣнности. Такимъ образомъ мальчикъ потрудился двое сутокъ, благодаря тому, что въ желудкѣ вола оказалось питательная пища и сосудъ съ водою, вложенные хозяиномъ.

Наконецъ утомившись, дитя прилегло на землѣ и заснуло крѣпкимъ сномъ въ предположеніи, что завтра орлы принесутъ ему крѣпкія веревки; но увы настало утро и полдень и вечеръ, а веревокъ не являлось. Сикъ подошелъ къ стремнинѣ, чтобы напомнить о себѣ. Каково же было изумленіе его, когда корабля не оказалось.

Безжалостные купцы, боясь, чтобы онъ не проговорился на родинѣ, рѣшились заморить его голодомъ.

Сикъ залился слезами. Какъ вдругъ онъ слышалъ за собою мяуканіе кошки и лай собаки и передъ нимъ предстали спасенныя имъ животныя, стараясь выразить свое удовольствіе.

— Бѣдные мои друзья—вскрикнулъ мальчикъ—вамъ жалко стало меня и вы пришли раздѣлить со мною мою печальную участь.

Посидѣвъ нѣкоторое время, Сикъ поднялся и направился въ ту сторону, откуда прибѣжали его животныя. Мальчику показалось, что съ той стороны легче будетъ спуститься къ морскому берегу, но мечта эта оказалась несправедливою.

— Откуда же вы пришли ко мнѣ? допрашивалъ мальчикъ собачку.

При этомъ вопросѣ оба животныхъ подбѣжали къ мрачному гроту и начали оглядываться и бить хвостами.

Сикъ понялъ эти движенія и направился въ пещеру. Кошка и собака криками своими указывали ему направленіе въ темнотѣ. Шествіе это продолжалось довольно долго. Наконецъ предъ мальчикомъ показалась маленькая свѣтлая точка, которая все больше и больше возрастала въ объемѣ, а въ заключеніе онъ очутился у берега шумнаго океана, на которомъ росли большія деревья съ прелестными на видъ и вкусными плодами.

— Ну, я не напрасно освободилъ васъ отъ злыхъ дѣтей—сказалъ Сикъ, обнимая руководителей своихъ. Вы вознаградили меня тѣмъ же.

Пока мальчикъ подкрѣплялъ силы свои фруктами, кошечка съ собакою принесли себѣ завтракъ, состоящій изъ маленькихъ животныхъ и птицъ.

Нѣсколько дней спустя Сикъ, убѣдившись, что островъ этотъ не имѣетъ народонаселенія, построилъ себѣ жилище и приготовился остаться навсегда въ сотовариществѣ кошки и собаки, ко-

торыя не переставали приносить ему дичь. Впослѣдствіи ему удалось приручить дикихъ козъ, лакожиться ихъ молокомъ, а изъ кожъ шить одежду. Такъ прошло восемь лѣтъ. Сикъ сдѣлался совершеннолѣтнимъ и началъ тосковать по людямъ.

„Не можетъ быть, чтобы этотъ островъ не соединялся съ остальною землею—думалъ онъ вслухъ—но я не знаю, гдѣ искать его или выхода хоть на другой свѣтъ. Вотъ еслибъ моя кошечка показала мнѣ ворота.

Только что онъ произнесъ эти слова, какъ постарѣвшій уже песь поднялся и посмотрѣвъ хозяину въ глаза, зашевелилъ хвостомъ.

— Неужели ты знаешь такое мѣсто? съ радостью спросилъ молодой человѣкъ.

Собака завизжала и побѣжала впередъ. Сикъ послѣдовалъ за нею.

Долго они шли по лѣсамъ и полянамъ, усѣянными кусками золота и серебра и пришли къ дереву такой толщины, которая превосходила всѣ человѣческія сооруженія. Въ деревѣ оказалась висячая лѣстница.

Молодой человѣкъ глянулъ внизъ, но ничего не могъ увидѣть въ мрачной глубинѣ.

„Не все ли равно, гдѣ ни погибать—подумалъ онъ и спустился на металлическую ступень. За нимъ прыгнула и собака и тутъ же появилась и кошка. Только что они установились, какъ лѣстница съ ужасною быстротою начала опускаться въ мрачную глубину. Движеніе это продолжалось такъ долго, что Сикъ, почувствовавъ желаніе заснуть, привязалъ себя кускомъ кожи и забылся. Открывъ глаза отъ внезапнаго столкновения съ чѣмъ-то твердымъ, молодой человѣкъ замѣтилъ, что находится въ какомъ-то особенномъ мірѣ, гдѣ всѣ деревья созданы изъ известковой массы, воду составляетъ разжиженное серебро, травы имѣютъ человѣческое тѣло и поютъ, какъ земныя птицы. Все это чрезвычайно изумило не только Сика, но и сопровождавшихъ его животныхъ. Юноша поднялъ глаза къ небу и еще больше удивился: оно было темнозеленаго цвѣта и увѣчано 52 солнцами, расположенными въ строгомъ порядкѣ надъ небосклономъ.

„Все это не дурно—сказалъ Сикъ—но каковы должны быть здѣсь люди, если все остальное не имѣетъ сходства съ земными произведеніями.

Просидѣвъ нѣсколько часовъ, молодой человѣкъ направился по едва замѣтной тропинкѣ, ведущей на гору. Когда онъ очутился на возвышенности, то передъ нимъ открылась гладкая поляна, на которой копошились тысячи дѣтей отъ 7 до 8 лѣтнаго возраста.

„Должно быть дѣтскій праздникъ—подумалъ онъ и прибавилъ шагъ. По мѣрѣ приближенія его къ дѣтямъ, послѣднія начали отступать къ противоположной высотѣ и становиться въ боевой порядокъ. На полянѣ осталась только одна дѣвочка съ прелест-

ными чертами лица. Она трепетала от страха и закрывалась руками. Сикъ подошелъ къ хорошенькой дѣвочкѣ и въ порывѣ радости началъ цѣловать ей руки и распущенныя косы. Онъ хотѣлъ говорить, но не могъ.

Эта ласка ободрила дѣвочку и она первая обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Ты ли то чудовище, которому я предназначена моимъ народомъ на съѣденіе или тебя послалъ Богъ съ другаго міра, чтобы спасти меня отъ позорной смерти?

— Извини меня, мой малѣнькій дружокъ—отвѣчалъ Сикъ—я, кажется, не хорошо понялъ тебя: о какомъ чудовищѣ ты говоришь?

— Да о томъ, которое, явившись вчера въ мою столицу, потребовало, чтобы меня сегодня вывели на эту равнину и оставили ему на обѣдъ.

— Что же это за чудовище, какой оно имѣетъ видъ и величину?

— Я его не видѣла сама, но мнѣ говорили мои министры, что оно ходитъ по воздуху при помощи какихъ-то необыкновенныхъ зонтиковъ; вмѣсто рта имѣетъ загнутый носъ, которымъ рветъ людей, а вмѣсто рукъ употребляетъ ноги съ острыми пальцами.

— И тебя рѣшились отдать ему на съѣденіе твои подданные?

— Чтожъ имъ было дѣлать, когда никто не осмѣлился противорѣчить ему.

— Почему же тебя отдають чудовищу, а не другаго кого? спросилъ молодой человекъ.

— Потому что послѣ моей смерти чудовищу легче будетъ справиться съ остальными.

— Но развѣ оно не могло кормиться другими животными? допрашивалъ Сикъ.

— Въ нашемъ мірѣ не существуетъ никакихъ другихъ существъ, кромѣ людей—отвѣчала царица.

— Теперь я понимаю; но будь покойна я не допущу этого злодѣя прикоснуться къ тебѣ и убью его, какъ только онъ осмѣлится приблизиться.

— О, тогда мы всѣ сдѣлаемся твоими рабами и будемъ поклоняться, какъ божеству.

— Я не затѣмъ, моя милая, пришелъ къ вамъ; но объ этомъ мы поговоримъ послѣ, а теперь прикажи твоимъ подданнымъ, чтобы они явились сюда съ лопатами. Мнѣ необходимо выкопать яму, въ которую я могъ бы скрыться съ моими друзьями, чтобы внезапно выскочить и схватить чудовище, иначе оно скроется и начнетъ истреблять людей въ другой мѣстности.

Царица махнула рукою и сдѣлала пальцами какіе-то знаки на воздухѣ.

Тысячи малѣнькихъ людей отвѣчали ей крикомъ и съ удивительною быстротою предъстали предъ повелительницею своею, которая приказала одному изъ нихъ исполнять всѣ приказанія ве-

ликаго человѣка, ниспосланнаго съ величайшаго небеснаго свѣтила для спасенія ея съ народомъ отъ страшнаго и небывалаго еще на планетѣ ихъ чудовища.

Министръ со страхомъ палъ ницъ предъ Сикомъ.

— Прикажи войску твоему выкопать такую яму, въ которой я могъ бы помѣститься вотъ съ этими животными—сказаль юноша, подымая пожилаго человѣка.

Приказаніе было немедленно передано и тысячи лопатъ пущены были въ ходъ. Когда яма была вырыта, Сикъ спустился въ нее и приказаль слегка прикрыть длиннымъ кускомъ матеріи. Затѣмъ взялъ сорокъ цикъ и, связавъ ихъ въ пучъ, пригласиль царицу сѣсть за спиною его и безъ всякаго страха ожидать чудовище.

— А вы идите и скройтесь въ противоположныя пещеры—сказаль онъ войску—и не показывайтесь до того времени, пока васъ не позовутъ.

Часть или два спустя на небосклонѣ показалась черная точка.

— Боже, вскрикнула царица—вонъ тамъ что-то показалось на воздухѣ.

Сикъ началъ присматриваться и узналъ орла.

— Неужели у васъ нѣтъ такихъ животныхъ, которыя называются птицами и летаютъ по воздуху?

— Я въ первый разъ слышу отъ тебя такія небывалыя вещи—отвѣчала трепещущая женщина.

Орель ускориль полеть, а нѣсколько минутъ спустя съ ужасною быстротою спустился предъ ямою, въ которой скрывался Сикъ. Оглянувшись самодовольно, птица сдѣлала шагъ впередъ, но юркнула въ яму и очутилась въ сильныхъ рукахъ земнаго человѣка и въ зубахъ собаки. Сикъ не замедлил перевязать ей клювъ, ноги и крылья.

— Ай, ай—закричалъ орель человѣческимъ голосомъ—не убивай меня, пощади мои юныя лѣта. Притомъ да будетъ тебѣ извѣстно, что и я такой же земной человѣкъ, какъ и ты.

— Лжешь, негодяй—отвѣчалъ Сикъ—люди земли не питаются человѣческимъ мясомъ, а ты потребовалъ для ѣды царицу.

— Клянусь тебѣ, прекрасный юноша, что я была единственная дочь Фивскаго царя и имѣла несчастье понравиться одному волшебнику, который, не добившись моего согласія бѣжать съ нимъ, обратилъ меня въ настоящій видъ и заставиль силою чародѣйства исчезнуть съ лица земли. Какимъ образомъ я попала въ эту страну, мнѣ не извѣстно. Здѣсь я долго искала свойственной мнѣ пищи, но не нашедъ ничего, рѣшилась питаться людьми. О, повѣрь моему сознанію и если можешь сними съ меня чары волшебника.

Выслушавъ это признаніе, Сикъ немедленно освободилъ орла и приказаль ему слѣдовать за нимъ.

— Ну, царица маленькихъ людей, ты и народъ твой теперь спасены—сказаль онъ, обращаясь къ изумленной дѣвочкѣ. Надѣюсь, что ты насъ пригласишь въ свой дворецъ и накормишь.

Чудовище это отнынѣ не тронетъ никого и будетъ твоимъ другомъ. Орелъ подтвердилъ слова Сика.

Успокоенная царица снова подняла руки, снова слышались радостные крики ея подданныхъ и равнина покрылась тысячами маленькихъ людей. Сказанное Сикомъ передано было министру и войскамъ.

Послѣ чего всѣ направились на гору, откуда представился Сикъ безконечной длины городъ съ такими домиками, въ которые онъ могъ бы проникнуть не иначе, какъ ползкомъ.

— Гдѣ же ты насъ помѣстишь? спросилъ молодой человѣкъ у царицы.

— Я уже думала объ этомъ и придумала отличное помѣщеніе. Передъ дворцомъ моимъ есть золотой гротъ, въ которомъ могутъ помѣститься люди гораздо выше тебя. Теперь меня томить другая мысль. Я право не соображу, чѣмъ вы питаетесь и чѣмъ я могу угостить васъ.

— А вы что употребляете въ пищу?

— Мы исключительно питаемся нашими травами и воздухомъ.

— А воды у васъ нѣтъ?

— Я не понимаю этого слова.

Сикъ началъ объяснять, но ни царица, ни другіе мудрецы не поняли его.

— Ну, въ такомъ случаѣ мы не можемъ долго оставаться въ здѣшнемъ мѣстѣ—сказала молодой человѣкъ—и обязаны подумать о бѣгствѣ изъ твоихъ владѣній. Нѣтъ ли у тебя такихъ людей, которые научили бы насъ добраться до нашей родины?

— Такихъ у меня много, но я считаю ихъ не при своемъ умѣ и боюсь, чтобы они не сдѣлали тебѣ непріятностей.

— Нѣтъ ли около насъ какого-нибудь изъ этихъ знахарей?

Царица обратилась къ министру и приказала пригласить великаго астронома Аи.

Предъ Сикомъ явился мальчикъ лѣтъ 8 на видъ, у котораго вмѣсто бороды росли земляныя травы различныхъ видовъ.

— Послушай, голубчикъ—сказалъ Сикъ—не знаешь ли ты дороги на планету, которая именуется землею.

— Я знаю всѣ планеты и кометы, но о такой никогда не слышалъ или ты мнѣ неправильно ее назвалъ. Объясни мнѣ ея свойства и качества, тогда быть можетъ я догадаюсь, о чемъ ты говоришь.

Сикъ началъ говорить все, что было ему извѣстно.

— Нѣтъ, ничего не понимаю. Такой планеты я не знаю. Впрочемъ вотъ тебѣ изобрѣтенное мною зеркало—прибавилъ онъ, подавая Сикъ какой-то необыкновенный металлъ. Посмотри самъ на всѣ наши планеты, авось ты отыщешь ту, которую желаешь.

Молодой человѣкъ приложилъ пластинку къ глазу и взглянулъ на самое большое и ярко горящее солнце. Передъ нимъ очутилась земля со всѣми городами, садами и постройками. Онъ видѣлъ даже небольшихъ домашнихъ животныхъ. Сикъ водилъ пла-

стинкою до того времени, пока отыскалъ свой городъ и домикъ, въ которомъ родился. Этого мало, онъ отыскалъ на базарной площади и мать свою, въ рубищахъ просящую подаваніе.

— Вотъ планета, на которой я родился — сказалъ Сикъ, возвращая пластинку астроному.

— Почему же ты узналъ ее?

— Я отыскалъ даже мой домъ и мать.

— Ну, видно мое изобрѣтеніе болѣе пригодно людямъ великаго, темнаго свѣтила, чѣмъ намъ, потому что нашъ глазъ только отличается на этой планетѣ темную и свѣтлую части и немногія возвышенія, а ты увидѣлъ даже мельчайшія подробности. И такъ твоя родина есть та планета, которую мы называемъ большимъ темнымъ солнцемъ?

— Да, я вполне убѣжденъ и былъ бы очень благодаренъ переселиться на него.

— Я тебя сегодня же отправлю туда — отвѣчалъ астрономъ — если ты дашь мнѣ нѣсколько часовъ сроку для сосредоточенія всей притягательной силы этой планеты на ящикъ, въ который ты обязанъ будешь помѣститься съ твоими товарищами. Притяженіе это дѣйствуетъ съ такою быстротою, какъ и свѣтъ, слѣдовательно, ты не успѣешь и оглянуться, какъ будешь дома.

Сикъ смотрѣлъ на этого ничтожнаго человѣка съ изумленіемъ.

— Я готовъ томиться голодомъ еще одинъ день — отвѣчалъ онъ — но помни, что если ты не отправишь насъ на землю въ теченіи этого времени, то мы вынуждены будемъ поѣдать васъ. Но вотъ еще одна моя просьба, не имѣется ли у тебя другой пластинки или камешка, который уничтожалъ бы чары, потому что это чудовище, которое хотѣло пожрать сегодня вашу царицу, есть такая же женщина, какъ и она, но одинъ злой человѣкъ превратилъ ее въ хищную птицу и изгналъ съ земли.

— Я не знаю въ точности, что ей можетъ пособить въ настоящемъ положеніи, но у меня есть много такихъ изобрѣтеній, отъ прикосновенія и вліянія которыхъ происходятъ важные перевороты. Вотъ, на примѣръ — продолжалъ астрономъ, вынимая изъ кармана маленькую изогнутую трубочку съ многими разнообразными отверстіями. Если этотъ инструментъ приложить къ губамъ и потребовать отъ него создать что-нибудь и затѣмъ приложить къ предмету, который хочешь измѣнить — требованіе сейчасъ же исполняется.

Сикъ взялъ трубочку нащепталъ желаніе свое и прикоснулся къ орлу и вмѣсто страшной птицы явилась предъ нимъ неестественной красоты дѣвушка.

— Ахъ, какое блаженство быть человѣкомъ! вскрикнула она, падая на руки молодаго человѣка.

Царица и подданные ея, не перестававшіе съ ужасомъ смотрѣть на страшнаго орла, начали изъявлять благодарность за такое чудо.

— Ну, астрономъ, я оставлю у себя твою трубочку на память — сказалъ Сикъ — она мнѣ пригодится на землѣ.

— А мнѣ, чтобы дать тебѣ въ благодарность за спасеніе? спросила царица. Не возьмешь ли ты мою палку, имѣющую свойство сооружать такія постройки, какія необходимы бываютъ намъ. Кто знаетъ, можетъ быть, на вашей планетѣ она удовлетворитъ и вашимъ требованіямъ? Сказавъ это, царица подала спасителю своему дѣтскій посохъ изъ какого-то неизвѣстнаго состава.

Тѣмъ временемъ всѣ вступили въ городъ, оглушаемые сладкими трелями птичьихъ голосовъ. Министръ объяснилъ Сикю, что это играютъ ихъ музыканты.

Въ дворцѣ нашихъ гостей приняли колѣнопреклоненно, но было много и разбѣжавшихся отъ страха.

— Чѣмъ мнѣ угощать людей земли? спросила царица.

— Мы ничего не употребляемъ вашего—отвѣчалъ Сикъ. Самое лучшее, что ты можешь сдѣлать, это поторопить своими дѣйствіями астронома.

Царица приказала, чтобы къ Аи немедленно собрались на помощь всѣ остальные астрономы.

Пока Аи работалъ, Сикъ узналъ, что околдованную царевну именовали Делюю и успѣлъ выразить ей желаніе не разставаться съ нею.

— Я охотно соглашусь избрать тебя моимъ господиномъ—отвѣчала царевна—но не рѣшусь на это безъ благословенія моихъ родителей, которыхъ любила и почитала за ихъ доброту и ласку. Впрочемъ если мы благополучно возвратимся домой, то я не сомнѣваюсь, что родители мои съ радостью согласятся на наше бракосочетаніе.

Нѣсколько часовъ спустя прибѣжалъ посланный съ заявленіемъ, что великій астрономъ проситъ людей великаго свѣтила попроситься съ государынею и пожаловать къ нему.

Сикъ съ друзьями своими попрощался съ царицею и, сопровождаемый тысячами любопытныхъ, въ нѣсколько шаговъ очутился въ дворѣ великаго Аи, который, выбѣжавъ къ нему навстрѣчу съ низкими поклонами, подвелъ къ ящику, къ которому направлены были милліоны какихъ-то неосязаемыхъ нитей, ниспадающихъ отъ земнаго шара.

— Садитесь въ этотъ ящикъ и будьте равнодушны, если вамъ покажется, что вы находитесь на воздухѣ. Мнѣ остается выставить послѣдній составъ и васъ не станетъ на нашей планетѣ. Прощайте, дай Богъ намъ еще разъ увидѣть другъ друга!

Сказавъ это, астрономъ скрылся въ своемъ домикѣ и направилъ съвозъ окно къ ящику двѣ металлическія проволоки. Не успѣли они прикоснуться къ мѣсту сидѣнія гостей, какъ ящикъ исчезъ изъ вида съ такою быстротою, что никто не могъ замѣтить. Двѣ минуты спустя путешественники наши очутились у воротъ знаменитыхъ Өивъ.

— Теперь мы должны разлучиться—сказала Дела—какъ жаль, что я не имѣю права представить тебя сегодня же отцу моему. Но завтра онъ навѣрно отыщетъ тебя и возьметъ во дворецъ.

Тѣмъ временемъ ты позаботься переодѣться въ болѣе приличную одежду. Съ этими словами царевна скрылась за городскими воротами.

Сикъ задумался на минуту, но затѣмъ вспомнивъ, что у него въ карманѣ находилось нѣсколько самыхъ крупныхъ алмазовъ, случайно захваченныхъ при выходѣ изъ необитаемаго острова, вынулъ одинъ изъ нихъ и предложилъ первому еврею купить за полъ цѣны.

Еврей подпрыгнулъ отъ радости въ особенности, когда ему поручено было вдобавокъ принести два лучшихъ наряда.

Такимъ образомъ Сикъ вступилъ въ Фивы и нанялъ помѣщеніе противъ царскаго дворца.

„Теперь подождемъ новостей отъ Делы — сказалъ онъ, обращаясь къ кошкѣ, которая по обыкновенію садилась къ нему на колѣни и распѣвала пѣсни. Но, увы, дни проходили, а его никто не спрашивалъ и не искалъ.“

— А что, если я самъ пошлю во дворецъ свахъ — подумалъ Сикъ. Кто знаетъ, можетъ быть, отецъ не повѣрилъ дочери, рассказавшей о всемъ совершившемся съ нею.

Вечеромъ явилась къ Сикю по требованію его главная городская сваха.

— Я хочу, моя добрая старушка — сказалъ онъ — чтобы ты посватала за меня царскую дочь. Можешь ли ты это сдѣлать?

— Это мое ремесло и для меня безразлично вступать во дворцы и простыя хаты. Разница только въ вознагражденіи за труды.

— За вознагражденіемъ не будетъ остановки. Если же у тебя спросить мое имя, скажи, что та, которую я прошу въ жены, обязана мнѣ возвращеніемъ въ родительскій домъ.

Два дня спустя сваха объявила Сикю, что государь охотно принимаетъ его предложеніе, но не иначе, если онъ воздвигнетъ хрустальный мостъ чрезъ городскую площадь и чтобы на этомъ мосту росли всѣ цвѣты и деревья міра со всѣми лучшими пѣвчими птицами. Если ты сдѣлаешь это, то будешь имѣть право лично явиться къ царю.

Молодой человѣкъ бросилъ свахѣ кошелекъ золота и задумался.

„Придется испытать достоинства подарковъ обитателей маленькой планеты — сказалъ онъ, взявши палочку царщи, спасенной имъ отъ Делы, и вышелъ со двора. Пришедъ на городскую площадь, юноша поставилъ значки и ударилъ волшебнымъ прутикомъ по землѣ.“

Въ ту же минуту предъ нимъ выдвинулся ослѣпительный мостъ съ цвѣтами, деревьями и пѣвчими птицами.

Осмотрѣвъ свою постройку, Сикъ направился ко дворцу и попросилъ представить его къ царю.

— Чего ты желаешь, сынъ мой? спросилъ государь, когда онъ введенъ былъ къ нему.

— Я исполнилъ твое приказаніе и воздвигъ хрустальный мостъ — отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— А, понимаю, ты пришелъ за дочерью моею Делюю. Но она очень сожалѣетъ, что мостъ не оживленъ и просить, чтобы на немъ явилась колесница, которая двигалась бы по волѣ сѣд-
ковъ.

— Для Делы я готовъ и это сдѣлать.

— Ну, тогда мы и поговоримъ о днѣ свадьбы.

Сикъ съ грустью возвратился домой и только на другой день создалъ потребованную царемъ колесницу.

На этотъ разъ его встрѣтила во дворцѣ Делы и объявила, что отецъ ея очень разсердился за то, что онъ не сейчасъ же исполнилъ его приказаніе, а отложилъ до слѣдующаго дня и что вслѣд-
ствіе этого не желаетъ имѣть такого непослушнаго зятя.

— А ты развѣ не могла умилостивить его? спросилъ Рикъ.

— Это не моя обязанность. Я общала тебѣ быть женою только тогда, когда родители мои изъявятъ согласіе, но ты имъ не по вкусу, а я не стану насиловать ихъ. Прощай! На бѣломъ свѣтѣ много невѣсть кромѣ меня. Сказавъ это, она захлопнула дверь.

„Хороша благодарность—подумалъ Сикъ и, полный озлобленія возвратившись на квартиру, всю ночь онъ придумывалъ какъ бы наказать жестокаго отца съ жестокою дочерью.

На слѣдующій день молодой человекъ съ преданными ему животными выступилъ изъ города и, вынувъ изъ кармана малую трубочку знаменитаго астронома Аи, поднесъ ее къ губамъ, что-
то нащепталъ и затѣмъ началъ крестить по всѣмъ направленіямъ великій городъ. Послѣ каждаго движенія руки, онъ замѣчалъ, какъ цѣлыя кварталы построекъ разсыпались, какъ выскакивали люди на улицы съ криками и вопили съ поднятыми руками къ небу. Покончивъ съ городомъ, Сикъ навелъ трубочку на воз-
двигнутый имъ хрустальный мостъ и заставилъ его превратиться въ груды камней. Взаключеніе волшебная трубка осѣнила цар-
скій дворецъ и отъ него осталась только груды кирпичей.

„Злые люди не должны существовать—сказалъ онъ, обращаясь къ животнымъ своимъ и быстрыми шагами направился къ мѣсту родины своей.“

Но не успѣлъ Сикъ сдѣлать нѣсколько тысячъ шаговъ, какъ услышалъ за собою топотъ лошадей. Оглянувшись, онъ увидѣлъ вооруженнымъ всадниковъ и впереди ихъ Делю съ саблею въ рукахъ. Сынъ бѣдной вдовы затрепеталъ отъ негодованія и, приложивъ снова трубочку къ устамъ, однимъ движеніемъ превратилъ враговъ своихъ въ мышей.

Этого казалось только и ожидали кошка и собака, чтобы вы-
сказать предъ хозяиномъ своимъ свою ловкость и желаніе отм-
стить врагамъ.

— Попадите только одну Делю и доставьте ее ко мнѣ живою—
успѣлъ кривнуть Сикъ.

Большая часть мышей была истреблена, но Делы доставлена была живою.

— О пощади меня, Сикъ—завопила она своимъ голосомъ—я

много виновата передъ тобою и клянусь, что отнынѣ, когда не осталось въ живыхъ моихъ родителей, я буду твоею рабынею.

— Нѣтъ, ты злая и неблагодарная женщина—отвѣчалъ молодой человѣкъ—и недостойна оставаться среди добрыхъ людей.— Ты должна погибнуть, чтобы не заражать другихъ своими качествами.

— Я дѣлала зло не по собственному влеченію, а по требованію родителей моихъ, которые въ противномъ случаѣ предавали меня истязанію.

Слова эти заставили Сика измѣнить свое мнѣніе о красавицѣ.

„Кто знаетъ—подумалъ онъ—можетъ быть она говорить правду. Надо быть справедливымъ.

Дела продолжала умолять.

— Хорошо—сказалъ Сикъ—я тебя пощажу, чтобы убѣдиться въ твоихъ увѣреніяхъ—и если ты докажешь, что искренно любишь своего благодѣтеля, то онъ сдѣлаетъ тебя своею женою.

Нѣсколько времени спустя Сикъ вступилъ въ родной городъ и отправился къ матери, предполагая, что она встрѣтитъ его съ естественною радостью, но старуха, какъ только узнала сына, осыпала его проклятіями за то, что онъ дважды заставилъ ее голодать, и потомъ убѣждалъ отъ богатыхъ купцовъ, которые не переставали-бы оказывать ей помощь.

Сикъ не отвѣтилъ матери ни единымъ укорительнымъ словомъ, но въ тотъ-же день, узнавъ, гдѣ обитаютъ безжалостные евреи, наказалъ ихъ тѣмъ, что всѣ богатства ихъ обратилъ въ груды пепла, а ихъ самихъ въ прокаженныхъ.

— Нѣтъ—сказалъ онъ своимъ животнымъ, возвратившись вечеромъ домой—и здѣсь я не нашелъ ничего отраднago—уйдемъ лучше въ лѣса и горы, чтобы счастливо дожить свой вѣкъ.

Кошка и собака выразили свое удовольствіе непритворными ласками.

На другой-же день молодой человѣкъ удалился въ отдаленные лѣса и одну изъ громадныхъ скалъ превратилъ въ роскошный дворецъ. Затѣмъ призвавъ къ себѣ Делу, остававшуюся по прежнему мышью, сказалъ ей:

— Дела, даешь-ли ты мнѣ клятву быть моею вѣрною подругою во всю жизнь? Мышь завертѣлась и начала пугаться въ отвѣтахъ.

— Ты, вѣроятно, не приготовилась къ этому—сказалъ Сикъ—подумай-же сегодня ночью, потому что мнѣ скучно жить одному и я хочу жениться.

Молодой человѣкъ твердо былъ убѣжденъ, что Дела охотно изъяснитъ свое согласіе и въ этомъ предположеніи заснулъ, забывъ спрятать свои волшебныя палочку и трубку, что не укрылось отъ мыши.

На слѣдующій день онъ вспомнилъ и бросился искать ихъ, но увы, ни мыши, ни драгоценныхъ подарковъ не оказалось. Дела, похитивъ ихъ, изволила бѣжать.

Сикъ призвалъ кошку и приказалъ ей отыскать бѣглянку—во-

ровку. Кошка немедленно, при содѣйствіи собаки, открыла слѣдъ и сообщили хозяину, что воровка скрылась въ узкой расщелинѣ сосѣдней скалы. Молодой человѣкъ пришелъ въ ужасную ярость, но увы, онъ не могъ ничего сдѣлать ничтожному съ виду животному и рѣшился съ друзьями своими сдѣлать засаду и выждать того момента, когда Дела выйдетъ изъ норы, чтобы слѣдовать дальше.

Два мѣсяца спустямышь была поймана въ ту минуту, когда она выволокла похищенныя вещи и собиралась пуститься съ ними въ бѣгство. Сикъ сейчасъ-же превратилъ ее въ первобытный образъ и началъ допрашивать, что ее побуждало къ такой ненависти и что она выиграетъ отъ этихъ позорныхъ поступковъ?

— Ахъ—отвѣчала Дела съ слезами на глазахъ—въ сердцѣ моемъ есть небольшой камешекъ, который заставляетъ меня наслаждаться, когда я оплачиваю людямъ неблагодарностію. Я люблю тебя безумно, но больше желаю твоей гибели. Это чувство не покинетъ меня до тѣхъ поръ, пока существуетъ этотъ наслѣдственный камешекъ. О, чего-бы я ни дала, чтобы его бросили изъ моего сердца.

Сикъ приложилъ трубочку къ губамъ и навелъ непробудный сонъ на жестоку дѣвицу. Затѣмъ вскрылъ ей ножомъ грудь и очистилъ сердце отъ всякихъ стороннихъ веществъ.

Дела пробудилась совершенно инымъ человѣкомъ.

— Теперь я люблю тебя въ тысячу разъ больше—сказала она, бросаясь на шею къ Сикю и могу увѣрить, что чувство это не измѣнится никогда.

На этотъ только разъ собака и кошка начали ласкаться около царевны и выражать свое удовольствіе.

Сикъ сдѣлался другомъ Делы и вскорѣ возвратился съ нею въ Эивы, которая оживилъ и возстановилъ при помощи трубочки Аи и палки царицы. Затѣмъ онъ сдѣлался повелителемъ всей страны и приказалъ ежегодно отправлять къ матери своей цѣлый караванъ необходимыхъ продуктовъ, которая вмѣсто благодарности продолжала посылать ему укоры за то, что голодала чрезъ него два дня въ жизни.

Ашикъъ Гарибъ *).

Въ давно минувшія времена въ славномъ городѣ Тебрисѣ, славился безчисленными богатствами купецъ по имени Аметъ. У этого высокочимаго человѣка вся семья состояла изъ доброй жены, небольшой дочери и 17-ти лѣтняго сына Ресуля. Послѣдній былъ для отца дороже всего міра.

*) Сказка эта настолько популярна между мусульманскими народами, что едва ли найдется пяти лѣтняя дѣвочка, которая незнакома съ именемъ Ашикъъ Гарибъ. Лермонтовъ въ бытность свою на Кавказѣ, перевелъ ее на русскій языкъ, но онъ, какъ незнакомый съ восточными нарѣчіями, безъ сомнѣнія, спасалъ ее съ разсказа личности, плохо знающей эту сказку или не считавшей нужнымъ посвящать нашего поэта въ подробности, вслѣдствіе чего она и не могла обратитъ на себя вниманія читателей.

И дѣйствительно, этотъ юноша съ вишневыми губами, съ жемчужными зубами, съ брилліантовыми глазами и подходящими на двѣ розы щеками, при стройности кипариса и округленности бѣлаго голубя казался красивѣе луны небесной. Проще онъ такъ былъ красивъ, что всѣ женщины приходили въ болѣзненный восторгъ при встрѣчѣ съ нимъ.

Отецъ гордился такою красотою сына и дорожилъ имъ, какъ своими глазами. Но, увы, недолго ему приходилось наслаждаться своимъ счастьемъ. Старикъ заболѣлъ, поохалъ, постоналъ и умеръ. Всѣмъ извѣстно, что пришедшіе въ этотъ міръ, отъ чегонибудь должны переселиться въ другой. Такъ случилось и съ богачемъ Аметомъ.

Неожиданное событіе это ужасно повліяло на Ресуля и онъ началъ вянуть отъ скорби. Ни мать, ни сестра не могли развеселить его.

Въ сказанное время въ Таврисѣ появилось 40 мошенниковъ съ цѣлью нажить состояніе на счетъ довѣрчивыхъ людей и скоро узнали, что Ресуль изнываетъ отъ грусти по отцу.

— Это отличная находка для насъ—сказалъ одинъ изъ нихъ. Пойдемъ къ нему, друзья, и привинемъ искренними пріятелями покойника, а потомъ уже сообразимъ, какъ будетъ удобнѣе перевести его состояніе въ наши карманы.

Всѣ согласились, обдумали первоначальный планъ атаки и направились къ безутѣшному юношѣ. На дворѣ подъ тѣнистымъ деревомъ лежалъ Ресуль въ мрачномъ уныніи.

— Гдѣ здѣсь живетъ знаменитый купецъ Аметъ? спросили они у молодого человѣка, представляясь, что не знаютъ ни его, ни совершившагося событія въ домѣ.

— Онъ жилъ здѣсь—отвѣчалъ Русель, но теперь переселился въ другой міръ.

— Какъ, неужели нашъ другъ и благодѣтель умеръ, не простившись даже съ нами?! вскрикнули мошенники и съ страшными воплями бросились на землю.

Юноша смотрѣлъ на нихъ съ изумленіемъ и, повѣривъ ихъ искренней скорби, началъ утѣшать.

— Нѣтъ, нѣтъ, не трудись отвлекать наши сердца отъ чувства любви и вѣчной благодарности къ нашему благодѣтелю—отвѣчали негодяи—мы должны день и ночь плакать, чтобы усладить душу Амета. Мы должны сдѣлаться рабами его дѣтей и даже тѣхъ, которые служили покойнику въ его послѣднія минуты жизни и которые омыли его тѣло!

О, Господи даруй нашему благодѣтелю всѣ райскія блага! и вновь начали бить себѣ въ грудь и валиться по землѣ.

Много трудовъ и усилій употребилъ молодой человѣкъ, пока угомонились неожиданные гости. Назвавъ себя сыномъ того, о комъ они сокрушаются, Ресуль, убѣжденный, что въ обществѣ ихъ менѣе будетъ тосковать, положился пригласить ихъ къ себѣ.

— Не смотря на то, что мы ѣдемъ по дѣламъ торговли въ

Индію—отвѣчалъ старшій—мы останемся у тебя до тѣхъ поръ, пока совершится 40 дней, со дня смерти отца твоего и нашего, чтобы торжественно помолиться о душѣ благодѣтеля нашей страны. Теперь же попросимъ тебя, прикажи слугѣ твоему указать могилу отца. Намъ необходимо оросить ее нашими слезами.

Просьба эта сейчасъ же была выполнена. Часъ спустя мошенники возвратились съ кладбища съ заплаканными и опухшими глазами и приглашены были къ роскошному обѣду, а затѣмъ размѣщены по лучшимъ комнатамъ.

Нѣсколько дней спустя, одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Не пойти ли намъ, друзья, погулять за городомъ. Наша постоянная скорбь и слезы могутъ неприятно дѣйствовать на благодѣтеля нашего.

— Это правда, это правда—отвѣчали остальные.

Ресуль не рѣшился противорѣчить и послѣдовалъ за добрыми друзьями, которые привели его въ великолѣпный садъ и посадили передъ маленькимъ хрустальнымъ прудомъ, окруженнымъ милліонами цвѣтовъ, между которыми порхали и пѣли сладкозвучные соловьи.

— Какъ здѣсь хорошо—сказалъ юноша—отчего мы раньше не посѣщали это мѣсто?

— Оттого, вѣроятно, что души наши переполнены были болѣзненною скорбію—отвѣчалъ одинъ изъ мошенниковъ.

Нѣсколько времени спустя, Ресулю захотѣлось покушать чего-нибудь, такъ какъ время завтрака давно прошло. Не успѣлъ онъ сказать о своемъ желаніи, какъ друзья выложили передъ нимъ разнаго рода закуски и превосходные напитки, которыхъ молодой человѣкъ раньше никогда не пробовалъ.

— На воздухѣ и въ такомъ саду всегда является желаніе полакомиться чѣмъ-нибудь хорошимъ—сказалъ старшій по лѣтамъ, наливая полную чашу сладкаго напитка и подавая Ресулю.

Молодой человѣкъ хотѣлъ было отказаться, но боясь показаться мальчикомъ, принялъ чашу и разомъ осушилъ ее. Минуту спустя, онъ почувствовалъ пріятную теплоту и какое-то очарованіе, котораго раньше не ощущалъ.

Послѣ закуски ему подали вторую чашу. На этотъ разъ юноша положительно повеселѣлъ, запрыгалъ и началъ бросать въ чистыя воды пруда золотыя монеты, чтобы любоваться ихъ блескомъ между камешками.

На слѣдующій день, Ресуль уже самъ изъявилъ желаніе идти въ садъ и на этотъ разъ приказалъ купить, какъ можно больше очаровательнаго напитка. Послѣ третьей чарки червонцы вновь полетѣли въ воду.

На третій день, услужливые товарищи уже пригласили въ садъ бадерокъ и хорошенькихъ дѣвушекъ, которые за деньги готовы были сдѣлать все, что имъ прикажутъ.

Такимъ образомъ прогулки эти превратились въ необходимыя потребности и совершались ежедневно. Ресуль забылъ не только

про умершаго отца, но и о существованіи матери и сестры. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ сундукахъ отца его не осталось ни одной монеты. Тогда онъ началъ продавать все движимое и недвижимое имущество и продолжалъ забавляться, пока и это перешло въ карманъ мошенниковъ.

Лишь только онъ сдѣлался нищимъ, друзья распрощались съ нимъ и скрылись изъ Тебриса. Тогда только молодой человекъ появля всѣ ошибки и увлеченія свои, — но прошлаго не возвратитъ. Прогулявъ еще нѣсколько времени безъ занятій, онъ въ заключеніе рѣшился разносить по дворамъ мясо, но дѣло это не принесло ему никакой выгоды.

— Не изучить ли мнѣ какое-нибудь ремесло? подумалъ онъ и съ этимъ намѣреніемъ поступилъ къ мастеру мѣдной посуды. Прослуживъ нѣсколько недѣль, юноша какъ-то по разсѣянности не разслышалъ приказанія хозяина, который за это разсердился и выгналъ его.

Ресуль перешелъ къ портному, но и здѣсь за излишнее усердіе, оказался безполезнымъ и потерялъ мѣсто. Пошелъ къ слесарю, затѣмъ къ токарю, плотнику и т. п., но у всѣхъ 32 мастеровъ не прожилъ и года.

— Ну, что мнѣ дѣлать теперь? говорилъ онъ про себя. Къ кому обратиться, гдѣ найти пропитаніе? Съ этими словами на устахъ, онъ очутился передъ кофейнею, гдѣ два шаира *) забавляли народъ. А, что если я попрошу ихъ принять меня въ среду свою? подумалъ Ресуль. Молодой человекъ бѣгомъ пустился домой, надѣлъ послѣднее свое чистое платье и, вошедъ къ шаирамъ, заявилъ о своемъ желаніи. Шаиры, увидѣвъ передъ глазами такой поразительной красоты юношу, ударили по мѣднымъ струнамъ своихъ сазовъ и громко запѣли:

„Что за диво видимъ! такихъ, вѣроятно, на землѣ только одинъ.
О, да живеть тысячи лѣтъ, родившая такого красавца!
Ты вѣрно выходець изъ блаженнаго рая:
Мы рады будемъ принять тебя **).“

Ресуль поблагодарилъ сладкозвучныхъ поэтовъ и съ того же дня началъ изучать ихъ ремесло; но, увы, онъ не имѣлъ ни ловкости въ пальцахъ, ни способности къ импровизаціи, а между тѣмъ народъ, собиравшійся въ большомъ числѣ въ кофейню, чтобы смотрѣть на красавца, все болѣе и болѣе настаивалъ, чтобы и онъ пѣлъ. Шаиры выходили изъ себя, но дѣло не шло на ладъ.

Однажды Ресуль, подавленный неудачами въ жизни, задремалъ. Вдругъ передъ нимъ предсталъ Хыдыръильязъ (св. Георгій) съ золотымъ стаканчикомъ и, показавъ портретъ молодой прелестной дѣвушки, заставилъ выпить изъ стакана напитокъ любви. Затѣмъ, даря молодому человеку кубокъ, сказалъ: „дѣвушку эту

*) Пѣсенники—бадалаичники.

***) Всѣ эти пѣсни въ оригиналѣ рижованы.

ты найдешь въ Тифлисѣ, имя ея Шахсима; а твое отнынѣ будетъ Ашикъ Гарибъ“. Сказавъ эти слова, святой скрылся. Пробудившись, Ресуль увидѣлъ около себя золотой кубокъ.

Такой точно сонъ и такой-то точно кубокъ въ тотъ же день поданъ былъ Хыдыръильязомъ и прекрасной Шахсима въ Тифлисѣ. Дѣвушка эта сейчасъ же почувствовала ужасное влеченіе къ Ашикъ Гарибу.

Чѣмъ больше Ресуль старался увѣрить себя въ несбыточности сновидѣній, тѣмъ больше на него дѣйствовалъ напитокъ любви. Не зная, какъ излить свои чувства, онъ какъ-то случайно взялъ въ руки не слушавшій его раньше сазъ и вдругъ запѣлъ такимъ звучнымъ и чуднымъ голосомъ, что всѣ бывшіе въ сосѣднихъ комнатахъ притаили дыханіе и начали трепетать отъ удовольствія. Ресуль запѣлъ слѣдующее:

„То чего я просилъ отъ Бога
То принеси мнѣ Хыдыръильязъ!
Ахъ, съ юности я испыталъ многое
И Богъ вѣдаетъ, что будетъ потомъ?
Наполни меня святой напитокомъ любви
И отерылъ образъ красоты.
Являлись ко мнѣ многіе друзья,
Чтобы подружиться съ моимъ наслѣдствомъ
И лишили меня послѣдней монеты,
Взамѣнъ богатства святыне дали мнѣ другой даръ
И отверзли очи любви и нѣгу сердца.
Многихъ мастеровъ я обошелъ съ желаніемъ учиться,
Но ни одинъ изъ нихъ не пожалѣлъ меня.
Теперь же я, какъ ничтожный соловей, нашель розу
И не перестану воспѣвать ея красоту.“

Народъ закричалъ отъ радости и началъ привѣтствовать милого пѣвца. Изумленные шаиры не знали, что и думать. Когда смолкли радостные крики, они взялись было по обыкновенію за свои сазы, но ихъ никто не хотѣлъ болѣе слушать и всѣ поуходили изъ кофейни.

— Э, братъ, плохо наше дѣло—сказалъ шаиръ другу своему. Намъ придется выпроводить этого Ашика *) отсюда, иначе мы останемся безъ хлѣба. Эти влюбленные точно поютъ подъ шопоть веселыхъ перн и чаруютъ добрыхъ людей.

Въ тотъ же вечеръ оба музыканта начали возносить талантъ Ресуля и увѣрять его, что такіе, какъ онъ пѣвцы высоко цѣнятся въ Тифлисѣ и имъ платятъ слушатели за всякую импровизацію по червонцу.

— Я охотно пошелъ бы туда, но у меня мать и сестра—отвѣчала онъ.

— Возьми и ихъ съ собою. Онѣ будутъ сберегать твои заработки. Мы также думаемъ переѣхать туда.

— Если вы пойдете—отвѣчала Ашикъ—то я охотно послѣдую за вами.

*) Влюбленнаго. Гарибъ въ переводѣ значить бѣдный. Такимъ образомъ Ашикъ Гарибъ значить бѣдный влюбленный.

Поэты переглянулись и уверили молодого человека, что к завтрашнему дню они соберутся в дорогу.

Ресуль с радостью побуждал к матери, чтобы уговорить ее следовать за ним в столицу Кавказа. Не будучи уверен в силе простых слов, юноша стал перед матерью и ударив по струнам балалайки, запел жалобным голосом:

„Безумно я полюбил твою невестку
И убежден, что найду ее в Тифлисе.
Это крайне необходимо для меня.
О, мать не забывай меня в молитвах!
Красавица моя живет в Тифлисе,
А я так страдаю и мучусь вдали,
Что другие не постигнуть моих мучений.
О, мать я собрался уже в дорогу,
Так как любовь сковала мои виски
И безжалостно выжимает слезы из глаз.
В сердце моем такой пылает огонь,
Что ни дерево, ни камень не выдержать его!
Ох, мать, это место мне кажется пустыней,
Я должен идти в Тифлисе!“

Нужная мать поняла значение этой песни и поспешила заявить, что она готова следовать за ним. Ашик Гариб снова запел:

„Только вчера я узнал ее в свидании
Она хороша, как луна на небе.
Ах, любовь, пощади меня!
Она безподобна на портрете,
Волосы спадают до пяток,
А в руках сияет чаша золотая.
Счастливы Ресуль с своим бокалом,
Но любовь его ужасно терзает!“

На следующий день, Ашик Гариб с матерью и сестрой вышли из Тебриса и после продолжительной ходьбы остановились поджидать шаирав, назначивших место встречи. Но последние не являлись. Ресуль понял, что его обманули, но так как его тянуло к Шахсиму, то он решил и без них следовать вперед. После ходьбы, продолжавшейся несколько часов, на несчастных пешеходов полил дождь. Скрыться в степи не представлялось возможности. Женщины завопили. К счастью их догнал обширный караван, хозяин которого, узнав, что Ашик Гариб сына обогатившего его купца, немедленно распорядился посадить их на мулов и прикрыть зонтиками. Благодаря этому доброму человеку, Ресуль с матерью и сестрой отлично кормились и благополучно достигли до столицы Кавказа.

— Ну, теперь вы можете идти, куда предполагаете — сказали хозяин каравана — а я намерен идти дальше.

Ресуль поблагодарил купца и вошел в город, оставив мать и сестру у дверей мечети, а сам пошел искать приюта. Прошел несколько кварталов, он увидел одного богато одетого человека, важно сидевшего у дверей своего большого дома. Ашик Гариб начал просить его принять их на ночлег, но

богачъ не удостоилъ его даже отвѣтомъ. Опечаленный Гарибъ въ предположеніи тронуть его своимъ голосомъ заплѣлъ:

„Моя добрая мать съ молодою сестрою
Стоять у дверей мечети и ждутъ пріюта.
Въ мукахъ безизвѣстности имъ день не день,
Ночь не ночь. Ты знаешь сердце бѣдныхъ!
Богъ накажетъ безжалостныхъ людей,
Если старуха умретъ у дверей молитвы.
Я также былъ богатъ, но всего лишился
И теперь живу во мракѣ скорби.
Ой, пожалѣй старуху у дверей мечети!
Она дрожитъ подъ каплями дождя
И ждетъ, чтобы я возвратился за нею.
Ахъ, прими насъ поскорѣй подъ кровлю дома твоего!“

На восхитительные звуки голоса Ашика сбѣжалась цѣлая толпа молодыхъ людей и ожидала, что отвѣтитъ богатый купецъ, но онъ по прежнему не прерывалъ молчанія. Ресуль опечалился и рѣшился обратиться къ молодежи:

„Не я причиною моихъ неудачъ,
Такъ пожалѣйте хоть вы меня!
Изъ глазъ моихъ капаютъ слезы,
А мать стоитъ подъ мечетью.
Этотъ богачъ думаетъ о раѣ,
Но слезы другихъ преградятъ ему путь.“

Тронутые его печальнымъ голосомъ молодые люди напали на богача и требовали, чтобы онъ пріютилъ бѣдныхъ людей. На ихъ шумъ выбѣжали и сосѣди. Но купецъ оставался неумолимымъ до того времени, пока одинъ изъ молодцовъ обнажилъ саблю и, подошедъ къ нему, сказалъ во всеуслышаніе:

— Джигиты, клянусь вамъ пророкомъ, что тотъ, который убьетъ такого безжалостнаго человѣка, непременно будетъ сопричисленъ къ лику святыхъ газы *). Я рѣшился обезглавить этого злодѣя.

Богачъ струсилъ и началъ просить не трогать его. Тогда молодые люди послали за матерью и сестрою Ашикъ Гариба и насильно ввели ихъ въ домъ скупаго человѣка.

Предъ вечеромъ Ресуль, узнавъ, что въ кофейнѣ достопочтеннаго Магмута останавливаются всѣ знаменитые шайры и восхищаются импровизаціями своими тифлискихъ жителей, взялъ свой сазъ и направился туда.

— Съ пріѣздомъ, милости просимъ—сказалъ ему Шайръ-баши, указывая мѣсто около себя. Откуда ты и какой твой городъ?

Ашикъ Гарибъ положилъ свой сазъ на колѣни и заплѣлъ:

„Вы хотите знать, откуда я пришелъ?
Слушайте же описаніе Тебриса.
Весною въ немъ цвѣтутъ всѣ сорта розъ,
Въ дни байрама всѣ женщины въ атласѣ
И одежда зеленая тамъ не знаетъ порчи.
Окрестности Тебриса въ лѣсахъ,
А жители безъ исключенія беки и паши!

*) Мучениковъ за вѣру.

Въ немъ восемь тысячъ предмѣстій
И въ каждомъ по 4 тысячи угловъ.
На рынкахъ его фонтаны и ручьи,
Вездѣ увидишь славныхъ пеливановъ *)
Въ блестящихъ масляныхъ одеждахъ!
Туда собираются со всего міра купцы,
Чтобы насладиться пирами.
Тамъ каждый торгашъ въ день отправляетъ
Триста шестьдесятъ вьюковъ товару,
Который перекидывается изъ рукъ въ руки
И расходится во всѣ концы міра.
Таковъ мой городъ, славный Тебрисъ!“

Надо знать, что противъ кофейни Магмута находился домъ богатѣйшаго кушча съ единственною дочерью, тою Шахсимае, портретъ которой поразилъ бѣднаго Ресуля. Дѣвушка эта, пока пѣлъ молодой человекъ, сидѣла у окна и съ замираніемъ сердца прислушивалась къ каждому слову своего суженаго.

— Браво, машь Алла, машь Алла! закричали всѣ слушавшіе Ашика и начали просить, чтобы онъ пропѣлъ еще что-нибудь.

Ресуль положилъ снова пальцы на металлическія струны и запѣлъ болѣе сильнымъ голосомъ:

„Бѣлый хлопокъ даетъ намъ Индія,
Рисомъ и пшеницею кормить земля;
Овцами снабжаетъ Муханъ,
А медомъ Гурджистанъ.
Шербетомъ любви только поить
Одинъ могущій Хыдыръильязъ!
Тотъ, кто испилъ его чашу до дна,
Тому имя Ашикъ Гарибъ!“

Услышавъ эти послѣднія слова, Шахсимае позвала служанку свою и сказала ей:

— Дорогая моя Гумышь! Тамъ, въ кофейнѣ Магмута кто-то поетъ такимъ голосомъ, что прожогъ мнѣ сердце. Поди и узнай его имя и откуда онъ родомъ.

Одновременно въ кофейню прибѣжалъ и важный гражданинъ Тифлиса Синанъ, чтобы взглянуть на небывалаго еще импровизатора. Цѣлуя его въ оба глаза, онъ предложилъ ему горсть червонцевъ, обѣщавъ выдать за него дочь свою или кормить всю жизнь, если онъ поселится около него съ условіемъ хоть разъ въ недѣлю пѣть передъ нимъ.

— Я могу принять отъ тебя только послѣднее предложеніе— отвѣчалъ Гарибъ—но у меня есть мать и сестра, которымъ нельзя жить безъ меня.

— Пусть и онѣ живутъ съ тобою въ моемъ домѣ—сказалъ Синанъ. Я настолько богатъ, что могу и сотню человекъ прокормить.

Приглашеніе это было вѣстать, потому что Ашикъ Гарибъ до того понравился хозяйкѣ, въ домѣ которой онъ поселился, что

*) Борцы.

приходилось или сдѣлаться преступникомъ противъ заповѣдей Божіихъ или бросать мать и сестру на произволь судьбы и поселиться въ кофейнѣ Магмута.

Въ тотъ же вечеръ Ашикъ Гарибъ, повѣсивъ свой сазъ гораздо выше балалаекъ старыхъ композиторовъ съ цѣлью показать свое преимущество предъ ними, возвратился къ роднымъ и перевелъ ихъ къ гостепріимному Синану.

На слѣдующій день Ресуль вновь явился въ кофейню, гдѣ съ нетерпѣніемъ и ожесточеніемъ ожидали его шаиры.

— Другъ мой—сказалъ шаиръ-баши—потрудись объясниться публично, по какому праву ты позволилъ себѣ повѣсить свой сазъ выше нашихъ? Сдѣлалъ ли ты это по ошибкѣ или съ сознаниемъ своего преимущества надъ нами?

— Я хотѣлъ было разбить въ дребезги твой инструментъ, но рѣшился предварительно выслушать твое объясненіе.

Ашикъ Гарибъ снялъ свою балалайку и, положивъ пальцы на струны, отвѣчалъ:

— Я не намѣренъ объясняться предъ тобою, шаиръ-баши, но пусть люди сторонніе рѣшатъ, кто изъ насъ имѣетъ преимущества—и онъ запѣлъ такимъ восхитительнымъ голосомъ, что всѣ слушатели боялись громко дышать.

Окончивши импровизацію въ риемахъ, юноша положилъ передъ шаирами свой сазъ и сказалъ: „если вы отвѣтите мнѣ лучшими стихами, то будете имѣть право разбить мой инструментъ.“

Шаиры начали напрягать свои способности, но къ несчастію ничего не могли придумать въ отвѣтъ импровизаціи Ашикъ Гариба.

Публика пришла въ восторгъ и провозгласила молодого человѣка шаиръ-башіемъ.

Два дня спустя Ресуль подошелъ къ бассейну воды, чтобы полюбоваться его красотою, какъ вдругъ съ удивленіемъ отшатнулся назадъ. Въ водѣ онъ увидѣлъ портретъ той самой Шахсиме, которую ему показалъ Хыдыръильязъ. Поднявъ глаза, молодой человѣкъ вскрикнулъ и запѣлъ. На этотъ разъ изъ устъ его вылетали брилліанты въ честь красоты несравненной дѣвушки.

Шахсиме отвѣтила ему нѣсколькими словами, изъ которыхъ Ашикъ Гарибъ понялъ, что и она его любитъ и будетъ ждать свавъ.

Вечеромъ молодой человѣкъ пришелъ къ матери своей и объявилъ ей, что онъ нашелъ суженую и успѣлъ переговорить съ нею.

— Теперь ты должна идти къ родителямъ Шахсиме и просить ихъ выдать ее замужъ за меня—сказалъ Гарибъ.

Старуха, узнавъ, гдѣ живетъ красавица, сейчасъ же набросила на голову покрывало и вышла со двора. Нѣсколько часовъ спустя она возвратилась и объявила сыну, что родители Шахсиме охотно изъявляютъ свое согласіе, но требуютъ ~~калымъ~~ въ 40 кошельковъ золота.

Слова эти заставили Гариба тяжело вздохнуть.

— Бѣдняжка у тебя нѣтъ ничего—сказала мать съ слезами на глазахъ.

— О чемъ это ты опечалился? спросилъ Синавъ, обращаясь къ Ашику.

— Мнѣ не о чемъ веселиться, добрый хозяинъ. Видно я родился въ несчастную минуту.

Старуха рассказала причину грусти сына.

— Ну, о такихъ пустякахъ не стоитъ грустить—отвѣчалъ Синавъ—я съ большимъ удовольствіемъ подарю тебѣ эту сумму денегъ хоть сейчасъ.

Бѣдная мать просіяла отъ радости, въ надеждахъ видѣть сына счастливымъ и начала благодарить добраго гражданина.

— Нѣтъ—отвѣчалъ Ашикъ Гарибъ—я никогда не рѣшусь жениться на счетъ чужихъ. Спасибо тебѣ, благодѣтель нашъ, и за то, что ты далъ намъ мѣсто подъ кровлею своею.

— Какъ же ты сдѣлаешь, сынъ мой, чтобы достигъ желанія? спросила мать.

— Я пойду на заработки и надѣюсь пріобрѣсти эти деньги собственными трудами.

На слѣдующій день Ресуль простился со всѣми и, повѣсивъ свой сазъ на стѣнѣ, сказалъ матери:

— Не скорби за мною, если не будешь долго имѣть вѣсти. Если же одна изъ струнъ моей балалайки сама по себѣ лопнетъ, тогда только знай, что я умеръ.

Затѣмъ онъ подошелъ къ окну Шахсима и по обыкновенію зашѣлъ:

„Съ той минуты, какъ я увидѣлъ тебя,
Красавица, надъ красавицами,
Во мнѣ не осталось ни воли, ни ума,
А сердце бѣдное какъ воскъ растаяло.
Я ухожу съ клятвою не измѣнить тебѣ
И хотѣлъ бы узнать, поклонешься ли и ты
Любить несчастнаго человѣка,
Хотя на извѣстный срокъ.“

Пропѣвъ эту импровизацію, Гарибъ, сокрушенный грустью присѣлъ подъ деревомъ и заснулъ. Между тѣмъ Шахсима приказала любимой служанкѣ своей извѣстить друга, что она сейчасъ сойдетъ къ нему.

Гумышъ незамедлила выйти къ Гарибу и нашла его спящимъ. Пожалѣвъ будить его толчками, она зашѣла:

„Госпожа моя сейчасъ сойдетъ:
Проснись, охотникъ, проснись,
Твоя добыча идетъ!
Красота ея затмила міръ;
Проснись, охотникъ, проснись,
Твоя добыча идетъ!
Черные локоны ея вьются по щекамъ,
Глаза полны отрады;
Проснись, охотникъ, проснись

Твоя добыча идетъ!
Ея ручки и ножки въ кнѣ сияютъ *),
На грудяхъ точно два перла горятъ;
Проснись, охотникъ, проснись
Твоя добыча идетъ!
На троттуарѣ изъ мелкихъ камней
Красавица слезы пролетѣтъ напрасно;
Проснись, охотникъ, проснись
Твоя добыча идетъ!
Вотъ уже она показалась
И сейчасъ будетъ около тебя:
Проснись, охотникъ, проснись
Твоя добыча идетъ! и проч.

Ашикъ Гарибъ не шевелился. Между тѣмъ красавица подошла къ нему, постояла и, пропѣвъ въ свою очередь, вынуждена была возвратиться. Ресуль проснулся только тогда, когда она была далеко отъ него. Молодой человѣкъ, ударивъ себя по головѣ, заплѣлъ:

„Что за несчастіе меня постигло?
Милая была около меня,
А я въ сладкомъ сновидѣніи
Лежалъ, какъ мертвецъ!“

И онъ горько заплакалъ. Шахсима не выдержала и бросилась къ нему на шею.

— Милый мой—сказала она—я принесла тебѣ ту сумму денегъ, которую требуетъ отъ тебя отецъ мой въ калымъ. На, возьми ихъ и внеси поскорѣе, чтобы началась наша свадьба—и она поднесла ему золото.

— Нѣтъ, Шахсима, я никогда не рѣшусь жениться на чужія деньги. Это отравить мои сладкія чувства и вмѣсто блаженныхъ дней я буду носить тяжелый камень на душѣ. Повѣрь, что я говорю тебѣ правду и поклянись мнѣ, что ты не выйдешь замужъ ни за кого другаго, пока я не возвращусь или пока мать моя не извѣститъ тебя о моей смерти. Я хочу самъ заработать деньги и наслаждаться моею жизнію въ полномъ смыслѣ слова. Я знаю, что деньги эти не легко и не скоро достанутся мнѣ, но надѣюсь, что чрезъ семь лѣтъ мои страданія вознаградятся.

— Хорошо, я изъявляю согласіе—отвѣчала Шахсима. Но помни, что во все время твоего отсутствія я буду больна и никто не излечитъ меня кромѣ Ашикъ Гариба. О, не лучше ли намъ теперь соединиться?

Семь лѣтъ составляютъ цѣлую жизнь для нѣкоторыхъ людей и притомъ дороги жизни могутъ представить тебѣ много соблазновъ.

Шахсима начала выражать свои чувства и страхъ въ пѣсняхъ. Гарибъ отвѣчалъ ей тѣмъ же. Въ заключеніе она потребовала отъ него, чтобы онъ не заходилъ только въ Грецію, гдѣ противъ красоты женщинъ не устоитъ ни одинъ мужчина. Послѣ чего Ре-

*) Кна есть краска, которою красятъ на востокѣ оконечности пальцевъ.

суть оставилъ ей на всякій случай чашу, данную ему Хыдыръ-ильязомъ, а она для сбереженія его чести вручила свою ночную сорочку.

Нѣжные любовники разстались, рыдая, какъ дѣти.

Ашикъ Гарибъ вышелъ изъ Тифлиса и направился къ берегамъ Чернаго моря. Здѣсь онъ сѣлъ на корабль и поплылъ въ Константинополь, но такъ какъ въ этомъ городѣ не нашель выгодныхъ занятій, отправился дальше и прибылъ въ великолѣпный Алеппо, гдѣ высоко цѣнились поэты и импровизаторы пѣсней. Зашедъ въ одну кофейню, молодой человѣкъ потребовалъ чашку кофе и, узнавъ отъ хозяина ея, Арсланъ-деде, что онъ не выручаетъ никакой пользы, юноша заплатилъ ему за угощеніе червонецъ и предложилъ себя въ товарищи.

— Насъ и безъ того девять человѣкъ—отвѣчалъ Арсланъ-деде.

— Ну, такъ я буду десятый. Авось счастье ваше измѣнится.

— Пожалуй, будь и ты съ нами—согласился торговецъ.

Ашикъ Гарибъ въ тотъ же день убралъ и очистилъ отъ сора и грязи кофейню, купилъ нѣсколько окъ самого лучшаго эменскаго кофе, самъ научилъ хаведжія, какъ слѣдуетъ варить этотъ напитокъ, чтобы обратить вниманіе знатоковъ, купилъ себѣ новый сазъ и началъ распѣвать пѣсни.

Чудный голосъ его сначала останавливалъ проходящихъ, но потомъ началъ заманивать. Кофейня набилась биткомъ народомъ и торговля оказалась баснословною, потому что богатые расплачивались чрезвычайно щедро. Съ этого дня всѣ 9 товарищей переселились въ заведеніе свое и съ благоговѣніемъ служили пришельцу, предоставлявшему имъ превосходныя выгоды.

Нѣсколько времени спустя слава Ашикъ Гароба распространилась по всему городу. Шайры лучшихъ кофейнь возроптали и начали кляузничать: Заинтересованный искусствомъ и талантомъ пришельца городской паша послалъ своего довѣреннаго послушать Ашика и затѣмъ свести съ его шапромъ въ состязаніе.

Довѣренный донесъ, что молодой человѣкъ неподражаемъ ни въ голосѣ, ни въ способностяхъ импровизаціи и что всѣ алеппскіе шайры не въ состояніи были даже придумать отвѣта на заданныя Гарибомъ рѣшѣнные вопросы.

— Приведите его ко мнѣ—приказалъ паша. Я хочу самъ удостовѣриться въ вашихъ словахъ.

Когда явился Ашикъ передъ могущественнымъ человѣкомъ и поцѣловалъ его фадлу кафтана, паша предложилъ ему свой дорогой сазъ и потребовалъ, чтобы онъ показалъ свое искусство.

Молодой человѣкъ не заставилъ повторить приказаніе. Быстро настроивъ инструментъ, онъ началъ пѣть про красоту Шахсима и свою печальную участь. Хвала эта такъ была хорошо выяснена, что, гостившій у паши племянникъ, Шахвалетъ заочно влюбился въ таинственную красавицу Тифлиса и поклялся во чтобы ни стало отыскать ее и сдѣлать своею женою.

Паша-же до того прельстился голосомъ Гароба, что предло-

жилъ ему бросить кофейню и жить у него на хорошемъ жалованьи. Когда Ашикъ согласился на это, мудрый правитель, сознавая, что такіе пѣвцы создаются только отъ послѣдствія сильной, неудавшейся любви, спросилъ;

— Скажи мнѣ, не, влюбленъ-ли ты или не тоскуеть-ли сердце твое о комъ-нибудь?

Ашикъ Гарибъ и на этотъ вопросъ отвѣчалъ ему отлично сложенною пѣсней, что онъ одинокъ въ мірѣ и не имѣетъ никого близкаго сердцу.

Прошло два-три дня, въ теченіи которыхъ хитрый Шахвалетъ старался окольными путями узнать отъ Ресуля имя воспѣваемой имъ красавицы, но не достигнувъ цѣли, собрался самъ ѣхать въ Тифлисъ.

— Не имѣешь-ли ты кому послать поклона? обратился онъ къ пѣвцу.—я завтра ѣду въ Тифлисъ.

— У меня тамъ мать съ сестрою—отвѣчалъ молодой человѣкъ—и я радъ-бы послать имъ извѣстіе о себѣ.

— Зачѣмъ-же дѣло стало. Напиши письмо, а я непременно доставлю имъ svoеручно.

Ашикъ Гарибъ, не подозрѣвая никакого умысла со стороны племянника паши, побѣжалъ въ комнату свою, написалъ длинное письмо матери и невѣстѣ и, запечатавъ его семью печатами, передалъ Шахвалету.

Не довольствуясь этимъ, Шахвалетъ рѣшился похитить у Гариба его рубаху и въ томъ числѣ и сорочку Шахсима, которая попала къ нему подъ руку и въ тотъ-же день выѣхалъ.

Много времени прошло, пока онъ достигъ Тифлиса. Ашикъ Гарибъ продолжалъ заботливо трудиться и собирать деньги, которыхъ не жалѣлъ давать ему паша. Въ предположеніи, что онъ можетъ собрать въ теченіи остающагося срока въ десять разъ больше, чѣмъ нужно золота, пѣвецъ началъ приобрѣтать самыя лучшія вещи въ подарокъ Шахсиму.

Тѣмъ временемъ Шахвалетъ, вскрывшій на дорогѣ письмо Ашикъ Гариба и, узнавъ имя красавицы со всѣми подробностями ихъ договора, до вѣзда въ Тифлисъ замаралъ рубаху пѣвца въ воловьей крови и задумалъ отправить ее къ матери Ресуля съ другою сорочкою, какъ доказательство смерти сына ея. Прибывъ въ столицу Кавказа, онъ на другой-же день явился къ старухѣ и, вручая ей одежды сына, заплакалъ. Злому человѣку не трудно было выдумать ужасныя небылицы, чтобы увѣрить несчастную мать, забывшую о томъ, что Гарибъ поручилъ ей слѣдить за струнами его балалайки.

Мать залилась слезами и съ этого ужаснаго дня глаза ея не высохали отъ слезъ. Въ заключеніе бѣдная старуха ослѣпла.

— Дочь моя—однажды сказала мать—намъ необходимо извѣстить Шахсиму о нашемъ общемъ несчастіи. Пусть и она освободится отъ обязательства ожидать того, который не возвратится болѣе.

Дѣвушка набросила на голову чадру и, захвативъ узанную сорочку, вышла со двора. Вступивъ въ комнату невѣсты брата, она бросилась къ ней на шею и зарыдала.

— Моего брата растерзали тигры на дорогѣ—съ трудомъ проговорила она—и вотъ тебѣ твой даръ въ доказательство ужаснаго событія—и она подала молодой хозяйкѣ ея сорочку.

Шахсиме поблѣднѣла и тихо спросила, кто привезъ эту печальную вѣсть.

— Я не знаю этого человѣка по имени, но мнѣ показалось, что я его сейчасъ только видѣла съ твоимъ отцемъ на дворѣ.

— А, теперь я спокойна—отвѣчала Шахсиме. Если только эту вѣсть привезъ Шахвалетъ, то это выдумка, чтобы скорѣе убѣдить меня выйти за него замужъ. Повѣрь мнѣ, сестра моя, что нашъ Ресуль живъ и это я узнаю скоро. Не печалься милая.

— Мать моя считаетъ васъ теперь свободною отъ клятвы.

— Такъ полагаетъ твоя добрая мать, но ты передай ей, что пока не исполнится ровно семь лѣтъ, я не перестану думать объ Ашикъ-Гарибѣ и ожидать его возвращенія.

Какъ только дѣвушки разстались, Шахсиме позвала свою преданную Гумышъ и сказала ей:

— Этотъ негодяй Шахвалетъ такъ сблизился съ отцомъ моимъ и такъ понравился старику, что онъ безпрестанно требуетъ моего согласія на выходъ за него замужъ. Этого мало: хитрый человѣкъ, Богъ вѣсть, какими путями похитилъ у друга моего мою и его сорочку и привезъ ихъ, какъ доказательства смерти бѣднаго Ашикъ Гариба. Теперь мнѣ приходится поневолѣ принять какія-нибудь мѣры, чтобы облегчить страданія моей несчастной тещи, которая потеряла уже зрѣніе и навѣрно умретъ отъ горя, если мы не обнаружимъ подлости Шахвалета.

— Что-же ты намѣрена сдѣлать? спросила Гумышъ.

— Мнѣ необходимо найти такого человѣка, который согласился-бы поѣхать и узнать, живъ-ли мой дорогой Ашикъ.

— Я знаю одного пожилаго человѣка, которому извѣстенъ весь міръ. Авось онъ согласится за деньги потрудиться для насъ.

— Бѣги къ нему и скажи, что я не пожалѣю ничего, если отыщешь моего друга.

Гумышъ исчезла, а часъ спустя возвратилась съ однимъ изъ руководителей каравановъ.

— О, достопочтенный караванъ—баши—сказала Шахсиме—мнѣ крайне необходимо отыскать моего жениха Ашибъ Гариба, который неизвѣстно куда ушолъ съ общаніемъ возвратиться чрезъ семь лѣтъ. Срокъ этотъ еще не истекъ, но къ отцу моему явился молодой человѣкъ съ сомнительными доказательствами, что женихъ мой умеръ и настолько обворожилъ старика, что онъ настаиваетъ на выходѣ моемъ замужъ за него.

Понялъ, красавица, но какимъ образомъ я могу узнать Ашикъ Гариба?

— Прежде всего онъ отличается своимъ голосомъ и наружною

красотою, но если этого недостаточно, то вот тебѣ оставленный имъ мнѣ на память золотой кубокъ, который онъ узнаетъ, если ты будешь держать его въ рукахъ или еще лучше, если станешь на многлюдныхъ площадяхъ угощать всѣхъ жаждующихъ. Последнее будетъ болѣе цѣлесообразно, потому что всѣ станутъ разсказывать о золотой чашѣ и Ашикъ Гарибъ навѣрно поинтересуется узнать, что ты за исключительный иностранецъ.

— Совѣтъ твой, Шахсима, очень разуменъ и я испробую его, если только не достигну цѣли естественнымъ путемъ. Когда ты желаешь, чтобы я пустился въ дорогу?

— Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Сказавъ что, дѣвушка подала караванъ—башю полный кисетъ червонцевъ. Ты получишь отъ меня еще столько—же, когда привезешь добрую вѣсть.

Караванъ—баша поблагодарилъ щедрую красавицу и въ тотъ-же день направился въ большіе торговые города. Три мѣсяца онъ переѣзжалъ безъ усталы изъ государства въ государство, изъ столицы въ столицу, но увы нигдѣ не могъ ничего узнать объ Ашикъ Гарибѣ. Наконецъ онъ направился въ многлюдный городъ Алеппо. Послѣ долгой ѣзды несчастный странникъ заболѣлъ и вынужденъ былъ пролежать нѣсколько дней, пока возвратились его силы. Вставши съ постели, онъ кое-какъ добрался до большой алеппской площади и, видя борьбу мальчиговъ, остановился. Внимание его сосредоточилось на крошечномъ мальчуганѣ, который пересилилъ всѣхъ товарищей своихъ.

— Ай да молодецъ, не смотря, что малъ ростомъ—сказалъ Караванъ—баша.

— Чтожь, что малъ? вскрикнулъ мальчикъ—и Ашикъ Гарибъ не выше другихъ, однако въ цѣломъ Алеппо не найдется лучшаго пѣвца.

— А развѣ ты знаешь Ашикъ Гариба?

— Кто-же не знаетъ его у насъ? Спроси и у грудныхъ дѣтей и они укажутъ тебѣ его издали.

— Гдѣ-же онъ живетъ?

— Неужели ты не знаешь, что онъ живетъ въ дворцѣ съ папою нашимъ?

Конечно, этого было достаточно Караванъ—башю, чтобы отыскать молодаго челоуѣка и, подавая ему его бокаль, передать причины, побудившія прекрасную Шахсима отыскать его.

Ашикъ Гарибъ, тронутый до глубины души такою вѣрностію и горячимъ участіемъ невѣсты, запѣлъ такимъ болѣзненнымъ голосомъ, что паша невольно вскочилъ съ мѣста и приближалъ узнать, что совершилось съ его любимцемъ. Увидѣвъ чужестранца обѣло плачущаго Гариба, мудрый правитель спросилъ его: кто онъ и зачѣмъ явился въ Алеппо?

— Я прибылъ, эфенди, изъ Тифлиса. Вотъ ужъ четыре мѣсяца, какъ меня послали отыскать этого бѣдняка, чтобы утѣшить ослѣпшую отъ слезъ мать и отчаявшуюся невѣсту, которымъ свазали злые люди, что Ашикъ Гарибъ растерзанъ звѣрями.

— Какъ развѣ у него есть мать и невѣста? вскрикнулъ паша, обращаясь къ пѣвцу. Отчего-же ты несчастный скрылъ это отъ меня? Не я ль допрашивалъ тебя съ тѣмъ, чтобы озариться о нихъ?

— Я боялся злоупотреблять твоими милостями—отвѣчалъ Ресуль.

— Чѣмъ-же ты кончилъ? Твоя мать ослѣпла, а невѣста быть можетъ выдана за другаго замужъ?

— Моя невѣста не измѣнитъ клятвѣ своей въ теченіи семи лѣтъ.

— А сколько прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ вы разстались? Ашикъ Гарибъ началъ считать и вдругъ поблѣднѣлъ. По счету его оказалось, что семь лѣтъ окончатся чрезъ 20-ть дней.

— Какой-же ты безпечный человѣкъ! вскрикнулъ паша. Развѣ возможно въ такой ничтожный срокъ доѣхать до Тифлиса? Несчастный, ты погибнешь, если только не выѣдешь и не будешь каждый день перемѣнять лошадей.

— Я готовъ выѣхать, если на это послѣдуетъ твое милостивое согласіе.

— Эй, люди! крикнулъ паша—приготовьте немедленно лучшую изъ моихъ лошадей и проводите любимца моего до перваго города по направленію къ Кавказу. Сказавъ это, паша вышелъ, чтобы сложить въ саквы Гариба слѣдующее ему золото.

Часъ спустя Ашикъ Гарибъ былъ уже далеко отъ Алеппо. Сильный конь его, не смотря на большую тяжесть червонцевъ и другихъ приготовленныхъ пѣвцомъ подарковъ для невѣсты, шелъ очень скоро.

Десять дней ѣхалъ Ресуль безъ отдыха, но увы не проѣхалъ и третьей доли пространства, отдѣлявшаго Алеппо отъ Тифлиса. Наконецъ онъ очутился у большой рѣки, чрезъ которую нельзя было переѣхать. Пришлось выжидать случая, но какъ на зло на рѣкѣ не показывалось ни судна, ни лодки. Прошло еще пять дней.

— Ну, теперь все пропало! сказалъ съ отчаяніемъ Гарибъ. Я теперь и на крыльяхъ птицы не успѣю долетѣть къ Шахсиму въ урочный часъ. У молодого человѣка полились слезы.

Какъ вдругъ предъ нимъ очутился прекрасный юноша на бѣломъ конѣ съ длиннымъ копьемъ и спросилъ, о чемъ онъ тоскуетъ.

— Мнѣ надо быть сегодня въ Арзерумъ — сказалъ онъ — а я застрялъ здѣсь и не могу переправиться чрезъ рѣчку.

— Ну, это не большая бѣда: положи ко мнѣ на лошадь твои пожитки, садись на нихъ и закрой глаза. Я въ одинъ мигъ доставлю тебя въ Арзерумъ.

Ашикъ Гарибъ безъ разсужденія воспользовался предложеніемъ добраго юноши и, дѣйствительно, чрезъ минуту очутился у воротъ Арзерума.

„Отчего я не сказалъ ему, что мнѣ необходимо быть въ Карсѣ? подумалъ Гарибъ — все было бы ближе къ Тифлису — и пѣвецъ

снова началъ сокрушаться въ убѣжденіи, что не доѣдетъ въ срокъ.

Верховой вновь очутился около него.

— Ты опять о чемъ-то тоскуешь? спросилъ онъ заботливо.

— Извини меня, добрый человѣкъ: у меня не достало смѣлости сказать, что я долженъ былъ быть сегодня въ Карсѣ.

— Напрасно ты скрылъ это отъ меня. Впрочемъ, пока я здѣсь, это не трудно исправить. Садись опять и закрой глаза.

Черезъ минуту Ашикъ очутился передъ Карсомъ, но лишь только скрылся чудный всадникъ, онъ опять началъ плакать въ сознаніи, что не доѣдетъ до Тифлиса за четыре дня. Скорбь его еще болѣе увеличилась, когда онъ не могъ найти хорошаго коня.

— Ты опять плачешь? вдругъ раздался позади его голосъ всадника съ копьемъ.

— О, прекрасный юноша—отвѣчалъ пѣвецъ—я и въ послѣдній разъ обманулъ тебя изъ нежеланія затруднить тебя и твоего коня. Мнѣ необходимо быть въ Тифлисѣ.

— Ну, нечего дѣлать я и на этотъ разъ извиняю тебя. Садись снова и закрой глаза.

Ашикъ Гарибъ воспользовался такимъ нечаяннымъ счастіемъ и, дѣйствительно, очутился у воротъ столицы Кавказа. Онъ хотѣлъ броситься къ ногамъ таинственнаго всадника, но послѣдній остановилъ его и сказалъ:

— Не смотря на то, что ты два раза обманулъ меня, я не желаю тебѣ зла. Знаешь ли ты, что мать твоя ослѣпла?

— Мнѣ говорили объ этомъ—отвѣчалъ съ удивленіемъ Ресуль.

— Тѣмъ лучше; такъ вотъ, что я тебѣ посоветую сдѣлать, чтобы возвратить ей зрѣніе. Возьми изъ подъ копыта лошади моей немного глины, размѣшай ее съ слюною и положи эту смѣсь на ея глаза. Сказавъ это, всадникъ исчезъ.

Тогда только пѣвецъ припомнилъ, что этотъ юноша имѣлъ большое сходство съ святымъ Хыдыръильязомъ.

Тѣмъ временемъ вѣзжала въ Тифлисъ пустая подвода, на которую Гарибъ сложилъ свои сокровища и доѣхалъ до кофейни, находящейся около квартиры матери. Сложивъ свое достояніе въ отдѣльной комнатѣ, молодой человѣкъ вышелъ на улицу и сѣлъ у фонтана. Нѣсколько минутъ спустя къ фонтану этому пришла съ сосудомъ его сестра, одѣтая въ черное платье. Гарибъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Что это значить, что всѣ городскія женщины сегодня въ праздничныхъ нарядахъ, а ты одна въ черномъ?

— Это потому, что у нихъ нѣтъ горя на душѣ, а я имѣла только одного брата, но и его разстерзали звѣри. Потерявъ его, я вдобавокъ теряю и невѣсту его, которую любила всѣмъ сердцемъ.

— Видно и она подвергнулась какому-нибудь несчастію? спросилъ Ашикъ Гарибъ.

— Я не знаю, какъ тебѣ сказать, но ты долженъ самъ понять. Эта дѣвушка до безумія любитъ брата моего и не хочетъ вѣрить,

что онъ умеръ, а отецъ ея между тѣмъ настаиваетъ, чтобы она вышла замужъ за другаго. Бѣдная Шахсима рветъ на себѣ волосы и со страхомъ ожидаетъ завтрашняго дня, съ котораго должна начаться ея свадьба. Завтра исполнится ровно 7 лѣтъ, какъ братъ мой ушелъ изъ Тифлиса, обѣщая ей непременно возвратиться къ исходу этого срока.

— Твой братъ не умеръ и напрасно Шахсима приходитъ въ отчаяніе — отвѣчалъ Гарибъ, стараясь измѣнить свой голосъ — я недавно видѣлъ его въ Карсѣ и онъ самъ мнѣ говорилъ, что спѣшитъ къ матери и невѣстѣ въ Тифлисъ и если онъ не пріѣхалъ еще, то, вѣроятно, пріѣдетъ на дняхъ.

— О, какое бы ты принесъ утѣшеніе несчастной матери моей — сказала дѣвушка, еслибъ лично потрудился сказать ей эти сладкія слова.

— Я охотно послѣдую за тобою — отвѣчалъ Ресуль и послѣдовалъ за сестрою.

Цѣлый часъ онъ убѣждалъ старуху, что сынъ ея живъ и навѣрно пріѣдетъ къ завтрашнему вечеру т. е. къ той минутѣ, когда наступитъ срокъ, установленный между нимъ и невѣстой; но старуха осталась при своемъ.

— Я даже нарочно зайду къ вамъ завтра — прибавилъ Ресуль — чтобы порадоваться съ вами.

— Подобныя утѣшительныя слова я слышала, сынъ мой, не отъ одного только тебя — сказала старуха со вздохомъ. Впрочемъ приходи, если не обманываешь слѣпую старуху.

На слѣдующій день предъ вечеромъ Ресуль вошелъ къ матери своей съ сакомъ, наполненнымъ червонцами.

— Вотъ видишь, сынъ мой — сказала старуха — Ресуля моего нѣтъ, а ты утѣшалъ меня.

— Твой Ресуль я — сказалъ Ашакъ Гарибъ и бросился къ ней на шею.

— Не правда, не правда — завопила старуха — ты вѣрно обманщикъ, сговорившійся съ моею дочерью, чтобы провести слѣпую мать.

Гарибъ придвинулъ къ ней червонцы и началъ приводить разныя доказательства изъ прошлой жизни, но и это не помогло. Тогда онъ поднялъ глаза къ мѣсту, гдѣ повѣсилъ свой настроенный сазъ, и хотѣлъ было прикоснуться къ его струнамъ, но старуха воспретила ему прикасаться къ инструменту дорогаго сына.

Пока происходила такая рода борьба между матерью и сыномъ, послышались звуки музыки и въ комнату вошла дочь хозяйки съ заявленіемъ, что началась свадьба Шахсима съ Шахвалетомъ.

— Слышишь — сказала слѣпая — а ты увѣряешь, что я твоя мать. Если бы возвратился мой Ресуль, развѣ онъ допустилъ бы свою возлюбленную выходить замужъ за ненавистнаго человѣка?

При этихъ словахъ молодая дѣвушка впервые подняла глаза на гостя и, вскрикнувъ отъ радости, бросилась къ нему на шею.

— Мама, твой сынъ сидитъ около тебя! вырвалось у ней съ языка.

Но старуха разразилась проклятіями.

Тогда Ашикъ Гарибъ вынулъ изъ кармана комокъ глины и, распустивъ его слюною, приложилъ къ потухшимъ глазамъ старухи, которая въ ту же минуту прозрѣла и, конечно, узнала своего милаго сына.

Послѣ обыкновенныхъ восторговъ Гарибъ обратился къ сестрѣ и сказалъ:

— Теперь поспѣшимъ къ Шахсиме, чтобы обрадовать и ее, но ты не говори ей ни слова до того времени, пока она не узнаетъ моего голоса или пѣсни, которую я постараюсь пропѣть громко.

Дѣвушка безотлагательно передѣлась въ цвѣтной нарядъ, а Ашикъ Гарибъ, захвативъ свой сазъ, вмѣстѣ отправились на свадебный пиръ.

— Не примите ли вы пѣвца для удовольствія гостей? сказалъ Ресуль распорядителю сватбы.

— Милости просимъ—отвѣчали ему—для такихъ людей всегда отворяются двери тамъ, гдѣ пируютъ.

Гарибъ вошелъ и занялъ мѣсто у дверей комнаты около музыкантовъ. Осмотрѣвшись кругомъ, онъ замѣтилъ въ отдаленныхъ углахъ двѣ парчевыя занавѣси и догадался, что за ними находятся женихъ и невѣста.

— Чего же ты стоишь, какъ нищій—обратился къ Гарибу распорядитель—я впустилъ тебя въ предположеніи, что ты будешь забавлять гостей.

— Я не прочь исполнить мою обязанность, если только господа дадутъ мнѣ позволеніе.

— Господа! вскрикнулъ распорядитель—желаете ли вы послушать импровизаціи бродячаго шаира?

— Желаемъ, желаемъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Ашикъ Гарибъ настроилъ сазъ и запѣлъ своимъ чуднымъ голосомъ:

„Въ пучинѣ горести и страданій
Взываю къ тебѣ, красавица моя.
О, поспѣши принести спасеніе,
Котораго я жду отъ тебя!
Съ той поры, какъ мы разстались
Съ влѣтвою любить другъ друга,
Я много перенесъ горя и труда
О, пожалѣй, красавица, меня!
Много бурь я перенесъ,
Чтобы достигнуть цѣли,
Но надежда гаснетъ послѣдняя
О, красавица, пожалѣй меня!
Твой другъ безутѣшенъ:
И на пристани ему бѣда,
И здѣсь онъ въ слезахъ,
Передъ тобою, милая луна!
О роза прелестная моя,
Пахни на меня ароматомъ
Твоихъ нѣжныхъ устъ
И оживи страдальца безутѣшнаго!

Въ это время за занавѣсами невѣсты послышался легкій крикъ. Публика закричала: машь Алла! и требовала, чтобы онъ продолжалъ пѣть. Ашикъ снова запѣлъ:

Три дня тому назадъ
Я горькія слезы лилъ въ Арзерумъ.
Вчера рвалъ волосы въ Карсъ,
А сегодня пою предъ могилою своею...

Какъ только услышалъ послѣднія слова Шахвалетъ, онъ понялъ, что шаиромъ былъ никто другой, какъ опасный соперникъ его Ашикъ Гарибъ и приказалъ немедленно выгнать его изъ комнаты.

— Врешь, негодяй — отвѣтилъ ему Гарибъ — не меня надо выгнать отсюда, а тебя плута, который обманулъ всѣхъ, укравши у меня завѣтный даръ и омочивъ мою рубаху въ кровь животнаго. Врешь, злодѣй, моя невѣста не будетъ твоею женою, потому что я прибылъ въ срокъ и потому что она недобровольно согласилась на свадьбу свою.

Услышавъ эти позорныя слова и видя наступающаго Ашигъ Гариба, Шахвалетъ струсилъ и убѣждалъ къ тестю въ предположеніи, что онъ выпроводитъ непрощеннаго гостя, но старикъ не рѣшился сдѣлать этого, потому что единственная дочь его повисла на шеѣ друга и поклялась, что никто не вырветъ изъ объятій ея дорогаго и суженнаго ей св. Хыдырбильязомъ человѣка.

Отецъ понялъ, что дальнѣйшее насиліе не приведетъ ни къ чему и началъ жалѣть о Шахвалетѣ.

— Въ такомъ случаѣ пусть онъ женится на сестрѣ Ашикъ Гариба — сказала Шахсима и мы одновременно всѣ будемъ счастливы.

Шахвалетъ, взглянувъ на предложенную ему въ невѣсты дѣвушку, нашель, что и она очень хороша.

Такимъ образомъ свадебный пиръ не прекратился, но вмѣсто одного бракосочетанія совершилось одновременно два.

Мы не станемъ приводить здѣсь тѣ безконечныя рѣчюванныя импровизаціи, которыя лились изъ устъ влюбленныхъ, достигнувшихъ въ концѣ концовъ желаннаго соединенія, но не считаемъ себя вправѣ скрыть тѣ подарки, которые Ашикъ Гарибъ подавалъ женѣ своей, припѣвая:

Стань, вѣжная подруга, предъ тѣмъ,
Кто будетъ жертвою за тебя
И принимай его дары дорогіе,
Чтобы дополнить красу свою.
Вотъ чадра въ тысячу грушъ *)
И кофта такой цѣнности.
За кафтанъ высокаго достоинства
Заплачено пять тысячъ,
За кушакъ съ алмазами
Я заплатилъ 10 тысячъ,
Фесь стоитъ 3 тысячи
Онъ весь въ жемчугахъ.
Накидка сшита за 500,

*) Серебряная монета.

А эта за 4 тысячи.
Кольцо стоитъ 5 тысячъ,
А браслетъ три тысячи,
За ладонку съ талисманомъ
Я даль 500 грушь.
За башмаки 300 монеть,
А за ожерелье 40 кошелековъ.
Не забылъ я и мыла душистаго
И кны аленпской настоящей.
Все это настолько нужно для тебя,
Какъ твоя любовь для меня.
Да благословить же насъ Хыдырхильязъ
Дожить до правнуковъ своихъ!

Х а т е м ь - т а й .

Въ одномъ изъ благодатныхъ государствъ, царствовалъ прекрасный падишахъ Хатемъ-тай, о милосердіи и щедрости котораго разсказывались безконечныя исторіи. Насколько все это было справедливо, не извѣстно. Достоверно же было то, что Хатемъ-тай нѣкоторымъ изъ обращающихся къ нему выдавалъ своею ручною записку главному казначею за печатью о выдачѣ тысячи червонцевъ. Меньше не отпускалось никому.

Тѣмъ временемъ въ столицѣ его проживалъ сынъ богатѣйшаго купца по имени Джюнеде, который, промотавъ все отцовское состояніе, какъ-то случайно увидѣлъ у одного счастливица царскую записку за печатью на тысячу червонцевъ, рѣшился изучить почеркъ повелителя своего и поддѣлать его печать. Потрудившись надъ этимъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ достигъ до такого искусства, что никто не могъ бы отличить его письма отъ царскаго. Успѣвъ въ этомъ, Джюнеде рѣшился написать по извѣстной ему формѣ приказъ начальнику казначейства отъ имени падишаха о выдачѣ предъявителю тысячи червонцевъ. По ассигновкѣ этой деньги немедленно были выданы.

„Теперь мы будемъ имѣть каждый день по 1000 золотыхъ—сказалъ про себя молодой человекъ и закутилъ на славу.

Съ этого времени, онъ, дѣйствительно, получалъ эту сумму ежедневно. Казначей сначала изумлялся такой щедрости повелителя, но въ послѣдствіи такъ привыкъ къ этому, что не обращалъ вниманія. Въ концѣ года онъ представилъ царю всѣ его записки. Пересчитавъ ихъ, Хатемъ-тай выпучилъ глаза.—Неужели я выдалъ такое множество ассигновокъ? сказалъ онъ и досталъ свою книгу. Начали считать и оказалось, что всѣ записки Джюнеде были составлены помимо воли государя.

— Ты знаешь этого получателя? спросилъ султанъ.

— Я лично прослѣдилъ за нимъ и знаю, гдѣ онъ живетъ и чѣмъ занимается.

— Прикажи привести его сейчасъ ко мнѣ.

Молодой человекъ немедленно представленъ былъ къ падишаху.

— Послушай—сказалъ государь—правда ли, что ты составлялъ

отъ моего имени записки, подписывать и получать ежедневно по 1000 червонцевъ изъ моего казначейства?

— Такъ точно, повелитель мой: виновать и сознаюсь въ винѣ моей.

— А развѣ ты не зналъ, какъ велико это преступленіе по законамъ нашимъ?

— Зналъ, государь, но сдѣлавши первую глупость я, въ убѣжденіи не миновать висѣлицы, положился провести весело остатокъ дней моихъ.

Хатемъ-тай приказалъ созвать всѣхъ министровъ и постановить приговоръ неслыханному преступнику.

Когда эти сановники собрались и выслушали обвиненіе, государь спросилъ у перваго: какое подобаешь Джюнеду наказаніе по шираату или святой книгѣ?

— Это не предвидѣно закономъ нашимъ—отвѣчалъ онъ—но по общему смыслу его слѣдуетъ по шею закопать въ землю.

По мнѣнію втораго министра надо было повѣсить. Третій предлагалъ замуровать въ стѣнѣ; четвертый отрубить руки и т. п. Выслушавъ ихъ, Хатемъ-тай отвѣчалъ: такъ какъ шираатъ самъ не установилъ противъ подобной вины наказанія, то ясно, что онъ предоставилъ мнѣ дѣйствовать по своему разуму. Послушай, Джюнеде, я не только дарю тебѣ жизнь, но позволяю получить изъ моей казны столько ассигновокъ на тысячу червонцевъ, сколько ты напишешь ихъ въ присутствіи моихъ министровъ въ одинъ часъ,—но съ тѣмъ условіемъ, если ты дашь мнѣ слово исправиться и сдѣлаться полезнымъ гражданиномъ.

Молодой человѣкъ, не ожидавшій такой милости, упалъ въ ноги государю и поклялся не только исправиться, но и возратить по частямъ въ казну его тѣ деньги, которыя онъ взялъ преступнымъ образомъ и тѣ, которыя даны будутъ ему теперь.

Въ тотъ же вечеръ Хатемъ-тай, довольный оказанною милостию, обратился къ министрамъ и спросилъ ихъ: слышали-ль они, чтобы были равные ему щедростию цари?

Всѣ министры, за исключеніемъ только одного, начали возносить его.

— А ты чего молчишь? спросилъ Хатемъ-тай.

— Потому, государь, что мнѣ известна одна царица дѣвушка, которая выдаетъ сама каждому бѣдняку по 1000 червонцевъ безъ всякихъ записокъ и не обращаетъ вниманія на то, еслибъ одинъ и тотъ же бѣднякъ сорокъ разъ повторилъ свою просьбу.

— Этого не можетъ быть! вскрикнулъ Хатемъ—это сказки старыхъ женщинъ!

— Нѣтъ, государь, это совершенная правда, въ которой тебѣ не трудно убѣдиться. Попли одного изъ министровъ твоихъ къ ней и онъ увѣритъ тебя въ моихъ словахъ.

— Если ты ручаешься мнѣ головою въ сказанномъ, то я самъ поѣду посмотрѣть на эту дѣвушку. Какимъ она управляетъ престоломъ?

— Я ручаюсь головою, но боюсь, государь, что для тебя будет трудно добраться до Тибета.

— Ничего, я завтра же пускаюсь в путь в качестве факира.

Хатемъ-тай приказалъ приготовить ему все необходимое для отдаленной дороги и, поручивъ министра сильному надзору остальныхъ визирей, на другой же день выѣхалъ изъ столицы своей. Какъ долго онъ ѣхалъ и что случилось съ нимъ по дороге, мы не станемъ описывать. Скажемъ только, что въ одно прекрасное утро онъ явился къ дворцу царицы Тибета, прекрасной Хаирлы-султанъ и началъ во имя Божіе просить подаянія. Его немедленно пригласили и отсчитали 1000 червонцевъ. Десять минутъ спустя онъ снова завопилъ и снова получилъ такое же число золотыхъ. Взявъ и эти, онъ опять началъ просить и дошелъ до сорокового раза. Казначей, изумленный такимъ нахальствомъ и безстыдствомъ факира, на этотъ разъ доложилъ повелительницѣ своей.—Дай ему и въ сороковой разъ—отвѣчала она—и приведи его ко мнѣ.

— Иди за мною—сказалъ факиру казначей, давая деньги.— Тебя желаетъ видѣть царица.

Хатемъ-тай послѣдовалъ за нимъ и, отвѣсилъ почтительный поклонъ молодой прелестной дѣвушкѣ.

— Скажи мнѣ, почтенный человекъ—сказала она—съ какою цѣлью ты выпросилъ у меня такое множество денегъ? на что онѣ нужны тебѣ?

Хатемъ улыбнулся и въ нѣсколькихъ словахъ рассказалъ, кто онъ такой и вслѣдствіе чего прибылъ въ ея царство въ качествѣ нищаго.

— Это я поняла, потому что никогда къ моимъ дверямъ не приходили два раза въ день одни и тѣ же просители. Прошу тебя остаться у меня и быть, какъ у себя дома.

— Я не прочь провести съ тобою нѣсколько дней, но съ условіемъ, что ты объяснишь мнѣ, откуда ты приобрѣла такое громадное богатство, что можешь бросать такими массами золота?

— Ну, нѣтъ дорогой гость, этого я не скажу тебѣ до тѣхъ поръ, пока ты не узнаешь, откуда беретъ Сиханскій Челеби такое множество крупныхъ алмазовъ, цѣною въ пять тысячъ червонцевъ каждый, которые ежедневно послѣ оцѣнки ихъ стоимости, толчетъ въ ступкѣ и бросаетъ на вѣтеръ.

— А далеко ли живетъ этотъ Челеби?

— Въ трехъ-дневномъ разстояніи.

— Я исполню твое желаніе—отвѣчалъ Хатемъ.

Три дня спустя султанъ остановился передъ домомъ Челеби и попросилъ ночлега. На слѣдующій день онъ лично видѣлъ, какъ глашатай, окруженный нѣсколькими богатыми кушцами явился къ хозяину съ предложеніемъ 5 тысячъ червонцевъ за большой алмазъ, но онъ, нашедъ эту сумму ничтожною въ сравненіи съ дѣйствительною стоимостью драгоцѣннаго камня, приказалъ его столочь и въ присутствіи всѣхъ пустилъ пылъ на вѣтеръ.

Когда всё разошлись, Хатемъ приблизился къ Челеби и началъ спрашивать его, гдѣ онъ находитъ такое множество догровыхъ каменьевъ, что не щадитъ ихъ уничтожать.

— Это я расскажу тебѣ тогда—отвѣчалъ онъ—когда ты узнаешь, отчего сосѣдь мой ежедневно въ извѣстное время подымается на минареть и спускается съ него безъ всякой надобности.

Султанъ разспросилъ, кто былъ его сосѣдь и когда его можно застать дома и въ тотъ же день отправился къ нему въ качествѣ Божьяго странника. Бѣднякъ охотно принялъ гостя, но когда послѣдній началъ допрашивать его о ежедневныхъ привычкахъ, онъ отвѣчалъ:

— Это я расскажу только тому, кто объяснитъ мнѣ, отчего мой сосѣдь сапожникъ, работающій на углу квартала нашего, за часъ до захода солнца начинаетъ хохотать во все горло, а потомъ заливаться горячими слезами.

При этомъ отвѣтѣ Хатемъ почесалъ въ затылкѣ, но дѣлать было нечего, пришлось идти къ сапожнику въ предположеніи, что у этого бѣдняка не трудно будетъ вымануть тайну за нѣсколько десятковъ червонцевъ. Но и сапожникъ отказался отъ золота, заявивъ, что онъ сообщитъ свой секретъ только тому, кто объяснитъ ему, почему ежедневно является въ большую городскую кофейню слѣпой арапъ и, просидѣвъ въ ней нѣсколько минутъ, начинаетъ просить, чтобы его кто-нибудь ударилъ больно въ спину и если находится охотникъ, то онъ вскрикиваетъ съ радости: „по дѣломъ тебѣ, негодяй!“

Хатемъ по неволѣ отыскалъ слѣпаго арапа, но и этотъ отвѣчалъ ему, что отвѣтитъ тому, кто объяснитъ ему, почему въ сосѣднемъ лѣсу скрывается прекрасный молодой человѣкъ и не желаетъ возвратиться въ семью людей.

Султанъ возмутился, но не желая возвратиться, не достигнувши желанія, поѣхалъ и къ этому несчастному скитальцу лѣсовъ.

— Мою исторію тебѣ можетъ рассказать знаменитый дервишъ Ярумъ, живущій въ пятидневномъ разстояніи отсюда. Этого человѣка всѣ знаютъ—прибавилъ отшельникъ и скрылся.

Поѣдемъ и къ этому дервишу—сказалъ Хатемъ про себя, но если и онъ мнѣ предложитъ одно изъ подобныхъ условій, то я возвращусь домой.

Въ этомъ рѣшеніи падишахъ выѣхалъ на большую дорогу и началъ спрашивать у перваго встрѣчнаго, въ какомъ мѣстѣ и по какому направленію слѣдуетъ ѣхать къ Ярумъ-дервишу?

Черезъ нѣсколько дней онъ отыскалъ знаменитаго человѣка и, остановившись у него, осторожно завелъ рѣчь объ отшельникѣ.

— Да мнѣ очень жаль этого бѣдняка—отвѣчалъ дервишъ—вѣдь онъ царскій сынъ и любимецъ родителей.

— А развѣ тебѣ не извѣстна его жизнь и причины, побудившія къ такому дикому образу жизни?

— Кому же, какъ не мнѣ знать это! вскрикнулъ дервишъ.

Этот юноша пришелъ въ мой дворъ совершенно другимъ человекомъ, но вслѣдствіе ослушанія, вышелъ отсюда совершенно инымъ. Вотъ какъ случилось дѣло: видишь ли ты этотъ прудъ: онъ проходитъ съвозъ всю землю и съ обратной стороны имѣетъ такой точно видъ, какъ и здѣсь. Тотъ, кто пожелаетъ выкупаться въ немъ, мгновенно утопаетъ и выскакиваетъ живымъ на обратной сторонѣ земли. Я предупредилъ несчастнаго, но онъ, вѣроятно, предположилъ, что я подшучиваю и, воспользовавшись моимъ отсутствіемъ, хотѣлъ насмѣяться надъ моими сѣдинами, но Богъ его наказалъ за это желаніе и онъ теперь страдаетъ.

— Въ чемъ же заключаются его страданія? спросилъ я.

— Въ томъ, что его свѣдаетъ безумная любовь.

— Въ кого же онъ могъ влюбиться?

— Онъ увидѣлъ повелительницу 40 избранныхъ красавицъ. Но, такъ какъ этого ты не поймешь изъ отрывочныхъ фразъ, то я расскажу тебѣ все случившееся съ нимъ. Бросившись въ прудъ, онъ моментально очутился на обратной сторонѣ земли и, выплывъ на берегъ, началъ искать своей одежды и мой домъ, но не нашедъ ничего, прилегъ подъ деревомъ. Въ полночь вдали заблестѣлъ огонь. Изнуренный ночнымъ холодомъ царевичъ рѣшился идти на этотъ огонь, въ надеждѣ отыскать добрыхъ людей и согрѣться. Каково же было его удивленіе, когда онъ очутился около двухъ страшныхъ людоедовъ, которые сказали громко: „Мы ожидали сегодня двухъ, а ты явился одинъ“. Затѣмъ старшій прибавилъ: такъ какъ я пришелъ раньше, то онъ будетъ моимъ.—Не правда—отвѣчала другой—онъ долженъ принадлежать мнѣ, потому что я разложилъ огонь. Людоѣды начали спорить и ругаться, а въ заключеніе подняли драку и убили другъ друга. Царевичъ продолжалъ грѣться въ ожиданіи солнца, но прежде чѣмъ оно взошло, къ нему подошли двѣ чудовищныя женщины и, увидѣвъ убитыхъ, подняли ужасный плачъ.

— Это навѣрно онъ убилъ нашихъ мужей—сказали онѣ—какъ намъ поступить съ этимъ злодѣемъ? Но, одумавшись, одна прибавила:—Такъ какъ я не могу быть безъ мужа, то возьму его къ себѣ.

— Ну, у тебя нѣтъ дѣтей—отвѣчала другая—и ты проживешь безъ сторонней помощи, а у меня такъ много, что я сама не управлюсь: онъ долженъ быть моимъ помощникомъ.

Слово за слово и эти женщины вступили въ страшный бой. Тогда я—говорилъ царевичъ—бросился бѣжать, чтобы избѣгнуть скверной участи. Не успѣлъ я пробѣжать нѣсколько сотъ шаговъ, какъ замѣтилъ, что одна изъ женщинъ упала съ раскрытою головою, а другая бросилась за мною.

Въ этотъ моментъ, откуда не возьмись, разъяренный левъ вцѣпился въ нее своими когтями и между ними произошла отчаянная битва, прекратившаяся смертію обонхъ. Вздохнувъ свободнѣе, я нѣсколько часовъ спустя подошелъ къ большому фруктовому саду и, томимый голодомъ, началъ собирать упавшіе на

землю яблоки. Какъ вдругъ за плечами моими раздался голосъ хозяина, начавшаго наносить мнѣ удары.—О жестокой человекъ— вскрикнулъ я—тебѣ жаль и того, что негодно для другихъ! Не лучше ли спросить предварительно: какія нужды заставили меня собирать эту гниль и кто я?

— Пожалуй расскажи, я выслушаю тебя—отвѣчалъ онъ, не выпуская изъ рукъ плети. Когда я окончилъ рассказъ мой, хозяинъ сада спросилъ, что я намѣренъ теперь дѣлать и согласился прикрыть мою ногу съ тѣмъ, чтобы я стерегъ его садъ отъ воровъ и птицъ. Нѣсколько дней спустя, хозяинъ собрался куда-то ѣхать и, пригласивъ меня, сказалъ: сынъ мой, если тебѣ вздумается осмотрѣть здѣшнія окрестности, то ради Бога не подходи къ воротамъ желтаго дворца, который стоитъ вонъ за тою горою. Въ противномъ случаѣ, ты можешь пострадать на всю жизнь. Сказавъ это, онъ ушелъ, а меня начало мучить любопытство. На слѣдующій день, я не могъ уже вытерпѣть и, бросивъ садъ на произволъ судьбы, направился къ высокой горѣ, у подножій которой красовалось большое зданіе въ садахъ и цвѣтникахъ, огражденное высокими горами. Пришедъ къ воротамъ его, я присѣлъ въ древесной рощѣ и заснулъ.

Когда я открылъ глаза, около меня стояли двѣ дѣвушки ослѣпительной красоты и говорили между собою тихо. Изъ всего сказаннаго я понялъ, что сегодня была очередь повелительницы ихъ и что я буду принадлежать ей.—Это какимъ образомъ? спросилъ я. Дѣвушки быстро оглянулись и, подошедъ ко мнѣ, начали просить почтить ихъ посѣщеніемъ. Я охотно послѣдовалъ за ними и, когда затворились за мною желѣзные ворота, красавицы передали меня рабынямъ своимъ съ приказаніемъ свезти въ баню, переодѣть и представить во дворецъ. Такое распоряженіе показалось мнѣ очень пріятнымъ и я явился во дворецъ въ великолѣпной одеждѣ и предсталъ передъ 40 дѣвицами, одна красивѣе другой. Изъ числа ихъ, одна болѣе нарядная, слѣлавъ мнѣ знакъ сѣсть около нея, сказала: очень рада, что мнѣ не приходится роптать на судьбу свою. Видишь ли, мы установили между собою очередные дни съ тѣмъ, что кто бы ни попалъ въ наши руки въ ея день, долженъ быть ея женихомъ. Сегодня же мой день и слѣдовательно, ты явился моимъ суженымъ. Взглянувъ на прелестное созданіе, я счелъ себя счастливецомъ и началъ выражать свои чувства.

Съ этого дня—говорилъ мнѣ царевичъ, я не могъ ни на одну минуту разлучиться съ моею невѣстою и умолялъ ее поскорѣе соединиться со мною брачнымъ союзомъ, но коварная женщина довольствовалась только моими мученіями. Когда же любовь моя начала доводить меня до отчаянія и я готовъ былъ посягнуть на ея и свою жизнь, она приказала мнѣ выкупаться предварительно бракосочетанія въ небольшомъ прудѣ, который считался священнымъ. Я сейчасъ же бросился въ его чистыя воды и потерялъ сознание. Когда я очнулся, то увидѣлъ себя у твоего

пруды—заключилъ царевича“. Вотъ съ этого времени, этотъ молодой человѣкъ сдѣлался угрюмымъ и ссылся отъ людей.

Хатемъ-тай поблагодарилъ дервиша и, положивъ передъ нимъ пригоршню червонцевъ для раздачи бѣднымъ, возвратился къ слѣпому арапу и удовлетворилъ его любопытству.

— Ну, теперь и я расскажу тебѣ мою печальную исторію—сказалъ онъ—слушай же: отецъ мой съ молодыхъ лѣтъ занимался перевозкою тяжестей и считался самымъ надежнымъ въ этомъ отношеніи. Наслѣдовавъ отъ него три мула и чувствуя достаточно силъ продолжать его занятіе, я въ короткое время приобрѣлъ такое же довѣріе и жилъ около двухъ лѣтъ припѣваючи. Вдругъ всѣ дѣла остановились и пришлось такъ плохо, что я рѣшился выѣхать въ другое государство. Проѣхавши границу, я внезапно повстрѣчался съ однимъ маленькимъ муллою, который, разспросивъ, куда я ѣду и зачѣмъ, предложилъ мнѣ работу у себя, обѣщая большое вознагражденіе, если я съумѣю исполнить всѣ предписанія его. Я согласился и послѣдовалъ за нимъ по тропекамъ и оврагамъ и мы прибыли къ высокой скалѣ. Остановившись подъ скалою, мулла сказалъ: мы войдемъ въ эту скалу, но да будетъ тебѣ извѣстно, если ты скажешь хоть одно слово и не будешь держать себя такъ точно, какъ я, то мы погибнемъ оба ужасною смертію.

Сказавъ это, мулла вынулъ изъ сака книгу и сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ. Мы подошли къ подножью горы и остановились. Мулла открылъ книгу и началъ читать. Часъ спустя послышался ужасный шумъ и трескъ и гора разступилась. Явилась мѣдная дверь. Мулла приблизился и къ ней и, приложивъ книгу, произнесъ какія-то таинственныя слова. Дверь отворилась. Переступивъ порогъ, духовникъ возвысилъ голосъ и зашагалъ впередъ. Слѣдуя за нимъ, я видѣлъ по сторонамъ цѣлыя кучи драгоценныхъ камней, золота и серебра. Прошедъ нѣсколько отдѣленій, мы очутились передъ молодою женщиною въ золотой одеждѣ. Остановившись передъ нею, мулла громко перешолъ къ заклинаніямъ.

— Чего тебѣ нужно? спросила она. Неужели тебѣ мало всѣхъ этихъ сокровищъ, что ты присталъ ко мнѣ? А! вѣрно, тебѣ нравится моя парчевая одежда? Мулла не отвѣчала. Молодая женщина сняла съ себя верхнее платье и швырнула его. Мулла продолжалъ читать.

— Тебѣ мало и этого?—продолжала она—такъ на, возьми мой кафтанъ, плагокъ и обувь.

Мулла не обращалъ вниманія.

— И этого тебѣ недостаточно? вскрикнула она. Неужели ты хочешь, чтобы я отдала тебѣ мою сорочку? Ну, на, возьми и ее, ненасытный человѣкъ, только ради Бога уходи скорѣй.

Мулла не переставалъ читать. Молодая женщина зашаталась и упала безъ чувствъ. Тогда чтецъ подошелъ къ ней и взялъ изъ подъ мышкы ея небольшую коробочку и, положивъ въ свой карманъ,

приказалъ мнѣ выносить самые крупные алмазы. Три часа спустя, я нагрузилъ всѣхъ трехъ муловъ моихъ и мы вышли на дворъ. Мулла вновь прочиталъ какія-то заклинанія и скала вновь приняла свой первобытный видъ. Въ тотъ день я ничего почти не говорилъ съ муллою. Мнѣ ужасно завидно было, что этотъ ничтожный человѣкъ обладаетъ секретомъ пользоваться правомъ приобретать такія богатства. На слѣдующій день я сказалъ ему: мулла, ты долженъ дать мнѣ за труды мои одинъ вьюкъ алмазовъ.—Возьми—отвѣчалъ онъ. Черезъ день, я потребовалъ второй вьюкъ. Онъ и на это согласился. Прошелъ еще день и я рѣшился завладѣть и послѣднимъ вьюкомъ. Мулла и на этотъ разъ не противорѣчилъ. Это подало мнѣ поводъ предположить, что въ коробочкѣ заключается такое сокровище, цѣнность котораго превышаетъ всѣ три вьюка алмазовъ. Два дня спустя я присталъ къ муллѣ съ требованіемъ отдать мнѣ и эту коробку.

— На что же она тебѣ? спросилъ онъ. Въ ней нѣтъ ничего цѣннаго, но для меня она важна, какъ врачебное средство.

— Противъ чего? недоувѣрчиво спросилъ я.

— Видишь ли, въ ней есть составъ, отъ котораго слѣпые прозрѣваютъ, а зрячіе слѣпнутъ.

Я не знаю, почему мнѣ показалось, что онъ солгалъ и чтобы доказать это, я подставилъ ему глаза мои и сказалъ: а ну-ка докажи мнѣ это на дѣлѣ.

Мулла дотронулся до глазъ моихъ и я мгновенно ослѣпъ. Тогда, отогнавъ муловъ моихъ въ сторону, онъ сказалъ мнѣ:

— О, алчный и ненасытный человѣкъ, ты долженъ былъ получить это наказаніе и получить его. Пѣняй же на самого себя до тѣхъ поръ, пока я не скажусь надъ тобою и съ этими словами началъ удаляться.

На всѣ просьбы мои возвратить мнѣ зрѣніе, онъ остался глухъ и нѣмъ, но когда я упалъ и началъ рыдать, онъ вновь подошелъ и сказалъ: не мучь себя напрасно, а постарайся возвратиться въ твой отечественный городъ и терпѣливо ожидать моего приѣзда. Но, чтобы я могъ отыскать тебя безъ затрудненія, предлагаю тебѣ ежедневно посѣщать одну изъ самыхъ многочелюдныхъ кофейнь и предлагать, чтобы тебѣ били за то, что ты имѣлъ въ рукахъ великое богатство и не умѣлъ ограничить свою алчность. Только такимъ образомъ я легко отыщу тебя и возвращу зрѣніе. Сказавъ это, онъ насыпалъ мнѣ въ фалду кафтана нѣсколько горстей червонцевъ и скрылся. Вотъ съ того времени я ежедневно въ одинъ и тотъ же часъ прихожу въ кофейню и исполняю приказаніе муллы, но, увы, онъ до настоящаго времени не является.

Выслушавъ арапа, Хатемъ-тай положилъ слѣпому въ руку нѣсколько десятковъ золотыхъ монетъ и, пришедъ къ сапожнику, рассказалъ ему то, чѣмъ онъ интересовался.

— Бѣдный арапъ — отвѣчалъ сапожникъ, но я несравненно больше вынесъ скорби. Представь, я былъ купцомъ и жилъ очень

счастливо. Какъ вдругъ всѣ сосѣди напали на меня и потребовали, чтобы я женился. Я долго уклонялся, но въ концѣ концовъ изъявилъ согласіе, но съ тѣмъ, чтобы мнѣ указали самую красивую въ городѣ женщину. Мѣсяць спустя, условіе мое было исполнено и я женился на очаровательной вдовушкѣ, прожившей съ первымъ мужемъ только 9-ть дней.

Счастіе мое не имѣло предѣловъ. Одно только мнѣ не нравилось, что жена моя никогда не обѣдала со мною подъ предлогомъ, что это не прилично женамъ. Нѣсколько времени спустя, мнѣ пришлось побывать въ гостяхъ, гдѣ женатые люди начали рассказывать о достоинствахъ и недостаткахъ своихъ женъ. Когда дошла очередь до меня, то я, передавъ объ излишней скромности своей подруги, сообщилъ еще объ одномъ странномъ явленіи и именно, что жена моя съ полуночи до разсвѣта спитъ безъ дыханія и тѣло ея холодное, какъ у мертвой.

— Ну, братъ, твоя жена должно быть вѣдьма! сказали всѣ въ одинъ голосъ и начали приводить разныя доказательства. Послѣ пирушекъ я возвратился домой въ предположеніи прослѣдить за женою моею и легъ спать съ открытыми глазами. Около полуночи, жена моя поднялась съ постели и направилась къ дверямъ. Я за нею. Изъ двора она пошла на кладбище, разрыла свѣжую яму и вынесла изъ нея человѣческое сердце, которое поѣла съ жадностію. Затѣмъ пошла въ сосѣдній лѣсъ и очутилась въ собраніи множества молодыхъ женщинъ, совершенно похожихъ на нее. Не сомнѣваясь болѣе, что жена моя вѣдьма, я на слѣдующій день захотѣлъ заставить ее пообѣдать со мною, но она отрѣзъ отказалась; когда же я вздумалъ пригрозить палкою, она мгновенно подняла руки, которыя оказались съ орлиными когтями, и бросилась на меня.—Ахъ, ты негодный человѣкъ! заревѣла она не своимъ голосомъ— и ты осмѣливаешься угрожать мнѣ? да я разорву тебя въ кусочки, если ты не разведешь меня сейчасъ же и не уйдешь изъ моего дома. Вонъ, вонъ! Затѣмъ, вѣдлившись мнѣ въ бока, заставила написать разводную записку и выталкивая за двери, приказала, чтобы я ушелъ изъ ея города и не смѣлъ бы никому говорить о происшедшемъ между нами. Я буквально исполнилъ ея приказаніе. И вотъ съ того времени, промышляя сапожнымъ ремесломъ, я, какъ только вспомню мое прошедшее, начинаю смѣяться, а потомъ плакать.

Хатемъ-тай, наградивъ и его пригоршнею червонцевъ, отправился къ взлѣзающему на минаретъ и рассказалъ ему все слышанное.

— Ну, теперъ и я обязанъ удовлетворить твоему любопытству— отвѣчалъ минаретный ходокъ— слушай же: отецъ мой служилъ муззиномъ при этой мечети и обязанъ былъ 5-ть разъ въ сутки съзывать народъ на молитву. Но однажды заболѣвъ, онъ приказалъ мнѣ проснуться до разсвѣта и исполнить его обязанность. Желая услужить отцу, я проснулся гораздо раньше и не смотря на ужасную темноту вскарабкался на минаретъ и хотѣлъ было закричать, но воздержался отъ страха: передо мною лежало что-то

черное. Присмотрѣвшись получше, я увидѣлъ громадной величины птицу и захотѣлъ поймать ее. Подравшись ползкомъ, я вцѣпился въ одну изъ ногъ ея обѣими руками. Птица проснулась и подняла меня на воздухъ. Часъ спустя она спустилась невдали большаго города и вновь задремала. Обрадовавшись цѣлости своей, я направился къ постройкамъ и у первыхъ встрѣчныхъ спросилъ названіе города. Оказалось, что я очутился на такомъ отдаленномъ разстояніи отъ родины, что не мыслимо было думать о возвращеніи. Нечего было дѣлать — пришлось искать занятія. Первый купецъ, къ которому я обратился, выслушавъ меня, сказалъ: что тебѣ за охота служить работникомъ, тогда какъ ты можешь сдѣлаться господиномъ и жить съ кейфомъ. Въ моемъ дворѣ недавно умеръ зажиточный купецъ, оставившій молодой женѣ цѣлую лавку товаровъ и она желала бы найти себѣ мужа, которому могла бы довѣрить свою торговлю. Не пожелаешь ли ты сдѣлаться ея мужемъ? Понятно, что я охотно принялъ такое предложеніе и послѣдовалъ за добрымъ купцомъ. Повидавшись съ вдовою и ея родственницами, я въ тотъ же день былъ принятъ въ качество жениха, а на другой день уже сдѣланъ былъ главою дома. Недѣлю спустя жена, давая мнѣ ключи отъ лавки и подробную опись товарамъ съ обозначеніемъ ихъ стоимости, сказала: Иди и торгуй, но Боже дѣбя сохрани продать что-либо выше стоимости противъ описи. Я послушалъ ее и въ концѣ года пересчитавъ все вырученное, нашелъ совершенно вѣрнымъ съ фактурными записями. Странное дѣло! подумалъ я. Вѣдь мы цѣлый годъ кормились изъ денегъ лавки, а между тѣмъ онѣ всѣ находятся въ цѣлости. Какъ не странно было это, но я смолчалъ. Прошелъ еще годъ, въ теченіи котораго я зорко слѣдилъ за дѣлами дома, но и на этотъ разъ вся выручка моя оказалась налицо. „Ну, думаю, здѣсь должна быть штука жены моей, которая, вѣроятно, прибрѣтаетъ сторонними путями. Къ несчастію я на этотъ разъ не воздержался и довольно грубо заявилъ мое сомнѣніе. Это взбунтовало всѣхъ женщинъ и онѣ, созвавъ своихъ братьевъ и родственниковъ, начали бить меня, я убѣжалъ въ стѣну, но и они за мною. Въ эту минуту я натолкнулся снова на ту птицу, которая меня принесла въ эту страну и ухватился за ея ногу. Она очулась и поднялась со мною на воздухъ. Какъ долго я леталъ — не знаю; когда же проснулся, то увидѣлъ предъ собою обширное кладбище, освѣщенное сіяніемъ луны. Куда это занесла меня благодѣтельница моя? подумалъ я. Въ это время слышались за мною чьи-то шаги. Притаившись за надгробнымъ камнемъ, я увидѣлъ рослаго арапа съ лопатою въ рукахъ. Онъ подошелъ къ одному изъ кипарисовъ, высадилъ его и скрылся въ норѣ. Я вмигъ очутился около этого отверстія и, спустившись въ подземелье, увидѣлъ, какъ этотъ безобразный человѣкъ тиранилъ молодую очень хорошенькую дѣвушку, требуя ея любви. Дѣвушка проклинала злодѣя. Узнавъ, въ чемъ дѣло, я тихонько вышелъ и вновь спрятался за камнемъ. Вскорѣ вышелъ и арапъ. Поса-

дивъ на прежнее мѣсто вѣнчарсь, онъ скрылся. На другой день я вступилъ въ громадный городъ и остановился на базарной площади, гдѣ кричалъ во все горло глашатай, извѣщая народъ, что изъ дворца похищена единственная дочь царя и что тотъ, кто отыщетъ ее, будетъ ея мужемъ и наслѣдникомъ престола. Услышавъ это, я затрепеталъ отъ восторга и потребовалъ отъ глашатая повести меня къ царю. Рассказавши видѣнное мною, я въ тотъ же вечеръ съ нѣсколькими воинами притаился на кладбищѣ и избавилъ царскую дочь. Султанъ, вѣрный своему общанію, сыгралъ мою свадьбу и выразилъ мнѣ искреннюю благодарность.

Я былъ очень счастливъ, но къ сожалѣнію не замѣчалъ этого со стороны жены. Не предвидя, что найдутся впоследствии люди, которые пожелаютъ извлечь изъ этого свою выгоду, я не обращалъ особеннаго вниманія. Но очень скоро пришлось горько заплатить за равнодушіе: одинъ изъ министровъ нашихъ, къ которому какъ-то особенно благоволила моя жена, сговорился съ женой моей сгубить меня и они донесли царю, что по разслѣдованіямъ ихъ и я участвовалъ съ арапомъ въ похищеніи его дочери изъ дворца. Царь, безумно любившій дочь, началъ допрашивать ее и, когда она показала видъ, что раздѣляетъ это предположеніе, озлобился противъ меня до такой степени, что приказалъ повѣсить на городской площади. Постановленіе это мнѣ сейчасъ же было передано однимъ изъ преданныхъ рабовъ и я, не теряя ни минуты, выбѣжалъ на улицу и бросился бѣжать, но часъ спустя показалась погоня, состоящая изъ множества вооруженныхъ воиновъ. „Ну, думаю—на этотъ разъ не миновать мнѣ смерти. Однако прежде, чѣмъ люди эти приблизились ко мнѣ, появилась благодѣтельная птица и подняла меня къ небеснымъ облакамъ. Я забылся отъ страха, а когда очнулся, то увидѣлъ себя на томъ же минаретѣ, откуда меня впервые унесла моя спасительница. Вотъ съ того времени я, тоскуя по женѣ, придумываю доказательства для оправданія своего передъ добрымъ царемъ и ежедневно восхожу на минаретъ въ предположеніи увидѣть благодѣтельную птицу, но увы она не прилетаетъ болѣе.

Хатемъ-тай, поблагодаривъ рассказчика, возвратился къ истребителю драгоценныхъ камней и сообщилъ ему то, чѣмъ онъ интересовался.

— Теперь я по неволѣ долженъ рассказать тебѣ мою исторію жизни.—отвѣчалъ онъ, пригласивъ гостя въ самую отдаленную комнату своего дома.

Отецъ мой—началъ онъ—былъ муллою и повидимому обладалъ такою книгою, которой подчинялись не только злые духи, но и феи. Такъ я сужу потому, что онъ, не дѣлая ничего, всегда имѣлъ много золота, которое я похищалъ у него и проматывалъ съ товарищами, обиравшими меня.— Не будетъ изъ тебя добра, часто говорилъ мнѣ отецъ и оканчивалъ тѣмъ, что если я вздумаю повѣситься, чтобы повѣсился въ чуланѣ, гдѣ устроенъ для этой надобности крѣзь въ потолокъ; а между тѣмъ на другой день

опять насыпалъ шкатулку червонцами, которые я уносилъ. Нѣ-сколько лѣтъ спустя отецъ мой умеръ, оставивъ мнѣ два боль-шихъ сундука золотыхъ монетъ, которыя, разумѣется, по старой привычкѣ моей перешли въ карманы моихъ друзей. Оставшись безъ всякихъ средствъ къ жизни, я началъ искать вспомошество-ванія у людей, которымъ отдавалъ мое золото, но они, не иначе давали мнѣ кусокъ хлѣба, какъ съ насмѣшками, укорами и по-боями. Въ концѣ концовъ я не выдержалъ и рѣшился покончить съ тягостною жизнію. Взявъ веревку, я вошелъ въ чуланъ и при-крѣпилъ ее къ желѣзному крючку, но въ тотъ моментъ, когда хотѣлъ узнать, вынесетъ ли она тяжесть моего тѣла, потолокъ открылся и оттуда полились рѣкою крупные алмазы. Я не повѣ-рилъ глазамъ до тѣхъ поръ, пока не выпала бумага съ крошеч-ною коробочкою. Развернувъ первую, я прочиталъ слѣдующее завѣщаніе отца моего: „сынъ мой, всѣ эти сокровища принадле-жать тебѣ, надѣюсь, что отнынѣ ты измѣнишь твой образъ мы-слей о людяхъ. Въ числѣ алмазовъ ты найдешь маленькую коро-бочку съ мазью, имѣющею свойство возвращать зрѣніе слѣпымъ. Заклинаю тебя отыскать въ нашемъ городѣ одного слѣпаго арапа, который давно ожидаетъ меня въ кофейняхъ, и исцѣлить его. Я ему обязанъ многимъ. Ты легко узнаешь его потому, что онъ просить отъ всѣхъ побоевъ.

— И ты не нашелъ этого несчастнаго? перебилъ Хатемъ-тай.

— Я признаться только теперь, рассказывая тебѣ, вспомнилъ это порученіе.

— Этого арапа я знаю и если хочешь расскажу тебѣ, чѣмъ обязанъ былъ ему твой отецъ и отчего онъ ослѣпъ.

— Ты окажешь мнѣ большое одолженіе.

Хатемъ-тай рассказалъ все, что зналъ и владѣтель алмазовъ обѣ-щаль завтра же возвратитъ ему зрѣніе. Покончивши этотъ раз-говоръ, хозяинъ дома продолжалъ свое повѣствованіе.

— Сдѣлавшись обладателемъ такого безчетнаго состоянія я, конечно, сейчасъ же купилъ этотъ сераль и отдѣлалъ его по цар-ски, но чтобы уязвить моихъ друзей, насмѣхавшихся надо мною въ бѣдности, и показать имъ, насколько я богатъ, мнѣ пришло въ голову давать глашатаю каждый Божій день по одному большому алмазу для аукціонной оцѣнки и, когда она доходила до тысячи червонцевъ, я своеручно толковъ его и бросалъ во вѣтеръ. Вотъ откуда мнѣ достались богатства и для чего я дѣлаю то, что тебя заинтересовало — прибавилъ Челеби.

Поблагодаривъ хозяина за его повѣствованіе, Хатемъ-тай при-шелъ къ царицѣ и рассказалъ ей все слышанное.

— Ну, теперь и я расскажу тебѣ — сказала она, откуда и ка-кимъ образомъ я приобрѣла такое количество золота, что могу раздавать его безъ сожалѣнія. Столица моя, какъ ты, вѣроятно, и самъ замѣтилъ, переполнена фабриками, а въ окрестностяхъ ея разводятся всѣ дорогія произведенія земли. Вслѣдствіе чего въ мое царство скопдилось золото со всѣхъ странъ. Отецъ мой,

также, какъ и купцы, не знали счета своимъ деньгамъ. Какъ вдругъ у насъ проявился воръ и всѣ наши и народныя богатства начали исчезать. Всѣ мѣры, принятыя отцомъ, не привели ни къ чему. Съ смертію отца моего последовало и всеобщее обѣднѣніе. Сдѣлавшись царицею, я также не брезгала никакими советами и между прочимъ выставила на всѣхъ рынкахъ глашатаевъ, обѣщавшихъ богатую награду тому, кто укажетъ мнѣ вора. Прошло два года и дѣло дошло до того уже, что и тѣ, у которыхъ заводилось 5 червонцевъ, лишались ихъ. Въ одно время вошелъ ко мнѣ одинъ прохожій путешественникъ и пожелалъ поговорить со мною по этому поводу. Я приняла его охотно, приказала угостить и пустилась въ распросы.

— Султанша—сказалъ онъ—со мною совершилось одно важное событіе, которое научило узнавать истинно дурныхъ людей и надѣюсь, что, выслушавши меня терпѣливо, ты безъ особенныхъ трудовъ отыщешь человѣка, опустошившаго твои и народныя карманы. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ: я женился на одной красавицѣ, которая день и ночь молилась Богу, ничего не жалѣла нищимъ и такъ вела себя строго, что давая кормъ курамъ, если замѣчала между ними пѣтуха, то считая его за мушину, закрывалась чадрою. Я восхищался такимъ поведеніемъ жены и никогда не могъ предположить, чтобы въ мысляхъ ея жила другой кромѣ меня, но однажды проходя мимо группы уличныхъ шалуновъ, играющихъ въ мячъ, я остановился и услышалъ невѣроятную новость. Одинъ мальчикъ рассказывалъ, какъ играя въ жмурки около моего дома, онъ забрался въ большой глиняный сосудъ, принадлежавшій мнѣ и какъ оттуда видѣлъ, что жена моя приглашала къ себѣ молодыхъ сосѣдей по одиночкѣ и пировала съ ними во все время отсутствія моего изъ дома. Рассказъ этотъ такъ былъ правдоподобенъ, что я, на другой день, простившись съ женою, не вышелъ со двора, а спрятался въ томъ же кувшинѣ и началъ смотрѣть. Дѣйствительно, жена моя вышла на дворъ, замкнула уличные двери и, подошедъ къ одной сосѣдней стѣнѣ, подняла на палецъ бѣлый платокъ и возвратилась въ комнату. Черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ, какъ соскочилъ со стѣны молодой человѣкъ и вошелъ въ мой домъ. Часъ спустя онъ ушелъ своимъ путемъ. Выпроводивъ его, жена моя подошла ко второй стѣнѣ и тамъ подняла бѣлый флагъ и оттуда также явился молодой человѣкъ. Покончивъ и съ нимъ свои тайственныя бесѣды, она вызвала и третьяго сосѣда. Въ заключеніе снова подошла къ калиткѣ и отомкнула ее. Я вышелъ изъ кувшина и засталъ мою прекрасную половину на усердномъ чтеніи нашей святой книги. Это лукавство до такой степени возмутило меня, что я схватилъ плетъ и, отпустивъ ей по сто ударовъ за всякаго гостя или прощя согнавъ душу ея съ лица земли, оставилъ все мое состояніе на сбереженіе матери и пошелъ бродить по чужимъ странамъ. Пришедъ въ твою столицу и услышавъ на площади

обѣщанія глашатая, я задался мыслию узнать настоящаго вора по его наружному виду и дать тебѣ въ руки нить клубка.

— И чтожь тебѣ удалось? спросила съ радостью царица.

— Мнѣ кажется, что я не ошибся.

— Кто же это, говори поскорѣй.

— Третьяго дня я встрѣтилъ на площади одного дервиша съ 40 учениками, которые съ опущенными внизъ головами выкрикивали имя Божіе и били себя въ грудь. Это еще не удивило меня, потому что и многіе другіе негодяи выдѣлываютъ эти штуки. Но я удивился, когда замѣтилъ, что ноги его обвѣшаны маленькими волокольчиками, и попросилъ объяснить значеніе ихъ. Одинъ изъ учениковъ его отвѣтилъ: „это онъ сдѣлалъ для того, чтобы давать знать всѣмъ козявкамъ о приближеніи своемъ, чтобы они успѣли скрыться и не были раздавлены имъ“. Ну, подумалъ я—этотъ человѣкъ во всемъ походить на мою жену и долженъ быть тотъ ужасный воръ и убійца людей, котораго такъ долго не могутъ открыть.

— Что ты любезный — вскрикнула царица—да это нищій, питающійся народнымъ подаеніемъ.

— Все это дѣлается только для вида—отвѣчалъ мой гость—и ты скоро узнаешь, что я не ошибаюсь.

— Чтоже мнѣ сдѣлать, чтобы провѣрить твое убѣжденіе? — спросила я.

— Прикажи одной изъ прислужницъ твоихъ представиться больною и пригласи его отчитывать страждущую. Затѣмъ, когда онъ будетъ уходить, пусть больная попроситъ у него какую-нибудь вещьцу подѣ предлогомъ держать подѣ подушкой, чтобы не допускать къ себѣ злаго духа. Онъ навѣрно не откажетъ и тогда мы посмотримъ, что намъ придется дѣлать.

— Попробую—отвѣчала я и сдѣлала по совѣту гостя. Дервишъ оставилъ больную въ видѣ талисмана такія дорогія жемчужныя четки, какихъ я никогда не видѣла ни у одного изъ царей.

— Дайте мнѣ эти четки—сказалъ онъ и взявъ ихъ ушелъ.

Часть спустя онъ возвратился съ шкатулкою, въ которой находились разныя дорогія женскія украшенія.

— Не ясно ли теперь—сказалъ онъ, что это воровскія вещи?

— Какимъ же ты образомъ досталъ ихъ? спросила я.

— Очень просто: я явился къ женѣ дервиша и, показывая четки его, какъ доказательство, что посланъ ея мужемъ, сказалъ, что дервишъ требуетъ тѣ вещи, которыя принесены были имъ домой одновременно съ ними.

Этого было достаточно для меня, чтобы приказать посадить дервиша со всѣми послушниками въ темницу и подвергнуть ихъ допросу съ пытками. Негодяи сейчасъ же сознались, что они издавна промышляютъ воровствомъ при содѣйствіи какихъ-то курительныхъ порошковъ, повергающихъ народъ въ непробудный сонъ и что кромѣ моихъ подданныхъ они ограбили жителей всѣхъ сосѣднихъ царствъ. Открывъ входъ въ ихъ подземелье, я ужа-

снулась безцѣннымъ кучамъ золота и другихъ драгоценностей. Разумѣется, я приказала повѣсить этихъ святыхъ людей и возвратить всѣмъ заявившимъ о пропажахъ своихъ. Раздача происходила въ теченіи года, но при всѣмъ этомъ въ казнѣ моей осталось столько еще золота, что еслибъ я выдавала каждый день по ста тысячъ червонцевъ, то не издержала бы его въ теченіи своей жизни.

Окончивъ рассказъ свой, царица пригласила Хатемъ-тая къ своему столу и успѣла настолько понравиться ему, что онъ сдѣлалъ ей предложеніе соединить оба царства въ одну державу. Этимъ окончилось его путешествіе, возбужденное простымъ любопытствомъ.

Анекдоты.

У Крымскихъ татаръ чрезвычайно много анекдотовъ, унаслѣдованныхъ ими отъ отцовъ, которые они очень охотно употребляютъ въ приличныхъ случаяхъ, но болѣе прославленными у нихъ считаются присвоенные какому-то Насрадинъ оджѣ. Личность эта до того популярна между ними, что едвали найдется въ Крыму мальчишъ, незнакомый съ этимъ именемъ. Изъ ниже приведенныхъ анекдотовъ читатель самъ сообразитъ, чѣмъ именно эта личность могла заслужить себѣ такую извѣстность:

1. Однажды Насрадинъ оджѣ поручено было отвести въ сосѣднее селеніе десять ословъ за извѣстную плату, если онъ доведетъ ихъ исправно. Оджа, сѣвши на одного изъ нихъ, выѣхалъ за городъ и началъ пересчитывать животныхъ. Къ удивленію его не оказалось одного осла. Бѣдняга расплакался и слѣзъ съ осла въ предположеніи, что отставшее животное, можетъ быть, догнать сотоварищей. Въ это время подошелъ пастухъ. „Чего ты плачешь?“ спросилъ онъ у Насрадина.—Какъ не плакать—отвѣчалъ оджа—я потерялъ чужаго осла. „А сколько ихъ было у тебя всѣхъ?“ Десять. Пастухъ пересчиталъ и нашелъ, что всѣ они налицо. Насрадинъ оджа, убѣдившись что счетъ сдѣланъ правильно, чрезвычайно обрадовался и снова пустился въ путь, но проѣхавъ нѣсколько верстъ, опять, пересчитывая ословъ, одного не досчитывался. Между тѣмъ—какъ слѣзая и провѣрялъ издали, всѣ они состояли налицо. Не постигая, чтобы это значило, Насрадинъ-оджа рѣшился не садиться болѣе верхомъ, а гнать животныхъ впереди себя.

2) Цыганъ взобрался на высокое дерево, чтобы нарубить дровъ. Цѣлый часъ онъ возился надъ одною вѣткою, но никакъ не могъ отрубить ее. „Дуракъ ты, сказалъ проходящій Насрадинъ-оджа, — такимъ образомъ ты никогда не отрубишь вѣтку. „А какъ лучше сдѣлать?“ спросилъ цыганъ.—Ты самъ сядь на нее верхомъ и тогда достаточно будетъ двухъ ударовъ топора, чтобы отломать ее отъ ствола. Неразумливый цыганъ, признавъ совѣтъ этотъ мудрымъ, минуту спустя полетѣлъ въ пропасть вмѣстѣ съ отрубленною вѣткою.

3) Два мошенника въ позднюю ночь подобралсь къ домику Насрадинъ-оджи и подняли шумъ, подобный отчаянной дракѣ. Насрадинъ-оджа, проснувшись набросилъ на себя одѣяло и рѣшилъ выйдти и разнять дерущихся; но только-что онъ подступилъ къ нимъ, мошенники сорвали съ него одѣяло и убѣжали. Возвратившись въ комнату голымъ, жена спросила у него: куда онъ дѣвалъ одѣяло?—Представь, милая моя, эти негодяи дрались изъ-за него. Какъ только я имъ отдалъ его, драка сейчасъ-же прекратилась и они ушли домой.

4) Однажды жена Насрадинъ-оджи, желая выказать ему свою безпредѣльную преданность, спросила у него: кому онъ дозволяетъ ей показываться?—Всѣмъ, кому хочешь, только не мнѣ, отвѣчалъ онъ.

5) У Насрадинъ-оджи вышли всѣ деньги. Бѣдняга задумался и рѣшилъ приобрести двухъ одинаковой величины бѣлыхъ зайцевъ.—Жена, сказалъ онъ,—я придумалъ отличное средство обмануть какого-нибудь богача. Приготовь ты сегодня къ вечеру обѣдъ изъ трехъ блюдъ и именно: супъ съ рисомъ, пшалафа и жаренныхъ пирожковъ; я-же возьму одного изъ этихъ зайцевъ съ собою въ кофейню, гдѣ приглашу двухъ или трехъ прѣзжихъ къ себѣ на обѣдъ и въ присутствіи ихъ поручу зайцу, чтобы онъ объявилъ тебѣ, что будутъ гости и чтобы ты приготовила съезанныя блюда. Затѣмъ я выпущу его и онъ, естественно, убѣжитъ; между тѣмъ мы прѣдемъ и я спрошу, пришелъ-ли заяцъ и передалъ-ли мои порученія. Ты отвѣтишь утвердительно, и подашь намъ обѣдать. Понятно, что богачи будутъ заинтересованы такимъ быстрымъ слугою и пожелаютъ его приобрести.

Жена улыбулась находчивости мужа и все приготовила по его приказанію. Къ вечеру Насрадинъ-оджа возвратился домой съ гостями и, дѣйствительно, продалъ оставшагося у него зайца за огромную сумму денегъ.

6) Насрадинъ-оджа, проходя мимо одного миллионера, прославленнаго скупостью и мошенничествомъ, всегда подымая глаза къ небу, произносилъ: „Господи, дай мнѣ тысячу червонцевъ, но если тебѣ вздумается дать мнѣ однимъ меньше, я отвергну твою милость!“ Миллионеру показалось страннымъ такое желаніе бѣдняка и онъ рѣшилъ испытать его, подбросивъ къ нему въ окно 999 червонцевъ. Обрадованный такимъ подаркомъ, Насрадинъ-оджа, естественно, спряталъ золото; между тѣмъ обманутый богачъ, разгнѣвавшись, что онъ не возвращаетъ золото, пригласилъ его идти на судъ кадїа;—хорошо—отвѣчалъ Насрадинъ-оджа, но только съ условіемъ, что ты одолжишь мнѣ одну изъ твоихъ шубъ, потому что сегодня холодно, а у меня нѣтъ теплой одежды. Миллионеръ по неволѣ далъ ему одну изъ лучшихъ шубъ. Пришедъ къ судѣ, богачъ разсказалъ, какъ было дѣло.— Не вѣрьте ему, повелитель мой—возразилъ оджа—этотъ человѣкъ до такой степени безсовѣстный, что не постыдится сказать, что и шуба, которая на моихъ плечахъ принадлежитъ ему.—А развѣ

она не моя? сказалъ миллионеръ.—Вотъ видите—замѣтилъ съ улыбкою Насрадинъ—онъ и на одежду мою посягаетъ. Послѣ этого можно-ли вѣрить такому человѣку? Каждый согласился съ Насрадинъ-оджою и выгналъ богача, какъ прославленнаго мошенничествомъ.

7) Насрадинъ-оджа, оставшись безъ денегъ, задумалъ предлагать людямъ средство избавляться отъ грѣховъ за деньги и, надѣвъ тулупъ, снятый съ овцы, пошелъ ходить по городскимъ улицамъ съ крикомъ: „Кому угодно избавиться отъ грѣховъ?“ На крикъ его выбѣжалъ одинъ изъ богачей, составившихъ громадное состояніе на счетъ беззащитныхъ сиротъ.—Постой, постой! закричалъ онъ—очисти меня отъ грѣховъ.—Я охотно дамъ тебѣ червонецъ, потому что не чувствую за собою многихъ грѣховъ.—Хорошо—отвѣчалъ Насрадинъ-оджа—дуй въ этотъ тулупъ, но только берегись втянуть изъ него чужіе грѣхи. Плутъ, заплативъ червонецъ, началъ изъ всѣхъ силъ дуть въ тулупъ; но въ это время, оджа придавилъ мѣшокъ и весь воздухъ рванулся въ ротъ къ грѣшнику.—Ай, вай! закричалъ онъ—ты напустилъ на меня миллионы чужихъ грѣховъ. О, ой ради Бога спаси меня, иначе я буду въ адѣ.—Дай 500 червонцевъ, такъ спасу. Скупецъ замаялся, но дѣлать было нечего. Получивъ эту сумму, оджа выпустилъ весь воздухъ изъ тулупа и заставилъ богача надуть его своими грѣхами. Послѣ перваго удачнаго успѣха, Насрадинъ-оджѣ не приходилось больше стѣсняться со всѣми тѣми, кто обращался къ нему съ желаніемъ очиститься отъ грѣховъ и онъ въ самое непродолжительное время, успѣлъ приобрести себѣ довольно значительную сумму денегъ.

8) Однажды донесли султану, какими способами промышленяеть въ столицѣ его Насрадинъ-оджа. Падишахъ ужасно оскорбился и приказалъ утопить негодяя въ морѣ. Посланые за нимъ поймали его и, завязавъ въ мѣшокъ, отправились во дворецъ спросить, гдѣ именно его утопить? Тѣмъ временемъ Насрадинъ-оджа, услышавъ, что къ нему кто-то подошелъ, началъ кричать: „не женюсь на вашей царевнѣ, умру, а все-таки не соглашусь жениться на ней!“ Любопытный пастухъ остановился и невольно началъ разспрашивать, за что его завязали въ мѣшокъ. Насрадинъ-оджа отвѣчалъ: за то, что не хочетъ жениться на дочери султана.

— А нельзя-ли мнѣ уступить ее? спросилъ пастухъ.—Очень радъ—отвѣчалъ Насрадинъ—влѣзай-же вмѣсто меня въ мѣшокъ и кричи: женюсь, женюсь! Пастухъ съ восторгомъ принялъ его предложеніе, но не смотря на крикъ *женюсь, женюсь!* былъ сброшенъ съ высокой скалы въ пучину морскую, а Насрадинъ-оджа на другой день возвратился снова въ городъ съ стадомъ овецъ, увѣряя свидѣтелей его осужденія, что онъ нашелъ овецъ этихъ на днѣ морскомъ, откуда и выгналъ ихъ.

9) Насрадинъ-оджѣ сказали, что жена его умерла. Не желая показать стороннимъ женщинамъ, что онъ любилъ ее, онъ отвѣчалъ:

— Она очень хорошо знала, что я съ нею разведусь, и потому предпочла смерть.

10) Одинъ богатъ предлагалъ тысячу червонцевъ тому, кто проглотить воду всего Чернаго моря. Услышавъ объ этомъ, Насрадинъ-оджа явился къ нему и отвѣчалъ, что онъ можетъ это сдѣлать. Богачъ назначилъ день и пригласилъ всѣхъ жителей столицы смотрѣть на чудо. Въ урочный часъ явился къ морскому берегу оджа.—Ну, я готовъ—сказалъ онъ, но ты предварительно долженъ остановить или отвести всѣ выпающія въ него рѣки. Присутствующіе признали требованіе Насрадинъ-оджи справедливымъ, но такъ какъ богатъ отказался отъ исполненія этого, то и деньги были отданы шуту.

Вторымъ послѣ Насрадинъ-оджи считается Ахметъ-ахай, будто бы нѣкогда бывшій начальникомъ Озенбашскихъ татаръ *). Ахметъ-ахай прославленъ болѣе безразсудными выходками и совѣтами. Преданіе о немъ такъ сильно, что до настоящаго времени Озенбашскій татаринъ приходитъ въ негодованіе, если его назвать Ахметъ-ахаемъ. Вотъ анекдоты, рассказываемые объ этой личности:

Однажды Ахметъ-ахай вышелъ съ братомъ своимъ на охоту съ тѣмъ условіемъ, что они не должны пощадить никакого животного. Долго они бродили по лѣсамъ, но рѣшительно ничего не встрѣтили. Вдругъ братъ Ахметъ-ахая замѣтилъ, что на грудь къ нему сѣла муха. Боясь испугать ее крикомъ, онъ засвистѣлъ къ брату и началъ указывать ему пальцемъ на грудь свою. Ахметъ-ахай приблизился и, замѣтивъ странное животное, сейчасъ-же выстрѣлилъ изъ ружья—и разумѣется, убилъ брата своего.

Къ одному бѣдняку забрался въ лѣнъ верблюдъ и остановился по срединѣ нивы. Бѣдный хозяинъ, не зная, какъ выпроводить его такимъ образомъ, чтобы не стопталъ онъ его ниву, прибѣжалъ за совѣтомъ къ поводителю своему. Ахметъ-ахай нашелъ единственнымъ средствомъ застрѣлить верблюда и вытащить его веревками. Понятно, что сдѣлавъ это, бѣднякъ лишился въдесятеро больше.

Одинъ воронъ повадился прилетать въ садъ богатаго скушца и объѣдать его любимую грушу. Сколько онъ не пугалъ ее—все было напрасно. Скупецъ рѣшился идти къ Ахметъ-ахаю.—Вотъ, что ты долженъ сдѣлать этому вору: поймай его, посади въ кувшинъ и прикажи кому-нибудь сбросить его съ самой высочайшей Яйлинской скалы. Скупой богатъ употребилъ всѣ силы и исполнилъ буквально совѣтъ поводителя; но каково было его удивленіе, когда кувшинъ разбился, а воронъ какъ ни въ чемъ не бывало, улетѣлъ.

Нѣсколько озенбашцевъ съ Ай-Петринской скалы **) замѣтили корабль, плывущій на горизонтѣ моря. Имъ показалось, что это

*) Селеніе Озенбашъ находится въ Яйтинскомъ уѣздѣ, у подошвы Яйлы.

**) Высшая скала въ Крыму, въ виду Алунки князя Воронцова.

было зданіе съ крыльями, летающее по воздуху. Возвратившись въ селеніе свое, они не замедлили сообщить объ этомъ начальнику своему, съ просьбою научить ихъ построить и себѣ подобный домъ.—Это не трудно сдѣлать—отвѣчалъ повелитель—пусть завтра-же соберутся на то самое мѣсто, откуда вы видѣли это зданіе, всѣ мои мастеровые люди и начнутъ его строить. Приказаніе было исполнено, а мѣсяцъ спустя, выстроены были ковчегъ; но къ удивленію всѣхъ онъ не поднялся на воздухъ. Когда доложили объ этомъ Ахметъ-ахаю, онъ отвѣчалъ:—Дураки вы, развѣ онъ подыметъ самъ собою: ему необходимо сначала помочь, тогда только онъ раскроетъ крылья и полетитъ.—Какъ же это сдѣлать?—Очень просто, столкнуть въ пропасть. Понятно что онъ, очутившись на воздухѣ, не захочетъ удариться объ землю. Посланные пспѣшили сообщить объ этомъ сотоварищамъ, желавшимъ полетать по воздуху.—Въ самомъ дѣлѣ! закричали они, садясь въ деревянный домикъ. Толкните насъ! Просьба была исполнена; но увы, корабль съ пассажирами полетѣлъ въ ужасную пропасть и разбился въ щепки.

Къ одному бѣдняку повадился ходить въ огородъ заяцъ и самымъ безжалостнымъ образомъ истреблять капусту. Бѣднякъ въ отчаяніи обратился къ Ахметъ-ахаю.—Поймай его и посади въ конюшню—отвѣчалъ повелитель—да не забудь заставить двери ярмомъ, чтобы онъ не убѣжалъ и держи его до тѣхъ поръ, пока онъ не околѣетъ съ голода.

Однажды ночью Ахметъ-ахай подошелъ къ колодцу и увидѣлъ въ немъ луну.—Боже мой—закричалъ онъ—наше свѣтило упало въ колодезь! На крикъ его сбѣжалась вся дворня.—Подайте мнѣ скорѣе крючекъ, я самъ-хочу спасти луну. Поданный крючекъ онъ опустилъ въ колодезь и, зацѣпивъ его за что-то, дернулъ такъ сильно, что самъ опрокинулся на затылокъ. Въ этотъ моментъ глаза его встрѣтились съ луною на небѣ.—Ну и дернулъ—сказалъ онъ—такъ дернулъ, что она вмигъ очутилась на своемъ мѣстѣ.

Ахметъ-ахай задумалъ осмотрѣть окрестныя мѣстности селенія своего, откуда никогда не выѣзжалъ. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, онъ увидѣлъ человѣка, несущаго большой арбузъ.—Что это ты несешь? спросилъ онъ.—Лошадиное яйцо—отвѣчалъ шутя проходящій.—Продай мнѣ его.—Изволь, но только не за деньги. Отдай мнѣ взами́нъ твою лошадь. Ахметъ-ахай согласился и, взявъ арбузъ, направился домой. Нѣсколько минутъ спустя, утомленный повелитель сѣлъ на холмѣ отдохнуть, но какъ-то неловко зацѣлъ за лошадиное яйцо и оно быстро покатилося въ пропасть. По дорогѣ арбузъ ударился объ камень, подъ которымъ сидѣлъ заяцъ и раздвоился. Испуганное животное полетѣло стрѣлою.—Ай, ай! вскричалъ Ахметъ-ахай—убѣжалъ мой жеребенокъ! Возвратившись печальнымъ къ семьѣ, онъ разсказалъ о постигшемъ его несчастіи. Въ это время старшій сынокъ Ахметъ-ахая началъ просить у него позволеніе прокатиться на этомъ жеребенкѣ.—

Ахъ ты, каналья—ты хочешь пареломить ему спину?... и разгнѣвавшись не на шутку, отецъ началъ бить сына своего, чтобы смести спину не существующаго жеребенка.

Въ одно время собрались къ Ахметъ-ахаю всѣ старѣйшины съ просьбою научить ихъ, какимъ образомъ люди добываютъ соль.— Не всегда же намъ покувать ее за дорогую цѣну—говорили они.— Неужели вы не имѣете понятія, какимъ образомъ люди добываютъ ее? спросилъ съ улыбкою начальникъ.— Нѣтъ—отвѣчали они въ одинъ голосъ.— Дураки же вы. Соль добывается такимъ точно образомъ, какъ и всякое хлѣбное зерно, т. е. ее сѣютъ и жнутъ какъ напр. жито и пшеницу. Старѣйшины чрезвычайно обрадовались этому свѣдѣнію и немедленно вспахали землю и засѣяли ее солью. Прошло около десяти мѣсяцевъ, но соль не отрастала. Старѣйшины доложили объ этомъ своему начальнику.— А поливали ли вы ее? спросилъ онъ.— Нѣтъ, не поливали.— Такъ чего же вы хотите отъ меня! закричалъ повелитель, выгнавъ дураковъ. Старѣйшины, признавъ себя виновными, на слѣдующій годъ засѣяли новую поляну солью и почти ежедневно поливали ее, но увы, соль не отрастала по прежнему. На этотъ разъ премудрый Ахметъ-ахай утѣшилъ народъ тѣмъ, что почва ихъ мѣстности не способна воспроизводить соль.

Общiе анекдоты.

1) Одного богатаго татарина по имени Смаила осуждали въ невѣрованіи, что Магометъ былъ посланъ Богомъ на землю; но въ то время, когда 20 свидѣтелей подтверждали кадію справедливость доноса, жена осужденнаго спекла сто пирожныхъ и, въ каждое всадивъ по одному червонцу, отправила ихъ къ судѣ съ просьбою помиловать мужа ея. Однако, прежде чѣмъ подарокъ этотъ былъ внесенъ въ комнату кадія, одинъ изъ свидѣтелей успѣлъ похитить съ подноса три пирожныхъ и спрятать ихъ въ карманъ. Судья, получивъ драгоцѣнный гостинецъ, въ ту же минуту вышелъ къ доносчикамъ и свидѣтелямъ и объявилъ имъ, что къ нему приходило 97 почтенныхъ старцевъ, которые подъ присягою показали, что Смаила знаютъ за человѣка чрезвычайно честнаго и набожнаго и слѣдовательно, принимая въ расчетъ число обвинительныхъ и оправдательныхъ голосовъ, онъ не вправе осудить Смаила.— Нѣтъ, эфендимъ—отвѣчалъ похитившій пирожныхъ—почтенныхъ старцевъ, приходившихъ заступиться за Смаила было ровно сто, но такъ какъ они всѣ не могли вмѣститься въ вашу комнату, то трое остались за дверьми. Этими словами свидѣтелю хотѣлось упрекнуть кадія въ взяточничество.— Тѣмъ лучше, сынъ мой, что ихъ было сто—отвѣчалъ кадій—потрудись же послать ко мнѣ и оставшихся за дверьми. Я долженъ и ихъ допросить. Воръ потерялся, но, обысканный кадіемъ и уличенный въ воровствѣ, былъ заключенъ въ темницу только для того, что-

бы не разглашать народу, кто именно были 97 почтенных старцевъ, освободившихъ Смаила отъ висѣлицы.

2) Спящему цыгану приснилось, что къ нему подошелъ какой-то старикъ и наложилъ ему полную руку червонцевъ. Цыганъ проснулся, но въ рукѣ ничего не оказалось. Вторично заснулъ, онъ снова увидѣлъ старика, подносящаго ему золотыя монеты. Пробудившись, цыганъ опять ничего не нашелъ въ рукѣ.—Эге—сказалъ онъ про себя—довольно, братъ, надувать—и, прикрывши глаза, онъ выставилъ впередъ руки, приговаривая: а ну-ка попробуй теперъ положить!

3) Одна молодая жена, задумавъ убѣжать отъ тирана мужа, который ни на минуту не покидалъ ее одну, услышала, что у султана такъ сильно заболѣла единственная дочь, что всѣ медики отказались лечить ее. „Вотъ прекрасный случай—подумала она—избавиться хоть на нѣсколько дней отъ мучителя; но какъ поступить?... Думала, думала и рѣшилась прибѣгнуть къ служакѣ, которой поручила явиться во дворецъ и объявить, что такой-то (т. е. мужъ ея) славный мастеръ лечить отъ болѣзней подобныхъ тѣмъ, какую больна царевна, но что онъ поклялся ни за что не показывать своего искусства безъ крайней необходимости. Служанка не замедлила исполнить порученіе госпожи своей и на другой день тиранъ призванъ былъ къ главному визирю, который началъ просить его принять на себя леченіе дочери султана. Пораженный подобнымъ предложеніемъ, злой мужъ началъ клясться, что онъ никогда не учился медицинѣ. Министръ продолжалъ настаивать, но не добившись другаго отвѣта, приказалъ заключить негодяя въ темницу съ тѣмъ, что если онъ и завтра будетъ отпѣиваться незнаніемъ, прикажеть повѣсить его. Невинно-осужденный рѣшительно не понималъ, чего ради его принимаютъ за медика. Однако въ виду возможности потерять завтра голову, онъ началъ обсуждать свое положеніе и рѣшился принять на себя леченіе царевны. Къ счастью онъ вспомнилъ, что отецъ его всегда проповѣдовалъ принимать противъ всѣхъ болѣзней настоемъ золы. На другой день арестованнаго снова привели къ визирю. — Ну, что—спросилъ министр—будешь лечить или нѣтъ?—Буду—отвѣчалъ онъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ введенъ былъ въ комнату больной, которую и началъ поить настоемъ золы. Недѣлю спустя больная совершенно выздоровѣла и осыпанный милостями медикъ отпущенъ былъ домой, но увы онъ не засталъ уже жены: она скрылась неизвѣстно куда.

4) Ревнивому мужу предстояла необходимость отлучиться изъ дому на нѣсколько дней. Зная хорошо, что жена его крайне глуха отъ природы, онъ, предварительно отъѣзда, заставилъ ее поклясться именемъ Аллаха въ томъ, что она всѣмъ, обращающимся къ ней мущинамъ, будетъ отвѣчать отрицательно *нѣтъ*. Красавица-дурочка присягнула и мужъ уѣхалъ. И дѣйствительно, она буквально исполняла приказъ мужа. Всѣ, кто ни подходили къ ней съ вопросами, кромѣ слова нѣтъ, ничего не слыхали.

Между тѣмъ, одинъ молодой человѣкъ, которому она очень нравилась, смекнулъ, въ чемъ дѣло и, явившись къ ней на домъ, спросилъ: Не оскорбитесь ли вы, если я сегодня замѣню вамъ отсутствующаго мужа.—Нѣтъ—отвѣчала дурочка, согласно приказанію мужа. Естественно, что молодой человѣкъ послѣ этого не затруднялся болѣе объясняться съ молодою женщиною въ духѣ ея вклатвы.

5) Бѣдняку удалось приобрести сотню яицъ. Неся ихъ въ корзинѣ на головѣ, онъ началъ разсчитывать, что отъ этихъ яицъ у него могутъ явиться сто куръ, а эти сто куръ снесутъ до 20 тысячъ яицъ въ годъ, изъ которыхъ легко вывести столько же цыплятъ, которые въ свою очередь могутъ нанести сотни тысячъ яицъ и вывести такое же число цыплятъ. Словомъ, убѣжденный въ томъ, что онъ въ теченіи 3—4 лѣтъ сдѣлается богачемъ, бѣднякъ отъ радости подпрыгнулъ; но какого было отчаяніе его, когда слетѣла съ головы корзина и всѣ яйца побились.

6) Одинъ удалецъ сбилъ шапку у встрѣченнаго имъ на улицѣ старичка. Послѣдній не только поблагодарилъ джигита за смѣлость, но и отдалъ ему кошелекъ съ золотомъ. Прокутивъ эти деньги, джигитъ опять вышелъ на улицу и снова сдѣлалъ такую же штуку первому проходящему. Получивъ и отъ этого благодарность и деньги, удалецъ вскрикнулъ: вотъ прекрасное ремесло приобретать золото! Нѣсколько дней спустя онъ снова вышелъ на улицу и сбилъ шапку у перваго поровнявшагося съ нимъ, но этотъ вынулъ изъ за пояса пистолеть и раздробилъ ему черепъ.

7) Одинъ султанъ попалъ къ другому въ плѣнъ. Поработитель, отдавая должныя почести собрату своему, поручилъ тремъ сыновьямъ своимъ по-очереди навѣщать плѣнника. Старшій сынъ, заставъ падишаха въ глубокой грусти, началъ его утѣшать тѣмъ, что его содержать въ плѣну, какъ царя; что еслибъ онъ попалъ бы въ плѣнъ къ другимъ, то навѣрно его сжарили бы живымъ и т. п. На слѣдующій день явился второй сынъ султана и началъ доказывать несчастному плѣннику, что онъ счастливъ тѣмъ, что ему не отрубили головы. На третій день пришелъ къ нему послѣдній сынъ султана и, дѣйствительно, утѣшилъ плѣнника разумнымъ участіемъ. Послѣ сыновей навѣстили падишаха и султанъ.—Ну, какъ вамъ понравились мои дѣти? спросилъ онъ. Плѣнникъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и отвѣчалъ, что три дня тому назадъ къ нему приходилъ сынъ повидимому повара, потомъ сынъ рѣзника и затѣмъ прекрасный молодой человѣкъ, въ жилахъ котораго течетъ царская кровь.—Вы ошибаетесь—отвѣчалъ султанъ—всѣ они были мои сыновья.—Можетъ быть, они пользуются этимъ именемъ, но я положительно убѣжденъ, что изъ нихъ только одинъ младшій вашъ сынъ. Смущенный султанъ, возвратившись домой, потребовалъ къ себѣ жену и подъ страшною пыткою заставилъ ее сознаться, что перваго сына она приобрѣла

отъ повара своего, втораго отъ придворнаго рѣзника, а послѣдняго отъ него.

8) Злой духъ, преслѣдуя одного негодяя, никакимъ образомъ не могъ умертвить его. Наконецъ, онъ заинтересовалъ его царскою сокровищницею. „Нѣтъ, боюсь, отвѣчалъ негодяй, ее сильно оберегаютъ.“ — Взоръ, если тебя поймають — я освобожу. Увѣренный въ содѣйствіе шайтана, негодяй рѣшился забраться въ казну, но тутъ же былъ пойманъ и на другой день подведенъ къ висѣлицѣ. Въ моментъ, когда опустили на шею его петлю, явился злой духъ съ мѣшкомъ на плечахъ. — Спасай меня скорѣй, завопилъ къ нему плутъ, иначе я погибъ. — Нѣтъ, братъ, ты довольно меня мучилъ. Посмотри-ка, сколько паръ башмаковъ я сбилъ, бѣгая за тобою — и онъ высыпалъ предъ нимъ мѣшокъ съ бесчисленнымъ множествомъ истоптанной обуви.

9) Богатый купецъ имѣлъ привычку ежедневно произносить слѣдующую фразу: „да спасетъ меня Аллахъ, отъ ненависти народа, злобы врага, немилости царей, и хитростей женщины!“ Однажды прикащикъ спросилъ у него: — почему онъ постоянно произносить эти слова? — Ахъ, сынъ мой, отвѣчалъ старикъ, я все это испыталъ въ моей жизни, но горче всего мнѣ досталось отъ женщинъ. Молодой человѣкъ началъ спорить и доказывать, что женщина доброе и ничтожное существо. — Посмотримъ, что ты скажешь чрезъ десять лѣтъ, замѣтилъ купецъ, не желающій продолжать споръ. Три года спустя прикащику этому пришлось понести товары на домъ къ женѣ какого-то знатнаго бая. Старуха до того увлеклась наружностью и вообще поведеніемъ молодаго человѣка, что указывая однажды на стоящую около себя дѣвицу неизъяснимой красоты, предложила ему сдѣлаться ея мужемъ. Понятно, что прикащикъ сейчасъ же изъявилъ полное согласіе и на другой день началась свадьба. Но каково было удивленіе юноши, когда его впустили на ночлегъ въ комнату слѣпой и безобразной калѣки, покрытой прыщами и бородавками? Въ эту только минуту прикащикъ вспомнилъ своего хозяина, но дѣлать было нечего. Переночевавъ въ одномъ изъ угловъ комнаты, онъ съ разсвѣтомъ побѣжалъ къ бывшему своему хозяину и со слезами объяснилъ свое несчастное положеніе. — Теперь, вѣроятно, ты понялъ, чего ради я прошу ежедневно Аллаха спасти меня отъ хитростей женщины? — Понялъ, понялъ, но ради Бога научи меня, какимъ образомъ освободиться отъ подобной жены? — Этого нелегко достигнуть, потому что ни одинъ мулла не осмѣлится дать тебѣ разводъ, изъ боязни подвергнуться мести отца ея, могущественнаго бая. — Что-жъ мнѣ дѣлать? — А вотъ что, подговори толпу цыганъ назваться твоими родственниками съ тѣмъ, чтобы они ежедневно приходили къ тебѣ въ гости съ своими музыкальными инструментами. Если же ихъ не будутъ пускать во дворецъ, то пускай они не перестаютъ играть подъ окнами. Визиты и игра этого народа сильно не понравятся гордому бую и онъ самъ вынужденъ будетъ просить у тебя раз-

вода своей дочери. Пользуясь этимъ случаемъ, ты постарайся сорвать съ него большую сумму денегъ. Джигитъ очень обрадовался разумному совѣту и въ тотъ же день успѣлъ подкупить нѣсколько десятковъ цыганъ, которые атаковали дворецъ бея и наступательно требовали допустить ихъ къ родственнику своему. Нахальство это подъ конецъ сдѣлалось невыносимымъ и свѣсивые родители обратились съ просьбою къ зятю развестись съ женою. Молодой человѣкъ не иначе исполнилъ ихъ требованіе, пока ему не было вручено десять тысячъ червонцевъ.

11) Къ одному изъ лучшихъ медиковъ Крымскаго ханства явился человѣкъ, едва двигающій ногами отъ неимоверной толстоты, съ просьбою спасти его отъ излишняго жира. — Хорошо, отвѣчалъ медикъ, я сегодня вечеромъ посмотрю на звѣзды, а завтра дамъ лекарство. На слѣдующій день толстякъ опять явился къ нему. — Я уже вопрошалъ свѣтила ночныя, сказала ему лекарь и получилъ въ отвѣтъ, что васъ надобно лечить не меньше года, между тѣмъ вамъ суждено прожить только сорокъ дней. Слѣдовательно, не стоитъ труда заняться дѣломъ. Приготовляйтесь лучше къ смерти. Услышавъ это, несчастный толстякъ обмеръ отъ страха и съ этой минуты началъ плакать и грустить. На 38-й день навѣстилъ его лекарь и замѣтилъ, что толстякъ превратился чуть ли не въ скелетъ, захопалъ въ ладоши и сказалъ. „Я очень радъ, что могъ спасти васъ отъ недуга вашего предсказаніемъ смерти. Теперь, когда вы достигли желаннаго, прошу перестать грустить, потому что вы проживете до глубокой старости“.

12) Татары вѣрятъ, что въ первобытныя времена, ихъ цари взыскивали съ евреевъ подать, подъ названіемъ *чатыръ-парасы* т. е., деньги на палатки. Податью этою они будто бы были обложены по слѣдующему поводу: Какой-то еврей началъ утверждать, что рай созданъ Богомъ собственно для людей, исповѣдующихъ иудейскую вѣру, а адъ для христіанъ. Когда донесли объ этомъ султану, онъ потребовалъ этого еврея и, напоминая ему о сказанномъ, публично спросилъ у него: „Гдѣ же по твоему мнѣнію будутъ находиться мусульмане? — Между раемъ и адомъ, отвѣчалъ еврей.—На открытомъ воздухѣ?—Никакъ нѣтъ, ваше величество, они будутъ въ палаткахъ. — Предположимъ, что богатые въ состояніи будутъ имѣть свои палатки, а бѣдные откуда ихъ возьмутъ?—Этого не могу знать.—Въ такомъ случаѣ вамъ, евреямъ, придется позаботиться объ участи бѣдныхъ мусульманъ, сказала султанъ и приказалъ собирать съ нихъ гарачъ на палатки бѣдныхъ магометанъ для будущей жизни.

13) Султанъ, встрѣчая евреевъ, вѣчно замаранныхъ въ грязь, отдавъ приказъ, что если онъ послѣ сегодняшняго дня увидитъ кого-либо изъ нихъ въ грязи, прикажетъ повѣсить. Мѣсяць спустя, послѣ этого фирмана, къ государю представили загрязненнаго съ головы до ногъ еврея. — Негодный, и ты осмѣлился не слушать моего приказа! закричалъ падишахъ.—Никакъ нѣтъ,

повелитель мой; я не пачкался послѣ изданнаго вами фирмана.— Прежде чѣмъ отвѣчать подобнымъ образомъ, ты смотри на свою одежду: ты весь въ грязи.— Это, государь, прошлогодняя грязь.

14) Волкъ! отчего у тебя такъ горять ночью глаза?— Чтобы пугать людей.— Отчего же ты хвостъ сжимаешь?— Оттого, что самъ боюсь ихъ.— А отчего у тебя такая толстая шея?— Оттого, что самъ дѣлаю все и не довѣряюсь никому.

15) Въ степи случайно повстрѣчались двѣ лисицы.— Здравствуй лисанька, сказала первая, какъ давно мы не встрѣчались— Здравствуй, здравствуй, отвѣчала вторая, здорова ли ты? Поговоривъ о минувшемъ, лисицамъ настало время разлучиться.— Гдѣ же мы снова встрѣтимся? спросила первая.— Навѣрно, мой дружокъ, въ лавкѣ торгующаго мѣхами нашими.

16) Одна татарка пожаловалась мужу, что мулла, выходя на минаретъ, постоянно кричитъ ей по жеребячѣму: иго-го, иго-го!— Отвѣчай ему тѣмъ же, сказалъ мужъ, тогда мы узнаемъ, съ какимъ онъ умысломъ дѣлаетъ это. Предъ вечеромъ мулла, прокричавъ изанъ, снова обратился къ сосѣдкѣ своей и прокричалъ: иго-го!— Иго-го! отвѣчала ему молодая женщина.— А мужъ твой дома? спросилъ духовникъ.— Нѣтъ, онъ уѣхалъ. Послѣ вечерней молитвы, мулла, набравъ полный платокъ различныхъ лакомствъ, пришелъ къ сосѣдкѣ своей, нисколько не подозрѣвая, что мужъ ея спрятался съ цѣлью наказать его. Молодая женщина приняла его очень любезно; но мулла не остался довольнымъ этимъ и торопилъ ее скорѣе приготовить постель. Женщина долго церемонилась, но наконецъ уступила его просьбамъ. Только что мулла раздѣлся и готовъ былъ броситься въ объятія красавицы, какъ вдругъ предъ нимъ очутился ея мужъ.— Ага, сказалъ онъ, схвативъ его за бороду,— поймался. Посмотримъ, чѣмъ ты завтра отговоришься предъ обществомъ? Несчастный мулла началъ умолять его о прощеніи.— Пожалуй, я готовъ тебѣ простить, но съ тѣмъ, чтобы ты надралъ мнѣ четверть крупы ручнымъ жерновомъ. Мулла согласился и, запертый въ чуланъ, всю ночь работалъ безъ устали. На разсвѣтѣ зашелъ къ нему хозяинъ и, нашедъ исполненнымъ приказаніе свое, выпустилъ плѣнника съ приличнымъ наставленіемъ. Нѣсколько времени спустя, мужъ спросилъ у жены не кричитъ ли снова мулла по жеребячѣму, когда видитъ ее?— Нѣтъ, отвѣчала она съ улыбкою.— А ну-ка, попробуй теперь ты крикнуть ему, сказалъ мужъ. Жена вышла на дворъ и, увидѣвъ муллу на минаретѣ, закричала: Иго-го, иго-го!

— Что, вѣрно крупа окончилась и некому свѣжей надрать? сказалъ онъ, быстро удаляясь отъ хитрой женщины.

17) Однажды къ султану обратился молодой цыганъ съ просьбою позволить ему поцарствовать нѣсколько минутъ.— Это для чего? спросилъ удивленный султанъ.— Я хотѣлъ бы сдѣлать важную услугу одному человѣку.— Пожалуй, но смотри, если ты упот-

ребишь во зло мое довѣріе, я властенъ отмѣнить твои дѣйствія. Ну, ты въ настоящую минуту царствуешь и всѣ визири тебѣ будутъ подчиняться. Дѣйствуй же!—Позвать ко мнѣ самаго главного визири—сказалъ онъ. Султанъ исполнилъ его приказаніе.—Ты главный визири? спросилъ цыганъ.—Такъ точно, ваше величество.—Распорядись немедленно повѣсить живущаго въ такомъ-то мѣстѣ цыгана Танатара. Приказаніе было исполнено. Когда ему донесли объ этомъ, онъ подошелъ къ султану и просилъ его снять предоставленную власть. Въ эту минуту султанъ предложилъ ему объяснить, что это за человѣкъ, котораго онъ приказалъ повѣсить и чѣмъ онъ провинился предъ нимъ?—Это былъ мой родной отецъ—отвѣтилъ цыганъ—онъ мнѣ надоѣлъ до такой степени своими наставленіями, что я рѣшился или его умертвить или себя утопить.

18) Пьяница остановилъ мальчика, идущаго изъ училища и узнавъ, что онъ сынъ друга его по ремеслу, просилъ прочитать что-нибудь. Мальчикъ исполнилъ его просьбу и возбудилъ въ немъ удивленіе.—Какъ жаль—сказалъ онъ мальчику, что ты сынъ пьяницы. Не правда ли, что твой отецъ дуракъ?—Нѣтъ—отвѣчалъ ребенокъ—скорѣе вашъ былъ дуракомъ, потому что не учитъ васъ грамотѣ; еслибы мой не былъ умнымъ, то, вѣроятно, не удивилъ бы васъ моими познаніями.

19) Султанъ однажды спросилъ у визири своего: есть ли въ мірѣ мужья, которые боятся женъ своихъ?—Дайте мнѣ фирманъ—отвѣчалъ онъ—на право взиманія съ такихъ мужей по ослицѣ и я могу увѣрить, ваше величество, что въ теченіи одного мѣсяца я въ столицѣ вашей составлю себѣ стадо въ тысячу головъ. Любопытный падишахъ исполнилъ его предложеніе. И дѣйствительно, мѣсяца спустя, визири пришелъ во дворецъ съ тысячею ослицами и, рассказывая султану о встрѣчахъ, прибавилъ: я видѣлъ, ваше величество, одну женщину удивительнаго характера—и онъ началъ передавать качества жены самого султана.—Тсъ—вскрикнулъ падишахъ—говори пожалуйста тише, чтобы не услышала моя жена. Услышавъ подобную фразу, визири, пріостановившись, сказалъ: по фирману вашего величества я требую отъ васъ не одну, а двѣ ослицы, такъ какъ вы богаче всѣхъ мужей, боящихся своихъ женъ.

20) Одинъ ученый, вѣчно сидѣвшій надъ книгами, такъ ревновалъ жену, что несчастная никогда не смѣла ни выйти изъ комнаты, ни посмотреть въ окно. Положеніе ея сдѣлалось невыносимымъ и она рѣшилась доказать мужу, что любитъ его серьезно и никогда не мыслила измѣнять ему. Въ одно утро она поручила служанкѣ купить большой арбузъ и нѣсколько рыбъ. Когда ей принесли ихъ, она мастерскимъ образомъ впустила послѣднихъ въ арбузъ и внесла его въ комнату мужа. Ученый, почувствовавъ голодь, съ жадностью схватился за арбузъ, но каково было его удивленіе, когда онъ нашелъ рыбы въ плодѣ, какъ извѣстно, растущемъ на землѣ. Явленіе это до того озада-

чло его, что онъ побѣжалъ созвать всѣхъ сотоварищей своихъ. Въ это время жена спрятала арбузъ. Нѣсколько минутъ спустя пришли ученые.—Куда дѣвался изъ комнаты моей арбузъ съ рыбами? спросилъ онъ у жены. „Ты, вѣроятно, съума сошелъ, отвѣчала она,—развѣ бываютъ арбузы съ рыбами?“ Отвѣтъ этотъ разсердилъ мужа и онъ началъ бить жену. На крики ея собрались сосѣди и полиція. Всѣ составили себѣ убѣжденіе, что ученый тронулся ума и приступили къ тому, чтобы связать ему руки и отправить въ больницу. Однако жена не допустила до этого. Когда всѣ разошлись, она подошла къ нему и сказала:—Этимъ я тебѣ въ сотый разъ доказываю, что не ищу свободы и не думаю тебѣ измѣнять. Будь же справедливъ ко мнѣ, иначе я вынуждена буду, ради спокойствія своего, отдать тебя въ домъ умалишенныхъ, а тѣмъ временемъ убѣжать съ болѣе благоразумнымъ человѣкомъ.

21) Два мошенника задумали обмануть кадїа.—Знаешь ли, скажешь первый,—я буду доказывать, что, въ присутствїи твоёмъ, занялъ ему сто червонцевъ на срокъ не болѣе мѣсяца. „Отлично, отвѣтилъ второй,—идемъ“. Пришедши въ камеру судьи, первый мошенникъ подошелъ къ кадїю и началъ требовать съ него сто червонцевъ. Узнавъ въ нахалѣ мошенника, кадїй спросилъ: имѣетъ ли онъ свидѣтелей въ займѣ ему этихъ денегъ?—Свидѣтель пришелъ со мною, отвѣчалъ плутъ. Удивленный судья попросилъ его прїйти завтра, а между тѣмъ, самъ поѣхалъ къ ближайшему кадїю, который поразительно былъ похожъ на него и рассказалъ намѣреніе мошенника.—Такъ какъ онъ навѣрно насъ не отличитъ, скажешь послѣдній,—то я попробую признать себя его должникомъ, а тѣмъ временемъ вы обличите его въ плутовствѣ. Мошенники однако узнали объ этомъ планѣ дѣйствїа. На слѣдующій день въ урочный часъ они пришли въ камеру судьи, переполненную народомъ.—Здравствуй, добрый человѣкъ, скажешь прїѣзжїй кадїй, замѣтивъ указаннаго ему плута,—ты вѣрно пришелъ за полученіемъ занятыхъ мною у тебя ста червонцевъ? „О, нѣтъ, повелитель мой, я очень хорошо знаю, что вашъ срокъ еще не насталъ; но вотъ сотоварищъ вашъ давно просрочилъ и не желаетъ заплатить. Потрудитесь же взыскать съ него теперь, а чрезъ пятнадцать дней, я надѣюсь, что и вы заплатите мнѣ ту самую сумму, которую я вамъ выдалъ безъ росписки и свидѣтелей и въ полученїи которой, вы, какъ честный человѣкъ, сегодня подтвердили въ присутствїи находящейся здѣсь публики.

22. Одинъ богачъ желая сдѣлать сына своего умнѣйшимъ въ мїрѣ человѣкомъ, отправилъ его въ самое знаменитое училище. По окончанїи въ немъ курса, юноша, возвращаясь домой, по дорогѣ зашелъ въ мечеть и остановился у порога. Здѣсь онъ замѣтилъ такіа великолѣпныя туфли, какихъ никогда не видывалъ. Ему захотѣлось похитить ихъ, но боясь сдѣлаться воромъ, приказалъ слугѣ своему взять ихъ и положить къ себѣ въ карманъ;

но въ эту минуту былъ схваченъ сзади и задержанъ, какъ преступникъ. Скоро отыскался хозяинъ украденныхъ башмаковъ и такъ какъ они принадлежали муллѣ, то, естественно, по его приказанію молодой человекъ былъ побитъ самымъ жестокимъ образомъ. Мѣсяцъ спустя ученый возвратился домой и между прочимъ разсказалъ отцу исторію за туфли.—И ты не сумѣлъ отмстить муллѣ? спросилъ отецъ.—Нѣтъ—отвѣчалъ сынъ.—Въ такомъ случаѣ ты не научился ничему—сказалъ старикъ.—Иди же изъ дома моего и не смѣй возвращаться до того времени, пока не отомстишь жестокому муллѣ. Сынъ началъ было изворачиваться, но ничто не помогло и вынужденъ былъ уйти. Долго, долго онъ бродилъ по сосѣднимъ городамъ, прислушиваясь къ разсказамъ умныхъ людей, наконецъ, придумавъ отличное средство отмстить духовнику, отправился къ нему и, прибывъ въ тотъ моментъ, когда мулла выходилъ съ народомъ изъ мечети, подошелъ къ нему и началъ возносить таланты его до небесъ. Въ заключеніе онъ сказалъ: „Счастливъ тотъ изъ насъ грѣшныхъ, кто будетъ имѣть хоть одну волосинку изъ твоей благословенной бороды! Обрадованный подобною рѣчью въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей, мулла, въ знакъ благодарности, своеручно вырвалъ нѣсколько волосинокъ изъ бороды своей и подалъ ихъ чужеземцу. Свидѣтели этой сцены, въ свою очередь, начали просить духовника своего, чтобы и имъ онъ далъ по волосинкѣ. Мулла отказалъ; но фанатики бросились на него и въ нѣсколько минутъ выщипали самымъ безжалостнымъ образомъ всю бороду у него. Когда толпа разошлась, ораторъ подошелъ къ несчастному муллѣ и напомнилъ ему о себѣ.—О, ты варварскимъ образомъ отмстилъ мнѣ—вскрикнулъ мулла. Завидую твоему умѣнію такъ мастерски расплачиваться съ врагами.—Ну, что отмстилъ наказавшему тебя муллѣ? спросилъ отецъ, когда возвратился къ нему сынъ. Молодой человекъ разсказалъ, какъ было дѣло.—Теперь я не прочь повѣрить, что ты сдѣлался умнымъ человекомъ—сказалъ старикъ.

23) Поймалъ вора!—веди его сюда.—Не идетъ.—Такъпусти его!—Онъ меня не оставляетъ.

24) Ты что дѣлаешь здѣсь? спросилъ проходящій у вора, который открывалъ ночью лавку.—На скрипкѣ играю.—Но я не слышу звуковъ?—Завтра навѣрно услышишь.

25) Ты не въ претензіи, что жена твоя бродитъ по цѣлымъ ночамъ?—Я охотно извинилъ бы ей это, еслибъ она хоть днемъ заглядывала домой.

26) Одинъ пріѣхавшій изъ Стамбула на вопросъ, что новаго въ этой столицѣ? отвѣчалъ, что въ настоящее время въ одномъ изъ огородовъ ея выросъ огурецъ такой величины, который перевалился чрезъ проливъ и угрожаетъ разрушить Скутари. А у васъ что новаго? спросилъ онъ въ свою очередь.—Ничего особеннаго за исключеніемъ праздника, сдѣланнаго ханомъ, на ко-

торый употреблено для одного только супа 40 кантарей *) чернаго перца.—Э, братъ, спусти немного вѣсъ твоего перца, иначе я вытану дальше мой огурецъ.

Различныя убѣжденія.

Невинно пролитая кровь никогда не можетъ быть скрыта и разбойникъ рано или поздно будетъ открытъ. Въ удостовѣреніе этого татары рассказываютъ, что однажды на охотѣ одинъ бей разсердился на слугу своего и, убивъ его, схоронилъ подъ скалою. Десять лѣтъ спустя, этому бейу пришлось проѣзжать съ ханомъ мимо того мѣста, гдѣ похороненъ былъ убитый имъ слуга.—Ахъ, какой великолѣпный виноградъ растетъ подъ этою скалою—сказалъ ханъ. Потрудитесь сорвать мнѣ одну кисточку. Бей исполнилъ приказаніе своего повелителя, но каково было изумленіе послѣдняго, когда изъ первой оторванной имъ ягоды полилась человѣческая кровь.—Здѣсь долженъ покониться убитый человѣкъ—сказалъ ханъ и приказалъ слугамъ раскопать землю подъ винограднымъ кустомъ. Въ минуту приказаніе было исполнено и найдено было мертвое тѣло, при видѣ котораго бей задрожалъ и сознался въ поступкѣ своемъ.

О происхожденіи черепахи, стрекозы, паутины и пчелы.

У одной матери было четыре дочери, которыхъ она взростила испрашиваніемъ подаенія. Всѣ онѣ были выданы ею замужъ за состоятельныхъ людей и почти не навѣщали бѣдную мать. Но вотъ старуха заболѣла и, почувствовавъ приближеніе смерти, послала за старшею дочерью.—Скажи матери моей—отвѣчала она посланной—что я занята чашкою съ тѣстомъ. Услышавъ этотъ отвѣтъ, мать подняла глаза къ небу и произнесла:—Пусть эта чашка будетъ вѣчною носею ея и всего ея поколѣнія! Только что старуха проговорила эти слова, какъ дочь ея обратилась въ черепаху.—Позовите ко мнѣ вторую мою дочь, сказала мать.—Мнѣ некогда, теперь я пѣсни пою—отвѣчала она посланной. Когда переданъ былъ отвѣтъ этотъ матери, она съ слезами на глазахъ сказала:—Пусть отъ пѣвня она лопнетъ и изъ спины ея выскочитъ такая же пѣвица! Только что сказала, какъ и вторая дочь ея превратилась въ стрекозу. Старуха послала за третьею дочерью, которая въ это время ткала полотно.—Скажите матери моей—отвѣчала она—что я занята тканьемъ полотна.—Пусть же она вѣчно ткетъ и не соткетъ ничего, отвѣчала рыдающая мать. По этому проклятію, третья дочь обратилась въ паука. Старуха послала за четвертою дочерью, которая въ это время мѣсила тѣсто. Услышавъ о болѣзни матери, эта, не вытирая даже рукъ, побѣжала къ ней. Увидѣвъ ее предъ собою, старуха произнесла:—

*) Кантаръ или безмѣнъ, бываетъ отъ 120 до 180 фунтовъ.

Пусть Богъ благословитъ тебя, дочь моя; пусть безсчетно будетъ твое потомство и люди да возрадуются твоимъ трудамъ. Только что произнесены были эти слова, старуха испустила послѣднее дыханіе, а четвертая дочь превратилась въ пчелу, у которой до настоящаго времени передні лапки постоянно бывають облеплены сладкимъ тѣстомъ.

Татаре карманные часы раздѣляютъ на два рода: мужскіе, которые заводятся сзади, и женскіе, которые заводятся со стороны циферблата. Послѣдніе они не покупають никогда, потому что съ ними не могутъ входить въ мечеть.

— Самая сладчайшая въ мірѣ вещь есть человѣческій языкъ.

— Кто хочетъ быть счастливымъ, тотъ молится Богу и не протворѣчитьъ черту.

— Собаки сердиты на зайцевъ и волковъ потому, что первые похитили у нихъ дарованныя Аллахомъ копыта, а послѣдніе лишили ихъ лаптей.

— Все знаніе ласточки состоитъ изъ трехъ словъ и именно: айбатинъ, хайбатинъ, упчага.

— Свворецъ же знаетъ одиннадцать нижеслѣдующихъ, никому не понятныхъ словъ: „Бинасіетъ, кязибетенъ, хатіе, пилъе, дугонъ, надіе, сунудозе, хабарира, хантарира и ахбаба.

У ласточки не половъ хвостъ по слѣдующей причинѣ: однажды змѣй поручилъ ей и мухѣ разузнать и донести ему: чья кровь между животными вкуснѣе? Муха, убѣдившись, что слаще и вкуснѣе всѣхъ человѣческая, слѣшила извѣстить объ этомъ змѣя; но ласточка, узнавъ, какой она приготовила отвѣтъ, нагнала ее и вырвала у ней языкъ; затѣмъ, ливившись къ змѣю, сообщила, что самая вкусная кровь есть лягушки.—А по твоему какая? спросилъ змѣй, обращаясь къ мухѣ, но послѣдняя завизжала и знаками начала жаловаться на ласточку. Змѣй смекнулъ, въ чемъ дѣло, и бросился на виновную; но успѣлъ только вырвать у ней средину хвоста. Съ этого времени у ласточки на этомъ мѣстѣ не растутъ перья, мухи не говорятъ ничего, а змѣи предпочитаютъ лягушечью кровь всѣмъ другимъ.

О происхожденіи нѣкоторыхъ птицъ, волковъ, обезьянъ, медвѣдей и лягушекъ, говорятъ слѣдующее:

1) Одинъ мусульманинъ приобрѣлъ огромное стадо овецъ самымъ мошенническимъ образомъ и, накупивъ нѣсколько десятковъ злыхъ собакъ, пригналъ его домой; но въ то время, когда онъ хотѣлъ похвастаться предъ односельцами своимъ богатствомъ, великій пророкъ нашъ приказалъ овцамъ превратиться въ различныхъ, крылатыхъ птицъ и улетѣть, а собакамъ сдѣлаться волками.

2) У одного благочестиваго шейха былъ рабъ, обязанный исполнять всѣ его приказанія. Однажды шейхъ сильно заболѣлъ и, почувствовавъ жажду, попросилъ раба своего принести ему свѣжей воды; но слуга, простоявъ нѣсколько минутъ за воротами, возвратился и отвѣчалъ, что въ фонтанѣ не оказалось воды. — Ты лжешь, низкій человѣкъ, отвѣчалъ шейхъ, испуская послѣднее дыханіе. Молю Бога, чтобы онъ за то, что ты обманулъ умирающаго, превратилъ тебя въ отвратительный образъ человѣка! Только что произнесены были эти слова, какъ рабъ превратился въ обезьяну.

3) Мать дѣлала наставленія дочери, которая была беременна и вѣчно ссорилась съ мужемъ. Между тѣмъ послѣдняя вмѣсто того, чтобы съ благодарностію выслушивать добрые совѣты, ожесточилась и, схвативъ желѣзный треножникъ, разбила имъ голову матери. Старуха залилась слезами и, проклиная дочь, сказала: да будетъ будущій твой ребенокъ безобразіе всего живущаго на свѣтѣ. Проклятіе подѣйствовало: отъ нея родился медвѣжонокъ.

4) Одинъ молодой человѣкъ вышелъ на прекрасный лугъ и, безъ всякой надобности, началъ топтать ногами самые красивые цвѣты. Какъ вдругъ предъ нимъ явился старикъ и началъ упрекать его въ безразсудномъ поступкѣ, но юноша, вмѣсто раскаянія, началъ насмѣхаться надъ нимъ. Тогда оскорбленный дervishъ поднялъ глаза къ небу и сказалъ: да будешь ты проклятъ отъ имени Аллаха и да ползешь ты по травѣ этой на ножкахъ, подобныхъ твоимъ рукамъ! Этихъ словъ было достаточно, чтобы неблагоприятный юноша превратился въ лягушку.

По мнѣнію татаръ, кофе и часы открыты Магометомъ. Первый — во время похода, когда онъ не имѣлъ, чѣмъ питаться, а послѣдніе — когда онъ будто находился въ темницѣ у евреевъ и не зналъ времени, установленнаго для совершенія намаза (молитвы).

Про ртуть. По ихъ же убѣжденію, ртуть добывается изъ громаднаго моря, которое не допускаетъ къ берегамъ своимъ никакого животнаго. Добываютъ же изъ него ртуть только въ то время, когда оно засыпаетъ крѣпкимъ сномъ, слѣдующимъ образомъ: въ окрестностяхъ его выкапываютъ небольшія ямки и, когда оно пробудится, начинаютъ дразнить его. Разсерженное море съ ожесточеніемъ бросается на дерзкаго и при обратномъ истеченіи въ предѣлы, оставляетъ въ ямкахъ частицы состава своего, которыя выбираются промышленниками въ то время, когда оно снова заснетъ.

Всѣ существующія болѣзни имѣютъ воплощенный видъ женщины, которая нападаетъ на тѣхъ, которыхъ ненавидятъ. Слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, самое лучшее оружіе противъ всякаго рода болѣзней есть отчитываніе молитвами.

Женщина, не желающая имѣть дѣтей, должна отправиться въ баню и на раскаленные камни бросить нѣсколько капель собственной крови. При этомъ она услышитъ плачь восьми дѣтей.

Падающія звѣзды ничто иное, какъ стрѣлы, пускаемыя ангелами въ злыхъ духовъ, подслушивающихъ, что дѣлается на небесахъ.

Всѣхъ религій 72 $\frac{1}{2}$. Половина принадлежитъ цыганамъ.

Погоды, какъ и все въ мѣрѣ, подраздѣляются на два рода: мужскимъ принадлежать сухія, прозрачныя и теплыя, а женскимъ — дождливыя и вообще ненастныя. Зима есть женщина, а лѣто — мужчина. День мужскаго рода, а ночь — женскаго. Солнце — мужчина, а луна — женщина.

— Кто женившись, пойдетъ къ чужой женѣ, тотъ сдѣлаетъ хуже, чѣмъ покушаетъ желтой грязи. — Кого проклянетъ духовникъ, тотъ почернѣетъ въ могилѣ. — Гдѣ нѣтъ воды, тамъ и трава грѣшная. — У кого большой носъ, тотъ гордый человекъ. — Вѣрующій въ сновидѣнія — недолго живетъ. — Если дорожишь чьей-нибудь дружбою, не давай своеручно ему мыла и соли.

— Пьяницы бываютъ четырехъ родовъ: одни любятъ бесѣды и женщинъ; другіе — угрюмые, третьи — драчуны, а послѣдніе — любители музыки.

— Все, что зарѣжетъ женщина, не слѣдуетъ кушать. Мужчина же можетъ рѣзать животныхъ только до 40-лѣтняго возраста, но потомъ, заустивъ бороду, не долженъ дѣлать этого.

— Ангелы созданы изъ алмазовъ, злые духи изъ огня, а люди изъ глины.

— Царь и пророкъ Соломонъ обязалъ подпискою всѣхъ шейтановъ служить тѣмъ, у кого будетъ его книга о магін.

— Если желаешь блага дому твоему, не давай никому послѣ захода солнца ни огня изъ очага твоего, ни молока отъ коровы твоей.

— Въ домѣ друга чеши волосы, а у врага ногти рѣжь.

— Если хочешь возбудить ненависть между мужемъ и женою, посыпь ихъ ложе землею, взятою съ могилы; если же захочешь заставить ихъ драться, брось горсть соли на грызущихся собакъ, потомъ собери ее и подай мужу и женѣ.

— Женщину нельзя сравнить съ мужчиной. Перваго рождается съ опущенными внизъ глазами, а послѣдній смотритъ на небо.

— Если женщина хвалитъ красоту женщины — вѣрь ей.

— Когда татаринъ броситъ трубку и вскочитъ на ноги, бѣги отъ него безъ оглядки.

— Воруй куръ, но не ѣшь безъ хозяина.

— Женщина, видя во снѣ женщину, должна заболѣть.

— Мотылекъ налетаетъ на свѣчу только потому, что чертъ посылаетъ его за огнемъ.

Фразы, принятыя татарами въ разговорахъ.

Говоря о царѣ напр. онъ скажетъ непремѣнно: „да наостритъ Господь саблю его!“

Говоря о добродѣтели, онъ предварительно скажетъ: „да будетъ свинецъ черту въ ухо“.

При дурной вѣсти: „да останется слово мое подь камнемъ“.

При добромъ пожеланіи: „да не преклонится спина твоя къ постели“.

При отрыжкѣ: „дай Богъ на свареніе желудка“.

При сообщеніи о смерти: „сказанное да не коснется дома этого“.

При поздравленіи о пріѣздѣ родственниковъ или друга: „да освѣтитъ вашъ взоръ! (гозь-айдынъ!)“.

При свадьбѣ холостыхъ: „да коснется событіе это твоей головы“.

При благодарности: „да сопутствуетъ тебя Аллахъ“.

При поѣздкѣ: „да сопутствуетъ тебѣ счастье“.

При смертномъ случаѣ: „Аллахъ да даруетъ ему свои милости“.

Высказавъ все, что только можно было сказать о татарахъ, чтобы самымъ подробнѣйшимъ образомъ познакомить съ ними любителя этнографіи, мы обязаны заключить повѣствованіе наше эмиграціею этого народа изъ Крыма.

Эмиграція крымскихъ татаръ.

Съ того времени, какъ присоединенъ къ Россіи полуостровъ Тавриды, дважды эмигрировали обитатели его, татары. Первою эмиграціею руководило исключительно духовенство ихъ, которое, возставая противъ могущественнаго вліянія мурзъ, съумѣло увѣрить простой классъ, что мурзы, ихъ воображаемые благодѣтели, продали ихъ и себя Россіи за 40 кантарей золота; что съ этихъ поръ *московы* силою принудятъ ихъ принять свою религію, стануть отбирать ихъ женъ и дочерей и дѣлать изъ нихъ все, что захотятъ. Все это говорилось, какъ повѣствуетъ преданіе, въ мечетяхъ или молитвенныхъ домахъ, высокочтимыхъ татарами. Понятно, что мало развитый татаринъ, напыщенный враждою противъ христіанина, охотно вѣрилъ этимъ толкамъ и, не смотря на свою безграничную преданность къ мѣсту родины и кладбищу прадедовъ и отцовъ, все болѣе и болѣе убѣждался въ необходимости бѣгства, чтобы сохранить по крайней мѣрѣ вѣру и счастливую независимость семейства. Но никому изъ нихъ не приходило въ голову, что муллы проповѣдовали переселеніе съ единственною цѣлью сохранить надъ ними полностью тѣ права, которыми пользовались на основаніи текстовъ Корана, что не могло быть терпимо въ государствѣ, управляемомъ свѣтскою властью.

Обстоятельству этому благопріятствовали еще двѣ основательныя причины: гордость татарина, привыкшаго вѣрить, что онъ созданъ Аллахомъ властвовать надъ всѣми иновѣрцами, и сознание, въ какой степени онъ долженъ быть ненавистнымъ русскимъ за искони принятое противъ него поведеніе. Все это, при незнаніи нашихъ законовъ, должно было заставить болѣе или менѣе зажиточнаго фанатика-татарина подняться на ноги и собраться къ бѣгству въ страну, гдѣ царствуетъ исламъ, гдѣ онъ не можетъ потерять жены и дочери, потому что исповѣдывающіе Коранъ не властны нанести ему такой обиды. Исторія присоединяетъ къ этому и вліятельное содѣйствіе турецкаго султана, съ цѣлью увеличить въ своихъ владѣніяхъ враждебный намъ элементъ и передать въ наше владычество опустошенную страну. Зная хорошо, насколько крымскіе татары не благоволили къ туркамъ, алчнымъ до подарковъ, мы увѣрены, что возбужденія тайныхъ эмиссаровъ мало имѣли успѣховъ, но татарамъ утѣшительно было, что великій калифъ меккскаго храма призываетъ ихъ подъ свое покровительство, въ качествѣ намѣстника Магомета, и предоставляетъ одинаковыя права съ прочими правовѣрными, что они по прежнему будутъ господствовать надъ гяурами и, какъ и прежде, свободно дѣлать набѣги и опустошенія въ сосѣдственныхъ христіанскихъ земляхъ. И вотъ, внезапно сотни селеній со всѣмъ своимъ движимымъ имуществомъ двинулись съ вѣковыхъ обиталищъ и направились частью сухимъ путемъ, а частью на судахъ въ Европейскую Турцію. Туземные христіане съ восторгомъ слѣдили за этимъ страшнымъ передвиженіемъ самыхъ отважныхъ и грозныхъ гонителей своихъ, сознавая, что выходъ этотъ послужитъ примѣромъ для остальныхъ собратій ихъ и тогда разобранное ими гнѣздо навсегда потеряетъ въ политикѣ право на возстановленіе его.

На вопросъ, много ли потерялъ Крымъ въ 1783 г. послѣ эмиграціи 300 тысячъ татаръ, живущихъ въ убогихъ землянкахъ и преимущественно промышляющихъ скотоводствомъ, мы утвердительно можемъ отвѣчать, что выходъ такой массы народонаселенія повліялъ только на тѣ малоудобныя для жизни мѣстности, которыя заняты были вслѣдствіе тѣсноты и которыя могли только производить просо и солонцеватыя травы. На такихъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ, большей части Перекопскаго, Евпаторійскаго и отчасти Симферопольскаго уѣздовъ, могли жить люди, питающіеся *малаемъ* (просянымъ хлѣбомъ), засушеною

бараниною или *какачемъ* и пшениною шорбою, подбѣленную окисленнымъ молокомъ. Не предаваясь хлѣбопашеству—этому важнѣйшему условію сельскаго благосостоянія, народъ этотъ не могъ оказывать странѣ ни малѣйшей пользы и если имѣлъ какое-либо значеніе, то не иначе какъ рабочая сила или какъ расподитель животныхъ—и очень естественно, что выходъ ихъ былъ скорѣе утѣшеніемъ приобрѣсти болѣе трудолюбивыхъ оратаевъ, чѣмъ болѣзнованіемъ; если же оплакивался, такъ тѣми, на чьихъ земляхъ обиталъ этотъ народъ, кто сбывалъ имъ выгодно различныя турецкія одѣянія и тѣ бездѣлушки, въ которыхъ нуждается житель голыхъ степей; отдаленные же землевладѣльцы скорбѣли только о томъ, что эмигранты уводили съ собою самыхъ лучшихъ лошадей, составляющихъ единственное украшеніе степныхъ частей Крыма.

Мы сказали, что при первой эмиграціи выступило изъ Тавриды 300 тысячъ татаръ. Сумароковъ, прибывшій въ Крымъ 20 лѣтъ спустя послѣ этого событія, засталъ въ немъ еще около 188 тысячъ мусульманъ. Число это къ 1859 году уже возросло до 295 тысячъ, т. е. до цифры, которая, принимая въ расчетъ и христіанское населеніе, съ избыткомъ занимала болѣе или менѣе удобныя мѣстности Таврической губерніи. Въ теченіе этого періода татары, свободно исповѣдывающіе свою религію и пользуясь одинаковыми съ нами правами, казалось, совершенно не имѣли повода помышлять о вторичной эмиграціи. Можетъ быть, идея эта и не посѣтила бы ихъ, еслибъ не Крымская война, заставившая по-неволѣ многихъ изъ нихъ переселиться въ Турцію. Вотъ какъ началось дѣло: предварительно высадки непріятельскихъ войскъ, къ намъ начали являться изъ Константинополя давно бѣжавшіе туда отъ преслѣдованій правительства татары съ различными фирманами, призывающими всѣхъ правовѣрныхъ соединиться подъ *санджакъ-шерифъ* *), чтобы поработить все болѣе и болѣе усиливающихся московитовъ. Естественно, что въ фирманахъ этихъ приведены были самыя сильныя фразы изъ Корана, обязывающія чтущихъ святую книгу, безъ разсужденія подчиняться требованіямъ султана, представляющаго самого Магомета, въ качествѣ Калифа меккскаго храма. Посланія эти принимались съ благого-

---

*) Народное знамя. По разсказамъ грековъ санджакъ-шерифъ есть панталонъ Фадме, любимой дочери Магомета, но по турецкимъ источникамъ, это то знамя съ чернымъ орломъ, которое было при Магометѣ.

вѣнїемъ, въ особенности татарскимъ духовенствомъ, и сильно дѣйствовали на тотъ классъ народа, который, обитая на чужихъ земляхъ, дѣйствительно, бѣдствовалъ, во-первыхъ, отъ натяжекъ помѣщиковъ и, наконецъ, отъ безчисленнаго множества начальствующихъ лицъ, которыя, безпрестанно посѣщая поселенія ихъ, кормились и ѣздили на ихъ счетъ. Вскорѣ затѣмъ высадились турки въ Евпаторіи и самоуправно начали распорядиться въ городѣ. Татары, видя, что мы не рѣшились сопротивляться имъ, въ полномъ убѣжденіи, что едновѣрцы ихъ такимъ же легкимъ образомъ займутъ весь полуостровъ, толпами начали переселяться въ Евпаторію и содѣйствовать къ укрѣпленію города. Однако, когда подоспѣли наши войска и закрыли бѣглецамъ выходъ, имъ не оставалось другаго средства кромѣ смерти отъ голода и холода или выѣзда съ семействами въ турецкія владѣнія. Рѣшившись на послѣднее, они положили основаніе началу второй эмиграціи, такъ сильно повліявшей на экономическое развитіе нашего сельскаго хозяйства. Подобное событіе совершилось и въ южной оконечности Крыма и именно въ Байдарской долинѣ съ окрестными поселеніями, большинствомъ занятыми непріятелями. Насильственный выходъ татаръ съ этихъ двухъ противоположныхъ густо-населенныхъ мѣстностей важенъ былъ въ томъ отношеніи, что эмигранты, тоскуя объ оставшихся родственникахъ и друзьяхъ, уже сами употребляли всевозможныя усилія сманить ихъ къ себѣ. Дѣйствія эти не прекращались до тѣхъ поръ,¹⁾ пока не ознаменовались полнымъ успѣхомъ. Всему этому мы и сами отчасти помогали слѣдующимъ образомъ: наши земскіе полицейскіе чиновники, считая всѣхъ татаръ за враговъ отечества, при каждомъ удобномъ случаѣ ожесточали ихъ упреками и угрозами, а всѣхъ тѣхъ, у кого находили прадѣдовскія нигде негодныя оружія, арестовывали и ссылали совершенно безвинно въ Курскую губернію. Мнѣ самому не однажды случалось видѣть въ симферопольской тюрьмѣ 70-лѣтнихъ, едва движущихся татаръ и малолѣтнихъ дѣтей ихъ въ оковахъ, будто-бы скрывающихъ оружіе, съ цѣлью употребить его противъ насъ. Грустно подумать, что можетъ быть и до настоящаго времени томятся въ изгнаніи подобные люди!

Къ этому слѣдуетъ добавить, что въ 1859 г. появились первые рескрипты объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, какъ предвѣстники свободы. Въ Крыму крѣпостныхъ съ дворовыми было не болѣе 2 т. душъ. Въ это время нѣкоторые помѣщики

начали заявлять о необходимости улучшения быта и татаръ, терпѣвшихъ отъ землевладѣльцевъ притѣсненія. Когда вопросы эти перенесены были въ собраніе дворянъ, неуступчивые мурзы пустили въ ходъ другаго рода слухи въ родѣ того, что и ихъ хотятъ сдѣлать крѣпостными. Одновременно заговорили и о томъ, что Кавказскіе ногайцы получили уже разрѣшеніе на выходъ въ Турцію. Слухи эти какъ бы нарочно подкрѣплялись циркулярами на имя волостныхъ и сельскихъ правленій о выдачѣ паспортовъ желающимъ идти въ Мекку на поклоненіе и въ нихъ выражалось, что удаленіе татаръ изъ Крыма желательно высшему правительству. Полиція въ излишнемъ усердіи начала даже допрашивать желающихъ выселиться и заблаговременно составляла имъ списки. Прошенія о выдачѣ паспортовъ немедленно удовлетворялись, чему способствовалъ командированный въ Крымъ нарочно чиновникъ министерства государственныхъ имуществъ. Всѣ власти день и ночь трудились надъ выдачею удостовѣреній и паспортовъ за приличное, конечно, вознагражденіе, руководствуясь приказомъ удостоивать ими только честныхъ, а всѣхъ, опозоренныхъ судомъ, оставлять въ странѣ. Съ татарами уходили и русскіе крѣпостные переодѣтыми. Отъ дѣятельности этой нѣкоторые чиновники брали до 50 т. руб. Къ счастью подоспѣлъ по Высочайшему повелѣнію генераль-адъютантъ князь Васильчиковъ и моментально остановилъ, Богъ вѣсть, на чемъ основанное стремленіе администраціи очистить Крымъ отъ незамѣнимыхъ татаръ.

Кромѣ всего сказаннаго второй эмиграціи чрезвычайно много содѣйствовали въ сѣверной части губерніи два отважныхъ эфенди послѣ возвращенія изъ Мекки чрезъ Константинополь. Они увѣрили ногайцевъ, что правительство наше постановило переселить ихъ въ отдаленныя сѣверныя губерніи и насильственно обратитъ въ христіанскую вѣру. Слухъ этотъ, какъ дѣйствительность, перенесенъ былъ на полуостровъ и возбудилъ въ фанатикахъ рѣшительность: сотни поселеній выслали въ губернской городъ депутатовъ съ требованіемъ паспортовъ на выѣздъ въ Турцію. Губернское начальство вмѣсто того, чтобы грозно отклонить волненіе и строго изслѣдовать причины возстанія, поощрило его, Богъ вѣсть на основаніи какихъ данныхъ. Между тѣмъ, когда мысль о переселеніи овладѣла совершенно всѣми татарами, тогда только мѣстный начальникъ началъ развѣзжать по деревнямъ и убѣждать татаръ оставаться спокойными на мѣстахъ своихъ. Если это отчасти помогало, то другая личность, враждебная нашему

правительству и пользующаяся громаднымъ значеніемъ по происхожденію, такъ не ксати уполномоченная останавливать эмиграцію, вездѣ и всюду не только совѣтовала имъ поскорѣе убираться, но даже сама садилась на одинъ изъ частныхъ пароходовъ, пользуясь за это процентами съ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Близко знакомая мнѣ эта личность, послѣ опалы семейства своего, не смотря на то, что исповѣдовала христіанство и владѣла достаточнымъ наслѣдствомъ, вскорѣ послѣ крымской войны, отпустивъ громадную бороду и переодѣвшись въ татарскій національный костюмъ, исключительно проводила время въ средѣ татаръ, съ благоговѣніемъ смотрящихъ на потомковъ ханской крови. Что могло заставить этого образованнаго чловѣка искать дружбы и расположенности невѣжественнаго и безсильнаго народа, я до настоящаго времени не могу сообразить. Всего интереснѣе для меня было то, что онъ носилъ, по примѣру дѣдовъ, на мезинцѣ огромный ханскій перстень съ именемъ послѣдняго повелителя крымскихъ татаръ. Перстень этотъ, на который, быть можетъ, онъ надѣялся слишкомъ много, послужилъ очень непріятно: по немъ, въ Херсонѣ, куда выѣхалъ онъ на время и гдѣ внезапно умеръ, бѣднягу похоронили по магометанскому обычаю.

Передавъ главнѣйшія причины, послужившія поводомъ къ вторичной эмиграціи изъ Таврической губерніи около 200 тысячъ татаръ, мы не можемъ безъ грусти выяснить тѣ тяжкія послѣдствія, которыя еще долго и долго будутъ ощущаемы въ этомъ краѣ. Прежде всего скажемъ, что эти послѣдніе выходцы покорно и молчаливо работали для себя и помещиковъ на такихъ малоудобныхъ и почти безводныхъ степяхъ, на которыхъ до настоящаго времени никто не желаетъ поселяться, а если и пробовали селиться, то послѣ кратковременнаго бѣдствія снова переселялись. Насъ, быть можетъ, спросятъ: какимъ же образомъ могъ жить на тѣхъ мѣстахъ татаринъ? Отвѣтъ простъ: татаринъ можетъ жить безъ всякой огородной овощи и совершенно доволенъ, если имѣетъ корову, снабжающую его молокомъ, десятокъ овецъ, приносящихъ ему на одежду шерсть, нѣсколько домашней птицы; если же къ этому у него есть въ достаточномъ количествѣ самаго простаго хлѣбнаго зерна,—то онъ уже считается богачемъ, а нѣтъ—онъ и не горюетъ о послѣднемъ, потому что, съ наступленіемъ жатвы, работою добудетъ его за Перекопемъ. На зиму татаринъ степей отправляется на южный берегъ и оттуда

возвращается весною съ значительною суммою заработанныхъ денегъ. Какую бы онъ ни встрѣтилъ воду, горькую или соленую, онъ быстро привыкаетъ къ ней и ничуть не тяготится доставать ее изъ глубины нерѣдко въ 120 погонныхъ сажень. Такой человѣкъ, естественно, могъ бы жить счастливо повсюду и замѣнить его могли только такіе же неприхотливые люди. Вотъ поэтому намъ бы слѣдовало приглашать на мѣста ихъ не христіанъ, постыщихся въ теченіи полугода и столько же времени празднующихъ, а такія племена, которымъ скотоводство и ихъ личные физическія силы доставляютъ все необходимое для жизни. Степной татаринъ для насъ важенъ былъ, какъ честный и усердный работникъ, переносящій всякаго рода лишения и климатическія перемѣны, какъ трезвый и не знающій никакихъ, кромѣ двухъ годовыхъ праздниковъ и какъ человѣкъ, никогда не проматывающій безъ крайней надобности заработанной копѣйки. Онъ важенъ былъ и какъ расподитель скотоводства и какъ потребитель плодовъ и деревянныхъ издѣлій южныхъ обитателей полуострова, которыхъ снабжалъ скотомъ и заработанными на чужбинѣ деньгами. Всѣмъ извѣстно, что южнобережскіе виноградники вскапывались и ежегодно перекапывались степными татарами за ничтожныя, сравнительно съ настоящими, деньгами, и что, со времени выхода ихъ изъ Крыма, владѣльцамъ виноградниковъ не разъ приходилось платить за перекопку своихъ садовъ сумму, почти равную доходности, или оставлять ихъ безъ обработки и такимъ образомъ не только ничего не получать на затраченные капиталы, но даже рисковать совершенно потерять ихъ одиночествомъ винограднаго куста.

Выше мы сказали, что татаринъ Крымскихъ степей мало обращалъ вниманія на хлѣбопашество, но это происходило единственно потому, что онъ не надѣялся быть вознагражденнымъ за трудъ: во-первыхъ, надо было заплатить помѣщику десятину, во-вторыхъ, могъ ли онъ надѣяться на дожди, которые всегда были рѣдкостью въ степяхъ въ то именно время, когда отъ нихъ зависѣло благополучіе, и наконецъ, могъ ли онъ предполагать, что всепожирающая саранча пощадитъ его? При такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, онъ считалъ болѣе благоразумнымъ посѣять нѣсколько мѣръ самаго дешеваго хлѣбнаго зерна, чтобы не скорбѣть на случай окончательной потери его, а самому придумывать вѣрный источникъ для продовольствія, каковыми являлись сѣно, бурьяны, домашняя скотина и его сильныя рабочія руки. По-

ставьте же на эту мѣстность русскаго человѣка, который привьезъ черпать всѣ блага жизни своей изъ земли—во-первыхъ ему, какъ безпрестанно посящаемуся, необходима проточная вода для орошенія огородовъ, во-вторыхъ нужна не глинистая почва, а черноземъ, могущій принести мало-мальски самъ-десять, чтобы обезпечить его и доставить столько денегъ, сколько необходимо на прочія житейскія нужды. А такъ какъ всего этого невозможно имѣть въ степяхъ Крыма, то и немислимо заселеніе ихъ хлѣбопашцами до того времени, пока не явятся артезианскіе и подвижныя колодцы или не рѣшится правительство, посредствомъ искусственныхъ каналовъ, провести проточныя воды отъ устьевъ Днѣпра. Тогда только удобренная почва этихъ громаднхъ площадей, окаймленныхъ моремъ, превратится въ хлѣбородныя мѣстности и покроется древесною растительностію — залогомъ будущаго благосостоянія поселенцевъ. Вотъ въ какомъ положеніи остались степные землевладѣльцы послѣ послѣдней эмиграціи татаръ; большинство изъ нихъ вынуждено было бросить на произволь судьбы свои постройки и всѣ сельскохозяйственныя принадлежности, собранныя годами, которыя, конечно, были разрушены и похищены проѣзжими и мѣстами оставшимися туземцами. Этого мало: имъ еще приходилось ежегодно вносить поземельныя деньги и въ пользу дворянскихъ собраній установленныя сборы; остальнымъ же помѣщикамъ пришлось нанмать по высокимъ цѣнамъ сторожей и кормить ихъ привознымъ хлѣбомъ. Одновременно съ этимъ остановился по всему Крыму соляной промыселъ и всѣ почти земляныя работы, исполняемыя прежде эмигрантами, исчезла звонкая монета и наступила бѣдность въ горскихъ обитателяхъ, которые, какъ сказано было раньше, сбывали имъ по выгодной цѣнѣ фрукты и деревянныя издѣлія—единственные продукты каменистыхъ мѣстностей своихъ. Событіе это не менѣе грустно отозвалось на огромное число купцовъ, затратившихъ большіе капиталы на пріобрѣтеніе товаровъ, требуемыхъ единственно татарами, на сѣдельщиковъ, башмачниковъ и тысячи другаго рода промышленниковъ, исключительно работавшихъ для обитателей степей. Очень натурально, что подобныя явленія вполнѣдствіи воспроизвели всеобщую бѣдность и нищету и заставили многихъ изъ ремесленниковъ искать насущнаго пропитанія въ странѣ, гдѣ поселились эмигранты. Все это, какъ извѣстно, совершилось вскорѣ послѣ Крымской войны и

нѣсколькихъ неурожайныхъ годовъ, значительно разорившихъ землевладѣльцевъ Крыма.

Оставшись въ такомъ безвыходномъ положеніи, мы съ жадностью бросились на присланныя правительствомъ въ ссуду землевладѣльцамъ 300 тысячъ руб., воображая, что съ деньгами легко будетъ найти людей, болѣе достойныхъ сравнительно съ татарами. Всѣ мечтали о нѣмцахъ, болгарахъ и русскихъ хлѣбопашцахъ, но никому не приходило въ голову, что въ степяхъ можетъ жить только скотоводъ, соединяющій въ себя достоинства сильнаго работника и довольствующійся ничтожными потребностями. Само правительство, стараясь по возможности скорѣе заселить наши степи, не обдумало предварительно, кѣмъ возможно будетъ замѣнить татаръ настолько по крайней мѣрѣ, чтобъ поселенцы не требовали отъ него же корму. И что же оказалось въ результатѣ? вездѣ, гдѣ образовались въ Крымскихъ степяхъ новыя поселенія, народъ до настоящаго времени переносить не рѣдко такія крайности, что вынужденъ уходить на поденныя работы; что же касается помѣщичьихъ земель, то онѣ до настоящаго времени чрезвычайно мало населены и, слѣдовательно, не приносятъ и десятой доли той доходности, какая существовала до эмиграціи татаръ. Положеніе это, сколько мы знаемъ, не измѣнится къ лучшему до того времени, пока не послѣдуетъ всеобщее обводненіе степей, или до тѣхъ поръ, пока не явятся къ намъ поселенцы одинаковыхъ наклонностей съ предшествующими обитателями. Есть люди, которые мечтаютъ, что бѣдственное состояніе Крымскихъ степей исчезнетъ съ наплывомъ иностранцевъ. Нѣтъ, по нашему никакія другія блага не сдѣлаютъ Крымскую почву производительною до тѣхъ поръ, пока она останется безъ дождей и проточныхъ водъ; если же этого нельзя дать—такъ пошлите сюда ногайцевъ или киргизовъ съ ихъ стадами—и Крымъ снова сдѣлается такимъ, какимъ былъ до Крымской войны.

Въ заключеніе намъ приходится познакомить читателя нашего съ событіями, сопровождавшими эмиграцію несчастныхъ татаръ. Признаться, я не могу безъ грусти вспомнить этого времени, напоминавшаго изгнаніе Мавровъ изъ Испаніи. Его можно выразить отчаяннымъ рыданіемъ громадной массы народонаселенія, начавшагося съ той минуты, какъ только послѣдовало разрѣшеніе Правительства на выѣздъ ихъ. Рыданія эти происходили большинствомъ на кладбищахъ и для непосвященнаго въ причины

его, могли казаться оплакиваніемъ только-что потерянныхъ близкихъ существъ, но это было ничто иное, какъ вѣчная разлука съ прахомъ предковъ, который оставлялся ими на произволь судьбы. Тѣмъ временемъ остальные заняты были истребленіемъ той части домашнихъ животныхъ, которую не могли сбыть на городскихъ рынкахъ. Коровы, волы и лучшіе бараны — все рѣзалось безпощадно, солилось въ бочкахъ или сушилось на солнцѣ. Лошади и верблюды, которыхъ не приходилось подвергать этого рода сбереженію, дарились или продавались ближайшимъ сосѣдямъ или помѣщикамъ за самыя ничтожныя деньги. Покончивши съ животными, народъ этотъ принялся упаковывать вещи, необходимыя для первоначальнаго обихода; все же остальное, какъ напр. деревянные, громоздкіе сосуды и различнаго рода сельско-хозяйственные предметы бросались безъ вниманія. Затѣмъ назначался день для выѣзда всей деревни къ ближайшему портовому городу, куда ѣздили предварительно выборные ихъ для найма парохода или парусныхъ судовъ. День этотъ былъ ужасенъ, въ особенности для помѣщиковъ, къ зданію которыхъ собирались всѣ эти люди, чтобы проститься. Прощаніе это выражалось не иначе, какъ отчаянными криками женщинъ и горькими слезами стариковъ. Затѣмъ все выступало и моментально воцарялась тишина въ селеніи, гдѣ наканунѣ еще раздавались сотни голосовъ и происходила всеобщая дѣятельность.

Выпроваживая обитавшихъ на нашей землѣ татаръ, изъ деревни Конуричи до Евпаторіи, я былъ свидѣтелемъ слѣдующихъ сценъ: какъ только обозы выступили за деревню и поровнялись съ кладбищемъ, всѣ почти взяли по горсти земли съ родственныхъ могилъ, которую тщательно завязали въ полотенца. Я очень хорошо понималъ, что дѣлалось это въ утѣшеніе души усопшихъ и какъ бы для успокоенія собственной совѣсти. Естественно, что при этомъ снова повторялись рыданія, но уже съ присовокупленіемъ проклятій всѣмъ тѣмъ, кто осмѣлится не только нарушить покойство роднаго праха, но даже поселиться на этихъ мѣстахъ. Въ дальнѣйшемъ слѣдованіи я былъ свидѣтелемъ смерти двухъ стариковъ и троихъ дѣтей, которые вывезены были изъ деревни, не смотря на ихъ предсмертныя муки. Несчастные, они преданы были погребенію, предварительно, чѣмъ остыли. Не менѣе грустно было смотрѣть на нѣсколько молодыхъ беременныхъ женщинъ, которымъ пришлось разрѣшаться на движущихся подводахъ. Ужасаясь этими возмутительными сценами, я не разъ пытался оста-

новить движеніе переселенцевъ на нѣсколько часовъ, но никто не хотѣлъ слышать объ этомъ. Дорогою мнѣ передавали нѣкоторые изъ нихъ, что теперь имъ все равно, что погибнуть, что благополучно прибыть въ неизвѣстную страну. Между тѣмъ, другіе ласкались надеждою, что турецкій султанъ ожидаетъ ихъ съ нетерпѣніемъ и приготовилъ для пріема все необходимое. Въ числѣ послѣднихъ были и такіе, которые, рассчитывая на будущія блага, запѣвали хвалебную пѣснь:

Франкестанъ ашалыкъ,	Французы славны умомъ,
Грузистанъ казиликъ,	Грузины—красотою,
Туркестанъ салтанъ ады варъ	А турки имѣютъ царственное имя.

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ я замѣтилъ, что въ это время крымскіе ногайцы питали къ туркамъ гораздо болѣе расположенности, чѣмъ къ одноплеменникамъ своимъ, обитавшимъ за Ураломъ.

Эмиграція татаръ совершилась изъ четырехъ приморскихъ городовъ, а именно: Керчи, Θεодосіи, Севастополя и Евпаторіи на частныхъ пароходахъ и парусныхъ судахъ. Тѣ, которымъ пришлось ѣхать на пароходахъ, естественно, не подверглись такимъ страданіямъ, которыя испытывали слѣдующіе на парусахъ, по волѣ вѣтровъ. Гибель послѣднихъ, преимущественно слѣдовала отъ злоупотребленія шкиперовъ, которые, изъ алчности, принимали на плохія суда свои нерѣдко вдвое больше пассажировъ съ ихъ грузами соленого мяса и животныхъ шкуръ, заражающихъ воздухъ. Чтобы составить вѣрное понятіе о переѣздѣ послѣднихъ, я долженъ передать видѣнное мною: въ 1859 году я, завѣдывая ялтинскимъ карантинномъ, увидѣлъ, что 4 судна, начиненныя громаднымъ числомъ людей, направляются въ бухту. По обязанности моей, я выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу, чтобы опросить и указать мѣсто стоянки; но каково было мое удивленіе, когда я, за 50 сажень отъ нихъ, почувствовалъ такую сильную вонь, что положительно не могъ вытерпѣть. Часъ спустя, съ судовъ этихъ съѣхали шкипера и начали умолять меня, допустить имъ свезти на берегъ, хоть на одинъ день, несчастныхъ пассажировъ ихъ, которые настолько изнемогли, что едва могутъ владѣть языкомъ. Не смотря на то, что въ это время вонь уже дошла до города и всѣ жители пришли въ волненіе оттого только, что допущено было мною такъ близко подойти судамъ,—я, дѣйствительно, убѣдившись въ отчаянномъ положеніи этихъ несчастныхъ эмигрантовъ, долженъ былъ допустить свозъ ихъ на берегъ

моря, но съ тѣмъ, чтобы, оградивъ стражею, предупредить всякаго рода сообщеніе съ мѣстнымъ народонаселеніемъ. Лишь только они были свезены, невыразимая вонь до такой степени начала распространяться по городу, что немедленно составился изъ мѣстныхъ властей комитетъ общественнаго здравія и потребовалъ отъ меня безотлагательнаго удаленія не только отъ берега, но и изъ бухты несчастныхъ людей. Обстоятельство это заставило меня на минуту призадуматься, потому что я хотѣлъ спасти тысячу человѣкъ, но въ тоже время недопустить ни малѣйшаго вреда горожанамъ. Къ удовольствію моему, мнѣ пришло на память, что Черное море принадлежитъ къ нейтральнымъ и что я не считаю себя въ правѣ запрещать иностраннымъ судамъ заходить въ наши бухты, но что касается занесенія заразы, то мною приняты противъ этого всѣ указанные закономъ средства. Этимъ отвѣтомъ я обезоружилъ внимательный комитетъ общественнаго здравія и въ тоже время продержалъ несчастныхъ татаръ, съ ихъ женами и дѣтьми, на берегу моря до тѣхъ поръ, пока они, собравшись съ новыми силами, были въ состояніи продолжать свое путешествіе. Разказъ этотъ мы привели съ единственною цѣлью познакомить читателя нашего съ тѣми ужасными муками, которымъ подвергался Крымскій татаринъ во время переѣзда своего въ Турцію; но этимъ мы не все еще сказали. Всѣмъ прибережнымъ жителямъ Крыма и въ особенности карантинному начальству очень хорошо извѣстно, что въ теченіи періода эмиграціи, ежедневно море выбрасывало по нѣсколько труповъ, которые принадлежали переселенцамъ; но сколько изъ нихъ достались въ пищу рыбамъ или занесены на противоположные берега—трудно опредѣлить. На это могутъ отвѣчать только тѣ шкипера судовъ, на долю которыхъ выпалъ жребій перевозить этихъ несчастныхъ людей. Намъ извѣстно только, что изъ числа всѣхъ татаръ, выступившихъ изъ Тавриды, прибыло въ Турцію не болѣе двухъ третей, а остальные погребены въ пучинахъ Чернаго моря. Кроме этого, мы знаемъ, что въ Турціи имъ не оказано было предполагаемаго приѣма и что они поставлены были въ такое неловкое положеніе, что готовы были возвратиться въ Крымъ пѣшкомъ, еслибъ достаточно обладали средствами. *)

---

*) Нѣкоторые изъ шкиперовъ передавали мнѣ, что въ то время, когда они подходили съ эмигрантами къ портовымъ городамъ Турціи, ихъ окружали со смѣхомъ туземцы и вмѣсто сочувствія предавались изслѣдованіямъ достоинства

Вотъ какимъ образомъ началась и окончилась эмиграція степныхъ татаръ Крымскаго полуострова. Понятно, что еслибъ мѣстная власть пообѣщала улучшить ихъ положеніе и приняла строгія мѣры для наказанія тѣхъ, кто возбуждалъ этихъ людей къ бѣгству, этого не могло бы случиться и безводныя степи Тавриды были бы по прежнему населены трудолюбивымъ работникомъ, который надѣялся только на свои руки и которому нуженъ былъ клочекъ земли, чтобы построить для семьи мазанку и привольная степь для отары овецъ и лошадей.

К О Н Е Ц Ъ .

молодыхъ женщинъ. На случай же если оказывалось много старухъ или безобразныхъ, то громко возвѣщали другъ другу: „этотъ парусъ (т. е. судно) привезъ намъ крымскіе грибы—плевать на нихъ!“ Но если оказывались красивыя лица, то кричали: крымскіе персики! крымскіе персики! пожалуйста, кто любитъ эти сладкіе и вѣжные плоды?

102

PRINCETON UNIVERSITY LIBRARY PAIR>

32101 025938802

